

Правительство Москвы
Департамент Межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей с религиозными
организациями г. Москвы
Московский Дом национальностей
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
Славянский фонд РФ
Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Образ России в славянских странах

Москва 2012

Правительство Москвы
Департамент Межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей с религиозными
организациями г. Москвы
Московский Дом национальностей
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
Славянский фонд РФ
Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем
тысячелетии
Образ России в славянских странах

Москва 2012

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В., Данченко С.И., Комаров Н.П.,
Коненкова А.К., Никифоров К.В., Созина Ю.А., Страховская И.Г.,
Узенева Е.С. (отв. редактор), Хаванова О.В., Чепелевская Т.И.

Седьмой выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Департаментом Межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с региональными организациями г. Москвы Правительства Москвы, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры.

В Российской Федерации 2012 год объявлен годом истории, поэтому очередной том ежегодника посвящен образу России в славянских странах. Историки, филологи, этнографы, философы, культурологи из России, Венгрии, Македонии, Украины, Хорватии, Черногории исследуют вопросы общности судеб и своеобразия исторического опыта славянских народов, выявляют параллели в социально-политическом и культурном развитии славянских стран, изучают проблемы языковых влияний и заимствований, славянский фольклор и диалектику национального и глобального в культуре.

ISBN 978-5-7576-0256-1

© Институт славяноведения РАН, 2012.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Образ России в славянских народах

Сборник статей

Москва 2012

Ответственный редактор *Е.С. Узенева*
Оригинал-макет – *Ю.А. Созина, В.В. Пучков*

Подписано в печать 17.05.2012.
Формат 60 х 90/16. Печ. л. 29,00.
Тираж 300 экз.

От редколлегии

Россия – неотъемлемая часть славянского мира, но в то же время, в силу своего этнического и конфессионального многообразия, географической протяженности, статуса великой державы на международной арене, она занимает особое место среди славян. В Российской Федерации 2012 год объявлен годом истории, и это дало повод посвятить очередной том ежегодника «Славянский мир в третьем тысячелетии» образу России в славянских странах. Историки, филологи, этнографы, философы, культурологи из России и Венгрии, Македонии, Украины, Хорватии, Черногории обратились к вопросам общности судеб и своеобразию исторического опыта славянских народов, выделили параллели в социально-политическом и культурном развитии славянских стран, рассмотрели проблемы языковых влияний и заимствований, описали славянский фольклор как одну из древнейших скреп коллективной памяти, показали диалектику национального и глобального в культуре.

Том открывается разделом, посвященным истории русско-славянских связей от Средних веков до конца Второй мировой войны. И.Ф. Макарова, Л.В. Мольнар и М.С. Вашенко через судьбы и взгляды своих героев – церковного писателя Г. Цамблака, педагога Я. Орлаи, политика А. Старчевича – показывают духовные предпосылки, политическую необходимость, личные мотивы интереса зарубежных славян к России. Л.И. Ивонина рассматривает, как инонациональное господство влияло на рецепцию схожих по сути реформ в Московском государстве и на Смоленщине под властью Речи Посполитой. В ряде статей (И.И. Калиганов, М.М. Фролова, П.А. Искендеров) получили освещение различные аспекты политики Российской империи на Балканах: контакты с мирным населением в ходе войн, культурная экспансия через консульские представительства, согласование взаимоисключающих интересов национальных дипломатий. Октябрьская революция и последовавшая затем вынужденная эмиграция сотен тысяч россиян открыли новую главу в истории русско-славянских связей: об этом статьи А.В. Ганина о профессиональной адаптации на чужбине российского офицерства и В.И. Косика о поиске группой так называемых младороссов третьего пути спасения России. Завершает раздел статья В.В. Марьиной о переговорах, имевших место в 1943 г. между советским руководством и чехословацкой правительственной делегацией о славянском вопросе в европейской политике.

«Длинный XIX век», ставший для народов Европейского континента временем формирования современных наций, занимает особое место в истории славянских народов, многим из которых пришлось вести борьбу за независимость и территориальную целостность. В статьях раздела «Славянские народы в эпоху создания современных наций» отмечается решающая роль гражданской активности населения в сфере создания общественно-культурных организаций и реализации просветительских инициатив на пространстве от Хорватии (И.И. Лещиловская) до Закарпатья (А. Рего). Вопрос

о роли национальной церкви как инструмента консолидации этнических и конфессиональных сообществ анализирует И.В. Чуркина. О живом отклике, который вызывала борьба поляков за реализацию национально-государственной программы далеко за пределами славянского мира, рассказывается в статье С.М. Фалькович.

В традиционном разделе ежегодника «Из истории славяноведения» представлены статья Л.П. Лаптевой к юбилею И.И. Срезневского, очерки Л.Н. Будаговой, посвященные российскому богемисту С.В. Никольскому и чешскому русисту И. Поспишилу, и исследование Е.П. Аksenовой о неосуществленном проекте создания силами русской эмиграции библиографического информационного центра.

Народы, вошедшие после окончания Второй мировой войны в Восточный блок и прошедшие в конце прошлого столетия сложный путь изживания наследия социализма, оказались предметом исследования для авторов ряда статей в разделе «Славянские страны во второй половине XX в.». А.С. Стыкалин ввел в научный оборот новые документальные свидетельства о позиции руководства Румынии в дни чехословацких событий августа 1968 г. А.Б. Едемский посвятил статью драматическим страницам в судьбе югославского диссидента М. Михайлова. Феномен болгарского диссидентского движения стал предметом исследования Е.Л. Валеовой. Заочный спор выдающихся интеллектуалов М. Кундеры и В. Гавела о судьбах чешской нации проанализирован в статье Э.Г. Задорожнюк. Деятельность оппозиции в Польше, социалистической и постсоветской, рассматривается в статьях О.Н. Майоровой и В.В. Волобуева. Динамику адаптации постсоветских сообществ Центральной Европы к политическим и социальным процессам начала XXI столетия прослеживает Н.В. Коровицына на материале социологических исследований, регулярно проводившихся в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии.

Современные литературы славянских стран – в силу их географической, исторической, духовной близости с Россией – традиционно привлекают отечественных литературоведов сочетанием высоких художественных достоинств и неповторимого регионального своеобразия. Раздел «Взаимовлияния и параллели в славянских литературах» знакомит с яркими представителями современной польской (О.В. Цыбенко) и словацкой (Л.Ф. Широкова) литератур. Здесь также вступают в заочный диалог творец и исследователь его творчества. Поэт М. Мичович обнаруживает мотивы, звучавшие в стихах правителя Черногории и самобытного поэта Петра I Негоша, в произведениях современных поэтов. Н.Д. Блудилина, в свою очередь, раскрывает перед читателем поэтический космос самого М. Мичовича.

Раздел «Современные исследования в славянском языкознании» представляет лингвистический анализ высокой книжной и народной духовной культуры на примере новых памятников хорватскоглаголической письменности из библиотек францисканских монастырей (А. Влашич-Анич), языка Кониковского евангелия (У. Гайдова), анализа антропоцентричного харак-

тера языка традиционной культуры (Т.И. Вендина) и описания карпато-балканских схождений в области мифологической лексики (М.М. Валенцова).

Бесценные крупицы знаний о прошлом разбросаны в фольклоре, живут в элементах материальной культуры. Раздел «Традиционная духовная культура славян» посвящен, прежде всего, тем этническим их группам, которые в ходе истории оказались в инонациональном окружении, подобно липованам в Румынии (С.А. Иконникова и П.А. Серин) или так называемым славянам-мусульманам в Албании (Д.С. Ермолин). Т.А. Агапкина, анализируя связанные с деревьями древние верования и обряды, подчеркивает «изофункциональность» и «синонимию» фольклора у славян.

Исследования о культурных, духовных и художественных процессах в славянском мире представлены в разделе «Славянские культуры: диалектика глобального и национального». Язык как уникальное и одновременно универсальное коммуникационное средство в пространстве современной культуры исследуют М.В. Силантьева на примере славянских философов эпохи Просвещения и И.Г. Страховская с точки зрения места языка в цивилизационных процессах. О.Ю. Робинов реконструирует сакральный смысл и художественную ценность городских некрополей в эпоху стиля ампир. А.Л. Коненкова прослеживает евангельские мотивы в малоизвестных работах советских художников второй половины XX в.

В последнем разделе тома опубликованы аналитические рецензии А.Л. Шемякина на сербскую антологию по истории сербско-русских отношений и Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской на книгу А. Загидулина о последствиях Рижского мира 1921 г. для судеб Белоруссии.

I. Образ России в славянских странах

И.Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Идея болгаро-русского братства в «Надгробном слове митрополиту Киприану» Григория Цамблака

Abstract:

Makarova I.F. *The idea of Bulgarian-Russian fraternity in Gregory Tsamblak's «Graveside oration to Metropolitan Cyprian»*

The article explores the problem of Bulgarian-Russian contacts in the early fifteenth century. It pays special attention to the interpretation of the motive of Bulgarian-Russian fraternity in Gregory Tsamblak's «Graveside oration to Metropolitan Cyprian».

Ключевые слова: Григорий Цамблак, митрополит Киприан, патриарх Евфимий, болгары, русские.

Фигура Григория Цамблака (ок. 1365–1419 ?) – представителя знатного болгаро-валашского рода Цамблаков (Цамвлахов, Цимиввлахов, Семивлахов), писателя, видного церковного и общественного деятеля средневековой Болгарии, Руси, Молдавии и Сербии – занимает значительное место в историографии отечественной и зарубежной славистики¹. Цамблак прожил бурную и творчески плодотворную жизнь. Ему приписывается авторство более 40 произведений – житий, похвальных слов, гимнографических текстов. Что касается его биографии, то большинство фактов остается к настоящему времени гипотетичными. Среди основных вех жизнедеятельности Цамблака, в отношении которых у исследователей установлен относительный консенсус, можно выделить несколько. Григорий Цамблак родился и учился в Тырново, принадлежал к кругу болгарского патриарха Евфимия. Весьма вероятно, что он присутствовал при осаде турками Тырново и падении города в 1393 г. Затем начались годы скитаний. Согласно различным версиям, Цамблак был игуменом Дечанского монастыря в Сербии, протопресвитером Патриаршей кельи в Константинополе, игуменом Плинаирского монастыря близ Константинополя, протопресвитером и проповедником Молдовлахийской церкви в Сучаве. По его собственному признанию, в 1406 г. он отправился из Молдавии на Русь по приглашению своего соотечественника митрополита всея Руси Киприана. Однако вскоре, на берегах Немана, узнав о его смерти, повернул обратно. Достоверно известно, что в 1414–1418 гг. Цамблак был активно задействован в конфликте между литовским князем Витовтом и преемником Киприана митрополитом Фотием, результатом ко-

торого стал раздел русской митрополии. В 1417 г. он возглавлял православную делегацию от Литвы, Великого Новгорода, Молдавии и Великой Орды Едигея на униатском соборе в Констанце. Вопрос о времени и месте кончины Цамблака остается в науке открытым. Однако большинство историков не видят оснований не доверять сообщению Никоновской летописи, относящей это событие к 1419 г.

Дефицит источников вынуждает исследователей исключительно бережно относиться к любой информации, способной пролить свет на любые факты из жизни Цамблака. Начиная с середины XIX в., в отечественной, а впоследствии и в болгарской историографии принято считать его родным племянником митрополита Киприана. Основания для этого дало одно из сочинений Цамблака – «Надгробное слово митрополиту Киприану» («Григория мниха и прозвитера, игумена обители Плинаирьския, надгробное иже во святых по истине Киприану, архиепископу Росийскому»)². Написано Слово было, скорее всего, около 1409 г. в Киеве или в Москве³ и произносилось, судя по тексту, в связи с годовщиной смерти Киприана (спустя 2–3 года). Что касается теории родства, то непосредственной причиной ее возникновения стало употребление в тексте терминов «брат» и «отец» в соседстве с именами митрополита Киприана и болгарского патриарха Евфимия Тырновского. Особенно вдохновляла биографов фраза – «брат беаше нашему отцу»⁴, которую они склонны были трактовать в значении указания на физическое родство между Киприаном и отцом Цамблака.

Родоначальником данной трактовки стал русский архиепископ Макарий⁵. Его точку зрения активно поддержал архимандрит Леонид, полагавший, что патриарх Евфимий и митрополит Киприан были братьями, соответственно, последний приходился Цамблаку родным дядей. В Болгарии наиболее энергично доказательством этой теории занималась Н. Дончева-Панайотова⁶. Прижилась она и в советской историографии⁷.

Между тем, еще в XIX в. ряд исследователей, среди которых можно выделить П.П. Соколова и Е.Е. Голубинского⁸, сомневались, что речь идет о родстве физическом, а не духовном. Наиболее весомый удар по теории физического родства трех иерархов-болгар нанес немецкий профессор Й. Холтхузен. В 1968 г. на VI международном конгрессе славистов он сообщил, что обнаружил источник, который лег в основу данного сочинения Цамблака, – «Надгробное слово епископу Мелетию Антиохийскому» Григория Нисского⁹. Сопоставив два произведения, Й. Холтхузен пришел к выводу, что Цамблак следовал этому литературному образцу, как в идейном, так и стилистическом отношении. Особое значение в данном случае имело наблюдение по поводу основной идеи сочинения Григория Нисского – темы духовного родства между христианскими епископами. Соответственно, употребляемые в тексте термины «отец» и «брат» априори имели иносказательный смысл.

Несмотря на, казалось бы, детальную и исчерпывающую аргументацию Й. Холтхузена, данное открытие практически не повлияло на позицию биографов Цамблака. Между тем, предложенная немецким профессором интерпретация позволяет выявить в «Надгробном слове» новую тему, оставшуюся до сих пор вне внимания исследователей. Речь идет о своеобразной трактовке Цамблаком одного из аспектов болгаро-русских связей, а именно, о попытке обоснования духовного братства народов на базе одно-временной пастырской деятельности епископов-соотечественников. В данном случае Киприана и Евфимия.

Анализ показывает, что вся композиция «Надгробного слова» строится на риторическом сопоставлении двух паств – болгарской и русской. Местоимение «мы» обозначает болгар, т.е. паству Евфимия, местоимение «вы» относится к русским, т.е. к пастве Киприана. Обыгрывая мысль Григория Нисского о тождестве вероучителя и истинного, т.е. духовного «отца» нации (которыми для болгар и русских в данном случае были иерархи-болгары), Цамблак подводит аудиторию к мысли о земной реализации высшего духовного братства между двумя народами.

По мысли автора, русская паства потеряла в лице Киприана «не учителя токмо, но и родителя», который «благодатию пресвятого духа вас (т.е. русских. – И.М.) породил, воспита же евангелием, наказа же учением отеческим, упремудри страхом господним, огради отвсюду молитвенным действием»¹⁰. Аналогичным образом Евфимий был «рождением нас (т.е. болгар – Авт.) отцем и учителем»¹¹. На основе данного тождества автором выстраивается следующая схема: Евфимий – отец, болгары – чада; Киприан – отец, русские – чада; Евфимий и Киприан – духовные братья («брат беаше нашему отцю»); следовательно, их духовные чада также являются братьями. Последняя мысль является кульминационной в Слове, это та мысль, к которой автор пытается подвести русскую аудиторию всей логикой своего повествования. В частности, он прямо пишет: «братия бо вам есмы отлучшии, понеже и отец ваш ... брат беаше нашему отцю. Сего ради егда веселяетесь вы, и мы слышащее, веселию вашему спричацахомся, и плачу вашему подобны есмы сообщници»¹².

Возникшая духовная близость двух паств закрепляется фактом принадлежности Киприана и Евфимия к одной и той же этнической общности. Цамблак специально подчеркивает, что Киприана, Евфимия и его самого «наше (т.е. болгарское. – И.М.) отечество изнесе»¹³. Напоминая русской аудитории об иноплеменном происхождении их митрополита, Цамблак преследовал, безусловно, собственные интересы, стремясь подчеркнуть свою близость к усопшему. Учитывая неопределенное положение амбициозного болгарского иерарха, это вполне естественно. Вне зависимости от того, где в 1409 г. им было произнесено «Надгробное слово» – в Киеве (во время пребывания там в 1409–1410 гг. московского митрополита Фотия) или в Москве (над гробом Киприана в Успенском соборе в отсутствие митрополита Фотия), оно прозвучало перед аудиторией хорошо знавшей покойного. Вероятно,

именно поэтому в тексте столь отчетливо прослеживаются личные мотивы. В частности, Цамблак не забывает рассказать о своей встрече с Киприаном во времена своей юности, когда «отроческий еще носяща возраст»¹⁴. По всей вероятности, имелось в виду посещение в 1379 г. митрополитом всея Руси Тырново в ходе его поездки в Константинополь. Этому эпизоду в тексте уделено довольно значительное место. Не скупится Цамблак и на комплименты русской аудитории. Вот как, например, он описал ее достоинства в отношении достоинств Киприана: «Сего бо ради вожделенен он, яко таковы сынове роди; вожделенны же и вы, яко таково сподобисте ся имети отца. Доблествен корен и чуден, но и плоди кореню достойни. Ибо яко же некий корен чуден ... той убо не дивить ся, ради же плодов своея добродетели крепость показывает»¹⁵.

История свидетельствует, что старания Цамблака понравиться бывшей пастве Киприана увенчались успехом. В Киеве его ожидала блестящая, но скандальная карьера. Состоялась она в значительной степени благодаря конфликту Витовта с Фотием, а затем стремлению князя основать в своих владениях новую православную митрополию. В 1414 г. на соборе южнорусских епископов Цамблак был выдвинут кандидатом, достойным избрания на пост литовского митрополита. В этом качестве он отправился за благословением в Константинополь. Однако вселенский патриарх Евфимий II Цамблаку не только отказал, но снял с него сан и отлучил от церкви. Под давлением Витовта поместный собор все же избрал его в ноябре 1416 г. митрополитом киевским и литовским. В Москве факт разделения русской митрополии был признан отступничеством, а имя Цамблака проклято. Его присутствие на Констанцком соборе во главе делегации православных сепаратистов не прибавило ему авторитета в глазах правоверной паствы. Тем не менее, по своей кончине Цамблак удостоился со стороны составителей Никоновской летописи весьма лестной характеристики: «Той же зимы (1419 г. — И.М.) умре Григорий митрополит Цамблак на Киеве, родом болгарин, книжен зело, изучен убо бек нижней мудрости всяцей из детства, и много писания, сотворив, остави»¹⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что мысль Цамблака о наличии исключительных братских связей между болгарами и русскими является уникальной среди памятников славянской книжности. Вместе с тем, учитывая особенности карьерного роста Цамблака в Киеве, можно предположить, что ее также можно считать первой из зафиксированных в источниках попыток обыгрывания болгаринотомы темы братства с русскими в корыстных интересах.

Примечания

¹ Среди монографических исследований можно особо отметить следующие работы: *Макарий, арх. (Булгаков)*. О Григории Цамблаке, митрополите Киевском как писателе // Известия Академии наук

по отделению русского языка и словесности. VI. Вып. 2. СПб., 1857; *Соколов П.П.* Киевский митрополит Григорий Цамблак // *Богословский вестник*. 1895. Кн. 7; *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904; *Мечев К.* Григорий Цамблак. София, 1969; *Търновска книжовна школа*. Т. 3. Григорий Цамблак. Живот и творчество. София, 1984; *Кенанов Д.* Озареният Григорий Цамблак. По материали от вилнюските ръкописни и старопечатни сборки. Велико Търново, 2000; *Дончева-Панайотова Н.* Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа XV–XVII в. Велико Търново, 2004; *Бегунов Ю.К.* Творческое наследие Григория Цамблака. Велико Търново, 2005.

² *Леонид арх.* Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприяну // *Чтения в обществе истории и древностей российских*. Кн. 1. М., 1872. С. 25–32.

³ *Дончева-Панайотова Н.* Кога и къде е написано «Похвално слово» за Киприан // *Литературна мисъл*. 1976. № 2. С. 150–155.

⁴ *Леонид арх.* Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприяну. С. 29.

⁵ *Макарий, арх. (Булгаков).* О Григории Цамблаке, митрополите Киевском как писателе. С. 97–153.

⁶ *Дончева-Панайотова Н.* По въпроса за родство между митрополит Киприан и Григорий Цамблак // *Старобългарската литература*. Вып. 3. София, 1978. С. 77–85.

⁷ Например, см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вторая половина XIV–XVI вв. Часть 1. А–К. М., 1988. С. 187–189.

⁸ *Соколов П.П.* Киевский митрополит Григорий Цамблак. С. 60; *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. М., 1900. С. 297–298.

⁹ *Holthuzen J.* Ntues zur Erklarung des Nadgrobnoe slovo von Grigoriy Camblak auf den Moskauer Metropoliton Kiprian // *Sonderdruck aus Slavistischen Studien zum VI Internationalen Slavistenkongress in Prag*, 1968. Munchen, 1968.

¹⁰ *Леонид арх.* Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприяну. С. 26.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Полное собрание русских летописей*. СПб., Т. II. 1897. С. 235.

Л.И. Ивонина
(Смоленский университет)

Шляхтянки и горожанки Смоленской земли в составе Речи Посполитой

Abstract:

Ivonina L.I. *Noble and town-dweller women in the Smolensk region in the period of Polish rule*

The article examines changes in the status of women from higher social strata in the Smolensk region during the time of Polish rule in the first half of the seventeenth century. These processes are compared – against the background of Westernization of Eastern Europe – with social practices of the neighbouring Muscovite State. The author comes to the conclusion that the elites perceived new tendencies in the sphere of law or everyday-life much easier, when those were introduced under foreign domination. On the other hand, in case of the reforms launched by the elite themselves, and especially when groups at the top were rotating permanently, such perception went less smoothly.

Ключевые слова: Смоленск, Московское государство, Речь Посполитая, вестернизация, гендер, право, обычай, брак.

Как известно, распространение западноевропейских культурных и бытовых норм и практик в Московском государстве, в том числе и среди его подданных женского пола, началось еще задолго до реформ Петра I. Так, «вестернизированные» женщины проживали в Немецкой слободе в Москве и в доме боярина Артамона Матвеева; в определенной степени вестернизированными в повседневной жизни и в политике были мать Петра Наталья Кирилловна и особенно царевна Софья, личность которой привлекла внимание историков и за пределами России¹. Тем не менее, женская эмансипация по западному образцу не принимала в России до начала XVIII в. массового характера. Но были в огромной державе особые регионы, в которых она была достаточно распространена, и к ним на полном основании можно отнести Смоленскую землю, куда вестернизация женщин пришла вместе с временным ее пребыванием под властью Польши. При этом следует заметить, что этот процесс касался, прежде всего, женщин дворянского (шляхетского) сословия и горожанок, что лишний раз подтверждает, что элита общества гораздо легче подвержена новым веяниям в культуре.

Вплоть до 90-х гг. в отечественной исторической науке в области изучения женщин, в основном, превалировали исследования этнографического характера. Некоторые аспекты жизни русской женщины освещались в работах, посвященных изучению бытовой культуры. В последнем десятилетии XX в. исследовательский ракурс в этой области изменился – «женская тема» стала развиваться в рамках гендерных исследований. Среди представителей данного направления в России можно отметить Н.Л. Пушкареву, внесшую основополагающий вклад в женскую проблематику; Л.П. Репину, в область научных интересов которой вошли вопросы методологии исторической фе-

минологии и гендерной истории; Е.С. Анпилогову, показавшую в своей недавней работе публичную жизнь женщин высших сословий на рубеже XVII–XVIII вв.² Свидетельством роста популярности данного направления становится все большее количество диссертаций, публикации новых интересных книг, появление центров гендерных исследований в Москве и других городах, на базе которых ведутся научно-исследовательские работы и проходят конференции и семинары. Тем важнее становится исследование трансформации статуса женщины в ходе взаимодействия культур посредством завоевания, что отчетливо проявилось на Смоленщине в XVII в.

Как же жили женщины Смоленска до польского завоевания? Почти так же, как и везде в Московском государстве. Я употребила слово «почти», поскольку Смоленская земля имела очень важное отличие от остальных русских земель. Ее сложно назвать пограничной территорией, для которой характерно замкнутое, консервативное и сепаратистски настроенное общество. Напротив, поскольку территория Смоленщины служила своеобразным «проходом» с Запада на Восток, Смоленск и его жители постоянно находились в динамике смены властей, и у них, если можно так сказать, выработалась «привычка» воспринимать новые реалии своей жизни. История Смоленска ясно говорит об этом. С XII в. Смоленск откололся от Киевской Руси и стал столицей независимого Великого княжества Смоленского, которое в военном отношении оказалось слабее Великого княжества Литовского и с 1395 г. перешло под его контроль. В 1508 г. на территории Смоленского наместничества было образовано воеводство. И только в 1514 г. Смоленск и прилегавшие к нему земли отвоевало Великое княжество Московское. Тем не менее, нельзя утверждать, что старые русские обычаи Смоленска подверглись заметной коррекции со стороны литовских князей. В литературе признано, что Великое княжество Литовское в культурном отношении отставало от русских княжеств и поэтому, наоборот, скорее впитывало обычаи и право соседей и даже пользовалось их языком – сначала древнерусским, а затем польским, после того, как в 1506 г. Польша и Литва объединились под одной короной и властью короля Сигизмунда I. А последний, чтобы на фоне наступления Московского княжества привлечь на свою сторону жителей Смоленска, не только подтвердил их права и привилегии, но и пожаловал дворянству новые имения и расширил земли монастырей. В состав Московского государства Смоленск вошел на равных основаниях с другими его территориями³.

Как известно, еще с XVI в. московские власти пытались урегулировать в касавшейся женщин области права соотношение закона как государственной нормы в наследовании и завещания как волеизъявления наследования. Но имущественные и наследственные права членов семьи в отношении разных по статусу владений модифицировались только на протяжении XVII–XVIII вв. Наследственные права живущих отдельно родственников бокового родства и в отношении имущества той или иной малой семьи тоже не игнорировались⁴. В процессе кодификации семейно-имущественного и завещательного права по Соборному уложению 1649 г. определялось безусловное

наследственное владение вотчинами не только сыновьями владельца, но и при их отсутствии дочерьми и их детьми. Поместья как условные владения за воинскую службу уже с 1551 г. постепенно закреплялись за семьей в собственность, наследуемую по мужской линии. В связи с необходимостью обеспечить существование матерей, жен и детей погибших служилых людей вдовы-матери и жены пожизненно получали часть поместий в прожиток. Однако в отличие от вотчин поместья еще не рассматривались семейной собственностью, тем не менее, само понятие «прожиток» становилось существенным звеном в закреплении прав семьи на поместье, так как прожиток начал выступать одной из форм наследования. Прожиток способствовал развитию личных прав на недвижимость членов семьи женского пола. Еще в первой половине XVII в. законом было утверждено личное право на недвижимость в семье за женщинами, по которому вдова и девицы распоряжались прожитком, в частности, в качестве приданого. По Соборному уложению жены и дети получали право совладения с мужьями и отцами, купленными землями; за женами утверждалось право владения вотчинами, полученными от родственников по наследству и в виде дара; они же получили полное право распоряжения своим приданым⁵.

Очень важным показателем правового статуса женщины было вступление в брак, ярко описанное иностранными путешественниками, торговыми людьми и наемниками. Оно происходило следующим образом. От жениха старательно прятали выбранную семьей невесту. «Если же кто-нибудь захочет жениться, то нужно поговорить с родителями девушки. В случае согласия на брак он посылает одного из самых верных родственников или друзей посмотреть сказанную девушку, и тот рассказывает ему о своем впечатлении, и по этому рассказу заключают соглашение, а кто нарушит обещание, платит условленную между ними сумму денег. После заключения этого договора он может пойти посмотреть свою супругу». Существовал также другой вариант подобного сватовства: молодой человек мог лишь косвенно, через «смотрительниц», осведомиться насчет внешности невесты; девица вообще не могла высказать своего мнения и отношения к происходящему, когда решалась ее судьба. «Молодым людям и девицам, – писал Адам Олеарий, – не разрешают самостоятельно знакомиться». То же отмечал в «Записках о Московии» и Сигизмунд Герберштейн⁶. Сама церемония свадьбы тоже ярко и подробно отражена в записках иностранцев. Можно привести один из примеров у Жака Маржерета: «В день свадьбы ее (невесту) отводят в церковь, закрыв лицо покрывалом, так что она не может никого видеть, и никто не видит ее лица. Затем таким же образом ее приводят и сажают за стол, и так она остается закрытой до завершения свадьбы»⁷. Интересную традицию описал и Адам Олеарий: «При женитьбах они (русские) также принимают в расчет степень кровного родства и не вступают в брак с близкими родственниками по крови, охотно избегают браков со всякими родственниками и даже не желают допустить, чтобы два брата женились на двух сестрах или чтобы вступали в брак лица, бывшие воспитанниками при крещении того же дитяти.

Они венчаются в открытых церквях с особыми церемониями и во время брака соблюдают такого рода обычаи⁸. Герберштейн по этому поводу добавлял: «В нынешние и в более поздние времена сохранился обычай: «Им (новобрачным) нужно получить благословение священника или монаха, прежде чем войти в церковь»⁹.

Но, по сути, значительных изменений в статусе русской женщины на протяжении XVII в. так и не произошло. Это касалось как повседневности, так и отношений собственности и брака. Во всех сферах деятельности по-прежнему продолжало действовать законодательство прежних лет. Что же касается следующего столетия, то здесь изменения связаны с именем Петра I, императора, чьи реформы коренным образом поменяли существующие устои общества. Только по указу 1714 г. в России женщина высших сословий получала возможность наследования всего недвижимого имущества супруга, а с 1715 г. обретала возможность самостоятельного распоряжения приданым, однако сделки совершались лишь с согласия мужа¹⁰.

К концу XVII в. повседневная жизнь знатной женщины ограничивалась исключительно семьей и домом. Общественная сфера оставалась для нее закрытой, что было обусловлено традициями патриархального уклада жизни населения Московского государства. Отношение к развлечениям, праздности было негативным, что непосредственно связано с характером византийской христианской культуры, где «святость представляла собой идеал должной, духовно одобряемой жизни, культурно поощряемого поведения», тогда как развлечения рассматривались как «антисвятость»¹¹. Свободное от домашней работы время женщина должна была проводить, следуя рекомендации: «всегда поучайтесь божественным Писанием, читайте, пойте, молитве прилежно внимайте, рукодельствуйте»¹². Специфика досуга заключалась в том, что свободное времяпрепровождение подразумевало сопряженность с конкретно-практической пользой, которая связывалась как с духовным самосовершенствованием, так и была сопряжена с полезностью в хозяйстве. Будучи изолированными в своих покоях и не имея альтернативы заниматься чем-либо другим, большую часть времени представительницы высших сословий занимали себя рукоделием, в котором достигали значительного мастерства. Так, иностранцы отмечали, что русские женщины «мастерицы вышивать по всякому узору, некоторые даже до того, что перещеголяют иных швей в шитье жемчугом, и рукоделья их вывозятся в дальние края»¹³. Но значимо то, что женское рукоделие имело эмпирическую ценность. Прядение, шитье, вышивание и украшение одежды давали возможность не только обеспечить семью необходимым, но и выход творческим способностям женщины.

В то же время, несмотря на неприятие религией праздного досуга, источники свидетельствуют о том, что в повседневной жизни женщин имели место и немногочисленные развлечения. Так, одной из дозволенных форм проведения досуга по «Домострою» считалось принятие или посещение гостей, которое предполагало беседу женщин о рукоделии и о домашнем хозяйстве. Подобные встречи были приурочены к церковным праздникам либо

таким событиям, как крестины, свадьба, при этом женщины и девушки трапезничали отдельно от мужчин. Одной из возможностей пребывания женщин в обществе являлось посещение церкви. Однако и там они чаще всего располагались отдельно от мужчин. Более того, наиболее зажиточные бояре имели свои домовые церкви, и поэтому их жены и дочери не покидали пределы дома и прилегающей к нему территории, отправляясь на службу¹⁴.

Помимо этого в сочинениях иностранных путешественников сохранилось достаточное количество описаний развлечений, посредством которых скрашивали досуг знатные женщины. Так, среди игровых форм досуга наиболее часто упоминается катание на качелях, а средством от скуки и приятным способом времяпрепровождения считалось купание, что, тем не менее, происходило вдали от посторонних глаз¹⁵. По византийской этике из всех видов развлечений особенно осуждались «песни сатанинские» и пляски, которые были «всех злее и горше», ибо пляшущая жена или невеста, разжигаемая похотью, сравнима с любовницей дьявола¹⁶.

Все это позволяет говорить о приватном характере женского досуга, что означало для представительниц высших сословий проведение свободного времени преимущественно в стенах дома, а, в конечном итоге, невозможность вхождения в социум.

Со второго десятилетия XVII в. в жизни дворянок и горожанок Смоленска многое изменилось. История Смоленска в раннее Новое время очень тесно связана с историей Речи Посполитой. Вкратце ее можно изложить так. Воспользовавшись ослаблением Русского государства в период Смутного времени, 16 сентября 1609 г. армия польского короля Сигизмунда III осадила Смоленск. Оборону города возглавлял воевода Михаил Шеин, и долгое время она была вполне успешной. Только в ночь на 3 июня 1611 г. в результате решительного штурма город был взят поляками. Защитники города заперлись в древнем (1101 года постройки) Успенском соборе, в погребах которого был устроен пороховой склад, и взорвали себя вместе с церковью. Шеин был взят в плен. Попытка отбить город в 1613–1615 гг. окончилась безрезультатно. Московское государство признало Смоленск за Речью Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. 1 февраля 1634 г. русская армия во главе с Шеиным опять осадила город, однако появление армии короля Речи Посполитой Владислава IV привело к тому, что она сама оказалась в осаде и капитулировала. А герой обороны Смоленска в 1611 г. по возвращении в Москву был обвинен в измене и казнен.

Только в 1654 г. армии царя Алексея Михайловича удалось отвоевать Смоленск. 16 августа русскими войсками был устроен штурм, оказавшийся неудачным: поляки оценивали русские потери в 7000 убитых и 15 тыс. раненых. Тем не менее, исчерпав все средства сопротивления, 23 сентября 1654 г. польский гарнизон Смоленска капитулировал, и город окончательно был возвращен Русскому государству. Юридически его присоединение закрепило Андрусовское перемирие 1667 г. и подтвердил Вечный мир 1686 г. между Русским Царством и Речью Посполитой¹⁷.

При поляках жизнь Смоленска подверглась значительной трансформации. Нельзя сказать, что поляки истребляли местных жителей, скорее многие русские дворяне сами бежали в Московское государство. Но многие остались и приспособились к новой, и в определенном роде более привлекательной, жизни. Горожане легче восприняли польскую власть, а местное дворянское население было восполнено за счет прибывшей шляхты из белорусских, украинских и прибалтийских земель. Присоединение Смоленской земли к Речи Посполитой (Смоленское воеводство стало частью Великого княжества Литовского) произошло уже после Брестской унии 1596 г. Правовое положение составлявших большинство на Смоленщине православных верующих, не перешедших в католичество или униатство, значительно ухудшилось. В 1611 г. король Сигизмунд III основал Смоленский епископат католической церкви. 4 ноября 1611 г. Смоленск получил Магдебургское право, освобождавшее его жителей от феодальных повинностей, от суда и власти воевод, старост и других государственных чиновников. С этого времени город имел двухнедельные рынки, еженедельные торги, склад товаров, баню, гостинный двор с доходами от них в свою пользу, разрешение на создание ремесленных цехов и т.д., а также и герб – «в красном поле фигура архангела Михаила». С переходом Смоленска под власть Польши Сигизмунд III «позволил» пользоваться старыми льготами «всем нынешним и будущим обывателям города», «как внутри, так и вне оного живущим», освобождая их «от всех вообще властей». Смоляне должны были подчиняться только «начальству смоленского войска и Магдебургскому праву», войту и городскому магистрату. Надо сказать, что после возвращения Смоленска в состав Российского государства (1654 г.) русские цари сохранили привилегии и льготы, неоднократно подтверждая их своими грамотами и указами¹⁸.

Изменения в жизни и правовом статусе дворян и горожан были особенно заметны на положении женщин этих социальных слоев. Что же касается крестьян, то их быт и правовое положение практически не изменились, и старые традиции сохранялись почти в неизменном виде вплоть до возвращения в русское подданство. Очень заметными были преобразования в быту. «Весь мир лицедействует», – эта цитата из Горация, предварающая вход в лондонский театр «Глобус», была своеобразным эпиграфом к культуре Нового времени. Ощущение жизни как пространства игры, свойственное барочной эпохе, требовало от человека выбора роли, которую следовало играть на сцене театра-мира. Эта роль как определяла внешние признаки человека (прическа, костюм, грим), так и диктовала социальное поведение, провоцировала возведение соответствующих декораций. В итоге она превращала жизнь человека в процесс творчества. В этот процесс творчества, пусть даже и относительно приземленный и провинциальный, окунулись и смоленские шляхтянки и горожанки.

Польская шляхта, как и русские дворяне, ценила и любила вкусный и обильный стол, горячительные напитки, злоупотребляя тем и другим. Но если при русской власти женщинам Смоленской земли пить вино и другие

спиртные напитки было предосудительно, то теперь они могли совершать возлияния вместе с мужчинами. Уровень образованности колебался весьма сильно, но латынь знали поголовно, что касалось и женщин, которые обязаны были быть приятными собеседниками мужчин и блистать остроумием. Шляхта отличалась любовью к вольности, переходившей в самоуправство, и особенно к привилегиям. Эти особенности поведения были характерны для обоих полов, распространившись и на Смоленщине. В далекие времена поместья были разбросаны, дороги были годны разве что для езды верхом, поэтому усадьбы вели замкнутую, одинокую жизнь. Любый гость, званный или случайный, был радостью для хозяина. Дружба среди шляхты того же круга завязывалась легко и быстро, после нескольких кубков вина. Затем, как правило, устраивалась пышная трапеза, которая чаще готовилась под присмотром хозяйки дома, ибо повара были лишь у богатой шляхты и магнатов. Пирывы были шумными и многолюдными, с великим множеством кушаний, не всегда, правда, высокого качества. Безудержное пьянство было неотъемлемой частью «программы», как и сабельные побоища, ибо за стол садились с оружием. Но женщины принимали участие в подобных застольях до момента «выяснения отношений» мужчин, а затем вставали из-за стола. Если же трапеза проходила «на высоте», соблюдались правила хорошего тона, то в честь женщин произносились тосты, полные изящных и не очень комплиментов¹⁹. Понятно, что и на изысканных пиршествах магнатов и королей женщины были украшением: «Соль, вино, добрая воля — банкетов приправа. И четвертая — панночка милого нрава», — как писал польский поэт XVII в. В. Коховский²⁰. Кончались застолья обычно танцами.

Во второй половине века поляки перешли, возможно, под влиянием украинцев и русских, от своего легкого пива к горилке и водке. Ее гнали домашним способом, а сортов насчитывалось около двухсот. Дурной пример злоупотребления спиртным подавал королевский двор. А между тем долгое время он считался одним из самых утонченных в Европе. Приемы гостей были пышными, обставленными замысловатым церемониалом. Например, на приеме 1646 г. в Гданьске герцогини Марии Людвиги Гонзага, прибывшей в Польшу на венчание с сыном короля Сигизмунда III Владиславом, стол был заставлен драгоценной посудой, каждое блюдо, состоявшее из нескольких кушаний, подавалось на новой скатерти и т.д.²¹.

В области брака в Смоленском воеводстве старомодные русские смотрины были заменены обручением. Помолвка могла быть расстроена, если после обручения жених отказывался от невесты, или невеста хотела остаться свободной. Причем, жених мог отказаться от нареченной, если под каким-нибудь предлогом ее не показали, не дали лично удостовериться в правильности своего выбора и решения. Невеста до свадьбы общалась с женихом, и ей также предоставлялось право расторгнуть обручение и расстроить согласованный не с нею брак.

Жизнь женщин на польской Смоленщине ярко иллюстрируют два интересных документа из Виленского (в наши дни Вильнюсского) архива.

К сожалению, оставив Смоленщину, польские власти увезли с собой и значительное количество документов, особенно правового характера.

Один интересный документ гласит, что в Смоленске возле Пятницких ворот проживала молодая и обеспеченная вдова пани Ганна Милашевская. Пан Самуил Богашевский влюбился во вдову, настойчиво ухаживал за ней и, наконец, решил взять ее в жены, после чего состоялось обручение. Финал этого сватовства заключался в судебной жалобе пани. В июне 1653 г. жених пришел в дом невесты с приятелями, они долго веселились, пили и танцевали. Под утро после ухода гостей хозяйка констатировала факт исчезновения «заручных листов» (закладных) с подписями поручителей, на которых не было никаких отметок, так что легко можно было написать любую сумму и предъявить к взысканию с невесты. Примечательно, что судебное разбирательство закончилось в пользу вдовы²².

А вот другой документ. В имении Смоленского хорунжего Яна Храповицкого в услужении его жены состояла красивая, но бедная шляхтянка Катерина Бачанка. Здесь ее повстречал богатый горожанин Новогородского воеводства Ян Бучинский, которому удалось привлечь ее внимание. Катерина согласилась выйти за Яна замуж, тем более, что свои чувства жених выражал в дорогих подарках. Обручение состоялось в 1651 г., но в следующем году Катерина неожиданно (скорее всего, по большой любви) вышла замуж за шляхтича Криштофа Слауцкого. Бывший жених не мог стерпеть обиды, но особенно жалко ему было подарков. Он потребовал их возврата, и в июне 1652 г. подал на бывшую невесту и ее мужа в Смоленский суд иск на 400 злотых с подробным перечнем всех подаренных вещей. В данном случае осталось неизвестным, в чью пользу закончился этот суд²³. Как видно из приведенных документальных историй, смоленские женщины обладали правами собственности, вели вполне самостоятельный и достаточно свободный в обществе образ жизни, соответствовавший западным образцам.

В то же время среди крестьян Смоленского воеводства по-прежнему бытовали старые брачные обряды и имел место обмен девушками между соседними деревнями, в результате чего в обычае были две свадьбы. Как правило, парень должен был жениться в 18 лет, и при этом жену ему выбирали родители²⁴.

В итоге хочется отметить, что в целом восприятие элитой новых тенденций в поведении, праве и моде при завоевании происходит куда стремительнее, нежели при внутренних реформах. Особенно этот процесс идет легче там, где верхи общества привыкли к перманентной смене власти. Петру Великому пришлось дольше и тяжелее преодолевать сопротивление русских бояр, прежде чем приучить их к западному праву и образу жизни. Хотя польское владычество продержалось на Смоленщине чуть более 40 лет, польская культура оказала громадное влияние на смоленское дворянство, которое на протяжении всего XVIII в. именовало себя «шляхетством». По воспоминаниям русского генерала Льва Энгельгардта, смоленские шляхтичи на протяжении столетия после возвращения Смоленска России предпочитали

читать польские книги и брать себе жен из Польши, а не из презираемой «России». При царице Анне Иоанновне (1730–1740) польские книги на Смоленщине были запрещены – за владение ими били кнутом и ссылали в Сибирь. Запрещены были также браки с поляками. Тем не менее, смоляне жен из «России» по-прежнему не брали, предпочитая брачные союзы в своей среде. Отец Энгельгардта в середине XVIII в. был первым, кто нарушил этот негласный запрет и женился на женщине из «России»²⁵.

Примечания

¹ Хьюз Л. Царевна Софья. М., 2001; *Bushkovitch P. Religion and Society in Russia / The Sixteenth and Seventeenth Centuries.* N.Y., Oxford, 1992.

² Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX вв.: динамика социокультурных изменений: Дис. ... док. ист. наук. М., 1997; *Она же.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М., 1997; *Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии.* М., 2002; *Репина Л.П.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6; *Она же.* Гендер в истории: проблематика и методология // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общей ред. О. Ворониной. М., 2001; *Антилогова Е.С.* Публичная жизнь женщин высших сословий на рубеже XVII–XVIII вв. Дисс. на соискание ученой степени канд.ист.наук. М., 2009.

³ Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск, 2008. С. 89–98.

⁴ Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские. М., 1999. С. 460.

⁵ Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVII веков. М., 1991. С. 121.

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 110.

⁷ Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. д.и.н. Ю.А. Лимонов. Отв. ред. д.и.н. В.И. Буганов. Перевод: Т.И. Шаскольская, Н.В. Ревуненков. М., 1982. С. 247; *Он же.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 29–30.

⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1906. С. 347–348.

⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 111.

¹⁰ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России первой половины XVIII в. Л., 1982. С. 160.

¹¹ Яковлева А.М. «Устав о жизни по правде и с чистой совестью» и проблема развлечений в России XVI–XVII вв. // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 8.

¹² Поучение Даниила, митрополита всея Руси // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева; Д.С. Лихачева. М., 1984. С. 533.

¹³ Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Эрлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 420.

- ¹⁴ Домострой. Сильвестровская редакция / Подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 1994. С. 108; *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Памятники литературы Древней Руси. Кн. II. М., 1989. С. 275–277.
- ¹⁵ *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваррента... в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом / Пер. Б. Женева и М. Семевского // Рождение империи. М., 1997. С. 226.
- ¹⁶ Книга глаголемая Измарагд, в ней же всяка оухищрения божественных писании истолковано святыми отцы Благослови отче. Первая редакция по В. А. Яковлеву // К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 66.
- ¹⁷ *Мурзакевич Н.А.* История города Смоленска. С. 105–109.
- ¹⁸ Там же. С. 110.
- ¹⁹ *Tazbir J.* Polskie przedmurze chrzescijanskiej Europy. Warszawa, 1987. S. 75–76.
- ²⁰ *Dzieło Boskie albo Pieśni Wiednia wybawionego* / Oprac. Marian Kaczmarek. Wrocław, 1983. S. 28; *Wespazjan Kochowski w kręgu kultury literackiej* / Red. Dariusz Chemperek. Lublin, 2003. S. 46.
- ²¹ *Tazbir J.* Polskie przedmurze chrzescijanskiej Europy. S. 88.
- ²² Виленский архив. Кн. № 15548. Л. 112; *Довгялло В.И.* Очерки бытовой жизни Смоленска в польскую эпоху. Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 2. Смоленск, 1911. С. 137–150.
- ²³ Виленский архив. Кн. № 15549. Л. 281; *Довгялло В.И.* Очерки бытовой жизни Смоленска в польскую эпоху. С. 137–150.
- ²⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Смоленская губерния / Сост. М. Цебриков. СПб., 1862. С. 297.
- ²⁵ *Энгельгардт Л.Н.* Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М., 1867. С. 7–12.

Медик и педагог Янош Орлай в России

Abstract:

V. Molnár L. *Medico and pedagogue János Orlay in Russia*

The article gives a short survey of the life and career of the famous pedagogue and medico János Orlay. He was born in eastern Hungary, what is now the Trans-Carpathian region of Ukraine, and contributed to the establishment of the medical care and education system in Russia. Nikolay Gogol was among Orlay's disciples in the Nezhin classical school and always demonstrated his respect to the former teacher.

Ключевые слова: русско-венгерские культурные связи, русины, Закарпатская Украина, система образования в России, Н.В. Гоголь.

Из всех медиков русинско-венгерского происхождения, попавших в Россию на рубеже XVIII–XIX веков, самую успешную карьеру сделал Янош Орлай (его русское имя – Иван Семенович Орлай). Он стал известен как секретарь Медико-хирургической Академии, лейб-медик царя Александра I и воспитатель Н.В. Гоголя¹.

О месте и времени его рождения в литературе долгое время публиковались противоречивые данные, однако, исследования Лайоша Тарди в будапештском Пиаристском архиве однозначно доказали, что Орлай родился в 1770 г., в селе Паладь, недалеко от Унгвара (Ужгорода)². О семье Орлай известно, что его предки получили дворянский титул в 1571 г. и в течение нескольких столетий пользовались старой фамилией – Карвай³. Отец Яноша, Шимон Орлай, служил офицером влашского пограничного полка. О матери известно только ее имя – Каталин Белезнай⁴.

Начальное образование Орлай получил в Мункаче (Мукачево), а среднее – в римско-католической гимназии Унгвара. Там он учился с 1782 г., а позже, с 1785 г. – в Надькаройе⁵. В 1787 г. поступил на филологический факультет Надьварадской Академии (ныне г. Орадеа, Румыния)⁶, с 1788 г. продолжал учебу на факультете теологии Лембергского (Львовского) университета, где экспериментальную физику преподавал профессор Игнац Мартиноич (1755–1795), ставший позже руководителем движения якобинцев в Венгрии. Историю и классические языки читал профессор Игнац Аузел Фесслер, который в своих мемуарах упоминает Орлай, как одного из трех лучших студентов университета⁷.

27 августа 1789 г. молодой Орлай вступил в Пеште в Орден пиаристов и с осени того же года продолжил учебу в институте теологии города Эгер⁸. После окончания учебы, в 1789–90 учебном году, он начал работать преподавателем пиаристской гимназии в Надькаройе (ныне г. Карей, Румыния), где читал историю, географию, греческий и латинский языки⁹.

Орлай провел в этой гимназии всего год. В 1790 г. он попросил своего перевода в одну из светских гимназий, но заседание Наместнического сове-

та 25 августа того же года отклонило эту просьбу¹⁰. После этого он принял участие в конкурсе на должность преподавателя Пештского университета, однако и эта его попытка была безуспешна, так как его не считали подготовленным на должность адъюнкта¹¹.

Разумеется, эти неудачи очень огорчили Орлаи, который зимой 1790–1791 гг. сделал решительный шаг и, по всей вероятности, с помощью русского посольства в Вене выехал в Россию. В столицу России он прибыл 8 марта 1791 г., где с мая месяца стал стипендиатом медико-хирургического училища и в то же время стажером петербургского военного госпиталя¹². С начала следующего года он учился уже за собственный счет и жил на средства, заработанные в госпитале¹³. В это время Янош Орлаи принял фамилию Орлова, которой пользовался, согласно источникам, до 1797 г., после чего в документах значится его настоящая фамилия.

Экзамены врача Орлаи сдал 14 февраля 1793 г., оставаясь и после этого в военном госпитале¹⁴. 24 сентября того же года он был назначен помощником ученого секретаря Медицинской коллегии¹⁵. Орлаи исполнял эту должность с таким энтузиазмом и настолько добросовестно, что вскоре обратил на себя внимание придворного лекаря императрицы – Якоба Виллье. Благодаря ходатайству последнего 31 июля 1794 г. Орлаи был направлен в знаменитый венский хирургический институт Йозефинум «для усовершенствования в медико-хирургических науках»¹⁶. Здесь он обучался с примерным усердием, но у него оставалось время и на то, чтобы принимать участие в общественной и культурной жизни венгров, обучавшихся и работавших в Вене. В это время он познакомился с Деметером Гёрогом¹⁷ и Шамуэлом Керекешем, редакторами издаваемого на венгерском языке журнала «Hadi és Más Nevezetes Történetek» («Военные события и другие примечательные истории»), Михаем Тертиной, издателем из Пожони (ныне г. Братислава, Словакия), известным своими антиклерикальными взглядами, а также с Лайошем Шедиусом (1768–1847), ставшим позже профессором литературы и эстетики Пештского университета¹⁸, Михаем Балудянским (1769–1847)¹⁹ и др. Знакомства с этими людьми Орлаи поддерживал и в дальнейшем. Этим в значительной мере и объясняется то, что позже ему удалось расположить к себе многих видных венгерских педагогов и ученых и способствовать их переселению в Россию.

Отличную подготовку Орлаи доказывает тот факт, что во время его поездки из Вены в Йенский университет Общество естествознания («Naturforschende Gesellschaft») «в знак уважения способностей к естественным наукам» избрало его почетным членом²⁰. 19 июля 1797 г., после трех лет учебы за границей, Орлаи, «возвратившись в Россию, занял прежнее место помощника ученого секретаря Медицинской коллегии»²¹. В сентябре того же года, сохранив этот пост, он был назначен лекарем Семеновского гвардейского полка²², но оставался на этой должности только до сентября 1799 г., а потом был уволен по собственному желанию²³. Вслед за этим, с 19 октября, он стал ведущим лекарем петербургского государственного почтамта, а с 9 марта

1800 г. получил звание придворного лекаря – гофхирурга²⁴, что положило начало его серьезной карьере в России. С этого времени также начинается его научно-публикаторская деятельность и работа в редакции журнала «Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii» («Медико-хирургическое обозрение Российской империи»).

Когда в марте 1801 г. император Павел I стал жертвой переворота, Янош Орлаи дежурил возле убитого государя, за что Александр I вознаграждал его суммой в тысячу рублей²⁵. Новый император, а также несколько его сторонников (среди них великий князь Константин и граф Н.Н. Новосильцев) относились к деятельности Орлаи с особым вниманием. Этим объясняется то, что 2 апреля 1802 г. он был удостоен почетного звания надворного советника²⁶.

С начала 1800 г. Орлаи прилагает все силы для переселения в Россию венгерских педагогов и ученых, в большинстве случаев славянского происхождения – для поступления их на государственную службу. 5 марта 1803 г. он передает всесильному приближенному Александра I графу Новосильцеву подробную записку, в которой предлагалось пригласить в Россию Петра Лоди, Михая Балудянского, Ласло Кукольника, Деметера Гёрога, профессора логики из города Печ Михая Владимира, юриста из Пешта Андраша Петрашевича, сербского ученого Атанаса Стойковича и др., с указанием, что вышеназванные лица с удовольствием готовы поступить на русскую государственную службу²⁷. По всей вероятности, Орлаи получил разрешение для выполнения своего плана. В последующие годы целый ряд специалистов венгерского происхождения действительно прибыли в Петербург и в новооткрытые российские университеты (среди них Балудянский, Лоди, Кукольник, Стойкович, Коритары, Фесслер).

В письмах того времени Орлаи описывает преимущества для тех, кто избрал Россию второй родиной. Лучшим примером этого является его письмо Михаю Балудянскому, опубликованное в журнале «Zeitschrift von und für Ungarn», выходявшем под редакцией Лайоша Шедиуса: «Профессора кафедр отдельных университетов пользуются в России такими льготами, каких нет нигде в мире, поэтому не удивительно, что за русские кафедры конкурирует большое число немецких, английских и французских ученых. В связи с этими конкурентами я думал о Тебе, известном человеке, о ком знаю, что он является знатоком политических наук и знаком с русским языком. Если очень престижная кафедра политических наук Тебя устраивает, я ее предлагаю Тебе, ибо считаю, что лучше занять эту должность, имеющую столько преимуществ, венграм, чем каким-либо чужим...»²⁸.

С 1804 г. Орлаи избрали членом целого ряда русских и зарубежных научных обществ, как ученого широкого профиля, достигшего больших результатов не только в медицине, но и в минералогии, ботанике, археологии и исследовании прародины венгров. 15 октября 1804 г. он стал членом Общества соревнования медицинских и физических наук (председателем которого в то время был венгр Ференц Керестури)²⁹. 15 ноября 1805 г. его избрало в свои

члены Общества ботаников Альтенбурга³⁰. 7 марта 1805 г. он достиг значительного признания на медицинском поприще, ибо в это время Александр I назначил его первым заместителем лейб-медика, барона Виллье³¹.

Следующий год тоже принес Орлаи целый ряд признаний. 6 июля 1806 г. был удостоен диплома доктора естествознания Кёнигсбергского университета³². 20 октября того же года его избрали доктором медицины и хирургии Дерптского / Юрьевского (ныне Тартусского) университета – на основании диссертации под названием «Инаугуральная диссертация, содержащая краткую историю учения о целебных силах природы, доказательства, требования», которая в следующем году была опубликована³³. Эта работа Орлаи посвящена проблематике патологии, физическим действиям здорового организма, механизму возникновения болезней и патологических процессов, а также «целебным силам природы» (*vis naturae medicatrix*). В ней были использованы результаты исследований Фридриха Хофмана (1660–1742), Албрехта Галлера (1708–1779), Даниела Георга Балка (1764–1826) и др. Автор особо высоко оценил деятельность профессора Дерптского университета Балка, который поддерживал его в написании диссертации, а готовую работу изучил с профессиональной точки зрения³⁴.

По особому разрешению государя в 1806 г. Орлаи посетил несколько европейских стран, в ходе этих поездок он познакомился и подружился с Й.В. Гёте. По его предложению Орлаи был принят в члены Минералогического общества (*Mineralogische Societät*) в Йене, что считалось знаком признания заслуг и уважения³⁵. Глубокую и сердечную дружбу этих двух ученых иллюстрирует письмо, написанное 15 августа 1806 г. в чешском городе Эгер (Хеб), адресованное королю немецкой поэзии: «Несколько раз я пытался Тебя найти, чтобы лично выразить свою благодарность за ту Твою доброту и любезность, которой ты меня удостоил в моем отсутствии, но так как Ты отсутствовал (о чем я безмерно жалею), я не мог посетить Тебя. Итак, позволь, знаменитый человек, кто был настолько внимателен и любезен ко мне, отвлечь Тебя от высоких обязанностей и выразить глубочайшую благодарность души моей. Клянусь Геркулесом, все сделаю для того, чтобы ничего не упустить из обязанностей привязанного к Тебе человека, и даже после смерти во мне будет что-то гореть из чувства благодарного воспоминания о Тебе»³⁶.

По возвращении в Россию Орлаи и далее усердно работал, исполняя свои многочисленные обязанности. Доказательством его великодушия и бескорыстия является тот факт, что в 1807 г. он подарил свою орнитологическую коллекцию Петербургскому высшему педагогическому училищу, за что император наградил его бриллиантовым перстнем³⁷.

Доброта Орлаи и его готовность помочь были известны и среди его друзей-венгров, о чем свидетельствует письмо Лайоша Шедиуса, написанное ему летом 1807 г. В этом письме Шедиус просит помощи и поддержки для двух венгерских путешественников: Йозефа Суппа – типографа и Имре Бабича – казначейского чиновника: «...ничего больше не желаю так, как Твоей помощи

в моих стремлениях помочь венграм, едущим в Россию; ведь Твоей душой, любовь которой к своей родине и доброжелательность к соотечественникам все мы с уважением наблюдаем, тоже руководят эти стремления. Эти строки передадут Тебе господра Супп и Бабич..., которые отважились на эту длинную и тяжелую дорогу с личными целями, но в первую очередь для изучения России, а в особенности Петербурга. Ни один из них не является недостойным Твоего внимания и доброжелательности, которые помогают и поддерживают всех граждан, желающих прославить свою родину»³⁸.

Год 1808 приносит Орлаи новый значительный успех – 27 августа его избрали секретарем Медико-хирургической Академии (наследницы Медицинской коллегии)³⁹. В этой должности он сыграл значительную роль в редактировании масштабного труда по фармацевтике («Pharmacopoea castrensis Ruthenica»). Можно предположить, что в знак заслуг на этом поприще 9 января 1808 г. он получил звание коллежского асессора⁴⁰.

В эти годы, помимо научной и организационной деятельности, Орлаи принимал активное участие в собраниях петербургской масонской ложи, членами которой – кроме ведущих личностей русской политической и культурной жизни – были прибывшие из Венгрии Петер Лоди, Игнац Аурел Фесслер, Ференц Добша, Фридеш Хауэншилд (бывший учитель Пушкина в Царскосельском лицее)⁴¹. В 1809 г. была опубликована работа Орлаи «Похвальная речь в честь высшей власти России, прославленной возвышением наук»⁴², которая прозвучала на открытии Медико-хирургической Академии в приветствие царя Александра I, лично появившегося на церемонии. Эта речь прославляла правителя России как великого мецената академии и всего дела просвещения, щедрость которого сравнивалась с Птолемеевской и подержкой наук Петром I и Екатериной II. Автор славит заслуги Александра I в создании учебных заведений, в особенности научных университетов, заслуги, за которые его по праву считают добродетелем наук, искусств и молодежи.

В мае 1809 г. Орлаи избрали членом Русского историко-археологического общества, в том же году он – в признание его выдающейся деятельности – был награжден Орденом св. Владимира. А когда в 1810 г. Орлаи отправился в следующую зарубежную поездку, его избрало своим членом Медицинское общество Эрлангена⁴³.

С 1811 г. Орлаи занимал влиятельное место в редакции «Всеобщего журнала врачебной науки». В этой деятельности был некоторый перерыв, так как во время Отечественной войны против Наполеона в 1812 г. он попросил своего перевода в петербургский военный госпиталь, чтобы принять активное участие в уходе за ранеными. За эту работу 20 марта 1814 г. он был награжден Орденом св. Анны II степени и бронзовой медалью Отечественной войны⁴⁴. Щедрость его души иллюстрирует и то, что в том же 1814 г., Орлаи подарил бесценные рукописи по истории медицины Обществу по соревнованию медицинских и физических наук. 14 октября 1816 г. за этот поступок он был удостоен титула государственного советника, что в то время было наивысшим признанием⁴⁵.

Таким образом, Орлаи достиг вершины своей карьеры и творчества, после чего произошли резкие изменения. Его здоровье было подорвано непривычным влажным и ветреным климатом. Организм ученого слабел, и выполнение ответственной работы на серьезных постах становилось для него все труднее.

В личной жизни его тоже постигли неудачи, которые привели почти к полному банкротству. Причиной этого был тот случай, когда Орлаи одолжил все свое состояние, накопленное в течение долгих лет, своему другу, князю Ивану Мещерскому, ставшему неплатежеспособным должником. Этот удар вызвал большое душевное потрясение, вследствие чего Орлаи попросил освободить его от обязанностей секретаря Медико-хирургической академии. Его прошение было принято государем весной 1817 г. Одновременно было определено его годовое жалование в сумме 2000 рублей. В признание его высоких профессиональных заслуг 17 июня того же года Медико-хирургическая академия избрала Яноша Орлаи почетным членом⁴⁶.

Когда состояние здоровья Орлаи немного улучшилось, он попросил в письмах к барону Виллье и министру направить его на службу в любой из городов Южной России, где климат был более благоприятный. Эта просьба нашла положительный отклик уже осенью 1817 г., и с помощью своих влиятельных друзей Орлаи был назначен руководителем Нежинской гимназии – одного из старейших учебных заведений России. Одновременно он получил здесь и должность лекаря⁴⁷.

Деятельность Орлаи в Нежине повлияла в какой-то степени даже на мировую литературу, так как ученый сыграл немаловажную роль в воспитании и формировании личности выдающегося представителя русской словесности Н.В. Гоголя. Молодой Гоголь не раз упоминал о дружеских связях с ним в письмах к своим родителям. Он писал о своем учителе с некоей насмешкой, но всегда с искренней любовью и уважением⁴⁸. Нет сомнения в том, что именно Орлаи обратил внимание юного ученика на закарпатский народ, обычаи которого писатель отразил позднее в своих произведениях, например, в рассказе «Страшная месть». Глубокая дружба профессора и студента укреплялась и тем, что имения Орлаи и семьи Гоголей были расположены под Полтавой, возле села Кибинцы, очень близко друг от друга. Этим объясняется, что нежинский директор несколько раз пользовался гостеприимством родителей Гоголя – Василия Афанасьевича и Марии Ивановны⁴⁹.

В 1819 г., в период жизни в Нежине, Орлаи вместе с Гергеєм Якшичем, тоже венгром по происхождению, совершил длительную поездку на Кавказ. В этой поездке он ставил перед собой две главные цели. Во-первых, улучшить свое здоровье, в надежде на благоприятное воздействие перемены климата. Во-вторых, исследовать прародину и происхождение языка венгров. Подробное описание его пути не сохранилось, однако в его письмах⁵⁰ (среди них есть письма, адресованные венгерскому издателю Михаю Тертина) находим подробное описание того, как он обнаружил город, носящий название Мадьяр и находящийся между рекой Терек и

Астраханью. Жителей этого города он ошибочно посчитал венграми. И хотя взгляды Орлаи нашли живой отклик в современной венгерской прессе, они, однако, не получили надлежащего признания, так как уже тогда чувствовалась их научная необоснованность.

В 1820 г. Орлаи писал о поездке на Кавказ своему другу Михаю Терти-на следующее: «Я объездил Кавказ..., и везде видел собственными глазами руины правенгров. В том месте, которое лежит между рекой Дон, Кавказскими горами и Каспийским морем, я посетил руины города, носящего название Мадьяр, он так и называется до сих пор; осмотрел реку Терек и другие места, как Моздок и Каменные шахты, называемые русскими Кубанью по сей день. В этом городе, который русские называют Кубанью, находятся очень известные шахты, потому заслуженно это место получило название “Kő-bánya”... Везде я наблюдал сходство горского населения и венгров, их танцы, их гордость, правдолюбие и крутой нрав одинаково характеризуют оба народа. Особенно похож осетинский язык на венгерский»⁵¹. Исследования лингвистов, проведенные позже, ясно показали, что радужные представления Орлаи о прародине венгров были полностью ошибочны и заслуживают внимания только как курьез в истории науки.

После возвращения из поездки на Кавказ Орлаи всю свою энергию сконцентрировал на организации и совершенствовании обучения в Нежинской гимназии. В знак признания его организаторской и педагогической деятельности 25 июля 1823 г. государь наградил его премией в сумме 3000 рублей. В следующем году он назначил Орлаи главным инспектором, в служебные дела которого входило посещение учебных заведений Ростова и Чернигова⁵².

Деятельность Орлаи в Нежинской гимназии не прошла бесследно. Она значительно подняла престиж гимназии и улучшила подготовку преподавательского состава. Всесторонне развитый человек, знаток многих наук, обладающий высокими моральными качествами, Орлаи ввел целый ряд демократических и прогрессивных изменений в руководимом им учебном заведении. Так, например, он ввел свободные дискуссии на преподавательских совещаниях и дал возможность своим коллегам подвергать критике его действия⁵³, что было просто неслыханным в то время.

В 1820 г. Орлаи составил несколько проектов реформ школьного дела в России. В одной из его педагогических работ мы читаем следующее: «Правильное воспитание молодежи означает заложение фундамента благосостояния страны. Благодаря правильному воспитанию существуют честные отцы, честные граждане, дельные чиновники. Каждый трезвомыслящий человек знает ту твердую правду, что, если бы все общественные классы были образованными и культурными..., чистая мораль и достоинство предотвратили бы преступность и стали бы постоянным препятствием столь фатальному легкомысленному образу жизни, а, исходя из этого, все классы государства могли бы радоваться мирной жизни и счастью, основанным на чистой совести... Почему должны быть исключены дети бедных родителей из

освоения морали и достоинства? Разве не нам знать, что бедность скрывает зачастую исключительные таланты? Разве наш знаменитый Ломоносов не из рыбацкой хижины поднялся на такую высоту над богатыми и знатными?»⁵⁴.

Новый император Николай I тоже высоко оценил деятельность Орлаи. На это указывает тот факт, что 15 апреля 1826 г. он сделал его действительным статским советником, а 3 декабря того же года подарил ему 3000 десятин земли. Однако Орлаи не желал больше оставаться в Нежине и попросил своего перевода в Одесский лицей Ришелье, имевший статус института. В городе на побережье Черного моря, в более благоприятных для его здоровья условиях, Орлаи занимал должность директора лицея с осени 1826 г. Журнал «Magyar Kurír» («Венгерский курьер») в 1828 г. писал: «Перед тем, как русская княжна уехала из Одессы в Санкт-Петербург, она навестила все знаменитые учреждения Одессы..., 16 сентября посетила лицей, носящий имя Ришелье, где ... ее встретили граф Витт и директор лицея Янош Орлаи, действительный государственный советник (заслуженный сын нашего отечества, из комитата Берег). Все тщательно осмотрев, Её Высочество выразило свое удовольствие графу Витту и господину Орлаи по поводу совершенной дисциплины, царящей в лицее»⁵⁵.

Орлаи руководил Одесским лицеем всего три года – 27 февраля 1829 г., в возрасте 59 лет, он внезапно скончался. Венгерская пресса сообщила о его кончине довольно быстро, уже 25 апреля⁵⁶. Связи его с венгерской научной общественностью оставались прочными до последних дней его жизни, о чем свидетельствует письмо ориенталиста и путешественника Яноша Кароя Бешше: «Господин Орлаи не дождался моего приезда; попрощался с этим миром, итак, свое письмо, привезенное из Вены, я отправляю на Елисейские поля. Очень сожалею о случившемся, говорят, у него было много записок о жителях Кавказа; достать их любым путем было бы чрезвычайно важным для истории нашего народа»⁵⁷.

О потомках и наследниках Орлаи мы знаем чрезвычайно мало. Известно только, что жена его была русской и родила ему троих сыновей (Михаила, Александра и Андрея), которые поступили на военную службу в русскую армию. По мнению исследователя прародины венгров Яноша Бешше, зафиксированному в одесских записях 1845 г.⁵⁸, они уже не владели венгерским языком.

Оценивая медицинскую и педагогическую деятельность Орлаи, необходимо отметить, что по широте своих научных знаний и прогрессивных идей он заслуживает почетное место в истории русской культуры конца XVIII – начала XIX столетия. Разносторонний ученый, ставший известным и как бескорыстный помощник венгров, поступивших на службу в России, он заслуживает того, чтобы будущие новые исследования открыли и уточнили отдельные моменты его творческого пути. Однако портрет Орлаи может стать полностью ясным только тогда, когда кому-либо из исследователей удастся найти его дневник, упомянутый Яношем Бешше, который Орлаи начал вести уже в ранней молодости. После критического анализа этого и других

источников жизненное творчество Орлаи станет достойным того, чтобы явиться предметом профессиональных исследований и исторических романов.

Перевод А. Стыкалина

Примечания

¹ О жизненном пути и научной деятельности Яноша Орлаи см. подробнее: *Tardy L. Orlay János // Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. N. 13. Budapest (далее – Вр.), 1959. 3–42. old.; Idem. Goethe barátja, Gogol nevelője // Régi feljegyzések Magyarországról. Вр., 1981. 118–126. old.; Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából. Вр., 1960. 133–163. old. (в русском переводе см.: Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 181–217); Мальнар Л.В. Русско-венгерские культурные связи (1750–1815 гг.). Йошкар-Ола, 1993. С. 46–56; (в венгерском переводе см.: V. Molnár L. Magyar-orosz kulturális kapcsolatok 1750–1815. Piliscsaba, 2000. 56–68. old.); Idem. Adalékok Orlay János oroszországi tevékenységéhez // Világtörténet. 2000. tavasz-nyár. 73–81. old.*

² *Tardy L. Op. cit. 3. old.* Историк медицины Яков Чистович считает, что Орлаи родился в Бессарабии. См.: *Чистович Я. Памятник барону Вилье. Спб., 1860. С. 13.*

³ *Horváth S. A m. kir. Országos Levéltárnak az 1886–1907. években bemutatott címeres nemeslevelek jegyzéke. Вр., 1908. 37. old.*

⁴ *Лавровский Н.А. Гимназия высших наук в Нежине. Киев, 1879. С. 143.*

⁵ *Hám J. A nagykarolyi római katolikus főgymnasium története, 1725–1895. Nagykaroly, 1896. 27. old.*

⁶ *Tardy L. Op. cit. 4. old.; Шультейс Э., Тарди Л. Указ. соч. С. 181.*

⁷ *Dr. Fessler's Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Zweite Auflage. Leipzig, 1851. S. 130.*

⁸ *Лавровский Н.А. Указ. соч. С. 144.*

⁹ *Hám J. Op. cit. 27–28. old.; Шультейс Э., Тарди Л. Указ. соч. С. 181–182; Кукольник Н.В. Лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 189.*

¹⁰ *Magyar Országos Levéltár (далее – MOL). Helytartótanácsi Levéltár. С 69. (Departamentum scholarum nationalium). Fasciculus 19. № 76. (25 августа 1790 года).*

¹¹ *MOL. С 69. Fasc. 3. N. 77. (16 ноября 1790 г.).*

¹² *Формулярный список штаблекаря Ивана Орлаи (16 марта 1800 г.) // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2–3.*

¹³ *Чистович Я. Указ. соч. С. 13.*

¹⁴ *РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 3.

¹⁷ *Molnár J. Görög Demeter // Debreceni Szemle. 1938. 35–42. old.*

¹⁸ *Dorombó K. Schedius Lajos mint német-magyar kultürközvetítő. Вр., 1933. 16–18. old.*

¹⁹ Михай Балудянский (1769–1847), более известный в России как Михаил Андреевич Балугьянский, по происхождению из Закарпатья, русин, получил образование юриста в Венском университете, позже, с 1789 г. стал преподавателем политических наук в юридической академии Надьварада. Так как в 1794–1795 гг. он оказался симпатизирующим якобинскому движению под руководством Мартиновича, за его работой власти наблюдали с подозрением. Поэтому, по

приглашению Орлай, он в 1803 г. поехал в Россию, где работал сначала преподавателем Высшего педагогического училища, позже стал ректором открытого в 1819 г. университета в Санкт-Петербурге, после чего стал государственным секретарем юстиции. Подробно о его жизни и деятельности см.: *Tardy L. Balugyánszky Mihály*. Вр., 1954; *Косачевская Е.М.* М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971.

²⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ *Чистович Я.* Памятник барону Виллье. С. 13.

²⁶ *Tardy L. Orlay János*. 11. old. – В качестве курьеза здесь напомним, что еще до получения титула придворного советника, 31 марта 1802 г., Орлай пишет графу Новосильцеву чрезвычайно лестное письмо, прося его ходатайства для получения благоволения императора. Это письмо можем считать ценным источником, ведь оно содержит детальный обзор всей деятельности Орлай в России. См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 1–4.

²⁷ Этот документ (РГАДА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 30. Л. 1–6) публикуется в: *Tardy L. Orlay János*. 11. old.

²⁸ *Zeitschrift von und für Ungarn*, 1803. Т. 1. S. 258–261. – Полностью текст письма Орлай публикуется в: *Tardy L. Balugyánszky Mihály*. 139–141. old.

²⁹ *Györy T. Magyarország orvosi bibliográfiája*. Вр., 1900. 169. old.

³⁰ В признание ботанической деятельности Орлай профессор Георг Франц Гофман в его честь назвал семейство растений «Orlaya». См.: *Hegi G. Illustrierte Mitteleuropäische Flora*. Band V/2. Wien, München, 1927. S. 1066.

³¹ *Tardy L. Orlay János*. 14. old.

³² *Ibidem*.

³³ Полное название диссертации на латинском языке: *Joannes Orlay. Dissertatio inauguralis medica sistens doctrinam de viribus naturae medicatricibus historiam brevem, expositionem, vindicias*. Dorpati, MDCCCVII.

³⁴ Краткое содержание диссертации Орлай см.: *Schultheisz E., Tardy L.* Op. cit. 140–142. old.

³⁵ *Benedek K. A jénai Ásványtani Társaság magyar tagjai*. Вр., 1942. 3–4. old. – Интересно отметить, что первым председателем этого ученого общества был венгерский граф Домокош Телеки. В этой должности за ним следовал князь Дмитрий Голицын, а с 1804 г. во главе общества стал Й.В. Гёте.

³⁶ Оригинал письма на латинском языке публикуется в: *Tardy L. Orlay János*. 35. old.; *Schultheisz E., Tardy L.* Op. cit. 157. old.

³⁷ *Tardy L. Orlay János*. 17. old.

³⁸ МТА Könyvtár Kézirattára. F. 154. Schedius Lajos levelezése. N. 29.

³⁹ *Мольнар В. Л.* Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ *Tardy L. Orlay János*. 21. old.

⁴¹ *Dr. Fessler's Rückblicke*. S. 22; *Грот Я.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 42. СПб., 1887. С. 77, 81, 161–162.

- ⁴² Оригинальное название этого латинского произведения: Joannes Orlay. Oratio in laudes Russiae principum, scientiarum promotione clarissimorum. Petropoli. MDCCCIX.
- ⁴³ Tardy L. Orlay János. 21. old.
- ⁴⁴ Ibid. 22. old.
- ⁴⁵ Ibidem. Источник оригинального документа см.: РГАДА. Ф. 733. Оп. 94. Д. 32884. Л. 6–7; Ф. 733. Оп. 78. Д. 66. Л. 3–4.
- ⁴⁶ Tardy L. Goethe barátja, Gogol nevelője. 123. old.
- ⁴⁷ Лавровский Н.А. Указ. Соч. С. 145.
- ⁴⁸ Письма Н.В. Гоголя. Спб., 1902. Т. 1. С. 14. – Молодой Гоголь пишет об Орлай в письмах № VII, XV, XXIII, XXIV, XLI, XLII, XLVII, XLVIII, XLIX, LIII.
- ⁴⁹ Гаецкий Ю. Гоголь. Биографическая повесть. М., 1954. С. 21–28. Об их дружеских отношениях говорит следующая история: однажды Гоголь, боясь наказания за свой поступок, настолько правдиво симулировал сумасшествие, что Орлай ухаживал за «больным» в течение двух недель. Когда же опасность наказания миновала, Гоголь сразу же «выздоровел». Узнав о мошенничестве, Орлай довольствовался слабым наказанием, которым «удостоил» своего богатого на фантазию ученика. См.: Кукольник Н.В. Указ. соч. С. 268.
- ⁵⁰ Переписка Орлай частично опубликована. См.: Свенцицкий И.С. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов, 1905. С. 47–62.
- ⁵¹ Krecsmarik E. A magyarság eredetéről // Uránia. 1921. N. 1. 5–10. old.
- ⁵² Лавровский Н.А. Указ. соч. С. 145.
- ⁵³ Иофанов Д. Биография Гоголя. М., 1954. С. 268–273.
- ⁵⁴ Tardy L. Orlay János. 35. old.
- ⁵⁵ V. Molnár L. Egy Puskin-kortárs magyar tudós (Orlay János) // A. Sz. Puskin. Emlékkonferencia a költő születésének 200. évfordulója alkalmából. Szerk.: Dmitrij Szemusin. Szombathely, 1999. 51. old.
- ⁵⁶ Первое извещение о кончине Орлай на венгерском языке см.: Hasznos Mulatságok, 1829. I. félév. N. 33.
- ⁵⁷ Besse J.Ch. Voyagee en Crimée, au Caucase, en Georgia, en Arménie, en Asie-Mineure et a Constantinople, en 1829 et 1830. Paris, 1838. Т. V. P. 364. О пребывании Бешше в Одессе см.: Radó G., Tardi L. Világjáró Besse János. Bp., 1963. 72–74. old.; Péter L. Magyarok Odesszában. Szeged, 1976. 7–8. old.
- ⁵⁸ Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett, 1844 és 1845. Т. II. Pest, 1851. 229. old.

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгаргах ее русских участников

Abstract:

Kaliganov I.I. *The Russian-Turkish war of 1828–1829 as reflected in the recollections of Russian veterans about Bulgaria and Bulgarians*

The article adduces new evidence on Bulgaria and her inhabitants, found in the recollections of Russian veterans of the Turkish war of 1828–1829. In the course of the war, Russians learned extensively more about the Bulgarian land, but the folk remained in many ways a puzzle. For different reasons, contacts between Russian military men and the local Bulgarian population during the war were relatively rare.

Ключевые слова: Балканы, русско-турецкая война 1828–1829 гг., Россия, Турция, Болгария, русская армия, воспоминания, имагология.

Война между Россией и Турцией в конце 20-х гг. XIX в. была практически неизбежной. Она назревала давно и была вызвана крайним раздражением турок из-за активной русской помощи восставшим в 1821 г. православному грекам. Не желая усиления на Балканах позиций России, турки наускивали на нее Персию, обещая ей поддержку в случае продолжения войны против «неверных». Турция фактически закрыла проливы Босфор и Дарданеллы для свободного прохода русских торговых судов, требовала их таможенного досмотра и установила чрезмерно высокие пошлины за транзит. Более того, в декабре 1827 г. турки объявили России «джихад», и Петербургу не оставалось ничего другого, кроме, как официально заявить 26 апреля 1828 г. о начале русско-турецкой войны¹. Австрия при этом придерживалась роли наблюдателя, намереваясь извлечь максимальную пользу в качестве посредника в будущих мирных переговорах между Турцией и Россией.

Военные действия против турок развернулись на Кавказе и Балканах. На балканском театре 95-тысячной русской армии под командованием фельдмаршала П.Х. Витгенштейна противостояли 150 тыс. турок во главе с Хуссейн-пашой. За месяц войны русские войска заняли Молдавию, Валахию и турецкие крепости по левому берегу Дуная. Далее предстояло ведение боевых действий против турок в Болгарии и продвижение далеко на юг к Константинополю с тем, чтобы вынудить турок заключить мир на выгодных для России условиях. На случай войны с турками в болгарских землях имелось два главных сценария, созданных еще в первых десятилетиях XIX в. М.И. Кутузовым (1811) и И.И. Дибичем (1819)². Согласно кутузовскому плану, военные действия против неприятеля должны были вестись силами трех корпусов: двух по 25 и одного в 10 тыс. человек. Левый из них после переправы через Дунай наносил удар по Провадии (Праводам), переваливал Балканский хребет и поворачивал на Адрианополь (Эдирне). На средний корпус возлагалась задача сковывать турецкие силы в Шумене (Шумле) и

Чалькаваке на дороге из Силистры (Силистрии) и Разграда, не давая им устремиться на выручку Адрианополу. А третий, небольшой, 10-тысячный корпус должен был имитировать угрозу нападения на Никополь с выходом к Софии, удерживая тем самым турецкие таборы в западной Болгарии.

Замысел генерала И.И. Дибича предусматривал другой сценарий. Согласно ему, русская армия после занятия весной княжеств Молдавия и Валахия переправлялась через Дунай между Измаилом и Галацом и осаждала крепость Браилов. Далее главные силы нашей армии должны были повторно форсировать Дунай в верхнем течении выше и ниже Силистры, осадить ее вместе с крепостью Русе (Рущук) и выдвинуть авангарды в Разград и Шумен. На левом фланге русская армия должна была наступать на Провадию и во взаимодействии с флотом осадить Варну. После взятия Силистры предполагалось осуществить наступление между Провадией и Шуменом, взять последний штурмом или же окружить плотным кольцом. В начале мая планировалось перевалить Балканы, а затем тремя колоннами через Селимно, Карнобат и Факи устремиться на Адрианополь и Константинополь. При этом И.И. Дибич не осмеливался докладывать русскому государю о намерении взять Адрианополь и Константинополь. В представленном им императору плане военной кампании (в котором со скрупулезностью были прописаны точные даты занятия турецких крепостей и городов) конечным рубежом атаки русских войск на юге значился Бургас. Николай I, вообще, считал, что наша армия не должна переходить Балканы, а ограничиться частичной оккупацией болгарских областей к югу от Дуная.

Имелись и другие сценарии военной кампании против турок, созданные генералами Киселевым, Витте и Довре, однако ни один из них реально не воплотился в жизнь: война внесла в планы неизбежные коррективы. В итоге подтвердилось предвидение А.В. Суворова, который еще в конце XVIII в. писал о невозможности сокрушить Османскую империю одним махом. Для этого, по мнению полководца, необходимы были две, или даже три, военные кампании³. Война 1828–1829 гг. на Балканах фактически представляла собой две кампании – из-за временного прекращения активных военных действий в зимний период.

Анализируя ход войны почти через два столетия, попытаемся выделить ее ключевые моменты: форсирование Дуная, взятие Силистры, капитуляция турецкого гарнизона Варненской крепости, двукратный приезд на Балканы императора Николая I, торжество нашего флота на Черном море, разгром турок в сражении при Кулевче, осуществление первого в истории перехода русских войск через Балканы, занятие Адрианополя и подписание мирного трактата.

Переправа русских войск через Дунай являлась задачей чрезвычайно трудной из-за буйного половодья после непрерывных весенних дождей. Добраться до твердого берега Дуная можно было только по насыпи длиной в несколько верст, соорудив ее через топи и болота. Кроме того, следовало устроить бруствер для размещения за ним артиллерийской батареи прикрытия. Ведя приготовления к переправе, турки установили на своем высоком

берегу множество орудий и стянули сюда значительные силы. По ночам бесчисленные турецкие огни словно смеялись и торжествовали над нашими позициями, находившимися в болотах и камышах. На рассвете 27 мая 1828 г. лично прибывший на Балканский театр военных действий государь со свитой отправился на оконечность насыпи. Два егерских полка из корпуса генерала Рудзевича погрузились на транспортные суда и, осыпаясь неприятельскими ядрами, устремились к турецкому берегу. Первыми к нему приблизились более легкие и быстрые лодки союзных запорожских казаков во главе с атаманом Гладким. Но кустарник и топи сильно затрудняли высадку на твердый берег, поэтому казаки, солдаты и офицеры прыгали в воду и по пояс в воде шли вперед под убийственным огнем турок. Император намеревался лично присутствовать на батарее, но генерал И.И. Дибич уговорил его занять безопасное место на возвышении в стороне, откуда Николай I и наблюдал за развитием событий. Канонерские лодки и суда Дунайской флотилии с трудом поднимались против течения, подавляя батареи турок. Достигнув вражеских позиций, русская пехота бросилась в стремительную штыковую атаку, которая и решила исход дела. Часть турок спаслась в крепости – остальные отступили по Бабадагской дороге⁴. Потери русских при переправе составили всего 112 человек убитыми и ранеными, что позволило известному немецкому историку Г. Мольтке назвать эту операцию «блистательно удавшимся и отважным мероприятием»⁵.

Гораздо труднее развивались события на правом берегу Дуная. Турецкие крепости Силистра и Шумен оказались крепкими «орешками» и оказали нашим войскам упорное сопротивление. К первой цитадели батальоны генерала Рота подступили 8 июля, обложив ее со всех сторон. Турки без промедления послали против русской пехоты 4000 своих кавалеристов, но та опрокинула их и укрепилась на близлежащих возвышениях. Сама эта крепость существовала с древнейших времен и была известна как Систр, Дристр и Доростол, повторяя название впадающей в Дунай реки Дристр, в устье которой она находится. Рядом расположена гора с высокими долинами, поросшими лесом. Силистра являлась главным городом Силистринского санджака и местом пребывания бейлербея (губернатора) и греческого митрополита. По форме Силистра напоминала сегмент круга, где хордой служил берег Дуная. Посередине располагался старый замок, обнесенный стенами и четырьмя башнями. Со стороны Дуная крепость была защищена выложенным камнем рвом и высокой набережной. В Силистре имелось 20 тыс. жителей, большую часть которых составляли турки и греки, жившие, как правило, в деревянных домах⁶. Отряд генерала Рота, насчитывавший к осени 1828 г. всего 9000 человек и имевший в своем распоряжении 28 пушек, не мог взять крепость без тяжелых осадных орудий, тем более, что турецкий гарнизон превосходил силы осаждавших почти в 2,5 раза. Поздней осенью осада была снята, и русские батальоны ушли зимовать за Дунай. Осада возобновилась 7 мая 1829 г. уже при новом главнокомандующем – энергичном генерале И.И. Дибиче, сменившем нерешительного П.Х. Витгенштейна. На

этот раз к Силистре были стянуты 30 тыс. человек, располагавших значительно большим, чем ранее, количеством пушек. Благодаря грамотному ведению саперных работ и эффективным бомбардировкам Силистра 19 июня 1829 г. была вынуждена капитулировать: в плен сдались 9300 турок, в руки русских попало 253 орудия⁷.

Более успешно складывались для русской армии события при осаде Варны. Почти сразу же после переправы через Дунай сравнительно небольшой отряд под командованием генерала Сухтелена отправился к Варне для прикрытия левого фланга русских войск. Его численность составляла всего 2,5 тыс. человек, и этого, конечно же, не хватало для взятия Варненской крепости, гарнизон которой насчитывал 15 тыс. солдат и кавалерии⁸. Турки немедленно организовали вылазку, и отряд вынужден был отступить и укрепиться на близлежащих высотах. 15 июля 1828 г. под Варну прибыла бригада генерала Ушакова, увеличив русские силы, но и они были способны лишь обороняться от турок за возведенными редутами. Кроме того, согласно предписанию, граф Сухтелен должен был идти со своим отрядом на Козлуджу. Воспользовавшись этим, турки вынудили бригаду Ушакова отступить на 15 км к северо-западу от Варны в ожидании подкрепления.

Варненский гарнизон состоял из 10 батальонов под началом Юсуф-паши, располагавшими 162 тяжелыми орудиями и мортирами. За крепкими стенами с башнями, окруженная морем, рвом и непроходимой, илистой рекой Девня Варненская крепость могла оказать достойное сопротивление «гяурам». Осада Варны началась только 24 июля – после прибытия из-под Анапы эскадры адмирала А. Грейга и высадки десанта у мыса св. Константина⁹. Николай I поручил возглавить осаду князю Меншикову, лично прибыл под Варну из-под Шумена, но 28 июля временно отплыл в Одессу. При отсутствии тяжелых осадных орудий Меншиков мог рассчитывать на успех, полагаясь, главным образом, на умелое ведение саперных работ и эффективное использование корабельной артиллерии. Такой же тактики придерживался и граф Воронцов, сменивший Меншикова после ранения. Когда император прибыл 8 сентября 1828 г. в Варну во второй раз, крепость имела совсем другой вид. Полковник Н.А. Лукьянович, вспоминая позднее, что «в Варне большая часть строений имела на себе отпечаток наших бомб и ядер, а другие превращены были в груды камней»¹⁰.

Демонтир-батареи работали с промежутками день и ночь. Линейные корабли сменяли друг друга один за другим и, развернувшись бортом к крепости, раз за разом посылали в нее очередные порции смертоносных зарядов. Часть экипажей с орудиями была снята с судов и обращена в батарейные расчеты. Гребень горы заняла русская гвардейская пехота. Но главным залогом успеха стало умелое ведение саперных работ: рытье глубоких туннелей к крепостным веркам и башням и закладывание под них мин. После взрыва одной из башен в пролом устремился отряд матросов и рота пехоты Измайловского полка. Они сумели проникнуть далеко вглубь города, но не были поддержаны другими подразделениями и отступили. Тем не менее,

в стане турок воцарилось уныние, участились случаи дезертирства. Комендант Варны Юсуф-паша был вынужден отправиться на переговоры к графу Воронцову и объявить о капитуляции. Но остававшийся в крепости другой военачальник, Калудан-паша, и слышать не хотел о капитуляции – он настаивал на праве турок покинуть город, оставив при себе личное оружие. Упорство его было сломлено после того, как по приказу Воронцова русские пехотинцы взломали ворота и стройными колоннами вошли в город. Официальная сдача Варненской крепости была подписана 29 сентября 1828 г. – 70 дней спустя после начала осады. По этому случаю в присутствии государя в окрестностях города состоялся молебен всеобщим коленопреклонением, завершившийся залпами корабельных и полевых орудий¹¹.

Для успеха в войне против турок необходимо было завоевать господство нашего флота на Черном море. С помощью военных и транспортных кораблей можно было эффективно осуществлять снабжение русской армии в Болгарии боеприпасами, амуницией, провиантом для солдат и фуражом для лошадей и волов. Суда могли быть использованы для переброски живой силы и создания численного преимущества войск в «узком» для неприятеля месте. Благодаря высадке русских десантов и захватов ими турецких гаваней на западе Черного моря можно было перерезать военные коммуникации противника, лишая гарнизоны его крепостей военной и материальной поддержки России по морю. Кроме того, черноморские эскадры имели на своем вооружении около 1000 орудий различного калибра и, при умелом сосредоточении и маневрировании судов, могли быстро подавлять артиллерию турецких приморских крепостей и принуждать их непрерывными обстрелами к капитуляции. Прекрасно понимая важность роли флота в будущих боевых действиях против Османской империи, Россия в 10–20-х годах XIX в. интенсивно вела строительство больших, средних и малых военных судов. В 1816–1828 гг. в строй было введены 11 линейных кораблей, 4 фрегата, 31 канонерская лодка и 17 других судов военного назначения¹².

Русскому флоту удалось установить господство на Черном море после взятия крепости Анапа и переброски эскадры адмирала А. Грейга на запад. В то время, как на суше зимой наступило некоторое затишье, на море развернулась ожесточенная борьба за турецкие гавани. 11 февраля 1829 г. русская эскадра во главе с контр-адмиралом Кумани снялась с Варненского рейда и отправилась к Созополю, но прибыла туда только через четыре дня, задержавшись вначале из-за наступившего штиля, а затем и густого тумана. Приблизившись к Созополю 15 февраля на расстояние выстрела, Кумани потребовал капитуляции турок, но получил отказ коменданта Халил-паши. После непрерывной ночной бомбардировки русских канонерских лодок и высадки десанта нашего флотского экипажа турецкий гарнизон выбросил белый флаг, а более 1,5 тыс. находившихся в Созополе албанцев бежали в направлении Константинополя¹³.

Но победа не всегда давалась легко: иногда турки защищали свои гавани очень упорно, нанося русским судам из своих орудий существенный

урон. Так, например, случилось во время первой попытки овладеть гаванью Анхиало. Убийственная бомбардировка 11 марта 1829 г. не принесла результата. Турки под командованием анхиальского командующего Гасан-аги не собирались сдаваться – наоборот, меткими выстрелами своих 14-ти тяжелых орудий они повредили фрегат «Рафаил» и бриг «Пегас», которые пришлось отправить на ремонт в Севастополь¹⁴. Известие о приближающемся турецком подкреплении из Константинополя заставило русских снять осаду. А воодушевившийся Гасан-ага решил отбить у «гяуров» Созополь и 28 марта пошел в наступление на редуты к югу от города силами 4000 пехотинцев и 1800 кавалеристов. Но его попытка разбилась о стойкость Камчатского и Украинского пехотных полков, которые смелой штыковой атакой заставили турок бежать. С правого фланга атакующих эффективно поддерживал артиллерийским огнем флот, поэтому потери турок (свыше 250 убитых) почти в десять раз превысили потери русских войск¹⁵.

Утрата многих гаваней на западном побережье Черного моря всерьез обеспокоила Турцию, и она значительно увеличила свой флот в Константинополе. Здесь было сосредоточено 5 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 брига, 10 брандерных судов, готовых в любой момент устремиться на выручку своим гарнизонам на болгарской земле или попытаться переломить ситуацию на Балканах в свою пользу. По суше султан направил значительные силы из Анатолии в Айтос и Бургас¹⁶. В ответ русское командование усилило наши эскадры в Варне и Созополе, послав туда линейные корабли «Императрица Мария» (84 пуш.), «Пермен» (74 пуш.), «Норд-Адлер» (74 пуш.), фрегат «Штандарт» (44 пуш.) и катер «Соловей» (10 пуш.). Позднее из Одессы пришли линейные корабли «Париж» и «Император Франц» (оба по 110 пуш.), «Иоанн Златоуст» (74 пуш.), бриг «Мингрелия» 916 пуш.), бомбардирские суда «Опыт», «Подобный», «Соперник» и «Успех». На пути из Константинополя к черноморским гаваням за возможным появлением турецкой эскадры следили бриг «Ганимед» и катер «Жаворонок». Поэтому намерение турок устремиться на помощь сразу же было пресечено. Когда пять турецких линейных кораблей и фрегатов вышли из Константинополя, навстречу им отправились флагманы «Париж» и «Императрица Мария», «Норд-Адлер», фрегат «Флора» и другие русские военные суда. И турки вынуждены были повернуть назад, ибо после сокрушительного Наваринского поражения 8 октября 1827 г. от объединенного флота Англии, России и Франции они уже избегали вступать в крупные морские сражения. Позднее, используя превосходство в силе на море, русский флот 11 и 12 июля 1829 г. захватил гавани Анхиало и Бургас¹⁷, и практически все западное побережье Черного моря перешло в руки русских.

Благоприятно разворачивались для России военные события на Балканах и на суше. Главные турецкие силы на этом театре военных действий продолжали находиться в Шумене. Назначенный великим визирем бывший капитан Решид-паша, застал здесь 10 тыс. турецких солдат регулярной армии – единственную крупную силу на севере Болгарии, способную дать бой

русским в открытом поле. В Шумене удалось сконцентрировать 25 тыс. солдат, с которыми можно было попытаться отбросить русских за Дунай и отбить Варну. В ожидании турецкого наступления войска генерала Рота возвели дополнительные укрепления в Провадии и Эски-Арнаутларе, и натолкнувшись на них две 10-тысячные колонны Решид-паши после 15-ти часового кровопролитного боя вынуждены были возвратиться в Шумен. Провалилась и последующая попытка Решид-паши перехватить инициативу путем наращивания турецкой военной силы. Присоединив к себе отряды рушукского коменданта Гуссейн-паши, он довел численность своего войска до 40 тыс. человек и вооружил его 60 орудиями. Русские же силы насчитывали всего 26 тыс. человек (44 батальона генералов Рота, Палена и Ридигера плюс 2 тыс. казаков), но превосходили турок почти в 2,5 раза по орудиям.

Решающее сражение произошло близ селения Кулевча 30 мая (11 июня) 1829 г.: попав в турецкую засаду на марше, русские войска из-за сильного картечного огня и неожиданных фланговых ударов из леса пехоты и конницы вынуждены были повернуть вспять и даже очистить селения Церковна и Кулевча. Окруженный турками батальон Муромского полка почти полностью был изрублен. Развивая успех, турки пошли в атаку на занятые русскими высоты к востоку от Кулевчи, но были встречены таким огнем, что теперь уже сами решили отступить к месту первоначальной засады. Они оборонялись очень вяло (хотя фронт наступления русских продолжал сужаться из-за усиливавшейся тесноты ущелья) и после взрыва нескольких зарядных ящиков панически бежали¹⁸. Турецкие поражения на суше и на море открывали русской армии дорогу на Адрианополь и Константинополь.

Но война 1828–1829 гг. несла в себе не только победы русского оружия, но и огорчительные поражения. Причем виной их становились не столько турки, сколько эпидемии, болезни, хроническое недоедание русских солдат, их физическое истощение. Ведение войны осложнила чума, вспыхнувшая почти сразу вслед за объявлением похода на Балканы. Отдельные случаи заболевания ею наблюдались еще до вступления войск в Дунайские княжества. В войсках, осаждавших Шумен и Варну, объявили карантин, что дало заметный положительный эффект. Но ряды русской армии косили лихорадка, кровавый понос и цинга, убыль личного состава от которых в десять раз превышала последствия заболеваний чумой. С мая 1828 по февраль 1829 гг. заболело 210 тыс. человек, из которых умер каждый седьмой¹⁹. Боевые потери русской армии в ходе военных действий – убитые в сражениях, пропавшие без вести и замерзшие от лютой стужи – составляли 40 тыс. человек, то есть всего на 10 тыс. больше, чем убыль от болезней. Людей мучила цинга, весной ею было заражено 600 человек, в пяти лазаретах находилось более 1000 больных, из которых ежедневно умирали около 20 человек²⁰. Служивший в русской армии немец из Ревеля, доктор К. Зейдлиц считал, что всего около полутысячи наших солдат и офицеров сумели избежать лихорадки. Многие заболели ею даже после возвращения в Россию и не смогли преодолеть эту, заканчивающуюся смертью, болезнь. Только

в октябре 1829 г. от «тандема» лихорадки и дизентерии скончалось 1300 человек. Раненые и больные военнослужащие находились в отвратительных условиях. Например, в адрианопольском лазарете – бывшей турецкой казарме, где его разместили, – осенью и зимой помещения не отапливались, в окнах не было стекол, по стенам струились потоки влаги, вместо одеял солдаты укрывались шинелями, подушками им служили солдатские ранцы, канализация отсутствовала, и неистребимый запах нечистот витал повсюду. Транспорт с больничным бельем, медикаментами, бинтами, повязками и теплыми полушубками прибыл только в декабре. На 5000 больных и раненых приходилось всего 28 врачей – большая их часть сама умерла от болезней²¹.

Трудность ведения войны на Балканах заключалась и в удаленности данного театра военных действий от России. Оружие, боеприпасы, амуницию и провиант для русской армии, пока под ее контроль не перешли гавани Кюстенджи, Мангалии и Каварны, приходилось перебрасывать по суше за тысячи километров при помощи лошадей, волов и даже верблюдов. Последние были очень удобным видом транспорта, поскольку в отличие от лошадей и волов были крайне неприхотливыми в еде и до десяти дней могли обходиться без воды. Кроме того, они обладали сравнительно большими копытами, которые увязали в непролазной грязи меньше конских. Что же касается лошадей, то в весеннюю, зимнюю и осеннюю распутицу они просто выбивались из сил и застывали на месте, будучи не в состоянии двигаться дальше. Поэтому нередко случалось так, что посланный с поручением верховой спуска какое-то время возвращался назад пешком с конским седлом на голове²². Выписанные из Астрахани верблюды были сущим спасением и продолжали использоваться даже после овладения турецкими портами на западе Черного моря. По морю снабжение русской армии осуществлялось в десять раз быстрее, чем по суше. Затем из болгарских гаваней к доставке грузов в захваченные турецкие крепости подключались верблюды с калмыцкими погонщиками. Путь от Варны до Шумена верблюжьи караваны преодолевали за шесть дней²³. В общей сложности на Балканах было задействовано 4 тыс. этих выносливых животных, из которых половина погибла.

Верблюды, разумеется, не могли полностью выправить положение, и снабжение все равно продолжало оставаться «ахиллесовой пятой» войны 1828–1829 гг. Один из русских офицеров вспоминал, что во второй половине октября 1828 г. все передвигавшиеся от Шумена до Силистры, начиная «от генерала до солдата были, в полном смысле голодны от совершенного недостатка продовольствия»²⁴. Солдаты часто умирали не от болезней, а от «чрезмерных трудов, понесенных... при несоответствующем содержании»²⁵. Мясо турецких волов, изредка попадавшее в солдатские котлы, не являлось «употребительным и полезным для здоровья» из-за невероятной худобы «трофейной» скотины²⁶. От недоедания и чрезмерного напряжения наши солдаты были физически истощены. У них не хватало сил нести на себе всю штатную амуницию: тяжелое ружье и сумки с патронами, шинель, ранец, мундир, манерку с водой, 20-фунтовый запас сухарей на 10 дней и другие вещи. Иногда

для облегчения поклажи солдаты выбрасывали сухари, но это не помогало: на марше они падали, будучи не в состоянии затем подняться. Они догоняли потом свой полк ночью, когда тот находился на отдыхе²⁷. Бывало и так, что солдат садился передохнуть только на минутку, но далее замирал и не реагировал на оклики – незаметно для всех отходил от мира сего. В подразделениях пехотного генерала Рудзевича исхудалые и ослабевшие лошади с трудом передвигали ноги, а «одежда, амуниция и конская упряжь были, большей частью, изношены, растрепаны, изорваны»²⁸. После наступления холодов солдаты не получили зимних панталон, больные и раненые в недавних сражениях лежали на сырой земле в пропитанных кровью бинтах.

При всем при этом русским солдатам пришлось иметь дело с очень непростым жестоком противником. В карантине, где иногда более недели томилось множество повозок (в ожидании пока их окурят дымом жженного навоза против чумы), поднимались здравицы не только за спасение от заразы, но и за сохранность собственных ушей и носов. Турки отрезали их у «гяуров», чтобы предьявить затем в Константинополе и получить обещанное султаном вознаграждение за речение в священном джихаде против неверных. В турецких кушаках отрезанные уши и носы встречались не реже, чем молитвенники у христиан. У одного из пленных при обыске вместо золотых дукатов нашли в поясе тридцать отрезанных носов. Турки часто давали волю своей необузданной жестокости, отрубая головы нашим пленным солдатам и перебрасывая их через стены осаждающим²⁹. Во время битвы при Кулевче турки сумели потеснить два наших батальона, и, когда наши солдаты ворвались на вражеские позиции, то застали неприятеля за поджариванием наших пленных вживую.

По дневникам и воспоминаниям участников войны 1828–1829 гг. можно было составить представление об исключительном разнообразии болгарского ландшафта. Генерал Купреянов писал, что после переправы через Дунай русские пехотинцы сначала передвигались по лесистой местности, но через 50 верст перед ними открылась необозримая степь, лишенная какой бы то ни было растительности. В этой степи редко встречались ручьи или «фонтанчики» – отделанные камнем по турецкому обычаю источники с торчащими из вертикальной плиты бьющими водой гусаками и небольшими каменными корытцами внизу. Изредка попадались глубокие (до 50–70 сажень в глубину) колодцы, но пить из них отравленную турками смердящую воду было нельзя. И позднее солдат постоянно мучила жажда, в селах и городках у исправных колодцев всегда толпились очереди, вспыхивали драки³⁰. Воду из них черпали солдатскими манерками, кашеварками и котлами, связывая веревки и ремни. Те часто обрывались, и за посудинами приходилось спускать солдат. Деревни по пути встречались редко, и в них нечем было разжиться. Они были абсолютно безлюдными: жители бежали в горы, и поэтому все припасы, вплоть угля для подковывания коней, приходилось везти с собой. Иногда в деревнях удавалось найти хоть какую-то провизию – ячмень, помещенный в ямах, домашнюю птицу и мед на пасеках. Домашний

скот болгары обычно уводили с собой, но волы и буйволы часто вырывались от хозяев и, оголодавшие и отощавшие, носились затем по степи, оглашая ее своим истошным ревом.

Совсем другим было побережье Добруджи: ослепительно синий цвет Черного моря напомнил К. Зейдлицу цвет Генуэзского залива³¹. На расстоянии трех верст от Балчика дорога спускалась в ущелье, заросшее диким виноградником, грушевыми, вишневыми и каштановыми деревьями. После степной, лишенной растительности, местности вид зелени приводил всех в восхищение. А живописность густых лесов по дороге в Шумен, которая поднималась из пустынного ущелья все выше и выше, вызвала настоящий восторг. «Какая роскошная природа, что за роскошные деревья, перевитые лозой и хмелем», – писал К. Зейдлиц³². Аналогичные чувства вызвала болгарская земля и у графа А.Х Бенкендорфа, сообщившего, что после Козлуджи местность становится «более приглядной, а природа более улыбающейся»³³. По его словам, болгарская земля представляет человеку «все выгоды прекрасного климата и плодородной почвы».

А полковнику А.Н. Лукьяновичу больше всего запомнились бесконечные виноградные сады, тянувшиеся почти до самой Варненской крепости. «Глаза разбегались от удивления, смотря на ветви, отягощенные крупными гроздьями белого, синего и розового винограда, самого крупного и сладкого, из коих почтается лучшим кишмиш», – не скрывал он своего восторга от увиденного³⁴. По его словам, «болгарский виноград прельщал своей красотой и сочностью наших солдат – жителей далекого Севера, имевших возможность обнаружить этот экзотический плод разве что в лавках купца Милютина». Поэтому наши солдаты, посланные на заготовку лозы для туров и фашин, набивали свои карманы до отказа сладкими виноградными гроздьями. Но виноград манил и оголодавших турецких солдат, которые, забыв об осторожности, десятками пробирались сюда тайком из крепости и становились добычей русских «секретов»³⁵.

А во время возвращения К. Зейдлица из Адрианополя на черноморское побережье ему вновь пришлось переваливать Балканы. Эта поездка напомнила доктору путешествие по Швейцарии, но разница заключалась в том, что здесь со спутниками он ночевал не в гостиницах, а в палатках, и по дороге они натыкались не на туристов, а на лежащие то тут, то там мертвые тела. Тем не менее, красота Болгарии не могла оставить К. Зейдлица равнодушной. «Балканы, – писал он, – в восточной части не так величественны, как Альпы в Швейцарии, им недостает светлых озер, горных потоков, снеговых вершин и главных человеческих существ, сел и городов»³⁶. Но они покрыты чудесными лесами: таких дубов и буков в Швейцарии, по его словам, он не видывал.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. имела своим результатом появление описаний многих болгарских городов. Об Айтосе, например, доктор К. Зейдлиц писал, что тот расположен на отлогом склоне восточного отрога Больших Балкан и что к северу от него сразу же поднимаются крутые, голые

серые утесы, которые при утреннем солнце красиво оттеняют на темной зелени деревьев низкие, плоские красные крыши и белые минареты мечетей. Для оживления картины, считал он, городу не хватает только моря или реки. Но здесь имеется много колодцев и фонтанов, вода к которым проведена очевидно, с плоской возвышенности. С нее открывается величественный вид на Айтос и на обширную долину с дорогой, вьющейся по направлению к Адрианополю. Улицы города, судя по его описанию, узкие и кривые, с проложенными по обеим их сторонам тропинками для пешеходов. На некоторых более широких улицах есть тропинки и для верховых. Окна всех домов, за исключением резиденции великого визиря, смотрят во двор. На базарной площади возвышается главная мечеть с прекрасным источником, вокруг нее – многочисленные дощатые лавочки с узкими проходами между ними³⁷.

Город Сливен, согласно описанию К. Зейдлица, лежит у подножья Балкан в ущелье со склонами, покрытыми лесами, фруктовыми садами и виноградниками. Ущелье расходится к югу, а в самом его начале расположена прекрасная платановая роща. Посреди этого небольшого чистенького городка протекает ручей, но идиллию нарушали дома, уничтоженные пожаром во время войны. Сливен, по сообщению К. Зейдлица, славится местом производства лучшего в Болгарии розового масла³⁸.

Месемврия, по данным К. Зейдлица, расположена на косе, которая выдается в море на полверсты и соединена с твердой землей узким, невысоким перешейком. По обеим сторонам от города находятся бухты, удобные для стоянки кораблей. Вид берега с выступами очень напоминает Италию, где также часто можно видеть предгорья, опускающиеся прямо в море. Однако в отличие от живописных итальянских городов, Месемврия весьма некрасива, в ней полностью отсутствует зелень, а вокруг нет ничего, кроме песков. Здесь размещался 4-тысячный турецкий гарнизон, который после получасовой бомбардировки нашего флота сложил оружие, причем часть турецкой кавалерии сумела спастись бегством. Пленным позволили продавать личное имущество, и знаменитому в будущем филологу В. Далю удалось задешево купить у турка прекрасную лошадь с седлом³⁹.

Больше всего сведений о географии, климате, хозяйственной жизни Болгарии можно было почерпнуть из книги полковника генерального штаба русской армии Энсгольма⁴⁰. Автор, по его утверждению, сумел побывать во всех занятых русскими болгарских городах и собрать у местных жителей самые разнообразные сведения о болгарских землях. Книга начинается с исторических преданий и легенд, некоторые из которых заслуживают упоминания. Так, например, название Фракия Энсгольм увязал с легендой о любимой дочери древнегреческого бога Марса, а название Филиппополь (Пловдив) – с царем Филиппом II, отцом Александра Македонского. Несколько ошибался он, утверждая, что протоболгары пришли на Балканский полуостров раньше славян, но это вполне объяснимо уровнем исторических знаний того времени. Не оставил Энсгольм без внимания войны болгарского хана Крума и походы русского князя Святослава за Дунай, крестовые

походы западных рыцарей через Балканы и последующие важнейшие исторические события, вплоть до современности, в жизни Османской империи. Эти сведения являются очень краткими и не всегда точными, но они возбуждали любопытство русского читателя к земле болгар, которую автор намеревался описать. В сущности, данные о климате, природных особенностях и некоторых городах Болгарии и составляют главную ценность этого труда, поскольку они основаны на непосредственных наблюдениях и рассказах местных жителей, знающих свою страну лучше любого ученого-иностранца⁴¹.

Особенно интересно повествование Энсгольма о климате болгарской земли, которая представлялась многим русским эдаким райским уголком. На самом же деле, такое представление в корне ошибочно: северный ветер здесь сухой и здоровый, но зимой он сопровождается снежными выюгами с Балкан и губит немало людей и животных. Он возникает внезапно, дует с пронзительной силой, несет с собой снег и грозы. Эти дни наводят ужас своими ледяными дождями и снежными бурями. Схож с северным ветром и ветер северо-восточный, приносящий сырость, влагу, дожди и снег. В отличие от них, восточный ветер прохладен и сух; юго-восточный ветер нагоняет туман, а южный – всегда нездоров и предвещает неизбежный дождь. Что же касается юго-западного, северо-западного и западного ветров, то первые два начинаются быстро рассеивающимся туманом, а третий несет тепло и дождь⁴². В течение года можно выделить благоприятные и неблагоприятные месяцы: с марта по май погода бывает дождливая и сырая, с начала мая и до середины июня – почти всегда очень приятная, с 15 июня по 15 августа стоит сильная жара и начинают свирепствовать болезни, обычные для южных стран, на полях выгорает зелень. С середины августа по середину сентября устанавливается сухое, прохладное время, а затем по 1 декабря идут дожди, выпадает первый снег, показывается молодая трава, быстро истребляемая холодами, а с декабря по март царит зима.

На Энсгольма явно произвело впечатление исключительное плодородие болгарской земли, обильно рождающей пшеницу, рожь, ячмень, овес, кукурузу, просо, лен. Кроме того, по его словам, она крайне пригодна для выращивания овощей и зелени, в долинах отлично произрастают кунжут и сусам, местами выращивают табак и хлопок, а в окрестностях Филиппополя возделывают цыганское пшено (рис), собираемый в огромном количестве. В долинах Фракии занимаются скотоводством, в горах есть много рогатого скота, но превалирует все-таки овцеводство: по турецкой переписи 1828 г. только во Фракии насчитывалось около 2,5 млн. овец. Местность эта как нельзя больше предрасположена к скотоводству; на зиму скот спускают в долины, а на лето гонят пастись на луга Балкан и в горы Странджи. Здесь есть условия для содержания многочисленных конских заводов, но коневодство во Фракии не развито. Большинство сторон болгарской земли связано дорогами, и, вообще, географическое положение ее очень выгодное. Балканский хребет прорезают многочисленные проходы, дающие возможность сократить путь из Европы в Азию: Австрия – София – Татар-Пазарджик –

Филибе – Адрианополь – Константинополь. Одновременно, Энсгольм отметил, что, несмотря на наличие хороших каменных мостов и дорог, последние каким-то непостижимым образом после таяния снегов и дождей становятся рыхлыми и непроходимыми, вопреки местному «хрящеватому» грунту⁴³.

Энсгольм оставил нам также заметки о ряде болгарских городов, описания которых не встречаются в воспоминаниях его современников: Тырнове, Ахтополе, Созополе, Бургасе, Карнобате, Ямболе и других. О Тырнове он, например, писал, что название села происходит от слова «терн», что оно сравнительно невелико и насчитывает 650 домов. В нем имеются небольшой базар, три постоянных двора, именуемых «ханами», 50 колодцев и греческая школа. Его жители, которых насчитывается 3500 чел., занимаются в основном скотоводством, пшеницу сеют мало, но выращивают рожь, ячмень, овес и кукурузу. Овощи и виноград здесь почти не растут из-за сурового климата⁴⁴. Созополь, по его словам, является древней Аполлонией; он образован отрогом гор Шайтан, который, врезаясь острым углом в море, образует полуостров, соединенный с материком узким перешейком. Далее в море виднеются три острова св. Иоанна. Его бухта превосходна: она может вместить одновременно до 600 кораблей. В городе находится две бедные греческие церкви и 950 греческих домов, в нем нет фонтанов, но вода в колодцах пресная⁴⁵.

Бургас, по свидетельству Энсгольма, также образован отрогом Шайтан и двумя мысами Баглар-Бурну и Эмине-Даг. Здесь имеется большая бухта Форос и глубоко вдающийся внутрь берега озера Чингане и Анастасское. Сам город лежит на болотистом лугу, которое с запада окаймляет озеро Мунтриггель, за которым начинаются покрытые лесом горные возвышения. Хорошая пресная вода здесь отсутствует – в колодцах она солоновата. В городе почти нет болгар, преобладают турки (212 домов) и греки (116 домов), имеются и армяне (29 домов). На две мечети приходится всего одна греческая церковь. На севере в шести верстах от города находится греческий монастырь св. Анастасия с прекрасным каменным колодцем и чистой водой⁴⁶.

Город Анхиало, по словам Энсгольма, связан узким перешейком с берегом, по которому идет дорога из Айтоса в Месемврию. Примыкающая к морю часть города заливается морскими приливами. В нем находится одна большая мечеть и большой дом паши. В Анхиало преобладают греки (2300 домов), имеется митрополит, 6 полуразрушенных греческих церквей и руины двух десятков других храмов. Турецких домов – около 300, есть мечеть и базар, 4 фонтана и много колодцев. Особую живописность, по его словам, придает Анхиало множество ветряных мельниц⁴⁷.

Гораздо меньше сведений в воспоминаниях и дневниках участников войны 1828–1829 гг. встречается о коренных задунайских жителях болгарях. И это не случайно, потому что возможности увидеть их воочию были относительно невелики. Турки при отступлении стремились угнать с собой местное болгарское население, а тех, кому удавалось ускользнуть, в расположение русских войск не допускали из-за опасения заразиться чумой. Страх перед чумой был настолько сильным, что наши подразделения часто

располагались не в отбитом у турок селении, а устраивали палаточный бивуак поблизости, выставляя вокруг карантинные посты. Иногда этот страх превращался в настоящую фобию и человеконенавистничество. В дневниках участников войны 1828–1829 гг. поражает описание случая с одним из наших полубезумевших командиров, который, потеряв всех своих подчиненных от чумы, запаса провиантом, ружьями и патронами и обосновался на вершине холма в палатке, стреляя во всякого, кто пытался к нему приблизиться⁴⁸. Из-за массового угона местного населения турками Болгария производила впечатление безлюдной страны. Делясь своими впечатлениями об оставленном жителями Пазарджике, граф А.Х. Бенкендорф писал, что этот маленький город, «окруженный множеством кладбищ, представлял наглядный образ опустошения и смерти»⁴⁹. А по возвращении в Одессу с государем он сообщал читателям следующее: «Со времени перехода через Дунай, нога наша не была ни в одном доме, и мы не видали ни одной женщины. Взгляд наш постоянно встречал одне картины опустошения, кровопролития и горя...»⁵⁰.

Иногда сумевшие избежать угона турками за Балканы болгары возвращались назад в свои родные селения или попадались на пути в Бессарабию, где русское правительство разрешило им поселиться. Это было незабываемое зрелище! Растянувшись на несколько верст, по дороге двигались целые передвижные болгарские деревни – каждая семья на своей гигантской арбе, которую тянули по две-три пары сильных буйволов. Эти арбы доверху были нагружены хозяйственным и домашним скарбом: котлами, горшками, ручными мельницами, картофелем и кукурузой; сверху в больших клетках везли кур, гусей и другую домашнюю птицу. Рядом с повозками шли домочадцы, маленькие дети сидели сзади в привязанных корзинках и спокойно пиғывали початками кукурузы, которая одновременно служила им и пищею, и игрушками. Скрип немазаных колес, рев буйволов, крик и плач детей оглушали встречных путников при появлении каждого нового обоза⁵¹.

Болгары покидали города вместе турками и сами, потому, что перед уходом те намеренно портили все городские фонтанчики и колодцы, заваливая их мусором и мешками с мылом, чтобы сделать воду непригодной для питья. Встретить болгар в приморских городах было почти невозможно: здесь преобладали греки, турки и цыгане. В занятой нашими войсками Варне полковнику Н.А. Лукьяновичу с трудом удалось, наконец, увидеть первого болгарина. Он столкнулся с ним на солдатской барахолке, где можно было купить за бесценок дорогое турецкое оружие, отжившие свой век мундиры, пробитые пулями фуражки, стоптанные сапоги со шпорами, рейтузы с голубыми и красными пампушками. Из огромных сорокаведерных бочек здесь лились рекой в солдатские манерки дары Бахуса. Повсюду толпились продававшие ослов и мулов турки, цыгане и греки⁵² – не было видно лишь болгар. Наконец, мемуаристу повезло: он столкнулся пожилым болгаринном, пекшим олады для наших солдат. Засучив рукава, пекарь месил тесто грязной палкой в небольшой обложенной кирпичами яме и бросал его затем на огромную, шипящую бараньим салом сковороду.

А К. Зейдлиц увидел первое обитаемое болгарское село только после перехода через Малые Балканы (оно находилось близ Месемврии). Здесь его внимание привлекла замечательная красота болгарских женщин: «темно-каштановые волосы, огненные черные глаза и благородные очертания носа, свидетельствующие об их римском происхождении»⁵³. Поразило его и очень ласковое отношение жителей к нашим солдатам. Встречая их, болгары обыкновенно приветливо улыбаются, кланялись и крестились, приговаривая «Рус добр! Рус добр!» Далее, уже в городе Айтос, он сделал наблюдение о свободолобии болгар и их независимом характере. «В обращении болгар, – писал К. Зейдлиц, – не видно привычки к рабелепству. В первые дни после нашего вступления в Айтос, они низко кланялись, снимали шапки..., но вскоре ободрились и не пугались сурового обращения солдат, одним словом, скоро вошли в привычную колею»⁵⁴. Что же касается торговков, то они вообще быстро обрели прежнюю бойкость и развязность. К. Зейдлиц, в первый раз увидевший русских солдат в освобожденном болгарском городе, с удовлетворением отметил, что те вели себя очень пристойно и смирно. Солдаты побаивались наказания командиров, и болгары, осознав, что на обидчика можно найти управу у начальства, в случае конфликтов грозили, что пожалуются русскому «капитану». Позднее, уже в Адрианополе, где болгары составляли вместе с греками большинство (турок, по словам мемуариста, там имелось не более одной трети), на него произвели впечатлительные мужчины-болгары, отличающиеся сильным и красивым сложением, трудолюбием и большой общительностью⁵⁵.

От внимания К. Зейдлица не ускользнула также готовность болгар прийти русским на помощь в трудную минуту. При возвращении из Адрианополя в Бургас повозка, на которой он ехал со спутниками, безнадежно увязла в непролазной грязи. Проезжавшие мимо турки даже взглядом не повели в их сторону. Не то болгары – скрип несмазанных колес их запряженной четырьмя волами телеги показался К. Зейдлицу и его спутникам «небесной музыкой». Болгары вошли в жужу, разгрузили застрявшую повозку, запрягли в нее двух волов и вытянули вместе с прислугой из ямы. Но спасению предшествовали долгие толки, в ходе которых обнаружилось, что болгары и русские совсем не понимают друг друга. Наконец, К. Зейдлиц нашелся и после длинной тирады болгарина, заключавшей в себе некий вопрос, наугад закричал «да»⁵⁶. Именно это и помогло проведению спасательной операции.

Энсгольм считал, что трудность в общении с болгарам происходит по причине засоренности их славянского наречия многочисленными турецкими словами. По его наблюдению, болгары являются настоящими трудягами – «рабочий класс», обрабатывающий турецкие сады и нивы, гнувший спины на греческих фабриках. Болгары живут в довольствии и очень скромно, скрывают имеющееся у них богатство из-за опасения быть ограбленными, к деньгам они относятся с большим уважением, потому что цены на продукты здесь низкие. Болгары по большей части мирные, но балканские – сущие разбойники. Они не только грабят и отнимают добро у путников, но и

подвергают их ужасным мучениям: отрезают язык и уши, выкалывают глаза, прибивают гвоздями к деревьям⁵⁷.

Подводя итоги сказанному, еще раз отметим, что русско-турецкая война 1828–1829 гг. не ставила перед собой задачу освобождения болгар от ига. Такой пункт не значился в заранее подготовленном трактате о мире с турками. Удержать за собой занятые на Балканах земли, требуя от Османской империи дальнейших уступок в отношении болгар, было просто нереально. Поэтому заключенный 2 (14) сентября 1829 г. Адрианопольский мир с облегчением встретили и русские, и турки. Несмотря на договоренность о запрете на подарки, ведший переговоры в Константинополе граф А.Ф. Орлов преподнес в султанском дворе целый пуд китайского ревеня, слышавшего тогда чудодейственным снадобьем от болезней желудка. И ответная щедрость не заставила себя долго ждать: султан снял со своего пальца драгоценный перстень и милостиво протянул его графу А.Ф. Орлову. А членам свиты русского дипломата пожаловали в дар осыпанные бриллиантами табакерки⁵⁸. Благодаря дипломатическому искусству графа А.Ф. Орлова, подкрепленного блистательными победами русского оружия, Россия полностью выполнила поставленные перед собой задачи. Она получила право беспрепятственного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы и свободной торговли с Турцией, расширялась автономия Греции и Сербии, спокойнее стали чувствовать себя и Дунайские княжества Молдавия и Валахия, в которых, согласно трактату, должны были оставаться русские войска вплоть до полной выплаты Турцией огромной контрибуции в 11 млн. дукатов. Выплатить так много денег русскому императору султан был не в состоянии, и это позволяло держать Турцию на коротком поводке. В ходе войны было взято 8 турецких крепостей, в руки русских попало 957 пушек, 180 знамен, было пленено 9 пашей и 21 тыс. турецких солдат и офицеров. 14 октября 1829 г. по улицам Санкт-Петербурга пронесли захваченные в Варне турецкие знамена⁵⁹.

Эта война позволила русским людям значительно ближе познакомиться с Болгарией как страной: ее ландшафтом, горами, долинами и реками. Русские люди в первый раз массово преодолели Балканы в наиболее пологой их восточной части, впервые их взору открылись уже не только некоторые северные, но и такие южные города, как Месемврия, Созополь, Айтос, Карнобат, Бургас, Анхиало. Вновь была подтверждена репутация Болгарии как удивительно красивой страны с благоприятным климатом, хотя последнее мнение стало подвергаться существенной коррекции. Оказалось, что близость гор и моря нередко влечет за собой неожиданную смену температур, которая способна вызывать длительную лихорадку, порой завершающуюся смертью. Таким образом, в знании русских людей о болгарской земле произошел существенный прорыв, но населяющий ее народ во много продолжал оставаться загадкой. В силу различных причин контакты между русскими военными и местным болгарским населением в период войны 1828–1829 гг. происходили сравнительно редко.

Примечания

- ¹ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983; Слава русских воинов в Европе и Азии или исторический взгляд на победы оных во время кампании против турок в 1829 г. С присовокуплением анекдотов, в сие время случившихся, и краткого описания некоторых городов, покоренных победоносным оружием русских. почерпнутых из разных официальных известий и донесений. М., 1828. С. 7.
- ² Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 2. До перехода через Балканы. СПб., 1906. С. 10–12.
- ³ Там же. С. 15; Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828–1829 годах. Ярославль, 1972. С. 99.
- ⁴ Там же. С. 108.
- ⁵ Moltke G. Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 und 1829. Berlin, 1845. S. 88.
- ⁶ Слава русских воинов в Европе и Азии... С. 66–68.
- ⁷ Ладыженский. Осада Силистрии в 1829 г. (Письма к другу). СПб., 1829.
- ⁸ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время. План важнейших сражений, боев и осад с объяснительным текстом и приложением общих карт, с кратким изложением хода кампаний в Европе, Азии и Америке. Перевод с немецкого генерального штаба полковника Чекмарева. Вып. XI. СПб. Русско-турецкая война 1828–1829. № 3. Осада Варны.
- ⁹ Глебов П.Н. Осада Варны в 1828 г. Из воспоминаний армейского офицера // Отечественные записки. Т. 29. № 8. Отд. 2. СПб., 1843.
- ¹⁰ Лукьянович Н.А. Три месяца за Дунаем в 1828 году // Сын отечества и северный архив (СОСА). Т. XXXIII. № 1. СПб., Ч. I. Замечания по пути от Дуная до Варны. С. 159–174; Ч. III. С. 219–239. – См. также: Император Николай I в 1828–1829 гг. (Из записок графа А.Х. Бенкендорфа). Сообщил Н.К. Шильдер // Русская старина. XXVII. Т. 86. Апрель–июнь. СПб., 1896. С. 498.
- ¹¹ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время... Вып. XI. СПб. Русско-турецкая война 1828–1829. № 3. Осада Варны.
- ¹² Ляхов В.А. Указ. соч. С. 84.
- ¹³ Журнал военных действий Черноморского флота в турецкую кампанию 1828–1829 гг. Ч. 1–3. Николаев, 1832–1833. С. 32–33.
- ¹⁴ Там же. С. 46–47.
- ¹⁵ Там же. С. 52–53.
- ¹⁶ Ляхов В.А. Указ. соч. С. 52–53; Журнал военных действий Черноморского флота... Там же.
- ¹⁷ Энсгольм. Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года, генерального штаба полковника Энсгольма. СПб., 1830. С. 124–126.
- ¹⁸ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время План важнейших сражений, боев и осад с объяснительным текстом и приложением общих карт, с кратким изложением хода кампаний в Европе, Азии и Америке. Перевод с немецкого генерального штаба полковника Чекмарева. Вып. XI. СПб. Русско-турецкая война 1828–1829. Сражение при Кулевче.
- ¹⁹ Епанчин Н. Указ. соч. С. 52–53.
- ²⁰ Куприянов П.Я. Действия Праводского отряда в 1828–29 гг. (Посмертные записки генерала Куприянова с планом) // Военный сборник. № 3. Т. 102. СПб., 1875. С. 17.
- ²¹ Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878.
- ²² Куприянов П.Я. Указ. соч. С. 10.
- ²³ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 23.
- ²⁴ Макавеев А. Извлечения из походных записок русского офицера, введенных во время войны с Турцией в 1828–1829 гг. // Военный сборник. Т. XI. № 2. Февраль. СПб., 1860. С. 431.
- ²⁵ Куприянов П.Я. Указ. соч. С. 17.
- ²⁶ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 31.
- ²⁷ Макавеев А. Указ. соч. С. 441–442.
- ²⁸ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 24.
- ²⁹ Куприянов П.Я. Указ. соч. С. 166.

³⁰ Там же. С. 162.

³¹ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 18.

³² Там же.

³³ Император Николай I в 1828–1829 гг. С. 486.

³⁴ Лукьянович Н.А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. // Сын Отечества. Северный архив. Т. XXXIII. № 1. СПб. Ч. III. С. 220.

³⁵ Там же. С. 221.

³⁶ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С.37.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 44.

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ Энсгольм. Указ. соч. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 12–39.

⁴² Там же. С. 44.

⁴³ Там же. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 121.

⁴⁵ Там же. С. 123.

⁴⁶ Там же. С. 124–125.

⁴⁷ Там же. С. 126.

⁴⁸ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции. М., 1867. С. 77.

⁴⁹ Император Николай I в 1828–1829 гг. С. 482.

⁵⁰ Там же. С. 494.

⁵¹ Лукьянович Н.А. Указ. соч. Ч. I. С. 113–114.

⁵² Там же. С. 171–172.

⁵³ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 40.

⁵⁴ Там же. С. 41.

⁵⁵ Там же. С. 48–49.

⁵⁶ Там же. С. 56.

⁵⁷ Энсгольм. Указ. соч. С. 54–56.

⁵⁸ Зейдлиц К.К. Указ. соч. С. 83.

⁵⁹ Договор о мире, заключенный между всероссийским императором Николаем I и .... Оттоманским султаном 2 сентября 1829 г.; Император Николай I. С. 508.

Образ России в публицистике Анте Старчевича

Abstract:

Vashchenko M.S. The Image of Russia in Ante Starčević' political essays

This article deals with the attitude to Russia of Ante Starčević, the leader of Croatian Party of Rights. Until the late 70-ies of XIX century the official position of Starčević with regard to Russia was negative. He condemned the regime of absolute monarchy in Russia, its support to Serbia and Eastern orientation of Russian foreign policy. After the end of Eastern crisis Starčević changed his rhetoric and published the articles where he supported Balkan policy of Russia and its geopolitical strengthening. But it was just a strategic move. Starting from 1880-ies he continued criticize Russian internal policy and Russian Orthodox church.

Ключевые слова: Хорватия, Россия, православие, Партия права, Восточный кризис, нигилизм, А. Старчевич.

Во второй половине XIX в. хорватское национальное движение разделилось на два лагеря: югославизма и национализма (правашество). Сторонники югославизма объединились в Национально-либеральную партию, а националисты входили в Партию права. В идеологии этих двух направлений просматривались и общие черты: как югослависты, так и праваша стремились к сплочению хорватской нации и объединению хорватских земель. Кроме того, в идейных установках и практике лидеров обеих партий существенную роль играло отношение к России, в которой югослависты и праваша видели союзника в политической борьбе. И если деятельность Е. Кватерника¹, стремившегося установить контакты с Россией в конце 1850-х гг., изучена в отечественной историографии достаточно подробно¹, то этого нельзя сказать о другом лидере Партии права, Анте Старчевиче. Данная статья посвящена его позиции по отношению к России в целом и ее внешней и внутренней политике в частности. Перу Старчевича принадлежит несколько работ по этой тематике, которые и послужили основой для написания нашего исследования.

Анте Старчевич (1823–1896) – главный идеолог и лидер Партии права, удостоенный в Хорватии титула «отца отечества» за свою многолетнюю общественную и политическую деятельность. Он учился в Загребе и Пеште,

---

¹ Евгений Кватерник (1825–1871) – хорватский политический деятель, один из лидеров правашского движения, наряду с А. Старчевичем. В 1858 г., спасаясь от политических преследований, бежал в Россию, где установил контакты с представителями научных и политических кругов и пытался устроиться на русскую дипломатическую службу. В том же году он принимает подданство России и отправляется в Пешт в качестве представителя одной из русских коммерческих организаций. Тем не менее, его идеи, связанные с освобождением хорватских земель от власти Габсбургов с русской помощью, не нашли в России поддержки. В конце 1859 г. Кватерник отказывается от русского подданства и прерывает контакты с Россией.

где в 1846 г. получил степень доктора философии. До революции 1848–1849 гг. работал в адвокатской конторе, затем работал в редакции загребского журнала «Невен», участвовал в деятельности Матицы иллирской. В 1861 г. вместе с Е. Кватерником представил на заседании сабора свою политическую программу. В том же году был избран нотариусом Риекской жупании. Депутатом сабора избирался в 1865, 1871 и 1878 гг. В 1895 г., после раскола Партии права, вместе с Й. Франком вошел в состав новообразованной Чистой партии права.

После неудачного опыта Е. Кватерника официальное отношение к России со стороны Партии права в целом и А. Старчевича в частности было скорее критическим. Оно оставалось таким на протяжении 60–70-х гг. XIX в. Кроме того, правашаи, будучи сторонниками преобразования общества на буржуазно-демократических началах, негативно относились к самодержавному строю в России. Эта позиция была отражена в статье Старчевича под названием «Россия», опубликованной в 1871 г. в газете «Хрватска».

В ней лидер Партии права обращается как к положению дел в самой России, так и к ее внешней политике. Все внутренние несчастья России, по его мнению, связаны с реформами Петра I. Причины такого отношения он не называет, но, судя по всему, ему не нравился излишний деспотизм Петра, поскольку правление Екатерины II Старчевич оценивает положительно, предполагая, что только смерть помешала ей даровать России конституцию. Теперь же, пишет Старчевич, «Россией правят люди, чуждые и ей, и русским, настоящие русские сейчас – чужие в своей стране, как и мы на нашей родине»². Россия, по мнению лидера правашей, именно в начале 1870-х гг. находилась на перепутье: в течение долгого времени она должна – ни больше ни меньше – или возродиться, или пропасть. Старчевич видит две альтернативы для России – либо конституция, либо повторение Великой французской революции 1789 г.³

Затем Старчевич переходит к недавним событиям в Европе, а именно к франко-прусской войне 1870–1871 гг. и роли России. По его мнению, официальная позиция правительства России, которое придерживалось благожелательного для Пруссии нейтралитета и извлекло для себя немало выгод из поражения Франции, является предательством. Он осуждает прусскую политику в отношении Франции, а также благожелательность России по отношению к Пруссии. Старчевич полагает, что «расширяясь на Восток, Германия непосредственно приближается к России; расширяясь на север, она вторгается на поле русской политики и угрожает русскому будущему», и делает вывод: «Пока Россия является деспотической страной, пока народы на Востоке (видимо, автор имел в виду Балканы. – М.В.) находятся в рабстве, до тех пор Германия будет сопутствовать успеху на обоих направлениях»⁴.

Еще острее Старчевич осуждает восточную политику России, которую, по его мнению, следовало бы поменять коренным образом. Наибольшее раздражение у него вызывает то, что Россия руководствовалась в этом вопросе принципом конфессиональной близости. Россия, пишет он, столько денег

потратила «на веру», вместо того, чтобы тратить их на что-то «полезное», а именно на непосредственную помощь балканским народам. При этом Старчевич не считает, что помощи заслуживают все эти народы. Он пишет: «В историческом и народном смысле только два народа на Востоке близки России: это хорваты и болгары. Если у Востока, и у России на Востоке, и есть какое-то будущее, это будущее связано с этими двумя народами и только с ними»⁵. Старчевич обосновывает свою позицию с экономической точки зрения: оба этих народа имеют выход к морю и Дунаю, которые бы могли стать для России важными торговыми путями. Кроме как через Хорватию, пишет автор, Россия никаким образом не сможет организовать торговлю ни на Дунае, ни на Адриатике, ни на Средиземноморье. «А без торговли в этом регионе, – пишет автор, – нельзя говорить серьезно ни о какой русской торговле»⁶. Автор статьи считал, что в данном случае у России и Хорватии можно найти взаимные интересы: для хорватов это доходы от русской торговли, для русских – выгода от использования хорватских портов.

Изложив свое видение хорватских и российских интересов на Балканах, Старчевич сразу же пытается упредить хорватского читателя, который, во многом не без оснований, мог бы посчитать все эти утверждения автора достаточно сомнительными. Лидер правашей задает несколько риторических вопросов, в которых, как можно предположить, отражены представления о России целевой аудитории газеты «Хрватска» – печатного органа Партии права, которые, по его признанию, разделял и сам Старчевич. Да неужели Россия сможет отречься от своей «византийщины»? Разве Россия откажется помогать Сербии, которой не идет на пользу вся эта помощь? Разве русские не радуются покорению Кавказа и Бухары, которые не стоят жизни ни одного из них, при том, что все свои позиции в Европе Россия теряет? И, наконец, разве русские стыдятся своего подневольного положения? На эти вопросы лидер правашей отвечал положительно, но все это, по его мнению, верно только на настоящий момент, когда в России царствует деспотизм, когда для славянских народов она остается пугалом, а ее власти мыслят непрактично.

России посвящена и вышедшая в 1878 г. брошюра Старчевича «Где мы?». Издана она была практически «по горячим следам», после завершения Восточного кризиса 1875–1878 гг., включившего в себя и два восстания, и русско-турецкую войну, поэтому можно сказать, что эта работа в равной степени посвящена как России, так и Османской империи и народам, жившим в ней. Степень критичности Старчевича по отношению к России, точнее, к ее восточной политике, так же высока, как и в начале 1870-х гг. Старчевич позволяет себе довольно резкие высказывания в адрес политики России на Востоке: «На самом деле, никто не ненавидит славян и славянство, под каким бы то ни было именем, больше, чем русские, и более чем необоснованным является мнение, согласно которому Россия хочет защищать поляков, хорватов, болгар, чехов, сербов или какую-то еще отдельно взятую народность... Русские вовсе не пекутся о свободе веры для христиан

в Турции или где-то еще, это пошло бы во вред им самим, напротив, речь идет об ухудшении их положения, дабы они мечтали о России»⁷. С данным утверждением Старчевича нельзя согласиться, поскольку именно фактор конфессиональной близости был одним из определяющих в отношении общественного мнения России и ее официальных властей к южнославянским народам в период Восточного кризиса.

Как можно заметить, хотя тон Старчевича по отношению к внутренней и внешней политике России более чем жесткий, в отличие от статьи начала 70-х гг., в брошюре можно найти и немало положительных характеристик России. Искреннее восхищение у него вызывают русские поэты и писатели. Из текста видно, что Старчевич интересовался русской историей, в частности, вопросом закрепощения крестьян. Он писал, что в XVI в. русские были самым свободным народом в Европе. Старчевич восхищается крестьянской реформой 1861 г., отмечая, что «крестьян обеспечили землей, и люди, бывшие подневольными, получили такую свободу, которая в хваленой Пруссии была дарована только в 1872 г.»⁸. Это положение Старчевича также очень спорно и, по-видимому, связано с недостатком информации о реальном положении крестьянства после отмена крепостного права. Тем не менее, все это свидетельствует об отходе Старчевича от его прежней жесткой позиции по отношению к России. Судя по всему, он не разделяет взгляд многих европейцев на русских как на «варварский народ», поскольку не без иронии отмечает, что «и французы, и англичане, и итальянцы, и немцы все же не могут обойтись без чтения русских «варваров», и в русском «деспотическом» государстве можно найти таких благородных людей, каких не встретишь в иных «конституционных» странах»⁹.

Уже после завершения Восточного кризиса и русско-турецкой войны риторика Старчевича окончательно меняется. Лидер правашей публикует в партийной газете несколько статей, посвященных России, тон которых диаметрально противоположен тому, который можно встретить в его ранних работах. В 1879 г. он объединил эти статьи в брошюру под названием «Отношения к России».

Одной из основных тем брошюры, конечно, оставалась роль России в решении Восточного вопроса. Эта часть работы так и называется «Россия на Востоке». В ней Старчевич фактически выступил апологетом российской политики на Балканах: «Действительно, это Россия защищала Черногорию и Румынию, способствовала созданию независимой Греции и Сербии, которую, наряду с Болгарией, и защищала. Почему этого не сделала какая-нибудь другая держава? Говорят, что Россия действует во имя своих интересов, а не во имя интересов этих народов. Пусть даже и так; а кто будет действовать себе в ущерб? А пока эти народы довольны русской помощью, кто посмеет их судить? И кто может упрекнуть Россию в том, что она помогает народам и получит от них благодарность в ответ?»¹⁰. Более того, автор пренебрежительно отзывается о роли Европы в этом кризисе и даже ставит само это понятие в кавычки: «Почему “Европа” противится только тем

переменам, которые затевает Россия по мере необходимости и которые никому не идут во вред»¹¹. Он обвиняет европейские страны, в том числе и Австро-Венгрию, в том, что они, несмотря на свое выгодное географическое положение, не пользуются им. Он отмечает, что у монархии Габсбургов не больше кораблей, чем в свое время было у Дубровницкой республики. И Россия, если она хочет утвердиться на Дарданеллах, имеет, по мнению автора, гораздо больше прав, чем Великобритания, поскольку контролировать моря «может только свободная, прогрессивная и сильная держава, а для держав прогнивших это будет без всякой пользы или даже навредит»¹².

Обращается Старчевич и к внутреннему положению в России. Среди ее главных внутренних проблем он называет финансовую политику, поляков и нигилистов. Автор указывает на огромные финансовые расходы России во время Крымской войны 1853–1856 гг. и при проведении крестьянской реформы. Но в то же время он полагает, что с финансовыми трудностями Россия справиться в состоянии. Более серьезной внутренней проблемой Российской империи Старчевич считает польский вопрос. И в данном случае он полностью становится на русскую сторону, утверждая, что Европа использует поляков только как средство в борьбе с Россией. Но автор, несмотря на эти обстоятельства, не верит в еще одно польское восстание, поскольку считает, что поляки должны видеть, что Россия для них – лучший друг, что в России им жить лучше всего, что «если нельзя улучшить положение, лучше его не ухудшать и восхищаться Россией, которой ни один народ никогда зря не восхищался»¹³.

Что касается третьей проблемы – нигилистов, представителей революционного движения, которые как раз в конце 1870-х гг. были на пике своей активности, то отношение Старчевича к ним более запутанное. С одной стороны, он называет их одной из главных внутренних проблем России, но когда переходит к конкретному описанию этой проблемы, отзывается о нигилистах как о самых просвещенных и выдающихся представителях русского общества. Подробнее об этом Старчевич пишет в третьей части брошюры под названием «Русское движение». В ней он детально разъясняет свою позицию по отношению к «борцам за свободу», как он называет нигилистов: «Мы согласны с ними, что России нужно больше политической свободы и что лучшие сыны России имеют право ее требовать, но мы не согласны с методами, которые они используют в борьбе за свободу»¹⁴. И поводов для такого несогласия у автора брошюры было достаточно. К 1879 г. представители различных революционных кружков успели совершить несколько террористических акций, направленных против представителей власти, в том числе и против Александра II. Одно из последних покушений на императора к моменту выхода работы Старчевича совершил в том же 1879 г. член организации «Земля и воля» А.К. Соловьев. Автор задается вопросом: «Зачем угрожать жизни правителя, благодаря которому более чем 40 миллионов русских получили свободу, которой, за исключением Франции, нет нигде в Европе... если случится так, что его жизнь, посвященная счастью народа русского, прервется благодаря какому-нибудь мерзавцу, неужели русские

борцы за свободу считают, что тем самым это поможет их делу... Пусть они знают, что Александр II со всей своей семьей скорее умрут от руки палача, чем пожертвуют своей честью»¹⁵.

Одним словом, лидер правашей, судя по всему, хорошо знакомый с деятельностью революционных организаций в России, сочувствовал их идейным установкам, но отрицал террор как способ достижения цели. Старчевич считал, что в России, которая начала свое движение на пути к прогрессу, уже созданы условия для дальнейшего ее продвижения к свободе. Особо он выделяет роль земств, деятельность которых считает весьма полезной, отмечая, что система выборов в них не имеет себе равных даже в Европе. И Старчевич рекомендует нигилистам добиваться того, чтобы в земствах работали достойнейшие люди, которые бы давали императору знать о том, в чем нуждается народ. То есть лидер Партии права предлагает наделить земства политическими функциями, тогда как их деятельность изначально ограничивалась хозяйственными вопросами.

Старчевича настолько увлекла эта идея, что он даже составил текст «адреса», который одно из таких земств могло бы направить Александру II. Воображаемые авторы такого обращения, по мысли лидера правашей, должны были прямым текстом заявить императору, что «пришло время, когда диктатура в России должна прекратиться, а русский народ мог бы обсудить со своим правителем все дела в своем отечестве»¹⁶. Здесь явно сказывается незнание Старчевичем русского менталитета, который бы не позволил никому из верноподданных членов земства открыто писать императору о необходимости «прекратить диктатуру». Это обращение – документ скорее риторического характера, в котором описание тяжелого положения русского общества и верноподданные заявления в адрес императора переплетаются с поистине революционными заявлениями, вполне в духе народников. Старчевич, осуждая террористическую деятельность русских революционеров, разделяет их идеологию. И он, по сути, предлагает соединить несоединимое – революционную фразеологию и легальные методы борьбы, да еще с помощью структур местной власти, созданных «сверху».

Сравнивая ранние статьи Старчевича с брошюрой «Отношения к России», можно только удивляться стремительному повороту автора от несколько высокомерной критики России к ее яростной защите. Практически во всех вопросах, будь то освобождение балканских славян (автор, что удивительно, в «Отношениях...» ни разу не высказался против сербов, а даже поставил в заслугу России участие в «создании» Сербии), польский вопрос, расширение территории империи, Старчевич твердо занимает пророссийскую позицию. Единственное «слабое» место в «Отношениях...» – это рассуждения Старчевича о нигилистах и необходимости либеральных перемен в России. В этих вопросах, несмотря на неплохое знание состояния русского общества, он разбирался гораздо хуже, чем во внешнеполитических событиях, – стоит только вспомнить составленный им текст «обращения» земств Александру II. Но в отношении к положению России в Европе автор совершил

резкий поворот: от обвинений России в помощи сербам и оценки всей ее балканской политики как способа отвлечения народа от демократических перемен до полной поддержки империи в Восточном вопросе, ее помощи тем самым балканским народам, к которым Старчевич относился с таким пренебрежением. Конечно, хорватский деятель не отказывается совсем от критики недостатков России, прежде всего внутренних, но по сравнению с его статьями начала 1870-х гг. перемена в отношении более чем наглядна.

Конечно, на этот резкий поворот повлияли победа России в войне с Османской империей и возникновение самостоятельных государств на Балканах. А действия русских войск вызывали воодушевление в том числе и в хорватских землях. И правашские политики, желавшие добиться роста своей популярности в сложившейся обстановке, подхватили эту тенденцию. Если до событий на Балканах Россия рассматривалась ими в качестве возможного союзника скорее теоретически, то с 1878 г. ситуация меняется. Впрочем, хорватские историки считают эту перемену лишь тактическим ходом, который был необходим именно со стороны Старчевича¹⁷. Что лидер правашей и сделал. И именно «Отношения к России», как отмечал хорватский исследователь А. Флакер (1924–2010), определяли внешнеполитическую концепцию правашей в течение 80-х гг. XIX в.: «Прославление России как возможной освободительницы Хорватии или как силы, которая могла бы этому освобождению способствовать, становится постоянной темой правашской пропаганды восьмидесятых годов. Каждый шаг русских правящих кругов или русской дипломатии, который бы означал увеличение пропасти между Россией, с одной, и Австрией и Германией, с другой стороны, правашские газеты встречали с воодушевлением»¹⁸.

А. Старчевич в последующих своих работах не раз касался темы России в том или ином аспекте. Однако нельзя сказать, что его позиция в течение 1880-х гг. оставалась неизменно пророссийской, даже в тактическом отношении. В некоторых вопросах он все же твердо придерживался своих подлинных убеждений и не желал отступать от них даже «на бумаге». В первую очередь это касается религиозного вопроса. Православная церковь в России, как и на Балканах, оставалась объектом его критики даже в течение этого «русофильского» периода в истории Партии права. Пытаясь доказать, что на Балканах православие всегда отличали «низость, мелочность, слабость», он с иронией отмечает, что «Россия четырем православным странам дала независимость, а все они сразу отдали свою независимость врагам России и своим врагам»¹⁹. Если бы православная церковь боролась за независимость, величие и мощь, пишет Старчевич, Россия бы с этой церковью никогда бы не оказалась под татарским игом и под господством польских захватчиков в течение нескольких веков: «Поскольку Россия с этой церковью потеряла независимость, она бы с ней и осталась зависимой, не обладая такой мощью и протяженностью. Не православная церковь, а кто-то другой освободил Россию от ее иноземных захватчиков и дал ей независимость, способствовал обретению мощи и расширению ее территории. Этим

«кем-то» были ее лучшие правители и лучшие из ее дворян... можно сказать, что Россия шла по пути прогресса тогда, когда не прислушивалась к ее мнению [церкви. – *М.В.*], а постольку, поскольку действовала в пику ей»²⁰.

Эти слова Старчевича, довольно резкие в отношении русского православия, вряд ли полностью вписываются в его новую «русофильскую» концепцию. Если в «Отношениях...» Россия предстает в его изображении едва ли не как пример для всей остальной Европы, а религиозный вопрос почти не затрагивается, то в 1888 г., когда был издан этот текст, он решается высказаться и по этому поводу, тем более, что в указанном году отмечалось 900-летие крещения Руси и поводов говорить о православии и католицизме было достаточно. Старчевичу более всего импонирует Петр Великий, значительно ослабивший влияние православной церкви на государственные дела, он считает, что Петр «жил и умер как лютеранин (так в тексте. – *М.В.*) и только внешне показывал, что он православный государь... он видел, как западная церковь порой вмешивается в мирские дела и тем самым угрожает независимости и репутации государя. Он видел, что делал московский патриарх Никон, которого многие считают одним из лучших деятелей, когда-либо появлявшихся в России»²¹. Хотя Старчевич и признает, что Петр I «сделал и много зла для России», он, тем не менее, ввел ее в семью европейских народов (эти слова можно считать косвенным намеком на русскую «византийщину», о которой лидер правашей писал в начале 1870-х гг.).

Откликнулся Старчевич и на торжества в Киеве по поводу упомянутого юбилея крещения Руси, в частности, на работу комитета по подготовке празднеств. Видимо, Старчевича, несмотря на его более чем сдержанное отношение к католической церкви, задело слова о католиках-хорватах, поляках, чехах, потерявших свою независимость, и русских, сохранивших ее под водительством своего духовенства, произнесенные на заседании комитета. Значит, пишет лидер правашей, комитет признает, что когда-то эти три народа были независимыми и даже более знаменитыми, чем русские. Последняя фраза вызвана, конечно, эмоциями. Но трудно не согласиться с мнением Старчевича, считавшего что эти народы были католическими и до утраты своей независимости, и поэтому никак нельзя ставить утрату самостоятельности в зависимость от католического вероисповедания. Такое мнение было распространено в отечественной дореволюционной славистике: можно упомянуть, к примеру, работу казанского слависта И.Н. Смирнова об утрате хорватами независимости, в которой он ставил подчинение Хорватии венграм в прямую зависимость от принятия католицизма²².

Тема русской «византийщины» поднимается Старчевичем и в его рассуждениях о взаимоотношениях России с католической церковью. В отличие от его более ранних работ, в конце 1880-х гг. он утверждает, что эта «византийщина» все же России не свойственна, что «Россия никогда не следовала примеру византийцев, и в этом ее счастье... если бы с Москвой (видимо, автор имел в виду всю Россию в целом, «Московию». – *М.В.*) случилось то же, что и с Византией, Москвы бы в ее нынешнем виде не было,

если бы она с давних времен следовала византийским заветам»²³. Тогда бы Россия, по мысли Старчевича, стала «пугалом, объектом ненависти со стороны всех разумных и благородных европейцев и таких же русских!» В качестве положительного примера он приводит Александра II, поведшего Россию по пути прогресса и снискавшего любовь европейцев. Но в 1888 г. на русском престоле был уже другой император, и Старчевич выражает свои опасения по поводу того, что если он «не свернет с нынешнего пути, эта любовь может постепенно исчезнуть и в России, и вне ее пределов»²⁴.

Но Старчевич, тем не менее, не считает, что католицизм был бы для России хорошей альтернативой «византийщине», и критикует российских католиков, таких, как князь И.С. Гагарин (1814–1882), принявший католицизм и ставший членом ордена иезуитов. В своих сочинениях Гагарин пытался доказать, что только католицизм спасет Россию от насильственного переворота, поскольку в России многие хотят вернуть патриархат и сделать церковь независимой от государства. Старчевич вполне обоснованно возражает: любая вера, не только католическая – против любой революции, но это не значит, что они не будут происходить: «Ни католицизм, ни папа, ни их сторонники не смогли предотвратить революции в Испании, во Франции и т.д. И именно в католических странах было больше всего революций, да и тот же папа в последнее время держится на престоле с помощью иностранных штыков. Сложно предположить, что католицизм будет иметь в России более прочные основания, чем в других странах»²⁵.

В начале 1890-х гг. Старчевич и вовсе перестает воспринимать Россию как единое целое. Тенденция к отделению официальной России от ее народа особенно ярко проявилась в одной из его статей, где он писал: «Существует две России, народная и официальная: они изначально противостояли друг другу, но официальная носит имя народной, и этот возмутительный факт иной раз проявляется в самых разных местах»²⁶. Эти слова свидетельствуют об отходе лидера правых даже от «тактического» русофильства, столь ярко проявившегося в «Отношениях к России». Ведь действия именно официальной России на Балканах вызвали восторг как в хорватском обществе, так и у сторонников Партии права, в том числе и у Старчевича. И именно в вышеупомянутой брошюре, несмотря на все симпатии к нигилистам, он отзывался в самых лучших выражениях именно о действиях официальной России, о том «прогессе», на путь которого Россия встала именно благодаря политике властей. Так писал Старчевич в конце 70-х гг. В начале 90-х гг. он практически возвращается к своим прежним взглядам, которым свойственна жесткая критика российской политики, как внешней, так и внутренней. «Все государственные механизмы, – пишет Старчевич, – и все династии терпели крах именно из-за того, что не знали или не желали признавать истинное положение народа или страны»²⁷. И в этом случае Старчевич ведет речь не только о «нигилистах», как можно было бы подумать. Эта статья явилась реакцией на антагонизм Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева с официальными властями, выразившими недовольство тем, что первый перестал

писать романы и перешел к составлению «поучительных брошюр», а второй увлекся мистицизмом и клеветой на русское православие. Старчевич в ответ на эти обвинения спрашивает: «Неужели в России сейчас нужнее писать какие-то романы, а не говорить о тех невзгодах, которые сказываются на большей части народа и о способах, с помощью которых можно предотвратить это зло? С самого начала этих невзгод господин Толстой находился на своем месте, он видит и слышит все эти невзгоды; и если «брошюры» этого человека не «поучительны», то что толку от пустословия и придирок негодяев, сидящих в натопленной комнате за богатым столом, находящимся от страдающих людей далеко, за десятки и сотни миль?»²⁸.

Так резко о положении дел в России Старчевич еще не писал. Помимо обличения социальных пороков в России он высказывается и в поддержку В. С. Соловьева и утверждает, что речь идет не столько о мистицизме, сколько об «очищении» и «совершенствовании» господствующей религии. Здесь Старчевич вновь выражает свою неприязнь к православию. Он пишет: «Если вера не облагораживает человека и не просветляет, зачем она народу? Православная вера и в первом, и во втором случае *сильно отстала от прочих* (курсив мой. – М.В.). Это явно сказывается и в тех невзгодах, которые испытывает Россия сегодня»²⁹. То есть, как следует из данного текста, Старчевич все дальше и дальше отходит от своего безоговорочного (пусть и тактического) «русофильства» конца 1870-х гг. и возвращается к своей обычной критике абсолютистской России и «византийщины», с которыми он не мог мириться даже из тактических соображений. Впрочем, в начале и середине 90-х гг. XIX в. на повестке дня у Партии права стояли иные проблемы, связанные с внутривнутрипартийными и межпартийными отношениями, следствием которых стала череда объединений и расколов в последней трети XIX – начале XX вв.

Подводя итоги, следует отметить, что лидер хорватских правых А. Старчевич на протяжении всей своей жизни уделял России немало внимания. В начале 70-х гг. XIX в. он резко критиковал ее внутреннюю и внешнюю политику с либеральных позиций. Тон Старчевича резко меняется в конце 1870 – начале 1880-х гг., после окончания Восточного кризиса. Образ России в его сочинениях становится почти безупречным. В начале 90-х гг. XIX вв. он вновь выступает с осуждением России «официальной», которой он до того восхищался, и противопоставляет ее России «народной». Нельзя не согласиться с утверждением, что резкий поворот Старчевича в его отношении к «русскому вопросу» в конце 1870-х гг. был связан с текущей политической ситуацией. Его статьи тех лет стоят особняком среди прочих как по стилю, так и по содержанию. Но эту «смену курса» нельзя назвать безоговорочной даже в плане риторики. Есть одна общая черта, которая свойственна всем работам Старчевича о России 70–90-х гг. XIX в. Из тех событий, которые как-то были связаны с Россией, искреннюю симпатию лидера Партии права вызывали только либеральные реформы 1860-х гг. и деятельность представителей революционного движения, а самодержавный

строй, напротив, вызывал его резкое неприятие. Данная черта прослеживается во всех упомянутых публикациях хорватского политика. Это доказывает, что взгляды Старчевича на Россию всегда зависели от того, насколько те или иные события или явления, связанные с ней, вписывались в его идеологические построения, которые на протяжении всего этого времени оставались неизменными.

Примечания

¹ См., например: *Фрейдзон В.И.* Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии (деятельность Евгения Кватерника в 1858–1867 гг.) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 36–73; *Он же.* О жизни и деятельности Евгения Кватерника // Славянское возрождение. М., 1966. С. 139–150.

² *Starčević A.* Rusija // Ante Starčević. *Politički spisi.* Zagreb, 1971. S. 234.

³ *Ibid.* S. 235.

⁴ *Ibid.* S. 237.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Starčević A.* Na čemu smo. Zagreb, 1878. S. 10.

⁸ *Ibid.* S. 22.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Starčević A.* Ruski odnošaji. Varaždin, 1995. S. 4.

¹¹ *Ibid.* S. 5.

¹² *Ibid.* S. 7.

¹³ *Ibid.* S. 13.

¹⁴ *Ibid.* S. 49.

¹⁵ *Ibid.* S. 49–50.

¹⁶ *Ibid.* S. 58.

¹⁷ *Gross M.* Osnovni problemi pravaške politike 1878–1887 // *Historijski zbornik.* XV. Br. 1–4. 1962. S. 87–88; *Flaker A.* Pravaštvo i Rusija (mjesto Rusije u pravaškoj vanjsko-političkoj koncepciji) // *Historijski zbornik.* XI–XII. Zagreb, 1958–1959. S. 113.

¹⁸ *Flaker A.* *Op.cit.* S. 114.

¹⁹ *Starčević A.* Rusko pravoslavlje // Ante Starčević. *Politički spisi...* S. 529.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Ibid.* S. 530.

²² *Смирнов И.Н.* Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879.

²³ *Starčević A.* Rusija i katoličanstvo // Ante Starčević. *Politički spisi...* S. 536.

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Ibid.* S. 538.

²⁶ *Starčević A.* Dvije Rusije // Ante Starčević. *Politički spisi...* S. 573.

²⁷ *Ibid.* S. 574.

²⁸ *Ibid.* S. 575.

²⁹ *Ibidem.*

«Дело Стерйо Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.)

Abstract:

Frolova M.M. «Sterio Bojano Affair»: concerning the issue of sending the youth from the Ottoman Empire to study in Russia in the 1860s

The article is written on the basis of recently discovered archival documents, which shed light on the role of Russian diplomats in the process of sending Bulgarian youth from the Ottoman Empire to study in Russia. The Russian consul M.A. Khitrovo in the town of Bitola had to overcome the resistance of the local Turkish administration, oppose to the intrigues of the British consul, Catholic missionaries, Metropolitan Benedict and the Pan-Hellenist Party, who were unanimous in their endeavour to diminish Russian influence on the Slavs of Western Macedonia.

Ключевые слова: Россия, Западная Македония, обучение болгар в России, русское консульство в Битоля, М.А. Хитрово, Е.М. Тимаев, Хаджи Али папа, Ч. Кальверт, Лепавек, митрополит Венедикт.

После окончания Крымской войны Россия широко распахнула двери своих учебных заведений перед славянской молодежью из Османской империи. Для их обучения было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях и 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (1856 г.), а в 1860 г. для министерства народного просвещения было ассигновано 5000 руб. сер. ежегодно – для образования в русских гимназиях и университетах славян из Турецкой империи¹. Славянский благотворительный комитет также имел значительное количество своих стипендиатов.

Обучению славян в России посвящена значительная литература. Исследователями, начиная со второй половины XX в., была рассмотрена политика официальной России по подготовке национальных кадров интеллигенции из южных славян, выявлены имена болгар, учившихся в России, определен их вклад в культуру и просвещение Болгарии². Однако открытие и вовлечение в научный оборот новых архивных документов, в частности, донесений российских дипломатов М.А. Хитрово и Е.М. Тимаева из Битоля в 60-е гг. XIX в., позволяет осветить не известные ранее сюжеты этой обширной темы.

Город Битоля (Монастырь) в рассматриваемый период являлся административным центром не только Битольского санджака Османской империи, но и всего эйялета Румелия, где находилась Главная квартира Военного командования Румелии. В 1851 г. здесь открылось первое европейское дипломатическое представительство – вице-консульство Австрийской империи; затем сюда прислали своих консулов Англия, Франция, Греция и Пруссия. В 1856 г. в городе появилась миссия католического ордена «Св. Лазаря», которой руководил аббат Лепавек, известный миссионер с огромным

опытом работы на Востоке. В 1861 г. начало свою деятельность императорское российское консульство, и первым ее управляющим, а затем консулом (с 1862 г.) стал М.А. Хитрово, правнук фельдмаршала М.И. Кутузова.

По Битолю проходил своеобразный рубеж, к северу от которого, т.е. в сторону к городам Прилеп, Велес и далее, проживало славянское население, у которого обучение в школе и богослужение шло на славянском языке. К югу от Битоля также проживали славяне, но они находились под сильным греческим влиянием, подавлявшим их национальное самосознание. Славяне Битольского санджака в донесениях русских консулов назывались болгарами, болгаро-славянами – в документации австрийских вице-консулов. В самом городе насчитывалось около 50 тыс. человек, из них 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Христиане состояли из греков, огреченных влахов* и болгар. Христиан раздирала вражда партий. Эллино-греки или панэллинисты ориентировались на Афины, где, как правило, они получали образование. К ним примыкали вlahи, среди которых были много богатых людей. Воспитанные в греческом духе, они почти утратили свою национальность, являясь более греками, чем сами греки, мечтали о восстановлении Византийской империи. Самой сильной была партия, возглавляемая пелагонийским митрополитом Венедиктом (1854–1868). В нее входили так наз. турецкие греки, фанариоты, состоявшие на турецкой службе или связанные своими коммерческими делами с турецкими властями. Их влияние на местную турецкую администрацию было велико. Эта партия правила, интриговала и вела дела. Болгарское население города было индифферентно. В окрестностях Битоля преобладали болгарские села³.

В задачи, поставленные министром иностранных дел А.М. Горчаковым перед российскими дипломатами на Балканах в период с 1856 по 1866 гг., входило «ускорять развитие христианского населения в Турции, вступление которого в политическую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия»⁴. Внимание консулов было также сфокусировано на подборе юношей, а позднее и девушек, отправляемых на учебу в Россию. А.В. Рачинский, совершивший путешествие в Македонию в 1858–1859 гг., полагал, что именно Македонии «наиболее нужен рассадник прочного духовного образования, не лишённого и тех светских сторон, необходимых для успешного противодействия латинам и протестантам, прочно укореняющимся»⁵. Рачинский лично привез из Македонии 4 юношей и поместил их в гимназии. Д. Миладинов, замечательный учитель, просветитель, отправил учиться в Россию в 1856 г. своего младшего брата Константина, а в 1858 г. – еще 8 «болгаромакедонцев»⁶. Но 16 февраля 1861 г. по доносу нового охридского митрополита Мелетия и митрополита Венедикта Д. Миладинов, обвиненный в тайных сношениях с русскими агентами, был

* Вlahи – так в Македонии называли выходцев из Валахии (современная Румыния), которые в основном занимались скотоводством и торговлей.

арестован, заключен в битольскую тюрьму, а через 3 месяца тайно отправлен в Стамбул, где в 1862 г. умер в тюремном госпитале от тифа.

Восстание в Герцеговине (1861 г.), черногоро-турецкая война 1862 г. не только возрождали надежды христиан, желавших своего освобождения от турецкого владычества, но и заставляли администрацию Битольского санджака ужесточать внутренний режим, чему в значительной мере способствовала концентрация турецких войск в городе Битоля, центре формирования и обучения турецких батальонов. Городская тюрьма была переполнена христианами, которых подозревали в антиправительственной деятельности. Митрополит Венедикт ловко использовал эту ситуацию против недовольных его «вопиющими несправедливостями и злоупотреблениями», отправляя таковых в тюрьму «за мнимые революционные идеи»⁷.

Русский консул Хитрово приехал в Битоля, одушевленный идеей пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского санджака. Он много ездил по краю, дарил церковную утварь, одежды, книги, говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподавание в школах. Но митрополит Венедикт не шел ни на какие послабления по отношению к своей болгарской пастве. К тому же, как замечал Хитрово, «несчастный исход черногорской войны, затишье, следовавшее в сербских делах, совершенное разочарование в отношении к Греции, рядом со старым гнетом турецкого управления убили надежды, пробужденные в здешних христианах этими событиями прошлого года», уступив «место бесчувственной покорности перед судьбою»⁸. Австрийский вице-консул Зелнер подчеркивал в докладе от 11 декабря 1862 г., что все русские домогательства «завоевать болгаро-славян для русских интересов» были «до настоящего момента неуспешны»⁹.

Однако усилия Хитрово были не столь уж бесплодны. Николаки Бояно, житель села Магарево, расположенного в 1 час. езды от Битоля, обратился к русскому консулу с просьбой «о доставлении сыну его Стерио безвозмездного воспитания в России». Его ходатайство было удовлетворено, о чем Хитрово был уведомлен предписанием Азиатского департамента от 18 октября 1862 г. за № 3737. Эта весть в семействе Бояно была встречена «с чувством теплой благодарности и самой чистосердечной радости». В январе 1863 г. Хитрово получил отпуск в 29 дней для поездки в Петербург. Н. Бояно упросил русского консула взять с собой его сына. Хитрово советовал дожидаться весны и отправить Стерио Бояно через Салоники на русском пароходе в Одессу, что было бы гораздо дешевле и позволило бы подростку легче привыкнуть к российскому климату. Доводы Н. Бояно были также весомы, поскольку 13-летний мальчик отправлялся в дальний путь в незнакомую страну не один, а под надзором русского консула. Отец был готов оплатить все путевые расходы. Хитрово согласился. Коджа-баши (староста) села Магарево должен был выдать Стерио Бояно необходимый для поездки паспорт – тескере – рано утром в день отъезда, 12 января 1863 г. Об этом сообщили Хитрово, когда накануне все семейство пришло благодарить русского консула.

Однако 12 января Н. Бояно вызвали к вали (генерал-губернатору) Битоля Хаджи Али паше (1862–1864) для чего по всему городу на его поиски были разосланы жандармы. Бояно обратился за советом в российское консульство, как ответить паше. Хитрово ему наказал говорить только правду: что он отправлял своего сына в Россию воспитываться и что российский дипломат «взялся его довести и хлопотать о нем». Хитрово писал в своем донесении от 16 января 1863 г. Е.П. Новикову, временно исполняющему должность российского посланника в Константинополе: «Никак не могло мне прийти на мысль, что кто-нибудь мог препятствовать столь простому и естественному делу»¹⁰.

Следом в российское консульство пришел Джорджевич, драгоман (переводчик) при генерал-губернаторе, назначенный в декабре 1862 г. из Стамбула. Он объявил о сильном беспокойстве местных властей по поводу того, что Хитрово увозил с собой несколько молодых людей. Русский консул соборшил, что с ним едет только один мальчик – Стерио Бояно. Тогда Джорджевич предупредил о том, что местные власти смотрят на это дело подозрительно и неприязненно и, вероятно, будут препятствовать отъезду Стерио. Он дал понять, что турецкие власти смотрят весьма недружелюбно на образование молодых людей в России. Затем драгоман стал настоятельно советовать, «уже от себя», оставить мальчика в Битоля, а потом отправить в Стамбул и уже оттуда тайно в Россию. На эту провокацию Хитрово возразил и отметил открытость и законность своих действий, что отмечает всякую необходимость прибегать к тайным мерам. На очередной вопрос Джорджевича, заданный явно с подвохом, «а если бы отец не желал, чтобы сын ехал в Россию?», Хитрово вновь твердо отвечал, что он никого не увозит насильно, что взялся довести мальчика в Россию не только с согласия, но по настоятельной просьбе его отца.

Через 2 часа после этого разговора в консульство пришел совершенно расстроенный и перепуганный Н. Бояно и со слезами на глазах рассказал следующее. Его привели под стражей в сарай*, и там Джорджевич и Хафусбей, председатель уголовного суда, допрашивали его: куда и зачем он посылает сына. Бояно отвечал правду. Тогда турецкие чиновники стали строго выговаривать Бояно за его намерение, указывая, что не место в России воспитывать детей, что молодые люди туда ездят, чтобы возвращаться испорченными, что Порта не может признавать турецкими подданными молодых людей, получивших образование в России. И, наконец, продержав Бояно несколько часов в Сарае, угрожали ему и обманом заставили его подписать просьбу (арзухал), там же составленную. В этом документе говорилось, что сын его, Стерио, хочет уехать с русским консулом в Россию, но что он и жена его этого не желают и просят местные власти воспрепятствовать его отъезду и не выдавать консулу. Вслед за тем Бояно привели к паше, который

* Сарай (дворец) – здание, где заседал меджлис (совет), к компетенции которого относилось обсуждение всего круга административно-хозяйственных вопросов. В сарае также располагался суд.

повторил слова Хафус-бея и Джорджевича, прибавив со своей стороны, что есть школы и в других странах, где можно получить образование.

Слух об этом происшествии тотчас же распространился по городу и сделался достоянием общественной молвы. Но этим турецкие власти не удовлетворялись. Несколько человек, в числе которых были и некоторые купцы, люди весьма уважаемые, были схвачены жандармами и отведены в сарай, откуда их отпустили только тогда, когда с них были взяты подписки и ими были представлены поручители в том, что дети их «не убегут» с русским консулом в Россию. Хитрово отмечал, что среди задержанных были лица, совершенно ему не знакомые. Австрийский вице-консул Зелнер писал, что по городу ходили слухи о том, что русский консул забирает с собой 12 мальчиков в Россию на учебу¹¹. Кроме того, было послано приказание в Охрид «о принятии каких-то мер предосторожности» против находившихся там болгарина Капче, возвратившегося из России 2 года назад, и Василия Дьямандиева, студента Московского университета.

Весь город толковал об этом событии. Хитрово понимал, что оно могло послужить началом целого ряда преследований против всех лиц, «когда бы то ни было воспитывавшихся в России» или сочувствовавших русским, если «незаконность действий, тирания и произвол турецких властей в этом деле не будут тотчас же засвидетельствованы и преданы полной гласности». Турецкие власти нашли бы множество благовидных отговорок и затянули бы дело, если бы Хитрово стал требовать от них объяснений. Оценивая выгоды своего положения «вследствие опрометчиво-оскорбительной выходки местных властей», русский дипломат решил «не упускать удобного случая устранить на будущее время это слишком откровенное их нерасположение к нам и парализовать гонения, очевидно, угрожающие всякому здешнему христианину, находящемуся в хороших отношениях к консульству». Хитрово, по его словам, «решился действовать энергетически»¹².

Он отправился к генерал-губернатору Хаджи Али паше, которого застал в присутствии всех членов меджлиса. Отказавшись от приглашения паши сесть и принять чубук, Хитрово заявил, что возвращает буюрду (подорожную), которой не может воспользоваться, поскольку выдавшие ее власти позволяют себе незаконные и оскорбительные действия в отношении к личности консула. Паша сделал вид, что не понимает причины этого протеста. Хитрово объявил, что протестует против оскорбительного для него «недоверия и неприличных мер, ни на чем не основанной предосторожности по случаю» его отъезда, против принудительно взятой с Бояно просьбы (арзухала), в которой он как будто обвинялся в намерении насильно увезти Стерио Бояно «вопреки воле отца». Хитрово протестовал против открыто высказанной местными властями неприязни к России, интересов которой он имел честь быть представителем в то время, когда правительства России и Турции находились в дружественных отношениях. Хитрово предупредил, что это дело он представит на благоусмотрение своего начальства.

Во второй половине дня Хитрово пригласил к себе дипломатических представителей европейских держав в Битоля: английского консула, австрийского и прусского вице-консулов, – и сообщил им о происшедшем. Те признали Хитрово лично оскорбленным, а действия турецких властей незаконными и неприличными. Н. Бояно в их присутствии повторил свои показания и, таким образом, констатировал Хитрово в донесении от 16 января 1863 г. к Новикову, «факт о насильственном взятии с него арзухала оказался засвидетельствованным». В присутствии консулов Хитрово получил ноту паши в ответ на свой протест в меджлисе, которая «некоторыми из консулов признана была новой грубостью». В этом месте донесения Хитрово на полях стоит помета Новикова: «Отлично»¹³.

К этому донесению Хитрово приложил перевод ноты паши: «Так как между подданными Блистательной Порты и Державы русской существуют мирные и дружественные отношения и каждому оказывается должное почтение, то не следует позволять себе уничижение [этих чувств]. Сегодня в кебир-меджлисе никем не затронутые Вы употребили с негодованием слова, которые никак не могут быть приняты. Для извещения Вас о сем Мы написали эту записку»¹⁴.

В донесении австрийского вице-консула Зелнера от 29 января 1863 г. содержатся важные подробности этой встречи консулов у Хитрово. После получения ноты паши в ответ на вопрос русского консула, как ему поступить по отношению к Хаджи Али паше, Зелнер, в свою очередь, спросил, расценивает ли Хитрово этот случай как свое личное дело или как дело, которое затрагивает его правительство. Английский консул Ч. Кальверт настаивал на определении этого дела как правительственного. Прусский дипломат воздержался от прений. Зелнер заявил о своем участии в этом деле, если Хитрово признает его личным. Хитрово согласился, после чего были выслушаны показания Н. Бояно¹⁵.

Хитрово намеревался телеграфировать Новикову, но согласился повременить, поскольку Зелнер и Кальверт предложили свои услуги с тем, чтобы частным образом устранить разногласия между пашой и русским дипломатом¹⁶.

На другой день Зелнер вместе с переводчиком отправился к паше. Из разговора с ним выяснилось, что Н. Бояно попросил паспорт для сына до г. Ниш на сербской границе, а уезжал он в Россию. Это обстоятельство вызвало соответственные меры турецких властей. Паша высказал свою неосведомленность в том, что Н. Бояно был приведен под стражей и подписал какую-то просьбу (арзухал). Хаджи Али пашу уязвило, что Хитрово в присутствии всего меджлиса бросил свою подорожную, т.е. документ, изданный правительством и от имени султана, а не просто какое-то частное распоряжение. Но паша тогда сохранил самообладание, так как желал окончить дело миром и был готов со своей стороны сделать некоторые уступки. Он был

* Кебир-меджлис – провинциальный совет.

** Так в документе.

согласен считать арзухал Бояно недействительным, но выдать его не мог, потому что по нему состоялось решение (илам) меджлиса не выдавать паспорта молодому Бояно и написана нота, посланная Хитрово¹⁷.

Однако русский дипломат на эти условия, переданные Зелнером неофициальным образом, не согласился. Хитрово не мог положиться на уверения паши после происшествия, имевшего место накануне. К тому же, уничтожение арзухала без уничтожения илама меджлиса равно ничему не значило. Хитрово, считая себя публично оскорбленным, мог принять только условия удовлетворительные для него в глазах общественного мнения. Зелнер не разделял позицию Хитрово, считая, что обе стороны должны проявлять уступчивость.

На следующее утро в российское консульство явился с визитом Кальверт – с предложением от паши, еще более примирительным. Паша предлагал Хитрово приехать к нему, обещая уничтожить в его присутствии все документы, и выдать заграничный паспорт Стерио Бояно. Но Хитрово, знакомый с характером турецких чиновников, не забыл о должной осторожности. И прежде, чем дать согласие, он спросил у Кальверта: «Имеет ли он какие-либо гарантии в том, что паша действительно исполнит все эти предложения? Не предпримет ли он все это, чтобы ослабить выгоды моего положения, и думает, может быть, склонив меня к нему приехать, доказать это, что я сам, как будто, ищу с ним примирения, а от предложения своего отказаться. Подобный исход поставил бы в весьма затруднительное положение не только меня, но и Кальверта в его посреднической роли»¹⁸. Кальверту доводы Хитрово показались основательными, и он вновь отправился к паше и получил от него удостоверение, что он, паша, действительно согласен на все те уступки, которые были преданы Кальверту.

Однако Хитрово вновь поставил условие, чтобы Н. Бояно был призван пашой и в присутствии Хитрово и Кальверта снова спрошен, действительно ли он желает, чтобы его сын ехал в Россию. Если же власти не желают отпустить мальчика по каким-либо иным причинам, то Хитрово не оспаривает у них это право. «Это до меня не касается. Я оспариваю только недействительность представленной ими причины и документы, оскорбительность в отношении ко мне, равно как неприличность других действий по поводу этого дела»¹⁹, – писал он.

Кальверт, возвратившись от паши, объяснил, что тот желает покончить дело мирным образом и согласен на все уступки и на уничтожение всех документов, но что он не может взять на свою ответственность выдачу молодому человеку заграничного паспорта и не может согласиться, чтобы Н. Бояно был снова призван и спрошен о его желании или нежелании отправить сына в Россию, потому что это было бы признанием незаконности арзухала. Хитрово благодарил Кальверта за труд, но сказал, что он не может принять эти условия примирительных предложений паши. Не имея более времени, Хитрово решил придать делу «вполне официальный характер» и 14 января 1863 г. телеграфировал Новикову.

Хитрово подозревал, что во всем этом деле была «какая-то темная сторона и скрытая интрига, которая, вероятно, не замедлит обнаружиться, и вряд ли турки в этом случае действовали по собственной инициативе». По городу распространились слухи, за достоверность которых нельзя было поручиться, что в основе дела Стерио Бояно лежала интрига английского консула, желавшего воспрепятствовать отъезду в Россию молодого человека, но не ожидавшего, что турецкие власти вследствие его предостережения примут столь опрометчивые действия, и дело примет столь серьезный оборот. В старательных попытках Кальверта добиться примирения и в слишком усердном его участии Хитрово усматривал подтверждение этих слухов.

Русский дипломат подозревал, что не обошлось и без вмешательства митрополита Венедикта, который, будучи человеком чрезвычайно осторожным и хитрым, действовал так, чтобы себя не компрометировать. Паша вначале хотел отправить Стерио Бояно на несколько дней в митрополию, чтобы Хитрово не мог его увести насильно, но митрополит тотчас понял, что это было бы для него неловко, и отклонил это пожелание. Хитрово не исключал, что все это происки турецкой партии, которая, стремясь к возвращению прежнего генерал-губернатора Битоля Абдул Керим паши, интриговала против Хаджи Али паши, подстрекая его «на нарочно опрометчивые действия с целью его компрометировать» в Стамбуле. До Хитрово доходили слухи, что паша оправдывал себя тем, что полиция поступала будто бы без его ведома, забирая разных людей под стражу. Но полицмейстер, принадлежавший к партии Абдул Керим паши, не согласился принять на себя ответственность в этом.

Хитрово предлагал Новикову воспользоваться «опрометчивостью ту-року» и выгодами его положения в этом деле, чтобы «парализовать» с каждым днем усиливавшиеся преследования турецких властей, направленные против всего, что находилось «в малейших сношениях с русским консульством, избавить от неминуемых гонений людей, нам сочувствующих, и упрочить здесь наше влияние». Хитрово констатировал: «В течение двух лет я постоянно имел дело с явным нерасположением и неприязненностью к нам местных властей, но примирительным и осторожным образом действий всегда успевал устранить поводы к открыто неприязненным столкновениям. В течение этого времени здесь переменялось 4 паши, и мне удавалось сохранять с ними, хотя по внешности, удовлетворительные отношения, но с нынешним пашой такие отношения вряд ли возможны. Неприязненность его ко всем европейцам вообще и к нам в особенности слишком откровенна и бесцеремонна. Я льщу себя надеждой, что императорская миссия одобрит мой образ действий»²⁰. Новиков написал на донесении: «Представить такрир (докладную записку). Поведение паши безобразно. Необходимо потребовать посылки донесения в Россию и быстрое (неразборчивое слово)»²¹.

Хитрово уехал в Россию без Стерио Бояно и не через Вену, как прежде намеревался, а через Салоники и Константинополь, чтобы там лично изложить Новикову суть дела. Управление консульством в Битоля было поручено его секретарю Е.М. Тимаеву, 22-летнему молодому человеку, незадолго

до этого прибывшему из Петербурга. 30 января 1863 г. тот докладывал в Константинополь об усилении в крае католической пропаганды. Миссионеры получили мощную поддержку всем своим действиям благодаря драгоману паши Джорджевичу, который был фанатичным католиком. Прежде он служил английским вице-консулом в Джорже и был хороший знакомый Кальверта²². Тимаев полагал, что в деле Стерио Бояно замешаны лазаристы, а также греки, желавшие «эллинизировать славянское население Македонии». «Обе эти партии действовали вместе, и действительно они успели». Против этого абзаца в донесении Новиков написал: «Какая путаница в действиях партий и мысли Тимаева!»²³. Любопытно, что учитель Кузман Шапкарев предполагал, что в аресте Д. Миладинова замешан не только митрополит Мелетий, но и католические священники. Болгарский историк М. Арнаудов отмечал, что данное предположение не выглядит надежным исторически и психологически²⁴. И, тем не менее, похоже, что митрополит Венедикт в кознях против Хитрово, (как в свое время вместе с митрополитом Мелетием против Д. Миладинова), нашел общий язык с Лепавеком, что объединило их усилия в противодействии распространению влияния России на болгар. В круг причастных к интригам по делу Стерио Бояно был включен и греческий подданный Стратигопуло, учитель городской школы, ярый противник введения болгарского языка в преподавание²⁵.

30 января 1863 г. Тимаев сообщал, что в Битоля продолжала сохраняться обстановка подозрительности по отношению ко всем молодым людям, бывшим или находившимся в иностранных государствах. Так, например, 25 января Обедия-бей, майор полиции, пришел к купцу Петца, сын которого, Николаки Петца, находился в Вене по торговым делам, и, узнав, что его сына нет, взял с отца поручительство в том, что по возвращении Николаки должен немедленно представиться начальству. Подобное поручительство было взято также с родственников Георгия Мальтаса, находившегося в Афинах²⁶.

В городе по-прежнему интересовались продолжением дела Стерио Бояно. Поговаривали, что благодаря Хитрово Хафус-бей, Джорджевич и даже митрополит будут вызваны в Стамбул. Греческий консул Вальяно передал Кальверту совет для сообщения его паше, что, пока ничего официально по делу Бояно не получено, паше следовало бы сделать визиты в российское консульство, где был новый управляющий консульством. Этим паша покажет, что в составлении фальшивой просьбы виновен не он, а его подчиненные²⁷. Но Тимаев напрасно прождал пашу. Даже на неделе Св. Пасхи паша не сделал визита, а прислал чиновника (ефенди дивана) в парадной форме вместе с драгоманом Сарая²⁸.

В апреле Тимаев обменялся визитами с муширом (маршалом) Абди пашой, прибывшим в Битоля из Янины. По поводу недоразумений Хитрово с Хаджи Али пашой Абди паша заявил, что причиной этого дела было то, что не спросили позволения у паши ехать в Россию²⁹. 23 мая 1863 г. Тимаев сообщал, что паша до сих пор и вида не подает, что желает сблизиться. Он делал визиты другим консулам, между тем как бы нарочно проезжая мимо

дома российского консульства и не заезжая. В Битоля с интересом ожидали окончания этого дела. Особенно старался Кальверт, расспрашивая о времени возвращения Хитрово из отпуска. Тимаев отмечал, что многие из христиан стремились предугадать завершение дела Бояно, что связывали также со своим будущим положением в отношении к турецким властям³⁰.

Болгары не имели в Битоля своей школы, в школу при католической миссии, где преподавался болгарский и французский языки, они не хотели посылать своих детей. Они не прочь были отпустить их учиться в Россию, но боялись тех неприятностей, какие случились с Бояно. Его отец писал в Петербург к Хитрово и вновь высказал желание отправить своего сына в Россию³¹. Тем временем в июне 1863 г. помощник Лепавека Кассен уехал в Рим и увез с собой мальчика, католика, от родителей-католиков. В Битоля громко стали говорить, что миссионер повез с собой мальчика в чужую страну, чего русский консул не мог сделать³².

Наконец, 10 сентября 1863 г. возвратившийся в Битоля Хитрово принял управление консульством. Хаджи Али паша в это время совершал поездку по эйялету с целью введения новых мер для собирания налогов. Исправляющий должность генерал-губернатора Мухасебеджи встретил русского консула с «любезной предупредительностью». Он прислал в консульство двух офицеров с обычными поздравлениями с приездом и вслед за тем на другой день сам сделал первый визит, который Хитрово со своей стороны поспешил ему воздать. Хитрово относил подобную предупредительность Мухасебеджи на счет письма великого визиря Фуад паши, которое по требованию императорской миссии было послано на имя генерал-губернатора Битоля.

Хитрово получил перевод этого документа от Новикова: «Его превосходительству губернатору Монастыря (Битоля): русский консул в Битоля, уезжавший в последнее время в свое отечество, теперь вновь возвращается к месту своего служения. Вашему превосходительству известно о тех столкновениях, которые возникли между русским консульством и местною властью по поводу мальчика Бояно, которого упомянутый консул хотел взять с собой в Россию для доставления ему воспитания, будто бы против воли его родителей. Между тем, упомянутый консул через посредство русской миссии объяснил, что отец Бояно сам просил взять его сына в Россию и что сам отец Бояно подписал мазбату (протокол), в которой было сказано противное, то это потому, что он не знал, что там было написано, отчего и вышло недоразумение. Поэтому предлагаем Вам не противиться отправлению молодого Бояно в Россию для приобретения познаний в науках, если только желают его родители. По приезде же российского консула Вы пришлете к нему чиновника Вашего Джорджевича и этот последний объяснит, что если при переговорах его с консулом он сказал что-нибудь неприличное, то это было сделано совсем неумышленно и что у него никогда и не было в мыслях сделать какую-нибудь невежливость, что все это произошло по недоразумению и что он очень сожалеет от этого. Затем после визита, сделанного Вам консулом, Вы ответите ему тоже визитом и на будущее время

будете во всех сношениях с ним поступать, как это прилично представителям двух дружественных держав, и будете со своей стороны способствовать сколько можно поддержанию хороших отношений, заявленных Вам со стороны русского консула»³³.

В Стамбуле Хитрово было вручено второе письмо визиря для передачи его Хаджи али паше. Он его собирался отдать при личной встрече. Русский дипломат полагал, что тогда же будут приведены в исполнение формальности, предписанные Фуад пашой для разъяснения недоразумений, возникших по поводу дела Стерио Бояно³⁴. Перевод с этого письма был сделан Тимаевым: «Ваше превосходительство. Мы извещаем Вас, что русский консул в Битоля, отправившийся на родину, снова прибыл в нашу столицу, т.к. между представителями Высоких держав были чистосердечные объяснения, и т.к. дружественные отношения между нами и правительством упомянутого консула очевидны, то мы предлагаем, что Вы с Вашей стороны оказывали бы консулу уважение, достойное его званию, и делали бы по возможности ему облегчения в встречающихся затруднительных обстоятельствах. Мегеммед Фуад»³⁵.

Вскоре Хитрово получил письмо от паши из Крчева, где он тогда находился, самого вежливого содержания. Паша изъявлял свое сожаление, что не находился в Битоля при приезде российского консула, и выражал надежду на восстановление самых дружественных отношений. Но Хитрово опасался подвоха, ибо несмотря на все эти заявления турецких властей, они старались подействовать на Н. Бояно и склонить его не посылать сына в Россию. Субхи-бей, присланный Портой для ревизии финансовых и административных дел в Румелийском эяялете, жил несколько дней в Магарове в доме Бояно и щедро наградил его за гостеприимство. Говорили, что он предлагал Бояно поместить его сына в турецкое военное училище, несмотря на то, что христиан туда практически не принимали. Хитрово полагал, что «происки» турок подействовали на Н. Бояно, и теперь он вряд ли вновь изъявит желание отправить сына в Россию³⁶.

В декабре 1863 г. Хаджи Али паша вернулся в Битоля. На следующий день в российское консульство от его имени пришел драгоман Джорджевич и извинился перед Хитрово. Он выразил сожаление паши по поводу происшедших при отъезде в Россию недоразумений. Но как видно, докладывал Хитрово, Джорджевичу было весьма желательно избегнуть этих извинений, которые он решился высказать только тогда, когда убедился из слов российского дипломата, что содержание письма визиря было ему известно и что копия с него была выдана императорской миссии. На другой день Хитрово сделал официальный визит паше и передал ему лично второе письмо визиря, которым был снабжен от императорской миссии при проезде через Стамбул. Паша принял Хитрово с особенными почестями и сказал, что он надеется, что теперь у них установятся вполне дружественные отношения. 20 декабря 1863 г. паша возвратил Хитрово его визит, и, таким образом, последствия неприятного столкновения по поводу оказанного турецкими властями русскому консулу «недоверия и принятие незаконных и неприличных

мер предосторожности по случаю отъезда» Хитрово в Россию «можно почитать теперь оконченным». Поскольку Н. Бояно не приходил к Хитрово, то он сделал вывод, что запуганный турками, он вряд ли решится снова обратиться с просьбой об отправлении его сына в Россию. Хитрово полагал, что «было бы осторожнее не возобновлять это дело». Новиков на донесении Хитрово от 20 декабря 1863 г. написал против последних слов: «Слава Богу»³⁷. Следует отметить, что ни один болгарский мальчик не был отправлен в Россию учиться, пока должность генерал-губернатора Битоля занимал Хаджи Али паша.

Таким образом, «дело Стерио Бояно» раскрывает обстановку в городе Битоля, в которой приходилось действовать русским дипломатам. Оно показывает стремление турецкой администрации затруднить, насколько это было возможно, отъезд молодых людей на учебу в Россию. В создании препятствий в деле посылки болгар в Россию участвовали также католические миссионеры и английский консул Кальверт, которые помимо преследования своих собственных целей желали минимизировать влияние российских дипломатов на болгарское население. Не последнюю роль играл и митрополит Венедикт, которого в этом случае поддерживала партия панэллинистов. «Дело Стерио Бояно» объясняет в какой-то степени причины замедленного процесса национального возрождения у славянского населения Битольского санджака.

Примечания

¹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 118, 448, 471.

² Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50–70-е годы XIX в. Кишинев, 1981.

³ Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 163, 145.

⁴ Цит. по: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 169.

⁵ Русия... С. 215.

⁶ Ванчев Й. Ново-българската просвета в Македония през Възраждането (до 1878 г.). София, 1982. С. 140–141.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 122 и об.

⁸ Архив на Найден Геров. 1857–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1932. С. 334.

⁹ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 270.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 11–12.

¹¹ Македония... С. 275.

¹² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 16.

- ¹⁴ Там же. Л. 23.
- ¹⁵ Македония... С. 273.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 16 и об.
- ¹⁷ Македония... С. 274.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 17 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 18 об.
- ²⁰ Там же. Л. 20–21.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Л. 57 об.
- ²³ Там же. Л. 27.
- ²⁴ *Арнаудов М. Братя Миладинови. София, 1969. С. 151.*
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 58 об.
- ²⁶ Там же. Л. 27 об. – 28.
- ²⁷ Там же. Л. 30 об. – 31.
- ²⁸ Там же. Л. 44.
- ²⁹ Там же. Л. 48 и об.
- ³⁰ Там же. Л. 57 и об.
- ³¹ Там же. Л. 38 об.
- ³² Там же. Л. 64 и об.
- ³³ Там же. Л. 85 и об.
- ³⁴ Там же. Л. 91.
- ³⁵ Там же. Л. 87.
- ³⁶ Там же. Л. 90 и об.
- ³⁷ Там же. Л. 140–141.

Сербы и Россия: противоречивость взаимных ожиданий*

Abstract:

Iskenderov P.A. *The Serbs and Russia: incompatibility of mutual expectations*

The article is devoted to multi-aspect relations between Serbia and Russia on the eve of World War I. The author outlines contradictions of the foreign policy of Serbia and its great expectations towards Russia – primarily in the Albanian issue. On the other hand, the Russian authorities understood very well all the dangers of such course as far as European stability was concerned. That resulted in complex and intensive diplomatic contacts between Serbia and Russia, which helped to protect peace in the Balkans after the Balkan Wars.

Ключевые слова: Россия, Сербия, Албания, Австро-Венгрия, Балканы, Европа, международные отношения, геополитика, первая мировая война, конфликтология.

Канун первой мировой войны явился во многом ключевым моментом в многовековой истории сербо-российских отношений. Успешное для Сербии завершение эпохи Балканских войн вкупе с неуклонно обострявшейся геополитической обстановкой в Европе поставили данные отношения перед новыми испытаниями, главное из которых можно охарактеризовать как противоречивость и даже кризис взаимных ожиданий. Получившая в 1978 г. международно-признанную независимость и территориально расширившаяся к осени 1913 г. Сербия строила планы новых приращений – в первую очередь, в направлении адриатического побережья – и рассматривала Россию в качестве своего главного международного военно-политического союзника в этом отношении. Россия же с растущей озабоченностью наблюдала за ростом внешнеполитических амбиций Белграда – все более смещавшихся в сторону не только Албании, но и южнославянских областей Австро-Венгрии. Становились все более очевидными принципиальные разногласия сторон в вопросах понимания подлинных национально-государственных интересов Сербии. Если правительство Николы Пашича и особенно военные круги страны считали и независимость, и освобождение из-под власти Османской империи территорий в Косово и Македонии всего лишь очередными этапами на пути победоносного укрепления Сербского государства и его превращения в «югославянский Пьемонт», то Петербург был более озабочен попытками сохранения хрупкого баланса сил в Европе. Это требовало от России нахождения взаимопонимания с монархией Габсбургов именно по балканским делам.

Формально понимание необходимости «мирной передышки» присутствовало и в белградском кабинете. Стоит напомнить, что итоги Балканских войн оказались в целом благоприятными для Сербии. Ее территория

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

увеличилась с 48,3 до 87,3 тыс. кв.км., а население – с 2.912 до 4.444 тысячи человек¹. В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Косово. Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии – прежде всего, в глазах других югославянских народов.

Но нельзя недооценивать опасное политическое звучание Балканских войн – особенно в контексте начавшегося менее чем через год общеевропейского военного пожара. Говоря словами российского балканиста В.Н. Виноградова, «Бухарестский договор, заключенный правителями балканских государств самостоятельно, без вмешательства великих держав, посеял зерна новых конфликтов на полуострове. Используя перекрещивающиеся претензии Бухареста, Белграда, Софии, Афин, Цетинье и Стамбула, дипломаты Антанты и Тройственного союза начали большую игру по заманиванию их в свой лагерь»².

По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители – ставшие большими по территории и более мощными – остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия, все еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на «великую Грецию», включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впереди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года – она потеряла 25,000 человек и была поставлена на грань революции»; теперь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»³.

Справедливости ради следует отметить, что причины второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует искать в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развития ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка С. Фей о том, что «хотя албанский компромисс» (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. – П.И.) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. – П.И.) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»⁴.

Представители великих держав⁵ хорошо понимали всю условность и зыбкость решения вопроса о границах Албании. Выступая 12 августа 1913 г. в палате общин британского парламента, председательствовавший на Лондонском совещании послов министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил буквально следующее: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего было сохранить согласие между самими великими державами»⁶. Правда, само это согласие тоже было весьма относительным. Как справедливо отмечал российский исследователь Ю.А. Писарев, именно на Балканском полуострове «сталкивались и переплетались интересы противостоящих друг другу коалиций: Тройственного союза и Тройственного соглашения, которые, готовясь к кровавой схватке, пытались заполучить на Балканах новых союзников»⁷. Впрочем, дело было не только в поиске новых союзников. По мнению сербского историка А. Митровича, в период между 1908 г. и 1914 г. и особенно после первой Балканской войны «Австро-Венгрия путем ликвидации независимости небольшого соседа на юге хотела проложить путь к расширению на юго-восток и продемонстрировать мощь у себя дома, где ситуация складывалась неблагоприятно. Для Германии подобная австро-венгерская политика предоставляла возможность с ее помощью вызвать военные действия, в ходе которых она бы сумела создать фантастическую империю в Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Африке и на некоторых океанических архипелагах, империю, задуманную как сложное образование, состоящее из расширенной территории Рейха, государств-сателлитов, сфер жизненных интересов и огромных колоний»⁸.

Привлекательность балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами – незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан – выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов – выразил сербский историк М. Скакун; указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона⁹. Вместе с тем, по словам историка, «его географическое положение, которое «открывает ворота трех континентов», сделало Балканы постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века...»¹⁰. По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию

в регионе, он приходит к выводу, что «балканская бочка с порохом» не являлась результатом воли самих балканских народов, а скорее выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, «интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, но их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹¹.

Балканские войны легли тяжелым бременем на все стороны экономической и политической жизни и победительницы-Сербии. Ее потери в живой силе только за период первой Балканской войны составили 22.000 человек убитыми. Финансовые резервы были опустошены. Только содержание 402-тысячной армии обошлось государственной казне в 250 млн динаров. Если же к этой внушительной сумме прибавить дополнительные расходы, составившие еще 120 млн, то общий итог составит 370 млн динаров – именно в такую сумму обошлись для Сербии Балканские войны¹². Финансовые эксперты Австро-Венгрии, оценивая стоимость военных кампаний для экономики Сербии, назвали цифру в 450 миллионов франков¹³. Национальный доход страны, составлявший перед войной около одного миллиарда франков в год, уменьшился приблизительно в два раза. Расходы на содержание армии и вооружение составили 590 миллионов франков. Государственный бюджет страны, составлявший 130 миллионов франков, остался непокрытым более чем на половину вследствие того, что экспорт фактически был прекращен, а стоимость ввозимых товаров увеличилась в два раза вследствие военных надбавок. При этом необходимо принять во внимание в целом недостаточно развитое промышленное производство и упадок сельского хозяйства вследствие значительных людских потерь, что делает понятным отсутствие в Сербии реальных условий для быстрого восстановления экономического потенциала страны. В целом же общая цена Балканских войн для Сербии в денежном выражении составила около одного миллиарда франков¹⁴.

В ходе Балканских войн в сербской промышленности «рабочий день у металлистов, деревообделочников, обувщиков, мукомолов, портных и других увеличился на 1–8 час». Причем особенно значительным указанный рост был в небольших сербских городах – Свибанац, Пирот, Лозница, Алексинац, Аранджеловац, Пожега. В последнем продолжительность рабочего дня для работников металлургической отрасли выросла с 10 до 18 часов¹⁵.

Серьезные потери понесла и сербская армия. В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, глава сербского кабинета Н. Пашич следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400,000 человек пехоты и 100,000 человек, связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и

поддержания общественного порядка в стране. Данные количественные показатели определялись Пашичем, исходя из поставленной им общей стратегической цели: сделать сербскую армию по всем основным показателям не уступающей по силе болгарской. При этом в мирное время предполагалось держать под ружьем 50–60 тысяч человек. Одновременно перед сербской армией встала необходимость восполнить убыль офицерского корпуса и повысить его численность пропорционально увеличению рядового состава. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10% от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов¹⁶.

Неудивительно, что среди членов высшего политического и военного руководства Сербии преобладало представление о желательности для страны («мирной передышки» – в том числе и с точки зрения проведения более активной политики на югославянском направлении). Многоопытный премьер Пашича отдавал себе отчет в неготовности страны к новой войне – в частности, для освобождения южнославянских областей монархии Габсбургов: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»¹⁷. А российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман на пороге первой мировой войны отмечал, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»¹⁸.

Правда, это мнение не было единодушным. Еще 27 июня 1913 г. на заседании парламентского клуба депутатов-радикалов министр финансов Сербии Лаза Пачу призвал не рассматривать присоединение к Королевству Старой Сербии и Вардарской Македонии в качестве полного выполнения сербской национальной задачи. По его словам, итоги первой Балканской войны закономерно поставили в повестку дня достижение глобального объединения с югославянами Австро-Венгрии. Значительным в сербском обществе явился и морально-психологический эффект от сербских побед и воссоединения со Старой Сербией. Как отмечал в 1912 г. Миодраг Попович, крестьяне, «вдохновленные примером героев Косовского мифа и любимого народом богатыря Марко Краевича, ожесточенно сражались с турками и завоевывали победы»¹⁹.

Вместе с тем, и сам министр финансов, и многоопытный Никола Пашич не могли не понимать, какие военные и хозяйственные потери понесла Сербия, и каких средств потребует освоение вновь присоединенных областей. Как заявил после заключения Бухарестского мирного договора Пашич, «в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25–30, дабы мы могли так «переварить» наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог бы быть поставлен заново»²⁰.

Общее население новых областей Сербии составляло свыше 1.600.000 человек (до войны на этих территориях проживало около 1.700.000 человек; уменьшение численности явилось следствием эмиграции), причем, по сведениям сербского правительства, 200.000 из них составляли албанцы. Правда, справедливость последней цифры ставилась под сомнение независимыми наблюдателями в плане ее искусственного занижения²¹. Неудивительно, что министр иностранных дел России С.Д. Сазонов особо подчеркивал важность того, чтобы Сербия в сложившейся непростой ситуации соблюдала осмотрительность в албанском вопросе и, в частности, отказалась от планов присоединения прибрежных областей Центральной Албании: «Сербия не должна ставить нас перед необходимостью публично отречься от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним»²².

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции, представители великих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата, касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп²³, а кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны²⁴.

Глава сербского правительства имел в виду, в первую очередь, две статьи Берлинского трактата. Статья XXIII гласила, что «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии»²⁵.

Статья XXXV уже напрямую относилась к сербским реалиям. В ней говорилось, что «в Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами»²⁶.

Кроме того, Пашич заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что хотя главнокомандующий сербской армии уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с оккупированных албанских территорий, тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени²⁷.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Н.Г. Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым доверительным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болетинацем (Иса Болетини. – П.И.) и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях по мнению Пашича отозвание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»²⁸.

Неудивительно, что, ссылаясь на соображения государственной безопасности и охраны общественного порядка, сербское правительство не признало возможным сразу распространить действие конституции на присоединенные к Сербии территории (это было сделано лишь в конце 1913 г.) и постановило регулировать их устройство особым «Наказом об организации освобожденных областей», утвержденным королевским декретом от 31 августа 1913 г.

Согласно статье 82 данного документа, министр просвещения и церковных дел осуществлял надзор за деятельностью православной церкви в соответствии с принципами сербского законодательства и церковных канонов. Аналогичный надзор министр осуществлял и в отношении неправославных

и нехристианских религиозных организаций, разрабатывая «предписания и инструкции, в целях обеспечения их устойчивого функционирования, в соответствии с основными принципами этих учреждений, а также с учетом государственных интересов»²⁹.

Согласно статье 92, данное предписание должно было действовать до тех пор, пока сербская скупщина не присоединит предусмотренным законом путем освобожденные области к Сербскому королевству, что предполагалось осуществить на ее очередной сессии³⁰.

Подписали вышеуказанный документ король Сербии Петр, председатель Совета министров Н. Пашич, министр финансов Л. Пачу, министр внутренних дел С. Протич, министр строительства Й. Йованович (одновременно являвшийся заместителем министра народного хозяйства), министр просвещения и церковных дел Л. Йованович, министр юстиции М. Джуричич и военный министр генерал М. Божанович³¹.

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Джаловица и Дебар и о выводе сербских войск со всей албанской территории, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий – «при условии конечно соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»³².

Однако несколько дней спустя, во время своей встречи с поверенным в делах России в Сербии В.Н. Штрандманом, Спалайкович сообщил, что председатель сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев; последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы³³.

Еще более колебаний и непоследовательности было проявлено правительством в вопросе о выводе из Северной Албании оставшихся там сербских войск. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, защищающих горные проходы, ведущие в Сербию. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самой Сербии, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией, встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Сербии всякого страха перед соседней монархией, а в ответ на напоминание о том, что зимой 1912 г. та не начала военные действия против

Сербии в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»³⁴.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению. – П.И.) окончательно еще не установленную»³⁵. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное представление великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции³⁶.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета – что было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.: «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нарекания со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обуславливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных

административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»³⁷.

Тем не менее, сообщив о принятом на заседании кабинета решении российскому и французскому дипломатическим представителям, Спалайкович еще раз повторил оговорку о неизбежном, по мнению сербского правительства, возникновении новых беспорядков в Албании и о вероятном новом занятии сербскими войсками тех же позиций, что позволяло реально оценить отношение Пашича к принятому им самим решению. В самом деле, в тот же день австро-венгерскому поверенному в делах было заявлено не об очищении территории Албании, а об отводе сербских войск на правый берег реки Черный Дрин как на крайнюю возможную линию их отхода.

Это несоответствие было объяснено российскому представителю простым недоразумением, происшедшим вследствие того, что Спалайкович передал данное сообщение фон Сторку не лично, а через начальника политического отдела министерства иностранных дел. Однако последний в беседе со Штрандтманом подчеркнул, что в данном случае Спалайковичем была сделана сознательная попытка, во-первых, удовлетворить австро-венгерское правительство минимально уступкой из опасения навлечь на себя неудовольствие Пашича слишком поспешным решением вопроса, а во-вторых, вызвать затяжку времени в расчете на то, что какие-либо новые антисербские выступления албанцев убедят Международную разграничительную комиссию в необходимости изменить в пользу Сербии постановления Лондонского совещания послов великих держав относительно сербо-албанской границы, в первую очередь в том, что касается Люмы.

Однако внешнеполитические планы сербского правительства распространялись не только на Люмский округ. Управляющий министерством иностранных дел в своих беседах со Штрандтманом постоянно возвращался к вопросу об Охридском озере, которое решениями Лондонского совещания было частично присуждено Албании. В ответ на сообщение российского поверенного в делах, сделанное согласно прямому распоряжению товарища министра иностранных дел России А.А. Нератова, о неизбежности соблюдать установленную великими державами пограничную линию, пересекающую озеро от деревни Лин до монастыря Св. Наума. Спалайкович настоятельно просил еще раз поставить перед министерством иностранных дел вопрос о том, что Сербия предвидит для своих жизненных интересов «гибельные последствия от доведения албанской границы до Охридского озера, которое таким образом будет служить исключительно удобным местом для совершения албанцами всякого рода разбоев»³⁸.

19 сентября 1913 г. сербское посольство в Санкт-Петербурге уведомило российский МИД о том, что «Сербия начала выводить войска из Албании, которые там остались только для того, чтобы лучше защитить сербскую территорию от нападений арнаутов, пока в Албании не будут организованы

нужные власти для обеспечения (так в тексте. – П.И.) порядка на границе. Между тем по всей линии границы царят самые большие беспорядки. Вооруженные арнауты массами нападают на сербские войска и сербские власти. Сербское правительство имеет также достоверное известие что готовится организованное, серьезное нападение на нашу территорию и что в Албании пробуют призвать к этому нападению и арнаутов находящихся на нашей территории и которые до сих пор были спокойны³⁹.

Сербское правительство не может терпеть эту анархию распространяемую из Албании с каждым днем все больше.

Мы решили, с правом, запретить арнаутам всякое приближение к нашей границе и нашим рынкам пока не восстановится нормальное положение и пока арнауты не перестанут враждебно относиться к нашим пограничным властям.

Кроме этого Сербия всякое новое вооруженное нападение силою остановит и, эвентуально, если пограничные стычки примут большие размеры, сербские войска должны будут вновь оккупировать некоторые стратегические пункты на албанской территории, которые окажутся нужным для обеспечения нашей границы.

Также потребуем уплату за те потери и расходы, которые будем иметь из-за таких беспорядков»⁴⁰.

В кабинете Пашича не сомневались, что албанские лидеры при поддержке монархии Габсбургов готовят широкомасштабное нападение на сербскую территорию с тем, чтобы вовлечь в орбиту антисербских выступлений, охвативших присоединенные к Сербии районы, и тех албанцев, которые до сих пор оставались спокойными. Однако и жесткие действия самих сербских военных властей в присоединенных областях мало способствовали нормализации обстановки. Как следствие – внутренний и внешний фактор сработали одновременно, и антисербское восстание в области Люма к юго-западу от Призрена было усилено вторжением извне в новые границы Сербии албанских отрядов. 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10.000 человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, все еще находившиеся под контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Косово (Старой Сербии), которые согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Разгромив к началу октября вторгшиеся на территорию Сербии албанские отряды, королевское правительство распорядилось о закрытии для албанцев рынков в приграничных сербских городах – в первую очередь в Дебаре и Джяковице. Как сообщал из Белграда Штрандтман, сербское правительство «считает эту меру необходимой не только для действий против албанцев, но и ввиду брожения среди сербских мусульман»⁴¹.

По словам военного министра М.Божановича, имевшего встречу со Штрандманом, обстановка в районе боевых действий сложилась весьма серьезная, и она может потребовать новой крупномасштабной экспедиции в Северную Албанию. Он, также как и ранее Спалайкович, выразил уверенность в том, что Австро-Венгрия воздержится от каких-либо враждебных в отношении Сербии шагов, также как и ослабленная недавней войной Болгария. Одновременно министр иностранных дел Сербии попросил Штрандмана довести до сведения российского внешнеполитического ведомства, «что Моравская дивизия, двинутая против албанцев, по мере возможности не переступит линии Черного Дрина. Остальные мобилизованные войска предназначены для охраны порядка в стране»⁴².

Озабоченный сложившейся ситуацией, а также судьбой оказавшегося под угрозой сербского займа, министр финансов Сербии Л. Пачу, временно исполнявший обязанности председателя Совета министров, призвал находившегося в отпуске Пашича немедленно вернуться к исполнению своих обязанностей в надежде, что он найдет выход из создавшегося положения и сумеет избежать нежелательных в данный момент политических осложнений⁴³.

Однако антисербская кампания, инициированная державами Тройственного союза, уже набирала обороты. 3 октября российский поверенный в делах в Берлине Броневский телеграфировал: «Из разговора с Яговым по поводу албанских дел узнал между прочим, что германский посланник в Белграде сделал там в дружественной форме аналогичное с австрийским и итальянским представителями заявление о необходимости для Сербии не сходить с почвы Лондонских постановлений. В том же смысле высказался он и здешнему сербскому поверенному в делах, уехавшему ныне на несколько дней в Белград».

В тот же день наметилась определенная ясность и в перспективах деятельности Международной разграничительной комиссии. Российский делегат Потапов сообщил в Цетинье, что «на основании доклада топографов и по обсуждению общего положения дел на месте комиссия постановила испросить одобрения правительств на решение ее начать работы от Охридья». На основании этого решения все делегаты направили в свои страны идеентичные телеграммы следующего содержания: «Комиссия, изучив вопрос о пункте, с которого она начнет свои работы, большинством голосов предлагает выбрать таковым южную часть границы Охридского озера. Она решила, что каждый из делегатов телеграфирует своему правительству и испросит, не имеется ли возражений против этого проекта с точки зрения политической ситуации. Комиссия будет готова покинуть Скутари (Шкодер. – П.И.) к 10 октября (по старому стилю. – П.И.). В случае принятия ее проекта комиссия просит известить Сербское правительство и заинтересованные власти».

Говоря об австрийском, итальянском и болгарском факторах в обострении обстановки на сербо-албанской границе, следует упомянуть и фактор греческий. Вчитаемся в секретную телеграмму российского поверенного

в делах в Белграде Штрандмана от 25 сентября 1913 г. – напрямую посвященную данному вопросу: «Сербский поверенный в делах в Афинах сообщает, что Венизелос (глава греческого правительства. – П.И.) весьма озабочен ходом переговоров с Турцией об островах, известиями о мобилизации в Малой Азии и выговоренным себе Турцией правом оккупировать еще в течение двух месяцев отходящие к Болгарии территории, чтобы иметь непосредственный доступ к греческой границе. Объявленная в Греции приостановка демобилизации вызвала сильное неудовольствие населения. Венизелос поэтому обращает внимание сербского правительства на желательность соблюдения осторожности в албанском деле, но с своей стороны принимает меры к отпору албанцев в случае их движения на юг и разрешил перевозку сербских войск по железной дороге чрез Салоники на Битоли»⁴⁴.

В ходе вышеуказанной беседы с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В.Сватковским, состоявшейся в Вене 4 октября 1913 г., Пашич следующим образом недвусмысленно резюмировал позицию своего правительства в отношении событий на сербо-албанской границе: «Во всяком случае стратегические пункты мы займем, а там увидим»⁴⁵. Характерным проявлением подобного подхода явилось открытие, правда, без прямого указания самого Пашича, на албанской территории вблизи Охридского озера, сербского таможенного поста⁴⁶.

Помимо негативной реакции в правительственных кругах великих держав, в первую очередь, в Австро-Венгрии, резкое обострение ситуации на сербо-албанской границе вызвало новую волну критики в адрес Сербии на страницах европейской, прежде всего, австро-венгерской и германской, печати. По словам центрального органа австрийской Христианско-социальной партии газеты «Райхспост», «порядки на сербо-албанской границе царят возмутительные, если великие державы не заступятся заблаговременно за неприкосновенность Албанского государства, то кровопролитие примет угрожающие размеры. Ведь нельзя же признать уничтожение албанцев сербами за нормальный порядок в Албании»⁴⁷. А германская газета «Дойче тагесцайтунг» полагала, что обострение сербо-албанских отношений могло повлечь за собой серьезное обострение всего комплекса международных отношений в Европе, в силу того, что балканские государства, по ее словам, весьма неохотно очищают «временно оккупированные ими территории»⁴⁸.

Через несколько дней, в номере от 27 сентября 1913 г., газета «Райхспост» еще раз привлекла внимание своих читателей к проблеме сербо-албанских отношений, подчеркнув, что «во вновь завоеванных сербами областях господствует небывалое и возмутительное отношение к католическому населению»⁴⁹. По мнению газеты, которое имело достаточно широкое распространение в общественно-политических кругах Австро-Венгрии, сербское правительство стремилось заключить соглашение с Ватиканом исключительно в целях борьбы с австро-венгерским покровительством по отношению к католическому населению присоединенных к Королевству областей⁵⁰.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе, в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия из соседней Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии, которое предупреждалось о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждалось к восстанию в случае появления болгарских войск на территории Сербии. В результате, сербское правительство было вынуждено, предвидя массовые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу, еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75.000 человек с соответствующими артиллерийскими частями⁵¹.

В это же время значительно усилились антисербские настроения в Турции, на что сербскому поверенному в делах в Берлине указал германский имперский канцлер Т. Бетман-Гольвег, еще раз настоятельно посоветовавший Белграду не вмешиваться в албанские дела⁵².

В самой Сербии, в связи с вышеуказанными событиями, общественное мнение и политические круги пришли в сильное возбуждение и призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев, что привело к возникновению серьезного внутривластного кризиса. Оппозиционные депутаты в скупшине потребовали от кабинета Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника воеводы Р.Путника генерала Ж.Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км⁵³. Король Петр издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападков на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоящего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость⁵⁴.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных

к Сербии областях, а с другой стороны, – и этот взгляд превалировал, – среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании и, что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»⁵⁵.

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывает энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вынуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в этой стране, что Австро-Венгрия ищет удобный повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям...⁵⁶

Как следствие – в том числе настоятельных советов России – Сербия в конечном итоге согласилась вывести свои войска из пределов Албании. Наиболее опасный балканский кризис кануна первой мировой войны был урегулирован мирным путем. Белград и Петербург продемонстрировали, что кризис взаимных ожиданий все-таки не вылился в заметное охлаждение двусторонних отношений.

Примечания

¹ История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 657; *Rotheit R. Aus Albaniens Werdetagen*. Berlin, 1914. S. 3.

² Краткая история Румынии. М., 1987. С. 285.

³ *Martel G. The Origins of the First World War*. London and New York, 1987. P. 63.

⁴ *Фей С. Происхождение мировой войны*. Т. 1. М., 1934. С. 308.

⁵ Великие державы – «термин, принятый для обозначения государств, играющих ведущую роль в международных отношениях и несущих особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности»: *Дипломатический словарь*. Т. 1. М., 1984. С. 178. – В ходе работы Венского конгресса 1814–1815 гг. было признано существование пяти великих держав – России, Пруссии, Австрии, Англии и Франции. После испано-американской войны 1898 г. в качестве великой державы были признаны США, в конце XIX в. – Италия, после русско-японской войны 1904–1905 гг. – Япония. В результате первой мировой войны Австро-Венгрия перестала существовать в качестве великой державы, а Германия после своего объединения в 1871 г. заняла место Пруссии. Начиная с конференции 1945 г. в Сан-Франциско, великими державами стало принято называть пять государств – СССР, США, Китай, Францию и Великобританию, которые, согласно Уставу ООН, стали постоянными членами Совета Безопасности. (Там же.)

США лишь после Балканских войн установили дипломатические отношения со странами Балканского региона (за исключением Турции), назначив Ч.Волицку своим дипломатическим представителем одновременно в Болгарии, Сербии и Румынии (где находилось его постоянное представительство). См.: *Пантев А., Петков П.* САЩ и България по време на Първата световна война. С., 1983. — См. также: Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976.

⁶ Цит. по: За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С. 51.

⁷ *Писарева Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 3.

⁸ *Mitrović A.* Prolog na Balkan. Beograd, 1981. S. 439.

⁹ *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid. S. 278.

¹² Ibid. S. 52–53.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1914 г. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.

¹⁴ Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 196; *Skakun M.* Balkan i velike sile... S. 52–53.

¹⁵ *Упеник В.А.* Положение рабочего класса Сербии перед первой мировой империалистической войной // Ученые записки Института славяноведения. Том XI. М., 1955. С. 299.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.

¹⁷ Споменица Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1925. С. 721.

¹⁸ Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. Москва, 1998. С. 13.

¹⁹ *Доронина Р.Ф.* Сербская литература в преддверии войны // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 75.

²⁰ Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века... С. 383.

²¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 3.

²² Там же. С. 56.

²³ Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами». (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197.)

²⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.

²⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192.

²⁶ Там же. С. 197.

²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 315, 317.

²⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 337.

²⁹ Уредба о уређењу ослобођених области. Београд, 1913. С. 25.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 28.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 355.

³³ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 334; Там же. Д. 530. Л. 164.

³⁴ Там же. Д. 530. Л. 165.

³⁵ Там же. Д. 531. Л. 340. — Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде

Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц». (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11.) В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов – по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению. Подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.

³⁷ Там же. Л. 343.

³⁸ Там же. Д. 530. Л. 166.

³⁹ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Том VI. Свеска 3. Београд, 1984. С. 306.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 20–21.

⁴¹ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 371.

⁴² Там же. Л. 378.

⁴³ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 167. – Заключенный правительством Сербии с консорциумом французских банков контракт на пятипроцентный заем в 250.000.000 франков сроком на 50 лет был подписан 8 сентября 1913 г. Согласно данному документу, размер немедленного аванса составил 20.000.000 франков, причем 8.000.000 франков должны были быть выплачены уже 9 сентября. С сербской стороны заем был гарантирован доходами сербских государственных монополий, дававших в течение предыдущих лет до 13.700.000 франков чистого свободного остатка, который и должен был послужить основой для покрытия годовых взносов по заключенному займу, предусмотренных в размере 12.500.000 франков по процентам и 1.200.000 франков по платежам. (АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 153.) Однако сам процесс котировки займа затянулся до начала 1914 г., в первую очередь, вследствие осложнения внешнеполитического положения Сербии из-за ее политики в албанском вопросе. (АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 467.)

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 373.

⁴⁵ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Д. 531. Л. 360, 369.

⁴⁷ Reichspost. 1913. 24. Sept.

⁴⁸ Deutsche Tageszeitung. 1913. 24. Sept.

⁴⁹ Reichspost. 1913. 27. Sept.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.

⁵² Там же. Д. 531. Л. 362.

⁵³ Там же. Д. 530. Л. 171, 180а.

⁵⁴ Там же. Л. 163.

⁵⁵ Там же. Д. 531. Л. 350.

⁵⁶ Там же. Л. 352.

Трудоустройство и профессиональная реализация русских генштабистов-эмигрантов в 1920–1930-е гг.*

Abstract:

Ganin A.V. *Job-search and professional adaptation of Russian general-staff officers in emigration in the 1920s – 1930s*

The article considers a complicated process of how representatives of the Russian military elite were searching for jobs in foreign countries in the 1920s–1930s. This implied the need to adapt to and survive in an alien milieu. It is shown that, despite all difficulties, Russian general-staff officers were able, due to their high qualification, to achieve respectable positions in the society of recipient-countries.

Ключевые слова: военная элита, русская эмиграция, Генеральный штаб, Балканы, Королевство сербов, хорватов и словенцев, адаптация.

Поражение в Гражданской войне 1917–1922 гг. и бегство за границу сломали судьбы и карьерные устремления сотен офицеров-генштабистов. За рубежом приходилось всё начинать с нуля, первоначально пытаться найти способ элементарно выжить, а затем и пути самореализации. В этом отношении удачное место работы определяло очень многое. Трудоустройство в чуждой среде для бывших военных, многие из которых были уже в штаб-офицерских и генеральских чинах (что предполагало более высокие требования к месту и условиям работы, а также к оплате труда), было сложнейшей задачей. Лица с высшим образованием, к которым относились и офицеры Генштаба, не составляли большинства в первой волне эмиграции (по некоторым данным, в 1920-х гг. в Югославии было 13,3%, а в Болгарии – 6,6% русских эмигрантов с таким образовательным цензом)¹. Среди коренного населения балканских стран таких людей было совсем немного. И неясно, существовала ли вообще потребность в большом количестве столь высокообразованных специалистов. Достаточно отметить, что в 1920–1921 гг. в Югославии 50,5% населения старше 12 лет вообще было неграмотно, а в Болгарии (с учетом детей) этот процент составлял 55,5². Конечно, генштабистам надо было приспособливаться к потребностям приютивших их стран в тех или иных специалистах. Именно по этим причинам бывшие офицеры Генштаба далеко не всегда находили себя на квалифицированных работах. Безработными какое-то время оставались генералы С.Н. Люпов, Н.Н. Стогов и А.С. Лукомский³. Многие в эмиграции были вынуждены осваивать новые виды деятельности, открыли в себе необычные способности. Генерал С.К. Бородин и полковник М.И. Изергин некоторое время плотничали, генерал И.Г. Эрдели и полковник В.И. Соколовский работали шоферами в Париже⁴, полковник П.В. Колтышев проработал парижским таксистом

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

35 лет⁵. Генерал С.К. Бородин работал шахтером, позднее таксистом⁶. Генерал М.Ф. Квезинский работал сапожником. Генерал П.Э. Вильчевский в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) первое время занимался физическим трудом с зарплатой в 800 динаров, причем в анкете отдела труда Государственной комиссии КСХС указал, что хотел бы заниматься канцелярской работой⁷. Впоследствии он стал священником. Бывший начальник штаба Кубанского казачьего войска генерал В.А. Лещенко работал в Дубровнике простым рабочим⁸. Однако физический труд для генштабистов все же являлся исключением, как представители военной элиты они явно, если была такая возможность, отдавали предпочтение умственному труду.

Интересны данные проведенного в 1924 г. статистического обзора русских генштабистов в КСХС. Вопрос о трудоустройстве был особенно живо трепещущим, поэтому при анкетировании ему уделялось повышенное внимание. В результате опроса было установлено, что 65 генштабистов поступило на работу землемерными техниками и чертежниками. Связано это было с деятельностью генерала И.С. Свищёва, который организовал несколько очередей землемерных курсов и сумел осуществить переподготовку десятков генштабистов в соответствии с запросами сербского рынка. Новоявленные землемеры работали в Генеральной дирекции кадастра (20 человек), в городских кадастрах (10), в Министерстве аграрной реформы (15), в Министерстве строительства (10), в Дирекции воды (5) и по Государственной триангуляции (5)⁹. Еще около 60 человек служило в канцеляриях: Государственной комиссии (20 человек), Военного министерства (20), в статистических отделах разных министерств (15). Учителями работали 12 человек. В дирекции государственных железных дорог и на линии служили 10–15 человек. В реквизируемых имениях работали 6 бывших офицеров и 10 человек трудились на частных коммерческих предприятиях. Восемь старших офицеров служили в Главном Генеральном штабе сербской армии (генералы М.А. Пржевальский, А.М. и В.М. Драгомировы, Н.А. Обручев, В.А. Артамонов, В.И. Баскаков, А.Н. Шуберский, Б.М. Стахович). Они вели разбор архивов австро-венгерской армии, приводили в порядок библиотеку Генерального штаба, занимались самостоятельной работой по составлению истории боевых действий на Македонском фронте в 1916–1918 гг. Генерал Е.Ф. Новицкий служил в сараевской офицерской пехотной школе, входил в испытательную комиссию по выработке и применению ручного огнестрельного оружия. В общей сложности трудоустроено было более 260 офицеров¹⁰.

Русские генштабисты высоко ценились за рубежом. Например, Генштаба полковнику А.А. Колчинскому была поручена топографическая съемка большой территории в Бельгийском Конго. В ответ на сомнения Колчинского в своей способности выполнить эту работу работодатель ответил: «Но вы ведь русский, притом еще и офицер Генерального штаба, русские всё могут делать...»¹¹.

Иногда в целях трудоустройства генштабисты прибегали к различным ухищрениям. В частности, генерал-майор И.Г. Акулинин с целью устроиться на службу преднамеренно убавил себе три года, указав в краткой записке о службе, что родился не в 1880 г., а в 1883 г., отметил, что общее образование

получил в классической гимназии, а не в Верхнеуральском двухклассном городском училище, как значилось в его дореволюционных документах¹². Корпоративизм генштабистов способствовал такого рода манипуляциям. Так, за правильность краткой записки о службе Акулинина поручился Генерального штаба полковник А.Л. Мариюшкин. Трудоустройством офицеров занимались русский военный агент в КСХС и сербские органы власти. В частности, многие генштабисты с целью найти работу заполнили анкеты отдела труда Государственной комиссии КСХС¹³.

Генералы Ф.П. Рерберг и К.И. Глобачев в эмиграции занялись живописью, причем для Глобачева это был основной источник дохода. Генерал И.Г. Эрдели некоторое время зарабатывал на жизнь в качестве аккомпаниатора. Генерал А.М. Заболотный занимался вопросами строительства в новисадском управлении строительных работ¹⁴. Бывший начальник Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов работал землемером в сербском государственном кадастре¹⁵. Генерал В.И. Сенча нашел себя в качестве шахматиста¹⁶. Генералу С.Н. Люпову в Китае пришлось осваивать множество новых видов деятельности. Некоторое время он работал журналистом в русских газетах, писал исторические статьи, затем стал весовщиком в английской продовольственно-экспортной компании, занимался торговлей автомобилями, двенадцать лет был безработным, писал мемуары, читал лекции, позднее работал инкассатором и архивистом¹⁷. Генерал И.П. Пацковский служил полицейским, генералы С.Н. Розанов и М.А. Свечин – бухгалтерами. Генералы А.В. Черячукин и Е.В. Масловский работали на автомобильном заводе (последний – чертежником)¹⁸. Позднее Масловский стал заведовать церковной библиотекой в Нише. Генерал А.П. Архангельский работал в транспортной фирме. Генерал П.С. Махров зарабатывал на жизнь, давая уроки английского и русского языка. Полковник Б.А. Дуров преподавал математику в русской гимназии при Обществе помощи детям русских эмигрантов в Париже, затем на протяжении тридцати лет был ее директором¹⁹. Генерал Н.В. Нагаев ушел в монашество под именем Никодим, впоследствии стал архиепископом Ричмондским²⁰. Генерал П.Н. Врангель нашел себя в качестве горного инженера, в 1921–1923 гг. написал интереснейшие мемуары (опубликованы они были значительно позже, поскольку Врангель ждал окончания выхода «Очерков русской смуты» своего оппонента генерала А.И. Деникина)²¹. Издание воспоминаний преследовало как политические (полемика с Деникиным) и исторические, так и сугубо материальные цели. Генерал Деникин также занимался литературным трудом, регулярно выступал с лекциями во Франции, Югославии, Чехословакии²². Его пятитомные «Очерки русской смуты» до сих пор остаются наиболее масштабной исследовательской работой по истории Белого движения. Особенно плодотворным писателем проявил себя в 1920–1930-е гг. генерал П.Н. Краснов, опубликовавший в эмиграции 23 больших романа и повести, а также 4 тома воспоминаний, исторические исследования, публицистические брошюры и сотни статей. Полковник Н.В. Колесников не отставал от Краснова, его перу принадлежит не менее 32 книг (включая научные и художественные произведения)²³, но до сих пор Колесников совершенно не

известен в России. Бывший начальник штаба Ставки адмирала А.В. Колчака генерал Д.А. Лебедев стал директором-распорядителем «Урало-Сибирского трудового общества» в Китае²⁴. Генерал В.В. Чернавин работал в Русском заграничном историческом архиве в Праге в качестве эксперта по военной истории, вел обширную переписку и собрал уникальные материалы по истории Первой мировой и Гражданской войн, ныне хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Иногда генштабистам в трудоустройстве помогали связи с иностранными выпускниками Николаевской военной академии. Так, начальник сербского Географического института полковник С. Бошковиц в 1899 г. окончил геодезическое отделение Николаевской академии и в начале 1920-х гг. помог устроиться на работу известному военному топографу генералу И.С. Свищёву, с которым дружил, а также ряду других офицеров-топографов²⁵. Свищёв преподавал геодезию и на Техническом факультете Белградского университета.

Бывший начальник военной академии генерал А.И. Андогский преподавал стратегию японскому наследному принцу²⁶. Генерал А.М. Драгомиров работал в сербском Историческом архиве, руководил «Систематическими курсами современного военного дела». Генерал В.А. Тараканов – Повторительными курсами Союза участников войны в Югославии. Полковник К.З. Ахаткин – военно-образовательными курсами в Сан-Паулу²⁷. Генералы В.И. Баскаков и И.С. Свищёв возглавляли военную секцию в Русском научном институте в Белграде, там же временно трудились генералы Н.Н. Головин и М.А. Иностранцев²⁸. За десять лет работы института было подготовлено 47 докладов по военным наукам²⁹. Генерал М.М. Георгиевич с 1936 г. руководил филиалом белградского Русского военно-научного института в Новом Саду. Генштаба полковник М.В. Карханин преподавал в Офицерской школе усовершенствования военных знаний при 1-м отделе РОВС в Париже. В 1931 г. он опубликовал свои лекции по военной географии СССР и сопредельных стран. В том же 1931 г. в Ницце открылись русские военно-учебные курсы, которые возглавил генерал Н.А. Епанчин, его помощником стал генерал М.А. Свечин. Преподавателями на курсах работали, в том числе, и офицеры-генштабисты.

Таким образом, несмотря на все сложности, русские генштабисты смогли, благодаря своей высокой квалификации, в основном, занять достойное положение в обществе стран-реципиентов.

Примечания

¹ *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах: социальная и национальная структура и проблемы адаптации // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 62. – Впрочем, существуют и другие подсчеты, согласно которым процент лиц с высшим образованием среди беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) достигал 25,1%, см.: Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 322. – В действительности, скорее всего, составители сборника «Россия в изгнании» допустили серьезную ошибку, используя для анализа всей русской диаспоры в КСХС материалы нерепрезентативной выборки

900 анкет отдела труда Государственной комиссии КСХС. Неудивительно, что процент военно-служащих с высшим образованием в КСХС в их представлении достигал 44,3%, чего не могло быть в принципе: Там же. С. 335.

² *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 62.

³ *Голдин В.И.* Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск–Мурманск, 2002. С. 132.

⁴ Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 397.

⁵ П.В. Колтышев. На страже русской чести (Париж, 1940–1941 гг.) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб. 1992. Кн. 3. С. 172.

⁶ *Алабин И.М., Сударянский В.Д.* Донской генералитет в изгнании. М., 2001. С. 43.

⁷ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. С. 339.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 50об.

⁹ Там же. Л. 124. – Триангуляция – один из методов создания сети опорных геодезических пунктов.

¹⁰ Там же. Л. 124–124об.

¹¹ Колтышев П., полковник. Светлой памяти до гроба верного // Вестник первоходника. 1966. № 59–60. Август–сентябрь. С. 58.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 47. Л. 135. – Указания на год рождения И.Г. Акулинина (1880) и полученное им образование содержатся в делопроизводстве Российской Императорской армии см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 7об; Д. 15. Л. 7об; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 654. – В списке Генерального штаба допущена ошибка в отношении общего образования Акулинина: вместо Верхнеуральского двухклассного городского училища, расположенного в г. Верхнеуральске, – неподалеку от станицы, в которой родился Акулинин, – там указано Верхнеудинское.

¹³ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. С. 335.

¹⁴ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 54.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 26об.

¹⁶ *Арсеньев А.Б.* Указ. соч. С. 58.

¹⁷ *Купцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 313–314.

¹⁸ *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца. М., 2008. С. 217.

¹⁹ *Шулепова Э.А.* Русский некрополь под Парижем. М., 1993. С. 37.

²⁰ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 343–344.

²¹ *Русские без Отечества.* Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 98, 101–102.

²² Материалы этих лекций опубликованы в кн.: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006.

²³ Труды Генерального Штаба Полковника Николая Владимировича Колесникова // *Колесников Н.В.* Суворов. Военно-исторический очерк с рисунками, портретами и пятью картами кампании. Изд. 2-е. Шанхай, 1932. С. 140–142.

²⁴ *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2004. С. 61.

²⁵ *Маевский В.А.* Русские в Югославии // Русский Белград. М., 2008. С. 88.

²⁶ *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2003. С. 34; *Купцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Указ. соч. С. 24.

²⁷ *Домнин И.В.* Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 477.

²⁸ *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института. 1928–1938 // Русский Белград. М., 2008. С. 191–192.

²⁹ Там же. С. 203.

Младороссы между двумя войнами (из идейно-теоретического наследия)

Abstract:

Kossik V.I. *The «Young Russians» between the two world wars (theoretical heritage)*

Article is devoted to one of the most bright movements in russian emigration – младороссам, acting under the slogan «Neither white or red, and the Russians».

Ключевые слова: младороссы, Сталин, Европа, Казем-Бек, Советская Россия, Германия, революция, Гитлер, Родина, патриотизм, русский национализм.

Неослабевающий интерес историков и философов, социологов и политологов к российской эмиграции первой волны, ее политическим организациям – свидетельство востребованности идей, выработанных идеологами эмиграции, для понимания национального бытия в современном, уже неузнаваемо изменившемся мире.

Одной из таких организаций и является «Молодая Россия» с ее лозунгами «Ни белые, ни красные, но русские», «Царь и советь». Она возникла в начале 1920-х гг. в Европе и действовала во многих странах мира. Век ее был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Многие из теоретического наследия младороссов и сегодня звучит современно.

В 1923 г. в передовице газеты «Молодая Россия» подчеркивалось, что цель младоросского руководства состояла в том, чтобы «способствовать расширению и укреплению организаций националистических сил, открытая проповедь их верований, выполнение их научно-исторических и политических знаний, могущих укрепить и обосновать их национальное чувство и облегчить подготовку для созидательной работы на родине, а равно сознательное отношение к националистическому движению, ныне охватывающему Европу. Националисты всех стран – наши друзья. К ним присоединим мы свои силы в борьбе с общим врагом: интернационалом, демократизмом и социализмом»¹.

Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младороссах, живших в странах русского рассеяния, – от Аргентины до Австралии, от Брюсселя до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходявших со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена защите России.

Это как раз и является одной из причин, которые вынуждают думать над проблемой традиционности национальной мысли, патриотизма в его самых разных обликах – от елейного до проклинающего, и при этом стараться не уходить ни от одной из проблем, поставленных в одном времени и заболтанных в другом. Исследование идейно-теоретического наследия младороссов позволяет вдумываться не столько в привычные наши слабости, о которых писано-переписано, сколько размышлять над верой в Россию, в ее миссию.

Анализ видения мира изгнанниками, их мысли о прошлом, настоящем и будущем России, славянства был бы ущербным без детальной прорисовки взглядов самих младороссов и их главы Александра Львовича Казем-Бека (1902–1977), личность которого была известна не только соотечественникам, но и европейским политическим, государственным и общественным деятелям. А.Л. Казем-Бек был автором, возможно, первого проекта будущего миропорядка, написанного им в начале Второй мировой войны.

Немного из подробной биографии Александра Львовича. По мужской линии глава младороссов был потомком выдающегося ученого-востоковеда, профессора Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Касим оглы (по-русски Александра Касимовича) Казем-Бека, сына шейх-уль-ислама в Дербенте². По женской линии он состоял в родстве с Евгением Абрамовичем Баратынским, женатым на дочери прадеда моего героя. Матерью А.Л. Казем-Бека стала Надежда Шпигельберг, немка по национальности. Его отец – Лев Казем-Бек, выпускник Пажеского корпуса, долгое время занимал пост предводителя дворянства округа Вильно³. Сам Александр, пройдя испытания Первой мировой и гражданской войн, уже в 1920 г. эмигрировал. Начинаясь новая, удивительная жизнь русского, «России в изгнании». В отличие от многих сверстников ему во многом «везло»: помогали талант и умение завязывать нужные знакомства. Он слушал лекции профессоров в Белграде и Мюнхене. В 1925 г. сдал экзамены в Высшей школе политических и социальных наук в Париже, там же посещал занятия в Свято-Сергиевском богословском институте. Потомок шейх-уль-ислама многого хотел, но диплом ему не дала получить сама жизнь с ее старыми проблемами в эмигрантской упаковке. Выручали блестящий ум, способность к синтезу и анализу разнообразной информации, получаемой им из самых разных по своему характеру источников. В 1923 г. он встал во главе Союза «Молодая Россия», начало которого положено в Мюнхене. После нападения в 1940 г. Германии на Францию Казем-Бек, как пишет французская исследовательница его жизнедеятельности Мирей Массип, «вступил во французскую армию, но накануне отъезда в полк был арестован и привезен на стадион Роллан-Гаррос, а затем переправлен в лагерь Верне, где он встретился с десятками «младороссов». Освобожденный в июле 1940 года после вмешательства своего друга, занимавшего пост в правительстве Виши, Казем-Бек покинул лагерь на носилках. Узнав, что немцы вызывают его в правительство Виши, Александр, как и многие его соотечественники, владельцы нансеновского паспорта, подготовил отъезд своей семьи в Соединенные Штаты. Отъезд стал еще более необходимым в июне 1941 года, когда Гитлер напал на СССР. Его семье понадобилось больше года для преодоления всех барьеров при получении разрешения на выезд из Франции... В октябре 1941 года они, наконец, прибыли в Нью-Йорк»⁴. В Америке на протяжении ряда лет Александр Львович сотрудничал в газете «Новая заря» (Сан-Франциско). В 1944 г. был приглашен в Йельский университет преподавать русский язык и литературу, а с 1946 г. – работал в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне. В 1954 г., после смерти Сталина, подал заявление о предоставлении ему советского гражданства, которое получил в 1957 г. Вернувшись в СССР,

работал в Московской Патриархии. Похоронен на кладбище Афонского подворья в с. Лукино под Москвой.

Само «обращение ко времени» позволяет, думаю, не только осветить и проанализировать истоки, динамику младоросской «идейной эволюции и интеллектуального наследия», но и выявить и исследовать многоцветный спектр факторов, оказавших существенное влияние на сложный, где-то скачкообразный, процесс формирования мировоззрения младороссов, показать разделение эмиграции на два лагеря – «пораженцев» и «оборонцев». К последним принадлежали младороссы, в числе которых был, в частности, Илья Ильич Толстой (1897–1970), будущий профессор Московского университета.

Будучи почитателем К. Н. Леонтьева, я не пренебрег его уроками. Необходимость своего «цветения», о котором писал Константин Николаевич, освещается в сюжетах, посвященных Русскому миру в советской стране, управляемой большевиками. И точка зрения младороссов, гордившихся родиной, ее успехами, утверждавших вечность России и временность ее правителей, представляется мне верной. И правы были те, кто утверждал, что Россия, пережившая многое, переживет и большевизм.

Представленный здесь сюжет из истории идейно-теоретического багажа младороссов позволяет расширить наши представления не только о мире «отцов» и «детей» в эмиграции, но и о психологии восприятия изгнанниками происходивших на родине процессов во времени между двумя мировыми войнами, времени выбора.

* * *

В августе 1938 г. читатели выходившей во Франции младоросской газеты «Бодрость», в связи с вооруженными провокациями страны Ниппон в районе озера Хасан и занятия японцами сопок Безымянной и Заозерной, могли прочесть слова кавалера пяти орденов Красного Знамени, маршала Блюхера: «Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после очищающей революционной грозы?»⁵.

Эти слова, произнесенные еще в 1922 г., не теряли своего значения для младороссов уже потому, что речь шла о русской земле, о территориях, освоенных еще российскими мужиками и казаками. Как и в Советской России, в младоросской прессе патетически писали: «Сопки Безымянная и Заозерная стали заслуженными горами страны. Когда-нибудь вершины их будут украшены памятниками. Они сослужили нам, русским, великую службу. На склонах их, – подчеркивал Казем-Бек, – русский дух претворился в кровь. Эта кровь была пролита за отечество, за землю – за русскую землю, ради ее обороны и неприкосновенности ... они превратились в вершины русского сопротивления... Отечество в опасности – вечная магическая сила, стремительно мобилизующая патриотизм... Будущее России – в русском патриотизме. Борьба за отечество есть, прежде всего, борьба за оборону отечества.

Сегодняшний режим не облегчает, а затрудняет эту борьбу. Русские патриоты, русские националисты именно поэтому должны противостоять ему»⁶.

Отсюда следовал еще один лозунг: «Вся власть – Армии». Только она могла, разгромив начисто императорскую Японию, привести к свержению Сталина, к национальной революции. Несмотря на всю слабость, даже безнадежную беспомощность таких рассуждений, эти мысли в младоросской среде имели успех. Почему? Ответ может быть один: вера в действие, в армию, в народ-строитель. Но романтизм младороссов не учитывал психологии «комсомольцев-добровольцев», сталинских соколов, воспитанников новой России.

При этом замечу, что само существование патриотизма держится отчасти «благодаря» войнам!?

А как же дух?!

К этому вопросу можно подвести рассуждения видного младоросса К. Елиты-Вильчковского. Говоря в 1938 г. о расизме как идеологической базе будущей войны против СССР, он подчеркивал, что этот «племенной» феномен даст плоды даже в свободолобивой Франции, где газета «Матэн», говоря о России, заявляла о том, что 180 миллионов «двуногих животных», «предводительствуемых животными», не интересны для цивилизованного мира». В Италии, продолжал Елита-Вильчковский, газета «Дифеза дельла Рацца» («Защита расы») писала о запрете властей возможности брачных союзов между итальянцами и турками, а также «представителями славянизированных народов азиатского происхождения в Восточной Европе, к которым принадлежит основная масса москвитов или великороссов»⁷.

Читая эти строки, многие русские люди, вероятно, вспоминали Александра III, завещавшего нам помнить, что единственными союзниками России являются ее армия и флот.

А пока эмигрантам следовало в очередной раз довольствоваться заявлениями о необходимости устранения Сталина! В статье «Новая Европа» (6 марта 1938 г.) Казем-Бек писал: «Власть самодура, окруженного маньяками “мирового пожара”, все еще тяготеет над нашей страной и подрывает ее обороноспособность... Удары... по... оплоту нашей независимости и великодержавности – по армии – показали всему миру, что в России господствует власть не только паразитарная, но и вредительская... В настоящее время нет, и не может быть, иной переходной власти, кроме власти военной... После Мюнхенской мирной конференции, когда рождается новая Европа, нашим единственным лозунгом... может быть только: **ВСЯ ВЛАСТЬ АРМИИ**»⁸.

Итак, надежды на человека-строителя не оправдывались: оставался уже проверенный человек с ружьем!

12 апреля 1938 г. К. Елита-Вильчковский выступил в «Бодрости» с замечательной во многих отношениях статьей с громким названием «Время революционеров». Итак: «То сотрудничество, которое мы предлагаем наследникам сталинской диктатуры, – поскольку они не будут представлять сил антирусских, антигосударственных, пораженческих, центробежных, – есть лояльное сотрудничество ради блага России, ради защиты русского

единства и неприкосновенности русских границ – первого и необходимого условия дальнейшей борьбы за русское будущее... Если прямое участие в событиях для нас закрыто... мы... посредники между внешним миром, не связанным еще с нарастающими революционными силами в России и фактическими осуществителями назревающего переворота, не знающими внешнего мира, не ощущающими его сочувствия и его поддержки. Конкретно: наша революционная роль в это "время революционеров" в революционных событиях завтрашнего дня заключается, прежде всего, в ускорении революционных событий путем обеспечения оппозиционным силам поддержки извне – поддержки со стороны тех, кто стоит за мощь и целость России и сотрудничает со Сталиным только потому, что русское государство в их глазах олицетворяется им (это признание дорогого стоит! – В.К.). Мы знаем уже, что этому олицетворению приходит конец: новая государственность представлена Верховным Советом, а не генеральным секретарем разложившейся партии, новая мощь представлена Красной Армией – отбором техническим и патриотическим, а не ежовским аппаратом... Наша посредническая роль уже вышла из области благих намерений и наша революционная задача требует от нас сейчас в первую очередь технического усиления⁹.

Фантазии на тоненьких ногах, уже завязших в родимой почве, которой не они первые вдохновлялись и не последние проклинались.

12 ноября 1939 г. в передовице, озаглавленной «К новому миру», Казем-Бек, опережая время и предвосхищая международные инициативы, писал: «Но наше дело, дело всех нас, всех современников отдать себе уже сегодня отчет в том, что свержение Гитлера еще ничего не решит в области "конструктивной". Пока надо, разумеется, прежде всего, обуздать этого виновника мирового разбоя. И пусть это непосредственная цель войны. Но за этой целью войны непосредственно и сразу встанет цель мира.

Новый мир должен быть построен и организован так, чтобы четверть века спустя он не привел к новой, третьей великой войне. Такова аксиома, перед которой будут поставлены устроители этого нового мира...

Нашей России будет принадлежать первое место в ряду держав, на которых ляжет ответственность за мир всего мира, за утверждение нового всемирного равновесия, за осуществление международной справедливости, за создание мировой гармонии на месте мирового хаоса.

От нас, русских, зависит, чтобы наша Империя была достойна своей великой миссии»¹⁰.

В 1939 г. формула русского национализма гласила: «Освободиться внутри, обороняться вовне». Раскрывая ее смысл, Казем-Бек писал: «Русского национализма нет в "красном" лагере, в котором необходимость внутреннего освобождения – освобождения от сталинской тирании – не осознана и не признана. Русского национализма нет также... в том "белом" лагере, в котором необходимость обороны от внешней опасности не понятна. О том, с позволения сказать, "лагере", в котором существует ставка на саму внешнюю опасность, говорить вообще не приходится. Это просто

сборище отщепенцев – предателей русского происхождения, утративших право называться русскими»¹¹.

Но, тем не менее, не одна политика занимала Казем-Бека. По его инициативе в Париже в декабре 1938 г. были созданы «Обеды за круглым столом». Их задача заключалась в том, чтобы «создать в среде эмиграции более культурную атмосферу, не смотреть больше друг на друга как на врага, не культивировать бактерии гражданской войны, не воспринимать другого как “мерзавца” из-за различия политических взглядов»¹². В них тогда участвовали многие знаменитости, например, Н. Тэффи, Р. Гуль, В. Ходасевич, М. Алданов, Н. Берберова¹³.

10 сентября 1939 г. Казем-Бек через «Бодрость» обратился к младороссам Америки. «В день объявления Францией войны Германии, – писал он, – вы должны запомнить, что младороссы в Европе с этого грозного дня приступают в полном единодушии к выполнению своего личного, младоросского, национального и имперского долга. Мы с нашими естественными «природными» союзниками поднимаемся на борьбу с нашим общим врагом, вожделем которого направлены против нашей страны, против нашего Отечества и его достоинства. Никакие «пакты» не отменяют целей германского империализма, открыто выраженных и облеченных в доктрину национал-социализмом... Оружием, пером, мыслью, волей и прежде всего жертвой проложим мы наш путь – к молодой России!»¹⁴

Однако так думали далеко не все: многие были недовольны громким заявлением Казем-Бека о предоставлении своей партии в распоряжение союзников. Некоторым младороссам показалось, что это заявление означает одно – конец свободе и независимости Младоросской партии. Оправдания центра, аргументы которого были основаны на общечеловеческой правде и справедливости, мировой совести, вызвали обратную реакцию: «Все они сволочи. Хотели, чтобы Россия еще раз таскала для них каштаны из огня. Пускай потаскают для России»¹⁵. В этой сложной ситуации 1940 г. один из младоросских идеологов Н. Философов в письме к Александру Львовичу писал, что «...национальный подъем должен быть пропитан насквозь рускостью... мы ни европофобы, ни европофилы, мы – русские... Мы верим в наш народ, он выгребет, устроит свою жизнь, усилит мощь... будет благоденственным для мира всего мира. А прибавив к этому русское чувство всемирности и человечности, Россия тогда в полной мере выполнит свое высокое историческое назначение среди других народов»¹⁶. Замечательные слова, которые были близки и «красной», и «белой» России.

Сопоставляя Сталина с Гитлером, Философов писал в феврале 1940 г. Казем-Беку: «Сталин знает Гитлера. Гитлер знает Сталина. Каждый считает себя и умнее и хитрее. Кто из них окажется умнее и хитрее? Думаю, что Сталин, потому что в нем нет той истеричности, как у Гитлера. Гитлер менее способен сдерживать свои чувства и контролировать своим сознанием, поэтому у него будет больше просчетов. Мы все время настаиваем на “Майн кампф” и на том, что Гитлер не отказался от похода на Восток, кем бы он ни прикидывался. Будет не совсем логично в то же время говорить, что Сталин

давно отказался от мировой революции и держится только за власть. Мой взгляд по-прежнему: Сталин играет на двух лошадях и его генеральная линия до игры по банку вычерчивается по точкам, которые образуются в каждый данный момент от пересечения линии мирового пожара и линии национального бонапартизма. Причем я считаю, что, так как от мысли о мировом пожаре он не отказался, то второй козырь, козырь национального бонапартизма, он держит про запас, на случай неудачи «красной лошади». Он считает, что жизнь работает на него. И именно поэтому, как только в Европе начинает пахнуть бардачком – нахождение Сталина во главе страны для России становится более опасным. Или национальная революция или мировой бардак. Пока у власти Сталин – третьего выхода нет»¹⁷.

Эти размышления ответственного младоросса свидетельствуют, что не только у рядовых членов партии, но и у некоторых ее руководителей было плохо с логикой и умением оценки политической ситуации. Сама идея национальной революции, о которой грезил младороссы, может считаться утопичной или мертворожденной уже потому, что она была не нужна там, где у власти были «младороссы» с партийными билетами членов ВКП(б). Это не парадокс – это алогизм истории, которыми она полна.

И начавшийся отсчет «бардака» в Европе после гибели революции в Испании, после Мюнхена отчетливо показывал, что время аллюра «красной лошади» прошло. Иное дело «славянский кентавр». Еще в 1934 г. выходящая во Франции «Младоросская искра» в одном из своих материалов о путях спасения родины от грядущего Интернационала по ее эксплуатации как бы мимоходом отмечала важность опоры на славянские народы, для которых «разгром России означал бы начало их собственного конца»¹⁸. Эта мысль была развита позднее в речи Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага – немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки. Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки вверх и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями... Значит, больше всех страдали от немцев славяне... мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу,

для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»¹⁹. (Замечу, что на эту тему Сталин высказывался не единожды.)

Нам известно, что «соответствующие условия» были созданы для создания славянского блока на коммунистической основе. Однако он «рассыпался», не выдержав испытания временем. Вопрос в другом: сможет ли он возникнуть вновь, но на иной основе? Может, но только в том случае, если Россия обретет былую мощь. Только какой она будет и на чем она будет построена? Если наше мировоззрение опять будет «грешить» смешением понятий типа «славянофил-ленинец», то очередной крах неизбежен.

Возвращаясь к младороссам и славянству, следует еще раз обратиться к Казем-Беку, который в 1939 г. писал: «Помимо чисто принципиальных соображений, мы не можем забывать, что славянские народы в Европе должны быть ограждены нами – и вовсе не из сентиментальности... от германского засилья. Западные и южные славяне так уж расселены, что они могут увеличивать “потенциал” либо нашей империи, либо германской».

В настоящий момент под германским игом томится – это выражение надо в данном случае понимать буквально – свыше тридцати миллионов славян разных национальностей, которые еще к началу текущего года не были подвластны немцам и жили в рамках своих национальных государств.

Надо быть лишенным не только всякого имперского, но и просто национального русского чувства, чтобы не понять, что с таким положением мириться не могут ни русское достоинство, ни русская честь, ни элементарные русские интересы»²⁰.

Более того, по мысли Казем-Бека, сама борьба с Германией должна будет помочь обрести славянское единство в форме федерации («во всяком случае, культурной, – вероятно экономической – может быть, государственно-политической... Из будущего единения славян возникнет великая мировая сила. Она нужна всему человечеству. Она позволит утвердить мир всего мира»²¹).

В сущности, здесь находим то, о чем писал Леонтьев и напишет Сталин.

Безусловный интерес вызывает оценка Н. Философовым и внешнеполитической обстановки, анализ которой приводил его к следующим умозаключениям: «Победа над немцами без участия России – это мир за счет России. Значит, этого не должно быть ни в коем случае. Победа немцев над союзниками хотя бы и с помощью России – угроза для России. Значит, Россия должна будет сделать или крутой поворот, но еще не сейчас, а к концу войны. Тогда ей започуют все “алаверды”». Или выдержать равновесие борющихся сторон до состояния полного ослабления и тех и других. В этом случае где-то произойдет революция. Обе возможности перед Россией не закрыты. Оба козыря в руках Сталина. Опять та же тема белой и красной лошади. Чем будет выгодно сыграть, тем и сыграет»²².

Все эти размышления, на мой взгляд, можно охарактеризовать любимым словечком их автора – «бардак» в голове. Единственное, что заслуживает

внимания – явная «зацикленность» на личности Сталина, как своеобразного творца той же национальной революции, о которой так долго мечтали младороссы. И здесь их вожди не могли соревноваться с «вождем всех народов», но признаться в этом им не хватало смелости. В то же время нельзя не отдать дань уважения их рассуждениям о поисках нового пути в Россию: «Для пересадки с эмигрантского поезда на поезд русский нам нужна на какой-то момент синхронизация скоростей, иначе мы из эмиграции в Россию никогда не перепрыгнем. Перед самой войной, причем без всякой цели и смысла, у нас была сделана такая попытка синхронизации нашего зарубежного движения с текущей советской действительностью: видя в Молотове, Жданове и Андрееве преемников Сталина, лично с которыми уже нам лично придется сотрудничать, мы боялись в “Бодрости” сказать хотя бы одно слово критики в отношении их. Война оборвала эту, немного бесцельную, лишний раз только шатнувшую кадры, попытку синхронизации... После этого мы шархнулись в другую сторону и переборщили в нашей французской линии, отдавая, хотя бы и символически, в распоряжение Даладье все кадры Младоросской партии. Пути Младоросского движения и путь советской России разошлись. Это расхождение для нас с каждым днем опаснее, потому что развязка приближается. Пока не было начала завирухи, можно было и сомневаться в том, что что-то произойдет, что наступит перелом. Можно было считать, что это вопрос десятков лет. Но завируха началась. Есть начало – неизбежен и конец. А при конце, без той же синхронизации мы в русскую действительность не включимся. Поэтому нам сейчас надо быть особенно осторожными, чтобы нас не посчитали в России за “прихвостней буржуазии” и чтобы слово “младоросс” не стало таким же, как слово “белогвардеец”»²³.

В конечном итоге, корреспондент Казем-Бека приходил к мысли о том, что «мы победим только с Россией или вообще не победим. Рассчитывать на то, что за время войны мы приобретем здесь самостоятельно среди союзников достаточный вес для того, чтобы играть роль на мирной конференции и выручать Россию, если она засыпется, рассчитывать на это не приходится. Засыпется Россия, засыпемся с ней и мы. Важнее для нас не скомпрометировать себя в глазах русских националистов по ту сторону рубежа»²⁴.

Интересно, кого считал Философов русскими националистами? Риторический вопрос. Можно утверждать, что речь шла о русском народе, защищавшем Россию, о «младороссах» с партийными билетами, обо всех, кому было дорого Отечество.

И в завершение скажу, что сами младороссы как бы проводили жизнь в своеобразном зале ожидания поезда в Россию, но уже без Сталина. В этом же скрывалась их инерционная сила, позволявшая сохранять себя длительное время. Однако Вторая мировая война впрямую поставила перед ними проблему выбора пути. Она решалась в пользу «русскости», но этот термин мог толковаться по-разному.

Для одних он выкристаллизовался в активное «оборончество» и защиту внешней политики СССР.

Для других «русскость» в военных условиях определялась возможностью помочь той же Франции, вступив добровольцами в ее армию для защиты от германской агрессии. Защищая Францию, они защищали Россию.

Для третьих «русскость» означала необходимость защиты интересов Родины, веру в народ, в его великое будущее – «режимы уходят, нация остается».

Для четвертых она проверялась в ходе борьбы с Красной Армией в составе различных русских национально-освободительных формирований.

Для пятых «русскость» требовала возвращения на Родину, даже если там и оставался Сталин.

Тем временем «национальная революция» откладывалась на неопределенное время – Гитлер наступал по всему фронту. Европейские младороссы теряли связи. Их мирная жизнь, нарушаемая лишь дискуссиями да интригами, уходила в прошлое. Младоросская партия растворялась в хаосе войны. Приходило время действий, время выбора. «Молодая Россия» с начала Великой Отечественной войны как организация начала сходиться с политической сцены, но ее идеи, размышления и сейчас представляют не только исторический интерес – они созвучны мыслям некоторых из тех, кто задумывается о судьбе и пути России в современном мире.

Примечания

¹ Молодая Россия, Мюнхен. Июль. 1923. № 1. С. 2.

² Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-Бек. М., 1989.

³ *Массин Мирей*. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977) // Звезда. 2000. № 10. С. 185–186.

⁴ Там же. С. 192–193.

⁵ Бодрость. 14 августа 1938. № 188. С. 1.

⁶ Там же. 21 августа 1938. № 189. С. 1.

⁷ Там же. 13 ноября 1938. № 200. С. 1.

⁸ Там же. 6 марта 1938. № 167. С. 1.

⁹ Там же. 12 апреля 1938. № 172. С. 1–2.

¹⁰ Там же. 12 ноября 1939. № 258. С. 1.

¹¹ Там же. 15 января 1939. № 209. С. 1.

¹² Цит. по: *Массин Мирей*. Истина – дочь времени. С. 192.

¹³ Там же.

¹⁴ Бодрость. 10 сентября 1939. № 242. С. 2.

¹⁵ Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

¹⁶ Там же. Л. 87–88.

¹⁷ Там же. Л. 80–81.

¹⁸ Младоросская искра. 1 января 1934. № 35. С. 2.

¹⁹ 1945 Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома Малышева В. А. // Независимая газета. 29 сентября 1999 г. С. 3.

²⁰ Бодрость. 5 ноября 1939. № 250. С. 1.

²¹ Там же. 1 февраля 1940. № 258. С. 2.

²² РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Визит Эдварда Бенеша в Москву: славянский вопрос (декабрь 1943 г.)

Abstract:

Marjina V.V. *Visit of Edvard Beneš in Moscow: Slavic question (December 1943)*

The article deals with the analysis of the views of the Czechoslovak president E. Benes and the Soviet leadership about the role of idea of Slavic reciprocity during the struggle against Hitler's Germany and in the post-war period.

Ключевые слова: Бенеш, Корнейчук, Москва, славянский вопрос, Всеславянский комитет, 1943 год.

1943 год вошел в историю как год коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войны. Поражение нацистской Германии уже не подвергалось сомнению, хотя до полного ее разгрома было пока далеко. На повестку дня вставали вопросы послевоенного мироустройства. Все члены Антигитлеровской коалиции выразили согласие с восстановлением Чехословацкой республики (ЧСР), исчезнувшей с европейской карты в 1939 г.: чешские земли были оккупированы гитлеровской Германией и вошли в ее состав под названием Протекторат Богемия и Моравия, а Словакия стала номинально самостоятельным государством, фактически же вассалом Берлина, и участвовала в войне против СССР. После Мюнхена и предательства западных держав по отношению к Чехословакии Эдвард Бенеш, тогда второй ее президент, эмигрировал на Запад и возглавил борьбу за восстановление ЧСР. Именно тогда появилась выработанная им формула чехословацкой внешней политики: «50% – на Запад, 50% – на Восток, а не 100% на Запад». Ей Бенеш и собирался следовать, направившись, вопреки недовольству англичан в Москву для подписания чехословацко-советского Договора о взаимопомощи и сотрудничестве во время войны и в послевоенное время. О перипетиях подготовки договора и визита Бенеша в Москву, о проведенных им здесь переговорах с советским руководством, о самом договоре российский читатель имеет достаточное представление¹, однако некоторые стороны визита чехословацкого президента в советскую столицу получили меньшее освещение. Это – интерес Бенеша к славянскому вопросу и стремление выяснить отношение к нему советского руководства.

В конце ноября 1943 г. Бенеш вылетел из Лондона в Москву. Маршрут пролегал через Багдад, Тегеран, Баку. Как известно, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская встреча руководителей СССР, США и Англии. Бенешу и сопровождающим его лицам пришлось более чем на неделю задержаться на английской военной базе Хабанья (под Багдадом). Здесь его ожидали заместитель наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчук (известный советский писатель, украинец), чехословацкий посол

в СССР Зденек Фирлингер и другие официальные лица. Томительное ожидание продолжения пути не пропало даром: с Корнейчуком (в присутствии Фирлингера, который делал соответствующие записи) были обсуждены все вопросы, которые Бенеш намеревался выяснить и решить в Москве, в том числе и славянский вопрос. Президент, сам последовательный сторонник идеи славянского единства в целях противодействия германской агрессии, старался уточнить, как ее, эту идею, понимают в Кремле.

Здесь следует сказать несколько слов о А.Е. Корнейчуке (1905–1972), одной из видных фигур тогдашнего советского истеблишмента, именитом молодом драматурге сталинской эпохи. К этому времени из-под его пера вышел не один десяток драматургических произведений, в том числе и историческая драма «Богдан Хмельницкий» (1939 г.), посвященная освободительной борьбе украинского народа в XVII в. и воссоединению Украины с Россией. В 1934–1941 гг. Корнейчук являлся председателем Союза писателей Украины. Написанная по заказу И.В. Сталина, а затем лично им правленая пьеса Корнейчука «Фронт», в 1942 г. была поставлена во МХАТе. К этому времени Корнейчук, которому тогда еще не было сорока лет, стал уже трижды лауреатом Сталинской премии (всего он пять раз получал это звание). В 1943 г. он был избран академиком АН СССР и стал заместителем наркома иностранных дел. Кроме того, с момента создания Всеславянского комитета в Москве Корнейчук активно участвовал в его деятельности, являясь главой украинской секции и заместителем председателя Комитета генерал-лейтенанта А.С. Гундорова. Польскую секцию возглавляла тогда польская писательница Ванда Василевская, которая, кстати, стала третьей женой Корнейчука. Руководителем чехословацкой секции являлся крупный чешский ученый-эмигрант Зденек (Романович) Неядлы, с которым у Корнейчука установились теплые дружеские отношения. Чехословацкие эмигранты, в том числе и посланник, затем посол в СССР З. Фирлингер, нередко бывали на заседаниях Комитета, помогали в его деятельности, участвовали в проводимых им мероприятиях, радиомитингах. Идея славянской взаимности и единения в борьбе с гитлеровским нацизмом заняла к тому времени прочное место в советской политике и пропаганде. Так что Корнейчук и Фирлингер были хорошо знакомы уже ранее и по линии НКВД, и по линии Всеславянского комитета. Очевидно, Фирлингер соответствующим образом представил его и Бенешу.

Надо сказать, что в НКВД уже в это время витала мысль о «жизненном, положительном значении» пакта «о взаимопомощи между славянскими народами как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период». Пожалуй, впервые она была высказана в инструкциях, данных руководством НКВД послу СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Я. Богомолу для разговора с Бенешем 31 июля 1942 г.² Более подробно эта идея рассматривалась в пространной записке «Польско-чехословацкая конфедерация», подготовленной Центральноевропейским отделом НКВД в октябре 1942 г. и направленной наркому иностранных дел

В.М. Молотову: «Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт о взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы». Подчеркивались выгоды, которые для них представлял бы «основанный на взаимопомощи союз славянских стран», а также положительное значение создания «прочной и деятельной системы взаимопомощи между этими народами для устойчивости всей организации послевоенной Европы»³. Корнейчук, по всей видимости, являлся сторонником этой идеи. Поддерживал ее в принципе и Бенеш, настаивавший, вопреки недовольству англичан, на своей поездке в Москву и подписании чехословацко-советского договора о взаимопомощи и сотрудничестве сроком на 20 лет. Корнейчуку, вступившему на дипломатическую стезю в 1943 г., естественно, были известны все перипетии, связанные с заключением договора.

В Лондоне, где тогда пребывало чехословацкое эмигрантское правительство, хорошо знали о деятельности Всеславянского комитета, о проводимых им радиомитингах. В частности, полная стенограмма третьего митинга (9 мая 1943 г.), на котором выступал и командир чехословацкой воинской части в СССР Л. Свобода, была отправлена и Чехословацкому комитету славянской солидарности в Великобританию. Отчет о митинге передавали все европейские секции Британской радиовещательной компании. Чешская секция повторила передачу несколько раз. В Лондоне материалы митинга были изданы брошюрой на английском языке. Доставлялся в Лондон и журнал «Славяне». Хотя, следует сказать, что не все и не всегда на Западе однозначно положительно относились к идее славянской взаимности и взаимопомощи. «Англо-американская публика боится панславизма», – констатировалось в приложении к отчету о работе Всеславянского комитета за 8 месяцев 1943 г. Тем более, что нацистская пропаганда и антисоветские круги на Западе рассматривали Всеславянский комитет как инструмент советизации славянских стран и Европы в целом.

16–17 октября 1943 г. состоялся VI расширенный пленум Комитета⁴ с целью подвести итоги деятельности, наметить ее перспективы и призвать все славянские народы к усилению борьбы за быстрейший разгром «ненавистного врага»⁵. В числе гостей пленума были З. Фирлингер, начальник чехословацкой военной миссии в СССР полковник Гелиодор Пика и член Госсовета Чехословакии Богумил Врбенский (они также встречали Бенеша в Хабанье), депутаты парламента ЧСР коммунисты Клемент Готвальд, Вацлав Копецкий, Ян Шверма. Так что о деятельности Комитета, о том, как относятся в Москве к славянскому вопросу и идее славянского единства, Бенешу было известно достаточно хорошо. И, тем не менее, он решил обсудить этот вопрос с Корнейчуком. Согласно воспоминаниям Фирлингера⁶, Бенеш поставил перед советским дипломатом следующие вопросы: а) можно ли

рассчитывать на то, что Советский Союз, если уж он включил славянский вопрос в свою политику в качестве одной из важнейших проблем, от него уже не отступится, и останется ли славянский вопрос постоянной составляющей мировой политики; б) все ли деятели в Советском Союзе, то есть не только определенная группа людей (профессора, ученые и т.д.), разделяют эту точку зрения, а также принимает ли ее в принципе коммунистическая партия как решающая сила, и не случится ли так, что по каким-либо идеологическим мотивам и причинам она в одночасье может отказаться от этой точки зрения, будет ли партия ее постоянно иметь в виду и учитывать при формулировании целей советской политики; в) понимает ли Советский Союз славянскую политику в ее демократическом смысле, то есть как тесное сотрудничество всех славянских народов на основе полного равноправия, как народную идею, не имеющую ничего общего со старой идеей панславизма, которая всегда представлялась остальным славянским народам, особенно полякам, как новая форма империализма и экспансии. Это важно, говорил Бенеш, потому что, имея в виду поляков, славянскую идею следует пропагандировать в этой [демократической] форме и стремиться привлечь к ее поддержке польский народ, который после трудного опыта прошлого относится к славянской идее недоверчиво.

Корнейчук весьма охотно изложил свою, как он подчеркнул, личную точку зрения на славянский вопрос, но в то же время заметил, что не сомневается, что она разделяется и руководящими лицами в Москве. Президент, дескать, сам может это проверить в Москве и услышать в самых компетентных инстанциях официальную точку зрения по славянскому вопросу. Изложение своей позиции Корнейчук начал с констатации того, что прежде, в период революционного брожения в идеологии возникло много экстремизма, который постепенно сходил на нет, а во время нынешней войны исчез полностью. Старая идеология левачских течений и уклонов, зачастую абстрактно интернациональная и не имеющая ничего общего с действительными традициями русского и украинского народов, была полностью отринута уже в последние предвоенные годы. Так, например, по словам Корнейчука, официально признаваемая до 1938 г. историческая школа Покровского теперь подверглась полной ревизии, и многие его оценки совершенно пересмотрены. В качестве примера зам. наркома привел изменение взглядов на личность Петра Великого, усилиями которого было заложено «модерное русское государство». Совершенно иначе, по словам Корнейчука, теперь смотрят и на более раннюю историю русского народа, на Александра Невского, на упорную борьбу русского народа против немецкой экспансии и немецких рыцарей. Старая русская школа хотела из Богдана Хмельницкого сделать, так сказать, классового предателя и врага; ныне же именно Богдан Хмельницкий признан во всем Советском Союзе как великий герой украинского народа и защитник его свободы, как великая историческая личность, которая прочно скрепила братский союз украинского и русского народов. А что касается Польши, то сегодня принимаются взгляды старой русской

интеллигенции, которая всегда стремилась к сближению с польским народом и поэтому всегда боролась против царизма и царской бюрократии. Нынешняя война, подчеркнул Корнейчук, необычайно усилила все эти здравые направления, которые совершенно реалистически опираются на все, что в истории России было позитивного и хорошего, которые считаются с живыми силами народа, блестяще проявившимися в ходе войны, которые являются глубоко патриотичными, отвергая при этом пустой и воинственный национализм.

Корнейчук отметил, что он, как украинец, особо чувствует эту политику Москвы, «народную и патриотическую, стремящуюся к равноправию всех народов, необычайно поддерживающую их культурное и экономическое развитие, заботящуюся, прежде всего, об интересах и благе народа». Как он полагал, украинцы даже ближе, чем русские, к другим славянским народам, поскольку они непрестанно боролись за свои национальные права, за свой язык и культуру. Далее Корнейчук поведал о встрече литераторов, деятелей искусства, политиков и т.д. со Сталиным, которая проходила в Кремле несколько лет назад⁷. Тогда Корнейчук, по его словам, первый раз упомянул о славянском вопросе, хорошо не зная, как это будет воспринято, и был поражен тем, «как Сталин очень объективно и реалистически и в принципе положительно принял все, о чем я говорил». «Это легко можно понять, – сказал Корнейчук. – Прежде всего, Сталин сам вырос в теснейшей связи с русской культурой; его лучшими и самыми верными товарищами по революции были русские ... Сталин понял, как интересы кавказских народов тесно связаны с судьбой революционной России... Учителем Сталина являлся Ленин, который был не только великим революционером и интернационалистом, но также лучшим и великим представителем русской культуры. Сталин, таким образом, хорошо знает, что славянский вопрос не иллюзия, что он опирается на общие интересы всех демократически мыслящих народов, и что таким образом понимаемая славянская демократическая народная политика отвечает действительным постоянным интересам Советского Союза»⁸.

Естественно, все высказанные Корнейчуком мысли о славянской идее и славянской политике следует понимать в контексте решения главной задачи, которая стояла перед Советским Союзом и странами Антигитлеровской коалиции в ту пору, а именно: разгром нацистской Германии. Поэтому Корнейчук пошел и дальше, утверждая, что правильно понимаемая славянская политика отвечает также интересам Великобритании, поскольку и для нее означает усиление собственной безопасности. По его словам, если на Востоке [Европы] все славянские государства будут тесно сотрудничать в демократическом и народном духе, то все проблемы Восточной и Центральной Европы получат благоприятное разрешение в духе искреннего сотрудничества народов и государств всего мира. Славянские государства всегда будут стоять на страже против новой мощной экспансии Германии в том или ином направлении. Иллюзорно было бы думать, что можно истребить 80 миллионов немцев, которые при изменившейся ситуации в Европе и мире опять могут найти союзников и попытаются уничтожить новый порядок в Европе,

попытаются взять реванш. Немецкий империализм, по мысли Корнейчука, является сегодня единственной действительной опасностью для Европы и может еще долгое время проявляться в той или иной форме и нарушать спокойствие в Европе, представляя особую опасность для славянских народов, если они не разрешат своих проблем. Германский империализм снова мог бы использовать Польшу, если та не станет действительно демократической страной и не будет опираться на другие славянские народы.

Следует сказать, что в конце войны представления о возможности новой агрессии со стороны Германии были свойственны многим политикам, в том числе и Сталину, полагавшему, что германский империализм может возродиться через 15–20 лет и снова стать грозной опасностью для мира. Так же считал и Бенеш, который до конца своих дней страшился германской угрозы и видел в Советском Союзе главного гаранта безопасности Чехословакии с этой стороны. Не всегда в историографии отмечается тот факт, что советско-чехословацкий договор, подписанный в декабре 1943 г. в Москве, был направлен по инициативе Бенеша не в последнюю очередь против угрозы германской агрессии в будущем. В преамбуле Договора говорилось о желании обеих сторон «содействовать после войны поддержанию мира и предотвращению дальнейшей агрессии со стороны Германии». А статья 3 Договора прямо гласила, что договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу помощь в случае, «если бы одна из них оказалась вовлеченной в послевоенный период в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою политику «Дранг нах Остен», или с каким-либо из государств, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне»⁹. Это же подчеркивалось, в частности, и в выступлении по случаю подписания Договора Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина: «Договор закладывает прочный фундамент для послевоенного сотрудничества наших народов и для пресечения всяких попыток со стороны Германии вернуться к своей старой грабительской политике «наступления на Восток» – «Дранг нах Остен». Этой захватнической политике германского империализма народы наших стран должны противостоять всеми своими силами»¹⁰.

Но вернемся к беседе Бенеша с Корнейчуком. Славянская политика Советского Союза, утверждал он, абсолютно прогрессивна и демократична. Она не означает осуществления какого-то нового панрусизма, от которого Советский Союз окончательно отказался, не имеет ничего общего со старым царским империализмом, поскольку основана на полном равноправии всех славянских народов. Славянская идея должна опираться на народ, служить его интересам, а не определенному классу или слою, и поэтому может быть сопряжена с действительными интересами всех славянских народов. Возможно, считал Корнейчук, что и сегодня в Советском Союзе найдутся люди старого мира, профессора или другие общественные деятели, которым близка прежняя концепция славянской идеи, которые ее поддерживают и полностью не понимают новую идею и которые начнут писать и говорить

в старом духе. Но это не должно вводить нас в заблуждение. Такие взгляды не разделяются руководящими деятелями в партии. Наоборот, если сегодня вообще о славянской идее в Советском Союзе можно говорить, то только в новой форме и в новой концепции.

Корнейчук сам, по воспоминаниям Фирлингера, как украинец чувствует необычайно живо славянскую общность с чехами и поляками, что было свойственно и старой украинской революционной интеллигенции. В этом духе в свое время действовали [Т.Г.] Шевченко и [Н.И.] Костомаров. Почему именно их в беседе с Бенешем упомянул Корнейчук? Вероятно потому, что и тот, и другой, хотя каждый по-своему, были привержены идее славянской взаимности, славянского единения. В частности, представляется, что Корнейчуку импонировала мысль молодого Костомарова (он жил тогда в Киеве), выступавшего за федеративный строй, как организацию жизни славянских народов. Во всех частях федерации предполагались одинаковые законы и права, отсутствие таможи и свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства, единая центральная власть, ведающая отношениями вне союза, армией и флотом. Но при этом предполагалась полная автономия каждой части союза в вопросах внутреннего управления, судопроизводства и народного образования. «Дружеский кружок», где обсуждались эти идеи, был преобразован в общество, получившее название «Кирилло-Методиевского братства» (Обвиненный в 1847 г. в государственном преступлении за распространение панславистских идей Костомаров просидел год в Петропавловской крепости). Идея федеративного славянского союза была, возможно, близка и Корнейчуку, что, думается, сказалось и на его дальнейшей дипломатической карьере. Дело в том, что 1 февраля 1944 г. на сессии Верховного Совета СССР было принято решение о реорганизации НКВД СССР и создании НКВД УССР и НКВД БССР. Цель такого преобразования состояла в получении Советским Союзом не одного, а большего числа голосов в международной организации, которую по образцу Лиги Наций планировалось создать после войны (впоследствии она получила наименование Организации Объединенных наций – ООН). Исполняющим обязанности наркома иностранных дел Украины назначили Корнейчука. И он, вероятно, посчитав, что НКВД УССР получит действительную самостоятельность, начал строить проекты относительно его выхода на международную политическую арену. Возник и план создания «Славянского союза», призванного обеспечить мир и стабильность в Центральной Европе. В его состав в перспективе должны были войти Чехословакия, Польша и Украина. Вот тут дипломатической карьере Корнейчука и пришел конец. Вызванный «на ковер» к первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву (11 июля 1944 г.) он услышал о «существующем мнении», что его следует заменить более компетентным товарищем, владеющим языками. Кроме того, предполагалось, что Ванда Василевская вот-вот вступит в должность заместителя председателя Польского комитета национального освобождения и станет министром иностранных дел Польши. «Подумай, Саша, –

увещевал Корнейчука Хрущев, – что скажут люди, если ты со своей женой будешь встречаться за столом переговоров? Засмеют. А другой достойной кандидатуры на эту должность в Польше у нас нет. Кем-то должны жертвовать»¹¹. НКВД СССР возглавил бывший представитель ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна, а затем заместитель Г. Димитрова в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский.

Но в декабре 1943 г. Корнейчук еще представлял НКВД СССР и рассказывал Бенешу, как украинский народ «всегда хорошо понимал все усилия, направленные на справедливое формулирование славянской идеи, основанной на свободе и прогрессе, поскольку украинский народ жил и сохранил себя в тяжелой борьбе против социального гнета русского господствующего класса и помещиков». Корнейчук поведал, как он в августе 1941 г. вместе с В. Василевской и А. Фадеевым начал пропагандировать славянскую идею и приложили усилия к созданию Всеславянского комитета. Славянская политика, по мнению Корнейчука, должна стать «основой советской политики, ее центральной проблемой. Коммунистическая партия не может выступать против нее, поскольку это партия, которая практически руководит советской внешней политикой и понимает славянскую идею как в принципе прогрессивную, отвечающую действительным интересам народа, как программу действительно демократическую и народную».

Подводя итоги переговоров в Хабанье, Бенеш 3 декабря 1943 г. сообщал в Лондон премьеру чехословацкого эмигрантского правительства Й. Шрамеку и министру иностранных дел Я. Масарику: «В течение недели мы здесь очень подробно рассмотрели все политические и другие проблемы, с которыми я еду в СССР. Дискуссия была очень прямой, откровенной и очень успешной. По вопросу о договоре все уже с Москвой решено. Дискутировать больше не придется. Я разъяснил ему (Корнейчуку. – В.М.) всю нашу позицию в отношении Германии и Венгрии, Мюнхена и границ, наших меньшинств и массовых переселений, дальнейшего военного и экономического сотрудничества, наказания военных преступников. Далее я рассказал о нашей политике в отношении Польши, Румынии, Югославии, Франции, Австрии. Наконец, я сказал ему, чего мы будем требовать в условиях перемирия. Специально мы обсудили будущую славянскую политику... Корнейчук делал себе точные заметки. Все им будет доложено в Москве, и для этого будет подготовлена программа бесед со Сталиным и Молотовым. Считаю, что в целом расхождений во мнениях по всем существенным вопросам, пожалуй, не будет...»¹².

По приезде в Москву и подписании чехословацко-советского договора Бенеш провел ряд встреч с Молотовым, обсудив с ним все интересующие его проблемы. О славянском вопросе речь не шла. Но очевидно он затрагивался во время встреч Бенеша со Сталиным. Во всяком случае, президент упоминал об этом по возвращении в Лондон на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства, на котором заслушивалась его информация

о поездке в Москву: «Они (Советы, СССР. – В.М.) вообще не хотят допустить существования Германии как вооруженной державы. Это их теперешняя позиция. Под этим углом зрения и мы обсуждали в Москве наши и польские позиции в отношении Германии... Советский Союз полагает, что не менее, чем трем-четырем поколениям славянских народов, безусловно, следует дать возможность мира и реконструкции, и в этом смысл проводимой ими славянской политики. Когда в последний день перед отъездом я встретился официально со Сталиным (это было вечером, а на следующий день в 10.00 мы уезжали), я предложил тост за здоровье Сталина и пожелал успехов в его деятельности. Он мне ответил словами, которые я резюмирую так: необходимость соглашения (*dohody* можно перевести и как договоренности, согласия) между славянскими народами. Он сказал: “Я никакой не панславист, я – ленинец, и им останусь. Но не будет спокойствия и мира, если я не проведу необходимых мероприятия против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм, и его нельзя сломить иначе, чем это записано в нашем договоре. Если договоримся мы и чехословаки, то к соглашению с нами должны прийти и поляки, и все остальные славянские народы”»¹³.

Но еще до встречи со Сталиным Бенеш посетил Всеславянский комитет. Здесь его ждали А.С. Гундоров, Владимир Осьмиинин, Зденек Неелды, академик Н.С. Державин, Иван Регент, Фердинанд Козовский, Димитрий Влахов, Якуб Колас, Тимофей Горбунов. Бенеша сопровождали А.Е. Корнейчук, З. Фирлингер и Яромир Смутны (начальник канцелярии президента). Воспоминания об этой встрече, Гундоров писал: «Нам хотелось встретить Бенеша как можно теплее, с традиционным славянским гостеприимством. Приветствуя нашего гостя от имени Всеславянского комитета, я говорил о той поддержке, которую он оказал нам своим выступлением со статьей в журнале «Славяне»¹⁴, об огромном значении формирования и боевых действиях чехословацкой бригады совместно с Красной Армией, и, конечно, о чехословацко-советском договоре, который явился результатом его приезда в Москву»¹⁵. Бенеш выступил с речью на чешском языке, которая потом прозвучала в радиопередаче Всеславянского комитета. В ней, по сути, в сжатом виде отражена позиция Бенеша по славянскому вопросу. Вот его выступление (с небольшими сокращениями, сохранена лексика документа): «... Я выражаю свою радость по поводу встречи с деятелями Всеславянского комитета, потому что я уже в молодости, уже будучи студентом, изучал славянский вопрос, и с тех пор неуклонно работаю в направлении славянской политики.

Во время первой мировой войны произошла великая русская революция, которая освободила все народы Советского Союза, объединила в Советском Союзе славянские народы, – русских, белорусов, украинцев.

После первой [мировой] войны возникли самостоятельные славянские государства: Чехословакия, Польша, Югославия. Славянские народы сделали шаг вперед по пути своего развития. За 20 лет между первой и второй войной в мире произошли большие перемены. Борьба и труд славянских

народов, создание Советского Союза, – все это было исключительными событиями. Я не сомневаюсь в том, что после второй войны мы увидим в мире еще большие перемены. Все славянские народы во всем мире встанут на путь завоевания для них достойного и принадлежащего им по праву места среди других народов мира.

До войны существовали некоторые тенденции поставить славянские народы на второстепенное место в мировой политике. Но Советский Союз и его Красная Армия на протяжении этой войны вызвал своими действиями и своей борьбой против неприятеля восхищение всего мира и показал, что славянские народы стоят наравне со всеми народами мира, а во многом и превосходят их. Это достижение Советского Союза имеет исключительное значение не только для русских, украинцев, белорусов и народов Советского Союза, но и для всех славянских народов. Я думаю, что после войны все славяне встанут на тот путь, который им предназначен в мире.

Я пришел сюда во Всеславянский комитет с большой радостью еще и потому, что мы на этих днях заключили договор с Советским Союзом о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Этот договор важен в политическом отношении не только для Чехословакии, но и для всех славянских народов. Наш договор – это одно из важнейших событий, которое будет иметь влияние на наше положение и положение славян после войны. Я счастлив, что я, чехословак, приехал в Москву для заключения этого договора. Мой путь в Москву представляется мне символическим. Такой же путь совершат в будущем и все славянские народы. Мой путь сюда – это манифестация славянской солидарности, которая имеет культурное и политическое значение для всех славян. Наш договор имеет большое политическое значение не только по своему содержанию, но и по той обстановке, в которой он был заключен. Тот факт, что он заключен именно в Москве, кажется мне символом. Уже больше 150 лет наши политические вожди в решающие моменты своей жизни, в случае каких-либо стоящих перед народом трудностей, всегда обращались в Москву...

Наша славянская политика, как я не раз писал в своих статьях, должна быть демократической, народной. Имеются различные виды славянской политики, но единственная, настоящая ее форма – это та славянская политика, которую вы здесь ведете. Я в этом уверен и откровенно говорю об этом здесь. Я думаю, что для нашей славянской солидарности, для нашей культурной работы, для научной работы любого славянского народа то, что вы здесь делаете, что осуществляет Всеславянский комитет в такие трудные моменты, – это является формацией, которая в будущем себя оправдает.

Я бы хотел закончить свое выступление следующим: я хочу констатировать, что для будущей политики, для будущего Чехословакии этот путь, символический путь славянства, заложенный нашим договором, – единственный правильный путь. Наша цель – решительно остановить немецкое наступление на Востоке. Это дело общей славянской политики, это должно быть и это будет. Славянская политика имеет очень широкий размах: она

ставит перед собой много задач. Весь мир должен понять, что и для других народов эта политика преследует здоровые и справедливые цели.

Базой и основным направлением для будущей славянской политики будет то, о чем вы говорите на своих конгрессах. Славянская политика и в международном, и во внутреннем смысле должна быть поистине демократической, народной политикой, такой же, как в Советском Союзе, и такой, какую мы пытались осуществить в Чехословакии¹⁶. К этой политике присоединятся и другие славянские народы. И вы поможете им сотрудничать между славянами.

В заключение я хотел бы сказать, что желаю вашему комитету успеха в работе. Я надеюсь, что огромная проводимая вами работа будет оценена в будущем и в освобожденных от немецких захватчиков государствах. Я со своей стороны обещаю вам сделать все, что от меня зависит. Я надеюсь, что мы с вами будем такими же друзьями и в будущем. Мы будем вам помогать так, как можем, для того, чтобы поставленная вами задача объединения славянских народов имела полный успех.

Наконец, разрешите мне, как чехословаку, поблагодарить председателя чехословацкой секции, которая вместе с вами работала и для всех славян, и для Чехословакии под руководством профессора Зд. Нееды, пионера сотрудничества Советского Союза с Чехословацкой республикой, и с большим успехом продолжает свою политическую и культурную работу для национального сотрудничества чехословацкого народа и других славянских народов в России.

Я подчеркиваю, что верю, глубоко верю в то, что Всеславянский комитет находится на правильном пути, что он делает великое дело для будущего. И я пожелаю вам в вашей работе для нашего освобождения большого и полного успеха»¹⁷.

Несомненно, что это выступление носило, прежде всего, политико-пропагандистский характер. Но несомненно и то, что Бенеш являлся искренним сторонником идеи славянской взаимности, славянского единства в борьбе, в первую очередь, против угрозы германской агрессии. Как защитник и ученый-пропагандист этой идеи он выступал особенно во время войны¹⁸. После возвращения в Лондон Бенеш написал большую статью «Новая славянская политика», которая была опубликована в американском журнале «Фри уорлд». «Правда» в обширной статье под тем же названием поместила обзор этой работы¹⁹. В ней рассказывалось о борьбе славян за свободу, начиная с XIX в. и кончая Второй мировой войной, рассматривались возникшие в прошлом проблемы и пути их решения. Выступая за сплочение славянских народов, их единение, Бенеш в то же время указывал: «Это не значит, что славянские государства должны отказаться от независимости и создать прочный блок. Наоборот, каждое из них должно вести собственную независимую национальную политическую жизнь с собственными демократическими институтами... Я надеюсь, что после войны славянские народы захотят разрешить все славянские международные и внутренние

проблемы на базе новой демократической народной общности славянских народов. Выражая эту идеологию славянства, я не хочу создавать новую идеологию панславизма, я не хочу создать новый политический блок, состоящий исключительно из славянских народов. Блок, включающий другие народы, будет угрожать им и будет представлять собой новую европейскую силу... Этот новый славизм должен быть отражением двух глубоких идей, выраженных великими представителями славянской культуры, – Пушкиным, Тургеневым, Толстым, Горьким, Мицкевичем, Красинским, Палацким и Масариком. Эти концепции заключаются в вере в способность простого человека создать широкую политическую и социальную демократию и веру в гуманную природу человечества. Эти две идеи характеризуют подлинную славянскую проблему и подлинную славянскую политику в будущем».

Жизнь показала неоправданность надежд Бенеша на тесное единение славянских народов в будущем, но он был искренним в своем желании видеть славянский мир в этом будущем именно таким.

Примечания

¹ *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву. 1943 год // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 151–165; *она же.* Э. Бенеш: переговоры в Москве (декабрь 1943 г.). Перевод и публикация документов, вступление, комментарии // Вопросы истории. 2001. № 1; 2001. № 2; *она же.* Восстановление Чехословацкого государства: международные аспекты // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 390–427; *она же.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн.2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 133–172.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 13.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 42–43.

⁴ Пленум прошел накануне Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, на которой английский министр иностранных дел А. Иден, наконец, заявил, что Лондон не возражает против подписания советско-чехословацкого договора.

⁵ *Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 85–86.

⁶ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Díl druhý. Praha, 1948. S. 182–188.

⁷ Речь, по всей видимости, шла о встрече в Кремле в 1938 г. Н.С. Хрущев и Л.М. Каганович рекомендовали Сталину присмотреться к молодому украинскому писателю, который понравился вождю.

⁸ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. S. 185.

⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Том 4. Книга 1. М., 1981. С. 394–395. (Далее – ДМИСЧО, 4-1).

¹⁰ ДМИСЧО, 4-1. С. 397.

¹¹ *Бондаренко К.* Нарком Корнейчук // Журнал «Профиль». Киев, 23.02.2008. № 6 (25) (www.profil-ua.com/index).

¹² ДМИСЧО, 4-1. С. 392–393.

¹³ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2.* Praha, 1999. S. 204.

¹⁴ *Бенеш Э.* Революционное содружество свободных славянских народов // *Славяне*. 1942. № 5–6. С. 11–18; № 7. С. 5–13; *Фирлинггер З.* Чехи и другие славянские народы // *Славяне*. 1942. № 8. С. 18–20.

¹⁵ *Кикишев Н.И.* Славяне против фашизма. Приложение 1. А.С. Гундоров. Воспоминания. М., 2005. С. 271.

¹⁶ Здесь Бенеш несколько «перехвалил» себя, поскольку и во внутриславянской политике Чехословакии было немало промахов и ошибок: взять хотя бы решение словацкого вопроса, которое не удовлетворяло словацкую политическую верхушку и во многом способствовало расчленению Чехословакии и созданию формально самостоятельного Словацкого государства; приверженность Бенеша теории единого чехословацкого народа, нанесшей немалый вред чехословацким отношениям; просчеты в политике по отношению к Подкарпатской Руси; и вообще теперь уже хорошо известные недостатки в национальной политике первой Чехословацкой республики. Не такой «розовой» и безупречной, как это представлял Бенеш, была и национальная, в том числе и внутриславянская, политика СССР. Но тогда, в условиях войны, на первый план выдвигалась «фасадная» часть этой политики, долженствующая содействовать сплочению славянских народов в борьбе против гитлеровской Германии.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6646. Оп. 2. Д. 19. Л. 23–24 об.

¹⁸ См.: *Beneš E.* Naše slovanská politika. Londýn, 1943; *Beneš E.* Uvahy o slovanství. Hlavní problémy slovanské politiky. Londýn, 1944.

¹⁹ Правда. 24 апреля 1944. С. 3–4.

II. Славянские народы в эпоху образования современных наций

И.И. Лещиловская

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Культурные учреждения и общества в Хорватии и Славонии в годы хорватского национального Возрождения

Abstract:

Leschilovskaya I.I. *Cultural institutions and societies in Croatia and Slavonia in the age of the Croatian national revival*

The article considers the birth and development of institutions and societies, which functioned mainly in the cultural sphere in towns of Croatia and Slavonia in the age of national revival (1796–1849). Among others, those were musical societies, reading-rooms, «Matica ilirska», youth circles in seminaries and so forth. These unions are viewed as sprouts of the civil society coming into being.

Ключевые слова: Хорватия, Славония, XIX век, хорватское национальное Возрождение, иллиризм, общества.

В первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии развернулись важные процессы, получившие название хорватского национального Возрождения. Это был переход от сословно-иерархического строя с подневольным трудом к обществу, основанному на свободной рыночной экономике, от регионализма к национальной идентичности, от провинциализма к современному, на уровне века общехорватскому культурному пространству. Кульминацией хорватского национального Возрождения стало общественно-политическое и культурное движение преимущественно средних слоев, получившее по своей ведущей идее Великой Иллирии (идее национальной целостности южных славян) название иллиризма. Началась освободительная борьба за равноправие хорватов.

Составной частью общественных новаций было образование в Хорватии и Славонии, в основном в области культуры, разного рода объединений. Это были внесловные, неофициальные, иницианированные частными лицами общества, знаменовавшие собой появление общественного интереса.

В 1827 г. в Загребе было образовано по примеру Вены Общество друзей музыки (Musikverein). У его истоков стояли гитарист И. Падовец и хорист местного собора Ю.К. Виснер Моргенштерн. Он происходил из города Арада (Венгрия) и прибыл в Хорватию в качестве секретаря графа Эрдели. Среди основателей Общества большую часть составляли местные торговцы. К концу первого года существования оно насчитывало почти сто членов:

торговцев, ремесленников, представителей интеллигенции, офицеров, священников, дворян, аристократов и чиновников. Целью Общества было ознакомление хорватской публики с европейской музыкальной классикой, а также и с сочинениями местных композиторов.

Общество имело собственный оркестр, состоявший из любителей и профессиональных музыкантов. Согласно статуту оно должно было два раза в месяц устраивать публичные концерты. В 1829 г. по инициативе Виснера Моргенштерна при Обществе была открыта музыкальная школа с трехлетним обучением. В ней обучались 50 учеников, большей частью любителей, а также «воспитанников», которые готовились стать профессионалами. Ученики после завершения школы должны были пройти трехлетнюю практику в оркестре.

Музыкальное общество регулярно устраивало разного рода музыкальные мероприятия, иногда благотворительные, хотя само испытывало финансовые трудности. Его материально поддерживали меценаты и любители музыки, большей частью представители загребского дворянства и высокого духовенства. Неоднократно с помощью других музыкальных сил города оно устраивало исполнение крупных произведений. Это были «Сотворение мира» (1833) и «Времена года» (1843) Й. Гайдна, «Реквием» В. Моцарта (1837) силами 200 музыкантов и вокалистов.

Музыкальное общество сыграло большую роль в развитии хорватской музыкальной культуры. На протяжении столетия оно поддерживало музыкальное искусство в Загребе и соответственно во всей Хорватии. Со временем оно стало Музыкальным заведением (институтом). Загребская музыкальная школа была соединена в 1842 г. с Филармоническим обществом и получила городскую субсидию. В конце XIX в. на ее основе была открыта Консерватория¹.

Вслед за Загребом музыкальные общества появились в Вараждине (1827), Осиеке (1830), на хорватской Военной Границе в Петрине (1841) и других городах. При этих обществах работали музыкальные школы, которые в основном готовили музыкантов для оркестров.

С началом в 1835 г. иллирского движения музыкальная культура в Хорватии вступила в новый период своего развития. В обществе сложилось понимание ценности народной музыки, композиторы стали творчески осваивать народные мелодии, развернулась пропаганда песенного фольклора. Музыкальная культура была проникнута духом иллиризма, иллюзией культурной целостности южных славян. Но в действительности создавалась хорватская национальная музыкальная школа. Появились иллирские музыкальные общества. В 1839 г. в семинарии Загреба сложилось «Народное иллирское общество складногласия». Его целью было продвижение церковной и народной песни. При нем были хор и оркестр, которые в концертах исполняли также произведения хорватских композиторов. В 1840 г. и в Королевской академии – высшем учебном заведении – было организовано «Первое иллирское музыкальное общество». Оно было нацелено на пропаганду народной песни. С этим обществом был связан самый крупный хорватский

композитор того времени Ватрослав Лисинский. Он занимался, в частности, обработкой народных мелодий².

Еще в 1829 г. Людевит Гай, в будущем лидер иллирского движения, задумался об организации в Хорватии научного общества. В годы университетской учебы он мог видеть основанный эрцгерцогом Иоанном в Граце Иоаннеум, был свидетелем организации в Пеште Академии наук при поддержке, в частности, хорватского дворянства. В 1836 г. Гай выступил в основанном им национальном журнале «Даница илирска» со статьей «Общество друзей народного иллирского просвещения». В ней хорватский деятель высказался за организацию в Загребе общества, призванного поднять культуру народа. Его задачи должны были состоять в создании на национальном языке научных трудов в различных областях знаний (кроме политики и богословия), в развитии нового литературного языка, в сборе книг, рукописей, в первую очередь касавшихся Великой Иллирии и ее населения, в публикации различных памятников, в учреждении в будущем библиотеки и национального музея. Гай рассматривал свои издания, газету и журнал, как предтечи такого общества³.

Гай вошел с предложением об учреждении общества в хорватский сабор, и тот поддержал его. Однако, в силу подчиненного положения Хорватии и Славонии в Австрийской империи, судьба проекта зависела от согласия венгерских властей, а затем – санкции императора. Вопрос об основании в Загребе научного общества надолго затянулся.

Тем временем в городах Хорватии и Славонии стали возникать читальни, для организации которых достаточно было разрешения городских властей. Первая читальня под названием «Друзья нашей народной литературы» была создана в январе 1838 г. по инициативе барона М. Ожеговича в Вараждине. Она насчитывала около 100 членов. Вскоре открылась читальня в Карловаце, создателями которой выступили К. Клобучарич, А. Ваканович и А. Враницани. Вслед за ней по инициативе графа Я. Драшковича, одного из ведущих деятелей иллирского движения, и других лиц такого рода общество появилось в Загребе. В 40-е годы читальни были основаны в Джакове, Осиеке, Копривнице, Пожеге, Крапине, Самоборе, Крижевцах. Читальни стали общественными клубами, где участники иллиризма обсуждали злободневные вопросы. Таким способом парализовалось действие суровой цензуры, тяготевшей над печатью.

В июле 1838 г. в Загребе состоялось предварительное собрание патриотов с целью создания читальни под предводительством Я. Драшковича. Граф своей незаурядной личностью оказал влияние на характер загребской читальни. В речи на собрании он развил программу деятельности. Она включала изучение родного языка, развитие науки, популяризацию полезных знаний, подъем хозяйства, воспитание и повышение благосостояния народа. На том же собрании был принят документ «Основа читальни», представлявший собой правила этого общества. Согласно им, цель читальни состояла в том, чтобы «открыть возможность для чтения различных журналов и книг и таким способом расширять полезные знания». Общество

намеревалось приобретать на свои средства разнообразную литературу. Для членов читальни устанавливался ежегодный взнос в размере 6 форинтов. Официально общество загребской читальни преследовало скромную задачу, связанную с чтением литературы. На практике его деятельность вышла за эти рамки и развивалась в направлениях, сформулированных Драшковичем. Сам граф подарил читальне 1 тыс. книг, заложив основу ее библиотеки.

22 августа 1838 г. состоялось учредительное собрание членов Иллирской читальни в Загребе. На нем было создано правление общества во главе с Я. Драшковичем. Секретарем читальни и хранителем библиотеки избрали известного филолога В. Бабукича. В 1838–1839 гг. загребская читальня насчитывала 217 членов из средних и верхних слоев общества. Она стала центром общественной деятельности патриотов. Мероприятия, проводимые загребской читальней, получили общехорватское значение. По ее инициативе образовались все национальные учреждения Загреба периода иллиризма⁴.

Библиотека Иллирской читальни состояла из периодических изданий и книг, приобретенных самим обществом, подаренных ему или предоставленных в его пользование отдельными членами. Читальня выпускала газеты и журналы, каталог которых не был постоянным и менялся. Это были политические, литературные, научные, экономические и другие издания на сербскохорватском, чешском, польском, русском, немецком, итальянском и венгерском языках.

Общество читальни в Загребе обратило внимание прежде всего на экономику. В 1839 г. оно объявило награды за лучшие сочинения по вопросу об экспорте морем хорватских вин, организации суконных и кожевенных предприятий, устройству бумажной мануфактуры в Хорватии и Славонии, а также за лучшую популярную книгу по сельскому хозяйству, рассчитанную на крестьянство. Конкурс должен был подтолкнуть развитие экономической мысли и оживить предпринимательскую инициативу в Хорватии и Славонии. Однако никаких сочинений в адрес читальни не поступило.

Поскольку прошение сабора от 1836 г. об организации в Загребе научного общества оставалось без ответа, правление читальни весной 1839 г. решило учредить общество «Иллирская матица», подобное существовавшим у сербов и чехов. Императору было направлено прошение об устройстве такого общества за подписью видных лиц и Правила общества. Они предусматривали создание из добровольных взносов денежного фонда общества, переход в его руки национальной газеты и типографии, издание научной, популярной и художественной литературы, сооружение здания, где разместятся бы музей и библиотека. Действительными членами общества могли быть только «иллирские» писатели. Предполагалось также почетное членство для лиц, особенно отличившихся на поприще служения короне и народу. Иностранные ученые получали звание корреспондентов.

Согласно Правилам, руководство обществом должен был осуществлять Комитет, избираемый на главной скупщине. Действительные и почетные члены, а также корреспонденты выбирали двух протекторов. Предполагалось

создание двух отделов – литературного и хозяйственного. Руководящие органы избирались на 3 года⁵.

Гай повез ходатайство читальни и Правила общества в Вену. Двор передал хорватские документы венгерскому Наместническому совету. Здесь они пролежали 6 лет.

С целью поддержки литературы на национальном языке в ожидании императорского решения загребская читальня в 1841 г. постановила, чтобы каждый член ее приобретал по крайней мере 1 экземпляр новой книги, рекомендуемой руководством читальни. На Бабукича легла также обязанность продажи национальных книг. В этом качестве он поддерживал связи с Далмацией и Боснией, а также с Лейпцигом, Прагой, Пештом, Веной, Любляной.

Деятельность в области культуры неизбежно подводила участников иллиризма к необходимости организационной и финансовой поддержки новой литературы и издательского дела. Сербский и чешский культурный опыт показывал реальный путь к этому.

Поскольку разрешение на организацию научного общества не приходило, деятели иллиризма создали в 1842 г. при загребской читальне особый денежный фонд под названием «Иллирская матица». Его целью было издание на новом правописании старых книг, особенно дубровницких классиков, а также полезных произведений современных писателей, не имевших средств их выпустить. Для ведения дел фонда был создан литературно-редакционный комитет под председательством Гая. В него вошли видные деятели иллирского движения Д. Деметер, секретарь загребского епископа П. Штоос, А. Мажуранич, Л. Вукотинович. Секретарем был избран Бабукич, а казначеем Ванцаш. С целью решения финансовой проблемы комитет обратился к патриотам с призывом делать добровольные приношения. Лица, внесшие единовременно или в течение 5 лет по 5 форинтов, считались основателями Матицы. Они получали право иметь бесплатно книги, выпускаемые ею, и пользоваться правом голоса на собраниях⁶.

Пожертвования быстро потекли в новый фонд, и уже в 1842 г. капитал Матицы составил более 2500 форинтов серебром. До конца года определились 34 основателя, 120 человек, принявших на себя обязательства, и 434 жертвователя. Среди первых основателей были Гай, католический епископ в Джакове П. Кукович, каноник М. Вукович, глава читальни в Вараждине М. Ожегович, крупные предприниматели Враничани и др. В период с 1843 по 1850 гг. заявил о себе еще 171 основатель. В этот круг вошли все авторитетные деятели иллиризма: Бабукич, Д. Деметер, И. Кукулевич-Сакцинский, А. и И. Мажураничи, Л. Вукотинович, П. Штоос, Д. Кушлан и др.⁷ По существу было создано новое общество. Руководило им правление читальни.

Основание Матицы в Загребе получило поддержку в славянском мире. Разделявшие идеи славянской взаимности 16 чешских литераторов и видных граждан по инициативе ученого, активного деятеля чешского Возрождения П.Й. Шафарика направили Иллирской матице 210 злотых⁸.

После выхода в 1843 г. императорского патента о запрещении в печати терминов «иллирь», «Великая Иллирия» над хорватскими национальными учреждениями нависла серьезная угроза запрещения. В это тяжелое время руководители иллиризма сделали попытку координации деятельности читален в Загребе, Карловаце и Вараждине с целью их сохранения. Правление заградской читальни предприняло также другие меры, чтобы оградить общество от нависшей опасности запрещения. Я. Драшкович и граф Ю. Оршич, происходивший из старинного хорватского рода, отправились в Вену, чтобы там отстоять заградскую читальню и Матицу. Опасения хорватских деятелей не были напрасны, так как общество читальни не было утверждено высшими властями и венгерский Наместнический совет в начале 1843 г. официально запросил Заградскую жупанию (область) о том, что представляют собой читальня и Матица. Благодаря тому, что управление Заградской жупанией в это время находилось в руках сторонников освободительного движения, читальню и Матицу удалось спасти. Но с 1843 г. деятельность читальни ослабла, число ее постоянных членов сократилось⁹. Она ограничивалась поддержкой уже существовавших национальных обществ и не проявляла инициативы в области культуры.

Матица начала свою работу в трудное время. В Загребе запрещалось печатать даже то, что уже было опубликовано в Вене, Пеште и других городах империи. Матица имела целью издание произведений дубровницких поэтов XV–XVII вв. и лучших современных хорватских писателей. Обращение к дубровницкой поэзии Возрождения и барокко объяснялось как общеполитической ситуацией, так и процессами, протекавшими в хорватской литературе.

В 1844 г. общество издало поэму «Осман» И.Ф. Гундулича. По антиосманскому пафосу она была близка эпохе иллиризма. В издании Матицы текст поэмы был исправлен по старым рукописям. Недостающие XIV и XV песни, а также толковый словарь к поэме составил талантливый поэт Иван Мажуранич при участии брата филолога Антуна Мажуранича. Благодаря хорошему знанию дубровницкой поэзии молодой поэт блестяще справился с трудной задачей. Его добавления органично вошли в художественный строй поэмы. Матица издала и вторую книгу произведений Гундулича «Разные песни». При финансовой поддержке Матицы вышел второй том «Драматургических опытов» Деметера.

В 1846 г. Матица начала печатать «иллиро-немецко-итальянский словарь», составленный Й. Дробничем. С ее помощью издавались и другие книги.

Матица поддержала научно-литературный журнал «Коло». В 1847 г. она финансировала IV–VI выпуски журнала. В них сотрудничали поэт Станко Враз, сербский ученый, фольклорист, историк Вук Караджич, Бабукич, хорватский поэт П. Прерадович, боснийский собиратель фольклора, литератор Ф. Юкич, Л. Мартич, выдающийся черногорский поэт Петар II Петрович Негош, словенец известный общественный деятель М. Маяр, словак глава национального Возрождения Л. Штур, чешские общественные деятели Ламбл и В. Зап. Редактором «Коло» в это время был Враз. «Коло»

пользовался поддержкой со стороны славянской общественности¹⁰. Но судьба журнала в хорватских условиях была трудной.

В 1845 г. Народная (Иллирская) читальня возобновила свою просьбу об основании в Загребе научного общества. В свою очередь и сабор вернулся к этому вопросу. В 1845 г. была удовлетворена хорватская просьба об основании кафедры национального языка и литературы в заградской Академии. Первым ее профессором стал Бабукич, который и далее продолжал принимать активное участие в делах Матицы. В 1846 г. секретарями Матицы стали С. Враз и Я. Ужаревич. Наконец, в следующем году было получено разрешение на создание Хорватско-славонского литературного общества с условием изменения предложенного устава. Однако последующие события резко изменили общественно-политическую ситуацию, и литературное общество создано не было.

Трудно переоценить значение заградской читальни и Матицы для хорватского общественного развития. Это были очаги формирования гражданского общества. Они способствовали утверждению и распространению национального литературного языка, развитию на нем литературы, учреждению культурных институций.

Иллирская матица имела широкие связи в славянском мире. В 1846 г. в нее входили 28 чехов и 20 словаков. Основателями Матицы были видные деятели чешского Возрождения, словацкий поэт Я. Краль, словенские сторонники иллиризма М. Маяр и Ст. Кочевар, с 1858 г. – В. Караджич. Чешский библиотекарь А. Й. Вртятко подарил обществу рукопись поэмы И.Ф. Гундулича «Осман». В марте 1848 г. по решению правления Матицы Й. Юнгман – «этот великий славянин» был посмертно включен в число ее членов¹¹.

Иллирская матица поддерживала книгообмен с видными славянскими деятелями культуры и учреждениями. Она получила в дар от Петра II Негоша по экземпляру его произведений, одарив в свою очередь поэта и владыку прекрасным изданием «Османа». В славянской печати помещались сообщения о деятельности Матицы в Загребе. В России о ней с одобрением писали Н.А. Ригельман и П. Дубровский в журнале «Москвитянин», издававшемся известным историком и писателем М.П. Погодиным, а также И.И. Срезневский в «Современнике» Н.А. Плетнева¹².

Революционные события 1848 г. нарушили размеренное течение культурной жизни, планы деятелей иллиризма и ожидания. В конце года на волне общественного воодушевления собралась главная скупщина заградской читальни с Матицей. Я. Драшкович призвал шире развернуть деятельность. Однако хорватское общество вместе с октроированной конституцией марта 1849 г. постигло глубокое разочарование и беспокойство. В 1850 г. в Загребе были закрыты оппозиционные газеты. В обстановке преследований прекратила существование Народная читальня. Общество окутал мрак безверия, отчаяния и подавленности.

В эти хмурые времена Иллирская матица, несмотря на уменьшение числа ее членов и нехватку средств, оставалась одним из очагов национальной

жизни. На главной скупщине 9–27 февраля 1851 г., когда прекратила уже существование загребская читальня, были приняты Правила Матицы. С этого времени она действительно стала самостоятельным обществом и ей была уготовлена долгая жизнь.

Матица продолжила выпуск «Коло». В 1851 г. под редакцией Вряза вышла седьмая книга, которая содержала, в частности, его перевод поэмы А. Мицкевича «Требина». Враз подготовил к печати и восьмой выпуск «Коло», который увидел свет уже после его смерти. В 1853 г. журнал прекратил существование в обстановке общей подавленности общества из-за отсутствия сотрудников.

В своей многоплановой деятельности участники иллиризма не упускали из виду хозяйство Хорватии. В национальной периодической печати регулярно помещались материалы на хозяйственные темы. В 1841 г. в Хорватии было образовано первое «Общество по развитию и улучшению сельского хозяйства». В дальнейшем оно стало называться «Хорватско-славонское хозяйственное общество». В январе 1842 г. оно насчитывало 503 члена. По данным Вряза, в 1843 г. в нем было 800 членов¹³. Его официально возглавлял загребский епископ Хаулик, секретарем был Раковац. Общество издавало ежесекундный журнал, а также выпустило в 1847 г. под редакцией Раковаца «Календарь для простого народа» тиражом в 6000 экземпляров. Оно развернуло практическую работу по подъему сельского хозяйства, насколько это было возможно при сохранении подневольного труда крестьян. Участники иллиризма сыграли важную роль в основании парходного общества и сберегательной кассы.

Заветной мечтой Гая было создание национального музея. Мысль о нем родилась у него еще в пору учебы в университете. Тогда же он начал собирать сведения об устройстве музеев и библиотек. Основную часть экспонатов для музея собрала и приобрела за счет Матицы загребская читальня. В свою очередь Раковац, став секретарем Хозяйственного общества, развернул деятельность по сбору предметов, касающихся природы и экономических ресурсов Хорватии. Много сделал для основания музея М. Сабляр, бывший граничарский офицер. Первоначально минералогическая, зоологическая, археологическая, нумизматическая и другие коллекции и собрание рукописей размещались в помещении Хозяйственного общества, а с 1846 г. – в Народном доме¹⁴.

В 1847 г. в Загребе был торжественно открыт Народный дом. Красивое и видное здание для него было куплено на средства, собранные из частных пожертвований и на основе акций по 50 форинтов каждая. Здесь разместились все общественные национальные институции Загреба. Благодаря усилиям деятелей иллиризма этот город стал действительным культурным центром хорватских провинций.

Общественная инициатива Загребом не ограничивалась. Но деятельность других читален имела местное значение и была слабой. Так, в Осиеке не было точных данных о членах читальни, членские взносы поступали

нерегулярно, решения общества не претворялись в жизнь. Читальня имела всего 7 названий газет и несколько книг¹⁵.

Вместе с тем в учебных заведениях существовали небольшие молодежные объединения. В 1836 г. в загребской семинарии образовалось общество духовной молодежи. Оно существовало до 1839 г., когда по распоряжению руководства семинарии, опасавшегося распространения среди клириков вольнолюбивых настроений, было закрыто. Но через год в семинарии возник молодежный литературный кружок при действовавшем с 1839 г. с разрешения начальства музыкальном «Народном иллирском обществе складногласия». По примеру загребских семинаристов и в Джакове в 1842 г. образовалось общество молодых клириков. Молодежные объединения в Загребе и Джакове были связаны между собой перепиской, в ходе которой обсуждались национальные дела¹⁶.

Семинаристы изучали национальный литературный язык, упражнялись в других славянских языках, собирали народные песни, устраивали любительские театральные представления, национальные вечера и концерты. Клирики поддерживали тесные связи с Гаем, Шулеком, Бабукичем, Вразом, Раковацем и другими видными участниками иллиризма, сотрудничали в «Данице». Они имели контакты с известными представителями славянского Возрождения. Общество загребских семинаристов финансировало издание программной брошюры Б. Шулека¹⁷. В начале 1846 г. в Загребе образовалось научное общество молодежи. В центре внимания его участников был национальный литературный язык.

Образовавшиеся и действовавшие в Хорватии и Славонии в годы национального пробуждения хорватов культурные учреждения и общества были проявлениями зарождения в этих провинциях гражданского общества. Эти объединения людей были двух типов: наиболее важные из них (Иллирская читальня, Матица) по широте поставленных задач и характеру деятельности являлись подлинно национальными организациями, другие носили локальный характер или были объединениями «по интересам». Но в том и другом случае, хотя и в разных масштабах, они способствовали развитию новой культуры, распространению культурных достижений на хорватском пространстве и были путями «национальной коммуникации».

Примечания

¹ Andreis J., Cvetko D., Đurić-Klain S. *Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji*. Zagreb, 1962. S. 103–104; Blažeković Z. *Glazba u vrijeme hrvatskog narodnog Preporoda // Hrvatski narodni Preporod*. Zagreb, 1985. S. 115, 117; Hrvatski narodni Preporod. Zagreb, 1985. S. 132.

² Blažeković Z. *Glazba...* S. 117.

- ³ Danica ilirska. 1836. Br. 33. S. 130–131.
- ⁴ Danica. 1838. Br. 31. S. 121–122; Ravlić J. Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. Zagreb, 1963. S. 160; Matica hrvatska. 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 260–263.
- ⁵ Ravlić J. Povijest Matice hrvatske // Matica hrvatska. S. 19–20.
- ⁶ Matica hrvatska. S. 265.
- ⁷ Ravlić J. Povijest Matice hrvatske. S. 28; Szabo Ag. Središnje institucije Hrvatske u Zagrebu. 1860–1873. Zagreb, 1988. S. 21–25, 28.
- ⁸ Жажек В. Матичарски покрет код словена у Аустрији за време њиховог народног препорода // Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983. С. 189.
- ⁹ Ravlić J. Ilirska čitaonica... S. 199, 201, 204, 205, 208.
- ¹⁰ Smičiklas T., Marković F. Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. Zagreb, 1892. S. 263.
- ¹¹ Жажек В. Матичарски покрет... С. 190.
- ¹² Ravlić J. Povijest... S. 53; Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 85; Ч. VI. № 11. С. 42; Современник. 1846. Т. 42. С. 324–325.
- ¹³ Денница. Варшава, 1843. Ч. III. С. 22.
- ¹⁴ Ravlić J. Ilirska čitaonica... S. 210; Idem. Ustanove i društva kulture u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda // Kolo. 1966. Br. 8, 9, 10. S. 363.
- ¹⁵ Novine. 14.XI.1846. S. 384.
- ¹⁶ Кулаковский П.А. Иллиризм. Варшава, 1894. С. 253–255, 257; Danica. 1842. Br. 20. S. 80.
- ¹⁷ Novine. 1.V.1847. S. 139, 171; Lisac A. Око «Branislava» i njegova urednika // Historijski zbornik. 1958–1959. Zagreb, 1959. S. 251.

Джузеппе Мадзини, славянство и польская поэзия

Abstract:

Falkovich S.M. *Giuseppe Mazzini, the Slavs and Polish poetry*

The article considers the views of Giuseppe Mazzini, one of the outstanding leaders of the revolutionary movement in the nineteenth-century Italy, in regard to his special interest in the Polish nation as a possible ally of the Italians, and Polish literature, especially in Adam Mickiewicz, who, in Mazzini's eyes, embodied patriotic poetry with its love for the Homeland and truly Christian spirit.

Ключевые слова: Дж. Мадзини, революция, объединение Италии, славянство, польская поэзия, А. Мицкевич.

XIX век в Европе – время, когда к активной общественной жизни пробуждаются народы, время осознания ими своих национальных целей и путей борьбы за их осуществление. Это эпоха освободительных движений, национальных восстаний и социальных революций. В них большая роль принадлежала славянским народам, достаточно вспомнить такие яркие события, как польские национально-освободительные восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг., «Весна народов» 1848–1849 гг. и Пражское восстание 1848 г., борьба южных славян за освобождение от османского ига в 1870-е годы.

Наряду со славянством, в это время поднимаются на освободительную борьбу греки, итальянцы, венгры, немцы и другие народы. Джузеппе Мадзини (1805–1872) был одной из наиболее ярких и выдающихся фигур революционной Италии. Выступая за ее свободу и воссоединение, он ставил цель освобождения всех других народов, укрепления их революционного союза. Созданная им в 1834 г. первая международная революционная организация «Молодая Европа» объединила национальные организации «Молодая Италия», «Молодая Польша», «Молодая Германия», «Молодая Швейцария», «Молодая Франция», «Молодая Испания». В принятом организацией «Акте братства» говорилось, что «каждый человек и каждый народ имеет свою особую миссию, которую должен исполнить, на ней основана его собственная индивидуальность, и она же служит основой осуществления предназначений, объединяющих все человечество». Эта формулировка почти дословно повторяла «кредо» самого Мадзини: «Национальность это святое. У каждого народа есть какая-то миссия, которая, в свою очередь, способствует выполнению общей миссии человечества»¹.

В числе народов, которых Мадзини особо выделял, были славяне. Большинство славянских народов находились под властью Австрийской империи, и их борьба за свободу должна была привести к краху Габсбургской монархии и освобождению всех подвластных ей народов, в том числе итальянцев. Придавая большое значение этой миссии славян, Мадзини обращал специальное внимание на Польшу, видя в ней центр политического и культурного влияния в Северной Европе. Он отмечал, что «в прошлом, защищая христианский мир от мусульманского нашествия, Польша

блестяще выполнила свою миссию», хотя ее и не осознала. Забыв о своей миссии в отношении славянства, она одновременно «утратила [...] свою социальную идею, укрепив власть вельмож». «Но ныне, – утверждал Мадзини, – социальная идея начинает оживать, люд добивается обеспечения себе того положения, которое издавна определено Провидением. [...] Выражением этой новой миссии должна стать поэзия»².

В этих словах Мадзини открылась неожиданная сторона отношений революционной Италии и революционной Польши, и потому столь необычный, «литературный» их аспект заслуживает особого рассмотрения. Мадзини интересовался польскими проблемами, находившими отражение как в публицистике, так и в художественной литературе. С 1833 г. в Париже выходил журнал «Le Polonais» («журнал интересов Польши»), и Мадзини внимательно изучал его материалы. Позже, в 1836 г. он собирался издавать «Библиотеку банитов», то есть запрещенных революционных книг. Планировалось включить туда сочинения М. Мохнацкого, Я.Н. Чиньского, Семененко, а также философские и политические произведения Адама Мицкевича (1798–1855). По финансовым причинам проект не был реализован, но неизменными оставались интерес и внимание Мадзини к польской литературе, и прежде всего, к творчеству Мицкевича, которого он ставил выше Гёте и Байрона как национального пророка. Мадзини знал на память его стихи и их итальянские переводы посылал матери в качестве примера патриотической поэзии, на котором итальянки должны воспитывать своих детей. Он писал матери, что собирается перевести на итальянский язык «Книгу народа и пилигримства», где соединены любовь к родине и истинно христианский дух.

Под влиянием этой книги Мицкевича Мадзини издал в 1835 г. в Швейцарии трактат «Вера и будущее». Ее девиз «Бог и человечество» был выражением его символа веры: «Бог един, Его закон есть единственным владыкой, а единственным выразителем является закон человечности»³. В книге «Вера и будущее», которую демократическая часть польской эмиграции восприняла близко к сердцу, Мадзини дал анализ польского национально-освободительного движения, рассмотрел события восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, выступил с критикой повстанческого руководства, упрекая его за крен в сторону дипломатии, медлительность в военных действиях, боязнь привлечь к борьбе народные массы. В книге говорилось о будущем Святом союзе народов, при этом подчеркивалась особая роль поляков и итальянцев, их революционного союза. 21 февраля 1835 г. Мадзини писал одному из лидеров польской демократической эмиграции И. Лелевелю (1786–1861): «[...] отныне ничто не сумеет разорвать отношения, которые связали Польшу и Италию; та, что первой поднимется, подставит плечо другой, а из нашего союза объявленных вне закона родится союз Севера с Югом»⁴.

Мадзини ценил Лелевеля не только как революционного деятеля-практика, но и как теоретика, развивавшего социальную и политическую мысль. Он хотел привлечь его к участию в газете «La Jeune Suisse» и предлагал выступить со статьями о славянах и Германии, так как был заинтересован в развитии идеи о «союзе Севера с Югом». В результате такого союза,

утверждал он, «на месте старой Европы королей встанет Молодая Европа народов», появится многонациональная федеративная республика с автономией каждого народа, они будут решать свои вопросы в национальных собраниях, а общие – в «европейском собрании», наступит прогресс, начнется «эра Бога и Человечества», исчезнут привилегии, самовластие и себялюбие⁵. Все это, по мнению Мадзини, «превосходно понял Мицкевич и стал основателем национальной польской школы. Его поэзия есть нечто совершенно новое равно как по содержанию, так и по форме. [...] Мицкевич стал поэтом христианским и в то же время подлинно польским романтиком, интегрально соединенным с душой народа и ее истолкователем»⁶.

В 1837 г. Мадзини обосновался в Лондоне, там члены «Молодой Польши» Дыбовский и Вильчевский издавали «The Polish Monthly Magazine». В одном из номеров была напечатана статья о польской литературе, в том числе писали и о Мицкевиче, публиковали английский перевод одного из «Крымских сонетов» поэта. На тему поэзии Мицкевича возникла дискуссия в английском журнале «The Foreign Quarterly Review», и в ней анонимно принял участие Мадзини. Он подготовил большую статью о поэте и его творчестве, а также монолог Конрада из поэмы «Дзядь» и стихотворение «Фарис» в переводе на английский язык. В своей статье он критиковал материал, напечатанный в «The Polish Monthly Magazine», так как, по его мнению, там не была подчеркнута социальная идея Мицкевича, «которая явно является душой каждого его поэтического творения». Мицкевич, утверждал Мадзини, больше, чем поэт, это «пророк вроде великих израильских поэтов, с которыми у него много сходства. Он сохраняет для польского народа те традиции, которые насильственно у него подавили [...] его голос – это голос миллионов людей, которые его устами кричат о том, что их существование как нации не закончилось, что у Польши есть еще великая миссия, которую она должна осуществить, что она осознает свое предназначение, жаждет его исполнить и исполнить». «Этот голос, – заключал итальянский революционер, – является для нас гарантией нашего будущего существования [...], он способен на большее, чем все обманные слова дипломатии»⁷.

Тем самым Мадзини подчеркивал значение поэзии Мицкевича не только для поляков, но и для всех народов, борющихся за свободу, за свою национальную самобытность, за политическое и социальное возрождение.

Примечания

¹ Gadon L. Emigracja polska. Kraków, 1902. Т. III. S. 276; Łukaszewicz W. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę ludów. Warszawa, 1951. S. 291.

² Łukaszewicz W. Op. cit. S. 322.

³ Gadon L. Op. cit. S. 276.

⁴ Lewak A. Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa, 1934. S. 37; Łukaszewicz W. Op. cit. S. 312–313.

⁵ Łukaszewicz W. Op. cit. S. 294, 291; Gadon L. Op. cit. S. 276.

⁶ Łukaszewicz W. Op. cit. S. 322.

⁷ Ibid. S. 321–322.

Варианты создания национальной церкви у южных славян католического вероисповедания и русские славянофилы

Abstract:

Tschurkina I.V. *Variants of establishing a national church among the Southern Slavs of Catholic denomination and the stance Russian Slavophiles*

In the first half of the nineteenth century, nationally-conscious circles of the Southern Slavs of Catholic denomination, to which Slovenians and Croats belonged, were discussing the idea of a national church. The principle feature of this church should be the liturgy in Slavic languages. Liberal Catholics were among the main supporters of this idea. In the territories settled by Slovenians, the majority of the adherents of the Slavic national church believed that it should be subordinated to the Pope. Rusophiles grouping around the newspaper «Slovanski svet», on the contrary, presumed that the church should be independent from Rome. Among the Croats, the main supporter of the Slavic national church was Bishop Josip Juraj Strossmayer, who advocated the unification of the Catholic and Orthodox Churches under the aegis of the Pope. Russian Slavophiles in their turn viewed the Slavic national church as a possible rival for the Orthodox Church in the region.

Ключевые слова: Славянская национальная церковь, либеральные католики, попытка объединения католической и православной церквей, славянофилы.

Религия всегда играла большую роль в формировании культуры и менталитета различных народов. Это было характерно для эпохи феодализма и еще больше для периода национального Возрождения. Однако указанный вопрос привлек к себе пристальное внимание историков только в последние годы. До этого многие исследователи исходили из тезиса, что славянское Возрождение являлось частью европейского Просвещения, многие представители которого выступали против религии. Но, что было несомненным для более развитых народов Западной и отчасти Средней Европы, по иному происходило в южнославянских землях с преимущественно крестьянским населением и с национальной интеллигенцией, состоявшей почти исключительно из выходцев из духовного сословия.

Для крестьянского населения южнославянских областей церковь играла огромную роль в складывании его менталитета и культуры, конфессиональные институты пронизывали практически весь быт и всю культурную жизнь этих народов, их культурная элита в подавляющем большинстве вербовалась из духовенства. Поэтому южнославянские просветители не могли обходить стороной вопрос о церкви. В данной статье будут рассмотрены планы создания национальной церкви у южных славян-католиков, а именно словенцев и хорватов. Оба эти народа на протяжении многих десятилетий находились в составе Австрийской монархии (с 1867 г. – Австро-Венгрии). Толчком к идее создания национальной церкви послужил распространившийся в начале XIX в. среди образованных кругов южных славян культ Кирилла и Мефодия.

Но особенно вопрос о национальной церкви стал обсуждаться у южных славян-католиков в 30-е гг. XIX в., когда в европейских странах распространился либеральный католицизм. Его создателем был французский аббат Ламене. Сначала он резко критиковал философию просветителей, но затем сам стал агитировать за либеральные лозунги. В 1830 г. Ламене основал журнал «Будущее» (Лавенир), в котором выступал за отделение церкви от государства, свободу совести, печати, союзов, за всеобщее избирательное право.

Идеи Ламене распространились среди духовенства Италии, Австрийской монархии, германских государств. Во время революции 1848–1849 гг. часть австрийского духовенства выступила с призывом создать национальную церковь для каждого народа. Католические епископы резко осудили эти стремления национально настроенного духовенства в специальном послании. Против сторонников создания национальной церкви ортодоксальное духовенство вело полемику в печати. В этом отношении представляет интерес статья словенского декана П. Хицингера «Как некоторые хотели бы перестроить католическую церковь», опубликованная осенью 1848 г. Хицингер прямо указывал, что под «некоторыми» он подразумевает иллиров. По-видимому, именно среди священников, принадлежавших к иллирскому движению, которое довольно широко распространилось среди хорватских и словенских патриотов накануне революции 1848–1849 гг., находились сторонники создания славянской национальной церкви. Хицингер перечислял требования, которые они выдвигали. Во-первых, сторонники национальной церкви считали, что каждый народ имеет право на свою национальную церковь. Хицингер был решительно против, считая, что это привело бы к разъединению истинно христианских народов (католиков), выходу их из-под власти папы. Второе их требование – проведение богослужения на родном языке – Хицингер отчасти принимал. Он соглашался, что проповеди, чтение евангелия в воскресные и праздничные дни должны проводиться на народном языке, но месса, по его убеждению, должна проводиться на латыни, ибо она объединяет всех католиков. Те же народы, у которых все богослужение ведется на народном языке, полностью отпали от католической церкви. Хицингер решительно выступил против желания ограничить власть папы, взять обучение детей в школе из рук духовенства, разрешить священникам жениться и др.¹

У хорватов во время революции появился еще один вариант национальной церкви. Главным его идеологом стал Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905). Он родился в Осиеке, городе на востоке хорватской провинции Славонии, где проживало неоднородное в конфессиональном отношении население: хорваты-католики и сербы-православные, говорившие на одном языке. Между ними нередко возникали столкновения на почве разного вероисповедания. Штросмайер изучал теологию в Пеште, где познакомился с учением о славянской взаимности словацкого просветителя Яна Коллара, а также с идеями иллиризма, возникшими на его основе. В Вене, высшем религиозном учебном заведении Августиниуме, он получил высшее образование и защитил докторскую диссертацию по теологии, посвященную проблеме единства христианских церквей. С тех пор и до самой смерти Штросмайер выступал

как поборник национальной церкви для всех южных славян, объединяющей католиков и православных, с богослужением на славянском языке.

В 1850 г. Штросмайер получил должность епископа Дьяковской епархии, одной из самых богатых в Габсбургском государстве. В то время деятельность Штросмайера вызывала одобрение у русских кругов, близких к славянофилам. Так, Михаил Федорович Раевский (1811–1884), настоятель русской православной церкви в Вене при русском посольстве, писал фрейлине императрицы графине А.Д. Блудовой (1812–1891): «Я имел случай познакомиться с Штросмайером, который доселе был директором здесь в Вене богословского конвинкта у августинцев, препочтенный, умный человек! Со своими идеями католическими, но не фанатик и предан народу. С каким удовольствием читаешь его статьи в газетах! Из наших духовных никто не написал ничего подобного, даже ничего решительно»².

Хотя революция в австрийских землях была подавлена, и десять лет после нее там господствовал баховский абсолютизм, но уже в начале 1860-х гг. после выхода октябрьского диплома (1860 г.) и февральского патента (1861 г.) в Габсбургской монархии были введены некоторые конституционные нормы. Помимо выборов в парламент (рейхсрат) и местные провинциальные собрания, было разрешено создание обществ и объявлена определенная свобода слова.

В словенской печати снова был поднят вопрос о введении словенского языка в школы и учреждения, а наряду с этим и о создании национальной церкви. Энергичную агитацию за национальную церковь вели либеральные католики, к которым принадлежали каринтийцы Андрей Эйншпиллер и Матия Маяр, штириец Даворин Трстеняк и епископ Любляны в 1875–1884 гг. Янез Златоуст Погачар. Для либеральных католиков представляли свои страницы газеты: «Словенец», издававшийся Эйншпиллером в Целовце (нем. Клагенфурт), либеральные «Словенски народ», «Словак» и «Словански свет».

Эйншпиллер был убежден, что самым крепким связующим звеном национальной церкви являются, во-первых, язык, а во-вторых, национальная церковь. Он утверждал, что католическая церковь будет укрепляться силой и процветанием словенского языка, который «есть защитник истинной веры; католическая вера и у нас будет ослаблена, если словенский род онемечится»³. Такое понимание неразрывной связи языка и церкви было характерно и для ряда других корреспондентов газеты «Словенец». Так, автор из Любляны «А.Ф.Н.» заявлял, что язык и религия настолько тесно связаны друг с другом, что их нельзя разъединять. В качестве губительности такого разъединения он указывал на поляков. Если бы те, по его мнению, ввели богослужение на родном языке, у них бы окрепла не только вера, и национальность⁴.

В 1886 г. неизвестный словенский священник опубликовал в газете «Слован» статью «Национальная церковь», в которой подчеркивал, что национальную церковь словенцев нельзя воспринимать как православную, ибо она должна подчиняться римскому папе. Единственное, что отличает национальную церковь от традиционной католической церкви, – это проведение литургии на словенском языке. «Словенская литургия, или скажем,

словенская национальная церковь, есть важнейшее всесловенское дело. Воистину только она одна может объединить всех словенцев», – заключал автор⁵.

Таким образом, большинство словенских либеральных католиков считали, что словенская национальная церковь должна оставаться под эгидой Рима, сменив только язык богослужения на народный. Однако имелся и другой вариант создания словенской национальной церкви.

Наиболее полно его озвучил Фран Подгорник (1846–1904), издававший в 1888–1899 гг. газету «Словански свет» (Славянский мир). Эта газета объединяла вокруг себя русофилов, представлявших левое крыло либерального движения. Русофилов отличало от основной массы либералов отношение к социальному вопросу. Ф. Подгорник еще до начала издания своей газеты поместил в либеральной газете «Единост», выходившей в Триесте, серию статей, подписанных «Друг рабочих». В понятие «рабочие», он включал помимо рабочих на предприятиях, крестьян, мелких промышленников, ремесленников, мелких торговцев, поденщиков и др. Подгорник полагал, что имущественные различия уничтожить нельзя, но рабочим нужно добиваться справедливой оплаты труда, уменьшения рабочего дня. Он выступал против двух главных положений социал-демократов: отмены частной собственности и принципа интернационализма.

В числе сторонников Подгорника были люблянский жупан (бургомистр) Иван Хрибар, словенский эмигрант в России Даворин (Мартын Матвеевич) Хостник, написавший первые русско-словенский и словенско-русский словари, Фран Целестин, преподаватель славянских языков и литературы в Загребском университете.

Подгорник и его сторонники считали, что славянская культура представляет собой единое целое, отличное от других мировых культур. Чтобы выжить как народ, славяне должны укреплять общность своей культуры, противопоставив ее угрожающим ей германской и романской культурам. Основой славянской культуры, по мнению Подгорника, являются общеславянский литературный язык с единым алфавитом и единая славянская церковь⁶. Подгорник был убежден, что «величина народа – первое неперемненное условие самостоятельного развития национального языка, национальной литературы и национальной культуры». Из всех славян подобное условие для полноценного развития своего языка имеет только русский народ⁷.

Вторым столпом общеславянской культуры после языка русофилы считали общеславянскую, или как они ее называли, кирилло-мефодиевскую церковь. Они решительно выступали за славянское богослужение в церкви, за ведение всей церковной документации на славянском языке. Русофилы полагали, что славянская церковь должна быть единой, то есть объединять католическую и православную церкви. Прямо не говорилось, на каких принципах должно было произойти это объединение. Вместе с тем на страницах «Слованского света» не раз подчеркивалось, что восточные славяне, сумевшие сохранить у себя кирилло-мефодиевскую церковь, добились больших успехов: Россия отразила опасность с востока и запада и превратилась в могущественное государство, болгары и сербы, несмотря на многолетнее турецкое иго, сохранили свою национальную сущность. По-другому сложилась судьба

западных славян, у которых были ослаблены кирилло-мефодиевские традиции, – все они потеряли независимость⁸. Россия сумела добиться огромных успехов потому, что «вера имеет в России национальную церковь, и вера и национальность у русского народа соединены в единое целое»⁹.

Хотя в статьях, помещенных в «Слованском свете», нигде прямо не говорится, что национальной церковью славян должна стать православная церковь, но из приведенных высказываний можно сделать вывод, что именно православную церковь Подгорник и его соратники считали истинной кирилло-мефодиевской церковью, способной стать общеславянской национальной церковью. Это подтверждает и письмо М.М. Хостника к русскому ученому И.С. Пальмову, исследовавшему историю православной церкви. «Всегда меня одушевляла только одна идея: идея православного дворянства, – писал Хостник 7 сентября 1896 г., – и как ни маскирует эту идею «Slovan-ski svet», ее можно читать везде между строк»¹⁰.

Свой вариант национальной славянской церкви предлагал хорватский епископ Штросмайер, являвшийся главным идеологом по этому вопросу в хорватских землях. Еще до революции 1848–1849 гг. он агитировал за объединение католической и православной церквей. Став дьяковским епископом Штросмайер прилагал определенные усилия для распространения католического вероисповедания в Боснии и Герцеговине, поскольку почти одновременно он получил от папы звание епископа Боснии. Одновременно Штросмайер стремился добиться звания католического епископа в Княжестве Сербия, чему воспротивилось сербское правительство.

Еще со времен революции Штросмайер симпатизировал России. Эта симпатия особенно усилилась после установления в Австрийской монархии дуализма. В 1868 г. по инициативе Штросмайера произошла его тайная встреча с русским консулом в Белграде Н.П. Шишкиным. Эту встречу Шишкин подробно описал в своем донесении министру иностранных дел России князю А.М. Горчакову. Штросмайер сообщил русскому консулу о тяжелом положении хорватских патриотов после введения дуализма: их изгоняют с государственной службы, при малейших недоимках при уплате налогов их имущество продают за бесценок, преследуют их газеты. Штросмайер просил русское правительство оказать денежную помощь хорватским патриотам, поддержать хорватские газеты. В случае оказания помощи хорватам Штросмайер обещал: «Я обязуюсь именем народа, подарившего меня своим полным доверием, быть всегда послушным орудием воли и приказаний России, без совета ее не делать ни единого шага, не предпринимать ничего ... Сверх того я обязуюсь быть орудием интересов России в здешнем крае, извещать обо всем, что будет замысливать Австрия с Венгрией против ее единоплеменников и против нее»¹¹. И подобное отношение к России не было случайным эпизодом. Спустя 20 лет епископ тепло поздравил ректора Киевского университета и через него всю российскую общественность с 900-летием принятия русскими христианства. В его приветствии, в частности, говорилось: «Бог да благословит Россию, да позволит ей живой верой, образцовою жизнью и христианским героизмом при всех прочих своих задачах исполнить и ту величественную мировую задачу,

предназначенную ей Богом»¹². Это поздравление вызвало гнев австрийского императора и его окружения, отношения между императором и епископ Штросмайером были фактически разорваны. Такая симпатия к России базировалась на убеждении Штросмайера, что только с ее помощью славяне могут освободиться от чужеземного ига.

Вместе с тем Штросмайер был искренним католиком, что наложило отпечаток на его планы создания славянской национальной церкви. Как и другие сторонники славянской национальной церкви, он полагал, что богослужение в ней должно проводиться на славянском языке. Однако он был твердо убежден, что эта церковь должна подчиняться римскому папе. Особенно активизировалась деятельность Штросмайера по созданию славянской национальной церкви после вступления на папский престол Льва XIII (1878–1903). Новый папа мечтал объединить под своей властью католическую и православную церкви, поэтому стремление Штросмайера создать славянскую национальную церковь получило его поддержку.

Планы Штросмайера не ограничивались пределами Австро-Венгерской монархии. Он стремился объединить единою национальною церковью всех славян и установить над нею власть папы. Ради этого Штросмайер уговаривал правительство Сербии, Черногории и Болгарии заключить конкордат с римским папой. Но этого ему не удалось сделать. Штросмайер пытался привлечь к идее объединения православных и католиков русскую общественность. Он нашел в России деятелей, которые сочувствовали этой идее. Среди них был прежде всего русский философ Владимир Сергеевич Соловьев, сын известного историка С.М. Соловьева.

Толчком к укреплению связей Штросмайера с Львом XIII послужила энциклика папы «Ганде мунус» (*Grande munus*), опубликованная в 1880 г. На ее написание оказали влияние Штросмайер и моравские епископы, близкие унионистам. Энциклика включала имена славянских просветителей Кирилла и Мефодия в календарь святых католической церкви и призывала славян объединиться в единой церкви на основе наследия этих славянских просветителей¹³.

В знак признательности папе за энцилику Штросмайер организовал в 1881 г. паломничество в Рим, в котором участвовали тысячи славянских паломников из Австро-Венгрии, в том числе около сотни словенцев и хорватов. Весной того же 1881 г. дьяковский епископ опубликовал окружное послание, посвященное Кириллу и Мефодию, в котором благодарил папу за определение дня памяти словенских просветителей для католиков. Указав, что славянские апостолы трудились ради церковного единства всех славян, Штросмайер подчеркивал, что они видели в национальном языке особый дар Бога, который надо развивать и хранить. Благодаря Кириллу и Мефодию славяне получили литургию и первые религиозные книги на своем языке. Вместе с тем Штросмайер утверждал, что Кирилл и Мефодий «всегда были душой и телом привержены святому римскому престолу и у него всегда просили защиту и помощь»¹⁴. Эти идеи Штросмайер проводил во всех своих выступлениях.

Организация Штросмайером паломничества в Рим и особенно его окружное послание вызвали неудовольствие российских и сербских православных кругов. Три сербских епископа в своем окружном послании назвали дяковского епископа «волком в овечьей шкуре». М.Ф. Раевский писал 16 (28) мая 1881 г. профессору Киевской духовной академии и редактору издания «Киевские епархиальные ведомости А.Д. Воронову, посылая ему окружное послание Штросмайера: «Прочитайте со вниманием стросмаеровское дело! А мы бедные и не разумели до сегодня, что Кирилл и Мефодий явились для отвращения славян от восточной шиизмы, да и приняли их богослужебные книги и молились им как православным!. Неужели мы только будем приходить в телячий восторг от того, что западные славяне принимают славянское богослужение, не замечая, что под этим кроется?»¹⁵. Со взглядами Раевского на деятельность Штросмайера были согласны многие славянофилы, в том числе и И.С. Аксаков. В газете «Русь», которую он издавал в 1880–1886 гг., было опубликовано в 1881 г. «Политическое обозрение», в котором подчеркивалась антиславянская деятельность Штросмайера. Автор укорял епископа за организацию паломничества в Рим, а его попытку провести там торжественную мессу на славянском языке рассматривал как стремление создать в Риме конкуренцию Москве¹⁶.

Российские православные круги видели в славянской национальной церкви, подчиняющейся папе, опасного конкурента православной церкви.

И в этом их позиция полностью совпадала с позицией православных кругов Сербии, Черногории, Далмации и др.

Однако ни один вариант создания славянской национальной церкви словенцам и хорватам осуществить не удалось, и к началу Первой мировой войны борьба за них прекратилась.

Примечания

¹ Slovenski cerkveni časopis. Ljubljana, 1848. 9.09; 23.09; 30.09; 21.10; 4.11.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 24 об.

³ Slovenec. Celovec, 1865. 15.01; 18.01; 25.01; 28.01.

⁴ Slovenec. 1867. 5.01.

⁵ Slovan. Ljubljana, 1886. 1.05.

⁶ Slovanski svet. 1888. 25.08. S. 250.

⁷ Slovanski svet. 1888. 10.12. S. 371, 372.

⁸ Slovanski svet. 1893. 10.12. S. 241, 242.

⁹ Slovanski svet. 1896. 25.05. S. 169.

¹⁰ С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 12.

¹¹ Фрейдзон В.И. Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами // Lik in djelo Josipa Jurja Strossmayera. Osijek, 2008. S. 191–194.

¹² Лециловская И.И. Й.Ю. Штросмайер в русской современной ему периодической печати // Lik in djelo ... S. 523.

¹³ Šuljak A. Biskup Josip Juraj Strossmayer i cirilometodsko-glagoliška baština // Lik in djelo ... S. 262.

¹⁴ Pečarić A., Pečarić J. Strossmayer i Srbi // Zbornik radova o Josipu Jurju Strossmayeru. Zagreb, 1997. S. 85, 89, 90.

¹⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 347. Д. 18.

¹⁶ Русь. 1881. 27.06. С. 8.

Развитие общественного движения за воспитание детей дошкольного возраста в Закарпатье

Abstract:

Rehó A. *The rise of public movement for upbringing of preschool-age children in Trans-Carpathia*

The article explores preconditions of the rise of public preschool upbringing in the Habsburg Monarchy in the late nineteenth century, reconstructs the chronology and content of diverse activities of the Society for Spread of Preschool Institutions in Hungary, National Society for Protection of Preschool-Age Children and National Society of Educators, and estimates their contribution to the cause of public preschool upbringing in the Kingdom of Hungary as a whole and in the Trans-Carpathian region in particular.

Ключевые слова: дошкольное воспитание, общественное движение, педагогика, Закарпатье.

История публичного дошкольного воспитания в Закарпатье ведет свой отсчет от создания в 1836 г. Общества распространения дошкольных учреждений в Венгрии (*Kisdedővő Intézeteket Magyarországnban Terjesztő Egyesület*, далее – ОРДУВВ). Идеи, пропагандировавшиеся членами этой организации, заметно повлияли на практические шаги по организации дошкольного воспитания на всей территории Венгрии. В Закарпатье вплоть до распада Австро-Венгерской монархии в 1918 г. (что повлекло за собой изменение политического статуса региона) можно говорить о последовательном формировании сети дошкольных воспитательных учреждений и постепенном введении единых принципов их работы. В данной статье раскрываются предпосылки становления системы публичного дошкольного воспитания в Закарпатье, и прослеживается развитие общественного движения за воспитание детей дошкольного возраста в крае. Под Закарпатьем для изучаемого периода XIX – начала XX вв. понимаются комитаты¹ Берег (совр. Береговский и Мукачевский районы Украины), Марамарош (совр. Межгорский район Украины) и часть территории Румынии), Уточа (совр. Виноградовский район Украины) и Унг (совр. Ужгородский и Великоберезнянский районы Украины) и часть совр. Словакии)².

В венгерской части Австрийской империи вопрос об общественном дошкольном воспитании впервые поднял Шамуель Тешшедик (1742–1820) – лютеранский священник из города Сарваш (в юго-восточной Венгрии)³. Поддерживая идеи одного из первых на европейском континенте организаторов институций опеки и воспитания малолетних детей Ф. Оберлина (1740–1826), Ш. Тешшедик подчеркивал, что их должны воспитывать учителя-женщины. Основательницей же общественного воспитания в Венгрии, однако, считается графиня Тереза Брунsvик (1776–1861) – дочь королевского

* Анна Рего публикуется на украинском языке как Ганна Рего.

советника графа Антала Брунсвика-младшего. К 1800 г. она, одна из немногих венгерских женщин, получила высшее образование: училась в Италии, Швейцарии, Германии и Англии⁴.

С идеей общественного воспитания детей дошкольного возраста Тереза познакомилась в Швейцарии. Там она установила личные контакты с Й.Г. Песталоцци (1745–1827) и его супругой (на протяжении длительного времени они переписывались), начала активно изучать взгляды выдающегося педагога на воспитание детей дошкольного возраста⁵. Кроме того, она проанализировала теоретические положения и принципы методики работы с этой категорией детей организаторов английских дошкольных институций Р. Оуэна (1771–1858) и Ш. Вилдершпина (1792–1866). Итак, идея общественного дошкольного воспитания созрела у Т. Брунsvик благодаря всестороннему знакомству с современной зарубежной теорией и практикой работы с детьми дошкольного возраста, под влиянием которых она решила учредить дошкольное воспитание у себя на родине.

Т. Брунsvик последовала примеру организаторов первых дошкольных учреждений в других странах: в 1828 г., в доме своей матери (Буда, р-н Кристинаварош, бульвар Аттилы, 41), она собственными усилиями открыла первое детское учреждение в Венгрии, вошедшее в историю под названием «Сад ангелов»⁶. (Для сравнения: первые учреждения для младенцев в Галиции конца XIX в. именовались «Дома ангелов»). Первое венгерское дошкольное учреждение предназначалось для детей в возрасте от полутора до пяти лет⁷. Главным в содержании обучения было развитие связной речи воспитанников, формирование элементов грамоты (знание букв, чтение), элементарных математических знаний (счет в пределах 100), основ измерения, ознакомление с окружающим миром⁸.

Иными словами, созданное Т. Брунsvик учреждение преследовало цель подготовки воспитанников к школе. После его окончания дети должны были свободно читать, считать, быть ознакомленными с природой и промыслами родного края.

Т. Брунsvик, как и ее предшественники (организаторы западноевропейских институций публичного воспитания), рассматривала созданное учреждение как школу для «малолетних», не учитывая при этом физические и психические возможности детей. Наряду с детьми дошкольного возраста Т. Брунsvик приняла в учреждение 11 молодых девушек, которых обучала методике воспитания малолетних детей. До этого в Венгрии не предпринималось целенаправленных действий по формированию навыков дошкольной воспитательской работы⁹. Открытие первого дошкольного учреждения стало знаменательным событием культурно-образовательной жизни венгерской столицы и привлекло внимание знати (и даже официальных властей) к проблеме воспитания детей дошкольного возраста. Вследствие этого годом позже, в июне 1829 г., в Буде было открыто второе дошкольное учреждение (район Визиварош).

По количеству дошкольных учреждений Венгрия в 1830-х гг. существенно опережала такие регионы Австрийской империи, как Австрия и

Чехия. Так, в год открытия первого дошкольного учреждения в Австрии (1830 г.) в венгерской части государства Габсбургов уже действовали 7 учреждений для детей-дошкольников. В Чешском королевстве первое учреждение этого типа открылось в марте 1832 г. В это время в Венгрии уже работали десять дошкольных институций¹⁰.

Однако первичные мероприятия венгерской общественности в сфере публичного воспитания детей дошкольного возраста и, прежде всего, деятельность Т. Брунsvик не имели существенного влияния на утверждение этой идеи в экономически отсталых регионах Венгрии, в частности в Закарпатье.

Заметное влияние на утверждение идеи публичного дошкольного воспитания повсеместно в королевстве оказала деятельность Общества распространения дошкольных учреждений в Венгрии. Точкой отсчета стало 29 января 1836 г. Тогда в доме графа Л.Фештетича в Пеште в «дружеской дискуссии» было решено учредить общественную организацию, цель которой определялась как дело общественного дошкольного воспитания¹¹. В то же время друзья графа сознавали, что им одним не удастся убедить общество в необходимости создания специальных учреждений для детей дошкольного возраста и распространить эту идею в пределах всей страны. Поэтому было принято решение: 5 марта 1836 г. в венгерском государственном казино собрать единомышленников, которым не безразлична судьба самых маленьких подданных на территории, подвластной короне св. Иштвана¹². В собрании приняли участие все известные тогдашние приверженцы идеи публичного воспитания, представители знатных венгерских семейств: М. Антал, Е.Берини, Тереза, Юлия и Генрика Брунsvик, П. Хайник, К. Деим, А. Экштейн, Л. Качкович, К. Келлер, Й. Маргон, А. Майтгени, Я. Пергер, Я. Прегарт, А. Рости с супругой, М. Сенткирай, К. Сикеи, А. Строкаи, Я. Узович, Й. Урмеи, Л. и Ф. Фештетичи, Ф. Шимон, Ф. Шобер – всего 100 человек¹³.

Присутствующие приняли единогласное решение о создании Общества по распространению дошкольных учреждений в Венгрии. Его председателем избрали Л. Фештетича, заместителем – М. Сенткирай, секретарем – Л. Качковича. Следует отметить, что мужское «доминирование» в управлении стало позже одной из главных причин упадка работы общества. Вследствие неучащения к женщинам как членам общества те вышли из его состава. Единственной женщиной, которая, несмотря на причиненную обиду, осталась в учрежденной общественной организации, была Т. Брунsvик.

На первом собрании ОРДУВВ были определены цели его деятельности: учреждение дошкольных учреждений на всех венгерских землях; обеспечение подготовки кадров для их нужд; развертывание благотворительной деятельности в пользу институций дошкольного воспитания¹⁴. Для их воплощения члены общества обязались на протяжении шести лет платить по 6 фт.¹⁵ членских взносов.

5 июня 1836 г. состоялось второе собрание ОРДУВВ, созданное в доме председателя общества Л. Фештетича в Пеште. Там же был утвержден статут этой общественной организации, который конкретизировал содержание деятельности его членов: распространять дошкольные институции на всех

этнических территориях, подчиненных венгерской администрации; обеспечивать их специально подготовленными работниками.

Итак, в 1836 г. стартовала организованная корпоративная деятельность венгерской знати в отрасли дошкольного воспитания, давшая заметный толчок к утверждению и реализации идеи публичного воспитания маленьких детей в Венгерском королевстве. Понимая, что открытие и функционирование дошкольных учреждений невозможно без педагогических кадров, Общество приняло меры по созданию в 1837 г. первого в Венгрии учреждения по подготовке воспитателей (*Kisdedővőkészítő Intézet*)¹⁶. Уже в 1837 г. информация о деятельности Общества распространения дошкольных учреждений достигла Закарпатья. На третьем собрании ОРДУвВ в г. Толна (1837 г.) присутствовали представители органов власти и венгерской общественности со всех провинций, в частности, и из Закарпатья: от комитата Берег – Д. Баи и Т. Этвеш, от комитата Мараморош – П. Асталош и И. Стойка, от комитата Угоча – Ш. Уйхеи, от комитата Унг – Ш. Хорват и В. Будаи¹⁷.

Венгерское Общество распространения дошкольных учреждений развернуло свою деятельность в нескольких направлениях. Во-первых, соответствующее внимание оно уделяло административно-хозяйственной деятельности (подбор соответствующих помещений, обеспечение дошкольных учреждений необходимым инвентарем, соблюдение санитарно-гигиенических требований, правил пожарной безопасности). Во-вторых, оно сосредоточилось на учебно-воспитательной работе в дошкольных учреждениях. В-третьих, его члены занимались подготовкой воспитателей соответствующей квалификации.

С целью обеспечения надлежащего контроля над этими направлениями работы в декабре 1838 г. в составе ОРДУвВ было организовано два подразделения: воспитательное и хозяйственное. В первом совместно с мужчинами работало и 16 женщин. На это подразделение возлагались функции контроля над работой дошкольных учреждений. Членами хозяйственного подразделения были только мужчины. Благодаря плодотворной работе общества, количество дошкольных учреждений в Венгрии в 1847 г. увеличилось по сравнению с 1836 г. (когда было учреждено ОРДУвВ) на 69 единиц.

К середине XIX в. во входивших в состав Австрийского государства венгерских землях делом дошкольного воспитания занимались не только члены Общества распространения дошкольных учреждений. Под влиянием педагогической деятельности Ф. Фрëбеля (1782–1852), при поддержке священника Яноша Роге в Буде в 1869 г. начало свою работу Женское общество Фрëбеля (*Fröbel nőegylet*)¹⁸.

В том же 1869 г. по инициативе Иосифа Рапоша в Пеште было учреждено Государственное общество гувернеров (*Alapnevelők Országos Egyesület*, далее – ГОГ). Уже в первый год своей деятельности оно объединило около 40 человек – представителей всех административно-территориальных округов Венгрии (Центрального, Верхнедунайского, Задунайского, Альфëльда, Междуречья Мароша и Тисы, а также Карпат и Трансильвании). Иными словами, оно имело общевенгерский характер¹⁹. Целью и задачами деятельности

общества устав ГОГ провозгласил распространение идеи общественного воспитания детей, заботу о дошкольных учреждениях, усовершенствование профессионального мастерства и условий работы воспитателей, привлечение внимания государственных органов к физическому и духовному развитию детей дошкольного возраста. Председателем общества был избран Иосиф Друккер – бургомистр Секешфехервара, его заместителем – В. Гунда, советниками – С. Товт, А. Сабо, К. Дапша, а библиотекарем – Ш. Когани (воспитатель из Пешта)²⁰.

К. Сатмари – соруководитель Женского общества им. Фрëбеля и активный член ОРДУВВ – предложил создать более гибкую организацию, которая сплотила бы общественность больших административных центров, малых городов и селений, объединив их в национальном масштабе. Эту идею поддержали члены Женского общества им. Фрëбеля, известные общественные деятели и среди них уроженец Закарпатья, писатель, редактор «Карманного календаря учителей» («*Tanítók Zsebnaptára*»), автор 30 томов научно-популярных и художественных произведений, пламенный защитник прав женщин и детей Аладар Дёрдь (1844–1906)²¹, а также депутат венгерского парламента Габор Вароди (1820–1906) и педагог Аладар Молнар (1839–1881)²².

В конце 1872 г., после общих дискуссий членов вышеупомянутых обществ, устав новой общественной организации был полностью готов. 26 января 1873 г. в Пеште было созвано первое организационное собрание членов-учредителей общества, которое получило наименование Государственное общество защиты детей дошкольного возраста (*Országos Kisdedvédő Egyesület*). Следует упомянуть, что слово «государственное» в наименовании этого общества указывает не на принадлежность или способ функционирования, а на масштабность целей и задач, обозначенных в статуте (на венгерском языке слово «*ország*» означает государство, страна). Показательно, что на первом организационном собрании Государственного общества защиты детей дошкольного возраста (ГОЗДДВ) «женское» представительство преобладало: соответственно 31 женщина против 25 мужчин²³.

Итак, идея слияния действующих общественных организаций, занимающихся опекой и воспитанием детей дошкольного возраста, получила поддержку на государственном уровне. В 1873 г. общество объединило 78 членов-учредителей, а также 183 постоянных и так называемых временных членов, которые платили членские взносы в нефиксированном размере, сколько имели возможность. При этом больше половины членов организации составили женщины.

Реализовывая свое основное предназначение – расширение сети дошкольных учреждений, ГОЗДДВ на протяжении 1872–1873 гг. дополнительно открыло 6 дошкольных учреждений. По его отчетным данным, общее количество этих институций достигло 143, из них 30 функционировало в Будапеште²⁴. Кроме того, совместно с Государственным венгерским обществом домохозяек в Будапеште был открыт приют на 50–60 младенцев-сирот.

21 июня 1874 г. на общем собрании Государственного общества защиты детей дошкольного возраста в его состав вошли члены Общества

распространения дошкольных учреждений в Венгрии и члены Государственного общества гувернеров. Председателями общества собрание избрало Калманне-Тиса и Йожефа Урмеи (председатель ОРДУвВ). Руководителем воспитательного отдела (секции) стала И. Краловански, а секретарем – П.К. Сатмари. Новое общественное объединение получило название Государственное общество воспитателей (ГОВ) (*Kisdednevelők Országos Egyesülete*)²⁵. Как и в предыдущем наименовании, определение «государственное» употребляется в значении «всеобщее». Цель и задания вновь созданного объединения соответствовали общей идее действующих обществ и были отображены в проекте статута ГОВ (1874 г.). При содействии членов общества в Венгрии было создано около 500 дошкольных учреждений.

Однако с принятием закона «О дошкольном воспитании» (1891 г.) открытие и содержание дошкольных учреждений стало прерогативой органов государственной власти и местного самоуправления. Вследствие этого деятельность Государственного общества воспитателей постепенно ограничивалась, его доходы падали, благотворительные акции свертывались.

Государственное общество воспитателей осуществляло активную работу и «по ту сторону Тисы», как в XIX в. называли закарпатский регион. Многие квалифицированные воспитатели были его членами с самых первых лет деятельности Общества и проводили агитационную работу по созданию его подразделений на землях края. О создании подразделения ГОВ в Закарпатье впервые заговорили 11 мая 1879 г. – на собрании представителей венгерских женских обществ Берегского комитата, которое проводилось под руководством королевского школьного инспектора Ференца Фишера в Берегсасе (совр. Берегово в Украине).

В этом городе давно назрела необходимость создания дошкольного учреждения, однако ежегодная государственная помощь, выделявшаяся на содержание школ (7 000 фт.), не предусматривала открытия таких учреждений. Средства для этого можно было получить только в форме родительской платы за воспитание детей и благотворительных пожертвований. Рассмотрев рекомендации Государственного общества воспитателей по созданию дошкольных учреждений, участники собрания пришли к выводу о том, что в Берегсасе детский сад можно открыть только при их непосредственном участии. С этой целью было вынесено решение о создании собственного общества воспитателей и аккумулировании взносов его членов для создания дошкольного учреждения²⁶.

Поскольку почти половина территории комитата Берег принадлежала семье графа Шенборна, то председателем местного объединения дошкольных работников был избран ее представитель – Эрвин Шенборн.

Берегсасское общество воспитателей (1879 г.), объединив 25 постоянных и 25 временных членов, стало первой в Закарпатье организацией, вошедшей в состав Государственного общества воспитателей. Для поддержки его деятельности ГОВ не отбирало взносы членов вновь созданной организации, оставляя их для трат на внутренние нужды²⁷.

Уже на первом собрании Берегсасской ячейки была создана отдельная комиссия, призванная организовать в городе дошкольное учреждение. В нее вошли Ш. Гонци – заместитель председателя местного женского общества, Ф. Фишер – королевский школьный инспектор, А. Яндрашич – бургомистр и др. Активная деятельность общества воспитателей в Берегсассе уже в 1879 г. увенчалась успехом: был открыт первый венгероязычный детский сад, который посещало от 60 до 70 детей. Он был полностью обеспечен необходимым дидактическим материалом и оборудованием, соответствовавшим тогдашним требованиям. Воспитательница Шимонне-Салаи имела соответствующую педагогическую подготовку.

В 1882 г. Общество приняло на себя опеку над дошкольными учреждениями, открытыми в Берегсассе и Сойве (совр. Свалява в Украине) по инициативе женщин-воспитательниц²⁸. Ежегодно на рождественские праздники местные дошкольные учреждения получали от него денежную помощь в сумме 100 фт.

Следует отметить, что проблемы дошкольного воспитания закарпатских детей в 1880-х гг. оказались в поле зрения всей венгерской педагогической общечественности. В частности, 28 сентября 1888 г. в Мункаче (совр. Мукачево в Украине) состоялось собрание учителей Берегского комитета, объединенных в Венгерское общеобразовательное общество. Как подтверждают данные отчета его секретаря Б. Матявоски, благодаря деятельности общества были открыты и содержались детские сады в селах Росвигово и Кайданово. На собрании было принято решение взять под свой контроль детский сад в Сойве, который госпожа Каройне-Бузат содержала за свой счет.

После окончания собрания его участники посетили детский сад в Росвигове, где их приветствовало 50 детей дошкольного возраста, все «русинской» национальности, которые, благодаря стараниям воспитательницы М. Перегрини, хорошо владели венгерским языком²⁹.

Стремясь расширить сеть низовых подразделений, Государственное общество воспитателей применяло практику проведения собраний своих членов непосредственно в городах Закарпатья, что стало существенным фактором дальнейшего развития движения за дошкольное воспитание в крае, за создание в составе ГОВ отдельных общественных объединений.

Итак, в 1894 г. состоялось его общее собрание в Мункаче. В выступлении воспитательницы Марии Чонташне-Ацел на тему «Проблемы дошкольного воспитания в Берегском комитате» прозвучал призыв к расширению сети дошкольных учреждений в крае с целью решения «языковой проблемы», то есть к усилению «мадяризации» невенгерских детей и ухода за ними³⁰.

О создании Марамарошского отделения ГОВ свидетельствуют данные, опубликованные в журнале «Дошкольное воспитание» за 1911 г. Автор статьи «О создании Марамарошского отделения общества воспитателей» Эржика Патаки из Берегсассы писала, что им (воспитателям) было очень обидно, когда на общем собрании педагогов комитета на них не обращали внимания. Поэтому, она внесла предложение: организовать отдельную ячейку воспитателей, которое поддержали и ее коллеги. На третий день после Пасхи,

22 мая 1895 г., на собрании в детском саду св. Елизаветы в городе Марамарошигет (совр. Сигету-Мармацией в Румынии), 20 воспитателей стали членами отдельной ячейки ГОВ. Его председателем была избрана Амалия Ресеги, заместителем – Мария Перегрини, секретарем – Эржика Патаки³¹.

В июле 1895 г. присутствующие на общем собрании Унгского учительского общества воспитатели также создали свое отделение³².

17 октября 1895 г. в городе Кишсебен (совр. Сабинов в Словакии) состоялось собрание Шарошского общества учителей, на котором активно обсуждался вопрос дошкольного воспитания. С докладом «Работа в детских садах» выступила Мария Молнар – «образцовый» воспитатель с Пряшевщины³³. Участники собрания посетили также и открытое занятие воспитательницы местного детского сада Розы Вираг³⁴.

29 мая 1898 г. в Мункаче вновь состоялось общее собрание воспитателей ГОВ. В нем приняли участие тогдашние руководители общества (В. Гогоро, А. Дердь, Ш. Переш) и известные в Венгрии организаторы дошкольного образования (И. Дудински, Е. Кулисеги, М. Ланг, Л. Фодор и др.)³⁵. Участники собрания заслушали и обсудили доклад М. Ланга «О самостоятельной деятельности детей от трех до шести лет». Программа собрания предусматривала также участие в открытом занятии в детском саду Сойвы. В соответствии с руководящей целью официального образовательного курса, основное внимание уделялось обучению «русинских» детей венгерскому языку, что и было отмечено как достижение этого дошкольного учреждения на страницах журнала «Венгерское дошкольное воспитание и народное образование» (*Magyar kisednevelés és népoktatás*) за 1898 г.

26 мая 1912 г. очередное общее собрание Государственного общества воспитателей состоялось в Темешваре (совр. Тимишоара в Румынии). От Закарпатья на нем присутствовала Паула Виктор из Варпаланки (в черте совр. Мукачевы). На собрании рассматривались, в том числе, вопросы о важности приучения детей дошкольного возраста к труду, об обучении воспитанников венгерскому языку, о денежной помощи дошкольным учреждениям.

Изложенное еще раз подтверждает пристальное внимание Государственного общества воспитателей к Закарпатыю.

На конец XIX в. приходится одно из самых больших достижений венгерской общественности в сфере распространения и утверждения дошкольного образования в Закарпатые – создание Секции воспитателей северно-восточной Венгрии – СВ СВВ (*Az északkeleti Magyarországi kisednevelők szakosztálya*) как секции (отдела) ГОВ. В ее состав вошли работницы дошкольных учреждений комитатов Абауй-Тарна, Берег, Земплен, Марамарош, Сатмар, Сепеш, Угоча, Унг и Шарош³⁶. Как и общевенгерское общество воспитателей, оно провозгласило главной целью своей деятельности объединение воспитателей указанных комитатов для совместной работы, поддержки ГОВ и реализации намеченных им задач³⁷. В их числе были: забота о расширении сферы практического применения венгерского языка, преемственность между дошкольным и начальным школьным обучением, усовершенствование методики обучения и воспитания детей дошкольного

возраста, материальная и моральная поддержка «всех патриотических институтов народного образования» и т.п.³⁸

Инициаторами создания СВ СВВ выступили члены общества воспитателей из комитета Шарош, предложившие на собрании 26 февраля 1895 г. объединиться в единое региональное общество воспитателей.

20 мая того же года в Мункаче состоялось организационное собрание, где обговаривался вопрос о создании Секции воспитателей северно-восточной Венгрии, подчиняющейся Государственному обществу воспитателей.

Собрание Секции воспитателей в Мункаче 2 июня 1895 г. проходило при участии представителей официальной школьной власти региона, воспитателей и учащихся Пряшевского учреждения по подготовке воспитателей³⁹. Председателем собрания был избран уже упомянутый Михай Ланг, заместителями – Мария Молнар и Ласло Козма. Главным вопросом в повестке дня этого собрания была методика обучения венгерскому языку в невенгерскоязычных детских садах и начальных школах. М. Ланг сделал упор одновременно и на необходимости изучения в дошкольных учреждениях региона не только венгерского, но и немецкого, валашского (румынского), сербского, русинского, словацкого, хорватского, цыганского, армянского и других языков национальных меньшинств, проживающих на территории Закарпатья. В частности, педагог подчеркивал: для того, чтобы в совершенстве обучить детей венгерскому языку, преподаватель сам должен владеть родным языком тех детей, которых он намеревается обучать. По его мнению, «без знания родного языка невозможно наладить духовную связь ни с детьми, ни с их родителями; без знания их культуры невозможно прививать любовь к венгерской...»⁴⁰.

Секция ГОВ пропагандировала дошкольное воспитание наравне с начальной школой. Часто проводились общие собрания и с членами аналогичного общества венгерских учителей региона, организовывался сбор средств для приюта детей-сирот, родители которых были учителями; для фонда им. Й. Этвеша, Дома учителей и Дома воспитателей, куда принимали бы педагогов пенсионного возраста без семьи и средств к существованию. Обо всех решениях, принятых на общем собрании, СВ СВВ отчитывалось перед Государственным обществом воспитателей⁴¹.

Структурно Секция воспитателей северно-восточной Венгрии подразделялась на ячейки, соответствующие комитатам, представители которых вошли в его состав: Бауй-Тарна, Берег, Земплен, Марамарош, Сатмар, Сепеш, Угоча, Унг и Шарош. Благодаря этому возможными стали встречи воспитателей на собраниях и заседаниях «районного» уровня. Так проще было отбирать темы для обсуждения – то, что больше всего интересовало воспитателей отдельных местностей. Члены секции посещали практические занятия в детских садах с разными программами. По своей структуре эти собрания напоминали заседания теперешних методических объединений воспитателей.

Все собрания и заседания проводились на венгерском языке, преимущественно при участии высокопоставленных венгерских чиновников. Это было зафиксировано в § 20 статута Секции. На собраниях Берегского, Марамарошского, Угочайского и Унгского отделений СВ СВВ часто практиковались

занятия при участии русинских детей. Они на одинаково хорошем уровне читали стихи и пели песни на венгерском и родном языках.

Нарушение этого порядка (на первом месте должен был быть венгерский язык) остро критиковалось. Считалось большим достижением, когда маленькие «русины» с гордостью декламировали патриотические стихи, типа: «Венгерский флаг» («*Magyar zászló*»), «Молитва венгерских детей» («*Magyar gyermekek imádsága*»), «Мартовская молитва» («*Márciusi ima*»), «Самая красивая картинка» («*Legszebb kép*») и т.д.

В результате популяризаторской и организационно-практической деятельности Секции воспитателей северно-восточной Венгрии заметно увеличилось число ее членов и резко возросло число дошкольных учреждений на вверенных ей территориях, что отображают данные нижеприведенной таблицы.

Количество дошкольных учреждений на территории деятельности Секции воспитателей северно-восточной Венгрии (1895 г.)⁴²

№ п/п	Название комитата	Количество дошкольных учреждений
1	Абауй	12
2	Берег*	43
3	Земплен	25
4	Марамарош*	11
5	Сатмар	86
6	Сепеш	9
7	Угоча*	11
8	Унг*	16
9	Шарош	12

Данные таблицы подтверждают, что на территории Закарпатья больше дошкольных учреждений было сосредоточено в комитатах Берег (43) и Унг (16)⁴³. Аналогично Берегское и Унгское отделения (филиалы) СВ СВВ этих комитатов были самыми массовыми: тут чаще проводились собрания, выносились на обсуждения интересные вопросы.

Следует констатировать, что с 1836 г. – даты учреждения первого венгерского Общества распространения дошкольных учреждений – и до принятия закона «О дошкольном воспитании» (1891 г.) ведущими факторами инициации и создания учреждений дошкольного воспитания в Венгрии выступали отдельные лица и общественные дошкольные организации. При этом в их деятельности четко выделяются два периода. Первый (до 1868 г.) был преимущественно связан с популяризацией идеи общественного дошкольного воспитания и ее практической реализацией в больших административных

* Территории комитатов, отмеченных звездочкой, в настоящее время полностью или частично входят в состав Украины.

центрах усилиями отдельных лиц и разрозненных обществ. Второй период (1869–1891 гг.) характеризовался объединением усилий всей венгерской общественности с целью выработки единых принципов, теории и практики публичного воспитания.

В конце XIX в. влияние общественных дошкольных объединений Венгрии (прежде всего ГОВ) распространилось на дошкольное образование в Закарпатье. Именно тогда возникли организации воспитателей в Берегсасе, Марамарошсигете, Унгваре (совр. Ужгород в Украине), а в 1895 г. – как подразделение Государственного общества воспитателей – была учреждена Секция воспитателей северно-восточной Венгрии. В ее состав вошли дошкольные работницы всего Закарпатского региона, поставившие себе целью активизировать изучение венгерского языка детьми национальных меньшинств и обеспечить опеку над ними. С усилением влияния на публичное дошкольное воспитание органов официальной власти гражданская инициатива уступила место государственной.

Примечания

¹ Комитат (от неолатинского *comitatus*, по-немецки *Komitat*, по-венгерски *megye*) – основная административно-территориальная единица в Венгрии.

² Первые попытки проанализировать истоки публичного дошкольного воспитания на украинских землях приходится на первые десятилетия XX в. Они представлены в научных исследованиях А. Животка, С. Русовой, С. Сереполка. После провозглашения независимости Украины в стране проводились фундаментальные исследования национального дошкольного воспитания, как в восточном, так и в западно-украинском регионах. Основные аспекты отражены в диссертациях и научных исследованиях Л. Артемовой, А. Богуш, Н. Лисенко, З. Нагачевской, Л. Редькиной, Т. Слободянюк, М. Стельмаховича, И. Улюкаевой. В конце XX в. интерес к истории дошкольного воспитания вновь возрос. Особенности его функционирования, содержание учебно-воспитательного процесса в учреждениях образования Надднепровской Украины стали предметом внимания С. Гончаренко, Н. Евтуха, В. Кравца, В. Курила, О. Любар, О. Сухомлинской, Н. Ярмаченко и др. Работы исследователей истории педагогической мысли Галиции XIX – первой половины XX вв. (Л. Байк, Т. Завгородняя, И. Курляк, Б. Ступарик, М. Чепиль), Закарпатья и Буковины (В. Гомоннай, Н. Зимомер, А. Игнат, Д. Пенишкевич, А. Рего, В. Росул, М. Талапканич, В. Сагарда, В. Шандор) дают представление о западно-украинской народной школе в пределах Австро-Венгрии, а также польского, румынского и чехословацкого государств, раскрывают влияние Н. Галушинського, А. Духновича, И. Карбулицкого, И. Ющишина и др. на развитие педагогического мышления. С точки зрения типологически близкого развития соседних Галиции и Буковины, научную ценность также представляют диссертационные исследования М. Барны, Г. Билавич, С. Вдович, Д. Герцока, Л. Кобилянской, И. Петрюк, Н. Сабат. Наконец, в современной венгерской историографии ведутся исследования по теории и истории образования в Австро-Венгерской монархии, результаты которых имеют непосредственное (Р. Куруц) или косвенное (О. Ваг, И. Виг, Ш. Кёвер) отношение к изучаемому предмету.

³ В. Мольнар Л. Самборский и Тешедик – два просвещенных полигистора // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений, XII–XX вв. / Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 453–467.

⁴ Draskovits P. A magyar kisednedvelés és kiseddónödképzés története és jelen állapota. Szombathely, 1940. 75. old.

⁵ Szathmári K. A magyar kiseddóvás és nevelés rövid története. Pest, 1887. 24. old.

- ⁶ Pezo G. Становлення та розвиток дошкільних закладів в Угорщині (і Закарпатті) у XIX ст. // Науковий збірник товариства "Просвіта" в Ужгороді. Ужгород, 2003. Річник V–VII (XIX–XXI). С. 18.
- ⁷ Bilibok P., Sebestyén I., Zibolen E. Első óvodáink életéből 1829–1833. Bp., 1984. 24. old.
- ⁸ Kövér S. Az értelmi nevelés története óvodáinkban 1828–1975 között. Bp., 1987. 14. old.
- ⁹ Kurucz R. Az első magyar óvóképző. Szekszárd, 2002. 183. old.
- ¹⁰ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті: витоки й історія розвитку (1836–1918 pp.). Ужгород, 2010. С. 15.
- ¹¹ Kurucz R. Op. cit. 25. old.
- ¹² Ibid. 38–39. old.
- ¹³ Magyar Országos Levéltár, Budapest (далее – MOL) P.1652. 2. cs. 2. tétel. A kisededovo intézeteket Magyarországon terjesztő egyesületalakuló gyűlés jegyzőkönyve. 1836. 3–5. old.
- ¹⁴ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 16.
- ¹⁵ Форинт – денежная единица Венгрии, сокращенно – фт.
- ¹⁶ Szathmári K. Emlékirat a magyarországi kisednevelés nevezetesebb mozzanataiból. Budapest, 1887. 5–6. old.
- ¹⁷ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 18–19.
- ¹⁸ Szathmári K. A magyar kisededová. 91. old.
- ¹⁹ Peres S. A Magyarországi tanító-egyesületek története. A nagyméltóságú vallás és közoktatásügyi minisztérium támogatása mellett kiadta. A Magyarországi tanítók országos Bizottsága. Budapest, 1896. 50–52. old.
- ²⁰ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 23.
- ²¹ Pezo G. Видатні постаті (Угорщини та Австро-Угорщини) причетні до становлення дошкільного виховання в Закарпатті // Науковий вісник Чернівецького університету: педагогіка та психологія – Чернівці, 2005. Вип. 244. С. 199–200.
- ²² Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 28.
- ²³ Szathmári K. Emlékirat. 64. old.
- ²⁴ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 30.
- ²⁵ MOL. P 1652. 7. cs. 21. tétel. A Kisednevelők Országos Egyesületével való fúzió (1874) után létrejött Országos Kisededová Egyesület. 22. old.
- ²⁶ Csontosné A.M. Beregvármegye kisededováügye // Kisednevelés. 1898. 12. sz. 304. old.
- ²⁷ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 36.
- ²⁸ Munkácsi óvónők gyűlése // Kisednevelés. 1883. 10. sz. 186–187. old.
- ²⁹ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 37.
- ³⁰ A Kisednevelés Országos Egyesület közgyűléséről // Kisednevelés. 1898. 1. sz. 269–271. old.
- ³¹ Pataky E. A máramaromgyeji óvónők megalakulása // Kisednevelés. 1911. 10. sz. 307–309. old.
- ³² Egyesületi élet // Magyar Kisednevelés és Népoktatás. 1895. 6. sz. 19. old.
- ³³ Пряшевщина – регион, населенный преимущественно русинами, ныне на территории Словакии.
- ³⁴ A Kis-Szebeni gyűlés // Magyar Kisednevelés és Népoktatás. 1895. №12. sz. 22. old.
- ³⁵ Pezo G. Дошкільне виховання у Закарпатті. С. 38.
- ³⁶ Pezo G. Північно-східна спілка вихователів у Закарпатті // Початкова школа. 2005. № 5. С. 48.
- ³⁷ Felhívás. Maramoros-, Szatmár-, Ugocsa-, Bereg-, Ung-, Zemplén-, Sáros-, Szepes- és Abauj-Tarnavármegyéek óvónőihez, általános s felekezeti jellegű tanító egyesületekhez // Magyar kisednevelés és Népoktatás. 1895. 1. sz. 19–21. old.
- ³⁸ Pezo G. Створення та діяльність Північно-східної спілки угорських вихователів у Закарпатті // Науковий вісник Ужгородського університету: Серія "Медицина". 2005. Вип. 24. С. 199–202.
- ³⁹ Munkácson // Magyar Kisednevelés és Népoktatás. 1895. 3. sz. 19–21. old.
- ⁴⁰ Láng M. A magyar beszéd tanításának természetszerű módja nem magyarajkú népiskolában. Bp. 1900. 11–14. old.
- ⁴¹ Egyesületi élet Huszton // Magyar Kisednevelés és Népoktatás. 1895. 13. sz. 21–22. old.
- ⁴² Morlin E. A magyar kisededová multja éa jelene. Bp., 1896. 104–105. old.
- ⁴³ Pezo G. Північно-східна спілка вихователів у Закарпатті. С. 47–49.

III. Из истории славяноведения

Л.П. Лаптева

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

И.И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой

(К 200-летию со дня рождения русского ученого)

Abstract:

Lapteva L.P. *Izmail Sreznevsky and his scholarly contacts with the Czech Slavist Václav Hanka (to the bicentennial anniversary of the Russian scholar)*

The present article treats a less known, but essential – for the better understanding of Izmail Sreznevsky's work – issue of his contacts with the representative of the nineteenth-century Czech national revival movement Václav Hanka, who exemplifies the phenomenon of the Czech and Slavic cultural renewal.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, В. Ганка, славяне, славяноведение, русско-чешские связи, Харьковский университет, Краледворская и Зеленогорская рукописи.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) принадлежит к числу крупнейших русских славистов XIX в. Вместе с О.М. Бодянским, П.И. Прейсом и В.И. Григоровичем он стал зачинателем научного исследования славян в их прошлом и настоящем, родоначальником преподавания славяноведения в университетах Российской империи и воспитателем кадров русских славистов. Об И.И. Срезневском существует значительная литература¹. Она отражает существенный вклад ученого не только в русскую, но и в европейскую науку о славянах. И.И. Срезневский интересовался всеми славянскими народами, как западными, так и южными, как большими, так и самыми малыми. Неоценимым научным подвигом И.И. Срезневского является изучение им истории русского языка и его памятников. Вообще, литература об И.И. Срезневском касается практически всех сторон его деятельности, хотя освещает их с неодинаковой подробностью и глубиной. Известно, что юбилейные мероприятия, посвященные той или иной личности, не всегда приносят исключительно новый материал, напротив, подчас в них наблюдается много повторений хорошо известных фактов и оценок. Однако и такие повторения полезны, так как они выполняют просветительскую функцию исторической науки и воспитывают преемственность поколений, без чего дальнейшее развитие невозможно. В то же время каждое обсуждение научным сообществом определенной проблемы приносит и новые данные: обнаруживаются ранее не известные факты, позволяющие по-новому оценить те или иные явления, не вызывавшие внимания у предшествующих исследователей обстоятельства или неточно интерпретированные события. В целом

углубленное изучение данной проблемы, при общем представлении, также необходимый этап развития исторической науки.

К таким вопросам, недостаточно изученным и перспективным для углубления знаний о творчестве И.И. Срезневского, относятся его контакты с чешским деятелем Вацлавом Ганкой (1791–1861). Ганка представляет собой феномен чешского и славянского культурного Возрождения. Он имел неплохую лингвистическую подготовку (учился у Й. Добровского), знал древние (древнеславянский и церковнославянский), а также современные западные и славянские языки, переводил тексты со всех этих языков, хотя с разным успехом. Ганка также писал стихи, собирал памятники народной чешской старины и т.д. По мировоззрению он являлся сторонником так наз. славянской взаимности в ее русофильском варианте. Официально В. Ганка занимал скромную должность библиотекаря Чешского национального музея и хранителя рукописей и литературы. Эту должность он исполнял с большой энергией и успехом. Он сам разыскивал памятники письменности прошлого чехов и других славян, приобретал их и пополнял ими фонды библиотеки музея, а нередко и публиковал их, писал исследования и статьи информационного характера о древней славянской литературе, преимущественно чешской. Ганка приобретал для библиотеки сочинения и современных ему славянских писателей и вообще деятелей Возрождения, установив для этой цели широкие связи, вероятно, со всеми лицами, которые интересовались славянством. В результате библиотека музея в Праге стала средоточием литературных богатств, созданных славянами, а древняя чешская столица – центром научного интереса всех славяноведов, в чем была безусловная заслуга Ганки. Деятельность этого сторонника возрождения славянства основывалась на глубоком чувстве чешского патриотизма.

В начале XVII в. Чехия потеряла политическую независимость и стала провинцией империи Габсбургов. За 150 лет немецкого господства произошла реставрация религии, широкая германизация культуры и общества. Чешский язык потерял государственную, общественную, культурную и научную функции, деградировал и утратил перспективы для развития. В новое время у чешской интеллигенции, немецкой по образованию, стало пробуждаться национальное самосознание, и свою отсталость в развитии национальной культуры они стремились ликвидировать патриотической работой. Проявлялся интерес к культурному прошлому Чехии – к языку, литературе, истории, создавались журналы с патриотической тематикой (на немецком языке), патриотические кружки и пр. Собирались исторические памятники, свидетельствующие о далеком и славном прошлом народа. Следует отметить, что таким «интеллектуальным движением» была охвачена не только чешская интеллигенция. Это было явление европейского характера, именуемое эпохой романтизма. Таким романтиком-патриотом и был Вацлав Ганка. Тяжело переживая унижительное положение чехов, презрительное отношение, прежде всего со стороны немцев, к чешской литературе и письменности, вообще непризнание ее самостоятельности, Ганка решил исправить

создавшуюся ситуацию своеобразным способом – стал подделывать исторические памятники и сочинять новые. Во второй декаде XIX в. один за другим стали появляться «найденные» памятники, свидетельствующие о высоком уровне чешского языка, о превосходстве древней чешской культуры над немецкой, и т.д. Кульминацией этих «находок» стало появление так наз. «Краледворской и Зеленогорской рукописей» (РКЗ), якобы открытых Ганкой в 1817–1818 гг. «Открытия» были встречены патриотической чешской интеллигенцией с восторгом и ликованием². Наконец-то были «найденны» «подлинны» доказательства превосходства чешской культуры, литературы, общественного устройства и быта над немецкими! В.Ганка стал «великим открывателем» бесценных сокровищ славянской древности и несколько десятилетий купался в славе «славянского Колумба». Принятие РКЗ чешской возрожденческой интеллигенцией в качестве подлинных памятников древней чешской письменности (XI и XIV вв.) объясняется романтическим патриотизмом, который всегда имеет ложную основу и выдает желаемое за действительное. Кроме того филологическая и историческая наука находились в начале XIX в. на таком уровне, который не позволял распознать подлинность памятника или его подложность. Среди славянских филологов такого специалиста не было, что же касается немецких филологов, профессиональный уровень которых был на голову выше чешских, то они не занимались славянскими языками и литературой. Их интерес находился в области индоевропеистики, главным образом индогерманских языковых вопросов. Вероятно, по этой причине знаменитый немецкий филолог Якоб Гримм верил в подлинность РКЗ, верил в нее и великий немецкий поэт И.В. Гёте, и другие, не имеющие тесного отношения к современной литературе, но известные впоследствии философы К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкое признание льстило чешским патриотам, РКЗ широко распространялись, они были переведены на европейские языки и издавались большими тиражами.

Такова была литературная ситуация в Чехии и положение Ганки в чешском интеллектуальном обществе, когда с ним познакомился молодой русский ученый И.И. Срезневский, командированный российским министерством народного просвещения для изучения прошлого и современного состояния зарубежных славян, с целью последующего занятия кафедры славянских наречий и литературы в Харьковском университете.

Такие кафедры были учреждены уставом российских университетов 1835 г. в Москве, Петербурге, Казани и Харькове. Первые русские исследователи славянства (как, впрочем, и последующие) обычно начинали свои штудии в Германии, где изучали филологическую науку, находившуюся в этой стране на высоком уровне. Они посещали лекции профессоров Берлинского и других университетов, изучали методы исследования языка и постановки преподавания его, работали с литературой и источниками, обогащали свои знания в беседах с крупными немецкими учеными, посещали их семинары и т.д. Получив теоретическую и методологическую подготовку в Германии, русские слависты отправлялись в славянские страны, где приобретали

сведения о состоянии славянских языков и литератур, устанавливали связи с носителями языков и местной национальной интеллигенцией. В путешествиях по славянским землям они приобретали новые сведения о материальной, умственной и культурной жизни зарубежного славянства. Стартовым пунктом для научных путешествий славистов была Прага, являвшаяся наиболее оживленным центром славянских исследований во всей Австрии. Здесь жили и трудились уже известные ученые и национальные деятели – П.Й. Шафарик (1795–1861), Й. Юнгманн (1773–1847), поэт и фольклорист Ф.Л. Челаковский (1799–1852), В. Ганка и другие литераторы и филологи.

И.И. Срезневский прибыл в Прагу 4(16) февраля 1840 г. из Дрездена. В первый же день по приезде он посетил П.Й. Шафарика, с которым часто беседовал впоследствии. Ф.Л. Челаковский стал одним из учителей Срезневского по средневековому и новому чешскому языку. Русский стажер был знаком с Й. Юнгманном, Ф. Палацким и др. Но особенно тесные дружеские отношения установились между Срезневским и Ганкой. Как писал русский ученый в альбом Ганки 3(15) января 1841 г., «Пятидесятилетнее мое пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом». Ганка помогал Срезневскому в совершенствовании чешского языка, изучении палеографии, информировал об источниках, книгохранилищах и архивах, снабжал необходимой литературой и т.д. Как свидетельствует переписка этих славистов, научные контакты продолжались почти до кончины Ганки в 1861 г.

Письма В. Ганки к Срезневскому не опубликованы и хранятся в архивном фонде И.И.Срезневского в РГАЛИ³. Наиболее ценными, однако, являются, на наш взгляд, 53 письма И.И.Срезневского Ганке за период с 1840 по 1860 гг., опубликованные В.А.Францевым в издании «Письма Вячеславу Ганке из славянских земель»⁴. По содержанию и хронологии их можно условно разделить на три части. Первая охватывает период пребывания Срезневского за границей и путешествия его по славянским странам. Вторая часть относится к харьковскому периоду деятельности ученого после возвращения из заграничной командировки, а в третьей отражаются его жизнь и творчество в петербургский период – с 1847 по 1860 гг.

В целом в литературе о Срезневском этот источник используется неравномерно. Значительная часть писем Срезневского Ганке касается вопросов о русско-чешских и русско-словацких связях. Эта тема освещена в ряде статей и монографий. Еще В.А.Францев в начале XX в. опубликовал труд под названием «Очерки по истории чешского возрождения»⁵, а в начале XXI в. появилась на свет монография М.Ю. Досталь «И.И.Срезневский и его связи с чехами и словаками»⁶.

Путешествие по Лужицам и изучение Срезневским серболужицких языков, этнографии и т.д., а также связи с представителями этого славянского народа подробно рассмотрены в исследовании автора этой статьи о русско-серболужицких научных и культурных связях в XIX – начале XX вв.⁷

Слабее использованы в литературе сведения Срезневского о южных славянах, содержащиеся в его письмах Ганке, но именно в этом материале имеются иногда уникальные сведения, пока не получившие достойной оценки.

Закончив свои штудии в Праге, русский славист посетил земли и других западных славян, а в январе 1841 г. прибыл в Вену, чтобы провести подготовку к путешествию по землям южных славян. Здесь он встретился с Вуком Караджичем⁸, который согласился помочь Срезневскому в изучении сербского языка и народа и, кроме того, нашел ему молодого хорвата, у которого русский славист брал ежедневно уроки. Затем он отправился в Штирию и в немецком Граце познакомился с профессором словенского языка К. Квасом⁹, капелланом Мурко¹⁰, иллирийским поэтом Грнским¹¹. Все они занимались изучением славянской филологии, и Срезневский отметил их стремление установить для словенцев (штирийских и краинских) иллирийское правописание. Далее Срезневский прибыл в Марбург и сообщил Ганке о границе между Штирией славянской и немецкой, охарактеризовал штирийское и краинское наречия и познакомился со всеми деятелями в области словенского языка и изданиями их трудов. Кроме того Срезневский описал одежду, физический тип славянского населения, природу и некоторые обычаи. Все эти сведения заинтересовали Ганку, и письмо Срезневского от 20–30 марта 1841 г. было им напечатано в «*Časopis Českého Musea*» на чешском языке, а П.П. Дубровский перевел письмо на польский язык и напечатал в «*Biblioteka Warszawskiej*».

Из Загреба Срезневский сообщает об успехе иллирийского движения и прилагает большой список опубликованной «по иллирийски» литературы, созданной ново-иллирийскими писателями. Русский путешественник извещает своего чешского друга об интересе местного населения к другим славянским языкам. В заключение письма автор просит Ганку при публикации письма вставить характеристику провинциально-хорватских наречий – кайкавского и штокавского – и подробно описывает их различие. В мае 1841 г. И.И. Срезневский делится с Ганкой своими наблюдениями над итальянскими славянами. Посетив Резьянскую долину, он писал: «Двух дней было мне почти достаточно, чтобы не только разузнать все главное о наречии и обычаях Резьи, но и обойти всю долину; священник рассказывал мне о старине (он и родом из Резьи), а капеллан водил меня по деревням и селам»¹². На основании данных Срезневского П.Й. Шафарик составил статью «О резьянах и фурляньских славянах» (опубликована в журнале «Денница» в 1842 г.).

В июне 1841 г. И.И. Срезневский извещал Ганку уже из Штирии. Прежде всего он сообщал, что они (путешествовал вместе с П.И.Прейсом) с сопровождающими идут пешком (за неимением других средств передвижения в этих землях). «Как ни спешим, как ни стараемся проходить в день верст по 40, по 50, а от времени все-таки отстаем»¹³, – сетует он. Но из Триеста в Копр (Copo d'Istria) выехали на дилижансе и, прибыв в Копр, двинулись дальше – в маленькие городки и села, чтобы выяснить, на каких наречиях говорит их население, и записать песни.

Срезневский красочно описывает это путешествие в сопровождении священника, хорошо знавшего местное наречие. «Путешествовали мы таким образом: впереди осел, на нем бисаги* и на бисагах один из нас, за ослом проводник пешком, за проводником конь с другим из нас; дорожка, как и все дорожки в Штирии (дорожки, а не дороги), страшно дурны»¹⁴.

Путешественники убедились, что местное наречие еще краинское. Записали несколько десятков слов, кое-что об обычаях и несколько песен. Срезневский устанавливает границы краинского наречия. Далее автор характеризует истринское наречие и отмечает бедность населения. Затем он устанавливает границу начала чакавского языка, а в городе Фиуме (Риеке) отмечает множество славян и «только чакавские песни». На острове Крк путешественники слушали глаголическое богослужение. «Наречие Крка есть хорватское чакавское», – констатирует Срезневский и сообщает особенности употребления букв и произношения¹⁵. Описав географию Далмации, Дубровник, отсутствие удобств для передвижения по стране, грубость обращения с путешественниками со стороны властей и чиновников, безответственность последних по отношению к своим обязанностям, грязь и антисанитарные условия ночлега, не позволявшие утомившимся путникам отдохнуть, И.И. Срезневский заключает: «То ли дело путешествовать по немецким землям Австрийским; благородное обхождение начальства с путешественниками может служить примером в целой Европе»¹⁶.

Посетив Военную границу хорватскую, изучив многие другие места, Срезневский, 1 октября 1841 г. «вступил на сербский белградский берег»¹⁷, а затем добрался до Вены, где и остался на зиму. «В Сербии мне было очень хорошо, – пишет Срезневский. – В Белграде я был как дома у русского консула Ващенко, бывал у князя, княгини старой, Ефрема Обреновича, паши и познакомился со всеми интересными людьми; а для путешествия моего по внутренней Сербии дан мне был не только паспорт, но и чиновник, водивший меня всюду, за что не могу не быть благодарным правительству сербскому». ... «Хотелось бы сообщить Вам дневник моих походов по Сербии..., но не имею времени и вместо дневника посылаю Вам список новых сербских книг, заслуживающих внимания»¹⁸. И далее следует большой перечень сербской литературы – книг и периодических изданий, изданных как в Сербии, так и в Венгрии, свидетельствующий об оживленной деятельности сербов в области изучения языка древних памятников письменности.

Таким образом, путешествие Срезневского по землям южных славян Австрийской монархии можно считать подвигом, который был совершен русским ученым ради познания славянского мира, неведомого для России и мало знакомого европейскому обществу. Основное внимание Срезневский уделял выяснению вопросов о славянском языке, его составе, границах распространения, различии диалектов, наличии и характере письменности, степени осведомленности местных интеллектуальных сил о своем языке и

* Бисаги – переметные сумки (сербск.).

вообще о прошлом. Выяснение этих вопросов позволило Срезневскому внести много нового в представления современников о языках южных славян, составить их классификацию, провести корректировку границ распространения диалектов и «наречий», представить их новую «карту». Много неизвестного ранее материала представил Срезневский науке о славянах в области этнографии, в описании быта, нравов, одежды, устройства жилища, фольклора, праздников, похорон и т.д. у разных славянских племен, населявших владения Австрии. В отличие от славянофильски ориентированных русских ученых, позднее посещавших земли южных славян, Срезневский совершенно равнодушно относился к религии населения. «Не искал» православных, а видел в славянах братьев по происхождению и родственников по языку. Его письма к Ганке являются убедительным опровержением точки зрения многих исследователей деятельности Срезневского о его принадлежности к славянофильскому направлению в науке.

К сожалению, мнение о славянофильстве Срезневского встречается и в современных работах, особенно зарубежных авторов, что можно объяснить их предвзятостью или невежеством.

Особенностью писем Срезневского Ганке является тот факт, что они заранее были рассчитаны на публикацию их содержания в научной печати. И действительно, многие письма, целиком или во фрагментах, по их получению Ганка напечатал, в основном, в «Журнале Чешского Музея» в переводе на чешский язык. Из этого источника заимствовал сведения П.П. Дубровский, перепечатывая некоторые письма русского ученого в издаваемом им в Варшаве журнале «Денница» и в журнале «Библиотека Варшавска» в переводе на польский язык. Таким образом, результаты исследований Срезневского становились доступными интересовавшейся славянами общественности. Лишь в России о них никто ничего не знал. Огромное расстояние между местами путешествия Срезневского и его родиной, жестокая австрийская и русская цензура корреспонденции на границах, дороговизна пересылки – были малопреодолимым препятствием для переписки. Так, письма Срезневского к матери шли иногда два и более месяца, т.е., как и Срезневский, «шли пешком» и достигали адресата в то время, когда автор письма находился уже в совершенно другой части Европы. Более того, кроме матери и других родственников, письма Срезневского в России никто не ждал. Интерес к славянам в этой самой большой славянской стране был мизерным. Ими интересовались лишь единицы из числа профессоров университетов или деятелей, побывавших в славянских областях южной Европы со своими целями. В России не было печатного органа, в котором бы освещались сведения о славянах, и не было человека – организатора типа Ганки. Лишь журналы «Москвитянин» и «Маяк» печатали иногда заметки на славянские темы. В общем, творениям скромного харьковского магистра, отправившегося за границу для обучения, не было места в журналах, равнодушных к славянской проблематике. Поэтому научные результаты трудного путешествия Срезневского по каменистым тропам балканских предгорий,

его открытия и достижения, освещенные в письмах к Ганке, в России стали известны только к концу XIX в.: письма к матери были опубликованы в 1895 г.¹⁹, к Ганке и того позднее – в 1905 г., т.е. когда славяноведение в России достигло в своем развитии европейского уровня. У истоков этого процесса стоял И.И. Срезневский, русский первопроходец по славянским землям, своим трудом внесший неоценимый вклад в осведомление научной общественности о южных славянах.

В письмах Срезневского Ганке имеются не только зафиксированные впечатления о славянских землях, его оценки и рассуждения о различных сторонах жизни общества обследованных территорий, но и целые научные разработки отдельных вопросов. К ним, например, относятся его сведения о Черногории. Эти материалы были опубликованы Ганкой в «Журнале Чешского Музея» в виде отдельной статьи под названием «Черногория. Описание Измаила Срезневского в письмах к Вацлаву Ганке»²⁰ в 1842 г.

Для написания этой статьи Срезневский, по его собственным словам, воспользовался книгой Егора Петровича Ковалевского «Четыре месяца в Черногории» (СПб., 1841) и немецкой «Montenegro und die Montenegriener» V.2. Stieglitz (Stuttgart, 1841). Первую книгу Срезневский читал вместе с Вуком Караджичем и они обсуждали ее. Также Срезневский имел беседу о Черногории и с владыкой черногорским. Соединив эти данные со своими впечатлениями о стране и народе, Срезневский создал самостоятельный очерк, добавив в него новые сведения и исправив ошибки и неточности предшественников. Прежде всего, Срезневский описал географическое положение Черногории и ее природу. Автор констатирует, что всю Черногорию окружают непроходимые скалы, которые надолго останутся дикими. Горы покрывают и все внутренние области страны. Серые дикие громады скал, огромные скалистые кряжи, малые тропинки между горами и небольшие речки. Вершины гор покрыты снегом и являются источником влаги, но вода, однако, почти вся под землей: источник ее начинается в горах и уходит внутрь, так что на поверхности ее очень мало. Лишь в расселинах и на отлогих склонах имеется зелень и иногда леса. В небольших и редких долинах почвы плодородны, здесь растет особый виноград. Климат холодный. Дикая страна привлекла человека к себе только по его нужде сохранить свою независимость, резюмирует Срезневский. Далее автор очерка сообщает, что общая площадь Черногории – 90 миль, а жителей приходится по 1000 на милю (данные несколько отличаются от сведений Ковалевского). Каждый четвертый черногорец – оруженосец. Черногория делится на 4 нахии – Катунскую, Лешанскую, Рецкую и Черницкую. Перечисляются многочисленные племена, заселявшие обе части Черногории, – т.е. собственно Черногории и Брды. Указывается, что жители их живут бедно, но очень храбры. Деревни разбросаны далеко друг от друга, проезжих дорог нет, лишь к Скадарскому озеру проделана дорога для верховой езды, а между селениями идут тропинки с горы на гору, часто над пропастями. В стране встречаются развалины крепостей и замков. Сохранившихся церквей мало, но в Морачском

монастыре церковь св. Успения, построенная еще Стефаном Урошем, сохраняет несколько старых грамот и рукописей. В целом – страна дикой природы населена дикими суровыми людьми, отличающимися первобытными нравами и образом жизни. Впрочем, об этом в очерке прямо ничего не говорится. По-видимому, Срезневский не мог или не хотел касаться вопросов быта, строя и обычаев черногорцев. Изучение этих сторон жизни было осуществлено в русской литературе позднее – в фундаментальном 4-х томном труде П.А. Ровинского, изданном в конце XIX – начале XX вв. Сведения, собранные Срезневским, имеют несколько поверхностный характер, но вполне достоверны и отвечают уровню знаний о Черногории в 40-х гг. XIX в.

Очерк о Черногории И.И. Срезневский послал Ганке из Вены, откуда в середине марта 1842 г. выехал в Бретиславль (т.е. Братиславу). Оттуда началось его путешествие по Словакии²¹, которое оказалось также весьма результативным. В письме от 10 августа 1842 г. он писал: «В путешествии моем я был очень счастлив: мое собрание народных идиотизмов и описаний всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то, по крайней мере, не бедно: всюду находил я помощь. Особенное внимание обратил я на наречия и народности словаков: под Татрами и Бескидами наблюдатель находит еще так много нового и любопытного, что мог бы остаться там на два, на три года, и все бы еще не вычерпал рудника сокровищ, неоценимых для филолога, этнографа, историка»²². Затем русский ученый направился на родину – через Ковно проехал в Белоруссию, затем в Чернигов, из Чернигова – в Киев, а из Киева через Полтаву приехал в Харьков – 21 сентября 1842 г.

С этого времени начинается второй период сотрудничества между И.И. Срезневским и В. Ганкой.

16 октября 1842 г. Срезневский с большим успехом прочитал вступительную лекцию по славяноведению в Харьковском университете. Свое впечатление, которое оказала на него Россия после долгой отлучки, он выразил в письме от 1 декабря 1842 г. «Я ее (Россию. – Л.Л.) представляю себе огромной, величественной превосходной картиной, далеко еще не оконченной; и живописец – странный человек: он не испугался ни величия предмета, ни огромности, но сделавши общий абрис, не знает за что хвататься, что стоит обдeldывать: обдeldывает мастерски, чудесно, но по кусочкам, и где не обделано, там запачкано. Когда картина будет совсем окончена, ей не будет подобной, но пока обделает, пройдет еще много времени, и пачкотни будет немало»²³. «Наш Харьков без меня тоже много обделался, – пишет он дальше, – соборная колокольня немногим ниже Стефановской венской, и легка, как перо. Построено много домов со вкусом, открыто много новых магазинов. Жителей полиция считает 37 тысяч, следовательно, с приезжими можно считать не менее 40 тысяч. Архиерей (Инокентий) говорит чудесные проповеди и служит очень часто. Театр выстроен новый и, говорят, внутри хорошо украшен»... «Литература в Харькове спит, – продолжает ученый, – кроме рассуждений, речей и т.п. нынешний год не выйдет, кажется, ничего

кроме «Энеиды» Котляревского (первое полное издание). Губернские ведомости стали хуже»²⁴.

Указав труды, которые еще пишутся разными лицами, но не готовы к печати, Срезневский информирует Ганку о состоянии литературы в России вообще. Перечисляет выходящие журналы, прибавляя иногда остроумные характеристики их. Так, по его мнению, «первое место принадлежит «Отечественным запискам», но и в них много болтовни, много немецкой философии, и притом ни из того, ни из сего антиславянское направление»²⁵. Газеты в жалком состоянии. Губернские ведомости выходят в каждом губернском городе. Книг выходит до 500 ежегодно, пишет ученый, и перечисляет некоторые из них по истории России и других стран, по юриспруденции, по статистике, по древней истории. Издаются романы, стихи, филологические исследования, описания путешествий и т.д.

Прочитанное письмо Срезневского В. Ганка перевел на чешский язык и опубликовал в «Журнале Чешского Музея» за 1843 г. Однако эта полезная для межславянских и конкретно русско-чешских научных контактов информация не могла повлиять на наличие негативных оценок состояния русской литературы некоторыми деятелями чешского возрождения. Так, П.И. Шафарик не признавал очевидных достижений русской культуры и откровенно писал Я. Коллару, что русские – это «наполовину онемеченные и наполовину отатаренные северяне», и с ними невозможно славянское единение, а «роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр., и пр. – суть цветы дилетантства; сад, в коем они выросли, – не народ славянский»²⁶. В то же время чешский ученый стремился получить из России рукописи и другие источники, необходимые для его работы, хранившиеся в русских архивах и библиотеках, а также и материалы Срезневского, приобретенные во время его путешествия по славянским землям. Не гнушался чешский ученый принимать и материальную помощь от русского правительства и отдельных лиц для издания своих трудов²⁷.

Отрицательно отзывался о русской литературе и побывавший в России Карел Гавличек-Боровский. В письме к К. Запу 29 сентября 1843 г. он признавался, что знает только одного Гоголя, а все прочие (и с Пушкиным) составляют только, так сказать, *imitatorum pecus!*²⁸. Таким образом, для К. Гавличка вся русская литература не представляла достойного внимания²⁸. На наш взгляд, такая оценка русской духовной жизни первой половины XIX в., когда уже действовали писатели, ставшие через десяток лет основателями литературы мирового значения, когда создавался фундамент для пореформенного расцвета гуманитарной русской культуры, свидетельствует о незнакомстве деятелей чешского возрождения с культурным процессом в России и об их предвзятости. И.И. Срезневский пытался бороться с таким положением, заполняя целые страницы своих писем к Ганке списками книг,

* *Imitatorum pecus* – стадо подражателей. [O, imitatores, servum pecus! – O, подражатели, рабское стадо! (Гораций)]

статей, выходивших журналов и других изданий. Однако тщетны были его стремления: ни П.И. Шафарик, ни К. Гавличек-Боровский, по-видимому, не читали «Журнала Чешского Музея», где Ганка усердно публиковал полужурнальную информацию.

Между тем в Харькове И.И. Срезневский читал в университете лекции по славяноведению, посвящая много времени для их подготовки. Однако он заметил определенное равнодушие студентов к его предмету. «К объяснениям о древностях западных славян они (т.е. студенты. – Л.Л.) равнодушны, если это только непосредственно не касается наших русско-польских “древностей”²⁹, – писал он. – К современному глухи... Покамест все меня заставляет предполагать, что у нас изучение славянства станет почти наравне с изучением Востока»³⁰.

Отсутствие интереса к славяноведению среди слушателей Харьковского университета вызвало у Срезневского определенное разочарование. Не осуществились и другие его планы: «Мы с Бодянским хотели вместе издавать журнал и отложили»³¹, – пишет ученый 12 марта 1843 г. Это письмо, как и другие письма, содержит список новой русской литературы по русской истории, по филологии. «В литературе много хорошего, в этом году издается 99 журналов, кроме книг. Лучшие для общего чтения «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения». Для любителей славянства – «Москвитинин» и «Маяк»³², – информирует Срезневский. В следующем письме ученый посылает полное обозрение русской литературы за первое полугодие 1843 г. Перечень весьма внушительный.

Наряду с преподаванием Срезневский начинает обработку накопленного им материала и публикует ряд научных статей. В 1843 г. в «Журнале министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП) И.И. Срезневский опубликовал рецензию на книгу П.И. Шафарика «Славянская этнография»³³. Эта работа вызвала широкий отклик у славянских и не-славянских ученых. В России она была переведена на русский язык и напечатана отдельным изданием. И.И. Срезневский, высказав в своей рецензии искреннее уважение и любовь к своему учителю и, перечислив с краткими характеристиками основные труды Шафарика, сделал ряд существенных замечаний и соображений. Он констатировал тесную связь «Народописи» с более ранним научным трудом Шафарика «История славянского языка и литературы» (1826), указав на то, что обе книги имеют одно и то же содержание. Далее рецензент указал на необходимость исправления характеристики наречий и дополнения литературы, особенно великорусской, а также рекомендовал прибавить материал о нравах и обычаях славян. Автор рецензии не принимает шафариково деление наречий и советует принять историко-географическое деление – на восточное, южное и северное наречия. Так же и в вопросе о границах славянских земель и языков Срезневский предложил свои поправки и дополнения. Сам Срезневский чувствовал, что Шафарик может рассердиться на его критику, но не ожидал от чисто научного спора никаких дурных последствий. «Шафарик может быть имеет право сердиться на меня за мою

статью о «Народописи», но в его благородстве я вполне уверен»³⁴, – писал русский ученый Ганке. Но Шафарик не обнаружил в себе это качество и прервал связи со Срезневским. По-видимому, известному ученому было трудно признать факт превосходства своего бывшего ученика.

На материалах, полученных Срезневским во время путешествия по Лужицам в 1844 г., была опубликована статья «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы»³⁵ – первая работа в России о лужицких сербах. Она стала основой для сочинений других славянских ученых и русских исследователей более позднего времени по этому вопросу.

Особое внимание И.И. Срезневский уделял популяризации в России сведений о личности и творчестве Ганки. В первую очередь он стремился как можно шире распространить сведения об «открытых» Ганкой РКЗ. Так, 3 октября 1844 г. Срезневский пишет: «Скоро получите Вы мой исторический очерк сербо-лужицкой литературы, помещенный в ЖМНП. Очень рад буду, если он заслужит Ваше одобрение. Но меня это напечатание его несколько смутило: прежде очерка я послал в Ж.М (ЖМНП. – Л.Л.) статью о Краледворской рукописи и Ганке, и очерк напечатан, а статья эта нет, – и между тем мне бы очень хотелось вам послать статью ту, чтобы Вы наконец уверились, как я думаю и пишу о Вас... Краледворская рукопись разбирается у нас подробно: так песнь о татарах составила целое рассуждение. Позвольте ли Вы автору (гр. Шведову) украсить ее именем Вашим?»³⁶.

РКЗ послужили Срезневскому источником для написания статей. В одной из них, коротко остановившись на истории открытия РЗ, ее содержании, а также на отрицательном отзыве Й. Добровского, Срезневский решительно защищал ее подлинность и выражал свою солидарность с теми учеными, которые считали ее «драгоценным памятником». Он также опубликовал РЗ в подлиннике и в «русском чтении», сделав при этом попытку прокомментировать отдельные слова и упомянутые в ней факты. Материал РЗ служил Срезневскому для суждений об общественном устройстве, образованности и других особенностях древних славян, что и было изложено в его статье «Сеймь»³⁷.

В 1840 г. Срезневский обратился к РК. Эту рукопись он также признавал подлинной, отмечал ее высокую ценность в языковом и, особенно, в этнографическом отношении и большое значение для исследования древней религии славян³⁸. В 1846 г. Срезневский по материалам РКЗ написал сочинение «Об обожании солнца у древних славян»³⁹.

Из южнославянской проблематики И.И. Срезневский в харьковский период своей деятельности обратился к болгарской литературе и послал Ганке 26 мая 1846 г. обзор этой литературы с 1840 г. Ганка опубликовал это письмо в «Журнале Чешского Музея» за 1847 г. под названием «O bolgarské literatuře. List I. I. Srezniewského W. Hankowi».

Срезневский начинает свою информацию с констатации, что до 1840 г. вышло не более тридцати книг, и приводит большой и подробный перечень болгарских изданий. При этом прибавляет, что «книги эти замечательны и по содержанию, и по самому языку, большею частью в них довольно чистому и

естественному, что довольно редко и в книгах других славян, не только в болгарских»⁴⁰. Оценивая далее многие издания с точки зрения новизны освещения, Срезневский обращает внимание на характер болгарского языка, полемику по этому вопросу и тенденции его дальнейшего развития. Отмечается значительное число изданий в переводе с русского, что обычно осуществлялось представителями болгарской интеллигенции в Одессе. В целом, Срезневский выражает удовлетворение литературными успехами болгарского народа, «отставшего от всех других славянских народов».

В 1846 г. в Петербургском университете после смерти П.И. Прейса стала вакантной кафедра истории славянских наречий и литератур. Срезневский решил занять это место и обратился к Ганке за содействием, если будет необходимость. По письмам роль Ганки в этом предприятии Срезневского не прослеживается, но в 1847 г. харьковский славист стал профессором-славистом в Петербургском университете. Мотивы ученого, относительно замены Харькова на Петербург, подробно изложены в письме от 9 августа 1846 г. Они продиктованы неудовлетворенностью Срезневского состоянием славяноведения в Харьковском университете, фактически тормозящим научный рост. Ввиду ценности этого материала для характеристики положения славянских исследований в провинциальных университетах России в середине XIX в., приводим мотивировку Срезневского более подробно.

Срезневский пишет, что в Харькове он терпит досадный недостаток. «Средств должно усовершенствования себя в науке, пособий не только рукописных или старопечатных, но даже и новых печатных нет почти никаких, кроме того, что принадлежит мне лично. Естественно, что наша университетская библиотека славянским отделом беднее моей несравненно, потому что до меня славянством здесь никто не занимался. Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончания нужна полнота, а ее ожидать и даже желать было бы странно. Притом сокровища библиотек петербургских до сих пор остаются мне известны немногим больше, как и всякому, кто знаком с нашей филологической печатной литературой: я не был еще в Петербурге с целью их изучения. Таким образом, исторический лексикон старорусского языка, для которого я собираю материал, не может не оставаться только бессвязным сборником, и если судьбе неужгодно будет меня сблизить с тем, что еще не напечатано и не может быть напечатано скоро, то останется таким и навсегда. Грамматика старорусская тоже.... Если бы мне удалось... переселиться в Петербург, то это бы подвинуло меня далеко в науке»⁴¹.

Переселение Срезневского в Петербург состоялось. Накануне он защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора славяно-русской филологии. Книгу «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян» он посвятил Артемовскому и Ганке, как первым наставникам его в славянской филологии. На том же заседании Совета Харьковского университета Ганка был избран почетным членом университета. В Петербурге И.И. Срезневский сделал большую карьеру, стал академиком и постепенно

переориентировался на изучение истории русского языка. С В. Ганкой переписка продолжается, но теперь ее содержание сосредотачивается на работе Срезневского в университете, Главном педагогическом институте и в качестве цензора. О переключении И.И. Срезневского на изучение истории русского языка и его памятников и источников, а также о научных результатах этой работы, имеется богатая литература специалистов, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе.

В петербургский период жизни Срезневский отошел от исследования проблематики, касающейся зарубежных славян, но продолжал активно информировать научную общественность о литературной жизни славян, помещая библиографические заметки в изданиях Академии, преимущественно в «Известиях ОРЯС», которые долгое время редактировал и практически был автором всех заметок и рецензий. Работам Ганки в них уделялось самое большое внимание. В рецензиях и аннотациях И.И. Срезневский продолжал защищать подлинность РКЗ, хотя в литературе с середины 50-х гг. началась по этому вопросу острая полемика и сторонники подлинности «памятников» терпели поражение одно за другим. К 80-м гг. XIX в. вопрос о подложности РКЗ и других «памятников», выдававшихся за древние, практически был решен, но И.И. Срезневский оставался до конца жизни на консервативных позициях защитников «подлинности». В литературе неоднократно высказывалось недоумение, почему образованный, эрудированный знаток древнеславянских языков и литератур, человек с критическим складом ума, со скептическим отношением к различным мнениям, верил в подлинность Ганковых фальсификатов. При этом он не считал своего чешского друга крупным ученым, а скорее относил его к посредственностям в области славянской филологии. Преданность Срезневского Ганке, на наш взгляд, объясняется психологическим фактором. Чешский славист был человеком доброжелательным, всегда готовым помочь как в научном, так и в бытовом отношении каждому русскому славянину. Об этом свидетельствует всякий, кто с ним соприкасался. Ганка был демократичен, лишен кичливости и высокомерия, характерных для некоторых других чешских деятелей, например, Ф. Палацкого и П.Й. Шафарика, к которым молодые русские слависты, обратившись один раз, больше уже стремились визиты не повторять. Кроме того Ганка фанатично любил свое дело, верил в идею общеславянского, чем подкупал молодых русских славистов-романтиков. На энергичного Ганку, установившего контакты со всеми деятелями, симпатизировавшими славянской идее, можно было рассчитывать при приобретении книг, получении рекомендации к нужным людям и т.д. В общем, это был человек с характером, импонирующим русскому типу общения, в отличие от сухих индивидуалистов европейского типа, позволявших себе выказывать любезность и расположение, только если они видели в этом пользу для себя.

Что касается И.И. Срезневского, то Ганка был для него первым учителем в славянской филологии, близким по душевному складу и романтическому отношению к миру. Возможно, И.И. Срезневский первоначально

искренне верил в подлинность Ганковых подделок, но со временем, убедившись в своем заблуждении, благородно не хотел «предавать» учителя, для которого слава «открывателя» РКЗ представляла смысл жизни. Кроме того, европейской известности Срезневского также в значительной степени способствовал Ганка, публикуя его информацию о славянской литературе, о развитии славяноведения и вообще науки в России в чешских научных журналах и прессе. Таким образом, энергия чешского деятеля способствовала укреплению контактов и приносила большую пользу обоим ученым.

В 1861 г. В. Ганка скончался. И.И. Срезневский грустил об этой потере и постарался увековечить его память в сознании русских славистов. Он опубликовал в разных газетах несколько некрологов, где отметил заслуги Ганки перед славяноведением в целом и его значение для развития русского славяноведения. 11 января 1861 г. Срезневский произнес речь о Ганке в заседании 2-го отделения РАН. Составил библиографию его трудов, информировал в печати о погребении Ганки в Праге. Все эти материалы опубликованы в сборнике И.И. Срезневского «Воспоминания о В.В. Ганке» (СПб., 1861). По закону жанра Ганка характеризуется им в панегирическом духе.

Закljučая изложение вопроса о взаимоотношениях двух славистов XIX в., русского – И.И. Срезневского и чеха – В. Ганки, следует констатировать, что их научные контакты явились важным фактором развития славяноведения в России в первой половине XIX в. Один из первопроходцев, организаторов и исследователей интеллектуальной жизни зарубежного славянства в России получил существенную поддержку в начале его деятельности, что впоследствии предопределило его ведущую роль в отечественном славяноведении указанного периода. С другой стороны, научная информация, которую Ганка получал от Срезневского, существенно обогатила содержание чешской науки, а через нее и науку других славянских народов.

Наука и культура лишь тогда имеют перспективу развития, когда существует обмен достижениями разных народов, в частности, через контакты их деятелей. Представляется, что освещенные выше взаимоотношения И.И. Срезневского и В. Ганки являются одним из ярких примеров такого обмена.

Примечания

¹ Подробную характеристику литературы об И.И. Срезневском см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 11–43.

² Об РКЗ существует огромная литература. См. об этом: *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы // *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора.* М., 2002. С. 11–119.

³ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 6. ДД. 4–25. Письма В. Ганки И.И. Срезневскому.

⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В.А. Францев. Варшава, 1905.

⁵ *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

- ⁶ *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками.
- ⁷ *Лантева Л.П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 г.). М., 2000.
- ⁸ Письма к Вячеславу Ганке... С. 952.
- ⁹ Там же. С. 958.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 959.
- ¹² Там же. С. 972.
- ¹³ Там же. С. 977.
- ¹⁴ Там же. С. 978.
- ¹⁵ Там же. С. 983.
- ¹⁶ Там же. С. 985.
- ¹⁷ Там же. С. 996.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895.
- ²⁰ Письма к Вячеславу Ганке... С. 1000.
- ²¹ Подробно об этом см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками.
- ²² Письма к Вячеславу Ганке... С. 1022.
- ²³ Там же. С. 1025.
- ²⁴ Там же. С. 1026.
- ²⁵ Там же. С. 1027.
- ²⁶ *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения... С. 165–166.
- ²⁷ Письма к Вячеславу Ганке... С. 1207.
- ²⁸ *Францев В.А.* Н.В. Гоголь в чешской литературе (К истории славянского литературного общения в XIX ст.). СПб., 1902.
- ²⁹ В этот период в Харьковском университете училась значительная часть студентов польской национальности.
- ³⁰ Письма к Вячеславу Ганке... С. 1029.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 1030.
- ³³ *Срезневский И.И.* Рец. на кн.: «Slovanský národopis» Sestavil Šafařík. При книге карта «Slovanský zeměvid» od P.J. Šafaříka // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Ч. 38. Отд. VI. С. 1–30.
- ³⁴ Письма к Вячеславу Ганке ... С. 1031.
- ³⁵ *Срезневский И.И.* Исторический очерк серболужицкой литературы // ЖМНП. 1844. № 7 (июль). С. 26–60.
- ³⁶ Письма к Вячеславу Ганке ... С. 1043.
- ³⁷ *Срезневский И.И.* Сеймы // Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. Кн. I. СПб., 1838. С. 226–239.
- ³⁸ *Срезневский И.И.* Извлечение из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов // ЖМНП. Ч. XXVIII. 1840. № 12. С. 115–148.
- ³⁹ *Срезневский И.И.* Об обожании солнца у древних славян // ЖМНП. 1846. Ч. 51. С. 36–60.
- ⁴⁰ Письма к Вячеславу Ганке ... С. 1045.
- ⁴¹ Там же. С. 1052–1053.

К вопросу о попытке создания центра славянской библиографии

Abstract:

Aksionova Ye.P. *On the attempt of creating a centre of Slavic bibliography*

The article considers attempts, made in the 1920s by some representatives of the Russian emigration in the field of creating a joint bibliographic centre for registering printed matters related to all Slavic peoples.

Ключевые слова: русская эмиграция, А.В. Флоровский, библиография, Комитет славянской библиографии, Чехословацкая республика.

С первой волной эмиграции из России в европейских странах оказалось немало русских деятелей литературы, искусства, представителей различных областей науки. Многие из них нашли прибежище в славянских странах, где население было близким в этническом, языковом, культурном отношении. После первого, наиболее трудного периода адаптации на чужой земле большинство из них смогли вернуться к привычным занятиям. Уже в первые годы жизни за рубежом в среде русской эмиграции стали появляться новые литературные произведения и научные труды. Они печатались как в заграничных, так и в эмигрантских изданиях, при этом ощущалась некоторая нехватка последних, что создавало определенные трудности с публикацией. Кроме журналов и сборников часть печатной продукции эмигрантов выходила отдельными изданиями. Издательское дело требовало немалых финансовых вложений, что нередко являлось значительной проблемой. Но несмотря ни на что, литературная и научная деятельность русских эмигрантов расширялась и отражалась в различных печатных изданиях. К примеру, в начале 1920-х гг. в Берлине насчитывалось 48 русских издательств, выпускавших 145 наименований газет, журналов, альманахов и т.п.¹ Издательские центры находились также в Париже, Риге, Праге, в те же годы возникали они и в Югославии, Польше, Болгарии, Финляндии и других странах. Некоторые издательства специализировались на выпуске художественной, религиозной, философской литературы; научные труды издавались в основном в Праге на средства русских зарубежных научных учреждений. В межвоенный период Прага стала одним из крупных международных центров русского книгоиздания за рубежом (в начале 1920-х гг. там функционировали «Славянское издательство», издательства «Пламя», «Воля России» и др.)².

Следует иметь в виду весьма обширную область распространения русской эмиграции, ее «географическую раздробленность». В связи с этим было довольно трудно отслеживать то, что печаталось в разных странах. Зачастую коллеги узнавали о выходе того или иного труда лишь из личной переписки. Поэтому уже в первые годы эмиграции стала очевидной и насущной необходимость сбора сведений о всей печатной продукции, выходившей

в эмигрантской среде. В 1921 г. попытку объединить сведения о заграничной и российской литературной и издательской деятельности предпринял А.С. Ященко, который основал в Берлине ежемесячный критико-библиографический журнал «Русская книга» (№ 1; далее – «Новая русская книга», 1921–1923)³.

В 1923 г. в Чехословакии, где находился значительный контингент эмигрантов из России, возник Комитет русской книги, сопредседателем которого был известный русский историк А.В. Флоровский (второй сопредседатель – чешский филолог Й. Поливка), являвшийся одновременно председателем библиотечной комиссии⁴ Учебной коллегии в Праге. Целью Комитета русской книги было устройство в Праге выставок русской книги и литературы о России на европейских языках, а также русскоязычной книжной продукции, переведенной на чешский язык⁵. Кроме того в задачи Комитета входил библиографический учет изданий на русском языке в России и за ее пределами после 1914 г. (в этой работе принимали участие такие видные деятели русской эмиграции, как П.Б. Струве, Г.В. Флоровский, А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий и др.). Не случайно, что в связи с проведением выставки 1924 г. Комитет подготовил и издал библиографический указатель⁶. В качестве продолжения указателя «Русская зарубежная книга» планировалось издание списка журнальных статей эмигрантов (что было бы весьма ценно, поскольку произвести учет статей гораздо сложнее), но оно не осуществилось⁷. Комитет русской книги считал одной из важнейших сторон своей работы собирание *Rossica*, то есть литературы на зарубежных языках (прежде всего – чешском) о России. И в этом направлении предполагалось в первую очередь составление библиографии: а) охватывающей литературу о взаимодействии русской и чешской культуры; б) отражающей взаимодействие русской и других славянских культур и в) знакомящую с проникновением русской культуры в романские страны. В докладной записке (1924) Комитета русской книги в Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики, подготовленной А.В. Флоровским, отмечалось, что планомерное «выполнение библиографической работы требует образования *особой ученой комиссии* (курсив мой. – Е.А.), состоящей из представителей различных отраслей знания». Работа членов комиссии могла бы оплачиваться из расчета 1000 чешских крон в месяц (что составляло бы примерно одну десятую часть от ежемесячных расходов на деятельность всего Комитета русской книги)⁸. Следует признать, что за недолгое время существования Комитета (около двух лет) выставочной и библиографической комиссии удалось сделать немало, чтобы остаться в истории русской эмиграции.

Очевидно, что библиографическая работа рассматривалась в эмигрантской научной среде как одна из важнейших, направленная на то, чтобы в странах расселения выходцев из России не были распылены и безвозвратно утеряны сведения о культурном и научном вкладе русской интеллигенции за границей. После выхода библиографического указателя (1924) во второй половине 1924 г. (сентябрь–декабрь) в Праге выпускался ежемесячный библиографический каталог, отпечатанный на ротаторе. С января

1925 г. он стал выходить под обложкой журнала «Воля России» как самостоятельный отдел со своей пагинацией под названием «Книжный указатель» (редактор Ф.С. Мансветов). С организацией учета книг, издаваемых за границей, и расширением сети корреспондентов появилась возможность учитывать зарубежные книги на украинском и белорусском языках. С № 8 «Книжный указатель» был преобразован в ежемесячный библиографический журнал «Славянская книга» (который регистрировал и советские издания)⁹. Редакция ставила своей задачей добиться наибольшей полноты перечня изданий и успех в этом деле связывала с содействием издательств, различных обществ и частных лиц. Только усиленная работа в этом направлении могла бы восполнить отсутствие обязательной регистрации всей выходящей печатной продукции¹⁰.

Как видно из этих примеров, вначале у эмигрантов было стремление объединить сведения о русской печатной продукции на родине и за рубежом и подчеркнуть единство и неразрывность русской культуры. В то же время и в Советской России по постановлению Госиздата от 15 декабря 1921 г. Книжной палате поручалось регистрировать русскую литературу, выходящую за границы на русском языке (хотя это делалось в основном с целью критики эмигрантских изданий в советской прессе¹¹), но уже с 1925 г. подобная регистрация была отменена¹². Поняв, что совместной работы не получится, эмигранты сосредоточились на библиографической работе в своей среде.

А.В. Флоровский был разработан проект создания единой Русской книжной палаты за границей – в ней должны были быть сосредоточены все книги, выходящие на русском языке вне России. В докладной записке Комитета русской книги в МИД ЧСР сообщается, что многие издательства пожертвовали значительное число книг для организации Книжной палаты и в дальнейшем готовы были пересылать в нее *все* новые издания (то есть добровольно поставлять так называемый «обязательный экземпляр»). Единственным препятствием к созданию такого книгохранилища, по мнению разработчика проекта, могло служить лишь «отсутствие материальных средств»¹³. По этой ли причине или по другой, но, к сожалению, данный проект не был осуществлен. Но ученый не оставлял мысли о том, чтобы собрать все сведения о научной продукции русской эмиграции в гуманитарной сфере (прежде всего – в области истории, что было ближе ему по интересам). Позже, когда он вошел в Федерацию исторических обществ Восточной Европы и славянских стран и, по его словам, «взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе»¹⁴, ему удалось подготовить и издать несколько обзоров эмигрантской научной литературы¹⁵. В обзорах Флоровский неоднократно отмечал необходимость регистрации научных изданий эмигрантов и сетовал на то, что ни одно заграничное книгохранилище не стремится иметь «полный комплект русских эмигрантских изданий», что нет учета работ русских ученых на иностранных языках, а это осложняет составление библиографии и приводит к неполноте обзоров¹⁶.

Как упоминалось выше, значительные интеллектуальные силы, прибывшие из России в начале 1920-х гг., обосновались в славянских странах. Зачастую им приходилось перестраивать свою привычную деятельность, ориентируясь на новые условия работы с учетом «славянской специфики». В русской эмигрантской среде ошутимо усилились исследования в области славяноведения¹⁷. Вместе с этим стало проявляться стремление к объединению усилий со славянскими коллегами для изучения славянских народов, их истории и культуры. Эта идея обсуждалась и на международных научных форумах, предпринимались конкретные совместные действия¹⁸.

В разработке данной идеи активное участие принимал А.В. Флоровский, зачастую выступая инициатором полезных начинаний. Так, например, в 1938 г. он направил в Славянский институт в Праге записку с предложениями о проведении комплекса мероприятий по выявлению и регистрации архивных материалов ЧСР, имеющих отношение к славянской истории¹⁹. Значительно раньше, примерно в 1925 г., желая наладить учет как русской печатной продукции, так и в целом славянской, ученый разработал положение о **Комитете славянской библиографии**²⁰. Предполагалось, что комитет будет учрежден в Праге Министерством иностранных дел Чехословацкой Республики. В первом пункте документа изложены цели новой организации, которая создается для «собирания, разработки и издания библиографических материалов, относящихся ко всякого рода произведениям печати, появившимся на славянских языках, а равно и на других языках, если таковые произведения имеют предметом славянство или какой-либо из славянских народов»²¹. К этому пункту было сделано существенное примечание, что «на первое время деятельность Комитета имеет предметом библиографию русскую, украинскую и белорусскую, а также Rossica, Ukrainica и Alboruthenica»²². То есть можно предположить, что поскольку инициатива в данном предприятии исходила из среды российской эмиграции, которая в то время особенно нуждалась в концентрации сведений о собственных изданиях за рубежом, то и предлагалось начать сбор библиографических данных именно с восточнославянской группы народов. Для собирания и систематизации этих материалов нужны были специальные сотрудники в различных странах (в другом документе Флоровский указывает, что это могут быть, главным образом, представители русских академических организаций)²³. Более детальной разработки программы деятельности Комитета «Положение» не содержит.

Подробнее освещены вопросы структуры и состава Комитета, его функционирования. Так, параграф второй определяет, что находясь в ведении Министерства иностранных дел ЧСР, Комитет образуется: а) из членов, персонально приглашаемых Министерством из лиц компетентных в научной библиографии какой-либо славянской народности или могущих быть особо полезными для осуществления поставленной Комитету цели (§ 1), и б) из представителей Министерства в числе по усмотрению последнего»²⁴.

Как видно из приведенных положений, автор документа большую роль в создании и деятельности Комитета отводил Министерству иностранных дел

ЧСР, что вполне понятно, учитывая мероприятия, осуществляемые чехословацким правительством по оказанию помощи эмигрантам из России («русская акция» и др.). В примечании к этому пункту подчеркивается необходимость приглашения в первую очередь тех членов, которые могут быть полезны «для разработки русской, украинской и белорусской библиографии»²⁵.

А.В. Флоровский предлагал следующую структуру Комитета: Общее собрание всех членов, Президиум Комитета и секции, создаваемые по национальному принципу, — они должны были состоять «из членов, интересующихся разработкой библиографии отдельных славянских народностей»²⁶. И снова в примечании к этому пункту выделяется, что «первоначально образуются секции: русская, украинская и белорусская»²⁷. Следующие параграфы определяли функции Общего собрания (которое может быть годичным, очередным и чрезвычайным), заключавшиеся в утверждении плана и программ работ, а также отчетов Комитета и секций, рассмотрение и утверждение смет, согласование работ секций, решение вопросов об издании библиографических указателей, сборников, поврежденных изданий и др.²⁸ Все дела, связанные с работой Комитета, предполагалось решать «простым большинством голосов» путем открытого или закрытого («по требованию кого-либо из членов») голосования. Для разработки отдельных вопросов Общее собрание могло «избирать подготовительные и исполнительные комиссии»²⁹. Новые члены Комитета могут избираться «единогласным постановлением» Общего собрания при наличии кворума³⁰. Общее собрание избирало Президиум Комитета в составе председателя, товарищей председателя (по числу секций) и секретаря. Президиум ведал всей текущей работой Комитета и руководит его изданиями³¹.

Что касалось работы секций, то в «Положении» предлагалась определенная свобода инициативы при общей направленности деятельности Комитета, а именно: «Секции ведают разработкой библиографии отдельных славянских народов автономно, в соответствии с одобренными Общим собранием планом, программами и сметой». Для выполнения тех или иных библиографических работ секции имели право запрашивать Комитет о приглашении постоянных платных и бесплатных, а также временных сотрудников»³².

В том же деле, где хранится «Положение о Комитете славянской библиографии», находится небольшая рукописная записка без подписи с некоторыми частными замечаниями по отдельным пунктам «Положения». Последняя фраза записки такова: «Есть у меня и другие замечания более общего характера, но не стану их излагать, памятуя Ваше указание, что Положение в общем уже одобрено и что это удалось сделать не без труда»³³. Из этого можно заключить, что создание Комитета славянской библиографии было вполне реально.

В дополнение к общему «Положению о Комитете славянской библиографии» А.В. Флоровским были разработаны «Задачи русского отдела Комитета славянской библиографии»³⁴. Это всего лишь черновой набросок, но в нем более конкретно определялись круг разрабатываемых источников и

временной период их охвата. Итак, в задачи русского отдела входили: «1) Регистрация и библиографическая разработка книг, выходящих и выходящих в пределах Русского государства (до 1918 г.) и в Советской России»³⁵. (Заметим в скобках, что такая масштабная работа вряд ли могла быть выполнена в полном объеме членами русского отдела Комитета, которые при самых благоприятных обстоятельствах составляли бы не очень большую группу; впрочем, о численном и персональном составе в документе не сообщается.) Пункт 2 предполагал такую же, как и в п. 1, работу в отношении «книг на иностранных языках и посвященных России (Rossica)». При этом планировалось, что первоначально будут разрабатываться книги на славянских (в первую очередь – чешском) языках, что важно для истории славянских взаимоотношений в области литературы³⁶. Пункт 3 ставил еще одну задачу перед русским отделом: «Обработка библиографических материалов, освещающих те или иные стороны жизни России в прошлом и настоящем», в том числе русско-славянские политические и культурные взаимоотношения и т. п.³⁷

К сожалению, ни в документах фонда А.В. Флоровского, ни в доступной нам литературе нет сведений о деятельности Комитета славянской библиографии, из чего можно сделать вывод о том, что он по каким-то причинам все-таки не был организован.

Из приведенных документов следует, что библиографическая работа, составление и издание библиографий рассматривались в среде русской эмиграции в качестве одной из важнейших сторон научной и культурной деятельности, позволяющей собрать и сохранить интеллектуальный вклад наших соотечественников в заграничный период их жизни. Свою лепту в это дело внес и А.В. Флоровский. Однако далеко не все усилия, направленные на развитие учета эмигрантской печатной продукции, были воплощены в жизнь, что скорее всего зависело от отсутствия необходимых материальных средств, а, возможно, и из-за неготовности ряда стран к международному сотрудничеству в этой области.

Примечания

¹ См.: Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин» (издательские центры в 20–30-х гг.) // Культурное наследие русской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 51. Всего же в 1920-х гг. в Германии насчитывалось около 200 русских издательств различного профиля (см.: Русское книгоиздание // Книга. Энциклопедия. М., 1998).

² Русское книгоиздание // Книга. Энциклопедия.

³ Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин». С. 51.

⁴ См. фонд А.В. Флоровского: Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 229.

⁵ См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 148.

⁶ См.: Русская зарубежная книга. Библиографический указатель. Прага, 1924. Ч. 1–2.

⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 125.

⁸ Там же. Д. 232. Л. 11 об.–12.

⁹ Соколова В.А. Мансветов Федор Северьянович // Книга. Энциклопедия. См. также листовку редакции: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 232. Л. 5.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 232. Л. 5–5 об.

¹¹ Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин»... С. 53.

¹² См.: Кратц Г. Зарубежная русская книга на книжных выставках в Советской России (1921–1923) – советская на выставках в странах Русского зарубежья (1924–1928) // http://www.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_krats.pdf

¹³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 232. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 185. Л. 40.

¹⁵ См., например, работы Флоровского, опубликованные на английском, французском и русском языках: The work of Russian Emigres in History (1921–1927) // *Slavic Review*. 1928. Vol. 19; La littérature historique russe d'émigration. *Compte-rendu 1921–1926* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. Paris, 1928. T. 1 / 1/2. P. 81–121; La littérature historique russe d'émigration. *Compte-rendu 1927–1929* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. Paris, 1930. T. III / 1/2. P. 25–79; Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484.

¹⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 125; Д. 38. Л. 1.

¹⁷ Подробнее см.: Аксенова Е.П. А.В. Флоровский о положении и традициях славяноведения в среде русской эмиграции // *Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 111–129.*

¹⁸ Подробнее см.: Аксенова Е.П. А.В. Флоровский о совместном изучении славянских народов // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 258–265.*

¹⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 237. См. также: Аксенова Е.П. А.В. Флоровский о совместном изучении славянских народов. С. 263–264.

²⁰ Автограф и машинописный экземпляр хранятся в фонде А.В. Флоровского: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 232.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 2, 3.

³² Там же. Л. 3.

³³ Там же. Л. 8–8 об.

³⁴ Автограф хранится в: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 232.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 7.

Л.Н. Будагова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Праздник науки: к юбилею С.В. Никольского

Abstract:

Budagova L.N. *High day of science: to the Jubilee of Seruei V. Nikolsky*

The article informs about the scholarly conference «Serguei V. Nikolsky and Slavic Studies in Russia», organized by the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on March 6th, 2012. The conference was dedicated to the jubilee of the outstanding representative of Slavic literary studies, known both in Russia, and abroad. Papers, thematically connected to the main areas of Nikolsky's research, highlighted his contribution to the study of the literatures of the Western and Southern Slavs, the Czech-Russian literary connections, and creation of fundamental works on this circle of problems.

Ключевые слова: Никольский, чешская и русская литературы, славянский романтизм, национальное возрождение, связи, фантастика, сатира, Чапек, Булгаков, скрытые мотивы, Швейк, прототип.

27 февраля 2011 г. исполнилось 90 лет выдающемуся литературоведу – слависту, заслуженному деятелю науки, профессору Сергею Васильевичу Никольскому. По этому случаю Отдел истории славянских литератур Института славяноведения провел 6 марта конференцию с участием других отделов Института и представителей разных научных центров России. Открыв конференцию, ведущий первого заседания В.А. Хорев предоставил слово Константину Владимировичу Никифорову, директору Института, в котором Сергей Васильевич работает с первых лет его существования. «Юбилей Сергея Васильевича Никольского – это праздник российской славистики», – сказал в своем приветственном слове К.В. Никифоров, отметив огромный вклад, который юбиляр внес в развитие отечественного славяноведения и создание квалифицированного коллектива литературоведов в нашем Институте. Именно ему было поручено после открытия в 1947 г. Института славяноведения АН СССР сформировать и возглавить Сектор славянских литератур, которым он успешно руководил до 1988 г.

Прежде, чем перейти к докладам, В.А. Хорев поделился воспоминаниями о том, как Сергей Васильевич принимал его в очную аспирантуру, зачислял в штат сотрудников, помогал преодолевать трудности, неизбежные на пути в столичную науку выпускника МГУ, юного вологжанина, не имевшего в Москве ни кола, ни двора, ни прописки. Характеризуя научную деятельность юбиляра, В.А. Хорев особо остановился на подготовке под его руководством первых отечественных «Историй» болгарской, чешской, польской, словацкой литератур, выпущенных Институтом славяноведения в 1950–1970е гг., но по сей день не утративших своего значения; напомнил о его участии в выпуске «Краткой литературной энциклопедии» в 9 томах (1962–1978), однотомника – «Литературный энциклопедический словарь»

(1987), восьмитомной «Истории всемирной литературы» (1983–1994). В качестве члена редколлегии этих фундаментальных трудов С.В. Никольский курировал разделы литератур Центральной и Юго-Восточной Европы.

В докладе Л.Н. Будаговой «О творческом облике юбиляра» было отмечено, что в богемистику С.В. Никольский пришел из русистики, окончив в 1945 г. русское отделение филологического факультета МГУ. Однако, начав заниматься чешской литературой, он не оставил и русскую. Вместо смены специализаций в деятельности Сергея Васильевича произошло их слияние и взаимодействие. Это сказалось на широте эрудиции ученого, на проблематике его работ, где большое место занимает изучение чешско-русских литературных связей и ярко выражен компаративистский аспект. Являясь своего рода классиком литературоведения, использующим апробированные методы исследования, С.В. Никольский в то же время учитывает и достижения современных научных школ (структурализма, деконструктивизма, рецептивной эстетики, нарратологии и др.). Труды Сергея Васильевича представляют интерес не только для специалистов, но и для «широкого читателя», поскольку научная глубина порой сочетается в них с детективным началом. Его перу принадлежат статьи «Об одной загадке в творчестве Волькера» (1957), «Об одной литературной загадке» (1972). В монографии «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгаков», выдержавшую два издания (2001, 2009), он исследует «поэтику скрытых мотивов». Пытаясь выяснить «историю образа Швейка», а именно, был ли у него прототип и как сложилась его судьба, он отправляется в Сибирь, в места, где побывали Гашек, «бравый солдат» и его реальный прообраз. Созданная на основе всех поисков и открытий монография С.В. Никольского «История образа Швейка. Новое о Ярославe Гашеке» (1997) сейчас готовится к изданию на чешском языке. Остановившись на давней репутации «спасителя Чапека», которой пользуется Сергей Васильевич на родине писателя, попавшего там после февраля 1948 г. в немилость за дружбу с президентом Масариком, докладчица подчеркнула, что в своем знаменитом Предисловии к «Избранному» (1950 г.) К. Чапека, показавшему, как всегда ценили и ценят писателя в СССР, молодой богемист спас К. Чапека не только от политической предвзятости и близорукости, грозивших писателю в Чехословакии, но и от грубо социологических, утилитарных подходов к искусству, которые могли угрожать ему в нашей стране. С.В. Никольский всегда был свободен от этих грехов. Уже в своей ранней работе он наметил ту высокую планку, к которой должен стремиться богемист, исследуя не только чапековское творчество, но и любые другие проблемы.

Докладчица напомнила и об активном участии С.В. Никольского во всех коллективных трудах Сектора (с 1993 г. Центра, с 2012 г. Отдела) славянских литератур уже после того, когда он оставил пост его заведующего, сохранив при этом лидирующие позиции в своем коллективе. Его опыт и

знания, в частности, сыграли большую роль в подготовке Сектором славянских литератур трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997–2001), выдвигавшейся Институтом на соискание Государственной премии. Он был членом Редакционного совета трехтомника, основным автором и ответственным редактором его 2-го тома, посвященного литературному процессу XIX в.

Докладчица отдала должное организаторским способностям юбиляра, проявившимся не только в многолетнем руководстве литературоведами Института, но и в его деятельности на посту председателя Общества братьев Чапека, а также высоко оценила замечательные душевные качества Сергея Васильевича, притягивающие к нему людей.

С.А. Шерлаимова сначала отдала дань воспоминаниям о том, как в свое время Сергей Васильевич подсказал ей, начинающей богемистке, темы для исследований (в частности прозы Карела Сабини), которые привели ее к Карелу Гавличеку Боровскому, ставшему ее пожизненным увлечением. Перейдя к докладу «С.В. Никольский как исследователь русско-чешских литературных связей» она очень точно определила основополагающую роль Сергея Васильевича в богемистике, как человека, который положил начало научному изучению чешской литературы и русско-чешских литературных связей. Это направление и сегодня является одним из основных в работе нашего Института.

Высоким уровнем, что было отмечено в докладе С.А. Шерлаимовой, отличалась уже первая работа С.В. Никольского по этой проблематике, посвященная «Отзвуку русских песен» Ф.Л. Челаковского. А его написанную вместе с А.П. Соловьевой статью «Гоголь и становление реализма в чешской литературе» (1952) известная чешская русистка И. Таборская охарактеризовала как «Первый опыт включения творчества Гоголя в чешский литературный процесс». Большой интерес вызывают труды Никольского о переключках с русской литературой творчества К. Чапека и Я. Гашека. Коснувшись «следователского» аспекта (названного предыдущей докладчицей «детективным началом») в работах юбиляра, который не ограничивается лишь тщательным сопоставлением текстов, но стремится раскрыть то, что находится «за ними», из какого реального материала выстраиваются образы и сюжеты анализируемых произведений, С.А. Шерлаимова напомнила, что работу над «историей образа Швейка» для уже упомянутой монографии С.В. Никольский начал с изучения фондов пражского Военно-исторического архива.

Е.Н. Ковтун (МГУ, РГГУ), признавшись, что имя Сергея Васильевича Никольского она знает со школьных лет, поскольку уже тогда зачитывалась фантастической и встречалась с его предисловиями к произведениям Карела Чапека, основательно проанализировала эволюцию, которую претерпел этот жанр в славянских литературах с 1970-х гг. по настоящее время. Обыграв название книги С.В. Никольского «Две эпохи чешской литературы» (1981),

Е.В. Ковтун назвала свой доклад «Две эпохи славянской фантастики», сравнив по разным параметрам (набор имен, проблематика, жанры, метод творчества, художественный уровень, место в литературе и на книжном рынке, перспективы и т.д.) ее состояние в социалистическое (1970–1980-е гг.) и постсоциалистическое (1990–2010 гг.) двадцатилетия.

Обратившись в своем докладе к «Чешской романтической поэзии в интерпретации С.В. Никольского», Н.В. Шведова напомнила о результатах проведенных им совместно с А.Н. Соколовым и Б.Ф. Стахеевым исследований специфики романтизма в славянских литературах, обнародованных на IV международном съезде славистов (1958). Это – более слабые, чем у западно-европейских романтиков проявления индивидуализма и мировой скорби, отчетливо выраженное национально-коллективистское начало, опора на фольклор и внимание к героико-эпическим жанрам. Сильной стороной работ С.В. Никольского о чешском Национальном возрождении и романтизме является тонкий анализ поэтики творчества их представителей, в том числе поэтики К.Г. Махи. Остановившись на интерпретации С.В. Никольским чешского романтизма в «Истории литератур западных и южных славян» (Том 2. М., 1997), докладчица отметила, что С.В. Никольский показал и отличия разных течений чешского романтизма, представленных Махой и Эрбеном, и присущие им взаимодополняющие элементы.

«С.В. Никольский и К. Чапек» – название доклада И.А. Герчиковой и особая глава взаимоотношений литературоведа и писателя. К. Чапек – автор, находящийся в поле зрения С.В. Никольского уже более 60 лет. В 1973 г. вышла книга «Карел Чапек – фантаст и сатирик», где впервые была обстоятельно проанализирована вся художественная система Чапека, своеобразие его социально-фантастических произведений. Большим событием не только отечественной богемистики, но и булгаковедения, называет докладчица выход вышеупомянувшейся книги С.В. Никольского «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова. Поэтика скрытых мотивов». В ней показано, что в творчестве чешского и русского писателей ярко выражена тенденция к сращению антиутопии с конкретным обличительным повествованием о современности. Выявив черты типологического сходства в проблематике и художественной структуре антиутопий Чапека и Булгакова, Никольский, как подчеркнула И.А. Герчикова, впервые коснулся и творческих контактов русского писателя с Чапеком.

Н.К. Жакова (Санкт-Петербург), передав приветствия от филологического факультета СПбГУ и питерского Общества братьев Чапек, выступила с докладом «С.В. Никольский и изучение чешской литературы в Санкт-Петербургском университете». Литературоведческая славистика второй половины XX и начала XXI вв., как сказала докладчица, связана в нашей стране с именем С.В. Никольского, с его концепциями, идеями, трудами. Важным подспорьем для ленинградских богемистов, когда они начинали

разрабатывать «целину» неосвоенного материала, стали «Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв.» (1963), созданные под руководством С.В. Никольского. Непреходящее научно-методическое значение для славистики имеют его работы по истории и теории славянских литератур, в частности, по теории славянского романтизма. Н.К. Жакова подчеркнула стремления С.В. Никольского всегда рассматривать литературные явления на широком общественно-политическом и культурном фоне, а славянские литературы в контексте других европейских литератур. Подчеркивая его связь с вузами, она рассказала об участии С.В. Никольского в исследовании чехословацко-русских литературных связей Оломоуцким университетом, за что он получил почетное звание доктора этого университета, и о его поддержке инициатив Кафедры славянской филологии СПбГУ. Оценивая вклад С.В. Никольского в науку, докладчица сравнила юбиляра с первопроходцем отечественной космонавтики, назвав его «Королевым отечественной славистики».

С типологическими сопоставлениями романа «Демократы» известного словацкого сатирика Янки Есенского с творчеством Ярослава Гашека и Карела Чапека, которым уделяет большое внимание С. В. Никольский, выступила Л.Ф. Широкова в докладе «Комическое в прозе Я. Есенского». С чешскими писателями Я. Есенского связывает слияние комизма с иронией и сатирой. Наиболее выразительную сатирическую модель общества своего времени Я. Есенский создает в романе «Демократы» (1934, 1938). Нарисованный им городок Старе место – не что иное, как Словакия 1930-х гг. в миниатюре. При характеристике ситуаций и характеров, не заслуживающих отрицания, писатель пользуется мягкими средствами иронии и комизма. Сатирический пафос усиливается во второй части романа, где сюжет разворачивается в Братиславе в разгар подковерной политической борьбы. Присутствие в романе Есенского мелодраматических ситуаций, о котором говорил С.В. Никольский по отношению к драматургии Чапека, создают дополнительные переключки между словацким и чешским авторами.

О восприятии хорватским епископом, политическим деятелем, писателем Й.Ю. Штросмайером (1815–1905) чешской столицы, увековечившей его имя в названии одной из своих площадей, увлекательно поведала П.В. Королькова в докладе с длинным, но красноречивым названием, в котором запечатлена атмосфера эпохи расцвета межславянских связей: «“...Золотой Праге и всему чешскому народу отведено играть неизмеримо важную роль”»: Прага в путевых заметках Й.Ю. Штросмайера». Речь шла о впечатлениях, полученных Штросмайером во время путешествия 1853 г. через Вену и Прагу в Германию. В небольшом по объему собрании текстов соединились черты очерка, проповеди, зарисовок с природы, хвалебной речи, путеводителя; отразились политические и философские взгляды, живость ума и мудрость епископа. Многие в них остаются актуальными и сегодня, в частности, рассуждения об исторической роли центрально-европейских народов, где особо

выделена роль чехов. Прага и чехи близки рассказчику, как подчеркнула П.В. Королькова, уже вследствие схожести исторической судьбы чешского и хорватского народов в монархии Габсбургов. Роль Чехии в истории Европы, по убеждению Штротсмайера, определяется как стратегическим положением Праги – славянского форпоста на границе Германии и Австро-Венгерской империи, так и национальным характером чехов – людей мужественных, терпеливых и гордых, готовых отстаивать свои исторические права.

А.В. Амелина, работающая над кандидатской диссертацией «Антиутопия в творчестве И. Гауссмана, Я. Вайсса, М. Майеровой», связанной с важнейшим направлением научной деятельности С.В. Никольского, посвятила свой доклад «теоретическим аспектам» жанра «литературной утопии». Ей удалось проследить эволюцию, которую претерпели подходы к этой проблематике в отечественной науке с 1980-х гг. (труды Ю.И. Кагарлицкого, Э.Я. Баталова, Е. Шацкого) до настоящего времени (исследования Е.Л. Чертовой, В.Д. Бакулова, М.И. Шадурского и др.), а также представить новейшие работы по данной проблеме чешских исследователей (Петра Гртанека, Патрика Оуржедника, Ивана Адамовича). Акцент докладчица сделала на жанровой специфике литературной утопии и ее отличиях от антиутопии.

Завершил конференцию доклад Г.П. Мельникова «Карл IV как писатель». Прежде, чем перейти к раскрытию заявленной темы, Г.П. Мельников остановился на деятельности московского Общества братьев Чапек, которому повезло, что его многолетним руководителем является Сергей Васильевич Никольский. Прекрасный организатор, он много лет подряд обеспечивает плодотворную работу Общества, ищет новые способы организации заседаний, которые привлекают к себе не только богемистов, но довольно широкий круг московской интеллигенции, не равнодушной к чешской культуре. Было отмечено, что С.В. Никольский является кроме того и почетным членом чешского Общества братьев Чапек. Научный доклад Г. П. Мельникова, где проанализирован малоизвестный материал, был направлен на ликвидацию существенной бреши в представлениях о прославленном императоре и обогатил его образ новыми чертами. Карл IV в основном известен как политик, меценат, градостроитель. Он изменил облик чешской столицы, основал Карлов университет, построил Карлштейн, превратившийся из королевской резиденции в Мекку заграничных туристов, покровительствовал искусствам. Однако, что убедительно доказал Г.П. Мельников, Карл IV их не только поддерживал, но определенными сторонами своей натуры и деятельности и сам к искусствам принадлежал, заслуживая признания и как талантливый литератор со своим почерком, что явно недооценивается историками и филологами.

Итоги короткой, но насыщенной конференции (из заявленных 11 докладов не состоялся лишь доклад журналистки Н.Н. Бобровской «С.В. Никольский и журнал “Меценат и мир”») подвела автор этих строк, ученица

юбиляра, студенткой слушавшая его лекции на филфаке МГУ, писавшая под его руководством дипломную работу о творчестве И. Волькера, а в 1988 г. ставшая преемницей Сергея Васильевича на посту зав. Сектором славянских литератур. В заключительном слове было отмечено, что конференция, прошедшая по случаю юбилея ученого, носила не юбилейный, а научный характер, была связана с направлениями и проблематикой работ лидера отечественной богемистики. Она очертила диапазон творческих интересов Сергея Васильевича Никольского, одинаково свободно чувствующего себя в культурном пространстве как XIX, так и XX века.

Прослушанные доклады осветили важные страницы не только творчества юбиляра, но истории славянских литератур и межславянских связей. Однако личность виновника торжества, человека мудрого и доброжелательного, за которым неслучайно закрепилась репутация «настоящего русского интеллигента», человека, расположенного к людям, сыгравшего и продолжающего играть большую роль как в развитии нашей науки, так и в судьбе многих ее представителей, – внесла свой оттенок, свою теплоту и в атмосферу, и в доклады конференции. Большинству докладчиков было что сказать не только по проблематике выступлений, но и о личности замечательного ученого. Подчеркнув справедливость слов К.В. Никифорова, произнесенных в начале конференции, – «юбилей Сергея Васильевича – это праздник российской славистики», выступающая завершила ее словами: «Славистика – это праздник, который всегда с тобой».

Юбилей замечательного ученого: Иво Поспишил

Abstract:

Budagova L.N. *The jubilee of a remarkable scholar: Ivo Pospíšil*

The article is devoted to the sphere of scholarly interests of Professor Ivo Pospíšil, a remarkable Czech expert on the Russian language and literature, comparative philologist, historian and theoretician of literature, the head of the Department for Slavic Studies of the Masaryk University in Brno. Among others, he made a significant contribution to the studies of the Russian prose of the nineteenth-twentieth centuries, explored specific features and functions of the Russian novel, and highlighted the Slavic roots in the work of Rene Wellek.

Ключевые слова: Иво Поспишил, русистика, компаративистика, история и теория литературы, русская классика, специфика русского романа, автохтонные корни концепций Рене Веллека.

14 мая 2012 г. исполнилось 60 лет профессору И. Поспишилу, выдающемуся чешскому русисту, заведующему Кафедрой славистики Масарикова университета в Брно, председателю Ассоциации чешских славистов. Эрудиция специалиста по сравнительному изучению славянских литератур в европейском и мировом контексте сочетается в его трудах с выдвижением собственных концепций разных сторон и сфер литературного процесса. Использование историко-литературных и теоретических подходов к исследованию материала оправдывает репутацию И. Поспишила как историка и теоретика литературы. Взыскательный руководитель одного из крупнейших мировых центров славистики, (в первую очередь – русистики), которым является возглавляемая им славянская кафедра Масарикова университета, автор и председатель редакционных советов ряда научных журналов («*Slavica Litteraria*», «*Opera Slavica*», «*Nová rusistika*» и др.) профессор И. Поспишил – по многогранности и активности своей деятельности – сам по себе является целым научным институтом, высоко держащим марку чешской литературоведческой славистики.

Иво Поспишил родился в учительской семье, в моравском местечке Будишин под городом Тршебич, где закончил в 1970 г. среднюю школу. Высшее образование он получил на Философском факультете университета Я.Е. Пуркине в Брно, вступив на поприще русиста и слависта в 1975 г. Через десять лет ему удалось побывать в полугодовой научной командировке в Дании и в краткосрочных – в Австрии, Германии, России, Англии. В 1986 г. И. Поспишил удостоился звания доцента, в 1987 г. – профессора, а в 1997 г. стал доктором филологических наук, получив – по чешским понятиям – так называемый «большой докторат», дающий право присовокупить к своей фамилии аббревиатуру DrSc (доктор наук). Посвятив свои ранние

работы «Типологии и поэтике романной хроники Лескова» (1975), «Русской романной хронике» (1980), И. Поспишил и в последующие годы продолжал изучать и популяризировать русскую литературу, одновременно расширяя контекст исследований. От хроникальных романов в русской классике он переходит к их сопоставлениям с другими европейскими литературами разных эпох (монография «Лабиринт хроники. Попытка теоретического обоснования жанра», 1986), исследует специфику и взаимоотношения хроники с другими жанрами, ее постоянные и переменные черты («Размах жанра», 1992). Возвратившись к Н. Лескову, чье творчество, вероятно, и пробудило интерес И. Поспишила к хроникальной прозе («Против течения. Статьи о Н.С. Лескове», 1992), он в другой своей работе («От Бахтина к Солженицыну. Сравнительные исследования», 1992) рассматривает в аспекте генологии русскую словесность XX в., устанавливая связи «между духовными течениями эпохи и метаморфозами прозаических жанров (мифологического романа, исповедальной и психологической прозы)»¹. Его перу принадлежат монография «Феномен безумства в русской литературе XIX–XX вв.» (1995), книга «Генология и метаморфозы литературы» («Genologie a proměny literatury»). Vmto, 1998), где жанр – этот «способ бытования литературы», выступает как призма рассмотрения ее развития, а также статьи о Гоголе, Чехове, Бальмонте, Шукшине, П.Й. Шафарике, постмодернизме в литературе и культуре Центральной и Восточной Европы и т.д. Он является ответственным редактором «Словаря русских, украинских и белорусских писателей» (Slovník ruských, ukrajských a beloruských spisovatelů, 2002) и ряда других изданий.

Много нового внес И. Поспишил в изучение творчества Рене Веллека (Уэллека, 1903–1995), одного из известнейших теоретиков литературы. В соавторстве с М. Зеленкой он написал первую чешскую монографию о нем – «Рене Веллек и межвоенная Чехословакия. К истокам структуральной эстетики» (Брно, 1996)².

Р. Веллек, прославившийся такими трудами, как «Теория литературы» («Theory of literature» в соавторстве с О. Уорреном, 1949, 3-е изд. 1963), «Теория литературной истории» («The theory of Literary History»), «История современной критики 1750–1950» в четырех томах («A history of modern criticism», 1955–1966) и др., прочно вошел в общественное сознание как «американский литературовед чешского происхождения» и лидер «американской школы компаративистов». Именно так о нем пишут в энциклопедических словарях. И. Поспишил вместе с М. Зеленкой, не оспаривая этот высокий статус, возвращают Р. Веллека родным Пенатам, его отеческим корням. Они показали, что сын венского чиновника, чешского патриота, биографа Б. Сметаны, переводчика Я. Врхлицкого и Й.Св. Махара, связан с Чехией, куда семья Веллеков переехала в 1918 г., гораздо прочнее и глубже, чем может показаться. Веллек,

написавший основные труды на английском, преподававший в университетах Англии и Америки, где он постоянно жил с 1939 г. и где закончил 10 ноября 1995 г. свой земной путь, – истинный чех не только по происхождению, но и по воспитанию, образованию и духовной среде, его возраставшей. Выпускник Карлова университета, член Пражского лингвистического кружка Рене Веллек – плоть от плоти как чешской, так и средневропейской культуры, сформировавшей его личность, круг интересов и взгляды. И. Поспишил в Главе 1-ой «На перепутье. Рене Веллек и некоторые генетические и типологические закономерности литературоведения 1920–1930-х годов» уделяет особое внимание отношению Веллека к русскому формализму, сыгравшему свою роль в его становлении как ученого. Подчеркивая, что интерес к нему во многом был связан со стойким интересом Веллека к русской литературе, И. Поспишил подкрепляет этот тезис малоизвестными сведениями о том, что в 1948 г. в Америке с предисловием Веллека вышли «Мертвые души» Гоголя, что в том же году он написал статью о русских революционных демократах, потом отозвался на английский перевод «Истории древнерусской литературы» Н.К. Гудзия. Однако, как оговаривается И. Поспишил, сам Веллек в одной из ключевых своих работ «Концепт критики» («Concept of Criticism». 1963), где подробно анализируются русский формализм и Пражская школа, дает понять, что большую посредническую роль в их связях сыграл Роман Якобсон. Именно он импортировал в чешскую среду взгляды русских формалистов, которые развил и применил на практике Ян Мукаржовский. Из русских формалистов, как полагает И. Поспишил, Веллеку был ближе других Б. Томашевский, отождествлявший поэтику с теорией литературы и отступавший от «технологий» формализма в поисках неких доминант в жизни и развитии жанров. (Напомним, что именно Томашевский еще в 1925 г. счел необходимым сказать, что «формальный метод умер»). В круг людей, явно или неявно связанных с Веллеком или просто создававших среду, в которой формировались его взгляды, И. Поспишил вводит Франка Вольмана, Романа Ингардена, Сергея Вилинского, специалиста по древнерусской литературе и учителя М. Бахтина, самого М. Бахтина, а также А.А. Потебню и др. Обзор разных концепций русских, чешских, польских литературоведов позволяет И. Поспишину аргументировать основополагающий вывод о том, что «Корни оригинальных взглядов самого Рене Веллека [...] восходят к средневропейскому культурному пространству и таятся где-то между неоиdealизмом, психологизмом, душеведением, между формистскими и формальными подходами, соединившимися в пражском структурализме, т.е. между методами и приемами, которые уже изначально не противоречили друг другу, как могло показаться на первый взгляд, а взаимопроникали, пронизывали и оплодотворяли друг друга даже в творчестве одного ученого. Веллек и его путь, отразившие эту сложность,

прекрасное тому свидетельство»³.

В 2005 г. вышел фундаментальный труд И. Поспишила, продолжающий начатые еще в 1970-е гг. исследования, «Снова в гостях у русского романа. История, узловые проблемы развития, теория и международные связи. От истоков до современных перспектив» (Ivo Pospíšil. Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti. Od počátku k výhledů do současnosti. Brno, 2005). Излагая содержание и смысл этой монографии, автор пояснил, что в своей концепции русского романа он опирался на собственные представления об эволюционной парадигме русской литературы, обозначенной как пре-пост эффект, или пре-пост парадокс. Она сводится к тому, что так называемые западные образцы стали для русских писателей не примерами для подражания, а импульсами к их трансформации, к поэтике незавершенности жанровых построений, воспринимаемой не как недостаток, а как неожиданная новизна. Русский роман – считает Поспишил – был для русской почвы явлением чужеродным хотя бы из-за незавершенной секуляризации русской культуры, явлением, которое должно было быть освоено, как казалось, любой ценой, хотя оно и не имело в России подходящих условий для восприятия. В ходе преодоления отпора воспринимающей среды возникла удивительная инновационная формация, наступил золотой век русской литературы, получившей мировое признание. Точкой отсчета в изучении русского романа стало для Поспишила творчество Пушкина – и не только из-за необычности «Евгения Онегина» – этого «романа в стихах», но благодаря пушкинской «одержимости романом», проявлявшейся в десятках его прозаических фрагментов и эскизов. Через интересные и неожиданные интерпретации творчества классиков – Ф.М. Достоевского, Л.Н.Толстого, Н.С. Лескова, А. Ремизова – автор совершает прорыв к современности, к произведениям В.Белова, В. Солоухина, А. Битова, Й. Домбровского, Ю. Бондарева, Б. Окуджавы, В. Пелевина и др. Примечательны выводы, которые делает И. Поспишил, выходя за границы литературы и литературоведения и вторгаясь в сферы философии. Он подчеркивает парадоксальность и своего собственного «визита» к русскому роману и самого этого жанра, его посевов и всходов на удивительной русской земле. Являясь, по мысли И. Поспишила, литературным прообразом строительства государства и империи, роман в то же время вдруг ополчается на это, неожиданно уходит в себя, занимается самопародированием и самоотравестией или выступает против *mainstrima* истории, «против течения». Россия с ее менталитетом создавала и создает альтернативные модели мирового развития в прошлом и настоящем. А русский роман, как доминирующий жанр русской литературы, выходит за ее пределы, вмешивается в иные сферы жизни, вырастает из своей узко эстетической функции и принимает на себя функции другие. И тем не

менее роман надо воспринимать как нормальный литературный жанр, только чуть необычный. Но если не обращать внимания на все его «выходки», на его общественную составляющую, его [...] мессианский и визионерский характер, то можно так и не понять до конца или не понять вовсе некоторые его аспекты – ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Пережив травму 21 августа 1968 г. шестнадцатилетним юношей, сформировавшись как ученый в 1970–1980-е годы, вошедшие в историю его страны как трудные «годы нормализации», профессор Иво Поспишил не склонен, поддаваясь послереволюционной конъюнктуре, видеть недавнее прошлое лишь в черном цвете. Показательна его взвешенная позиция в дискуссии о чешской русистике, которая развернулась в редакции журнала «Гост» и нашла отражение в материале «Скелеты в шкафу» («Hosb», 2004, № 8). Были заданы вопросы: Какой была русистика в 70–80-е гг. «нормализации»? Что изменилось в ней после перестройки в СССР? Какие перемены принес 1989 год? Нужны ли творческие конкурсы для университетских русистов? Что наиболее ценного дала чешская русистика – научные школы, личности, книги, проекты? На них помимо профессора Поспишила отвечали русисты разных возрастов и взглядов: Владимир Сватонь (1931 г. р.), некогда сотрудник Института чешской и мировой литературы ЧСАН, а после его реорганизации – преподаватель философского факультета Карлова университета, главный редактор журнала «Свет литературы» («Svět literatury»), а также Михаил Сикора (1971 г. р.), выпускник и преподаватель университета Палацкого в Оломоуце, автор двухтомной монографии о В. Набокове «От “Машеньки” к “Дару”» (2002) и других произведений. На поставленные вопросы каждый отвечал в зависимости от личного отношения и к периоду «нормализации», и к ученым, благополучно пережившим 70–80-е гг. и сумевшим сохранить свои позиции после «бархатной революции». Наибольшую нетерпимость к русистике недавнего прошлого проявлял М. Сикора, считавший, что в то время сугубо с идеологических позиций при невнимании к художественному уровню исследовался узкий круг тем, таких как «соцреализм», «Литература и Октябрь», «Маяковский – великий поэт социалистической эпохи». Иво Поспишил занял в дискуссии более объективную позицию. Сославшись на авторитет В. Сватоня, упомянувшего в предисловии к своей книге «С другого берега. Статьи и эссе о русской литературе» (Прага: Торст, 2002) Брно и Нитру, куда он ездил на конференции, И. Поспишил назвал эти города, «пространством, где в сфере науки можно было реализовать себя без особых уступок идеологии», изучая литературные жанры, компаративистику, структурализм и многие другие проблемы. К самым негативным тенденциям в русистике 70–80-х гг. И. Поспишил, не исключавший возможности создавать и в тот период перспективные теоре-

тические концепции, отнес «приостановку естественного развития человека и мысли», и то, что ключевые позиции в ней занимали люди научно не состоятельные, забывшиеся прежде всего о собственном благе. «Боюсь, что все это не ушло и после 1989 г... Плохие люди всегда были и будут среди нас», – добавил И. Поспишил. В противовес самому молодому участнику дискуссии, пожалевшему, что прежние кадры русистов остались на месте, а многие на высоких должностях, И. Поспишил выступил против новых кадровых «чисток», равно как и против конкурсов, которые в периоды переломов редко бывают объективными, поскольку люди начинают сводить счеты друг с другом. По его мнению, гораздо важнее создать новые структуры и концепции русистики. Участники дискуссии показали, что это уже происходит. В Карловом университете Праги от изучения языка и литературы перешли к культурологии, а брненские русисты склоняются к сближению филологии с обществоведением и философией.

В. Сватонь вспомнил, как во время перестройки в СССР чешские партийные функционеры заявляли, что нельзя во всем брать пример с России. Многие возлагали большие надежды на путч 1991 г., мечтая, чтобы «все закончилось как эпизод». И. Поспишил возразил против примитивизации взглядов тогдашних лидеров партии, считая, что для познания того периода необходимы мемуары или исследования.

Что касается интереса молодежи к русистике, то после 1990 г., как отметил И. Поспишил, происходило массовое «бегство» студентов из этой дисциплины. Но приблизительно с 1995 г. она опять стала входить в моду, интерес к ней возрос. Однако уровень поступающих на русские отделения оставляет желать лучшего, хотя он и не ниже, чем был до 1990 г. Среди абитуриентов, как правило, много «иностранцев», т.е. русских и украинцев, составляющих треть всех студентов. «Это люди с совершенно другим культурным кругозором, если он у них вообще имеется». Однако встречаются и по-настоящему талантливые ребята, со своими научными запросами. Сходные мысли высказал и В. Сватонь. По его мнению, сейчас положение в русистике не хуже, а лучше, чем раньше, потому что туда идут не конъюнктурщики, а те, кто искренне интересуются предметом. «Впрочем, есть и такие, кто выбрал ее из-за генетических причин, подобно дочерям русских предпринимателей, которые живут в Чехии и думают: по-русски я говорю, Достоевского читала, могу заняться русистикой». Но таких немного, и их удастся отсеивать. Наибольший интерес студенты проявляют к русской религии и древней Руси (несколько студентов Карлова университета пишут работы о возникновении русской государственности в XVI в.), а также – к литературе третьей волны авангарда, т.е. ко второй половине XX в.

И. Поспишил подчеркнул необходимость соблюдать преемственность

в развитии русистики и реально смотреть на русскую культуру, признавая ее вдохновляющее значение для культуры евро-американской, но не пренебрегая и тем, что таит в ней опасность и угрозу кризиса.

Уделяя основное внимание исследованию прозаических текстов, профессор И. Поспишил успешно «вторгается» и в сферу поэзии, заглядывая в «таинства стиха», и обогащая, в частности, общую систему жанров жанром рефлексивной лирики, извлеченной им из творчества А. Пушкина и Б. Лесьмяна («Рефлексивная поэзия как жанр» – «Reflexivní poezie jako žánr»). Статья эта опубликована в сборнике «Славистика на перепутье» – «Slavistika na křižovatce» (Brno, 2003). Приуроченный к XIII Международному съезду славистов в Любляне, он касается связей филологических наук с науками социальными, анализирует теоретико-методические аспекты литературоведческой славистики и целый ряд других проблем, интересующих юбиляра.

Нельзя не отметить активное сотрудничество соратников профессора Поспишила с учеными из других стран (в частности, из России, Украины, Польши, Словении, Франции и т.д.), а также его оперативные отклики на труды отечественных и зарубежных коллег, в которых, как правило, преобладают не комплименты, а конструктивные, порой критические – на пользу дела – замечания. Многие работы И. Поспишила написаны на безукоризненном русском языке.

В заключение хотелось бы от имени сотрудников Института славяноведения Российской Академии наук поздравить глубокоуважаемого коллегу с юбилеем, пожелать ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов!

Примечания

¹ См.: *Dokoupil V. Pospíšil Ivo // Slovník českých spisovatelů od roku 1945. Praha, 1995. S. 141–148.*

² См. подробнее: *Будагова Л.Н. По страницам книги Иво Поспишила и Милоша Зеленки «Рене Веллек и межвоенная Чехословакия. К вопросу о корнях структуральной эстетики // «Славяноведение» 2004, № 1. С. 141–148.*

³ *Pospíšil I., Zelenka M. René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996. S. 31.*

IV. Славянские народы во второй половине XX в.

А.Б. Едемский

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам)*

Abstract:

Edemskiy A.B. *Becoming dissidents: M. Mihajlov's travel notes "The Moscow Summer 1964" under the fire of the Soviet and Yugoslav critique (based on archival documents)*

The article deals with the problem of how the young Yugoslav professor Mihajlo Mihajlov, on the early stage of his scholarly activity, had gradually evolved into a dissident activist with strong anti-Communist feelings. After the publication of his travel notes "The Moscow Summer 1964", his views were almost simultaneously criticized both by Soviet and Yugoslav officials. Basing on new declassified documents from the archives in Moscow and Belgrade, the article explores the impact of this critique on Mihajlov's life.

Ключевые слова: диссидент, оппозиция, антисоветизм, «Лето московское», госбезопасность, И. Броз Тито, М. Михайлов, свобода, коммунистический тоталитаризм, доноительство, цензура.

Публикация в начале 1965 г. в двух номерах белградского литературного журнала «Дело» эссе «Лето московское 1964 год»¹ М.Н. Михайлова с описанием впечатлений от пребывания в СССР² было крутым поворотом в судьбе его автора, к которому он, впрочем, внутренне был готов³. Молодой, высокообразованный и амбициозный преподаватель русской литературы из Задара оказался в центре тесного клубка самых разнообразных процессов⁴. Их развитие с осени 1964 г. до весны 1965 г. завершилось кратковременным арестом Михайлова, направив его на путь борьбы за свободу выражения взглядов в Югославии в течение последующих двадцати пяти лет. Уже в самом начале этого пути молодой автор обрел внезапную мировую известность.

До последних лет жизни Михайлов был уверен в том, что развернутая против него травля началась после протеста советского посла в Югославии А.М. Пузанова перед И. Броз Тито⁵. Данная точка зрения безоговорочно⁶ или с оговорками⁷ принята и в современной сербской историографии.

* Статья публикуется в рамках проекта «Поиски новой государственности: инакомыслие и диссидентство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 60-е–80-е годы XX в.» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

О пребывании Михайлова в СССР в ходе кратковременной стажировки в июле–августе 1964 г. известно, главным образом, из написанного им текста. В материалах тех, с кем он встречался, и в исследованиях о советской творческой элите тех лет упоминания о нем практически отсутствуют⁸. Так, в дневнике В.А. Лакшина (одного из кумиров Михайлова в те годы) встрече 17 июля 1964 г. с «довольно бесцеремонным и вертлявым журналистом из Югославии» уделено несколько строк⁹.

Несомненно, что в специализированных югославских архивах должны храниться отчет Михайлова о стажировке и документация, с ней связанная, а в российских – соответствующие документы о его встречах с советскими писателями и взаимоотношениях со студентами МГУ им. М.В. Ломоносова. Вторая волна десталинизации, начатая в СССР на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.), не меняла существа административно-командной системы. Советские карательные органы, превращаясь в политическую полицию, по-прежнему пристально следили за настроениями в среде творческой интеллигенции¹⁰.

К настоящему времени самым ранним советским документом с упоминанием Михайлова является составленная в Посольстве СССР в Белграде аннотация его статьи «Мертвый дом», со сравнением творчества Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына», вышедшей в октябре 1964 г. в загребском журнале «Форум». Текст документа, в котором корректно изложено ее содержание, заканчивается фразой о том, что «автор дает высокую оценку открытому разоблачению и осуждению культа личности Сталина в нашей стране. Он считает, что разоблачение в советской печати сталинских концлагерей является самым большим и положительным событием в развитии советского общества за последние несколько десятилетий, равное по своему значению победе над фашизмом во Второй мировой войне»¹¹.

Законченный вид рукопись Михайлова о пребывании в СССР получила в конце октября 1964 г. Неожиданное снятие Н.С. Хрущева и неясность будущего курса нового советского руководства добавили его наблюдения дополнительную актуальность. Однако опубликовать рукопись в Задаре или Загребе автор не сумел.

Известно, что он отправил текст рукописи (уже тогда названной «Лето московское») известному югославскому писателю Д. Чосичу. В письме от 19 ноября 1964 г. Чосич высоко оценил эссе. «Лето Московское» чрезвычайно интересно, – писал он. – Я многому научился, вы мне многие загадки загадали. Не важно, что вы и я философски совершенно различаемся во взглядах на мир и предпосылки его создания, познания и понимания существующих в нем отношений. Важно, что нас в этот час мучает общая боль о судьбе человечества. ...Как раз поэтому необходимы социологи и анализ». Чосич был намерен предложить рукопись Михайлова издательству «Промсвета»¹². Расчет, по всей вероятности, был на ее выход одной книгой.

Неудачи с публикацией заметок в Хорватии были не случайны. Мате Барбир, один из студентов университета в Задаре, использовал редкую возможность для того, чтобы дать оценку творчеству своего преподавателя. Он

старательно выписал из рукописи те места, которые, по его мнению, свидетельствовали об ее идеологической вредности (к ним он отнес описание аляповатой под золото статуи Ленина, типичной для многих общественных мест СССР; замечание о двусмысленном отношении в СССР и к сторонникам Сталина, и к борцам со сталинизмом; утверждение о том, что «первые лагеря смерти» создали не гитлеровцы, а большевики; упоминание о повести И. Шмелева «Солнце мертвых», где было сообщено о бессудных расстрелах 120.000 тыс. человек, проведенных большевиками в Крыму; рассуждения о «гомосоветикусе» и др.)¹³. К выпискам Барбир приложил краткую записку, в которой негативно оценил рукопись. Не отказывая своему преподавателю в литературном даре, Барбир посетовал на то, что его «впечатления весьма субъективны, и поэтому неточны». Михайлов, полагал автор доноса, «рассуждает не только о литературе, но и о личностях, которых он встречал, присваивая себе право «высказывать безапелляционные суждения о событиях и о людях вообще и о политических и иных явлениях, которые он наблюдал за короткий срок знакомства с ними ... на основе поверхностных впечатлений». «Выводы сделаны на скорую руку, претенциозны и неточны, ибо невозможно на основе одного поверхностного краткого разговора с писателем или критиком или блестящим интеллигентом из любой сферы выносить о нем суждение, что Михайлов делает регулярно».

Особо Барбира возбудила главка «Психология гомосоветикуса». «Михайлов, – считал он, – осмелел настолько, что представляет советских граждан как плебеев духа, превратившихся, благодаря тоталитарному режиму от царя до Сталина, в несамостоятельную, похожую на детей толпу. Эта толпа только и ждет кого-то, кто возглавит ее, готова последовать за ним, не обращая внимания на то, кто это и какую идею проповедует». По всей вероятности, литературные предпочтения стукача формировали другие преподаватели, поэтому его также возмутило то, что Михайлов подкреплял свои утверждения «весьма шаткими и несерьезными аргументами», цитатами из таких произведений, как «Воскресение» [Л.Н.] Толстого, «Дневник писателя» [Ф.М.] Достоевского, «Доктор Живаго» [Б.Л.] Пастернака и «других подобных работ русских писателей, которые позитивной литературной критикой оценены как отсталые и идеалистические». Барбир напомнил, что Михайлов регулярно писал для загребского «Телеграма», а также печатался в загребском литературном журнале «Форум». Доносчик предположил, что Михайлов попытается опубликовать «эти путевые заметки» там или в «Задарской ревию». Появление рукописи в печати Барбир считал делом «очень неосторожным и даже несерьезным, ибо один Михайлов не может и не призван читать нотации о поведении и жизни народа такой великой страны как Советский Союз». Свой опус доносчик закончил рекомендацией «своевременно оповестить Загреб и помешать этому»¹⁴.

Данному документу, явно написанному для принятия решения на уровне Задара, неожиданно было придано столь серьезное значение, что он оказался в Секретариате Президента СФРЮ И.Броз Тито¹⁵. В условиях

замешательства относительно произошедшего в советской верхушке, югославские власти были склонны уделять внимание любому сообщению, которое могло бы пролить свет на события в СССР. По всей видимости, к сообщению Барбира в окружении Тито отнеслись без особого внимания. Сам же югославский лидер либо не видел этого материала, либо отнесся к нему только как к еще одной информации об СССР среди сотен материалов, проходивших в это время. Многие факты, приводившиеся Михайловым, которые доносчик считал возмутительными, были хорошо известны. В частности, тезис о концлагерях в Советской России присутствовал в монографии, подготовленной для Тито перед визитом в СССР в июне 1956 г.¹⁶ Занимательность описанного в «Лето московское» также не была исключением. К подобным описаниям югославская верхушка привыкла, регулярно получая материалы из посольства Югославии в Москве с описанием повседневной жизни в СССР¹⁷. Общий же тон расчетов Михайлова на дальнейшую десталинизацию в Советском Союзе вполне соответствовал курсу, которого придерживалось югославское руководство (прежде всего Тито) в отношении Москвы с 19 июля 1954 г., а формировался, по меньшей мере, с осени 1953 г.¹⁸.

Несмотря на обещание Чосича, эссе Михайлова появилось в журнале «Дело», в котором в 1964 г. вышла его статья о литературной борьбе в СССР на страницах журнала «Новый мир». Сопоставление опубликованного в «Дело» в номерах 1 и 2 с теми выдержками, которые сделал Барбир осенью 1964 г., позволяет утверждать, что рукопись подверглась самой незначительной правке, которую можно все же считать идеологической. Так, в журнальный вариант не вошло замечание о статуе В.И. Ленина, а абзац о популярности всего югославского в СССР был значительно расширен. Вместе с тем, большинство отрывков, которые стучач Барбир считал недопустимыми (о здании МГУ, о неустрашимости студентов, не боящихся отправки в «двухлетние трудовые лагеря» по окончании учебы, и др.), в тексте эссе сохранились.

Первая (из трех) часть эссе Михайлова увидела свет в январском номере «Дела» за 1965 г. Текст незамедлительно оценили в советском Посольстве в Белграде. В подготовленной аннотации эссе было названо «пространным очерком югославского литературоведа», который «написан с претензией на оригинальность, наблюдательность и объективность, но по существу, носит весьма тенденциозный и развязный характер»¹⁹. Помимо этой фразы аннотация не содержала других критических оценок. В ней добросовестно, на семи страницах, было изложено содержание материала. Многие из выдержек, привлечших внимание в посольстве, оказались теми же, что в начале ноября цитировались в материале молодежного активиста из Задара Барбира.

19 января 1965 г. в Москву из Белграда за подписью посла А.М. Пузанова в адрес куратора «югославского направления» советской внешней политики заместителя министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбина была направлена краткая записка с приложением аннотации первой части эссе Михайлова. В записке была повторена фраза о «весьма тенденциозном и развязном характере очерка». Посол посчитал, что автор «в искаженном виде

представляет многие стороны советской действительности». «Показательным», для него стало и то, что Михайлов «ограничивается лишь критическим материалом и фактически не говорит о каких-либо положительных явлениях в культурной и общественной жизни СССР. Все позитивное в советской литературе и искусстве связано для него с «бескомпромиссным «еретизмом» и борьбой за «либерализацию», против «пут догматического марксизма» и «соц.реализма»²⁰. В записке сообщалось все, что к тому времени было известно об авторе: «родился в 1934 году, является ассистентом философского факультета в г. Задар. В Советский Союз выезжал летом 1964 года по рекомендации Комиссии по культурным связям с границей СФРЮ в рамках плана научного сотрудничества между СССР и Югославией. Специализируется по русской и советской литературе. В прошлом году, например, опубликовал в этом же журнале статью «Миссия журнала «Новый мир», который считает «либеральным» в отличие от «консервативного» «Октябрь»²¹.

От имени всех служб посольства Пузанов писал о «необходимости» «в удобной форме обратить внимание Посла СФРЮ в Москве Ц. Миятовича (или сделать это на соответствующем уровне в Белграде) на факт появления статьи столь тенденциозного и недружественного характера и на тот вред, который могут нанести нашим культурным и научным связям подобные материалы»²². Вне пределов МИД документ был направлен в Отдел ЦК КПСС (А.М. Горчакову) и ГККС²³ (И.Н. Медведеву)²⁴.

О дальнейших действиях можно судить по многочисленным пометкам, сделанным на документе, начиная с 1 февраля 1965 г., когда он был зарегистрирован в Генсекретариате МИД СССР. Две имеющиеся на нем записи свидетельствуют о разговоре Фириубина с руководителем соответствующего Отдела Аставиным. Вторую запись (слева вдоль документа в том месте, где прошивают листы, когда дело брошюруется, а на нитки ставится сургучевая печать) можно разобрать лишь частично²⁵.

По получении сообщения посла Пузанова, определенная работа велась не только в МИД. В частности, 4 февраля референт Союза писателей А. Романенко²⁶, на основе «информации, полученной от югославских стипендиатов, находящихся в данный момент в Москве», подготовил краткую справку-характеристику на Михайлова: «критик и литературовед, занимающийся проблемами истории русской литературы XIX и XX века. ... Находится под сильным влиянием русского белогвардейца-эмигранта проф. Николая Преображенского... автор ряда статей о Достоевском, Ремизове, современном положении в советской литературе..., написанных с антисоветских позиций». Романенко изготовил также краткий аннотированный список «Статьи югославского специалиста по русской литературе Михаила Михайлова, опубликованные в югославской печати». Он содержал емкие характеристики и яркие цитаты. Статью «Мертвый дом...» эксперт оценил иначе, чем советское посольство в Белграде в октябре прошлого года: «сравнительный (цитатный) анализ произведений с махрово-антисоветских позиций. Обильное цитирование Маркса, Ленина, рассуждения о сталинизме и

гитлеризме. Номер закрыт Главлитом»²⁷. Эксперт выполнил и полный перевод этой статьи. Если до этого Пузанов указывал, что подобные материалы могут нанести вред культурным и научным советско-югославским связям в сфере науки и культуры, то резкие формулировки эксперта²⁸ привели к эскалации оценок Михайлова, обвинявшегося теперь и в антисоветизме.

В обнаруженных к настоящему времени югославских и советских документах данные о том, что посол Пузанов делал представление Тито по поводу появления эссе «Лето московское», отсутствуют. Изученные архивные материалы свидетельствуют, что все было значительно запутаннее. В частности, доступные к изучению материалы внешнеполитического ведомства СФРЮ (далее – ГСИД) свидетельствуют, что к 10 февраля советских протестов по поводу эссе Михайлова югославская сторона не получила. В тот день Группа анализа ГСИД провела обсуждение, посвященное СССР. Ряд его участников (помощник К.Поповича Пешич) должны были бы упомянуть об этом факте, если бы он имел место²⁹.

На основании доступных к изучению материалов очевидно, что импульсом для югославской реакции стали сообщения и комментарии в иностранной печати, которые появились после публикации второй части «Лета московского» в февральском номере того же журнала. В частности, сообщение в виде комбинированной информации Финского телеграфного агентства и АФП из Белграда от 6 февраля 1965 г. о статье югославского профессора «Сталинская Россия создала первые лагеря смерти» появилось в финских газетах³⁰. В этот же день, со ссылкой на репортаж из Белграда от 5 февраля, в статье «Нью-Йорк таймс» было сообщено о том, что «неприкрашенный обзор югославского ученого жизни в Советском Союзе вызвал ярость советского посольства в Белграде»³¹.

За несколько дней количество статей за рубежом на эту тему возросло настолько, что потребовалась координация действий центрального аппарата в Белграде и посольства СФРЮ в Москве. Об этом свидетельствовали две телеграммы от 10 февраля 1965 г., которыми обменялись ГСИД и посольство СФРЮ в Москве. Первая была направлена послом Ц. Миятовичем главе ведомства К. Поповичу³². Вторая – из Белграда в посольство в Москве. Ее подписал заместитель Поповича М. Тепавац. На телеграммах не указаны время отправления и получения, отсутствуют ссылки, на какой документ они отвечают. Их содержание позволяет предполагать, что телеграмма из Белграда была второй, хотя возможно обе они были посланы независимо друг от друга. Обе имели общую основу – статьи в зарубежных СМИ в связи с эссе Михайлова³³.

Миятович перечислил ряд изданий («Нью-Йорк Таймс», парижский «Монд», Бюллетень посольства США в Москве), которые с разной степенью подробности сообщили о публикации Михайлова. Посол сообщал об «интересе и комментариях в дипломатическом корпусе, особенно в западном. ... нам задают вопросы, предполагая, что статья санкционирована и, хотя бы в некоторой степени, отражает официальный подход». Миятович сообщил,

что «из советских функционеров с нами до настоящего времени еще никто об этом не говорил. Но нет сомнения, что появление статьи они оценивают именно таким образом». «Мы не знаем, – сообщал посол, – будут ли советские органы и в какой форме предпринимать известные шаги в связи с этим, но и без того ясно, что статья такого рода, опубликованная в нынешнее время³⁴, должна вызвать у них негодование... Мы не имеем содержания статьи. Но, кажется, если сообщения хоть чуть-чуть отражают ее атмосферу, она не была написана в благонамеренном духе и тоне. Ее появление тем вреднее, что этим не достигается никакая цель, но, наоборот, осложняется дальнейшее рассмотрение вопросов из области наших отношений».

Миятович указал на то, что «анонсирована третья часть статьи Михайлова». Сославшись на «некоторые информации», посол сообщил, что Михайлов располагает материалами песен из сталинских лагерей, «якобы записанных на магнитофон и т.п., публикация которых могла бы иметь известное отрицательное влияние на атмосферу взаимных отношений. Потому мы считаем нужным остановить публикацию последующих частей, а в связи с написанным до настоящего времени предпринять известные меры в зависимости от характера статьи», рекомендовал посол³⁵.

Понимая, что коллеги в Москве не имеют текста «Лета...», Тепавец начал свою телеграмму с его характеристики. «Помимо одностороннего освещения положения в советской литературе, – сообщал он, – Михайлов обидным и политически вредным образом писал об атмосфере в СССР, использовал грубые исторические реминисценции (к прим., что Гитлер не первый создавал конц. лагеря и проводил геноцид, а приоритет принадлежит СССР и т.п.). Благодаря невнимательности и аполитичности редактора, статья была опубликована в журнале».

О том, что разговора с советской стороной еще не было, свидетельствуют и дальнейшие слова Тепавца. Имея в виду возможность такой беседы, он сообщил также о том, что «Общественный прокурор уже открыл дело в суде для запрещения обоих номеров. Об этом вскоре последует решение, которое будет опубликовано и в «Служебном вестнике», и в одной из центральных газет. Это будет конкретная мера против такого текста, предпринятая в соответствии с нормами нашего права». «Если в разговорах с советской стороны будет поднят этот вопрос, – указывал Тепавец, – то оповестите о предпринятых мерах и заявите, что осуждаете текст с таким содержанием, ибо он противоречит нашей позиции о необходимости объективного и благонамеренного информирования, которое должно способствовать более верному взаимному знакомству и быть элементом развития дружеских отношений. Это остается нашим неизменным курсом, которого мы придерживаемся, предпринимая меры против статьи Михайлова».

Переписка относительно эссе Михайлова была продолжена на следующий день в телеграмме руководителя Управления по делам печати и информации ГСИД Благоевича в посольство СФРЮ в Москве. Чиновник сообщил о том, что еще 6 февраля Общественная прокуратура Белграда на основании

Закона о печати приостановила распространение журнала «Дело» и арестовала все экземпляры второго номера. В телеграмме присутствовал и отдельный абзац: «Для вас: советское посольство еще не подавало протест в ГСИД». Благоевич сообщил и подробности об авторе: «профессор Философского факультета в Задаре. Его родители – белогвардейцы»³⁶.

Югославские власти развернули наступление на Михайлова по широкому фронту. В еженедельнике ЦК Союза коммунистов Югославии «Комунист» 11 февраля на вторую часть эссе была опубликована резко критическая рецензия М. Богичевича «Мистика одного хроникера». В комментарии редакции сообщалось о согласии с мнением Богичевича о том, что «статья Михайлова далека от того, что идет на пользу объективному пониманию советской действительности и ее культурной среды. Она является злоупотреблением той откровенностью, с которой принимали, очевидно, автора его советские собеседники, ибо он приехал из братской социалистической страны». В «Лете московском» рассказывается не только о литературе и фольклоре, но и об одной сомнительной политической экскурсии и совершенно определенном вмешательстве, о котором свидетельствуют и отклики на эту «хронику» за границей». В комментарии прозвучал и тезис об ответственности редакции за публикацию подобного материала, напомнив о духе VIII съезда СКЮ, который «недвусмысленно указал, что в нашем демократическом развитии нельзя терпимо относиться к тому, что под флагом борьбы мнений и свободной дискуссии совершаются выпады, являющиеся по своей сути антисоциалистическими»³⁷.

Данные материалы вышли в день встречи югославского лидера Тито с делегацией прокурорских работников, во время беседы с которыми он резко отозвался об авторе текста в журнале «Дело». Исследователи недоумевают, почему текст выступления Тито был опубликован лишь 4 марта³⁸. Ответ на этот вопрос следует искать в материалах встречи 11 февраля, хранящихся в Архиве Югославии (Белград) в коллекции Президента Республики. Эти документы свидетельствуют, что во время встречи с работниками прокуратуры Тито был либо очень раздражен, либо плохо себя чувствовал. Расшифрованная стенограмма (первый из вариантов записи встречи) представляет из себя несвязный текст. Он был существенно переписан (больше половины листов целиком или целыми абзацами). Вариант после правки был доставлен Тито для авторизации 22 февраля, а текст для публикации в еженедельнике «Комунист» – 2 марта³⁹.

Изучение материалов, связанных с подготовкой и проведением встречи свидетельствует, что критические высказывания Тито по поводу эссе Михайлова были экспромтом, а не заготовкой⁴⁰. Подготовка ко встрече началась 4 февраля, и за всю неделю материалов по поводу эссе либо сообщений о претензиях советской стороны в деле нет.

Тито, рассуждая по поводу текста Михайлова (в данной статье используется текст после первой расшифровки, где обсуждение занимает около двух страниц)⁴¹, ни разу не назвал фамилию автора. Он использовал для этого такие слова и выражения, как «пройдоха», «этот», «этот случай в Задаре»,

«тот, кто написал в том [журнале] «Дело»; «пройдоха, который клеветает на октябрьскую революцию», «это один тип-реакционер, который клеветает [на] великое дело» Из довольно отрывочных высказываний югославского лидера можно узнать, что сам Тито узнал об эссе не от Пузанова («мне Велько сказал»)⁴², а первой его реакцией было: «немедленно запретить это».

Опровергая утверждение о том, что концлагеря были при Ленине, Тито сослался на собственный опыт пребывания в Советской России. Он напомнил, что «это было в период интервенции», «когда были белогвардейцы, когда их нужно было держать в лагере. Я других не видел. Я не видел женщин и детей внутри в лагерях, а я был там». При этом он выразил озабоченность реакцией западной печати, которая представляет публикацию в «Дело» как официальную политику югославских властей, публикующих «в печати [о том, что] уже Ленин концентрационные лагеря имел. Какой пройдоха!» Из фраз Тито можно было понять, что прокуратуре следовало после выхода этого эссе немедленно начать расследование, выдвинуть обвинение и сообщить через СМИ, «чтобы знали». «А так, сейчас, я читаю уже после стольких дней, когда уже прилично книг распространено, сейчас, говорят, собирают их, книги, по книжным магазинам. Это пишет иностранная печать.... Выдвинуто обвинение против него, это один тип-реакционер, который клеветает [на] великое дело, октябрьская революция. И это нас касается как социалистической страны», – негодовал Тито.

Не обошлось и без упрека в адрес карательных органов. Тито заметил, что нужно действовать и «по линии внутренних дел», если имеются в виду «крупные дела...» На это руководитель югославских силовых структур С. Стефанович заметил, что «органы знали, что Михайлов готовит такие глупости и знали, что намеревается печатать в Загребе в журнале «Форум». «И мы предостерегали, – продолжил Стефанович, – мы знали, когда он это уже писал, мы знали, что пишет. И Загреб не публиковал. «Форум» не публиковал на наше указание как раз [секретариата] внутренних дел». Словно не услышав ответа, Тито заметил, что «нельзя позволить... марксистски вооруженный человек не может позволить, чтобы сегодня мы как социалистическая страна, оправдывать гитлеровские концентрационные лагеря, где миллионы и десятки миллионов уничтожены! Говорит такое, что это уже ранее делали. Да это свинство⁴³. Разное сжигание живых людей и всякое...»

Дальнейшие события развивались стремительно: 1 марта 1965 г. Михайлов подготовил и начал распространение своего Открытого письма главному редактору белградского еженедельника «НИН»⁴⁴. 2 марта Тито согласовал текст о своей встрече с работниками прокуратуры для публикации в газетах. 4 марта он был опубликован: абзац в связи с эссе Михайлова появился в следующем виде: «Вы должны были тотчас же начать следствие против того, кто написал статью в “Дело” и объявить об этом в печати. Необходимо, чтобы все знали, что против него выдвинуто обвинение, что он реакционер, который клеветает на такое великое дело как Октябрьская революция. А это касается нас как социалистической страны»⁴⁵. В тот же день

Михайлов был арестован в своем кабинете на факультете. Активист М. Барбир (впоследствии – руководитель соответствующего подразделения госбезопасности, отвечающий за Задар) постучал в дверь и со словами «Профессор, пришло время», вошел в него в сопровождении нескольких полицейских, людей в штатском и понятых⁴⁶. 5 марта для югославского руководства был подготовлен специальный обзор реакции западных корреспондентов на критику Михайлова в югославских СМИ⁴⁷.

Москва была довольна таким поведением югославских властей. Упоминаний о Михайлове во время встреч с югославами не было, несмотря на то, что возможности для этого имелись. Именно в это время посол Миятович проводил в Москве последние прощальные встречи с советскими руководителями (Микоян, Косыгин, Брежнев и Громыко). В подготовленном в ГСИД по их результатам материале от 26 февраля внимание было уделено иным вопросам⁴⁸.

Объяснение советской сдержанности сотрудники посольства СФРЮ в Москве получили от куратора югославского направления в аппарате ЦК КПСС Ю.В. Бернова. Как указывалось в телеграмме в Белград 10 марта, сославшись на «случай Михайлова», чиновник заметил, что у советской стороны «было достаточно оснований для реакции перед нами, но они воздержались от этого, зная, что югославские товарищи правильно оценят все дело, что практика и подтвердила». Бернов говорил, что «они весьма довольны заявлением, которое сделал товарищ Тито по этому поводу»⁴⁹.

О том, что советская сторона считала произошедшее исчерпанным, свидетельствуют и ряд советских документов. 9 марта Астафин дал ответ на запрос (от 16 февраля) посла СССР в Финляндии Ковалева. Напомнив, что в публикации Михайлова «в искаженном и клеветническом плане изображались многие стороны советской действительности», чиновник описал дальнейшие события следующим образом: «На этот факт было обращено внимание Посольства СФРЮ в СССР, после чего югославские власти изъяли весь тираж указанных номеров журнала. Орган ЦК СКЮ газета “Комунист” и некоторые другие газеты подвергли критике журнал “Дело” и антисоветские измышления М. Михайлова». Астафин также привел цитату Тито «в связи с публикацией этой статьи в беседе с работниками органов прокуратуры». «Высказывания И. Тито, – заметил дипломат, – были широко опубликованы в печати. Из изложенного видно, что антисоветское выступление журнала “Дело” вызвало острую реакцию и осуждение югославской общественности»⁵⁰.

Еще одним свидетельством удовлетворения советской стороны стало то, что информация Пузанова Фирюбину от 23 января была подшита в дело с резолюцией: «с югославской стороны были приняты меры: “Комунист” выступил с критикой; окружная прокуратура запретила распространение номеров журналов»⁵¹.

Сходным образом комментировал случившееся и посол Пузанов, когда его спрашивали о «деле М. Михайлова»: «В югославской печати была дана соответствующая оценка очерков Михайлова, которые в одинаковой степени были как антисоветского, так и антиюгославского характера, а сам автор

ее, нарушивший внутренние законы Югославии, понес заслуженное наказание. Что же касается шумихи в западной печати по поводу этих очерков, то она была поднята в явно спекулятивных целях с тем, чтобы попытаться омрачить советско-югославские отношения, однако западная пропаганда не достигла своей цели»⁵².

Впрочем, в Москве не забывали о произошедшем, и негативное отношение к очеркам Михайлова прочно укоренилось. В Отчете о пребывании в Югославии делегации писателей на совещании редакторов европейских журналов в июле 1965 г. указывалось, что его работа «совпала по времени с судом над югославским журналистом Михайловым, написавшим в журнале «Дело» антисоветские очерки». У делегации «сложилось впечатление, что югославские писатели стремились не вступать в полемику», а отведенное на совещании представителю редакции «Дело» место пустовало⁵³.

С легкой руки советского эксперта Романенко и югославского критика Богичевича формулировка об антисоветском творчестве Михайлова прочно закрепилась во всех внутренних документах советской бюрократии. Так, в соответствующей справке о М. Михайлове, подготовленной осенью 1966 г. перед визитом Л.И. Брежнева в СФРЮ, было указано: «родился и вырос в белоэмигрантской семье ... в начале прошлого года приобрел скандальную известность, опубликовав в белградском журнале “Дело” две злобные антисоветские статьи под общим заголовком “Московское лето 1964 г.”»⁵⁴.

Примечания

¹ *Mihajlov M. Ljeto Moskovsko 1964.* // Дело. Београд, 1965. Январь (I). С. 90–123; Февруар (II). С. 231–271.

² *Едемский А.Б.* «Лето московское. 1964 год» М.Н. Михайлова в контексте советско-югославских отношений 1964–1965 годов // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Выпуск шестой (II). М., 2012. С. 364–379.

³ В конце 1961 г. или начале 1962 г. Михайлов направил текст своей статьи известному сербскому писателю Д. Чосичу, назвав собственные воззрения «еретическими». Чосич тогда же обратил внимание на эту характеристику недавнего студента собственных воззрений. (См.: Документ бр. 2. Из досијеа службе Државне безбедности о Михајлу Михајлову. Преписка с Добрицом Ћосићем. 15. II. 1962) // *Цветковић С.* Портрети дисидената. Београд, 2007. С. 308.)

⁴ *Едемский А.Б.* «Лето московское. 1964 год» М.Н. Михайлова в контексте советско-югославских отношений 1964–1965 годов // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Выпуск шестой (II). М., 2012. С. 364–379.

⁵ См.: *Михајлов М.* Све моје робије // НИИ. Београд, 2001. 5. X. Број 2649.

⁶ См.: *Цветковић С.* Указ. соч. С. 249.

⁷ *Даниловић Рајко.* Употреба непријатеља. Политичка суђења у Југославији 1945–1991. Београд, 2010. С. 345.

⁸ См.: *Быков Д.* Булат Окуджава. М., 2009.

⁹ *Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. М., 2008. С. 282. – Впоследствии, прочитав эссе Михайлова, Лакшин признал, что их встреча «передана довольно лояльно». (Там же).

¹⁰ К примеру, см.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 457. Л. 6–11: Семичастный – в ЦК КПСС 29 января 1964 г.

¹¹ Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. 144. Оп. 35. Пк. 59. Д. 14. Л. 18–19. Посольство СССР в СФРЮ. 17.IX.1964 г. В. Левин. О статье «Мертвый дом Ф.И. Достоевского и И.А. Солженицына» (Аннотация). – Именно так инициалы были даны в оригинале.

¹² *Цветковић С.* Указ. соч. С.309. Документ бр. 3. Из досијеа службе Државне безбедности о Михајлу Михајлову. Преписка с Добрицом Ђосием. 19.XI.1964.

¹³ Там же. С. 173–179.

¹⁴ *Симић П.* Светац и магла. Тито и његово време у новим документима Москве и Београда. Београд, 2005. С. 172–173.

¹⁵ Археографическая безграмотность публикации и отсутствие серьезных комментариев делают невозможным определить, был ли данный документ доставлен в Секретариат Президента СФРЮ по партийным каналам, или же по линии госбезопасности. П. Симић называет его автора М.Барбира «задарским интеллектуалом». (Там же. С.173.) В то же время сам М. Михайлов впоследствии называл Барбира студентом, посещавшим его занятия.

¹⁶ Подготовленный в мае 1956 г. в Государственном секретариате по иностранным делам ФНРЮ (далее – ГСИД) материал содержал свыше двухсот страниц убогистого текста информации о различных аспектах, связанных с Советским Союзом. В материале имелся небольшой параграф «Лагеря и реабилитации в СССР». В нем утверждалось, что «Первые лагеря в СССР датируют периодом сразу после революции. Тогда в них были отправлены представители аристократии, царского государственного аппарата, крупной буржуазии, белой армии, крупные торговцы, попы и преступники (уголовники). Помещенные в лагеря были в основном классовыми врагами»: *Arhiv Jugoslavije* (далее – AJ). *Fond Kabinet Predsednika Republike* (далее – KPR) 1-2/7-1. SSSR. DSIP. Maj 1956 godine. S. 41.

¹⁷ Для Секретариата Тито, да и для всех, кто работал на советском направлении, документы с изложением негативных сторон советского быта и далеко не радужных общественных настроений в СССР, сведения о которых сотрудники югославского посольства черпали из советской действительности, были рутинным явлением. См., к примеру: *Državni arhiv Ministarstva spolnih poslova Srpske Republike* (далее – DAMSP). *Politički arhiv* (далее – PA). 1953. F. 86. D. 2. Br. 416099. *Žagar Iztok. Zabeleška o proslavi 7. novembra 1953.*

¹⁸ *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 258–260. – О реферативном обзоре материала И. Дейтчера «Россия после Сталина», распространявшемся в ЦК СКЮ в ноябре 1953 г. см.: *Едемский А.Б.* Указ.соч. С. 171–172.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Пк. 61. Д. 11. Л. 8.; Там же. Л. 8–14: Ю. Островидов «Об очерке М. Михайлова «Лето московское 1964 года».

²⁰ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Пк. 66. Д. 11. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 6. А. Пузанов – Н.П. Фирюбину. 23 января 1965 г.

²² Там же. Л. 7.

²³ Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами СССР, созданный вместо ВОКС.

²⁴ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Д. 61. Д. 11. Л. 6–7.

²⁵ Предположительно запись сообщала об имевшем место разговоре Фириубина с югославским послом Миятовичем, о факте которого следует сообщить Пузанову. (Там же. Л. 6.)

²⁶ DAMSP. PA. 1965. F. 157. D. 13. Br. 43917. Meša Selimović. Poseta delegacije Saveza književnika Jugoslavije Sovjetskom Savezu od 1. do 15. Novembra 1964. Sarajevo, 1. dec. 1964.

²⁷ Копия документа в архиве автора.

²⁸ Подобная деятельность советского эксперта вызывала раздражение и югославского посольства в Москве, и членов югославских творческих делегаций («больше следит, чем переводит», положительно оценивает только писателей, творчество которых близко соцреализму, и т.д., обещает при этом, что произведения иного направления в СССР никогда не будут публиковаться, и т.п.) Все настояния югославской стороны отказаться от работы с Романенко были тщетны. См., к примеру, отчет М. Селимовича о поездке в СССР. (DAMSP. PA. 1965. F. 157. D.13. Br. 43917. Selimović M. Poseta delegacije Saveza književnika Jugoslavije Sovjetskom Savezu od 1. do 15. Novembra 1964. S. 2.) В документе был даже специальный раздел «Проблема под названием Романенко». (Там же. С. 9–10.)

²⁹ DAMSP. PA. 1965. F. 159. D. 14. Br. 446028. Zabeleška sa sastanka održanog 10.2.1965. u Grupi za analizu.

³⁰ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Пк. 61. Д. 11. Л. 16. «Туру Саномат» 7.2.1964 г. Статья югославского профессора «Сталинская Россия создала первые лагеря смерти».

³¹ Yugoslav expose stirs Soviet ire; Camp Tragedies and Ills of Russian Life Depicted // The New York Times. 1965. February 6. P. 2.

³² DAMSP. PA. 1965. F. 157. D. 13. Br. 45302. Ambasada SFRJ u Moskvi (Mijatović) – Drugu Koči Telegram broj 152. 10.II.1965.

³³ Статьи в западных СМИ выходили с этого момента постоянно. См.: Russia Had First Death Camps // The Times (London). 1965. February 16. P. 18.

³⁴ Миятович имел в виду, что с декабря 1964 г. советская сторона (Демичев) говорила о необходимости встречи Тито и Брежнева.

³⁵ DAMSP. PA. 1965. F. 157. D. 13. Br. 45095. Tepavac – Ambasadi SFRJ u Moskvi. Telegram broj 45095/I U. 10.II.1965

³⁶ DAMSP. PA. 1965. F. 157. D. 13. Br. 45095. UPIN (Blagojevic) – Ambasadi SFRJ u Moskvi. Telegram broj 45095/I U. 11.II.1965. – На самом деле родители М.Н. Михайлова в начале 1920-х гг. были еще детьми.

³⁷ Копия в личном архиве автора: Посольство СССР в СФРЮ. Перевод с сербского языка «Коммунист». Орган СКЮ. 11 февраля 1965 г. Мистика одного хроникера.

³⁸ Цветковић С. Портрети... С. 250.

³⁹ AJ. KPR. II-2 /250. Beograd, 2 marta. Za druga Predsednika. S. 1–2.

⁴⁰ Они готовились со 2 по 10 февраля. В ответ на письмо зам. Генерального прокурора Б. Перовича от 2 февраля зав. Секретариатом Президента СФРЮ Милутинович ответил 3 февраля, что прием будет 11 или 12-го. Впоследствии день был уточнен. Среди материалов, готовившихся для Тито, были только документы о работе прокуратуры и состоянии преступности в стране. (См.: AJ. KPR. II-2 /250: Pro memoria. Povodom 20 godina rada javnog tužilstva). Имелся также справочный материал (без заголовка) от 10 февраля 1964 г. о состоянии преступности в СФРЮ. (Там же.)

- ⁴¹ Расшифрованная запись встречи с прокурорами (первый вариант). (Там же. С. 5–6.)
- ⁴² Возможно, это был Велько Влахович, уделявший в то время особое внимание советско-югославским связям. Его брат в это время служил в Посольстве СФРЮ в Москве и курировал политические вопросы. (Несколько подробнее о миссии В.Влаховича в Москву в начале ноября 1964 г. см.: *Едемский А.Б.* Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России / Ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 272–273; 279–292. – В варианте текста беседы, поданного Тито 22 февраля, слово «Велько» было заменено фразой «когда мне сказали». (Там же. С. 6.)
- ⁴³ Во время редактирования варианта от 22 февраля было заменено на «наглость». (Там же. С. 9.)
- ⁴⁴ Цит.: *Михайлов М.* Лето московское 1964 года. [Париж] С. 3–5.
- ⁴⁵ Борба. 1965. 4.III. С. 1.
- ⁴⁶ Цит. по: *Михайлов М.* Све моје робије // НИИ. 2001. 5.X. Број 2649.
- ⁴⁷ АЈ. КРР. II-2 /250. Prilog 2: Informacija o reagovanju stalnih inostranih dopisnika na izlaganje predsednika Tita u toku razgovora s predstavnicima javnih tužilstva, 5.III.1965. Публикации в западной печати продолжались. См.: President Tito Condemns Djilasism. "Writers Accused of Pushing Dangerous Ideas" // The Times. 1965. March 8. P. 8 и др.
- ⁴⁸ DAMSP. PA. 1965. F. 159. D. 11. Br. 46741. DSIP. 26. februar 1965 godine. Uprava za Istočnu Evropu. Beleška o razgovoru ambasadora Cvijetina Mijatovića sa sovjetskim rukovodiocima.
- ⁴⁹ DAMSP. PA. 1965. F. 159. D. 13. Br. 49152. Ambasada SFRJ u Moskvi (Gorski) – DSIP-у. Telegram broj 250. 10.III.1965.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Пк. 61. Д. 11. Л. 18.
- ⁵¹ Там же. Л. 6.
- ⁵² АВП РФ. Ф. 144. Оп. 26. Пк. 60. Д. 6. Л. 67. Из дневника Пузанова А.М. Запись беседы с Поверенным в делах Финляндии в СФРЮ Т. Кекконеном.
- ⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 25–30. Н.П. Бажан, А.Г. Дементьев, Б.С. Рюриков, А.И. Полторацкий, В.Ф. Чесноков – в ЦК КПСС. 21.VII.1965.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 28. Пк. 66. Д. 13. Л. 49–50. Посольство СССР в СФРЮ. 17 сентября 1966 г. О так называемом «Деле М.Михайлова» (Краткая справка).

**Международный кризис 1968 г. в связи
с событиями в Чехословакии и ситуация
на советско-румынской границе после 21 августа
(по донесениям партийного руководства
Советской Молдавии в ЦК КПСС)**

Abstract:

Stykalin A.S. *The international crisis of 1968 caused by the events in Czechoslovakia, and the situation on the Soviet-Romanian border after August 21st (based on the reports of the Soviet Moldavia's leadership to the Central Committee of the CPSU)*

The article is based on the archival documents, which are cited here mainly for the first time. It deals with the situation of the late August 1968, when the Soviet-Romanian relations were deteriorating due to the stance of the Romanian leadership, who unequivocally did not support the joint action of the five Warsaw-Treaty countries, which had marched in Czechoslovakia on August 21st, 1968.

Ключевые слова: Румыния, советско-румынские отношения, Брежнев, Чаушеску, Советская Молдавия, чехословацкий кризис 1968 г.

В конце 1950-х гг. Румыния воспринималась в Москве как достаточно надежный союзник СССР по Организации Варшавского договора, по излюбленному выражению Н.С. Хрущева, «шагающий в ногу» с другими членами социалистического содружества¹. Не подвергалась сомнению и внутривнутриполитическая стабильность в стране. Жестокие репрессии, предпринятые Г. Георгиу-Дежем и его командой против тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции 1956 г., и усилившиеся преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти были не только призваны запугать недовольных, но и смогли убедить советских лидеров в том, что за Румынию они могут быть спокойны – здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно повторение тех событий, которые произошли в соседней Венгрии в драматические дни «будапештской осени» 1956 г. Весной 1958 г. было принято решение о выводе советских войск из Румынии².

Но через несколько лет советско-румынские отношения уже не были столь безоблачными. Их заметное осложнение произошло в начале 1960-х годов, когда румынская сторона отвергла советские планы экономической интеграции Румынии в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) как мало учитывающие национально-государственные интересы страны, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка к более развитым странам. Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации особенно остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10–13 мая 1963 г.³

Вскоре Н.С. Хрущев лично отправился в Бухарест для выяснения отношений с румынскими коллегами. Его поездка, состоявшаяся 24–25 июня, не была результативна, беседа Хрущева и Дежа прошла в напряженной атмосфере. Позже, в середине октября 1964 г., при отстранении Хрущева ему среди прочего было поставлено соратниками в вину нанесение обиды Георгиу-Дежу своими грубыми выражениями, что, безусловно, не могло не повлиять на дальнейшее развитие советско-румынских отношений. Речь шла о том, что подобный стиль общения с лидерами соцстран может привести к дистанцированию этих стран от СССР, а в конечном итоге к разброду в социалистическом лагере⁴.

Глубина противоречий между СССР и формирующейся румынской национальной моделью социализма оказалась недооцененной советскими лидерами, предпринявшими после отставки Н.С. Хрущева целый комплекс мер, направленных на преодоление наслоений в советско-румынских отношениях. Списывать всё на волюнтаризм и грубость Хрущева, начав политику «с чистого листа», не удалось⁵. Настойчивые попытки теснее пристегнуть Румынию к общей линии советского блока на международной арене оказались безуспешными. Не учитывалось естественное стремление не только коммунистической политической элиты, но всего румынского общества к расширению суверенитета. Но нельзя также сбрасывать со счетов амбиции нового лидера Румынии Н. Чаушеску, его упорное стремление к укреплению режима личной власти внутри страны и повышению внешнеполитического веса ее руководства⁶. Таким образом, внешняя политика Румынии все более отклоняется от общей линии советского блока. Руководство СРР несвоевременно, по мнению Москвы, предприняло шаги по сближению с ФРГ, а летом 1967 г. отказалось порвать отношения с Израилем после «шестидневной войны»⁷. 1 марта 1968 г. делегация румынской компартии демонстративно покинула проходившую в Будапеште консультативную конференцию 67 компартий, посвященную подготовке нового большого совещания компартий. Свой уход она мотивировала невозможностью ведения дискуссий на конференции.

Известно, что ухудшение советско-румынских отношений достигло самой низкой своей отметки 21 августа 1968 г., когда Румыния оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против силового вмешательства СССР и ряда его союзников по Организации Варшавского договора в Чехословакии⁸.

Позиция руководства РКП не была неожиданной для Москвы, ведь оно с самого начала выступало против любого вмешательства во внутренние дела Чехословакии, рассматривая события Пражской весны лишь под одним углом зрения – как движение за расширение национального суверенитета⁹. За считанные дни до вторжения, 15–17 августа, Чаушеску посетил Прагу, выразив поддержку чехословацкому руководству, подвергавшемуся сильному давлению извне. 16 августа был подписан новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи двух стран. Хотя в это время не только в Праге, но и в Бухаресте проявляли известную осторожность, не желая

провоцировать союзников по ОВД активизацией сотрудничества с Западом (особенно в военной области), в Москве существовало стойкое недоверие к румынской компартии, ее представители не приглашались на совещания компартий социалистических стран по чехословацкому вопросу, начиная с первого, дрезденского совещания 23 марта. Ряд внешнеполитических жестов румынского руководства вызвал острое раздражение в ЦК КПСС. Это касается в первую очередь возложения премьер-министром И.Г. Маурером венка на могилу Маннергейма при посещении Финляндии в марте 1968 г.¹⁰ Таким образом, к августу 1968 г. советско-румынские отношения переживали далеко не лучшие времена.

В советском руководстве отдавали себе отчет в том, что в СССР – в первую очередь в Советской Молдавии, но также и в двух областях Украины (Одесской и Черновицкой) – проживало 3-миллионное молдавское (румыноязычное) население, связанное определенными историческими и культурными узами с Румынией и проявляющее стойкий интерес и внимание к происходящему в этой стране. Записки об усилении прорумынских настроений среди молдавского населения, особенно интеллигенции, неоднократно готовились в 1960-е гг. в идеологических структурах КПСС для руководства партии; в конце ноября 1965 г., вскоре после съезда писателей Советской Молдавии, 1-й секретарь ЦК компартии республики И.И. Бодюл докладывал в ЦК КПСС о принимаемых мерах в связи с усиливающимся румынским влиянием на настроения молдавской интеллигенции¹¹. Хорошо понимая, что в условиях острого чехословацкого кризиса в связи с особой позицией Румынии Москва с нетерпением ждет информации о положении дел в Советской Молдавии (где в силу культурно-языковой общности молдавского населения с румынами имелась некоторая почва для прорумынских настроений), Бодюл направил информационное письмо в ЦК КПСС уже 23 августа¹². Наряду с ожидаемыми в Кремле дежурными заверениями о том, что трудящиеся Советской Молдавии с энтузиазмом поддерживают действия, направленные на защиту социалистических завоеваний в братской Чехословакии, и готовы участвовать в любых мероприятиях, служащих укреплению позиций сил социализма в этой стране, в письме содержались конкретные сведения о положении дел на советско-румынской границе. Граница не была закрыта с советской стороны. Август – период отпусков, большое количество советских граждан, отдохнувших на черноморских курортах Румынии и Болгарии, устремилось домой, узнав о событиях 21 августа. В то же время не была задержана и группа румынских туристов, въехавшая в СССР 22 августа¹³. Именно от этих категорий лиц была получена определенная информация о реакции румынского руководства и общества на события вокруг Чехословакии¹⁴. Как докладывал Бодюл в Москву, в Румынии происходила всеобщая мобилизация, регулярные части были приведены в состояние боевой готовности, перед командным составом выступил Чаушеску и потребовал подготовить армию к защите родины¹⁵. По сведениям, поступившим от румынских граждан, въехавших в СССР, военные

приготовления румынских властей на случай советского вторжения расценивались в обществе и даже среди военнослужащих неоднозначно. Хотя доминировала лояльность к правительству и его действиям, многие граждане опасались, что военные приготовления могут спровоцировать Москву и привести к серьезным последствиям для Румынии. Некоторые находившиеся в Советской Молдавии румынские туристы, услышав по радио речь Чаушеску на грандиозном митинге в Бухаресте, восприняли ее как пролог начала войны и в панике заторопились домой¹⁶. В архивах ЦК КП Молдавии хранятся немногочисленные письма ветеранов румынской компартии руководству Советской Молдавии и даже Л.И. Брежневу с критикой своего правительства за националистическую политику, что свидетельствует о существовании на периферии румынского общества просоветских настроений¹⁷.

От румынских туристов поступала информация о продвижении войск СРР по направлению к границе СССР. Советские пограничники в районе Кагула и в других местах наблюдали по другую сторону Прута развернувшиеся работы по созданию оборонительных сооружений в местах пересечения границы железными и шоссейными дорогами. Румынская граница стала охраняться плотно расставленными по всей ее протяженности двойными рядами, чего не наблюдалось за несколько дней до этого. По информации, поступавшей в Кишинев, многие румынские граждане достаточно настороженно воспринимали истерично проводимые мероприятия по укреплению обороноспособности страны, называли действия своего руководства чрезвычайными и авантюристическими¹⁸.

В ЦК КП Молдавии внимательно следили за румынской прессой. В записке Бодюла от 23 августа говорилось о злостном антисоветском характере румынской пропаганды. В ЦК КП Молдавской ССР было принято решение не только ограничить выезд в Румынию советских граждан по туристическим и частным визам, но и задержать доставку подписчикам в Советской Молдавии румынских, а также югославских газет. На румынские издания существовала довольно большая подписка в Советской Молдавии. И.И. Бодюл в своих письмах в Москву, прося разрешения на формирование в Кишиневе более разветвленной системы печатных изданий на молдавском языке, всегда аргументировал свою просьбу тем, что только создание в Советской Молдавии многих своих собственных, в том числе молодежных, развлекательных изданий, снизит интерес к румынской прессе¹⁹. Между тем, после 21 августа 1968 г. именно в деле доставки молдавским подписчикам румынских изданий произошел наиболее осязаемый «прокол» с точки зрения интересов советской политики. Кишиневское почтовое ведомство жаловалось команды не только от ЦК компартии республики, но также из центра, от министерства связи СССР. Такая команда не поступала, и это естественно, ведь в Москве в конце августа 1968 г. было не до молдавских подписчиков на румынские издания²⁰. А потому румынские газеты, содержавшие острую критику советского руководства, продолжали исправно поступать к многочисленным молдавским подписчикам около трех недель, и значительная

часть молдавской румыноязычной интеллигенции в своем стремлении преодолеть дефицит и односторонность информации о крупномасштабном международном кризисе черпала сведения из румынской прессы и, соответственно, находилась под явным влиянием румынской официальной интерпретации чехословацких событий. Даже некоторые партийные политинформаторы, как явствует из документов, использовали, выступая перед широкой публикой, версии румынских газет, не менее тенденциозные, но дополнявшие картину событий новыми деталями²¹. Впоследствии это стало предметом серьезного разбирательства на заседании бюро ЦК компартии Молдавской ССР²². К тому времени, когда были приняты реальные меры по задержанию доставки молдавским подписчикам румынских изданий, в румынской прессе стихает волна критики СССР, что совпало с первыми отчетливыми шагами румынского руководства, направленными на смягчение напряженности в отношениях с СССР. Показательно, что уже в середине сентября 1968 г. цензурное ведомство СССР – Главлит снимает временно наложенные в конце августа ограничения на доставку румынской прессы в свободную продажу и читальные залы советских библиотек²³.

Советские граждане, возвращавшиеся из Румынии, говорили о том, что на них нередко просцировалось недовольство румынских граждан политикой СССР: звучали оскорбительные выпады, ухудшилось качество обслуживания²⁴. Хотя никаких планов силовых действий в отношении самой Румынии не было, акция 21 августа, конечно же, усилила напряженность и взаимное отчуждение, не способствовала улучшению взаимопонимания народов двух стран. Интереснее, однако, другое. И.И. Бодюл докладывал в Москву о хорошей информированности в Румынии о происходящем в Советской Молдавии: «Каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями»²⁵. В Румынии знали, в частности, о мерах по мобилизации и призыву на военные сборы солдат и офицеров запаса, о поставке автотранспортной и дорожно-строительной техники из народного хозяйства республики в войсковые части Одесского военного округа²⁶. В Советской Молдавии также в свою очередь знали о настроениях ближайших соседей, в том числе о пассивности крестьянства в те напряженные августовские дни. Таким образом, связи людей по обе стороны Прута не прекращались и в моменты обострения двусторонних отношений. И.И. Бодюл докладывал в Москву о принимаемых мерах по разъяснению трудящимся Советской Молдавии сути происходящих событий, об организации постоянного контроля за настроениями людей, проживающих вдоль границы²⁷. В его письме от 23 августа ставился также вопрос о необходимости более широкого использования республиканских СМИ в целях усиления политического влияния на Румынию²⁸. Вообще проблемы пропаганды и взаимного политико-идеологического влияния в условиях обострившихся советско-румынских отношений

находили постоянное отражение в документах, направлявшихся из Кишинева в Москву. 29 марта 1968 г. И.И. Бодюл писал председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину: «В последнее время население Молдавии подвергается особенно усиленному идеологическому воздействию извне»; «географическое расположение республики, находящейся в радиусе действия мощных радиотрансляционных центров западных держав, позволяет беспрепятственно принимать их передачи, многие из которых специально предназначены для обработки населения Молдавской ССР»²⁹. Румынская сторона установила вблизи советской границы ряд мощных ретрансляторов радио и телевидения, в результате, например, в г. Бельцы передачи румынского телевидения принимались более четко, нежели передачи из Кишинева. Если применительно к лету 1968 г. можно говорить о пропагандистской войне между СССР и Румынией, следует подчеркнуть, что в этой войне румынская сторона была более инициативной и наступательной.

Вместе с тем румынское население также проявляло, особенно в конце августа, немалый интерес к радиопередачам из Советской Молдавии, поскольку видело в них немаловажный источник получения информации о реальных планах СССР (это подтверждают высказывания туристов из Румынии, находившихся в августе 1968 г. в СССР³⁰). В целях усиления политического влияния на румынское общество в духе официальной советской позиции радио и телевидение республики были заняты в основном передачей на румынском языке сообщений ТАСС, редакционных статей «Правды». Можно предполагать, что ознакомление румынской аудитории с официальными заявлениями СССР, в которых не содержалось прямых угроз в адрес Румынии, в некоторой мере способствовало прояснению позиций и снижению паники в румынском обществе. Впрочем, к середине сентября пропагандистская война прекратилась, с обеих сторон были сделаны шаги к взаимному сближению.

Итак, при всей политико-идеологической заданности такого источника, как письма местных парторганизаций в ЦК КПСС, при всем обилии дежурных фраз, призванных заверить центр в благополучии положения в республике, продемонстрировать лояльность ее партийной и интеллектуальной элиты официальной линии СССР, записки руководства парторганизации Советской Молдавии в ЦК КПСС дополняют некоторыми новыми деталями наши представления о ситуации на границе СССР и Румынии в условиях острого чехословацкого кризиса 1968 г., о предпринимавшихся мерах по ослаблению румынского, «диссидентского» влияния на общество Советской Молдавии, о роли и месте руководства Советской Молдавии в реализации советской политики на румынском направлении.

Примечания

¹ Во время встреч с югославскими руководителями в сентябре 1956 г. Н.С. Хрущев поучал их: «По-вашему выходит, что только вы одни правы, а все другие неправы.

У русских по этому поводу есть поговорка: когда солдату сказали, почему он нарушает строй, идя не в ногу, то солдат ответил, что он идет в ногу, а вся рота идет не в ногу. Если вы хотите идти в ногу с другими странами народной демократии, то вы должны перестраиваться». К. Попович, госсекретарь по иностранным делам ФНРЮ, а в прошлом известный генерал Народно-освободительной армии Югославии, бросил реплику: «Это правильно, но надо подумать, кто рота, а кто солдат». См. записку для Президиума ЦК КПСС «О беседах тов. Н.С. Хрущева с тов. Тито и другими югославскими руководителями, состоявшихся в Югославии и Крыму в сентябре–октябре 1956 г.»: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 4.

² В соответствующих документах отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывается необходимостью ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны. Для СССР вывод своих войск из Румынии явился составной частью пакета мер по разоружению, адресованных в это время Западу. При принятии решения учитывалось, что Румыния окружена только социалистическими странами, включая внеблоковую Югославию, которая не рассматривалась как потенциальный военный противник. Важно заметить, что вывод советских войск из Румынии был синхронизирован с принятием мер по усилению обороноспособности ее армии, а также с предоставлением румынскому правительству долгосрочного кредита. Вывод советских войск из Румынии явился акцией, призванной иметь прежде всего политико-пропагандистский эффект. В Декларации Политического Консультативного Комитета Организации Варшавского договора (ОВД) от 24 мая 1958 г. он был подан как новое доказательство миролюбивой политики социалистических стран. Как известно, советские войска были выведены из Румынии в июне–июле 1958 г. Подробнее см.: *Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953 – 1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. М., 2010. С. 371–392.*

³ Подробнее см.: *Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 367–398.*

⁴ Как говорил М.А. Суслев на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г., «линию нашей партии в международных вопросах мы считаем правильной. Но не надо закрывать глаза на то, что у т. Хрущева бывали выступления, когда он совсем некстати становился в позу этакого наставника, он весьма любил поучать руководителей братских стран в тех случаях, когда этого совершенно не требовалось. Например, едет за границу и поучает там, как сеять кукурузу, как получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Зачем это делать? И это делалось там, где урожай часто значительно выше, чем у нас. Это же обижает товарищей. Такая бестактность была допущена почти публично, например, в отношении румынских товарищей. Это же не может не обижать руководителей братских партий. Это – люди опытные и закаленные, они не нуждаются в таких неуместных советах»: Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 13. – См. также краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г.: «зачем вам нужно Дежу

говорить обидные слова?» (Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 865).

⁵ См. материалы, связанные с поездкой нового лидера румынской компартии Н. Чаушеску в Москву (сентябрь 1965 г.): *Anton M. Limitele suveranității. Vizita lui Nicolae Ceaușescu la Moscova, septembrie 1965* // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2002. № 3–4. P. 206–227.

⁶ В 1965–1966 гг. с румынской стороны на заседаниях Политического Консультативного Комитета ОВД выдвигались требования о пересмотре механизмов принятия решений в рамках ОВД и, в частности, о реальном приобщении союзников СССР к выработке любых планов, связанных с применением стратегического оружия. Это требование было, однако, совершенно неприемлемым для советского руководства. См.: *Kramer M. The «lessons» of the Cuban Missile Crisis for Warsaw Pact Nuclear Operations* // *Cold War International History Project Bulletin*. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Issue 5. Spring 1995. P. 113.

⁷ *Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967* // *Revista Istorică*. București, 2007. № 3–4.

⁸ 21 августа 1968 г. на совместном заседании ЦК румынской компартии, Госсовета и правительства Румынии ввод войск ряда стран-союзниц по ОВД в Чехословакию был назван «гэжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права» (*Scînteia*. 1968. aug. 22). Днем 21 августа Чаушеску выступил на грандиозном митинге в центре Бухареста, заверив собравшуюся многотысячную публику в своем стремлении отстаивать суверенитет Румынии. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти.

⁹ Пражские реформаторы по меньшей мере неоднозначно воспринимали проявления солидарности со стороны режима Чаушеску. Как заметил в августе 1968 г. в беседе с советским дипломатом один из них, журналист «Руде право» Моц, последовательным сторонникам демократических реформ «неприятна подчеркнутая солидарность руководства Румынии, где в вопросах внутренней политики существует такое же положение», как в Чехословакии до начала реформ (Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 851). Руководство ЧССР, не желая давать официальной Москве нового повода для недовольства, долгое время дистанцировалось от «диссидентской» Румынии и только в августе, перед лицом непосредственной угрозы силового вмешательства со стороны союзников в свои внутренние дела, сделало шаг к сближению с Румынией (а также Югославией), вероятно, надеясь, что согласованная позиция трех стран затруднит политику диктата со стороны СССР и ОВД.

¹⁰ Возложение венка было мотивировано тем, что будущий маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм в годы Первой мировой войны в качестве военачальника русской армии одно время сражался с германскими и австро-венгерскими войсками именно на румынском фронте, в Буковине. Как бы там ни было, в Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне негативно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с возложением венка на могилу Маннергейма, назвав это актом явно недружественным СССР. См.: *Căițămuș A.–M. Tensiune în*

relațiile româno-sovietice în anul "Primăverii de la Praga" // Arhivele Totalitarismului. București, 2006. № 1–2. P. 228–229. – См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. – Факт возложения венка на могилу Маннергейма был широко использован в СССР в политико-пропагандистской работе, направленной на то, чтобы доказать ущербность особой позиции Румынии в советском блоке. Так, в отчете о разъяснении трудящимся Молдавской ССР текущего момента (середина лета 1968 г.) содержалась следующая дежурная фраза: «Трудящиеся республики очень остро реагируют на непоследовательность политики руководителей румынской компартии по некоторым вопросам международной политики, взаимоотношений с нашей страной и странами социалистического лагеря. Особый гнев и возмущение вызвал у молдавского народа факт возложения венка на могилу Маннергейма правительственной делегацией Румынии во главе с Маурером». См.: Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău) (далее – АОСПРМ). F. 51. In. 29. D. 97. F. 89.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

¹² АОСПРМ. F. 51. In. 29. D. 97. F. 103–106. Кстати, аналогичные письма с отчетами о ситуации в подведомственных регионах посылали в ЦК КПСС и руководители других партийных организаций. См., например, информацию первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина от 21 августа 1968 г.: Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. С. 866–870.

¹³ Информацию о работе с этой группой см.: АОСПРМ. F. 51. In. 29. D. 102. F. 43–50.

¹⁴ Из литературы на русском языке см.: *Марьина В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала "Soudobé dějiny") // *Славяноведение*. 2008. № 3.

¹⁵ См. о ситуации в Румынии после 21 августа 1968 г.: *Retegan M.* In the Shadow of the Prague Spring. Romanian Foreign Policy and the Crisis in Czechoslovakia, 1968. Iasi, 2000; *Otu P.* Romania and the Invasion of Czechoslovakia by the Warsaw Pact // *Historical Yearbook*. Vol. II. București. 2005, pp. 29–38; *România și Primăvara de la Praga*. Ed. D. Cătănuș. București, 2005.

¹⁶ АОСПРМ. F. 51. In. 29. D. 102. F. 43–50.

¹⁷ Ibid. D. 97. F. 173–176.

¹⁸ Ibid. F. 103–106.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

²⁰ Задуманная акция по приведению к власти в Чехословакии так наз. «здоровых сил» полностью провалилась, пришлось сажать за стол переговоров А. Дубчека, О. Черника, Й. Смирковского и ряд других неприемлемых для руководства СССР деятелей КПЧ, в ночь на 21 августа силовым путем отстраненных от власти.

²¹ АОСПРМ. F. 51. In. 29. D. 28. F. 32.

²² См.: *Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia / Introduction, translation and annotation by M. Kramer* // *Cold War International History Project Bulletin*. Issue 12/13. Washington, 2001. P. 326–333.

²³ В сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) о выступлениях зарубежной прессы с 26 августа по 8 сентября 1968 г. отмечается: «Сейчас тон румынской печати резко изменился, и последние номера газет СРР в основном пропускаются в продажу беспрепятственно», чего не было в первые дни

после военного вторжения стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125. – Тем не менее в записке «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», подготовленной в аппарате ЦК КПСС и рассмотренной 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, говорилось, что «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов «патриотической гвардии» в целях «отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии»» (Цит. по: Улунян Ар.А. Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е годы XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и сообщества. М., 2010. С. 184–185).

²⁴ AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 102. F. 51–56.

²⁵ Ibid. D. 97. F. 104–105.

²⁶ О некоторых мерах, принятых партийным руководством Молдавской ССР в условиях чехословацкого кризиса 1968 г., и реакции на них населения см.: *Стыкалин А.С.* Советская Молдавия: восприятие «Пражской весны» и особой позиции Румынии во время чехословацкого кризиса // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 125–137. – В период военных сборов, проходивших летом 1968 г., в документах были зафиксированы панические слухи в связи с грядущей якобы войной, в г. Бельцы в магазинах было раскуплено продовольствие (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 29. F. 239–241).

²⁷ Уже к середине июля 250 пропагандистов провели по всей республике 5 тыс. выступлений с разъяснением линии КПСС. См.: Ibid. D. 97. F. 88–92.

²⁸ Эта инициатива была поддержана в центре. В соответствии с принятым 5 сентября 1968 г. Политбюро ЦК КПСС постановлением «К вопросу о положении в Чехословакии» секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву было поручено рассмотреть вопрос об усилении советской радиопропаганды на социалистические страны с пограничных пунктов территории СССР (Украина, Молдавия). См.: Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. С. 243.

²⁹ AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 19–20. Меры по глушению радиопередач извне, как правило, не были эффективны, что неоднократно отмечалось во внутривнутрипартийной документации 1960-х гг. («Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер»). Из записки секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева в Президиум ЦК КПСС «О заглушении зарубежных радиопередач» от 30 марта 1963 г.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 263. Л. 18–22). Из документов аппарата ЦК компартии Молдавской ССР известно, что жители республики в 1968 г. зачастую узнавали о событиях в Чехословакии и Польше сначала из зарубежных (в первую очередь румынских) источников – радиопередач, телевидения и прессы, а затем уже из советских СМИ (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 29. F. 239).

³⁰ Ibid. D. 102. F. 43–50.

Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля*

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. *Milan Kundera, Václav Havel and the Czech lot*

The article is devoted to the analysis of the M. Kundera and V. Havel polemic over the fate and fortunes of the Czech ethnical identity, Czechoslovakian nationhood and ways of Czechoslovakian society development after the August, 1968. This polemic, together with the Prague Spring reflection, caused broad resonance, and some of its statements are still timely. The acceptability of the paradox of Havel being a spokesman of «the Czech lot» while at the same time being its critic in the polemic was proven.

Ключевые слова: «чешская доля», «чешский вопрос», малая нация, этническая идентичность, оппозиционное движение, «социализм с человеческим лицом», инакомыслие, «режим нормализации».

Судьбой и трагедией чешской истории является непрестанная борьба за этническую идентичность чешского народа и свою (на протяжении жизни одного поколения – с 1918 по 1992 гг. – чехословацкую) государственность. Чешский народ, в силу исторических особенностей развития своих земель, на протяжении всей истории стремился укреплять свою культуру и формировать собственную государственность, причем платил порой за это весьма и весьма высокую цену. В данном ракурсе можно рассматривать ключевые фигуры чешской истории, начиная со Святого Вацлава (907–935) и завершая недавно ушедшим из жизни Вацлавом Гавелом (1936–2011). Особенностями этих, равно как и других, знаковых фигур является опора на национальную традицию в поиске своего места в мире с учетом того, что это место находилось в поле взаимных столкновений более крупных государственных образований.

Следует подчеркнуть, что в этом плане голос представителей чешского народа приобретал особенно сильное звучание. Это касается призывов к вечному миру короля Иржи из Подебрад (1420–1471), высказанных им впервые в мировой истории, реформатора Яна Гуса (1371–1415), великого дидакта моравянина Яна Амоса Коменского (1592–1670) и др. С конца XVII и до XIX вв. голоса подобного рода практически не приобретали общеевропейского звучания; чешское национальное возрождение вновь поставило проблему государственного статуса малой нации с опорой на ее этническую идентичность. XX век – время ее решения на практическом уровне в ходе организации чехословацкого государства политиком и ученым, «философом на троне» Томашем Гарригом Масариком, зачастую трагических его трансформаций, а на исходе этого столетия появления государства уже лишь чешского.

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Данные общие соображения высказаны с тем, чтобы с учетом широких исторических контекстов проанализировать полемику двух всемирно известных представителей чешского народа – писателя М. Кундеры и драматурга и государственного деятеля В. Гавела. Цель статьи – показать, что достаточно острое столкновение мнений Кундеры и Гавела по поводу «чешской доли»^{*} не столь однозначно в своих результатах, как может показаться на первый взгляд. Анализ их полемики значим как в культурологическом аспекте, так и в плане истории государственного строительства, на что обычно обращается меньше внимания. Парадокс полемики заключается в том, что Гавел, отрицавший на словах «чешскую долю», явился по сути ее выразителем, а Кундера с конца 1960-х гг. стал избегать политических заявлений и даже оценок (правда, они латентно присутствуют в его приобретенных всемирную известность романах).

Траектория отношений Гавела и Кундеры длительна и крайне противоречива. Начались они в середине 1950-х гг. одобрением художественной и литературно-критической активности молодого Гавела старшим и уже признанным писателем: в 1956 г. он содействовал принятию 20-летнего писателя в члены творческого союза¹, а закончились во втором десятилетии нового века защитой Гавелом доброго имени Кундеры от обвинений в сотрудничестве с органами госбезопасности в 1950-е гг.² Кульминацией же этих отношений явилась идейная конфронтация по вопросу о судьбах чешской этнической идентичности и чехословацкой государственности в тяжелейшие для страны времена «нормализации», равно как и относительно перспектив социалистической идеи в будущем с учетом того, что именно в 1968 г. она впервые явила «человеческое лицо». Данная полемика получила широкий резонанс, а ряд ее положений вплоть до сегодняшнего дня не потерял своей остроты³.

Фактически речь шла о смысле «чешской доли» – призвании малой (по слову Т.Г. Масарика) нации к сохранению своей идентичности через создание присущей именно ей государственности, идея которой задает ориентиры поведения своим гражданам. Кундера считал при этом, что чешский народ (а опосредованно и чехословацкая государственность) дает уроки выживания через сохранение своего призвания путем жертвенности; Гавел же придерживался убеждения, что достаточно принять уже устоявшиеся формы социальной и политической жизни на Западе, чтобы сохранить свою идентичность.

В декабре 1968 г. в Праге в периодическом издании «Листы» (Listy. 1968. № 7–8) появилось эссе писателя М. Кундеры «Чешская доля» с размышлениями о крушении обнадеживающей Пражской весны и наступлении тревожной осени. Несмотря на то, что цензура в это время еще не развернулась в полной мере, эссе написано нарочито усложненным языком. Кундера начинает его повествованием о том, как в первые дни оккупации, 24 августа 1968 г., он просматривал книгу «О государстве чешском», написанную

^{*} Чешский термин «údel» иногда трактуется в русском языке, как «судьба», что не совсем правильно, так как «судьба» имеет достаточно точный чешский аналог – слово «osud».

в 1633 г. Павлом Странским (1583–1657) – чешским писателем, политическим деятелем и историком, принадлежавшим к общине Моравских братьев и выступавшим за независимость Чехии в сложнейшие времена усиления власти Габсбургов. Уже тогда у носителей чешской государственности возникал вопрос: является ли Чехия союзницей немецкой (Священной Римской) империи либо же она – всего лишь ее вассал. Ответ на него Кундеры, возвращавшего своих современников к сложнейшей истории первой трети XVII в., сводится к тому, что Чехия не являлась ни служанкой, ни подопечной, несмотря даже на признание с 1627 г. здесь власти Габсбургов здесь наследственной. Похожие ситуации повторялись в чешской истории, приобретавшей трагические черты в XX веке, – достаточно вспомнить 1938, 1948 и 1968 гг.

Кундера привел следующие слова Странского: «И если в полной мере допустить, что немецкие кайзеры имели и имеют подлинное верховенство над Чехией, а чехи не желают им повиноваться, то им не следовало бы направлять против отказывающихся в повиновении насилие и оружие, а использовать присущие власти права. Ведь в них принято следующее: кто насилием добывается того, что ему принадлежит, игнорируя положения права, тот теряет всякое право, которое было ранее; и далее – он не должен использовать давление там, где можно действовать в соответствии с законом... как только оказывалось, что одна из сторон преступила эти границы, – то есть, когда один из друзей стал сильнее другого, союз нередко уподоблялся дружбе со львом – был открыт путь враждебности... Ведь чехи предпочли бы находиться на каком угодно месте среди народов самобытных, нежели занимать первое место в ряду усердных подопечных, связанных между собой блестящим прислужничеством»⁴.

Кундера перебрасывает мост между констатациями Странского и ситуацией, сложившейся 155 лет спустя, когда самостоятельное существование Чехословакии было поставлено под угрозу, как это произошло и в 1938 г. И все же он не выражает сомнений в бесконечности чешской истории «с ее “вечной” проблематикой, с тем же непрекращающимся спором между союзничеством и суверенитетом, с той же непрекращающейся верой в достигаемость и недостижимость суверенитета и постоянной борьбой за него»⁵, равно как и в том, что это борьба велась и в августе 1968 г. Об этом свидетельствовали доносившиеся до Кундеры звуки выстрелов, которые показывали: в стране снова, хотя уже и по-иному, вершилась извечная чешская доля («český úděl»).

Вновь вводимая Кундерой метафора корреспондировала с другой метафорой Т.Г.Масарика – «чешский вопрос» («česká otázka»), давшая название его труду 1895 года. В нем он призывал славянские народы, проживавшие в центре Европы, проводить самостоятельную политику, без оглядки на мощную (но абсолютистскую Россию) и демократический (но агрессивный в лице Германии) Запад⁶. Кроме того, по Масарику, чешский вопрос имеет смысл лишь тогда, когда станет вопросом мировым⁷.

«Период с 1939 года, – пишет Кундера, – вплоть до недавнего времени не мог наполнять чешскую душу особой гордостью. Убожество, приспособленчество, отсутствие решимости к самостоятельной политике, господство завистливой посредственности, вездесущая грубость – все это пробуждало в нас крайне скептические суждения о чешском характере и бросало суровые отсветы на историю, сформировавшую этот характер»⁸. Чешская доля в это неполное 30-летие связывалась с двумя «социализмами» – национал-социализмом, таким, если воспользоваться словом Странского, «львом», который принципиально не признавал гарантированных прав «низшей» славянской расы, и сталинским социализмом, так и не разжавшим свои тиски ни после 1956 г., ни в первой половине 1960-х гг.

Ответом на данное явление явилась некая «малая ментальность», с которой чехи прошли 1938 и 1948 гг., а также время после XX съезда КПСС (в 1956 г.). Конечно, жизнь не останавливалась, подчеркивает Кундера, но чехи – в отличие от венгров и поляков – не шли на баррикады. Они по-другому отстаивали свою идентичность и, как показала Пражская весна, сумели ее сохранить. Более того, осуществлялись не только малые дела, но появились и шансы реализовать большие надежды. «В нескончаемых беседах дома и за границей я снова и снова приходил к тому убеждению, что нет в мире такого народа, который в подобных испытаниях выстоял бы так, как мы, проявил такую же твердость, мудрость, сплоченность»⁹, – констатирует Кундера. Возможно, чешский народ утратил взаимосвязь с героической традицией булавы Жижки, утверждает Кундера, но присущая ему традиция укрепляла народную образованность и склонность к размышлениям, которые сохранились и сегодня, так что он знает настоящую цену многим вещам.

Далее Кундера проводит сопоставление крупной и малой наций и при-сущих им ментальностей. Значимость крупной нации, по его словам, автоматически обеспечивается численностью ее населения, все же, пребывая в своем величии, она нередко пьянеет от этого. Поэтому культурное и экономическое творчество малых наций (скажем, тех же древнегреческих городов) гораздо более интенсивно, чем творчество великих империй. «Я верю в великую историческую миссию малых наций в сегодняшнем мире, отданном на произвол великим державам, которые пытаются уравнять и пригладить их на свой манер. Малые нации непрерывным поиском и созиданием своего облика ведут борьбу за свою самобытность, стремятся вместе с тем к тому, чтобы земной шар противостоял ужасным единообразным влияниям, чтобы сияла пестрота традиций и образов жизни, чтобы на нем мог находиться родной дом для человеческой личности с ее особенностью и неповторимостью»¹⁰, – утверждает писатель. В данном утверждении скрыто звучат самые разные ноты, включая отсылки к апологии малых наций Т.Г. Масарика и к «Мифу о Сизифе» А. Камю. Важнее другое: как Кундера соотносит миссию малой нации с чешской долей.

Борьба за идентичность малой нации не прекращалась, достигнув к 1968 г. одной из своих кульминаций. Чешская доля при этом, по убеждению

Кундеры, оказалась связанной с обновлением социализма¹¹. Об этом едва ли не впервые было громко заявлено в июне 1967 г. в речах на IV съезде чехословацких писателей, на котором выступали и Кундера, и Гавел¹². На съезде отсутствовало единодушие, но реформаторские импульсы от дискуссий на нем лишь нарастали, что в итоге вылилось в отмену цензуры и создание Круга независимых писателей, председателем которого в апреле 1968 г. был избран В. Гавел¹³.

В Чехословакии в этот период в более широких контекстах проявлялась «попытка создать наконец-то (и впервые в его мировой истории) социализм без всеислия тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, с общественным мнением, которое выслушивается, и с политикой, которая на нем базируется, со свободно развивающейся современной культурой и с людьми, у которых исчез страх, – это была попытка, благодаря которой чехи и словаки впервые с конца Средневековья оказались снова в центре всемирной истории и адресовали свой призыв человечеству»¹⁴. Чешская доля, по словам Кундеры, в этот кульминационный момент заключалась в том, что в Чехословакии были предприняты попытки показать остававшиеся неиспользованными в социалистическом проекте демократические возможности и развить их посредством освобождения начал политической самобытности. Более того, Кундера убежден, что этот исходящий из Чехословакии вызов по-прежнему сохранял силу в XX веке и значимость для мира завтрашнего.

Остается – с учетом временной перспективы – ответить на вопрос: касается это краткосрочного или длительного периода? Вряд ли, на мой взгляд, следует выбрать первый. Кундера даже в рамках данного эссе говорит о медлительности созревания нового менталитета чехов как малой нации и даже противопоставляет ее «негероизм и неромантизм» горячности других малых наций, не приписывая ей при этом «опасности непробуждения». И в этом плане отложенный исторический оптимизм Кундеры может быть оправданным. Надо отметить, что он сам выражал опасения, не исчезнет ли этот оптимизм раньше, чем появятся новые надежды, не растянутся ли времена уступок на десятилетия.

И все же даже в самой постановке Кундерой следующих вопросов: имела ли что-либо гарантированное чешская нация, будучи обреченной, если вспомнить Павла Странского, на жизнь «в дружбе со львом»? Не проходила ли она в течение столетий по шаткому мосту между суверенностью и подданством, между мировым значением и провинциальностью, между бытием и небытием? – содержатся возможности отрицательных на них ответов. Сегодня, по его мнению, не существует достаточно гарантий, чтобы снова не оказаться в ситуации маразма, цензуры и политических процессов. А поэтому и призывы к чехам и словакам за рубежом вернуться на родину не обещают полной уверенности в безопасности, но при ускоряющейся миграции и упомянутом невозврате данная ситуация наступит скорее.

Заметим в скобках, что возвращение на родную землю героя романа Кундеры «Невыносимая легкость бытия» вовсе не оправдало его ожиданий.

Правда, носителям чешской доли всегда было нелегко, и это бремя представителей именно малой нации. Для сохранения своей идентичности представителям малой нации нужно оставаться в своей стране: такова логика Кундеры. В любом случае следует сохранять трезвость взгляда и обнадеживающий критицизм. «Мне, – продолжает писатель, – всегда импонировала в чешском патриотизме трезвость взгляда. Еще представители возрождения осознавали всяческого рода невыгоды, вытекавшие из доли быть чехом, и пробуждение чешской нации не было для них только целью, но также и проблемой. Крупнейший чешский патриот начал свой путь с того, что развенчал патриотические иллюзии и мифы, а свою книгу назвал весьма показательно: “Чешский вопрос”. В основе чешского патриотизма лежит не фанатизм, а критицизм, именно это и импонирует мне в моем народе, за это я его люблю»¹⁵. Критицизм – вот противоядие от возможных бед.

Характеризуя одни стороны чешского критицизма, Кундера далее считает, что из него может возникнуть даже прихоть бессмысленно отбрасывать любую надежду; это критицизм слабых, вырождающийся в пессимизм и подготовку поражения. Ему противопоставляется истинный критицизм, не увлекающийся крайностями ни пессимизма, ни оптимизма; критицизм, разоблачающий иллюзии и показную уверенность; критицизм, ориентированный на силы и ценности будущего. «Этот критицизм, который породил всю чехословацкую весну, а осенью противостоял нападкам лжи и иррациональности, не является собственно достоянием какой-то элиты, но, как выяснилось, самым большим достоинством всей нации»¹⁶, – полагает Кундера. Как раз такой критицизм помогает сохранить национальную идентичность и зародыши подлинной государственности. Именно за ним будущее, завершает он свое эссе.

На указанный выше критицизм, который можно трактовать и как отложенный исторический оптимизм Кундеры относительно судеб чехословацкой государственности и чешской доли по-своему ответил Гавел и ответил, можно даже сказать, шквалисто. Более того, чтобы придать силу и весомость своему нападению, он добавляет к названию эссе Кундеры восклицательный знак, а в название своего – знак вопросительный. Ответ Гавела, появившийся в журнале «Тварж» (1969. № 2), содержал совершенно иное видение чешской доли и перспектив государственности Чехословакии. Это голос политического бойца, который доказывает необходимость активных действий в противостоянии оккупации страны под новыми лозунгами, принципиально расхоронившимися как с платформой социализма в целом, так и с социализмом «с человеческим лицом». «Кундера, – пишет Гавел, – столь превозносит в чешском патриотизме то (о чем он косвенно дает понять), что присуще и ему самому, – то есть заметное отсутствие как раз этого им упоминаемого критицизма в его рассуждениях; посему и его выводы (речь идет о статье “Чешская доля!” в рождественском номере журнала “Листы”), к сожалению, восходят, несмотря на всю их рассудительную мудрость, все к той же традиции самозавораживающего возрожденческо-патриотического миража, от которого автор статьи столь энергично отстраняется»¹⁷.

Пафос и смысл опровержения критицизма, даже истинного, в том, что он якобы ведет к бездействию. Для Гавела таковое принципиально неприемлемо в деле сохранения этнической идентичности чехов, что особенно трудно после, увы, очередного вторжения чужеземных войск. Сейчас, обращается он к аллюзии на 1948 год, февраль, и каждое обращение к августу, маскируя февральские проблемы, переворачивает смысл того, что подразумевается под «августом». Чтобы не утратить последние остатки того преобразовательного времени, нужно прямо вступать в конфронтацию с целью их сохранения сегодня. «Было во всем этом все же – вспомним хорошенько! – нечто большее, чем несогласие с военной интервенцией, – это являлось одновременно своего рода неофициальным всенародным референдумом о том, какими должны быть отношения в стране; было это также огромное взаимное обещание, что от определенных ценностей мы никогда не отступим!», – восклицает он. Поэтому-то, по логике Гавела, возврат к прошлому должен предстать как призыв активно жить в настоящем, избегая критицизма, вырождающегося в исторический пессимизм.

Гавел требует действий, а не ощущений и оценок; линия активного поведения, идущая от его выступлений в августе по радио в г. Либерец против вторжения войск стран Варшавского договора, должна быть продолжена. Особенно после того, как с передовых позиций уходили коммунисты-реформаторы, а идея «социализма с человеческим лицом», еще в июле 1968 г. признававшаяся Гавелом настоящей потребностью современного мира¹⁸, теряла свою привлекательность.

Проще говорить, продолжал Гавел, хороши чехи были до августа и великолепными в августе, но нужно всматриваться в то, кем они стали сегодня, что нужно делать, чтобы соответствовать ранее завоеванным заслугам. Нужно не только быть готовыми к действию, но и действовать – лишь тогда возможен истинный критицизм.

Кундера же, как предполагает Гавел, свою позицию симулирует. Ибо, вопреки его убеждению, после августа 1968 г. «не устояло» главное – под угрозой оказались свобода слова и свобода собраний, политика, находившаяся в период Пражской весны под общественным контролем, а также истинно демократический способ правления. Правда, после августа 1968 г. за взгляды пока что не сажали, идет федерализация, скауты не распущены, замечает он с иронией. Но ведь отсутствуют легальный политический плюрализм, последовательная экономическая перестройка, суверенная внешняя политика, не оправдалась надежда на моральное и трудовое возрождение народа. «А если не устояло все это, – спрашивает он, – то может ли устоять в будущем упомянутая степень уверенности в правах, которая у нас пока что еще имеется? Или, может быть, чувство уверенности усиливается фактом, что те, от имени которых были арестованы высшие конституционные деятели и которые составляли списки людей, предназначенных для преследований, сегодня снова заняли высшие государственные посты и принимают решения о нас – помимо воли всей нации?»¹⁹.

Гавел не только ставил такого рода вопросы, но и предпринимал действия. Он давал интервью и продолжал писать пьесы, редактировал обновленный журнал «Тварж» («Облик»), не считаясь с предостережениями властей, продолжал руководить Кругом независимых писателей. Но уже в ноябре 1968 г. органы службы безопасности вмонтировали в его доме подслушивающее устройство²⁰, прекратились постановки его пьес, его лишили загранпаспорта и даже привлекали к допросам. Гарантии успешности подобного рода действий таяли, а совокупная решимость проявить свою позицию, пойти на конкретную и опасную акцию ослабевала. Но она не исчезала полностью, порождая новые риски.

Пессимизм же, присущий идее «чешской доли», содержит отказ от возможности реальной борьбы и где-то глубоко скрывает безнадежность, сдерживает жесткое вмешательство в открытое настоящее. Это, согласно Гавелу, своего рода исторический фатум, однако чехи и сейчас сами должны быть творцами своей судьбы, избегая эгоистических уловок, апеллирующих к географическому положению, столетней участи балансирования между суверенностью и подчинением. Не для того часть нации, включая и Кундеру, завоевывала в жестком противостоянии другой части свое достояние в акте выбора результат решительных действий, чтобы ограничиваться узами некой национальной доли. Гавел убежден, что «наша доля зависит от нас. Мир не состоит из глупых великих держав, которые могут все, и умных малых наций, которые не могут ничего, – даже если очень удобно представлять себе именно это». «Но ведь, – продолжает он, – случившееся произошло не потому, что мы чехи, что чехи всегда должны страдать от своих соседей (это ведь их “чешская доля”), но по совершенно иным, более конкретным причинам. Сводить все к фатуму “чешской доли” означает уводить ее от истинных причин нынешней ситуации в Чехии, равно как от истинных возможностей ее решения, уходить от неприятной обязанности подвергать критической рефлексии свои различные идеологические догмы, предрассудки и иллюзии; означает развязать конкретную историческую ответственность реальных исторических личностей в непостижимом космосе всеобщих исторических параллелей и абстрактных взаимосвязей»²¹.

Этническая идентичность и стремление сохранять соответствующую ей государственность – это повседневная ответственность, так можно было бы резюмировать позицию Гавела. И – свобода от иллюзий, причем, в первую очередь, в отношении недавнего прошлого. Он не приемлет кундеровской конструкции, согласно которой чехи якобы вошли впервые с конца Средневековья в центр мировой истории, ибо вели борьбу за социализм без всемогущей тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, а их эксперимент нацеливался на отдаленное будущее всего человечества. Сарказм Гавела по поводу такого социализма доходит до крайности, ибо, по его убеждению, та же свобода слова для большинства цивилизованного мира – само собой разумеющееся явление, а своеволие тайной полиции в нем изжито. Если этого не знать, то можно оказаться в роли, по его слову, самовлюбленных

простаков с присущим им провинциальным мессианизмом. «Свобода и законность, – пишет Гавел, – являются первейшим условием нормального и здорового функционирования общественного организма; если же какое-то государство после длительного периода отсутствия таковых попытается их восстановить, оно не делает ничего исторически грандиозного, а просто стремится устранить собственные ненормальности, то есть нормализоваться; причем данное правило сохраняет силу независимо от того, называет ли себя государство социалистическим или нет»²².

Кундера говорил о нормализации по демократическому образцу, не прибегая к этому весьма непростому слову, как возможной цели сохранения чешской идентичности и развития чехословацкой государственности. Гавел же данное слово произнес внятно, считая, правда, что соответствующая политика невозможна без устранения «ненормальностей». Надо подчеркнуть, что в полной мере потенциал слова «нормализация» был задействован Г.Гусаксом после крушения Пражской весны – в явном противоречии с концепциями двух великих чехов.

Не меньше претензий предъявляет Гавел и к социализму – не только как принадлежности к «чешской доли», но и надежде человечества, правомерно утверждая: если уж таковой провозглашается, то должны устраняться угнетение человека, распад общества, а не возводиться бессмыслицы, трактуемые в качестве весомого вклада в историю. Он пишет: «Итак, заключение: если бы мы исходили из представления, которое нам наметил Кундера, а именно: маленькая, неразумно расположенная, достойная, интеллигентная, мучаемая и на мученичество осужденная Чехословакия стала своими собственными стараниями важнейшей точкой Вселенной, за что ее злые соседи, которых она себе вообще-то не выбирала, жестоко наказали, так что ей сегодня остается единственно духовное (и, конечно, втайне возвращенное) преимущество над ними – если бы нам, следовательно, пришлось бы исходить из этого китчевого представления о своей “доле”, то мы не только весьма быстро отошли бы от всех традиций критицизма (не только чешского, но и любого иного), но, скорее всего, впали бы в национальный самообман; все это могло бы парализовать нас – как национальное сообщество – на целые десятилетия»²³.

Этими типично многосмысленными словами заканчивается ответное эссе Гавела, получившее широкий резонанс. Тем более, что до такого полемического пафоса в своих дальнейших работах Гавел, по оценке чешского исследователя Д.Кайсера, не доходил, а в чем-то выстраивал дальнейшую линию своего поведения по лекалам, задаваемым как раз Кундерой²⁴. Не случайно полемика Кундеры и Гавела явилась предметом дальнейших дискуссий, стали появляться ее переводы на разных языках, а в 2007 г. она была полностью перепечатана газетой «Литерарне новины».

Вскоре в печати появилось ответное эссе М. Кундеры «Радикализм и экзигбиционизм», опубликованное в издании «Гост до дому» (1968–1969. № 15). Оно сразу же показало, что Гавелу удалось обострить спор об

альтернативах развития чехословацкого общества после августа 1968 г. Кундера еще и еще раз повторяет ту мысль, что чехам суждено было жить между двух «львов». Но при этом «они создали из отношений к двум противоположным культурам собственную самобытность, свою “чехословацкую идеологию”, которая, декларируя равноправие наций (за девять столетий до французской революции), являлась по своей значимости эпохальной». Социализм же неустрашим из чешской доли и в конце 1960-х, и Кундера в этом плане повторил свои утверждения на съезде писателей в 1967 г., что не нация ради социализма, а социализм ради нации; но это социализм не из Манifestа Маркса или какой-либо международной конференции, а из истории собственного народа.

«Чешская нация, – повторяет Кундера, – всегда являлась скрещением европейских традиций, поэтому деевропеизировать ее, как это пытались сделать наше руководство под патронатом восточного соседа в течение последних двадцати лет, означает выдернуть ее из своей истории. Национальная самобытность является предметом тысячелетних усилий чехов, которые должны ее завоевать (на это я намекал цитатами из Павла Странского), – всегда против той великой державы, к сфере влияния которой они относятся и с которой связаны союзническими отношениями. И т.д., и т.п.»²⁵.

В дальнейшем Кундера вводит концепт чехословацкого потенциала, ориентировавшегося в 1968 г. на отмену системы недемократических практик. «Мы, – подчеркивает он, – сделали это сами для себя, но все же дело касалось не только нас, поскольку оно заключало в себе – хотели мы того или нет – значимость прецедента и призыва. Независимо от того, удалось нам это или не удалось, был этот шаг уверенным или неуверенным, – *мы шагнули в центр всемирной истории*».

Как раз это и вызывало у Гавела сарказм и обвинения в «смешном провинциальном мессианизме»; следовало бы, по его мысли, просто-напросто нормализоваться. Парадокс заключается в том, что по этой же матрице «романтическое фантазирование» и Кундера, и Гавела критиковал Г. Гусак, взявший вскоре на вооружение термин «нормализация».

«Конечно, Гусак и Гавел исходят из различных отправных пунктов, однако их взгляды, тем не менее, сходны. И Гусак, несомненно, согласился бы с тем, что в ходе январского процесса речь шла (или должна была идти) исключительно о *нормализованности* (в отличие от Гавела, Кундера выделяет здесь и далее это определение курсивом. – Э.З.), т.е. об устранении так называемых деформаций и ошибок из якобы в целом совершенно *нормального* социализма. Только где рядом с нами существует нормальный социализм, где и когда существовал социализм демократический и свободный?», – задает вопрос Кундера. И здесь он выдвигает по обвинение Гавелу, из которого выводимы иные проявления чешской доли уже в достаточно отдаленной перспективе. К ним, скажем, можно отнести тот же евроскептицизм В. Клауса, предупреждавшего еще до мирового финансово-экономического кризиса начала XXI в., что дружба с новым «львом» (если использовать стародавнее слово Странского) – Евросоюзом – проблем Чехии не решит.

Разумеется, пишет Кундера, у Гавела нет иллюзий относительно социализма, но зато он строит иллюзии относительно того, что именуется им «большинством цивилизованного мира» – то есть относительно Запада. Кундера активно противостоит посылу Гавела относительно Запада как воплощения некой «империи нормальности», к которой достаточно лишь присоединиться. «Слово *нормальный*, – размышляет Кундера, – как раз не относится к наиболее точным понятиям, но оно является любимым словом Гавела, – конечно же, можно договориться, что нормальным является, скажем, свобода печати. Но это только абстрактный принцип, который в своем конкретном воплощении может означать “в большинстве цивилизованного мира” и нечто весьма ненормальное (лишающее человеческого облика, оглуляющее): власть коммерческих интересов и коммерческой выгоды».

Парадоксально, но в августе 1968 г. состоялось не только вторжение войск иностранных держав. Тогда же, в августе, усилилось очищение многих структур национальной жизни: судебной системы, журналистики, профсоюзов, молодежных организаций от всего того, что Кундера называл «русским искажением социалистического проекта». Почему Гавел не согласен с этим? И в чем заключается некорректность его взглядов? Их источник – в недостатке внимания к сказанному в кундеровском эссе и в моралистическом назидательстве. Спор для него сводится к тому, чтобы заявить, кто является более радикальным и морально чистым, не идущим ни на какой компромисс.

Места чешской доле и даже чешскому вопросу в гавеловском универсализме не находится, поэтому он и трактует размышления о великих державах и малых нациях только как способ маскировки ответственности конкретных исторических лиц. Гавел, по интерпретации Кундера, склонен к констатации безосновательности любых надежд, что не пробуждает в нем смирения или пораженчества, но, напротив, вызывает усиленное стремление к действию, причем рискованному. При этом подобного рода действие имеет целью демаскировать мир в его неисправимой аморальности, а его инициатора представить как носителя чистой моральности. В полемическом запале Кундера не останавливается перед жесткой его оценкой и выносит следующий вердикт: «Тем самым позиция изначально истинно моральная (отрицание несправедливого мира) превратилась в истинный *моральный эксгибиционизм*. Желание публично продемонстрировать красоту собственной нравственности превалировало над стремлением изменять положение к лучшему».

Такая aberrация присуща, как показывает история чехословацкого антинормализационного (оппозиционного и диссидентского) движения после конца 1960-х гг., не одному Гавелу: многие чехи и раньше, и теперь шли на жертвы в борьбе с беспросветной диктатурой (лишения и преследования пришлось испытать и Кундере, вскоре он был вынужден эмигрировать).

Но чешская доля – это не только способность к самопожертвованию, это и работа по поддержке чешского потенциала, значимого, по убеждению Кундера, в самом широком планетарном и историческом контексте. «Надо понять, – продолжает он, – что этот чехословацкий потенциал реализуем

лишь при поддержке мировой антисталинистской левицы и что эту поддержку мы можем получить только в том случае, если не будет проигнорировано его *всемирное значение* и весомость (в противном случае над нашей борьбой сомкнутся воды, как это происходило в другие трагические эпизоды истории)»²⁶. Этот потенциал не был сокрушен и следует продумать политику предотвращения реакционного (неосталинистского) поворота в его реализации, завершает Кундера свое эссе.

Нет ничего удивительного в том, что полемика Кундеры и Гавела вызвала широкие отклики. Они продолжают и по сей день, примером чему служит, в частности, статья американского слависта Т.Веста «Доля как алиби: Милан Кундера, Вацлав Гавел и “чешский вопрос” после 1968 года». По его мнению, два эссе Кундеры 1968–1969 гг. представляют собой оправдание слабости, но в то же время они проникнуты духом скептицизма, «ставшего фундаментом любой дискуссии, ориентированной на пересмотр многих экзистенциальных вопросов, возникавших перед чехами в 1968 году»²⁷. Согласно еще одному из чешских писателей, Л.Вацулику, ряд вопросов все же удалось решить. Опыт замораживания Пражской весны, по его убеждению, продемонстрировал, чем является на самом деле Советский Союз, равно как и то, что коммунизм в принципе не поддается реформированию²⁸. Интересна реакция чешского философа К. Косика на полемику Кундеры и Гавела. Он не только непосредственно отзывался на эту полемику²⁹, но и не терял ее из поля зрения в своих дальнейших работах. Так, в статье под примечательным названием «Третий Мюнхен?» он утверждал о наличии трех провалов в истории чехословацкой государственности. Первый связывался им с мюнхенским сговором, второй – с вынужденной капитуляцией правительственной делегации в Москве в августе 1968 г. А вот после распада bipolarной системы возникла угроза нового, третьего, Мюнхена. Она, по его мнению, исходит от мирового финансово-промышленного альянса (в настоящее время идентифицируемого с глобализмом), который одним приносит комфорт, но одновременно опустошает землю и человека. Косик, в отличие от Гавела, считал, что чрезмерная устремленность к Западу может привести в Чехии к опустошению человека³⁰. И в данном случае он солидаризировался скорее с тезисом Кундеры.

Если вернуться к высказанному в начале статьи парадоксу, то выразителем чешской доли Гавел может быть назван как раз потому, что он представляет собой политика нового типа – политика неполитического. В этом русле он осуществлял продуктивный поиск принципиально иных типов государственности, что, как показала уже мировая история на переломе тысячелетий, было значимо и для других народов со своей долей. Чешская доля в этом плане манифестировала себя как «власть безвластных», как дальнейшее развитие идеи ненасильственного сопротивления в форме «неполитической политики». Можно предположить, что у Гавела не только сейчас, но и в дальнейшем появятся последователи в разных регионах мира, подобно тому, как Иржи из Подебрад имел в качестве своего последователя Иммануила Канта

с его идеей вечного мира, а Ян Гус явился предшественником победивших реформаторов Лютера, Кальвина и Цвингли. Но смысл и пафос рассуждений Кундеры о чешской доле этим не отменяются.

Примечания

¹ Kaiser D. Disident. Václav Havel 1936–1989. Praha–Litomyšl, 2009. S. 44.

² В 2008 г. чешский журнал «Респект» опубликовал статью А.Градилека под названием «Донос Милана Кундеры», в которой якобы на основании архивного документа утверждалось, что в 1950 г. по доносу Кундеры западногерманский агент чешского происхождения Дворжак был арестован и провел 14 лет в чехословацкой тюрьме. В защиту доброго имени Кундеры публично выступили 11 всемирно известных писателей, в том числе четыре лауреата Нобелевской премии по литературе, назвавшие «клеветнической» развязанную против него кампанию. См.: http://www.tyden.cz/rubriky/kultura/literatura/In-udani-je-prave-kunderovu-vinu-primo-nedokazuje_144203.html. – Гавел обратился к Кундере со словами: «Милан, будьте выше этого! Человек, как Вы прекрасно знаете, сталкивается на своем жизненном пути с гораздо худшими ситуациями, нежели клевета в прессе». См.: http://www.tyden.cz/rubriky/kultura/kaouza-kundera/havel-o-kunderovi-takto-hloupe-se-to-stat-nemohlo_86260.html

³ См.: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 г. – ноябрь 1989 г. М., 2008; она же. О поисках альтернатив развития чехословацкого общества после крушения Пражской весны // Науковi праці історичного факультету Запорізького університету. Вип. 27. Запоріжжя, 2009; она же. Диссидентское движение в Чехословакии: ключевая идея и формы реализации // Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2010. № 3.

⁴ Literární noviny. 2007. № 52.

⁵ Ibidem.

⁶ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. «Россия и Европа» Т.Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т.Г. Масарик и Россия. СПб., 1997; она же. Социологическая теория и политическая практика Т.Г. Масарика // Социологические исследования. М., 1998. № 4; она же. Томаш Гарриг Масарик и его труд о России // <http://www.mecenat-and-world.ru/33-36/zadorojnyuk.htm>

⁷ Т.Г. Масарик писал, что для него «чешский вопрос» – это вопрос о судьбах человечества. Он, как и Я. Коллар, отрицал случайность истории народа, утверждая, что в ней проявляется определенный план Провидения. Задача же историков и философов, как и задача каждого народа, заключается в постижении этого мирового плана, в его познании и в точном определении в нем своего места, чтобы можно было абсолютно осознанно продвигаться вперед в любой, в том числе и политической, работе.

⁸ Literární noviny. 2007. № 52.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ В 2008 г., т.е. через 40 лет после выхода в свет второго эссе Кундеры, Я. Шабата сделал следующее уточнение: тезис писателя о «свободе, которую мир еще не видел», вовсе не идентичен лозунгу о «социализме, которого мир еще не видел». Согласно этой интерпретации, Кундера скорее ставил акцент не на возможности реформирования коммунистической системы в форме демократического социализма, а на несовместимости истинной свободы и демократии с капитализмом. Иными словами, акцентировалось внимание на возможности их реализации в среде, связанной коммерческими интересами, рынком и коммерциализацией. Помимо этого ставился вопрос: можно ли в качестве альтернативы капитализму и социализму предложить некий «третий» путь, политические абрисы которого как раз и стали вырисовываться в период

Пражской весны. См.: *Pehe J. Kundera versus Havel: Spor o budoucnost demokracie* // <http://www.pehe.cz/Members/redaktor/kundera-versus-havel-spor-o-budoucnost-demokracie>;

¹² Kaiser D. Op. cit. S. 68.

¹³ *Prečan V. Chronologický přehled hlavních údajů o životě, literárním díle, kulturní a společenské aktivitě Václava Havla (1936 – srpen 1989)* // *Havel V. Do různých stran*. Praha, 1990. S. 469.

¹⁴ *Literární noviny*. 2007. № 52.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ Дж. Кин так описывает знакомство В. Гавела с А. Дубчеком в Грзанском дворце на встрече лидера чехословацких коммунистов с чехословацкими писателями в дни Пражской весны. Встреча сопровождалась следующим диалогом: «“Уверю Вас, господин Секретарь, – произнес длинноволосый драматург в джинсах, – практически каждый, кто живет в этой стране, поддерживает социализм”. “Вы действительно так считаете?” – удивился подобного рода сентенциям А. Дубчек... “Конечно же! – продолжал драматург. – Вот, например, я. Мой отец был миллионером, и кто-то может подумать, что я многое мог бы получить, если бы был реставрирован капитализм. Но поверьте мне, господин Секретарь, у меня никогда не было таких мыслей. Меня не интересует накопление собственности. Я – человек театра, а уж театру, во всяком случае, лучше при социализме”». См.: *Keane J. Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts*. London, 1999. P. 198.

¹⁹ *Literární noviny*. 2007. № 52.

²⁰ *Kaiser D. Op. cit. S. 82.*

²¹ Комментируя спустя 40 лет полемику двух великих чехов, главный редактор газеты «Литературные новости» Я. Паточка писал: если в 1968 г. В. Гавел не верил в «фатум, называемый чешской долей», беспощадно его высмеивая, то в конце первого десятилетия нового века тем же фатумом он обосновывал свое отношение к планам размещения на чешской территории «крайне проблематичного военного объекта», то есть американского радара. См.: *Patočka J. Návrat k důležité rozpravě* // *Literární noviny*. 2009. 3.IV.

²² *Literární noviny*. 2007. № 52.

²³ *Ibidem*.

²⁴ *Kaiser D. Op. cit. S. 81.*

²⁵ *Literární noviny*. 2007. № 52.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ *West T. Destiny as Alibi: Milan Kundera, Václav Havel and the «Czech Question» after 1968* // *The Slavonic and East European Review*. 2009. Vol. 87. № 3. P. 428.

²⁸ *Ibid. P. 416.*

²⁹ *Kosík K. Váha slov* // *Plamen*. 1969. Č. 4. – Переиздание статьи см.: *Literární noviny*. 2008. Č. 5.

³⁰ *Kosík K. «Třetí Mnichov?»* // *Masarykova idea československé státnosti ve světle kritiky dějin*. Praha, 1992. S. 130–141. Следует особо отметить, что статья «Третий Мюнхен?» появилась в сборнике, посвященном проблеме чехословацкой государственности, в момент, когда ее крах становился уже неотвратимым и неизбежным. Тем самым Косик косвенно обвиняет своих современников в предательстве дела жизни Т.Г. Масарика.

Курс на реформы, «улучшающие» социализм, и деятельность польской оппозиции (1982–1987)

Abstract:

Mayorova O.N. *The reforms "improving" socialism and the Polish opposition activities (1982–1987)*

The article reviews the reforms "improving" socialism, conducted by Jaruzelski's team during several years after the martial law in December 1981. It also analyzes opposition strategy and activities aimed at legalization of professional union "Solidarity".

Ключевые слова: Польша, Ярузельский, реформы, оппозиция, «Солидарность», Валенса.

В декабре 1981 г. в Польше было введено военное положение. После 16-ти месяцев эйфории свободы, взрыва активности общества, надежд на дальнейшие перемены высшее политическое и государственное руководство признало этот шаг оптимальным выходом из ситуации (своего рода «меньшим злом») для грозящей внутренним взрывом страны. Оценивая в январе 1982 г. это решение Госсовета, мнения опрошенных разделились следующим образом: одобряют – 51%, не одобряют – 37%, затруднились с ответом – 12%¹.

После введения военного положения все организации, кроме Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), запрещались, лидеры оппозиции интернировались, многие из ушедших в подполье приговаривались к тюремному заключению. Однако на массовый террор власти все же не решились – отчасти из-за того, что в конце концов начали понимать: рано или поздно придется установить какой-то вид сосуществования с силами оппозиции. Тем более что она продолжала свою профсоюзную, издательскую и другую деятельность в подполье.

Военное положение оказало влияние на убеждения и политическое поведение людей. Следовало сделать выбор между полной лояльностью, отказом от политической жизни или конспиративной деятельностью. Психологическим результатом стало укоренение представления о делении на «власть» и подчиненное ей «общество» как в главном политическом конфликте.

«Солидарность» («С») проиграла первое сражение, но не позволила свести себя до размеров группы диссидентов доавгустовского периода 1980 г. Немалая часть активистов «С» и антиправительственных организаций, избежавших интернирования, стала действовать в подполье и эмиграции. В апреле 1982 г. была создана Временная общепольская координационная комиссия (ВКК) в составе региональных лидеров, известных своей непримиримостью: З. Буяк (Варшава), Б. Лис (Гданьск), В. Хардек (Краков) и В. Фрасынюк (Вроцлав). Они хотели добиваться легализации «Солидарности», освобождения интернированных активистов профсоюза и всех тех, кто был осужден по политическим мотивам. Но массовой поддержки они не получили. Сказывалась психологическая усталость общества, испытавшего тяжелые потрясения.

Временная координационная комиссия, отражая имевшиеся внутри «Солидарности» полярные концепции, сформулировала основные направления ее деятельности в условиях подполья. К ним относились: 1) бойкот любых организаций и институтов, поддерживавших существовавший строй и «имитировавших настоящую общественно-политическую жизнь», в том числе выборы, официальные мероприятия, правительственные профсоюзы – так наз. стратегия «отказа»; 2) борьба за улучшение условий труда и увеличение зарплаты трудящимся. Лучшим средством для этого называлась забастовка; 3) формирование независимого общественного сознания с помощью нелегальных источников информации. Все эти три направления соответствовали концепции «долгого марша к свободе» и «подпольного общества»; 4) подготовка к проведению общенациональной забастовки, что стало определенной уступкой сторонникам нанесения по существовавшей в стране системе власти одноразового мощного удара². Победило умеренное течение в «Солидарности», выступавшее за «долгий марш». Стратегия «отказа», как представляется, имела наиболее существенное значение для дальнейшего хода политических процессов. Следствием ее явилось угасание институтов, призванных олицетворять собой «новую социалистическую демократию», а также ускорение эрозии системы, важной составной частью которой они должны были быть. Эту позицию профсоюза его лидер Л. Валенса назвал «одной из крупных заслуг движения».

Чрезвычайно важна была также издательская, просветительско-образовательная и культурная деятельность. Так, в мае 1982 г. в одном из воззваний Временной координационной комиссии «Солидарности» к ученикам и учителям региона Мазовше по вопросу строительства структур независимого просвещения, в частности, отмечалось, что «их задачей является создание вне школы широкого движения независимого образования, которое представляет одну из важнейших составляющих Движения солидарности, как и независимая литература, независимая информация и независимая социальная помощь... Там должны познаваться те вопросы по истории, литературе и общественным наукам, которые фальсифицируются, представляются односторонне или опускаются в школах по идеологическим и политическим соображениям»³. Наиболее демонстративным выражением протеста против политики властей стала поддержка «Солидарности» деятелями культуры, в частности, бойкот ими средств массовой информации, а также фильмов, театральных постановок, государственных галерей (актерский бойкот, например, продолжался весь первый год военного положения).

Позиции «Солидарности» в обществе не выглядели в тот период однозначными: сообщения с мест и предприятий чаще свидетельствовали о безразличном отношении трудящихся, в том числе и бывших членов «С», к нелегальной деятельности. Подобные выводы часто расходились с излишне оптимистичными оценками в нелегальной прессе. По официальным же данным, за 4,5 года после введения военного положения служба безопасности раскрыла 1600 оппозиционных групп и 1200 нелегальных типографий,

конфисковала 5 млн. листовок и публикаций «самиздата». Можно только предполагать, сколько их не удалось раскрыть. Одно из наиболее читаемых изданий – «Тыгодник Мазовше» («Еженедельник Мазовии») выходил тиражом 40 тыс. экз., а число читателей всей нелегальной прессы составляло около миллиона⁴.

В ситуации не только отторжения оппозиции от властных структур, но и ее подавления резко возросла общественно-политическая роль католической церкви – последнего независимого от власти открыто действовавшего института, которая была вынуждена выполнять функцию посредника между властью и обществом. Необычайно важными событиями становились проводившиеся ежегодно в различных городах Недели христианской культуры, служившие поводом для презентации произведений искусства тех деятелей, которые не хотели или не могли использовать официальные пути. Костел как институт и как место действия стал прибежищем для духа свободы и солидарности для многих людей из мира культуры, искусства и науки, нередко далеких в прошлом от католицизма. Церковь оказывала материальную поддержку, а также покровительство всевозможной независимой художественной деятельности. В то время как Церковь предоставляла независимой деятельности прежде всего инфраструктуру и некоторую независимость, «Солидарность» обеспечивала человеческие ресурсы, генерировала идеи, собирала средства, необходимые для этой деятельности. В подполье продолжало действовать много так наз. секций науки и образования (созданных еще во время легальной деятельности профсоюза), которые вместе с секцией культуры составляли соглашение, или, как его называли, консорциум непосредственно связанных с подпольным руководством «Солидарности» организаций: Общественного комитета науки, Комитета независимой культуры и Центра независимого образования. Они координировали и инициировали деятельность в этих направлениях, в частности, создавая независимые университеты, занимавшиеся подготовкой преподавателей, разрабатывали учебные программы, оказывали финансовую поддержку ученым для исследовательских работ. Эта деятельность не могла бы быть столь масштабной без поддержки самых разных зарубежных комитетов помощи «Солидарности», а также специализированных учреждений, таких как созданный в 1982 г. в Париже Фонд помощи независимой польской литературе и науке⁵. Часть епископов и ксендзов в своих проповедях открыто поддерживали «Солидарность» и призывали к ее легализации. Однако часть руководства польской католической церкви, в том числе ее глава кардинал Ю. Глемп, проявляя реализм, выступала против дестабилизации ситуации в стране и не прерывала отношений с властями. Следует особо подчеркнуть, что настойчивость костела и подпольной «Солидарности» в требовании вновь легализовать профсоюз была, по оценке польского исследователя А. Антошевского, фактором, вызывавшим эрозию политической системы в значительно большей степени, чем разноплановое давление, оказывавшееся на власть после августа 1980 г.⁶

Но общественно-политическую жизнь Польши в 1982 г. характеризовали главным образом стабилизирующие факторы. Укрепилось сотрудничество между ПОРП, Объединенной крестьянской партией (ОКП) и Демократической партией (ДП), а также поддерживавшими правительственную платформу обществами светских католиков, которые однозначно высказались за эволюционный путь совершенствования политической системы и общественных отношений, за обновление социализма. Спонтанно возникло патриотическое движение по созданию гражданских комитетов национального спасения, объединявших членов ПОРП и союзнических партий, беспартийных, светских католиков, на основе чего сложилось массовое Патриотическое движение национального возрождения (ПДНВ). Его целью было «вывести страну из кризиса, укрепить в сознании и общественной практике социалистические идеалы социальной справедливости, народовластия, правопорядка, достоинства человека» (год спустя оно было конституционно оформлено).

К середине 1982 г. удалось приостановить падение национального дохода и промышленной продукции. Не только религиозным, но и политическим событием стал визит в Польшу папы Иоанна Павла II в июне 1983 г. Он дал властям возможность убедиться, сколь велика пропасть, существовавшая между ними и обществом⁷. После визита склонность к компромиссу с обеих сторон усилилась. Лидеры «Солидарности» открыто заявили о готовности вернуться к прерванному диалогу с властями. Госсовет ПНР принял решение о приостановлении военного положения с 31 декабря 1982 г., свидетельством же дальнейшего нарастания стабилизационных процессов явилась его полная отмена 22 июля 1983 г. Военный совет национального спасения, исчерпав свои функции, был распущен.

Еще с начала 1982 г. в рамках «улучшения», «усовершенствования» социализма в Польше были предприняты попытки экономической реформы (ее «первый этап»). Внутри ПОРП и ее руководящих структур шла борьба между реформаторами, возглавляемыми В. Ярузельским, и консерваторами, которых в первой половине 1980-х гг. активно поддерживал Советский Союз. Первые пытались осуществить экономические и политические реформы в рамках обновления, совершенствования «реального социализма», вторые же всячески противодействовали этому. Экономическая реформа преследовала цель создания нового хозяйственного механизма, обеспечивавшего рациональность деятельности производственных единиц всех уровней, высвобождавшего инициативу и укреплявшего чувство ответственности за результаты труда. Составной частью этого механизма должна была стать стратегическая функция центрального планирования. На уровне предприятия реформа заключалась в реализации трех принципов: самостоятельность в принятии решений и управлении, самофинансирование текущей деятельности и самоуправление как форма участия трудового коллектива в управлении производством. Однако практическое применение всех положений новой системы в условиях глубокого экономического неравновесия не представлялось возможным. Поэтому для каждого года вводились временные

хозяйственные нормативы, ограничивавшие действие реформы в ряде областей. Вместе с тем в 1983–1985 гг. экономическая реформа оказала динамизирующее воздействие на развитие народного хозяйства.

Одновременно развернулись реформы в области политики, направленные на либерализацию коммунистического режима в рамках «развития социалистической демократии». Активизировались так наз. союзнические партии – Объединенная крестьянская и Демократическая – в определении политики, управлении государством. Эти изменения получили название «коалиционного способа реализации власти». Сторонники правившего режима объединились на широкой платформе Патриотического движения национального возрождения. К сожалению, ни внешние, ни внутренние условия для проведения реформы не были благоприятными. У власти в СССР продолжало находиться консервативное руководство, которое с большим подозрением относилось к курсу генерала Ярузельского. Что касается внутренних условий, то здесь можно указать на сравнительно узкую социальную базу власти, сопротивление реформам основной части парт- и госаппарата. В результате, как отмечает российский исследователь Н.И. Бухарин, в 1982–1985 гг. удалось достичь лишь определенной модификации командно-административной экономической и моноцентристской политической системы, добиться незначительного повышения ее эффективности⁸. По мнению М. Раковского, В. Ярузельский «поздно понял, что можно было в польских реформах пойти дальше. Что можно было в год прихода Горбачева, когда уже очевидно стало, что прокладывается новый курс..., всерьез заняться улучшением польского социализма... Речь идет о тех реформах, на которые он, в конце концов, согласился. Но было уже слишком поздно»⁹.

В 1986–1988 гг. начался стремительный процесс расхождения на реформаторов и консерваторов в ПОРП, среди партийной интеллигенции. Реформаторы составляли относительно небольшую группу с узкой социальной базой в обществе. Они оказались зажаты между консерваторами в собственном лагере, сопротивлявшимися глубоким переменам, и реформаторски настроенной частью общества, которая им не доверяла. Состоявшийся в июле 1986 г. X съезд ПОРП, по замыслу властей, должен был стать очередным шагом в направлении поиска новых путей и методов решения проблем, на пути к нормализации. Но для настоящего перелома, т.е. признания за антикоммунистическим оппонентом статуса участника возможных переговоров, власти еще не были готовы.

В этом же году власти провели амнистию всех политических заключенных, позволив различным группам оппозиции, клубам, изданиям и т.д. выйти из подполья. Этот весьма нестандартный для восточноевропейских авторитарных режимов политический шаг впоследствии заложил основу для начала системного диалога с оппозиционными структурами. Интересно отметить, что важную роль в принятии этого решения сыграл доклад так наз. «группы трех» – рабочего органа, созданного по инициативе В. Ярузельского, являвшегося одновременно в каком-то смысле аналитическим центром и

политтехнологическим институтом (в него входили член ЦК ПОРП Ст. Чосек, руководитель польской разведки и контрразведки генерал В. Пожого и пресс-секретарь правительства Е. Урбан). Согласно воспоминаниям последнего, аргументация была примерно следующей: освобождение политических заключенных лишит оппозицию важного лозунга, оно должно улучшить отношения с Западом и помочь добиться отмены экономических санкций. «Речь шла вообще об отказе от тюрьмы как средства политической борьбы. Этим предложением... мы вызывали далеко идущие политические последствия – признание de facto оппозиции и ее деятельности»¹⁰.

И все же процесс постепенной либерализации системы, обусловленный отчасти изменениями в международной ситуации, начался. Становилось ясно, что дальнейшее развитие событий в Польше все больше будет зависеть от позиции СССР, где во второй половине 80-х гг. происходили многообещающие перемены.

Те изменения, на которые были способны партийные реформаторы, уже не соответствовали возросшим запросам и устремлениям большинства польского общества. В 1986 г. социально-экономическая ситуация в стране стала ухудшаться. Партийные реформаторы заговорили о «новом этапе социалистического обновления», «втором этапе экономической реформы», главную цель которого определили как создание современного народного хозяйства. В целом этот этап представлял собой не что иное, как очередной шаг на пути эволюции к рынку.

Действия по либерализации экономики и децентрализации управления государственным сектором предпринимались в рамках «второго этапа» реформы в 1987 – первой половине 1988 гг. уже правительством З. Месснера – профессионального экономиста. Оно считало, что экономическая реформа, улучшив положение в народнохозяйственной сфере, решит и политическую проблему, приведет к исчезновению оппозиции, снижению значения «Солидарности». Но только кабинет М. Раковского, ставшего премьер-министром в сентябре 1988 г., решился на радикальные шаги: отход от догмы о примате государственной собственности и центрального планирования, создание условий для иностранного капитала и частного предпринимательства, свободной экономической деятельности. Планировалась реализация идеи «социалистической рыночной экономики» с ограниченным (до 20%) участием частного сектора. Эта программа была близка реформам, проводимым в Венгрии, в Китае (с 1979 г.), т.е. реформам «сверху», с сохранением монополии компартии. Правительство Раковского предприняло еще одну попытку улучшения системы. Однако новый кабинет работал менее года, и очевидно, что за такой короткий срок ему не удалось реализовать своих замыслов. К тому же активизация политических процессов как бы отодвинула экономическую программу правительства М. Раковского на второй план.

С конца 1987 г. Общественно-юридический отдел ЦК ПОРП работал над проектом коренных политических реформ, планировавшим либерализацию системы власти. Предполагалось участие умеренной оппозиции во

власти, однако оно не должно было подрывать доминирующей позиции коммунистов. Предусматривалось введение политического плюрализма, подключение оппозиции к механизму осуществления власти, установление парламентской демократии¹¹. Тем самым коммунисты-реформаторы впервые взяли на вооружение концепцию оппозиции о параллельном проведении реформ в экономической и политической сферах.

Позитивное значение попыток реформирования социализма в 1980-е гг. состоит и в том, что госпредприятия были вынуждены приспособляться к работе в условиях относительной самостоятельности, а их руководители получили первый опыт менеджерской работы. Население научилось жить в условиях свободы ценообразования. Одновременно складывался более либеральный, по сравнению с другими соцстранами, режим отношений с Западом, либеральный внутривнутриполитический режим, что формировало более благоприятные общественно-политические предпосылки для последующего перехода к рыночным отношениям¹².

Середина 1980-х гг., совпавшая с периодом относительной стабилизации, побудила идеологов «Солидарности» к поиску новых теоретических и практических решений. Определение дальнейшей стратегии польской оппозиции, выбор между сотрудничеством и попыткой включения в легальную общественную жизнь, отношение «С» к обещаемым властями реформам – вокруг этих вопросов с середины 1987 г. велась оживленная дискуссия в подпольной прессе. Прежняя модель деятельности «Солидарности» с акцентом на стратегии бойкота исчерпала себя вместе с процессом известного смягчения «коммунистического» режима после отмены военного положения, однако иной просто не было. «Кажется, что сейчас наиболее прогрессивная часть истеблишмента понимает: классическую систему спасти не удастся; можно выбирать только между ее медленным, но стихийным распадом или контролируемым процессом модернизации», – писал тогда Р. Бугай в ежеквартальнике «21», выражая общее мнение группы так наз. советников «Солидарности»¹³.

Можно ли с этой, наиболее прогрессивной частью аппарата власти прийти к соглашению? Большая часть руководителей «Солидарности» во главе с Л. Валенсой, не веря в быстрый распад коммунистической системы, искала возможности такого соглашения с властями ПНР, которое сделало бы реальным легализацию профсоюза и постепенную либерализацию системы. Выразителем этой линии был один из идеологов «Солидарности» А. Михник, который еще в 1985 г. написал книгу «Такие времена... Речь о компромиссе», в которой впервые высказался за будущее соглашение, подчеркнув необходимость «компромисса сил, требующих реформы, со склонными к соглашению частями правящего класса»¹⁴. Автор исходил из того, что это уже не прежняя деспотическая власть, она сама трансформировалась и способна к предоставлению обществу возможностей проявления своих интересов. Предложения А. Михника поддержала группа политических публицистов во главе с М. Крулем, также выступавшим с аналогичными

взглядами. Идея соглашения оппозиции с властью имела традицию среди деятелей «Солидарности» и лиц из оппозиции, близких ей, часто выступавших в роли экспертов. Не надо забывать, что «Солидарность» возникла в результате соглашений руководителей забастовки с представителями власти на рубеже августа–сентября 1980 г.¹⁵ После амнистии политзаключенных в сентябре 1986 г. был создан Временный совет «Солидарности», который функционировал открыто, хотя и являлся незаконной структурой. Он представлял компромиссное направление в движении, имел возможность действовать в поддержку идеи соглашения. Ставилась задача «возрождения профсоюзного плюрализма и объединений в рамках конституции». «Общество, – отмечалось в программных документах «Солидарности» того периода, – должно получить право говорить собственным голосом, а также обладать правом на независимые объединения. Диалог требует институционализации, но не фасадной»¹⁶.

В том же духе высказывались многие деятели и советники «Солидарности», в том числе Я. Куронь, Я. Литыньский, Б. Геремек, З. Буяк. Правда, они меньше внимания уделяли анализу шансов соглашения, а больше пробуждению гражданской активности и смелому использованию открытых, благодаря либерализации, возможностей легальной деятельности. «Закончилось время отрицания, – заявлял Я. Литыньский в «Тыгоднике Мазовше». – Путь к ликвидации системы ведет через выдвигание программы реформ и поддержку всех – независимо от политической окраски – кто эти реформы хочет реализовать»¹⁷. Следовательно, сторонники данного курса предлагали всего лишь новую версию стратегии «долгого марша», основанную на прежней философии эволюционных перемен, идущих снизу. Однако, как выяснилось, ставка на соглашение с коммунистической властью оказалась более рациональной.

Помог «Солидарности» обрести второе дыхание, поддержал ее волю к сопротивлению (к 1985 г. доля оппозиции снизилась более чем в два раза по сравнению с началом 1980-х гг., когда она охватывала 20–25% взрослого населения страны) третий визит в Польшу в июне 1987 г. папы Иоанна Павла II. В преддверии его оппозиция выступила с программным заявлением, причем не от имени «Солидарности», а от широкой общественности: ученых, общественных деятелей, творческой интеллигенции. В нем речь шла о реализации «основополагающих общественных идеалов». Под этой предельно широкой формулировкой подразумевались исторические традиции и социальное учение церкви. Особо подчеркивалась важность обеспечения свободы слова, собраний, совести, а также требование экономической свободы, трактовавшейся как возможность независимой от государства деятельности в сфере экономики¹⁸.

В 1987 г. произошли существенные перемены в плане реализации принципа свободы общественной деятельности. Разные группы оппозиции выходили из подполья, легализуясь де-факто. Возникли независимые хозяйственные объединения, а также дискуссионные политические клубы,

различного рода фонды, независимые легальные издательства. В частности, в Варшаве появились: Экономическое общество, ставившее целью содействие частному предпринимательству и пропаганду идей рыночной экономики, Краковское промышленное общество, Варшавский клуб политической мысли, единственное не католическое оппозиционное легальное издание "Res Publica". Для обеспечения координации этих групп оппозиции в мае 1987 г. Л. Валенса пригласил на встречу 62 их представителя, которые выступили с заявлением, призывавшим власти вступить в диалог с «аутентичными представителями общественных кругов». При этом декларировалось понимание «существующих конституционных условий» (спустя полтора года эти деятели составили ядро Гражданского комитета, созданного при председателе «Солидарности»). Группа собиралась еще несколько раз, выдвигая требования проведения реформ в стране. В октябре 1987 г. были распущены все прежние руководящие органы «Солидарности» и создана единая, функционировавшая открыто Всепольская исполнительная комиссия. Этап подпольной деятельности фактически завершился.

Политика Валенсы и его ближайших советников, происходивших в большинстве своем из Комитета защиты рабочих (КОР), критиковалась не только радикальными антикоммунистическими фракциями оппозиции, но и многими деятелями самой «Солидарности». Созданная в марте 1987 г. Рабочая группа Всепольской комиссии объединила в своих рядах нескольких руководителей «Солидарности» 1980–1981 гг., в том числе А. Словика, М. Юрчика, С. Яворского, А. Гвядзу и Я. Рулевского. Они требовали от Валенсы уважать устав профсоюза и создать Всепольскую комиссию «С» в своем составе как единственный руководящий орган профсоюза. Председатель «Солидарности» последовательно игнорировал требования Рабочей группы, так как ему было выгодно сформировать новый руководящий орган «С», выполнявший его волю.

Одна из главных причин либерализации политической жизни в 1980-е гг. – непрерывное существование более десятилетия нелегальной прессы в широком масштабе. Вот как прокомментировал этот факт британский исследователь Т.Г. Эш: «Весь мир науки и культуры существует здесь независимо от государства, которое делает вид, что осуществляет над ним контроль»¹⁹. Такое положение означало, что государственная монополия на информацию была подорвана, цензура значительно смягчена, что имело для государства серьезные последствия. Исключительность такого состояния оценивалась по-разному: одни комментаторы говорили о «пате», другие определяли его как «деавторизацию власти», третьи заявляли о «либерализации польского режима».

К концу 1980-х гг. отношение властей к оппозиции принципиально изменилось: они пришли к выводу, что оппозиционеры отражают не какие-то привнесенные извне интересы, а жизненные потребности значительной части польского общества – прежде всего квалифицированных рабочих и солидарной с ними интеллигенции. М. Раковский незадолго до декабря 1987 г.,

когда он стал членом Политбюро ЦК ПОРП, в секретном докладе отметил: «В сравнении со второй половиной 70-х гг. нынешняя оппозиция количественно и качественно значительно более сильна. Мы не должны забывать, что тогда немногочисленная группа коровцев [членов КОП] привела в движение все Побережье [летом 1980 г.]. Сейчас главной целью оппозиции является получение законной гарантии своего существования и деятельности»²⁰.

«Волшебная» граница, отделявшая либерализацию от демократизации, еще не была перейдена, а в окружении первого секретаря ЦК ПОРП рождались новые политические замыслы. Наиболее радикальными можно назвать анализы и предложения, представленные ему осенью 1987 г. М. Раковским. Формула реального социализма, по его словам, «исчерпала свои возможности», и требовалась более глубокая экономическая реформа, для проведения которой необходимы были «преобразования в структуре власти, в том числе легализация оппозиции»²¹. В этом же русле шли размышления секретаря ЦК ПОРП М. Ожеховского, подчеркнувшего, что «только после определенного времени мы начали отдавать себе отчет, что нельзя изменить экономическую систему без изменения системы политической, что нельзя создать современную рыночную экономику, оставляя анахроничную политическую систему, основанную на руководящей роли одной партии»²². В. Ярузельский в это время и позже неоднократно заявлял о необходимости подкрепить реформу экономических структур крупными переменами в польской политической системе. На первое место при этом выдвигалась идея значительно больших, чем прежде, возможностей проявления, учета и согласования интересов различных общественных и политических групп, в том числе и оппозиционных, при условии уважения конституционных принципов ПНР («модель социалистического плюрализма»).

Развитие событий в конце 1987 г. еще не предвещало признания оппозиции в качестве постоянного элемента на политической сцене страны. Однако по факту как раз именно это время можно считать началом пути, ведущего к «круглому столу». Переломным моментом для команды Ярузельского стали результаты референдума в ноябре 1987 г., когда общество должно было выразить свое отношение к представленной правительством в Сейм программе: 1) радикального оздоровления экономики и 2) глубоких преобразований политической жизни (о чем речь уже шла выше). Положительно на первый вопрос ответили 66% граждан, на второй – 69%. Но поскольку участие в референдуме приняли только 67,3% граждан, имевших право голоса, то это составляло лишь 44,3 и 46,3% к общему числу избирателей. По словам Ярузельского, «это был момент если не переломный, то очень важный с политической, общественной и психологической точек зрения»²³. Хотя поражение не было катастрофическим, власть субъективно ощутила, что не обладает необходимой поддержкой. И как следствие – вызванная этим необходимость идти на дальнейшие уступки, расширять социальную базу власти и реформ.

Примечания

- ¹ Stan wojenny w dokumentach władz PRL (1980–1983). Warszawa, 2001. dok. 4. S.56–57; dok. 26. S. 164.
- ² Holzer J., Leski K. "Solidarność" w podziemiu. Łódź, 1990. S. 65.
- ³ Wybór źródeł do historii "Solidarności" Oświaty i Wychowania. 1980–1989. (Zebrał i oprac. Zurek J.). Warszawa, 2000. S. 301–302.
- ⁴ Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydemizmu i opozycji politycznej w Polsce (Przekł. z ang.). Wrocław etc., 1996. S. 197.
- ⁵ Стрелковський Я. Неподприємствна культура // Нова Польща. 2006. № 1. С. 3–10.
- ⁶ Antoszewski A. Erozja systemu politycznego PRL w latach osiemdziesiątych. Studium procesu. Wrocław etc., 1991.
- ⁷ Holzer J., Leski K. Op. cit. S. 71.
- ⁸ См. подробнее: Бухарин Н.И. Внутренние факторы польской революции 1989 г. // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 121–122.
- ⁹ Раковский М. Посмотрим трезво друг на друга // Литературная газета. 3–9.12.2003.
- ¹⁰ Цит. по: Кувалдин Ст. Зачем договариваются с оппозицией // Свободная мысль-XXI. 2005. № 11. С. 155–156.
- ¹¹ Skórzyński J. Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. Warszawa, 1995. S. 111.
- ¹² Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 1. Трансформация 90-х гг. М., 2002. С. 28.
- ¹³ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit. S. 46.
- ¹⁴ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit. S. 9–13.
- ¹⁵ Karpiński J. Trzecia niepodległość: Najnowsza historia Polski. Warszawa, 2001. S. 46.
- ¹⁶ Holzer J. Op. cit. S. 40–152.
- ¹⁷ Цит. по: Skórzyński J. Op. cit.
- ¹⁸ Okragły Stół. Dokumenty i materiały. Tom I. Warszawa, 2004. S. 79–80.
- ¹⁹ Цит. по: Zuzowski R. Op. cit. S. 202, 198, 200.
- ²⁰ Цит. по: Zuzowski R. Op. cit. S. 189–190.
- ²¹ Цит. по: Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski: Szkice do portretu PRL. Kraków, 1999. S. 136.
- ²² Цит. по: Skórzyński J. Op. cit. S. 51.
- ²³ Цит. по: Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–2001. Kraków, 2002. S. 15.

«Русский фактор» во взглядах политической оппозиции ПНР и правящей элиты современной Польши

Abstract:

Volobuev V.V. *The «Russian factor» in the views of the political opposition in the People's Republic of Poland and the ruling elite of modern Poland*

The article analyses the views characteristic for different trends of the political opposition in the People's Republic of Poland on the relations with the USSR and Russia, and the influence of these views on the basic principles of the foreign policy in the post-Soviet period.

Ключевые слова: социализм, Польша, Россия, правящая элита, оппозиция.

Когда советская армия в 1944 г. вступила на польские земли, она встретила там не только народ, страдавший от фашистской оккупации, но также разветвленные подпольные организации, считавшие себя носителями государственных атрибутов. К таким организациям относились: Армия Крайова, представительство эмигрантского правительства в стране (Делегатура) и представительство всех основных партий, формировавших парламент в изгнании. В этих условиях Польский комитет национального освобождения, сформированный с подачи СССР, рассматривался традиционными политическими структурами как узурпаторский и нелегитимный, и в этом они находили поддержку немалой части населения страны.

Советский Союз с самого своего зарождения не вызывал доверия у многих граждан Второй Речи Посполитой (1918–1939). Революционные лозунги большевиков, захватившие немало поляков в России, не оправдали себя в самой Польше, где «классово близкие» коммунистам рабочие в основном отказались поддержать поход Красной Армии на Варшаву, усмотрев в этом очередную попытку русских лишить их вновь обретенной независимости. Непростые отношения двух стран в дальнейшем лишь подогревали взаимное недоверие, а вторжение советских войск в сентябре 1939 г. в Польшу, казалось, подтвердило общее представление о восточном соседе как о неизменно враждебном польской независимости.

Первые шаги советской власти в 1939–1941 гг. не могли вызвать симпатий у поляков. Массовые депортации населения, расстрел польских офицеров в Катыни, Медном и Старобельске, аресты бойцов Армии Крайовой наглядно показывали, что несет с собой новая власть. Неудивительно, что приход Красной Армии в 1944–1945 гг. многими жителями страны (особенно интеллигенцией старой закалки) воспринимался как смена одной оккупации на другую. Многие партизаны, шесть лет сражавшиеся с фашистами, поворачивали оружие против коммунистов, а наиболее воинственные круги эмиграции рассчитывали на конфликт между победителями во Второй мировой войне, надеясь восстановить Польшу в ее довоенных границах. Однако левая интеллигенция, немало рабочих и безземельных крестьян при всем

своим неоднозначном отношении к Красной Армии выражали поддержку Польской рабочей партии, которая провозглашала курс на дружбу с СССР.

Подтасованные властью (при участии сотрудников НКВД) результаты референдума 1946 г. по вопросу экономических реформ и изменений в Конституции, а также сфальсифицированные выборы в Сейм в 1947 г.¹ утвердили положение, при котором единственной весомой политической силой в стране становилась марксистская партия, взявшая на вооружение сталинскую стратегию социальной борьбы. После снятия в 1948 г. с поста генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии В. Гомулки за «правонационалистический уклон» и объединения этой партии с Польской социалистической в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП) в стране установился тоталитарный режим, жестоко подавлявший любой намек на оппозиционность. Правящая элита, направляемая указаниями из Москвы, взяла курс на ускоренную индустриализацию, коллективизацию деревни, насаждение марксистского мировоззрения среди интеллигенции и подрыв позиций католической церкви. Отныне довоенная Польша квалифицировалась как «буржуазное государство», притеснявшее рабочих и крестьян, а представители «реакционных классов» находились под пристальным надзором органов госбезопасности и подвергались преследованиям. Даже Армия Крайова – главная боевая сила в стране во время оккупации – была обвинена в сотрудничестве с фашистами и ошельмована. Ее члены вынуждены были не афишировать свое прошлое.

Конец этой политике пришел в начале 1956 г. Растущее недовольство населения тяжелой экономической ситуацией и очевидной внешнеполитической зависимостью страны от СССР (крайне оскорбительной для поляков, имевших богатый опыт конфликтов с Россией) вырвалось наружу после XX съезда КПСС в феврале 1956 г., когда был осужден культ личности И.В. Сталина. Многие граждане Польши восприняли этот факт как признание властью ошибочности своей прежней политики. Активизировались национально-освободительные и религиозные настроения, в ряде городов произошли серьезные общественные волнения, носившие антикоммунистическую окраску. Наиболее драматичный оборот события приняли в Познани, куда после июньских выступлений рабочих пришлось ввести войска. Поднимающаяся волна критики в прессе и творческих объединениях, студенческие митинги привели к общественно-политическому кризису, в ходе которого В. Гомулка был вновь вознесен на пост лидера партии, а советское руководство, двинувшее было танки на Варшаву в октябре 1956 г., вынуждено было смириться со свершившимся фактом, убедившись, что обновленное Политбюро ЦК ПОРП не собирается объявлять о выходе страны из Организации Варшавского договора. Это был единственный случай, когда смена высшего руководителя ПОРП осуществлялась без согласования с Москвой.

В 1956 г. произошел слом тоталитарной модели социализма в Польше и замена ее на более мягкую авторитарную. В этих условиях появилась возможность для ограниченной критики власти и появления «лояльной оппозиции».

К таковой относились партийные «ревизионисты» и светские католики из движения «Знак».

Польский «ревизионизм» в своей основе имел стремление переосмыслить положения марксизма-ленинизма и избавить его от сталинских упрощений и догматизма. Его начало можно приурочить к «Тайному докладу» Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, когда рухнула идеологическая платформа сталинизма, объединявшая основную массу польских коммунистов. Господствовавшие до той поры представления о Советском Союзе как о центре притяжения и оплоте всего мирового коммунизма были в некоторой степени космополитичны. Польские марксисты в силу доминирующей позиции страны Советов в социалистическом лагере воспринимали Польшу как очередную взятую советскими коммунистами бастион в борьбе с мировым капитализмом. Поэтому начавшееся строительство социализма в своей стране было для них не самостоятельным явлением, а продолжением советской политики противостояния с миром классового неравенства и эксплуатации.

В 1956 г. этот миф был разрушен. Всплеск национальных чувств показал марксистам (в особенности – молодым, воспитанным на ценностях послевоенной Польши) тщетность игнорирования традиционного самосознания поляков. Убеждение в универсальности советского опыта сменилось стремлением к поиску собственной, польской дороги к социализму. Поэтому такую поддержку получил В. Гомулка, в свое время отстраненный от власти за приверженность этой позиции.

«Ревизионисты» стремились расширить поле свободной дискуссии по вопросам текущей политики, экономики и марксистской философии и требовали прекратить политические репрессии. Кроме того, их объединяло желание размежевать интересы внешней политики СССР и международного рабочего движения, добившись равноправия всех стран социалистического лагеря. «Ревизионисты» признавали моральный авторитет Советского Союза как первой страны социализма, однако отвергали его претензии быть направляющей силой и контролером социалистического строительства в других государствах. Верхушка правящей партии подозрительно смотрела на такие идеи, поскольку считала, что раз СССР своим ядерным щитом прикрывает всех участников Варшавского договора от агрессии «империалистических держав», то страны «народной демократии», обладая самостоятельностью во внутренней политике, обязаны соотносить свою внешнюю активность с действиями Советского Союза². Над правящей элитой Польши дамочным мечом висела неурегулированная проблема «возвращенных земель» (т.е. Силезии, Поморья и части Восточной Пруссии), чью принадлежность к Польше оспаривала ФРГ. В. Гомулка полагал главным гарантом сохранения этих земель советские войска и ядерные ракеты. Поэтому любой акт неповиновения внутри партии он объяснял происками идеологических врагов за рубежом, которые под предлогом свободы мнений хотят разложить ПОРП и ослабить политический режим, чтобы затем пересмотреть итоги Второй мировой войны, лишив Польшу территориальных приобретений.

В начале 1968 г. по указанию ЦК ПОРП был снят со сцены Национального театра в Варшаве спектакль по поэме А. Мицкевича «Дядзь». Постановку обвиняли в подчеркивании антирусских акцентов и религиозных мотивов произведения. Это сообщение вызвало бурю возмущения среди большей части варшавских литераторов и оппозиционного сообщества студентов, известного под именем «коммандос». Последнее включало в себя детей многих заслуженных коммунистов Польши и в какой-то мере являлось наследником идей молодежных бунтарей 1956 г. «Коммандос» организовали манифестацию протеста, которая закончилась разгоном и дисциплинарными взысканиями, наложенными на ее участников. Стремясь защитить репрессуемых, студенты Варшавского университета организовали 8 марта митинг, который также был разогнан. После этого начались забастовки и митинги во всех университетских городах Польши, продолжавшиеся – то усиливаясь, то ослабевая – около двух недель. Возникнув как попытка защитить национальную культуру, движение вскоре выдвинуло требования социалистической демократии, реального разделения властей и независимой молодежной организации. Студентов поддержали многие ученые и представители творческих профессий, которые поплатились за свое мнение постами и были подвергнуты травле в прессе. Немалое их число вынуждено было покинуть страну. Значительная часть активистов студенческого движения оказалась за решеткой либо была изгнана из вузов.

Мартовские волнения показали крах идеологической концепции «польского пути к социализму», с которой Гомулка в 1956 г. вернулся на политический Олимп. Отсутствие демократических свобод и внешнеполитическая зависимость от СССР скомпрометировали ее и по сути погубили возможность национальной легитимизации социалистического строя. После скандального снятия со сцены спектакля, созданного по одному из главных произведений польской литературы, стало очевидно, что правящая элита страны не сумела в полной мере добиться самостоятельности от Москвы (хотя последняя не имела никакого отношения к запрету постановки), а стало быть, идеологическая доктрина ПОРП не превратилась в выразителя национальных интересов государства (как это произошло, к примеру, в СССР, Китае, Югославии, Албании, Румынии и других социалистических странах, где руководство проводило самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику).

По сравнению с «ревизионистами» движение светских католиков «Знак» имело куда меньшее влияние в обществе, но его голос также был слышен, так как оно имело небольшую фракцию в Сейме, располагало пятью клубами католической интеллигенции в разных городах и собственными изданиями. «Знак» поддерживал курс польского правительства на дружбу с СССР, поскольку лишь такая линия, по убеждению его идеологов, могла сохранить за Польшей «возвращенные земли». Это обстоятельство способствовало тому, что верхушка ПОРП позволяла существовать данному сообществу, хотя оно никогда не признавало руководящей роли партии.

Смена партийного руководства, произошедшая в декабре 1970 г. под воздействием массовых рабочих волнений, пробудила среди членов «Знака»

надежду, что партия встанет на более демократический путь при осуществлении своей политики. Однако этого не случилось. Более того, в 1975 г. правительство и фракция ПОРП в Сейме выдвинули проект изменений в Конституции, согласно которым правящая партия официально признавалась руководящей силой в обществе, законодательно закреплялся внешнеполитический союз с СССР и вводилось положение о связи прав человека с исполняемыми им обязанностями. Большая часть «Знака» активно включилась в кампанию против этих поправок, начатую некоторыми представителями неформальной оппозиции. Сейм принял первые две из трех предложенных поправок (при голосовании воздержался лишь глава фракции «Знак» С. Стомма), после чего власти дали отвод четырем из пяти кандидатур депутатов «Знака», выдвигавшихся в новый состав парламента. Движение «Знак» почти в полном составе прекратило свою деятельность в Сейме, превратившись в сугубо общественную организацию. Отдельные его представители (Т. Мазовецкий, ксендз Я. Зея, С. Киселевский и др.) включились в деятельность первой появившейся тогда оппозиционной организации – Комитета защиты рабочих (КОР), – и начали публиковать критические статьи о политике власти в подпольных и эмигрантских изданиях.

Кроме описанных выше течений «лояльной оппозиции» (то есть принимавшей существующий политический режим) существовал значительный слой людей, отвергавших общественно-политическую систему Народной Польши. К этим людям в основном принадлежали сторонники социал-демократии, эндеци, санации, христианских демократов и людовцев. С болью осознавая подчиненное положение Польши по отношению к Советскому Союзу, они полагали правящий режим если не марионеточным, то уж точно чуждым польской традиции, а потому формировали нечто вроде интеллектуального подполья или «молчаливой оппозиции». О численности и весе этих людей в обществе говорит тот факт, что в наиболее известном тогда месте собраний польской интеллигенции – варшавском Клубе кривого колеса – уже в начале 1957 г., то есть сразу после слома тоталитарного режима, ведущую роль захватила когорта немарксистских интеллектуалов – литературовед Я.Ю. Липский, журналист А. Малаховский, писатель П. Ясеница, социолог В. Едлицкий и другие³.

Подобная «живучесть» немарксистских идей говорила о существовании мощной социальной базы, откуда рекрутировались поборники «свободной независимой Польши». Действительно, немалая часть польского общества противопоставляла себя стране и стремилась коренным образом поменять политическую систему в стране. Мотивы этого были двоякие: во-первых, поляки очень остро чувствовали неполный суверенитет своего государства, его зависимость от руководящего центра в Москве. Именно поэтому даже в периоды политической стабильности то и дело возникали тайные антиправительственные группировки (состоявшие в основном из рабочей и крестьянской молодежи), которые ставили своей целью борьбу с «русским влиянием», а в моменты общественных кризисов 1956 г., 1970 г., 1976 г., 1980–1981 гг., независимо от первоначальных требований участников протеста, всегда

всплывала «советская проблема» (то есть стремление избавиться от навязчивой опеки СССР). Исключением на этом фоне представляется кризис 1968 г., когда волнениями было охвачено главным образом студенчество и антисоветских лозунгов не звучало. Этот факт наглядно показывает, среди каких слоев в основном были распространены антиросийские настроения.

Второй причиной незатухавшего недовольства было то, что немало людей (прежде всего среди интеллигенции) было раздражено практически полной ликвидацией демократических свобод, которыми Польша, пусть и в весьма урезанном виде, пользовалась в довоенное время (многопартийность, свобода слова и собраний, независимые профсоюзы и т.д.). Это подталкивало сторонников самых различных идеологий налаживать связи с антикоммунистической эмиграцией (в основном – с издателями парижского ежемесячника «Культура») и католической церковью, чтобы сохранить «интеллектуальную традицию». Недовольство отсутствием свобод проявлялось у интеллигенции в различных формах – от акций протеста против всевластия цензуры (вроде резолюции съезда Союза польских литераторов в 1958 г. и «Письма 34-х» в 1964 г.) до организации оппозиционных «салонов» и «летучих университетов» на частных квартирах. Со временем популярность этих настроений только возросла. Это произошло в начале 1970-х гг., когда почти все представители «ревизионизма» отказались от марксистских взглядов и пополнили ряды непримиримой оппозиции. Именно тогда появилась демократическая оппозиция, которая в качестве двух главных задач выдвинула слом существующей общественно-политической системы и подлинную независимость страны.

Первым признаком возникновения такой оппозиции стала кампания против изменений в Конституции, проходившая в 1975 – начале 1976 гг. Многие известные представители польской науки и культуры поставили тогда свои подписи под петициями, требовавшими отказаться от предлагаемых поправок. Летом 1976 г., после очередных рабочих выступлений, оппозиция начала принимать организационную форму. Возник Комитет защиты рабочих (КОР), поставивший целью юридическую защиту репрессированных участников волнений и материальную поддержку их семей. В этот комитет вошли как малоизвестные люди, проявившие себя лишь в разного рода оппозиционных акциях прошлых лет, так и весьма заметные в Польше писатели, актеры, ученые, юристы, политические деятели (Е. Анджеевский, Э. Липиньский, Я.Ю. Липский, А. Пайдак, Я. Куронь, А. Михник и др.).

Возникновение КОР стало началом явного противостояния правящей элиты и политической оппозиции. Появлялись все новые организации, которые выдвигали различные программы действий и отличались большим или меньшим радикализмом. Широкий размах приобрела подпольная пресса. Возникли даже нелегальные типографии. В сентябре 1977 г., после того, как все участники рабочих выступлений вышли из тюрем, КОР преобразовался в Комитет общественной самозащиты (КСС), поставив задачу бороться со всеми проявлениями нарушения прав человека в стране. К этому времени в Польше появилась еще одна организация, вобравшая в себя ряд известных

оппозиционеров, – Движение в защиту прав человека и гражданина (РОПЧО). В отличие от КОР, участники РОПЧО больше тяготели к традиции национально-освободительной борьбы и акцентировали внимание на проблеме независимости Польши. Лидерами новой организации стали видный журналист Л. Мочульский и историк А. Чума. Последний уже принимал участие в создании подпольной антиправительственной структуры «Рух», и в 1971 г. был осужден на несколько лет заключения. Внутри РОПЧО вскоре проявились идеологические различия, и в октябре 1979 г. Л. Мочульский вышел из его состава, объявив о создании Конфедерации независимой Польши – первой оппозиционной организации, самоопределившейся как политическая партия.

Сами по себе эти структуры не слишком угрожали позициям марксистской партии. Истинной опасностью для правящей элиты были не малые группки недовольных, а потеря доверия со стороны значительных кругов населения. Когда осенью 1978 г. римским папой был избран краковский архиепископ К. Войтыла, это произвело на общество куда большее впечатление, чем полет первого польского космонавта М. Гермашевского летом того же года, широко освещавшийся средствами массовой информации ПНР. Огромные толпы встречающих Иоанна Павла II во время его первой поездки на родину в ранге римского первосвященника летом 1979 г. наглядно показали, кто является истинным властителем душ поляков.

В начале июля 1980 г. на польских предприятиях начала набирать силу забастовочная волна, вызванная сугубо экономическими причинами. Однако власти ответили на это репрессиями. С гданьской судовой верфи им. Ленина были уволены активные деятели независимого профсоюзного движения А. Валенгинович и Л. Валенса. Протестуя против этой меры, рабочие верфи 14 августа организовали свою забастовку. Их поддержали трудящиеся остальных предприятий Гданьска, и в ночь с 16 на 17 августа был образован Межзаводской забастовочный комитет во главе с Л. Валенсой. 17 августа перед воротами судовой верфи им. Ленина прошла первая месса, и с тех пор участники забастовок стали широко прибегать к религиозной символике и обрядам. В этом было одно из коренных отличий выступлений 1980–1981 гг. от всех предыдущих, что свидетельствовало о переоценке ценностей польского общества. Если раньше рабочие воспринимали свой протест как борьбу за лучшие условия труда, то теперь вопрос стоял об изменении системы и новом пути развития для всей Польши. 30 августа были подписаны соглашения в Гданьске и Щецине, согласно которым рабочие получали право на независимые от партии профсоюзы. 17 сентября в Гданьске прошел съезд представителей тридцати Межзаводских забастовочных комитетов (представлявших примерно 3 миллиона человек), на котором было принято решение о создании единого профсоюза «Солидарность», внутренне разделенного по региональному признаку.

Появление «Солидарности» создало совершенно уникальную ситуацию. По сути, возникла новая политическая партия, которая хотя и не покушалась на политическую власть, однако серьезно ограничивала партийные органы в их монополии на управление.

Одной из главных дилемм 1980–1981 гг. был вопрос, войдут или не войдут в Польшу советские войска в рамках «братской помощи» ПОРП. Исторический опыт других стран (Венгрии, Чехословакии, Афганистана), давление, которое оказывало руководство КПСС на ЦК ПОРП, военные маневры «Союз 81» и «Запад 81», проводившиеся у польских границ, недвусмысленно намекали на подобную возможность.

Чтобы избежать такой перспективы, верхушка «Солидарности» старалась не поднимать вопросов внешней политики и всячески осуждала анти-советские высказывания. Даже «Послание к трудящимся Восточной Европы», принятое на съезде «Солидарности» в Гданьске 8 сентября 1981 г. и выражавшее поддержку всем движениям, выступающим за независимые профсоюзы, вызвало неоднозначную реакцию у некоторых активистов, так как могло явиться предлогом для советской интервенции.

Массовое общественное движение 1980–1981 гг. привело к укреплению существующих в Польше структур гражданского общества (профсоюзы, сельские и студенческие самоуправления, научные и творческие организации) и появлению новых. Само по себе это означало ликвидацию руководящей роли ПОРП. Партийная верхушка отказывалась идти на дальнейшие уступки, справедливо полагая, что они приведут к полной эрозии той общественно-политической системы, которая обеспечивала господство ПОРП. События зашли в тупик. Правление «Солидарности» не решалось активизировать давление на органы власти, опасаясь резких ответных мер и особенно – советской интервенции. Власть не могла серьезно поколебать позиции «Солидарности» и ограничивалась глухой обороной. В поисках выхода оба соперника обращались к посредничеству епископата, но каких-то конкретных дивидендов это не приносило.

Военное положение, введенное 13 декабря 1981 г. В. Ярузельским, совместившим к тому времени посты первого секретаря ЦК ПОРП, премьер-министра и министра обороны, явилось выходом из тупика. Однако военная диктатура была последним средством спасения партийно-государственного аппарата. По сути, это был конец Народной Польши. Как выразился В. Ярузельский на заседании Политбюро ЦК ПОРП 5 декабря 1981 г., «это уродливая, ужасная дискредитация партии, если после 36 лет правления она вынуждена защищать свою власть с помощью милиции»⁴. Дальнейшие события представляли собой тщетные попытки правящей элиты провести экономические реформы и вдохнуть новую жизнь в общественно-политическую систему. Трудно сказать, удалось ли бы найти правящей элите новые формулы власти или нет, но Перестройка в СССР окончательно похоронила перспективы сохранения существующего строя. Едва ослабла доминирующая роль Советского Союза, в Польше активизировались общественные инициативы, которые привели к переговорам между властью и оппозицией за «Круглым столом» в феврале – апреле 1989 г., закончившимся фактической отменой руководящей роли партии. В сентябре того же года был сформирован первый коалиционный кабинет министров, где преимущество получили сторонники оппозиции (правительство Т. Мазовецкого).

29 декабря 1989 г. Сейм принял поправки к Конституции, упразднившие прежний социально-экономический строй и политическую систему ПНР. 27 января 1990 г. на своем последнем съезде ПОРП заявила о самороспуске. Эпоха Народной Польши завершилась.

К власти в стране пришла новая элита, в массе своей ухидившая корнями в оппозиционные движения прежних лет. Несмотря на вскоре возникшие трения между представителями разных идейных течений и политических взглядов, всех этих людей объединяло сугубо негативное отношение к Народной Польше как к недемократическому и несuverенному государству. Это представление и по сей день является общим знаменателем для польской интеллигенции. Современная Польша часто именуется в исторических и публицистических текстах Третьей Речью Посполитой, наследницей Первой (шляхетской) и Второй (межвоенной) республик. ПНР в представлении поляков как бы выпадает из общего хода польской истории – ее считают явлением искусственным, возникшим в силу неблагоприятных внешних условий (политического и военного диктата СССР).

Отношение граждан нынешней Польши к социально-экономическому строю ПНР более сложное, особенно в среде рабочих и крестьян. Многими поляками с ностальгией вспоминаются социальные гарантии государства в те времена, доступ к общественным благам. Согласно опросам, большая часть населения страны с наибольшей теплотой вспоминает времена Э. Герека, характеризовавшееся поначалу потребительной лихорадкой и резким повышением уровнем жизни. Возник даже своеобразный «миф Герека»⁵. Отношение это, однако, не распространяется на Народную Польшу как таковую, самым большим минусом которой подавляющее большинство населения считает подчиненность СССР. Приход к власти в середине 1990-х гг. наследников ПОРП в виде Союза левых сил и президента А. Квасьневского ничего в этом смысле не изменил, отразив лишь тоску многих поляков по социальной стабильности. Правящая элита новой Польши четко осознает причину холодности большинства поляков к ПНР и проводит соответствующую линию, независимо от того, кто в данный момент имеет большинство в Сейме и занимает кабинет в Бельведере. Народная Польша запечатлелась в памяти поляков как государство, в котором решающий голос принадлежал не им, а руководящему центру в Москве.

Примечания

¹ Paczkowski A. *Pół wieku dziejów Polski*. Warszawa, 2005. S. 128–132.

² Archiwum Act Nowych (Warszawa) PZPR KC XIA/18. S. 277–278.

³ Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (Warszawa) 0236/175 t. 2. S. 26, 402.

⁴ Paczkowski A. *Op. cit.* S. 342.

⁵ Potkaj T. *Mit Gierka: trochę kulawa Arkadia* // *Tygodnik Powszechny*. Kraków, 2002. № 30.

Зарождение и развитие диссидентского движения в Болгарии

Abstract:

Valeva Ye.L. *The birth and development of the dissident movement in Bulgaria*

Organised manifestations of dissatisfaction with the Socialist regime, which are usually called the dissident movement, broke up in Bulgaria in the late 1980s. This circumstance let some historians call it «delayed». Nevertheless, despite their late coming into being and specific forms of activities, Bulgarian «informal» organizations – in the period of deep social-economic and political crisis – were capable of creating favorable political atmosphere for transition to democracy and market economy. Although the first changes in social and political life were launched in 1989 by the Communist leadership, the opposition was permanently pushing them forward, and in this particular way contributed to the formation of a pluralistic party system.

Ключевые слова: история Болгарии, диссидентство, инакомыслие, «неформальные» организации, оппозиция, Болгарская коммунистическая партия, анти тоталитарная революция, Т. Живков, Ж. Желев.

Когда в конце 1960-х гг. в СССР и ряде других социалистических стран возникло интеллектуальное движение протеста, получившее специфическое название инакомыслие (диссидентство), это не могло не найти отражения и в Болгарии, являвшейся неотъемлемой частью Восточного блока не только в политическом и экономическом плане, но и в духовном отношении¹. Однако вплоть до конца 1980-х гг. болгарскому обществу больше был присущ скрытый плюрализм, который не заявлял о себе значимыми публичными акциями. Болгарское инакомыслие как организованное движение явилось прямым следствием советской «перестройки», а также некоторой либерализации живковского режима, начатой «сверху». Речь идет о так наз. «июльской концепции»², где, в частности, предусматривалась возможность создания объединений, клубов, форумов, движений и т.д.

Выразителем растущего социального недовольства стала творческая интеллигенция, перешедшая от молчаливого внутреннего несогласия к открытому критицизму системы. При этом следует отметить, что большая ее часть долгое время чувствовала себя достаточно комфортно на обеспеченных ей властью позициях в творческих союзах, при гарантированной материальной обеспеченности в обмен на лояльность. Особые отношения Т. Живков всегда выстраивал с художественно-творческой интеллигенцией, считая одним из основных факторов легитимации режима поддержку самых известных и уважаемых членов общества. Живковское «заирывание» с интеллектуальной элитой затрудняло для нее разрыв с властью, но советская «гласность» очень быстро и в корне изменила ситуацию. Взрыв произошел весной 1989 г., когда на съездах различных творческих союзов резко критиковалось ограничение

гласности в Болгарии, сохранение «запретных для критики» зон, привилегии номенклатуры и т.д. Острые статьи оппозиционной направленности стали появляться в печати, критические передачи – на телевидении.

Впрочем, и ранее всей стране были известны критически настроенные представители творческой интеллигенции – писатель Г. Марков, художник Св. Русев, поэтесса Б. Димитрова, философ Ж. Желев, писатель-сатирик Р. Ралин, художники-карикатуристы Б. Димовский и Т. Цонев (их работы были прямо направлены против Т. Живкова). Особенно широкий отклик среди общественности нашла монография Ж. Желева «Фашизм. Тоталитарное государство» (1982 г.), запрещенная вскоре после выхода в свет из-за скрытых параллелей между фашистским и социалистическим государством, что создало автору ореол диссидента.

По признанию писателя Г. Мишева, в Болгарии самой распространенной формой инакомыслия стала «эзоповская», то есть завуалированная форма сопротивления существующей системе³. Однако организованное проявление недовольства режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в конце 1980-х гг., что дало болгарским историкам И. Баевой и Е. Калиновой основание назвать его «запоздалым»⁴.

Несмотря на специфику, касающуюся времени возникновения, форм деятельности и организации⁵, в Болгарии, как и в других странах Восточного блока, инакомыслие возникло для того, чтобы подтолкнуть общество к переходу к демократии, воздействовать на широкие круги населения с целью пробудить критицизм по отношению к власти. Отсутствие в Болгарии диссидентских организаций, подобных «Хартии 77» в Чехословакии, «КОС-КОР» и «Солидарности» в Польше, групп, разработавших в середине 1980-х гг. программы преобразования социалистического режима в Венгрии, нередко становилось основным аргументом в поддержку тезиса о том, что в начале демократических перемен болгары оказались к ним абсолютно не готовы. Так ли это на самом деле? Материалы архивов, а также опубликованных документальных сборников и прессы свидетельствуют о том, что в 1988–1989 гг. (то есть еще за два года до падения режима Т. Живкова⁶) в стране была создана организованная оппозиция правозащитного, экологического и синдикального типа⁷.

Уже на первом этапе развития оппозиционного движения в Болгарии (до 10 ноября 1989 г.) в нем оформились два основных лагеря (хотя некоторые диссиденты участвовали одновременно в нескольких неформальных движениях, но это было скорее редкостью). Первый сформировали Независимое общество защиты прав человека в Болгарии, Независимый профсоюз «Подкрепа» («Поддержка»), Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, второй – Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии, Общественный комитет по экологической защите города Русе (ОКЭЗР или Русенский комитет). В первый лагерь вошли идейные противники режима, антикоммунисты, создававшие организации главным образом в провинции и с преобладанием бывших политзаключенных.

Поскольку это были люди, неизвестные широкой общественности, влияние их было невелико. Членскую массу второго лагеря составляли представители софийской интеллигенции, пользовавшиеся известностью и авторитетом в стране. Это были главным образом коммунисты реформаторского толка, настроенные против Живкова (хотя и там часть активистов была против системы в целом, но по тактическим причинам пока не выступала с этих позиций). Нескольким особняком стояла «Экогласность», объединившая как приверженцев социализма, так и его противников, сплоченных общей тревогой за сохранение окружающей среды.

Первая правозащитная, диссидентская организация в Болгарии и первая независимая общественная организация после 1947 г. — это, несомненно, Независимое общество защиты прав человека (НОЗПЧ) в Болгарии, созданное 16 января 1988 г.⁸ И. Миневым с 16 единомышленниками в его доме в г. Септември. НОЗПЧ объявило, что его деятельность основывается на Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Заключительном акте конференции в Хельсинки (1975 г.) и Конституции Болгарии. Основную задачу Общество видело в контроле над соблюдением прав и свобод человека в стране и информировании болгарского и мирового общественного мнения о нарушении этих прав.

В Уставе НОЗПЧ отмечалось, что оно «имеет Заграничную секцию, членами которой являются болгары и болгарские граждане, проживающие более одного года за пределами отечества»⁹. В 1988 г. во Франции оформилось эмигрантское крыло, которое активно сотрудничало с авторитетными европейскими СМИ. Благодаря передачам журналистки Р. Узуновой по радиостанции «Свободная Европа» мир (и, кстати, большинство болгарских граждан) узнал о НОЗПЧ и других правозащитных организациях в Болгарии и об их акциях протеста против нарушений прав человека в этой стране¹⁰.

Первое открытое проявление НОЗПЧ состоялось в апреле 1988 г., когда в Государственный совет, Народное Собрание, министерство правосудия и в столичные средства массовой информации Общество направило Учредительный протокол, просьбу о регистрации и Воззвание с требованием освобождения политзаключенных. Как пишет Д. Луджев в своей книге «Революция в Болгарии 1989–1991», в то время в болгарском обществе почти ничего не было известно о НОЗПЧ, кроме некоторых спорадических слухов о существовании такого общества и суровых мер, предпринятых властями в отношении его членов¹¹.

НОЗПЧ выступало за соблюдение прав всякого национального или религиозно обособленного меньшинства; в защиту окружающей среды; против любой формы привилегий, за исключением льгот для социально слабых. Со временем численность НОЗПЧ значительно возросла за счет насильственно переименованных болгарских турок, спонтанно искавших поддержки у болгар, болгарских правозащитных структур и создавших местные организации Общества. Попытки НОЗПЧ получить юридическую регистрацию неизменно блокировались, собрания разгонялись, документы неправомерно изымались,

на что члены Общества отвечали продолжительными голодовками в знак протеста. Поскольку члены НОЗПЧ являлись открытыми противниками коммунистического режима, бывшими политзаключенными¹², которые не имели той известности и авторитета в обществе, какая была у софийских интеллектуалов из Клуба в защиту гласности и перестройки или Русенского комитета, то репрессивные действия властей по отношению к ним были значительно более суровыми – многомесячные аресты, избиения, интернирование, высылка из страны. В органе ЦК БКП «Работническо дело» членов Общества всячески очерняли в глазах населения, называя их «лицами с криминальным и террористическим прошлым, которые ни перед чем не останавливаются, чтобы завоевать престиж на Западе»¹³. С целью противостоят НОЗПЧ, которому в очередной раз было отказано в официальной регистрации, власти учредили казенный «Комитет по правам человека», возглавленный партаппаратчиком К. Теллаловым. В интервью «Свободной Европе» секретарь НОЗПЧ поэт П. Манолов признавал, что работа Общества по существу блокирована, а его активист, священник Б. Топузчиев по той же радиостанции зачитал «Коммюнике НОЗПЧ», где говорилось о систематических незаконных репрессиях со стороны властей, выражающихся в постоянной слежке, арестах, обысках, угрозах увольнений с работы и высылки из страны, ссылок и привлечений к суду.

В начале января 1989 г. активисты Общества были арестованы за «распространение антиправительственных слухов», в доме П. Манолова были конфискованы документы НОЗПЧ и личный архив поэта, был жестоко избит И. Минев. В знак протеста 11 января Манолов объявил бессрочную голодовку, требуя возвращения изъятых документов, на следующий день к ней присоединился И. Минев (его голодовка продолжалась более двух месяцев). Голодовки проводились и другими членами НОЗПЧ, в частности, против высылки Н. Колева-Босия в Бобовдол. Однако активисты Общества не могли предпринять ничего, кроме голодовок и заявлений западным радиостанциям, которые звучали скорее как призыв о помощи. Их протесты не имели особого общественного резонанса. Однако значение Общества состояло и в том, что его члены стояли у истоков других правозащитных организаций.

Независимый профсоюз «Подкрепа» возник как альтернатива официальным («казенным») профсоюзам по идее врача К. Тренчева, поэтов П. Манолова и Н. Колева-Босия в начале февраля 1989 г. в Пловдиве (по другим данным – в г. Стара Загора). «Подкрепа» создавалась как синдикальная организация для «помощи людям, занятым научной, гуманитарной и культурной деятельностью», для «оказания содействия демократическим преобразованиям в целях развития гражданского и профессионального сознания своих членов в рамках демократических принципов»¹⁴.

Первоначально в профсоюз входило всего несколько человек – художники, студенты, и он действовал главным образом среди интеллигенции. По аналогии с польскими группами КОС-КОР учредители «Подкрепь» стремились сначала создать центры, которые могли бы организовать людей и

анализировать политическую обстановку. Суд отказался зарегистрировать организацию. Сразу же начались репрессии со стороны властей – обыск в доме председателя профсоюза Тренчева в Стара Загоре, срыв собраний милицией, аресты и принудительное выдворение из страны членов «Подкрепь», и как следствие – голодовки активистов в знак протеста. На протяжении 2–3 месяцев деятельность профсоюза была практически блокирована и ограничивалась пропагандой его целей, главным образом через интервью и декларации в западных СМИ¹⁵.

В конце октября 1989 г. принимается решение открыть профсоюз для всех желающих (не только работников умственного труда), подготовить федеративный устав и перейти на федеративный принцип. Начались регулярные собрания «Подкрепь» на частных квартирах, уже в столице. Число членов быстро возрастало, профсоюз был преобразован в Независимую конфедерацию труда «Подкрепа», выступавшую уже за радикальную смену власти в стране. После 10 ноября 1989 г. началось бурное организационное развитие профсоюза, ставшего самой массовой оппозиционной структурой в Болгарии, которая играла важнейшую роль в политической жизни страны.

В начале 1989 г. в Болгарии действовали также Гражданская инициатива и «Комитет 273», созданный в г. Русе по инициативе диссидента, члена НОЗПЧ и «Подкрепь» Л. Собаджиева. «Комитет 273» защищал болгарских граждан, преследовавшихся за политическую деятельность и инакомыслие, которым госбезопасность инкриминировала обвинения по статье 273 УК (в том числе арестованным лидерам «Подкрепь»). Комитет первым поднял голос за политическую амнистию. Он за короткий срок завоевал широкую популярность в обществе и особые симпатии турецкого населения, в защиту прав которого он также выступал. В актив Комитета можно записать освобождение 46 болгарских граждан, обвиненных по ст. 273, освобождение К. Тренчева и его товарищей, а впоследствии и отмена статей 273 и 113 УК¹⁶.

9 марта 1988 г. по инициативе иеромонаха Христофора Сыбева и священника Благоя Топузлиева был создан Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, выступавший за невмешательство светской власти в дела церкви, за развитие религиозно-духовной сферы, благотворительности¹⁷. Окружной суд в г. Велико Тырново отказал Комитету в регистрации, и его основная деятельность на протяжении последующих месяцев заключалась в усилиях по легализации.

Ко второй группе инакомыслящих можно отнести коммунистов или стоящих на близких к ним позициях оппонентов «старого режима» Т. Живкова. Они преследовали задачу реформировать социализм и демократизировать систему, не выдвигая вопроса о замене ее другой. Чтобы не попасть под удар спецслужб, эта часть болгарских «несогласных» предалась неполитической деятельности: катализатором оформления диссидентского движения стали экологические проблемы, что в немалой степени объяснялось относительной безопасностью таких нейтральных в политическом отношении вопросов, как экология.

Непосредственным поводом выдвижения этих проблем на первый план стали тревожные сигналы об экологической катастрофе, нависшей над дунайским городом Русе в виде хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу, расположенного на другом берегу реки. Фактическое бездействие и беспомощность живковского руководства, не желавшего обострять и без того непростые отношения с «братской» Румынией, вызвали возмущение и демонстрации протеста русенских матерей. Их драма вызвала в стране широкий отклик: Союз болгарских художников во главе со Св. Русевым организовал специальную выставку, 12 февраля призыв Русева спасти Русе занял полстраницы газеты «Народна култура», его подхватили профсоюзные организации, научные институты, редакции газет и журналов, режиссер Юрий Жиров снял документальный фильм «Дыши!». Премьера (запрещенная властями, но тем не менее состоявшаяся при большом стечении народа) этого фильма в софийском Доме кино 8 марта 1988 г. и послужила поводом для учреждения первой массовой диссидентской организации в Болгарии – Общественного комитета в защиту экологии Русе. Собранные 500 человек приняли устав и декларацию «Спасем Русе!», избрали руководство из 33 членов, в которое вошли такие популярные общественные фигуры, как философ Ж. Желев, историк Н. Генчев, актер П. Слабаков, журналистка С. Бакиш (жена председателя Народного собрания Ст. Тодорова), художник Св. Русев, главный тренер Болгарии по художественной гимнастике Н. Робева¹⁸. Председателем был избран писатель Г. Мишев.

Собрание 8 марта стало кульминационным моментом пробуждения в Болгарии будущего гражданского общества – если определять его как взаимоотношения граждан с собственным государством, его социальной системой и политикой. Впервые после 1944 г. часть интеллектуальной элиты посмела нарушить негласно заключенный с властями договор о лояльности в обмен на обеспеченное существование.

ОКЭЗР оказался лакмусовой бумажкой, показавшей реакцию властей на создание неконтролируемых ими организаций. Уже спустя два дня после образования Русенского комитета был создан штаб в составе ответственных партийных работников для изучения фактов, связанных с созданием комитета. В информации от 20 марта 1988 г. штабом давалась следующая «партийно-политическая оценка» случившегося: «Созыв собрания, выборы «Общественного комитета» и принятие его документов произошли необычным для практики нашей страны образом – без участия компетентных партийных, государственных, общественных и научных органов и вопреки рекомендации не демонстрировать фильм «Дыши!» и не создавать подобный комитет»¹⁹. Предлагалось принять необходимые меры в связи с создавшейся обстановкой. Растущий интерес к Русенскому комитету, особенно в среде интеллигенции и молодежи, вызывал у руководства БКП опасение, что проблема Русе из региональной превратится в национальную, что она начинает затрагивать гражданские чувства населения и, таким образом, имеет тенденцию перерасти из экологической в политическую²⁰. В связи с этим

предлагалось, с одной стороны, ускорить разработку программы по оздоровлению окружающей среды в стране, а с другой – продолжить работу по изоляции организаторов Русенского комитета от рядовых его членов.²¹ Так сразу стало ясно, что руководство БКП, на словах выступавшее за радикальную перестройку, не собирается мириться с политической самостоятельностью отдельных групп болгарской общественности.

Многие из присутствовавших на учредительном собрании 8 марта были вызваны в различные подразделения министерства внутренних дел для соответствующей «обработки». На заседании Политбюро ЦК БКП 4 марта 1988 г. Русенский комитет назвали «рассадником корыстных политических целей», были намечены меры по его уничтожению. Репрессии последовали незамедлительно: из БКП исключили Г. Мишева, Хр. Смоленова, М. Варимезову, С. Бакиш. Св. Русева вывели из состава ЦК БКП. На протяжении считанных недель Русенский комитет был разгромлен партийными структурами и силами госбезопасности, заставившими учредителей отказаться от дальнейших действий. Однако данный Комитетом импульс не остался без последствий.

Позже, в апреле 1989 г., как продолжение Русенского комитета, было создано Независимое общество «Экогласность» во главе с П. Слабаковым, положившее начало движению «зеленых» в Болгарии. Оно выступало за открытость информации по экологическим проблемам, предупреждало общественность об опасности для окружающей среды вследствие работы конкретных горнорудных, металлургических и химических предприятий. Через выдвижение и освещение проблем экологии этой организации удавалось привлечь внимание населения к общей ситуации в стране. В декабре 1989 г. заявила о своем учреждении «Зеленая партия», ставившая в центр внимания человеческую личность и качество ее жизни (лидер А. Каракачанов).

Первой чисто политической организацией, открыто выдвигавшей наболелые вопросы и призывавшей общество включиться в их обсуждение, стал уже упоминавшийся Клуб в поддержку гласности и перестройки. Его учредительное собрание прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, утвердившемся к этому времени как центр инакомыслия. Среди учредителей и активистов Клуба были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже зарекомендовавшие себя оппонентами коммунистического режима, – Б. Димитрова, Ж. Желев, писатель Р. Ралин. Председателем был избран писатель П. Симеонов. Клуб организовал несколько секций, в которых обсуждались права человека и гражданские свободы, экономические, демографические, экологические проблемы, нерешенные вопросы болгарской истории и культуры²².

Собравшиеся приняли Программную декларацию и список из 81 учредителей. Декларация звучала достаточно амбициозно – она ставила задачу наметить основные социальные проблемы и искать пути их решения. С этой целью Клуб создал 6 секций: 1. Экономическая ситуация; 2. Права человека и гражданские свободы; 3. Демографические проблемы; 4. Экология;

5. Проблемы болгарской культуры; 6. Нерешенные проблемы болгарской истории. Новая организация уже не пряталась за той или иной неполитической проблемой, а открыто заявляла, что для общества настало время включиться в обсуждение всех важных для Болгарии вопросов. Фактически Клуб подготовил почву для общественного противостояния режиму Живкова, который открыто назывался помехой на пути демократизации.

Партийные документы, в которых анализируются сам факт создания Клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП от 28 февраля 1988 г. говорилось, что позиция Клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимающие созданные условия для демократизации нашего общества..., стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами»²³. В духе пропаганды времен «холодной войны» подчеркивалось, что Клуб «быстро нашел горячую и всестороннюю поддержку западных средств массовой информации, вражеской эмиграции, за которой стоят подрывные империалистические центры», поэтому «партийные органы и организации приняли практические меры для нейтрализации его дальнейшей деятельности»²⁴. Как оказалось, эти меры были крайне неэффективными, и властям не удалось задуть Клуб в зародыше, как это было сделано с Русенским комитетом.

Клуб в защиту гласности и перестройки, остро реагировавший на все, что происходило в зарождавшемся оппозиционном движении, стремился стать объединительным центром уже существовавших и новых диссидентских организаций. В «Декларации об отношении к остальным неформальным объединениям в стране» (март 1989 г.) заявлялось, что Клуб морально поддерживал и будет поддерживать в дальнейшем все неформальные организации, преследующие легальные цели легальными средствами²⁵. Особенно власти беспокоило, что интеллектуалы из Клуба могут объединиться с антикоммунистами из НОЗПЧ. В конце декабря 1988 г. в ЦК БКП и Софийском горкоме партии обсуждалась информация спецслужб о контактах Э. Генова и И. Минева с Клубом, а также вопрос о том, каким образом следует отстранить И. Минева с поста председателя НОЗПЧ.

В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, «Подкрепь», «Экогласности», Союза репрессированных, НОЗПЧ, что говорит о том, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Ж. Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию²⁶.

Тем не менее, еще раз подчеркнем, что до ноября 1989 г. оппозиции как реальной политической силы в Болгарии не существовало. Ни одна из групп протеста не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой она была готова бороться за власть. Зарождавшееся демократическое движение в Болгарии, разнородное по

своему составу и организационно разобщенное, не смогло создать консолидированную силу, способную свергнуть живковский режим. В то же время, заслугой болгарских диссидентских организаций является то, что за недолгий (фактически полтора года) период своей деятельности они сумели подготовить болгарское общество к переменам, показали всему миру, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека.

Старт переменам в Болгарии в ноябре 1989 г. дала часть партноменклатуры, перехватившая у диссидентов стратегическую инициативу, чтобы укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов. Но хотя молодая демократическая оппозиция не приняла участия во внутривнутрипартийном перевороте БКП 10 ноября 1989 г., она вместе с массовыми акциями протеста болгарских туток против так наз. «возродительного процесса»²⁷ во многом способствовала падению режима Т. Живкова.

Смена верхушки в аппарате власти способствовала либерализации общественной атмосферы в целом. В конечном счете, замена партийной элиты не смогла предотвратить смены системы. Резко возросла гражданская и политическая активность населения. В Софии и других крупных городах Болгарии проводились митинги и собрания в поддержку перемен, с требованием дальнейшего развития демократического процесса. В считанные месяцы в стране сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. Об этом свидетельствовал первый митинг «неформальных организаций» во главе с Клубом в поддержку гласности и перестройки, Конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии и собравший около 100 тысяч человек. Главными ораторами на нем были Ж. Желев, П. Симеонов, Б. Димитрова, Р. Ралин, Р. Воденичаров, А. Каракачанов и др.

1–2 декабря Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера Ж. Желева впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации и о его будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривались амбиции Клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, которые уже вели конкретные переговоры об объединении²⁸. Фактически, идеи Клуба превратились в реальную политическую альтернативу БКП.

Сам факт смещения Живкова стал мощным стимулом для появления в стране новых политических сил, развития альтернативных общественных структур. К уже утвердившимся независимым формированиям прибавлялись все новые неформальные группы, желавшие участвовать в политической жизни страны. В ноябре–декабре 1989 г. возобновили свою деятельность и партии, запрещенные или распущенные в 1946–1948 гг.: Болгарская социал-демократическая партия (БСДП, председатель П. Дертлиев), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) – «Никола Петков»

(БЗНС-Н.П., председатель М. Дренчев), Радикально-демократическая партия (РДП, лидер Э. Константинова), Демократическая партия (ДП) и др.

Тот факт, что диссиденты не участвовали в непосредственной подготовке политических перемен, вынуждало их ускорить свое объединение с тем, чтобы включиться в уже начавшиеся процессы. Появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС), объединившего пестрые диссидентские группы и организации и предложившего обществу свою программу. Для того, чтобы быть действительно альтернативной, она кардинально отличалась от выдвинутой новым реформаторским руководством БКП задачи демократизации социализма, поэтому СДС категорически отвергал «демократический социализм» как ориентир развития страны и делал упор на ликвидацию власти БКП. В своей Учредительной декларации СДС не ограничивался общими требованиями гражданского общества, многопартийной системы, правового государства, рыночной экономики, но и выдвигал более конкретные цели: равноправие всех форм собственности перед законом; новое трудовое и социальное законодательство, гарантирующее трудящимся право на забастовку и создание независимых профсоюзов; проект новой демократической конституции; деполитизация армии и милиции; проведение демократических выборов в Народное собрание; полная свобода слова, печати, собраний и объединений; реабилитация всех незаконно репрессированных в период тоталитарной власти; новый демократический закон о вероисповедании; новый подход к этническим и религиозным меньшинствам в соответствии с Хартией прав человека и др.²⁹

Уже вскоре после своего учреждения СДС, объединивший 13 оппозиционных организаций – от левых (социал-демократов и членов Земледельческого Союза) до крайне правых (включая националистов), стал играть важную роль в развитии политических процессов в стране. С его созданием в Болгарии родилась новая плюралистическая политическая система. Председателем Национального координационного совета СДС был избран Ж. Желев, лидер Клуба в поддержку гласности и перестройки (ставший в 1992 г. президентом Болгарии).

Хотя диссидентские организации и не начали перемены в Болгарии, они постоянно подталкивали их вперед. Они не смогли выиграть первые демократические выборы в июне 1990 г., но мобилизовали общественное недовольство и вынудили правительство принять их условия. Из СДС вышло большинство политических партий, занявших правое и центристское пространство. Начавшийся с конца 1989 г. бурный процесс политизации и поляризации болгарского общества привел к тому, что за короткое время в стране сформировалась двухполюсная политическая система, суть которой выражалась в противостоянии одной крупной политической партии – БКП/БСП³⁰ – и крупного оппозиционного союза – СДС. При относительном равновесии этих двух основных сил на болгарской политической арене

в январе 1990 г. возникла еще одна политическая формация – турецкое Движение за права и свободы (ДПС), истоки которой также следует искать в оппозиции коммунистическому режиму. Таким образом, диссидентство внесло наибольший вклад в формирование плюралистической партийной системы в Болгарии.

Примечания

¹ См., напр.: *Мигев В.* Пражката пролет '68 и България. София, 2005; *Христова Н.* Българският скандал «Солженицин», 1970–1974. Исторически етюд с документално приложение. София, 2000.

² Концепция перестройки, разработанная ближайшим окружением Т. Живкова и принятая на июльском пленуме ЦК БКП в 1987 г., содержала весьма революционные положения: равенство и многообразие форм собственности, отход компартии от управления обществом в качестве его высшего эшелона и т. д. По мысли Живкова, осуществление этой концепции должно было обеспечить постепенное встраивание новой, соответствующей современным реалиям, модели социализма в старую, государственно-монополистическую модель, проигравшую экономическое соревнование с капитализмом.

³ *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988–1989. Част 1. София, 1997. С. 38–39.

⁴ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2005. София, 2006. С. 231.

⁵ Подробное см.: *Христова Н.* Специфика на българското «дисидентство»: власт и интеллигенция 1956–1989 г. Пловдив, 2005.

⁶ Напомним, что это произошло на пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г.

⁷ См., напр.: Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002; Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999.

⁸ В этот день 20 лет назад чешский студент Ян Палах в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками СССР и других стран Организации Варшавского Договора совершил акт самосожжения в центре Праги.

⁹ *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 42–43.

¹⁰ Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007.

¹¹ См. *Луджев Д.* Революцията в България 1989–1991. Книга 1. «Нежната» 1989-а и нейното време. София, 2008. С. 48–49.

¹² Многие из членов НОЗПЧ в 1930–1940-х гг. состояли в крайне правых националистических организациях, характеризовавшихся социалистическим режимом как «фашистские», за что они были репрессированы после прихода коммунистов к власти. Так, И. Минев (1918–2000) провел в разных тюрьмах страны около 30 лет. Во время Второй мировой войны он являлся членом правозащитной организации «Болгарские национальные легионы». Был арестован вскоре после 9 сентября 1944 г. и практически до 1978 г. находился в заключении по обвинению «за систематическое сопротивление коммунистической партии».

¹³ Работническо дело. 1989, 11 февруари.

¹⁴ См.: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 68–69.

¹⁵ <http://www.omda.bg/bulg/news/party/podkrepa.htm/>

¹⁶ См.: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 72–74.

¹⁸ См.: Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002. С. 427–428. –

См. также: *Баева И.* Из историята на българското диссидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви. Т. 76. София, 2000. С. 231.

¹⁹ Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999. С. 23.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ Там же. С. 45–46.

²² См.: *Иванов Д.* Политическото противопоставяне в България 1956–1989 г. София, 1994. С. 138.

²³ Там же. С. 116–117.

²⁴ Там же. С. 119–120.

²⁵ http://www.omda.bg/promyana/klub/spisak_na_dokumenti.htm.

²⁶ *Симеонов П.* Голямата промяна. 10.XI.1989–10.VI.1990. Опит за документ. София, 1996. С. 626.

²⁷ Етим терминът обозначава политиката, которую режим Т. Живкова проводил по отношению к мусульманскому населению страны в декабре 1984 – январе 1985 гг. Тогда была осуществлена насильственная смена турецко-арабских имен болгарских туropol на болгарские (около 850 тыс. человек), запрещалось использование турецкого языка в общественных местах, а также совершение традиционных ритуалов и ношение одежды, типичной для турецкой этнической группы. Вводились и ограничения при исповедании ислама и посещении мечетей. Подобными действиями власть стремилась сохранить целостность болгарской нации, однако они означали нарушение государством основных прав человека, таких, как право на самоопределение и свобода вероисповедания.

²⁸ См.: *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройство и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. Т. 87. София, 2004. С. 18.

²⁹ Демокрация. 1990. 9–10 февруари.

³⁰ На проходившем в апреле 1990 г. референдуме было принято решение переименовать БКП в социалистическую партию – БСП.

Н.В. Коровицына
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Десятилетняя динамика современного общественного мнения: Польша, ЧР, Словакия, Венгрия

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Ten years dynamics of modern public opinion: Poland, Czech Republic, Slovakia and Hungary*

Using the data collected in four Central-European countries, the article presents some results of a parallel and regular research of the most important parameters of the public opinion in the early twenty-first century. The article summarises empirical data of the Polish, Czech, Slovak and Hungarian public-opinion research-centres for the recent ten years.

Ключевые слова: Польша, Чешская республика, Словакия, Венгрия, сравнительный анализ, первое десятилетие 2000-х гг., оценка материального положения домохозяйств.

CEORG (The Central European Research Group) – Центральноевропейская группа по изучению общественного мнения, действующая с начала первого десятилетия 2000-х годов, включает четыре институции, занимающиеся параллельным сравнительным изучением общественного мнения в Чешской республике, Венгрии, Польше и Словакии по ряду различных тем: экономических, политических, социокультурных. Это чешский Центр по изучению общественного мнения Института социологии АН ЧР (CVVM SOÚ AV ČR – Centrum pro výzkum veřejného mínění Sociologického ústavu AV ČR), венгерский Центр социальных исследований (TÁRKI – Társadalomkutatási Intézet és Társadalomkutatási Informatikai Egyesülés), польский Центр изучения общественного мнения (CBOS – Centrum Badań Opinii Społecznej) и словацкое агентство FOCUS. Повторяющиеся исследования производятся на репрезентативных выборках от 1 до 1,5 тыс. респондентов старше 18 лет. Регулярные сравнительные исследования ключевых показателей жизнедеятельности центральноевропейцев на протяжении десятилетия позволяют определить специфику оценки этих показателей на общерегиональном фоне от года к году.

Оценка материального положения домохозяйств¹

Собственные материальные условия жизни население стран региона в 2002 г. считало средними. В ЧР это – 48%, а хорошие условия – 28%, что лучше по сравнению со всеми странами. Второе место по оценке своего материального уровня занимали поляки, третье – словаки.

В 2003 г. 25% жителей ЧР оценивало материальные условия своих домохозяйств как хорошие, 50% – как ни хорошие, ни плохие, 24% – как плохие. По сравнению с прошедшим 2002 г. оценки не изменились. Чешское общество в 2003 г. выглядело наиболее удовлетворенным на региональном

фоне. В Польше – подобная чешской часть благопринято оценивающих (24% «хорошие»), но неудовлетворенность там выражалась чаще (31% «плохие»). Кроме того, в Польше больше всего граждан, обозначивших свои условия как очень плохие (19%). Для Венгрии характерна средняя удовлетворенность – около 2/3 характеризовали свои материальные условия как ни хорошие, ни плохие.

Материальные условия жизни своих домохозяйств в *январе 2004 г.* жители ЧР воспринимали достаточно благоприятно. С прошедшего 2003 г. оценка материальных условий жизни явно улучшилась, хотя мнение об экономической ситуации в стране изменялось в обратном направлении. 34% чехов считало материальные условия жизни своих семей хорошими, 42% – ни хорошими, ни плохими, 24% – плохими. По сравнению с Польшей и Венгрией оценка материальных условий жизни чехов выглядела несколько лучше, что, в сущности, отвечало и ситуации с точки зрения объективного сравнения уровня жизни, который в ЧР в среднем выше, чем в обеих других странах. Что касается Польши и Венгрии, существовавшие различия в оценке материальных условий жизни между ними следовали только из различной величины доли респондентов, принадлежавших к центру шкалы ответов. В Венгрии традиционно эта доля выше, что на этот раз отразилось как на доле позитивного, так и на доле негативного оценивания, которое у венгров в обоих случаях несколько ниже. В Венгрии в последние два года оценка материальных условий жизни существенно улучшилась, тогда как поляки воспринимали свою ситуацию с этой точки зрения в течение всего периода исследований SEORG практически без значительных перемен.

В *сентябре 2004 г.* материальные условия жизни населения воспринимало скорее благоприятно. 27% чехов обозначило свои материальные условия как хорошие, 48% – ни хорошие, ни плохие, оставшиеся 24% – плохие. По сравнению с январским исследованием снизилась доля оценок «хорошо» в пользу доли «ни хорошо, ни плохо», но в долгосрочном аспекте актуальное состояние соответствует уровню, отмеченному в большинстве исследований в 2000–2003 гг., и из которых результат исследования января 2004 г. мог представлять случайное отклонение. Особенно по сравнению с Венгрией (10% – хорошие, 60% – ни хорошие, ни плохие, 30% – плохие) и Словакией (16% – хорошие, 49% – ни хорошие, ни плохие, 35% – плохие) оценка материальных условий жизни домохозяйств чехов выглядит лучше. Это, в сущности, соответствует ситуации с точки зрения объективного сравнения уровня жизни, который в ЧР в среднем выше. В случае Польши (26% – хорошие, 45% – ни хорошие, ни плохие, 29% – плохие) оценка материальных условий жизни семей явно приблизилась к оценке чешских респондентов. Некоторое улучшение, которое в Польше заметно с 2003 г., коррелирует со сдвигом в оценке экономической ситуации в стране. Напротив, венгры оценивали материальные условия жизни своих домохозяйств чуть хуже, чем год назад. Результаты, полученные по Словакии, не отличаются от того, как словаки воспринимали материальные условия жизни своих домохозяйств в начале 2002 г.

Материальные условия жизни своих домохозяйств в 2005 г. жители ЧР воспринимали скорее благоприятно и в сравнении с остальными тремя странами, где осуществлялось сравнительное исследование, звучали их оценки однозначно лучше всего. 32% чехов обозначило материальные условия жизни своего домохозяйства как хорошие, 44% – как ни хорошие, ни плохие и 23% – как плохие. Среди остальных стран оценка материальных условий жизни относительно наиболее благоприятная в Польше (26% – хорошие, 32% – плохие), за ней следовала Словакия (20% – хорошие, 33% – плохие), и хуже всего свои материальные условия жизни оценивали венгры (12% – хорошие, 33% – плохие). По сравнению с предшествующим исследованием оценки чехов ухудшились, в Словакии ситуация несколько улучшилась, в Польше и Венгрии изменений не произошло.

В 2006 г. свои материальные условия жизни население ЧР воспринимало скорее благоприятно. 40% чехов обозначило материальные условия жизни как хорошие, 42% – ни хорошие, ни плохие, 18% – плохие. По сравнению с предшествующим исследованием оценки несколько улучшились, а с долгосрочной точки зрения это наиболее благоприятные показатели от начала исследований, хотя сравнимый результат отмечен в начале 2005 г. В сравнении с остальными странами чехи оценивали свои материальные условия жизни однозначно лучше всех. Это *de facto* отвечает и ситуации с точки зрения объективного сравнения уровня жизни, который в ЧР в среднем выше, чем в остальных трех странах. Среди них оценка материальных условий жизни относительно наиболее благоприятная в Польше, за ней следует Словакия и относительно хуже всего оценивают венгры. В Словакии, Польше, Венгрии от последнего исследования в 2005 г. оценка материальных условий жизни никак статистически значимо не изменилась.

Материальные условия жизни своих домохозяйств в *январе 2007 г.* жители ЧР воспринимали скорее благоприятно. 37% чехов обозначило материальные условия жизни своих домохозяйств как хорошие, 47% – как ни хорошие, ни плохие и 16% – как плохие. По сравнению с предшествующим исследованием оценка не изменилась, а с долгосрочной точки зрения оценка явно держалась над уровнем всех исследований, проведенных до 2005 г. В сравнении с остальными чехи оценивали свои материальные условия жизни однозначно лучше всего. Благодаря росту, отмеченному в ходе последнего года, к оценке чехов немного приблизились словаки, которые материальные условия своих домохозяйств стали оценивать тоже чаще позитивно, чем негативно. В Польше, где в долгосрочном отношении наблюдался постепенный рост оценки материальных условий жизни домохозяйств, доли благоприятной и неблагоприятной оценки выровнялись. Относительно хуже всего существующую ситуацию оценивали венгры, которые ее, кроме того, воспринимали и явно критичней, чем еще полгода назад.

В *июне 2007 г.* материальные условия жизни своих домохозяйств жители ЧР воспринимали также скорее благоприятно. 37% чехов обозначило материальные условия жизни как хорошие, 48% – как ни хорошие, ни плохие и 15%

– как плохие. По сравнению с предшествующим исследованием оценки статистически значимо не изменились, а с долгосрочной точки зрения держались над уровнем всех исследований, проведенных до 2005 г. В сравнении с остальными чехи оценивали свои материальные условия жизни лучше всех. Благодаря значительному улучшению в течение полугодичного периода к оценкам чехов значительно приблизились словаки, которые теперь материальные условия своих домохозяйств оценивали тоже чаще позитивно, чем негативно. В Польше, где в долгосрочном отношении происходил рост оценок материальных условий жизни, доли благоприятного и неблагоприятного оценивания тоже склонялись теперь в пользу первого, хотя это различие было пока лишь небольшим, и доля тех, кто материальные условия жизни оценивал как плохие, оставалась явно выше, чем в ЧР и Словакии. Относительно хуже всего существовавшую ситуацию оценивали венгры.

Условия жизни в 2008 г. респонденты оценивали преимущественно положительно. Лучше всего в этом отношении с точки зрения доли позитивного и негативного оценивания выглядела Польша, где свыше трети опрошенных (36%) считало материальные условия своих домохозяйств хорошими, пятая часть – плохими. Очень похожая ситуация и в ЧР. Благоприятно оценивало ситуацию своих домохозяйств 36% чехов, негативно – 22% лиц. В случае Словакии тоже преобладала доля лиц с положительной оценкой (27%) над людьми, которые условия своих домохозяйств считали неблагоприятными (22%). Наиболее скептическое мнение имели жители Венгрии, где лишь 13% рассматривало ситуацию своих домохозяйств положительно, отрицательно же – 38% их.

Материальные условия жизни своих домохозяйств в 2009 г. респонденты в Польше, ЧР и Словакии оценивали чаще положительно, чем отрицательно. Лучше всего в этом отношении с точки зрения различия позитивного и негативного оценивания – Польша, где 2/5 опрошенных (39%) считало материальные условия своих домохозяйств хорошими, 14% – плохими. В ЧР благоприятно оценивало ситуацию своих домохозяйств 36% опрошенных, негативно – 21%. В случае Словакии также преобладала доля лиц с положительной оценкой (27%) над людьми, которые условия своих домохозяйств рассматривали как неблагоприятные (20%). Наиболее скептический взгляд имели жители Венгрии, где лишь 6% видели ситуацию домохозяйств в позитивном свете, и 46%, наоборот, в негативном.

В 2010 г. свои условия жизни оценивали в Польше и ЧР чаще положительно, чем отрицательно. В Словакии доли положительной и отрицательной оценок фактически выровнены. Лучше всего с точки зрения различия позитивной и негативной оценок – Польша, где 2/5 (40%) опрошенных считало материальные условия своих домохозяйств хорошими, 15% – плохими, но зарегистрированное различие по сравнению со второй после Польши ЧР было практически незначительное. В ЧР благоприятно оценивал ситуацию своих домохозяйств целых 41% опрошенных, негативно, однако, 20%, что чуть больше, чем среди поляков. В случае Словакии лишь незначительно

преобладала доля лиц с положительной оценкой (27%) над людьми, которые условия своих домохозяйств считали неблагоприятными (25%),.. Наиболее скептический взгляд имело – за весь период более чем десятилетнего измерения, в сущности, постоянно – население Венгрии, где лишь 9% видело ситуацию своих домохозяйств в положительном свете, а 42%, наоборот, в отрицательном. Венгры также единственные, кто оценивал материальные условия своих домохозяйств хуже, чем пять или десять лет назад, тогда как в остальных трех странах, несмотря на отдельные отклонения, существовали позитивные сдвиги в долгосрочной оценке личной материальной ситуации.

Материальные условия жизни своих домохозяйств в *январе 2011 г.* оценивали респонденты в Польше и ЧР чаще положительно, чем отрицательно. Причем, между оценками в обеих странах отсутствовало статистически значимое различие. В обоих случаях сходно 42% опрошенных оценивало материальные условия жизни благоприятно, 42% поляков и 40% чехов эти условия характеризовало как ни хорошие, ни плохие, и доля критических оценок составляла оставшиеся 16% в Польше и 18% в ЧР. В Словакии доли положительных и отрицательных оценок фактически выровнены и составляли в обоих случаях около четверти респондентов, причем оставшаяся ровно половина словаков выбирала средний вариант ответа. Наиболее скептический взгляд на материальные условия жизни своих домохозяйств имели по-прежнему жители Венгрии, где лишь 8% видело ситуацию своих домохозяйств в позитивном свете и 46%, наоборот, в негативном.

В *июне 2011 г.* условия жизни своих семей оценивали респонденты в Польше и ЧР чаще положительно, чем отрицательно, причем поляки в своих выражениях слегка оптимистичней. В Польше доля позитивного оценивания материальных условий жизни приближалась к 2/5, тогда как негативное оценивание было ниже уровня одной пятой. Среди чешских граждан позитивное выражение в этом отношении привело свыше трети, негативное оценивание составляло около пятой части. В Словакии на этот раз, наоборот, слегка преобладали негативные оценки, которые привела треть респондентов. Позитивная оценка была ниже уровня 1/5, при наивысшей доле нейтральных высказываний «ни хорошие, ни плохие», к которым прибегла половина словаков. Самый скептический взгляд на материальные условия жизни своих домохозяйств имели жители Венгрии, где лишь 10% видело ситуацию своих домохозяйств в положительном свете и 48%, наоборот, в отрицательном. Оценка словаков, а также чехов по сравнению с началом года значительно ухудшилась.

Голосование на референдуме о вступлении в ЕС²

В *ноябре–декабре 2002 г.* в ЧР, Венгрии и Польше сравнительным способом было проведено исследование взглядов населения о референдуме по присоединению страны к ЕС. Наименьшая решимость прийти на референдум выражена в ЧР – 46% твердо решимых (решительно да) участвовать.

В Польше их доля составляла 61%, в Венгрии – 68%. В ЧР «скорее да» сказал 31%. В Польше и Венгрии так реагировало около 10%. Общее декларируемое участие в референдуме, тем не менее, во всех трех странах подобно, на уровне трех четвертей: в ЧР – 77%, в Польше – 72%, в Венгрии – 78%. В референдуме чаще всего не участвовали бы поляки – 18%. В ЧР и Венгрии – 14 и 15%.

Наибольшую поддержку имело членство в ЕС среди венгерского общества – в пользу его проголосовало бы 75%, против – 14% из желающих участвовать в референдуме. В Польше «за» проголосовало бы 73%, против – 18% участников референдума. В сравнении с Венгрией и Польшей, в ЧР «за» – 62%, «против» – 29%. Тем не менее, и здесь доля сторонников членства явно преобладала над противниками. «Не знали» 10% везде.

В январе 2003 г. в трех странах исследовались решение населения на референдуме о присоединении к ЕС и взгляды на поведение перед вступлением. В ЧР намерение прийти на референдум существовало у 79% граждан, в том числе у 42% – твердое. 8% не знало, придет ли, и 13% – не придет. По сравнению с прошлогодним опросом численность последних практически не изменилась. Среди готовых прийти произошли изменения: на 4 процентных пункта снизилась доля твердо убежденных в готовности, и на 6 процентных пунктов увеличилась группа слабо решимых. Неизменна ситуация в Польше и Венгрии. Наиболее активно постоянно венгерское население с двумя третями (67%) твердо решимых прийти на референдум. Лишь чуть меньше решимых среди польских граждан (63%).

По результатам вопроса о характере голосования высказались бы на референдуме о вступлении во всех трех странах однозначно в пользу присоединения. Традиционно более сдержанным остается согласие со вступлением в ЧР, которое на референдуме проявили 2/3 (66%), и отрицало свыше 1/5 (23%) избирателей. С ноября прошедшего года согласие с интеграцией увеличилось на 4 процентных пункта и одновременно довольно значительно сократилась – на 6 процентных пунктов – группа собирающихся голосовать против. Отдать голос за интеграцию в ЕС были решимы 74% польских и 70% венгерских избирателей. Если в Польше соотношение сторонников и противников в последнее время не претерпело изменений, в Венгрии желание поддержать вступление страны в ЕС несколько сократилось. Группа противников в обеих странах установилась на уровне 18%. В целом постоянна группа нерешительных избирателей, везде колеблющаяся около 10% от тех, кто высказывался за (решительно и скорее за) участие в референдуме.

Оказалось, что значительная часть респондентов не располагает необходимой информацией о результатах переговоров с ЕС и не может судить об успешности этих переговоров: в Польше это 30%, в Венгрии – 40%, в ЧР – 21%. Из трех стран наиболее обманулась чешская общественность. Как «хуже, чем ожидал» характеризовало достигнутые результаты почти две трети (37%) респондентов в ЧР, но всего 18% в Польше, 17% – в Венгрии. В ЧР только 6% оценило как «лучше, чем ожидал» и в соответствии с ожидаемым 36%. В Венгрии результаты как очень успешные (лучше, чем

ожидал) обозначило 11% и как адекватные ожидаемым 32%. Наибольшее удовлетворение проявила польская общественность. Здесь пятая часть оценила результаты переговоров с ЕС как очень успешные и 32% как соответствовавшие ожидаемым.

*Оценка деятельности правительства и парламентской оппозиции*³

В 2003 г. в ЧР и Венгрии в оценках деятельности правительства преобладали позитивные воззрения, причем относительно наиболее благоприятные взгляды выражало чешское общество к правительству Владимира Шпидлы (позитивно оценивал чешский коалиционный кабинет 51%, отрицательно – 39%). Напротив, критический взгляд преобладал в Польше, где почти половина (47%) к работе правительства Лешека Миллера имела критическое отношение.

Работа парламентской оппозиции в ЧР, Польше, Венгрии сходно воспринималась скорее негативно. Позитивный взгляд обнаружен у от пятой части до четверти везде, негативный – у около половины (Польша и ЧР) или ровно половины (в Венгрии).

К 2004 г. во всех четырех центральноевропейских странах произошел спад позитивной оценки деятельности своих правительств и нарастание негативных оценок (особенно значительно в случае Польши, где произошло падение благоприятной оценки деятельности правительства на 3 процентных пункта, негативное же оценивание повысилось на 16 процентных пунктов).

Самые худшие оценки в течение всего периода получало словацкое правительство со стороны своих граждан, как перед парламентскими выборами, так и после них, положительные оценки давались только примерно в 20% случаев. Лучше всего до начала 2003 г. оценивались чешское и венгерское правительства, положительное у них преобладало над неблагоприятным. Однако в первой половине 2003 г. (в ходе избирательных кампаний перед референдумом о вступлении этих стран в ЕС) ситуация в обоих случаях значительно изменилась, и обе страны больше приблизились к Словакии и Польше, где позитивно правительство оценивала приблизительно четверть опрошенных, а почти 2/3 приводили отрицательные оценки.

Оппозиция оценена во всех четырех странах достаточно схоже, уровень положительного оценивания колебался в большинстве случаев между 20% и 30%. После выборов в ЧР не произошло значительных перемен в оценках деятельности парламентской оппозиции. Временно лишь повысилось количество респондентов, которые в начале 2003 г. не знали, как оценить деятельность оппозиции, однако в течение 2003 г. оценки оппозиции в ЧР вернулись на уровень, который имели перед парламентскими выборами. В Словакии после парламентских выборов несколько увеличилось позитивное оценивание деятельности парламентской оппозиции, как и в Венгрии. В Польше больше всего было тех, кто вообще не мог оценить деятельность парламентской оппозиции (40% опрошенных по сравнению с примерно 20% в остальных трех странах).

Взгляды на здравоохранение⁴

В трех странах, организационно объединенных в CEORG, в конце 2002 г. сравнительным способом проведено исследование взглядов населения на здравоохранение в своих странах. Систему здравоохранения оценивало лучше всего население ЧР с 2/5 удовлетворенных (39%) и 1/5 (20%) неудовлетворенных. 39% удовлетворено «наполовину». Существенно критичней по отношению к своему здравоохранению население в Польше и особенно в Венгрии. В Польше им удовлетворено около четверти (26%), 23% – «наполовину» и около половины неудовлетворены (47%). Наибольшие оговорки у венгерского общества, которое в большинстве своем систему здравоохранения оценивало негативно (53%) и только 15% – благоприятно.

Развитие качества здравоохранения хуже всего оценивали поляки: 39% утверждало, что в последний год оно ухудшилось. В ЧР и Венгрии в этом было убеждено 24%. Везде при этом (около 50%) говорили, что никаких перемен не произошло. Мнение, что качество здравоохранения улучшилось, разделяло 9% поляков, 18% венгров и 21% чехов.

В конце 2003 г. чехам и венграм были предложены вопросы о здоровье и заботе о нем. Чешские граждане оценивали систему здравоохранения своей страны более благоприятно, чем венгры. 34% системой здравоохранения в ЧР было удовлетворено, 36% – неудовлетворено. По сравнению с концом 2002 г., однако, результирующее различие существенно меньше, поскольку в период между опросами произошло значительное улучшение в оценке венгров, среди которых особенно значительно убавилось неудовлетворенных (спад на 22 процентных пункта). Напротив, ухудшились оценки системы здравоохранения со стороны чешского общества, у которого на 16 процентных пунктов увеличилась доля критических голосов. В результате эта доля практически сравнялась с количеством удовлетворенных, год назад явно преобладавших. Вероятно, в этом изменении большую роль сыграли актуально дискутируемые в ведомстве здравоохранения проблемы и их широкое освещение в СМИ.

Другим пунктом международного сравнения был вопрос, касавшийся развития качества здравоохранения за последний год. Чехи чаще, чем венгры, говорили об улучшении качества здравоохранения в течение последнего года. С другой стороны, у чешского общества намного чаще, чем у венгерского, проявлялось мнение, что качество здравоохранения за последний год, напротив, ухудшилось. Причем, эта доля с осени 2002 г. увеличилась на 7 процентных пунктов. Также и венгры оценили развитие качества здравоохранения за год хуже, чем в 2002 г.

В конце 2005 г. свыше трети (36%) чехов состоянием здравоохранения было удовлетворено, столько же ни удовлетворено, ни неудовлетворено. Неудовлетворенность выразило более четверти (27%), 6% – очень неудовлетворены. Население Чешской республики старше 18 лет в сравнении с остальными тремя исследуемыми странами было наиболее удовлетворено своей системой

здравоохранения. В Венгрии выразило удовлетворение системой здравоохранения менее четверти (23%), в Польше – менее одной пятой (19%) и в Словакии – чуть более одной десятой (11%). В Польше и Словакии системой здравоохранения неудовлетворено свыше половины граждан старше 18 лет.

Исследовалось также, как люди оценивали изменение качества здравоохранения за прошедший год. Чехи оказались наиболее оптимистичными. Улучшение качества здравоохранения произошло, по мнению 18% чехов, 12% венгров, почти 8% словаков, менее 7% населения Польши.

Взгляды на израильско-ливанский конфликт⁵

В сентябрьском 2006 г. исследовании респондентам было предложено несколько вопросов, связанных с недавним конфликтом между Израилем и ливанским движением Хезболлах и ситуацией на Ближнем Востоке.

Ставился вопрос, на ком лежит большая ответственность за начало конфликта. Чешская общественность в сравнении с остальными странами отличалась тем, что большую долю ответственности за начало всего конфликта приписывала преимущественно движению Хезболлах, причем доля обвиняющих Хезболлах даже статистически незначительно превысила долю тех, кто ответил, что за конфликт несут ответственность обе стороны в равной мере. У остальных стран более менее доминировал взгляд, что вину за конфликт несут обе стороны, причем здесь люди, которые возлагали большую часть ответственности на одну из сторон конфликта, относительно чаще виновником считали Израиль. Практически одинаково, около трети опрошенных, во всех странах не определилось.

Другой вопрос – соглашаются ли опрошенные с военной акцией Израиля в Ливане? Поддержка военной акции Израиля в Ливане в регионе Центральной Европы относительно низкая, и несогласие однозначно преобладает. Даже в ЧР, где относительно больше, чем в остальных странах, проявился взгляд, что вину за конфликт несет, прежде всего, ливанское движение Хезболлах, согласие с действиями Израиля не достигло уровня 1/5, причем доля несогласных, напротив, приблизилась к 3/5. В Венгрии и Словакии поддержка военной акции Израиля была еще существенно ниже, поскольку согласие с ней выражало лишь 6–8 из 100 человек, а доля несогласных составляла около 2/3 в Венгрии и 3/4 в Словакии.

Какая из сторон, по мнению респондентов, больше выиграла от конфликта? Общественность центральноевропейских стран везде не считала конфликт между Израилем и ливанским движением Хезболлах однозначно выигрышным для одной из сторон. Среди опрошенных, выразивших свое мнение, относительно чаще всего встречался ответ, что обе стороны от конфликта выиграли и проиграли одинаково. В остальных случаях чаще встречалось мнение, что больше от конфликта получил Израиль, причем этот ответ относительно чаще всего звучал в Словакии и, напротив, реже всего в Венгрии. Именно венгры чаще всего выражали мнение, что обе стороны от

конфликта получили или потеряли одинаково. Мнение, что от конфликта больше всего выиграл Хезболлах, во всех странах получило менее 10%.

Выяснялось отношение к направлению в Южный Ливан подразделений ООН по поддержанию мира. В Центральной Европе скорее преобладала поддержка командирования в южную часть Ливана миротворческих сил ООН. Относительно наименьшее различие между долей сторонников и противников направления сил ООН обнаружило исследование в Польше. Это в определенной степени могло быть связано с тем, что сама Польша значительно ангажирована в ряде других иностранных военных миссий, особенно в Ираке, и что респонденты вопрос, касающийся командирования миротворческих сил, автоматически в целом связывали с участием военнослужащих своей страны. Среди опрошенных в ЧР и Словакии различие в пользу миротворческих сил было достаточно схоже и явно выше, чем в Польше. Чехи в сравнении со словаками чаще отвечали «не знаю».

Как люди видели будущее отношений между израильтянами и их арабскими соседями? Население стран центральноевропейского региона не слишком взаимно различалось по этому вопросу, здесь значительно преобладал пессимизм. Доля тех, кто считал, что период взаимопонимания и примирения между израильтянами и арабами никогда в будущем не наступит, везде колебался в узком промежутке 55–60%, тогда как доля оптимистов в Словакии и Венгрии приближалась к четверти, а в Польше и ЧР была даже менее пятой части населения.

Влияние мирового финансового кризиса и отношение к введению евро⁶

В 2009 г. в ЧР, Венгрии, Польше, Словакии задавался вопрос, «повлияет или не повлияет, по Вашему мнению, финансовый кризис негативно а) на Вас и Вашу семью, б) Вашу работу, в) чешскую (венгерскую/польскую/словацкую) экономику?» «Согласились ли бы люди, чтобы отечественную валюту заменила общая европейская валюта евро?» (кроме Словакии, где уже с начала 2009 г. евро было введено как действующая валюта).

Результаты исследования во всех странах однозначно указали, что во всех исследованных плоскостях большинство людей ожидало или уже ощущало негативные последствия мирового финансового кризиса. Во всех странах респонденты практически сходились во мнении, что кризис имеет или будет иметь негативные последствия для всей отечественной экономики. Взгляд, что финансовый кризис не должен бы иметь негативное влияние, встречался лишь спорадически и нигде не превысил 4%. Во всех странах одинаково также более половины констатировало, что финансовый кризис на отечественную экономику уже негативно повлиял. Однако в Венгрии, где результаты кризиса уже проявились очень драматически, так заявляло свыше 9 опрошенных из 10, в Словакии – 2/3, а в ЧР и Польше сходно почти 3/5 опрошенных.

Что касается негативного влияния кризиса на самого респондента и его семью, здесь проявлялись уже более явные различия. Относительно самая

худшая ситуация в этом отношении представлялась опрошенным в Венгрии, где лишь 6% думало, что кризис на них не будет иметь влияния, тогда как более 2/3 констатировало, что кризис уже негативно повлиял, и еще почти четверть лишь ожидала этого влияния. Чуть лучше это обстоятельство отражали словаки. Среди них доля тех, кто не предполагал негативного влияния кризиса на себе и своей семье, было примерно вдвое выше, чем в Венгрии. Причем, доля лишь ожидаемых влияний, составлявшая менее половины, была существенно выше, чем доля уже констатированных негативных последствий, которая составляла ровно треть. Среди чешских опрошенных было по сравнению со Словакией вновь чуть больше тех, кто не ощущал негативных последствий для себя и своей семьи и, напротив, меньше тех, кто утверждал, что их кризис уже постиг. Относительно наиболее оптимистически звучали мнения респондентов в Польше, где уже почти четверть людей считала, что их кризис непосредственно не коснется, причем эта доля выровнена с долей тех, кто негативное влияние кризиса воспринимал как объективную реальность.

Достаточно подобно с точки зрения порядка стран звучала оценка влияния финансового кризиса на нынешнюю работу респондента. Вновь относительно хуже всего ситуацию оценивали венгры, из которых лишь 1/10 не допускала негативного влияния на свое рабочее место, тогда как 3/5 рассматривало это как свершившийся факт, и еще свыше четверти допускало это в будущем. В Словакии ситуация в этом отношении была лишь немногим лучше. Здесь доля людей, не ожидавших негативных последствий для своего рабочего места, лишь незначительно выше, чем в Венгрии, а доли ожидаемых и уже констатированных влияний были на уровне 2/5 статистически выровнены. Среди опрошенных чехов доля тех, кто влияния кризиса на свое рабочее место не допускал, вновь лишь незначительно выше в сравнении со Словакией, но в этом случае надо учесть и то, что здесь негативные влияния кризиса приводились преимущественно как ожидания, а не как свершившийся факт. В целом эта оценка звучала чуть менее пессимистично, чем в предшествующих двух случаях. Вновь лучше всего оценка ситуации со стороны поляков, из которых свыше четверти утверждало, что их рабочего места кризис не коснется. Это приблизительно столько, сколько заявлявших, что кризис их рабочее место, напротив, уже постиг.

Венгры и поляки в большинстве соглашались с идеей заменить их существующую национальную валюту общим европейским евро, тогда как среди чехов доля сторонников и противников евро приблизительно выровнена со статистически незначительным перевесом на стороне тех, кто евро вместо чешской кроны не хотел. В Венгрии, которая встречалась с наибольшими экономическими и финансовыми проблемами, примирялись с потерей форинта 2/3 опрошенных, тогда как против евро вместо форинта выступала лишь четверть. С польским злотым без труда рассталось бы чуть больше половины участников исследования, а против было бы менее 2/5.

Общественность и благотворительность⁷

Исследование *конца 2009 г.* предметно интересовалось тем, участвовали ли люди в течение последних 12 месяцев как-либо, финансовым способом, материально или в форме добровольного труда в благотворительной деятельности. А также поддерживали ли фирмы благотворительную активность достаточно или недостаточно.

Финансово и вещественными дарами (материально) на благотворительные цели, по их заявлениям, чаще всего содействовали поляки, сразу за ними шли чешские граждане, тогда как в Венгрии число включенных таким образом в благотворительность было явно ниже. Напротив, в случае неоплачиваемого добровольческого труда в пользу благотворительности порядок стран был обратным. Наивысшая доля участия отмечалась среди венгерских опрошенных и, напротив, низшая в Польше. Однако в этом случае общая доля занятых таким образом значительно ниже (ЧР – 7%, Польша – 4%, Венгрия – 9%), и различия между странами в этом отношении статистически не значимы за исключением различий между поляками и венграми. Во всех странах проявился одинаковый порядок с точки зрения формы включения в благотворительную деятельность. Самым частым способом являлся финансовый вклад, в сравнении с ним на половину ниже доля вещественных даров и значительно ниже уровень включения в форме неоплачиваемого добровольческого труда, который во всех случаях был ниже уровня 1/10. Учитывая относительно более высокую степень включения в благотворительную деятельность в форме финансовых вкладов или вещественных даров со стороны верующих и особенно католиков, как показал более подробный анализ данных в случае чешских респондентов, можно утверждать, что наивысшие доли этих форм участия в Польше связаны с сильной там позицией католической церкви и ее активностью и с высокой степенью религиозности поляков. Напротив, в случае венгров в этом направлении могло проявляться относительно сильное негативное влияние экономических проблем и кризиса социально-экономической ситуации Венгрии и ее населения, которое в последние годы оценивает свои материальные условия жизни и общую экономическую ситуацию страны явно более критически, чем поляки и чехи.

Из ответов на второй вопрос, касающийся поддержки благотворительной деятельности со стороны отечественных фирм, следует, что во всех трех странах эта доля в большей или меньшей преобладающей степени оценена как недостаточная. Относительно лучшая оценка проявляется среди чешских опрошенных, среди которых треть участие отечественных фирм в благотворительности считает достаточным, тогда как почти половина думает наоборот. В Польше и Венгрии мнения о достаточности включения со стороны отечественных фирм придерживается лишь 1/5 опрошенных, доля противоположного мнения колеблется около 3/5. В Венгрии притом мнение о недостаточности включения отечественных фирм выражено несколько сильнее, чем в Польше.

Примечания

- ¹ Коровицына Н.В. Чехи в первом десятилетии 2000-х годов (анализ материалов ЦИОМ ИС АН ЧР). М., 2011; Červenka J. Hospodářská situace a materiální životní podmínky v ČR, Polsku a Maďarsku z pohledu veřejného mínění. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 13.02.2004; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 04.10.2004; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 29.08.2005; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 17.02.2006; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 08.03.2007; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 29.08.2007; Dimitrová M. Hodnocení ekonomické situace a materiálních životních podmínek. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 30.07.2008; Červenka J. Ekonomická situace a materiální životní podmínky z pohledu veřejného mínění ve středoevropském srovnání – prosinec 2009. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 23.02.2010; Červenka J. Hodnocení ekonomické situace a materiálních životních podmínek v středoevropském srovnání – leto 2010. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 02.09.2010; Červenka J. Hodnocení ekonomické situace a materiálních životních podmínek v středoevropském srovnání – leden 2011. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 07.03.2011; Červenka J. Hodnocení ekonomické situace a materiálních životních podmínek v středoevropském srovnání – leto 2011. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 22.08.2011.
- ² Češi, Maďaři a Poláci: hlasování v referendu o vstupu do EU. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 16.02.2002; ČR, Maďarsko, Polsko: hlasování v referendu o vstupu do EU. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 27.01.2003.
- ³ Mezinárodní výzkum: hodnocení činnosti vlády a parlamentní opozice v ČR, Maďarsku a Polsku. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 14.02.2003; Seidlová A. Hodnocení činnosti vlády a parlamentní opozice v České Republice, Polsku, Maďarsku a na Slovensku. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 04.02.2004.
- ⁴ Češi, Maďaři a Poláci ke svému zdravotnictví. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 06.01.2003; Nazory na zdravotní péči v České republice a v Maďarsku. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 26.01.2004; Horáková N. Nazory na zdravotní péči u nás, na Slovensku, v Polsku a v Maďarsku. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 10.01.2005.
- ⁵ Červenka J. Nazory Středoevropanů na izraelsko-libanonský konflikt. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 02.11.2006.
- ⁶ Červenka J. ČR, Maďarsko, Polsko, Slovensko: Dopady světové finanční krize a postoj k zavedení eura. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 12.05.2009.
- ⁷ Červenka J. ČR, Polsko, Maďarsko: veřejnost a charita. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 09.12.2009.

V. Взаимовлияния и параллели в славянских литературах

Л.Ф. Широкова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Трансформация образа русского в словацкой прозе второй половины XX в.

Abstract:

Shirokova L.F. *Transformation of the image of the Russian in the Slovak prose in the second half of the twentieth century*

From the nineteenth century on, and especially in the second half of the twentieth century, Slovak writers were concerned with depicting Russian people. In the decades after the Second World War, the place and ideological function of Russian characters in the Slovak literature had changed. This is true for central protagonists, whose individuality is shown through their psychological depth and cogency; this also concerns minor characters, which bear certain functions in the plot, in accordance with the writer's concept. The way of how one or another character is depicted depends on his or her role and artistic manner of the writer, his or her literary style. Ladislav Ťažký is especially inventive in creating the whole gallery of unique Russian types.

Ключевые слова: Словацкая проза, роман, русский персонаж, психологическая характеристика, трансформация образа.

Для Словакии интерес к России, к ее истории и культуре был традиционным еще со времен национальных просветителей и панславистов, по убеждению которых великий славянский брат олицетворял собой государственную мощь и высокую духовность. В целом ряде произведений словацких писателей, начиная с XIX в. и особенно – во второй половине XX в., представлен и образ русского человека.

Место и идейно-художественная функция русского персонажа в словацкой литературе изменялись на протяжении послевоенных десятилетий. В конце 1940-х – начале 50-х гг. наблюдается монументализация, порой схематизация фигур советских партизан, солдат-освободителей. Романы конца 1940–50-х гг. дают примеры весьма условных типов – русских партизан и солдат. Поскольку это, как правило, персонажи второго плана, они выписаны чаще всего скупой, пунктирной и изображаются хотя и с явной авторской симпатией, но обладают незначительным набором личностных черт. Способы авторской характеристики при этом определяются ролью персонажа, но прежде всего – творческой манерой писателя, свойственным ему художественным стилем¹.

Так, Йозеф Горак (1907–1975) тяготел к той лирической струе, которая была характерна для словацкой прозе 30–40-х гг. В своем романе «Горы молчат» (1947) он приближался к поэтике наиболее яркого течения тех лет – натурализма. Атрибуты натурализма – поэтизация гордых и цельных народных характеров, суровой девственной красоты гор, одушевление природы, показ разворачивающейся на ее фоне извечной борьбы добра со злом – присутствуют и в романе Горака. В духе натурализма автор создает и образ русской парашютистки, таинственной незнакомки, которая до конца повествования так и остается безымянной. Старый горец Бугала-Ваган, спасший девушку, воспринимает ее как «неведомое, чудесное создание», схожее с прекрасной вилой, женским духом словацких гор: «Лицо ее было странно мягкое и белое, большие черные глаза смотрели на него в упор». Ее действия мотивированы не заданием, полученным из неведомого Центра или от партизанского командира, а благородной мезью за зло, причиненное врагами ее стране. Переживания девушки переданы через внутреннее видение картин разрушения, хаотично возникающих в ее памяти: «Тревога, отчаяние, напряжение, ненависть, безрассудные поступки, героизм, граничащий с сумасшествием, бесконечное странствие и неутихающие бури». С мощью природных стихий связывает автор романа и группу русских партизан. В них словно персонифицируются огни, горящие по ночам в горах; эти образы также романтизированы и однозначно положительны («Смельчаки они были. Пришли ночью, и даже вьюга была перед ними бессильна»). Это подчеркивается и их контрастным сопоставлением с мрачными фигурами немцев-карателей («Его лицо было страшно холодное, неживое», «Это были не глаза, а две горящие щели, из которых вырывалось адское пламя», и др.). Оптимистический финал – приход советских танков, встреча с освободителями – окрашен печалью расставания с русскими партизанами и незнакомкой, последним штрихом в романтическом образе которой становится фраза: «Она ушла. Со слезами на глазах и с песней на губах»².

Иные по идейному наполнению образы русских партизан находим в «Хронике» (1947) – последнем романе классика социалистического реализма Петера Илемницкого (1901–1949). В основе сюжета – рассказанная от лица активного участника событий, лесничего Гондаша, история о том, как коммунисты организовали очаг местного сопротивления, тесно сотрудничая с партизанским отрядом, действовавшим в окрестных горах. Основная интонация при создании образов русских у Илемницкого – восхищение и братская благодарность. Светлыми красками рисуются и первые встреченные лесничим в горах советские «инженеры-парашютисты», заброшенные для строительства партизанской базы, и пятеро отважных братьев-партизан Козловых («пять родных братьев, которые захотели служить в одном подразделении») и, особенно, командир отряда подполковник Шукаев, воплощающий в себе тип образцового военного («Настоящий был командир! Такого еще поискать. Строгий, но справедливый, смелый, решительный и прозорливый, заботливый и чуткий к людям»). Даже некоторые вольности, которые

позволяют себе рядовые «шукаевцы», показаны с пониманием, как проявление русской удачи («Хозяйка с ужасом смотрела, как они шарят по ее полкам и под прилавком, как достают одну бутылку за другой, залпом опрокидывают трехсотграммовые стаканы, всякий раз при этом выкрикивая: За Сталина! За родину! За победу!»)³.

Такие же однозначные фигуры русских, несмотря на некоторые отличия, встречаются в целом ряде произведений 1950-х гг. Внутренний мир этих персонажей, чаще всего – партизан или красноармейцев, почти не раскрывается, поступки их «типичны» и лишены личной мотивации. Так, Петер Карваш (1920–1999) в сборнике рассказов и очерков «С нами и против нас» (1950) вкладывает в уста русской партизанки, бывшей музыкантши Вари слова: «Я пришла не мстить, я пришла просто воевать. И я воюю. Как все другие бойцы в отряде... К черту музыку, когда в стране захватчики»⁴.

Теми же условными чертами, что и Шукаев у Илемницкого, наделен советский комиссар Игорь Жилко в романе Доминика Татарки (1913–1989) «Первый и второй удар» (1950). Он решителен, смел и прямолинеен в своих агитационных речах перед словацкими крестьянами: «Говорил он с оптимизмом, обо всем как есть, по порядку. Сперва надо раздавить фашизм. Но тут действуй с умом: сразу его не вытравишь, хоть всех немцев перестреляй. Много еще врагов – богатеев, фабрикантов». «Это ясный человек, советский», – восхищается им командир отряда Штефан Рептиш. Символична сцена похорон Жилко, стилизованная под народную балладу: «На стремни-не вокруг костра печалились молодцы. Скорбно склонили они станы, сдвинулись плечом к плечу. Вольно разлилась грустная песнь партизана»⁵.

Схожие типы русских встречаются в качестве эпизодических персонажей и у Владимира Минача (1922–1996) в романе «Смерть ходит по горам» (1947) и трилогии «Поколение» (1958–1961). Майор Васильев в первом романе обрисован лишь во внешних чертах, подмечаемых одним из главных героев, Яном Лотаром: «Майор был крепкий, плечистый, с широким шрамом от осколка снаряда на лбу». Это же лицо со шрамом склоняется над обессилевшим, полуживым Яном в финале, знаменуя собой приход русских солдат и спасение. В трилогии «Поколение» два русских персонажа – партизаны Леша и Артем – проходят пунктирно почти через все повествование и показаны более развернуто: в поступках, часто стихийно-безрассудных, через отношение к ним окружающих – словаков. Минач дает каждому краткую характеристику: «Леша мыслил всегда прямолинейно. Он не любил неопределенности, полусвета или полутени, переходов и промежуточных, он знал только два цвета»; «Интерес Артема был поверхностный: глубины его не привлекали»⁶.

Во второй половине 50-х гг. происходит постепенное ослабление жестких идеологических рамок, и словацкая литература ощущает необходимость преодоления сковывающих постулатов господствующего метода – социалистического реализма. Первичной ценностью вновь становится человеческая личность, на смену партийно-классовым критериям приходят нравственные.

Меняется в этом направлении и военная проза, герой которой рассматривается теперь изнутри, в более сложном спектре его переживаний и человеческих взаимоотношений. Более рельефно представлены теперь и русские персонажи; по-прежнему оставаясь фигурами чаще второго плана, они становятся намного более индивидуализированными.

В титульной новелле сборника «Часы и минуты» (1956), поднимающего тему нравственных испытаний человека в условиях войны, Альфонс Беднар (1914–1989) пишет о последних ее днях в Словакии, пережившей жестокое подавление антифашистского восстания. Карательный немецкий отряд отступает из разоренной словацкой деревни Молчаны, и в ее окрестностях появляются первые красноармейцы. Автор создает их образы не столько за счет непосредственного эпического действия, сколько при помощи контрастного сопоставления добрых и человеческих русских с бездушными надменными немцами. Этому служат и контрастные портретные описания, и «парные» сцены, когда в дом старушки Митуховой сначала бесцеремонно врывается немецкий фельдфебель и сапогом выбивает из ее рук молитвенник, а позднее заходит русский солдат и утешает ее: «Ничего не бойся, бабушка. Он нагнулся, поднял книгу, подал ей в руки и улыбнулся широкой улыбкой»⁷.

Характерными чертами русских персонажей становятся уже не героизм, отчаянная удаля или идейная стойкость, а человечность, душевность, понимание, более глубокой становится внутренняя психологическая мотивировка действий. Человеческие качества русских показывает и Ладислав Мнячко (1919–1994). Писатель с большим жизненным опытом, непосредственный участник партизанских боев, он при написании одного из самых известных своих произведений – романа «Смерть зовется Энгельхен» (1959) – во многом основывался на собственных впечатлениях и переживаниях. В книге мы видим несколько русских персонажей, созданных с разной степенью детализации. Первый, коллективный, возникает в начальных сценах и так же, как и у Беднара, создается на контрастном сопоставлении: «Во всю ширину улицы шагала колонна солдат Красной армии, вступающая в город. Они несколько не были похожи на немцев, которых здесь видели целых шесть лет. Они отличались от немцев во всем. Шагали легко, быстро, совсем не торжественно; лица их были серые от пыли, гимнастерки грязные, пилотки с красными звездочками пропитаны потом. Оружие, выправка, глаза... да, их глаза – все было не таким, как у немцев». Важную смысловую нагрузку – каждый по-своему – несут в сюжете и русские бойцы интернационального партизанского отряда (Гришка, Тарас, Митенька), которых автор наделяет разными, пусть и скупо обозначенными, чертами характера. Наиболее значимой фигурой среди них выступает командир отряда, офицер Красной Армии Николай, чей образ прорисован наиболее полно и глубоко. Именно он дает главному (автобиографическому) герою, молодому словаку, русское имя-прозвище Володя, под которым он и выступает в романе («собственно, я не был Володей, но Николай как-то назвал меня так, и имя прижилось»). Помимо качеств опытного командира («Он организовал партизанское

движение, неизвестно откуда достал оружие, создал отряд из семидесяти человек, командовал одним из сильнейших партизанских соединений в пограничном районе»), Николай обладает такими необычными в суровой военной обстановке достоинствами, как милосердие и человечность. Эти качества проявляются по отношению и к своим подчиненным (он выступал, например, против излишней взаимной подозрительности), и даже к сдавшимся в плен немцам («теперь, перед самым концом войны, у нас нет охоты проливать кровь, даже немецкую»). Нравственная позиция Николая раскрывается не только в его поступках, но и в спорах с более молодым и бескомпромиссным Володей. Он убеждает молодого товарища в том, что людей нельзя судить слишком сурово: «Ты видишь только высокие побуждения. А как же быть с другими, более низкими?»⁸.

Наиболее богато и ярко – как по количеству, так и по разнообразию типов и характеров – представлены русские персонажи в творчестве Ладислава Тяжкого (1924). Человек военного поколения, он сам пережил многое из того, что отразилось впоследствии в его книгах. Особенно трагическим был его опыт участия в войне против СССР в составе одной из двух действовавших там словацких дивизий. Тема «словаки на Восточном фронте» затрагивалась в литературе и прежде (у Р. Яшика, В. Минача, Д. Татарки), однако именно Тяжкому удалось показать антигуманную, жестокую сущность войны, которая ломает судьбы и калечит сознание людей – как словацких солдат, пришедших на советскую землю в рядах фашистских завоевателей, так и жителей оккупированных городов и деревень. Об этом повествует роман «Аменмария. Только хорошие солдаты» (1964).

Характерно, что Тяжкий не делает различия между понятиями «русский», «украинец», «советский». Большинство «русских» персонажей у него – украинцы, которые воспринимаются словаками как русские; в глазах героя-рассказчика Матуша Зраза (этот образ во многом автобиографический) русские – все люди, встреченные им на захваченной советской земле. Этнические рамки неважны для молодого героя, воспитанного на коммунистических идеалах; главное для него – ощущение близкого родства с русскими и своей вины перед ними. «Определение «только хорошие солдаты» звучит иронически, противореча действительности, – подчеркивает исследователь словацкого романа, известный литературовед Ян Штевчек, – ... Мотив несправедливостей по отношению к украинскому населению, насилия над ним постепенно приобретает балладный характер»⁹. Русские в романе – это многочисленные эпизодические фигуры и персонажи второго плана, встреченные Матушем на фронтовых дорогах, в оккупированных советских городах и селах; они чрезвычайно значимы для раскрытия эмоционального мира главного героя. В ходе повествования, эти персонажи включаются в сферу внимания и эмоций Зраза и – каждый по-своему – воздействуют на процесс становления его личности. Особенно важны в этом плане образы женщин с их нередко трагическими судьбами. Некоторые яркие фигуры проходят мимо Зраза, оставаясь

безымянными и символическими жертвами войны; драматические истории других, получающих в романе имена (Лида, Вера, Аглая, Наташа), – показаны подробнее, нередко в жестких, до натурализма, сценах.

Русские персонажи выполняют важную функцию и в других произведениях Л. Тяжкого. В новелле «Грешница обвиняет тьму» (1965) центральная героиня – русская девушка Наталья, близкая по духу и судьбе к прежним трагическим женским образам писателя. Герой-рассказчик Йозеф Звара (своего рода «продолжение» Матуша Зраза) уже после войны воскрешает в своем воображении погибшую Наталью – «старшего сержанта Наталью Александровну», и та в длинном монологе рассказывает ему обо всем, что произошло с ней в конце войны. Угнанная на работы в Германию, она убегает из лагеря и находит пристанище в пограничном поселке, который лежит на противоположном от Братиславы берегу Дуная. Она оказывается в семье старого коммуниста Свитека, бывшего легионера, в понимании Натальи – «белочеха» («Отец – белогвардеец. И совсем этого не стыдится. У нас бы его...»). Свитек тяжело переживает удар, который нанес ему сын Янко, ставший ярым фашистом и эсэсовцем. Наталья чувствует себя у Свитеков в безопасности, но приехавший на побывку к родителям сын-эсэсовец насилует ее. Группа красноармейцев, которая ищет пособников нацистов, преследует его, не церемонясь при этом ни с отцом (его арестовывают), ни с Натальей. От расправы ее спасает советский офицер, капитан военного судна; она становится санитаркой и вскоре погибает в бою. Прослеживаемая фабульная линия новеллы переплетена многочисленными отступлениями, лирическими и эмоциональными выражениями чувств героини, ее мысленными разговорами с далекими уже людьми, с Йозефом Зварой: «С той самой минуты, как меня увезли из Киева, я все время думала о любви и о смерти и боялась, что обе обернутся для меня насильем»; «На моем лице ты смело можешь написать черной краской: Проверено! Любви нет!»¹⁰.

В сложном по идее, композиции и стилю романе Л. Тяжкого «Погреб, полный волков» (1969) в системе русских персонажей (второго плана) происходит как бы наложение друг на друга двух стереотипов – отрицательного (русские – пьяницы, насильники, жестокие и легкие на расправу) и положительного (русские – красивые, сильные, справедливые, набожные). Так отразились они в сознании сельской девочки Доминики Перуновой, через образное восприятие которой пропущены все события романа. Первые увиденные ею русские – обозленные и опустившиеся партизаны, обосновавшиеся в деревне – стали для нее олицетворением войны: «Сегодня война спустилась с гор в долину. Люди не закрывали глаза, не затыкали уши, они слушали, как она насвистывает “Катюшу”»; «Николай снова пришел к нам пьяный, а когда он пьяный, в нем живет война»). Поэтому Доминика с опаской ожидает прихода других русских – красноармейцев, которые прогнали из деревни зловещих немцев, напоминая ей смерть («Немецкая смерть засмеялась»; «Смерть вдруг повернулась ко мне»). Эти русские оказались совсем

другими: они пришли накануне Пасхи, и их поступки были неожиданными и символичными. Сначала они искупались в холодной озерной воде («Русские смеялись и кричали, как дети в корыте»), а потом пошли в католический храм, где сельчане со страхом ожидали грабежей и святотатства, но тут снова случилось небывалое. Доминика с изумлением восклицает: «Русские молятся! В первый и в последний раз услышала я русскую молитву. Четырехголосное православное пение. Потом встали все двенадцать русских солдат, поклонились Господу Иисусу во гробе до самой земли. Тетка Беликова обернулась и украдкой перекрестила их. Как похожи русские на Иисуса. В тот миг мне показалось, что Христос встал из гроба и сказал что-то, по-русски...» И хотя потом Доминика видит, что и эти русские бывают разными – и обаятельными, как молодой капитан Гриша, и грубыми, как подвыпивший солдат Матвей, главное – она чувствует возвращение жизни: «Убегай, смерть, русские пришли»¹¹.

В словацкой прозе о войне особое место занимает написанная в эмиграции книга одного из крупнейших словацких писателей XX в., Йозефа Цигера Гронского (1896–1960). Роман «Свет на Трясине» (1960, США), долгое время бывший под запретом и опубликованный в Словакии лишь в 1991 г., до сих пор воспринимается неоднозначно, прежде всего – из-за отрицательной трактовки Словацкого национального восстания. Для Гронского по ряду идеологических и личных причин восстание представляло собой «некое движение, которому нет названия, ... движение горстки словаков и множества чужих». Под «чужими» подразумевались, в первую очередь, советские «парашютисты» и комиссары, присланные в Словакию для организации партизанского движения¹². Русский партизан, в соответствии с убеждением писателя, представлен в романе как чуждый, враждебный элемент, подрывающий основы должданного для словаков национального государства (Словацкой республики 1939–1945 гг., по сути – сателлита гитлеровской Германии). Начало «так называемого восстания» представлено чередой его внешних хаотических проявлений – это и хлесткие лозунги, и обрывки советских песен, и странного вида люди: «Появились русские автоматы. Чехи стали ходить в русских униформах..., с гор спуускались отряды, собранные из людей самых разных национальностей, начинался русский террор. – Смерть словацкому государству!» Партизанский отряд, расположившийся в окрестностях хутора Трясина, где живет главный герой романа – Мартин Гранчок – показан в виде опасной для местных жителей, неуправляемой массы («Здесь стояло несколько возов и множество людей. Конных, пеших, в военной форме и в штатском, самых разных... Командир что-то проревел, и люди стали сбиваться в какие-то группы»). Единственный, кто выделен из этого коллективного персонажа – командир отряда Димитрий; он наделен некоторыми, пусть внешними, индивидуальными человеческими чертами, говорящими, пусть намеком, о его личности, характере и судьбе: «Он не удивился, но повернул к ней свое печальное лицо, потому что лицо его было печальным»; «И сегодня лицо Димитрия было таким же печальным, а может

– бесчувственным); «Русский с печальным лицом послушался матери Гранчковой, потому наверно, что увидел, как она на него похожа»¹³.

В 1960-е гг., на этапе развития словацкой литературы, ознаменовавшемся сменой писательских поколений, обновлением идейных и эстетических ориентиров, военная тема постепенно отходит на задний план, а с ней – и фигуры красноармейцев, советских партизан. В молодой поэзии и прозе 60-х гг. для русского персонажа места не оказалось: война и восстание для тогдашних двадцати-тридцатилетних были делом хоть и недавней, но все же истории, темой уже изжитой, выработанной их литературными предшественниками и оппонентами. В сфере интересов молодых оказалась современность, «конкретизм» и повседневность, проблемы собственной внутренней адаптации и переживания их сверстников.

В последующие почти два десятилетия (1970–80-е гг. – время так называемой «нормализации», а затем постепенного нарастания в обществе демократических тенденций, назревания перемен и в литературе) русские персонажи лишь изредка появлялись в словацкой литературе. Эпизодически они возникали в произведениях так называемого «нового историзма» – романах из давней и не очень отдаленной словацкой истории, поднимавших идею национального самосознания, национальных культурных ценностей и традиций.

В качестве примера можно привести сцену прихода в село солдат красноармейцев в финале романа Винцента Шикеры (1936–2001) «Герань» (1977) (вторая часть трилогии «Мастера»). Характеристика этого коллективного персонажа строится, в частности, на различном восприятии сельским мастером-плотником Гулданом русских солдат (радушное, своё) и прежних постояльцев-немцев (опасливое, настороженное), на непосредственной детской реакции в сценах общения мальчика Рудко с немецкими и русскими часовыми на мосту.

В заключение нужно еще раз отметить, что галерея русских персонажей прослеживается в словацкой литературе на протяжении всего длительного периода ее послевоенного развития. Это и центральные герои, чьи характеры раскрываются в психологической глубине и художественной убедительности, и персонажи второго плана, выполняющие ту или иную функцию в замысле писателя. В ряде произведений мы имеем дело со своего рода «коллективным героем», наделенным в большей степени не личностными, а общими, типичными чертами (положительными или отрицательными). Индивидуализация, более детальная проработка образов встречается в тех случаях, когда автор отводит таким персонажам большую роль в сюжете, реализует в них значимую идейную нагрузку.

Русские персонажи отражают в себе и традиционные, и вновь складывающиеся представления и стереотипы. Создаваемые писателями литературные образы и сами в свою очередь закрепляют в словацком культурном сознании близкие и понятные или, наоборот, отличные и неожиданные черты русского человека на новом, художественном уровне его восприятия.

Примечания

- ¹ Об этом, в частности, пишет словацкий исследователь И. Кусы в кн.: *Kusý I. Premeny povstaleckej prózy*. Bratislava, 1974.
- ² *Horák J. Hory mlčia*. Bratislava, 1947. S. 62.
- ³ *Jilemnický P. Kronika*. Bratislava, 1947. S. 48.
- ⁴ *Karvaš P. S nami i proti nám*. Bratislava, 1950. S. 16.
- ⁵ *Tatarka D. Prvý a druhý úder*. Bratislava, 1950. S. 47, 84.
- ⁶ *Mináč V. Generácia.. Výbrané spisy, zv. 2*. Bratislava, 1969. S. 163.
- ⁷ *Bednár A. Hodiny a minúty*. Bratislava, 1980. S. 178.
- ⁸ *Мнячко Л. Смерть зовется Энгельхен / Пер. Е.Аронович. М., 1962. С. 101, 145.*
- ⁹ *Števček J. Dejiny slovenského románu*. Bratislava, 1989. S. 518.
- ¹⁰ *Ťažký L. Křdeľ divých Adamov*. Bratislava, 1971. S. 225, 273.
- ¹¹ *Ťažký L. Pivnica plná vlkov*. Bratislava, 1969. S. 87, 188, 200.
- ¹² Такую же позицию занимает, например, и историк Милан С. Дюрица в кн.: *Ďurica M.S. Dejiny Slovenska a Slovákov*. Bratislava, 1995. S. 178. – Более взвешенная точка зрения отражена в кн.: *История Словакии*. М., 2003, с.332. – Фактор самостоятельности словацкого сопротивления подчеркивает и Л. Липтак в кн.: *Lipták I. Slovensko v 20. storočí*. Bratislava, 2000. S. 246.
- ¹³ *Hronský J.C. Svet na Trasovisku. Zbrane spisy, VIII*. Martin, 2008. S. 241, 325, 344.

О.В. Цыбенко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Символика и гротеск в прозе Ю. Кавальца («Украсть брата», «Большой праздник на стройке»)

Abstract:

Tsybenko O.V. *Symbolism and grotesque in the prose of Julian Kawalec*

Symbolic and grotesque narration makes Kawalec's works of the 1970s–80s years more energetic, dramatically polemic, and topical for modern readers.

Ключевые слова: символ, гротеск, условное повествование, деревенская проза, польская литература 1970–1980-х гг.

С усилением критического начала в прозе Юлиана Кавальца 1970–1980-х гг. возрастает значение символических сцен, образов, а условная манера повествования позволяет более обобщенно воплотить авторский замысел, заострить полемическую направленность произведения.

Действие романа «Украсть брата» (1982)¹ разворачивается в строго очерченных временных рамках. На первой странице мы читаем о ранней весне – начале апреля 1938 г., когда герой книги, крестьянин Менкус, пашет барское поле, выводя ровную красивую борозду, и мысленно беседует со своим паном – помещиком Вурм-Ружиньским, который называет его своим лучшим пахарем. Постепенно этот воображаемый диалог становится все более драматичным, он заполняет всю жизнь Менкуса, обрываясь лишь с его смертью на последней странице книги – уже в первые послевоенные годы.

Завязка сюжета легко узнаваема, только манера повествования, угол зрения делают ее оригинальной: помещик соблазняет жену крестьянина, позволяя ему надеяться на «возмещение убытка» в виде нескольких деревьев из барского леса и зерна, продав которое, он сможет купить коня.

Любовь к жене и предвкушение сказочного для бедного крестьянина богатства рождают в Менкусе сложную внутреннюю борьбу, которую реалистически точно и психологически верно описывает Кавалец: крестьянин взволнован тем, что помещик приглашает его Марыню прийти вечером во дворец, «чтобы прибрать то и это», и вместе с тем он ясно видит свой дом обновленным и нового коня – и не в силах оторваться от этого зрелища. Может быть, Марыня приберется и уйдет? Эта мысль-желание чередуется с порывом немедленно бежать в новые края, терпеть нужду, но сохранить свою любовь. Он вроде бы и рвется остановить свою жену, тщательно моющую ноги перед уходом, и медлит – словно околдованный. Эта очарованность помещиком, всем, что исходит от него, определит всю дальнейшую судьбу Менкуса, составит его своеобразный психологический комплекс. Очарованность превратится в бунт, он возненавидит помещика и временами будет торжествовать над своим врагом, но не сможет избавиться от мысленной беседы с ним, ставшей самым важным в его жизни.

После той памятной апрельской ночи в доме Менкуса наступает отчуждение: он не может побить свою жену (его фамилия происходит от слова «мягкий»), он не смеет радоваться даже появлению долгожданного сына – нет у мальчика его черных густых бровей; в воображаемом разговоре с паном они оба желают ребенку смерти. Мальчик умирает, и следует крик отчаяния Менкуса: «Что же ты сделал со мной, пан, что меня не огорчает смерть ребенка, которого она родила...»

От предвоенных лет повествование переносит нас в январь 1945 г. Сосед Менкуса и еще двое вооруженных людей «из леса» вручают ему револьвер, чтобы он расправился с паном, убегающим за границу. Они уверены в исходе – ведь у Менкуса особый счет к пану. В сложной борьбе сильнее оказывается воля Менкуса, решившего отомстить помещику по-своему. Пусть тот живет, но помнит, что живет по милости слуги, который мог его убить, но не убил. Он покарает не тело, но душу. Душевная боль сильнее. Пусть помещик из своего далекого далека увидит, что на его бывшей земле крестьяне живут без господ, живут хорошо, поля дают большой урожай, во дворце размещается школа, люди стали друг другу братьями. Вот что будет смертельно для пана. Менкус забирает у помещика Гнедого, великолепного верхового коня; сломив его «шляхетскую» гордость, привычку к роскоши и особому обхождению, он ставит его в свою нищую конюшню рядом со своей голодной клячей. И Гнедой будет пахать землю как обыкновенная крестьянская лошадь.

Менкус приучил себя мысленно отчитываться перед паном во всем, что происходит в деревне и бывшей усадьбе. Он как бы взял на себя ответственность за все новое, за все перемены в общественных отношениях. Ноша эта оказалась нелегкой. В своем страстном желании справедливости, в своем стремлении сделать дворец школой, сохранить прекрасные сады и рощи, получать большие урожаи зерна – он почти одинок среди односельчан. Окружающие не понимают его цели – сделать прекрасной жизнь без господ и этим отомстить им. Полностью расхищается усадьба – выносят все, что может сгодиться в хозяйстве, вплоть до паркета и оконных рам. Нетронутой остается только богатая – десятки тысяч томов – библиотека, так как к книгам крестьяне еще не приучены. Вырубаются вековые дубы. Земля засеивается не вовремя, хиреет без хозяйского глаза.

Менкус охраняет, защищает, напоминает – и в конце концов надоедает, становится поперек дороги тем, кто хочет жить по-пански, нажиться бывшим барским добром, отнимая его, по сути дела, у народа, у большинства крестьян, которые еще разобщены, охвачены стихийным чувством радости, веселья, не осознали своей личной ответственности за свою теперь землю. Общее, наше не стало для них личным, своим, превратилось в ничье. Тем самым извращается самый смысл нового общественного порядка. Низким самосознанием пользуются люди корыстные, делающие карьеру – эти люди гротескно обрисованы Кавальцем. «Ну, кто теперь пан Вурм-Ружиньский?» – красуется МихалБайорек, утопая в мягком помещицьем

кресле, украденном из дворца. Байорек – бывший сосед Менкуса, уехав в город и посидев там некоторое время в кабинетах, стремится вычеркнуть из своей памяти те невзгоды и лишения, что терпел при помещике, быстро забывает свою «босость», которая, по мысли Менкуса (и автора), должна бы объединять, брать людей.

Менкус целиком погружен в воображаемую беседу с паном, беседую-состояние, где каждый использует все новые и новые аргументы, защищающие или обличающие действительность послевоенной деревни. Сюжет построен так, что мы понимаем – в споре этом поставлены на карту сама жизнь Менкуса, да и самодовольное существование помещика тоже (по крайней мере в воображении крестьянина). Таким образом достигается предельная острота противоборства двух героев и – шире – стоящих за ними разных идеологий.

Менкус понимает, что только реальные достижения его односельчан в справедливом устройстве их жизни помогут торжествовать ему, а не пану. И крестьянин смело, отчаянно сопротивляется и тем, кто считает, что «наше – это ничье», и тем, кто стремится сделать «наше» только своим, личным, оторвать кусок побольше. Но он вынужден отступить перед пистолетом, который Байорек приставил к его голове, когда он хотел помешать разграблению дворца.

Драматична и символична сцена отъезда нарядных, разодетых крестьян, всем селом отправляющихся в город на праздник (что-то вроде фестиваля народного искусства), тогда как в это время пересохшая земля ждет посева, нужно срочно разгрузить поздно прибывшее семенное зерно. Менкус преграждает дорогу целой веренице запряженных телег с возбужденными людьми, атмосфера накаляется, кажется, его вот-вот растопчут... Ни его призывы, ни остроумные издевки пришедшего ему на помощь Галонзки не могут остановить людей, хотя они и заставляют некоторых из них смутиться и устыдиться.

Менкус, одинокий, переживающий душевный кризис, хранит еще надежду добиться взаимопонимания, прорваться со словом «брат» к Михалу-Байореку, приехавшему из города вместе с высокими гостями. Ему жизненно необходимо услышать от бывшего соседа в ответ на свое: «Брат, ты узнаешь меня?» – «Как же мне не узнать тебя, брат?» Но Байорек Менкус кажется подозрительным, и он даже не подпускает его к себе. Слово «брат» остается произнесенным, как это и прочил помещик в воображаемой беседе Менкуса с ним, пан торжествует, «украив» у своего бывшего слуги «братьев», не забывая, впрочем, притворно посочувствовать ему, что для героя романа худшее унижение. Здесь проясняется емкий, символический смысл заглавия романа, которое передает его основной нерв. Это не «город», не новая власть «украли» у героя Кавальца брата, а ущербная мораль, по которой ты или пан, или холоп.

Символическое значение имеют многие сцены романа. Одна из них в заостренной форме передает тревогу писателя, видящего поспра-ние

важнейших ценностей, основ крестьянского бытия. Каравай хлеба (воплощение красоты, тяжести, самой сути крестьянского труда), врученный, по обычаю, гостям из города при въезде в деревню, передается из рук в руки как предмет лишний, мешающий двигаться дальше, попадает в руки мальчишке, а тот тоже решает избавиться от него, так как хочет догнать отъезжающие автомобили. Паренек, надеясь, что его никто не увидит, бросает хлеб в грязь. Вытаскивают каравай из болота, любовно отмывают его, горестно причитая, вездесущие деревенские старухи.

В романе «Украсть брата» Кавалец не повторяет себя прежнего – он находит новый поворот, события, чрезвычайно значимые для всей последующей жизни Польши, события драматические, богатые приобретениями и неизбежными потерями, он высвечивает с точки зрения психологии крестьянина, исследует сложность преодоления холопского комплекса, навязанного ему прошлым.

Роман показывает и усиление гротескного начала, не чуждого творческой манере писателя. Оно проявилось в «Танцующем ястребе», в ряде других произведений Кавальца, например, в рассказе «Большой праздник на стройке» (1974).

В этом произведении условно-гротескное повествование не просто доминирует, а заполняет все художественное пространство. В нем нет ни имен, ни названий, ни конкретных персонажей, только «строители», «машины», «земля», «птица» (непонятно к какому семейству относящаяся, в ней видят черты дятла и фазана), «дерево». Конкретное название есть только у магазина – «Вечная природа», звучит оно гротескно-иронически в контексте рассказа о том, как земля на стройке превращается в пустыню и постепенно единственное настоящее дерево и настоящая птица гибнут. Зато вместо живого появляются цифры – в магазине продают искусственную природу: «Рожищу украшала красивая зеленая полянка; надпись информировала, что такие полянки (3 x 2,5 м) можно приобрести... удобно свернутые в рулоны, они лежали на полках»². Искусственное дерево не посажено, а «установлено и смонтировано», упоминаются «специалисты», «зеленые насаждения», «представитель отряда дятлообразных», «второй раунд нашествия», «три зоны» опустошения...

В «Большом празднике на стройке» – та же боль, связанная с уничтожением деревни (с садами, полями, лугами, рощами) и возведением на ее месте промышленного объекта, которая звучала в повести «На солнце», в романе «Переплывешь реку», в рассказах из сборника «Поваленный вяз». Но здесь эта боль передана не через переживания конкретных персонажей, чаще всего стариков. Не нужна драматическая или ностальгически-поэтическая интонация. Кавалец рисует просто-напросто конец света или картины ада. Потому что «земляные *твари*, испуганные страшной *наготой пустыни*, пытались спрятаться», их путь к «*земле обетованной*» стал длиннее, «слышалось, как трескается высыхающая земля», наконец, «с земли... *содрали скальт*». «Нашествие» создает «*адский шум*: грохота и стука, скрежета и воя» (380, 381, 383).

Умершее дерево и умершая птица в «храме» (стеклянной крыше над ними) заменяются или, лучше сказать, подменяются, искусственными. По этому поводу строители и устроили «большой праздник». А «храм» стоит. Какая подмена произошла, читателю понятно. Можно и пояснить: строители сначала сочувствовали гибнущему дереву, «ласково» относились к живой птице, «тайно радовались» ее красоте, радость «проявляли... совсем по-детски» (383). В конце рассказа они тоже радуются. Кто – *они*? В «Вечной природе» продавалась ведь и «пластмассовая парочка – девушка и парень», сидящие на поваленном дереве из пластмассы, глаза обоих выражали «неопишуемое счастье» (397).

Земля, все живое на ней и человек – всегда составляют у Кавальца нерасторжимое единство. Нарушение этих естественных и ничем не заменимых, поистине духовных связей чревато катастрофой. В одной из бесед Кавалец так об этом высказался: «Природа человеку абсолютно необходима, гораздо больше, чем цивилизация... Творческое общение с природой обогащает человека внутренне, я считаю его даже более ценным, чем общение с искусством».

Символические, условно-гротескные формы делают произведения Кавальца более емкими, а также, на наш взгляд, актуализируют поставленные в них проблемы для современного читателя.

Примечания

¹ *Kawalec J. Ukraśc brata. Kraków, 1982.*

² *Кавалец Ю. Избранное. Библиотека польской литературы. М., 1986. С. 397.* – Далее страницы указаны в тексте по данному изданию. Курсив везде – О.Ц.

Негош и современная сербская поэзия

Приветственное слово

Благодарю вас за приглашение на этот симпозиум, на сию духовную трапезу. Приношу вам приветствия от Черногории, особенно от культурного мира, и могу сказать, и от духовенства.

Праздник славянской письменности продолжается больше десяти веков, и всегда славянские народы на деле показывали единство, исполненное в основе любви и понимания.

Эти любовь и понимание особенно всегда были между сербским и русским народом, и конкретно между великой Россией и маленькой Черногорией.

Всегда славянский мир нес свое духовное историческое бремя, решая проблемы существования между другими народами мира. И в настоящее время в духовной жизни поднимаются многие важные подобные вопросы.

Я думаю, что люди, воспитанные на мировой культуре, особенно на культуре славянских и православных ценностей, найдут ответы на сложные вызовы современного мира, и особенно в целях сохранения и творческого укрепления славянского и православного идентитета.

Abstract:

Milutin Mičović: *Petar Njegoš and modern Serbian poetry*

The article explores the problem of whether it were possible, in modern Serbian poetry, to renew the mythmaking imagination of the truly human essence, following the example of the outstanding poet and Ruler of Montenegro Petar I Petrović-Njegoš, who lived and worked in the early nineteenth century. Among those Serbian poets, whose work might be partly compared with Njegoš' creation, are Jovan Dudić, Momčilo Nastasjević, Vasko Popa and Matija Bećković.

Ключевые слова: славяне, христианская письменность и культура, слово, Бог, человек, XX век, десакрализация, сербская поэзия, творчество.

С принятием христианства славянскими народами началось их внутреннее преображение. Христианство по своей сущности есть внутреннее преображение, преображение на экзистенциальном уровне и преображение сознания. Славяне до крещения и до принятия христианской письменности имели свою культуру, понимание жизни и смерти, но с принятием письменности медленно входили в саму природу и происхождение Слова. Слово было только человеческое, оно служило общению между людьми, но была и интуиция о благих и злых силах, олицетворенная в соответствующих божествах. Христианская письменность открыла великое и бесконечное достоинство Слова. Слово стало непосредственной связью между Богом и человеком.

Слово есть Бог, а Божие творчество продолжается через человека, через таланты, которые ему дарует Бог. В христианском понимании Бога и человека человек сотворен для творчества и прославления Творца через свое дело, которое есть в основе поэзия. Христианский Бог является как свет, который уничтожает тьму многобожия. Этим светом, который Бог дарит человеку, человек и осознает свое происхождение и получает понимание того, что слово имеет возможность осуществлять внутреннего человека в его божественном предназначении.

Не только евангельская письменность поднимала понятие о Боготворце, но через это понятие кристаллизовалось и основное понимание о природе времени.

В языческих религиях время циклично, природно, через смены времен года и созревание плодов. Время поэтому затворено в себе. Так, все, что рождается во времени, после приношения плодов, умирает во времени, оставляя новое семя для обновления цикла. Так в языческом понимании времени происходит закрытие Духа.

Христианство обрело выход из цикличного понимания времени, оно уже не закрыто в себе, оно внутри себя открыло возможность эсхатона, то есть вечности. Потому новый смысл жизни не только рождение, созревание и умирание, смысл жизни есть преображение, которым постигаем эсхатон.

Христианское понимание не просто уничтожило языческое понимание природной жизни, оно в природной жизни открыло залог вечной жизни.

* * *

XX век у славянских народов век грубой и разорительной десакрализации жизни и культуры. Позитивистские и прагматические ценности почти изгнали духовные ценности в небытие. Ницше объявил в конце XIX в. «Смерть Бога», и ведущие западные философы на место Бога поставили абстракцию Пустоты.

Правда, и в XX в. об обновлении метафизических и христианских ценностей жизнью и духом, оставили свидетельства русские христианские мыслители, изгнанные на Запад в период агрессивной, примитивной и тоталитарной атеизации и десакрализации жизни и культуры в Советской России.

Однако оказалось, что при в высшей степени деструктивном и организованном уничтожении духовных ценностей, залог духа остается внутри.

В новом, христианском, а кто-то называет и постхристианском, мире обновляется языческое природное понятие, что человек рожден для смерти. Это идея великого западного мыслителя XX в. Мартина Хайдеггера. Современная виртуализация жизни и культуры продолжает отделение человека от его божественной тайны. Так глубоко сокрытый божественный реализм внутри человека стал фикцией, а реальная жизнь стала виртуальной под действием новых медийных технологий.

Каждая из этих перемен в понимании человеком жизни и Бога получила отражение в современной культуре и, в частности, в поэзии. Глубокое понимание человека стало редким, исключительным. Современный читатель вопрошает себя: встречается ли такой опыт в современной культуре и поэзии, может быть это новая иллюзия, миф? Присуще ли действительно это обновление мифотворной имажинации человеческой сути? В чем его связь с реальной жизнью?

И в сербской культуре и поэзии эти перемены и перевороты очевидны. Но это свидетельствует о том, что современное понимание человека и культуры стало очень сложным – что было в прошлом, никогда совсем не исчезает, а существующему в современном мире не гарантирована истинность. То, что в прагматическом понимании современного человека есть, того в сущности, может быть, и нет, а что в его понимании есть, того часто и не существует.

Множество современных читателей читают только популярную литературу, и часто читают (как об этом свидетельствуют иронические выражения и в сербском, и в русском языке), чтобы «прошло время»: читаю – «убиваю время», читаю, чтобы «забыться».

Когда формируется такое настроение в читательском мире, многие потенциальные читатели полностью теряют доверие к литературе и книге и начинают существовать в реальном мире без книги и без силы слова. На этой основе развивается ситуация, когда на одной стороне существует литературный мир без истинного читателя, а на другой – реальный мир без книги.

Но великие писатели, гении человечества, русские религиозные мыслители XX в. поддерживают внутреннее равновесие мира, чтобы истинный читатель не потерял доверия к книге и чтобы книга всегда сохраняла своего читателя.

Один из них – Петр II Петрович Негош, сербский поэт и владыка, который творил в первой половине XIX в. Он до сих пор остается очень актуальным и современным поэтом, потому что в его творчестве сохранено глубокое и оригинальное понимание человека, с его сильными внутренними противоречиями, таинственной духовной глубиной и осознанием смысла человеческого творчества.

В своем многослойном творчестве Негош ввел библейско-христианское понимание человека. Очень важно его понимание Бога-творца, как поэта, которое я особо выделяю, как одну из основных черт его комплексного понимания человека, особенно творческого человека. В библейско-евангельском понимании, Бог, сотворивший мир, не отступает от него, но всегда действует в нем своими божественными силами. Такое понимание Бога мы видим у Негоша. В космогонической поэме «Луча микрокосма» Бог действует своими творческими силами на мир, избавляет его от сил тьмы и небытия. Поэт у Негоша – первый посредник божественных сил:

*Свемогућство светом тајном шапти
само души пламена поете.*

...
*Званије је свештено поете,
глас је његов неба влијаније,
луча св'јетла руководитељ му,
дијалект му величество творца.*

«Посвета»¹

Всемогушество, светом тайным шепча, –
само пламя души поэта.

...
Звание поэта священо,
глас его – неба влияние,
луч светлый – руководитель его,
говор его – величие творца.

«Посвящение»²

Творец у Негоша суверенно владее космическим порядком, непрерывно изливая на бытие свою благодатную силу. Об этом свидетельствуют стихи из «Луча микроkozма»:

*Свемогући на трон сједијаше,
таинственом украшен порфиром,
творителном зањат поезијом...*

«Пјесма III»³

Всемогуший, на троне восседая,
таинственной украшен порфирой,
занят творением – поэзией...

«Стих III»

*Све дивоте неба и небесах,
све што цвјета лучам свештенијем,
мирови ли ал' умови били,
све прелести смртне и бесмртне –
што је скупа ово свеколико,
до општега оца поезија?*

«Посвета»⁴

Всё великолепие неба и небес,
 всё, что цветет в лучах священных,
 миры ли или умы это были,
 все прелести смертные и бессмертные –
 что это, всё вместе, сколько его есть,
 по сравнению с единым отцом поэзии?

«Посвящение»

Негош свою антропологию отчасти строит на основе космологии, но его судьба, прежде всего, зависит от его свободы и сокрытых возможностей открытия тайны, которую Бог дал человеку. Он полагал, что душа человека бессмертна, но до этих глубин можно пойти только внутренним подвигом и бесконечной свободой и любовью. Согласно Негошу, надо освободиться от тяжести физического бытия и бремени смерти, чтобы открылся путь внутреннего раскрытия человека. Об этом поэт скажет:

*Твар је творца човјек изабрана;
 Ако исток сунце св'јетло рађа,
 ако биће ври у луче сјајне,
 ако земља привиђење није,
 душа људска јесте бесмртна,
 ми смо искра у смртну прашину,
 ми смо луча тамо обузета.*

«Посвета»⁵

Человек есть избранное создание Творца;
 Когда восток рождает светлое солнце,
 когда оно загорится в сиянии лучей,
 когда земля больше не призрак,
 душа человеческая бессмертна,
 мы – искра в тленной пылинке,
 мы – лучи света, объятые тьмою.

«Посвящение»

Из таких глубин Негош создал свое поэтическое произведение, которое по своему характеру является и философским, и религиозным.

Подобную глубину мы встречаем в поэзии XX в. у Рильке, Элиота и в трудах русских религиозных философов. В современной сербской поэзии нет такой глубины, как у Негоша, нет такого экзистенциального порыва.

Можно сказать, что для сербской поэзии Негош – «наше всё», как для русской – Пушкин. Надо выделить и то, что у Негоша существуют некие

духовные глубины, которых нет у Пушкина. По глубине и драматизму антропологического взгляда творчество Негоша можно сопоставить с творчеством Достоевского. У них обоих основными вопросами являются: существует ли Бог и бессмертна ли душа человеческая? И у Негоша, и у Достоевского ясное видение присутствия адских сил и зла в человеческой душе, но и в ней, пребывающей в таком жалком состоянии, они открывали присутствие Бога.

В сербской поэзии XX в. нет такой сильного стремления к пониманию глубинных вопросов человеческой сути, ни приблизительно такого онтологически-экзистенциального поэтического укоренения. Ни один из поэтов не имеет подобной духовной глубины и широты понимания человека.

Вместе с тем, в сербской поэзии XX в. есть несколько поэтов, творчество которых можно отчасти сопоставить с Негошем: Йован Дучич, Момчило Настасиевич, Васко Попа, Матия Бечкович.

Дучич близок Негошу в страсти сознания, в ощущении страданий своего народа, в мистическом соприкосновении с тайной человеческого существования.

Момчило Настасиевич созвучен Негошу «материнской мелодией» и трепетным ощущением тайны жизни.

Васко Попа сравним с Негошем своим пониманием национального духа, темы Косово, сакрального сербского наследия, мистического внутреннего пространства человека, его духа и души.

Матия Бечкович сопоставим с Негошем прежде всего по владению подлинным народным языком, коллективной памятью народа, юмором и мудрой пронизательностью.

Примечания

¹ *Негош Петар Петровић*. Луча микрокосма // Горски вијенац. Луча микрокосма. Подгорица, 2001. С. 142. Строки 169–170, 177–180.

² Подстрочный перевод на русский язык автора статьи.

³ Там же. С. 167. Строки 1–3.

⁴ Там же. С. 142. Строки 171–176.

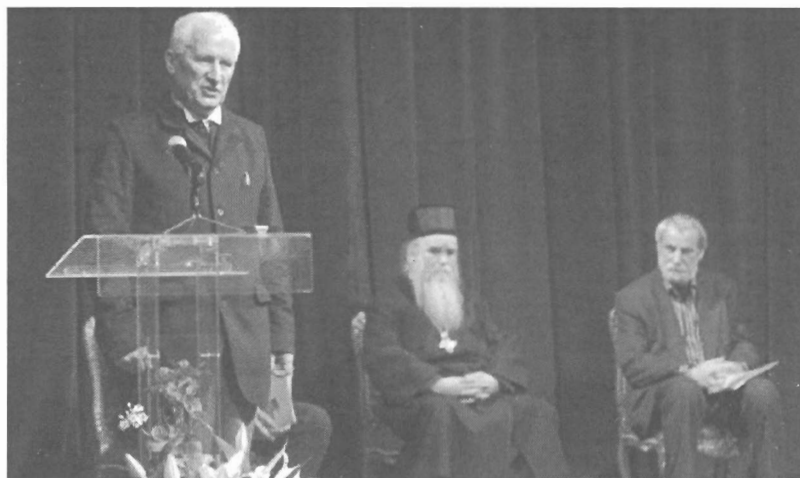
⁵ Там же. С. 141. Строки 134–140.

Об авторе

Милутин Мичович, известный черногорский поэт, философ, публицист, эссеист, родился 12 июня 1953 г. в селе Банянима, близ города Никшич. Изучал экономику в Подгорицком и философию в Белградском университетах. Опубликовал книги поэзии «Живая вода» (Никшич: Универзитетска реч, 1987) и «Врата» (двоекнижие – «Дом» и «Хлеб для путников») (Подгорица: Октоих, 1994), «Следы будущего» (Тверь: Научная книга, 2010), роман «Разорённый город» (Титоград: Октоих, 1991);

Милутин Мичович и ректор Государственной академии славянской культуры Коненкова Алла Кирилловна

Милутин Мичович и митр. Амфилохий. Премия Негоша. Белград. Январь 2012

книги в жанре поэтико-философских эссе: «Так говорили черногорцы» (Беране: Ступови, 1996), «Письма из Уранополиса» (Нови Сад: Светови, 2000), «Сербский лабиринт и черногорский минотавр» (Београд: Српска книжевна задруга, 2003), «Негош и современная Черногория» (Подгорица: Удружение книжевника Црне Горе, 2007). Его стихи входят в отечественные и зарубежные антологии современной сербской поэзии; переведены на другие языки. Лауреат литературных премий и наград: «Марко Милянов», Библиотеки «Негош» (Печь, Косово и Метохия), медали В.В. Болотова. Работал редактором в издательстве «Октоих». На протяжении пяти лет ведет культурно-публицистическую колонку «размышлений поэта» в ведущей черногорской газете «Дан» (Подгорица), опубликовал там более 250 статей. Заместитель председателя Союза писателей Черногории, председатель Литературного общества «Негош», основанного в 2004 г. в Никшиче, главный редактор и автор ежегодных сборников этого общества «Дани Негошеви».

Н.Д. Будилина

(Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Реалистический символизм и мифотворчество поэзии Милутина Мичовича

Abstract:

Bludilina N.D. *Realistic symbolism and mythmaking in Milutin Mićović' poetry*

The article deals with the phenomenon of mythmaking in the poetry of modern Montenegrin poet Milutin Mićović, who is a remarkable representative of realistic symbolism. His poetry is a revelation, when the poet, with the prophesy of his poetic word, unveils the omnipresence of sacred reality even in terrain phenomena of lower order.

Ключевые слова: культура, поэзия, миф, символ, слово, логос, сакральность, божественность, истинность, дух, мистика, вечность, современность.

Надежда вновь зацвела,
Мы жаждем источников жизни,
Ах, – жизни самой родника.

(Гёте. Фауст. Ч. I)

Рафаэль в палатах Ватикана изображает крылатую Поэзию, увенчанную лавром, сидящую на облаках меж двух ангелов, держащих скрижали со словами Виргилия: «Numine afflatur» (Божеством вдохновляема).

Возможно ли столь высокое значение поэзии в наши дни, когда идет рациональное упрощение культуры, снижение ее до кича, массовой подделки?

Мы уже давно отчаянно тоскуем по родникам жизни – к живым ключам жаждем приникнуть. Живительный ключ для нашего духа, души и сердца мы находим в творчестве истинного поэта – в искусстве искателя смысла и корней жизни. Он призван выражать последнюю глубину современного ему сознания, обновляя его. Истинный талант приучает нас иначе, не пошло и обыденно, а высоко жить: по-новому любить, страдать, творить жизнь. Инстинктом таланта поэт ведает сущностное в нашем бытии и ищет его – ему одному доступное и свыше открытое как сакральное. Его искусство идет навстречу народной душе, и порождает обновленное мифологическое мирозерцание. «Вещая душа» поэта творит обновленную поэзию, стремящуюся стать мифотворческой: вселенски значимой и младенчески ясной в искании смыслов бытия. Так язык поэзии прорастает из подпочвенных корней, народность – из глубин подсознания; из символа рождается миф, как исконное достояние народа.

Подобно пламени, слово-символ в поэзии Милутина Мичовича прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение. Это ясно выражено в ключевом стихотворении «Пламя для чтения» его поэтической книги «Следы будущего»:

Бог знает откуда взялось
Это прозрачное пламя
Пламя которое нас пронизывает насквозь
Когда на площади смеркнется
Влюблённое безмолвное работающее
Охваченное нашей тьмой преданное нашей земле
Оно хочет нас прочесть или сжечь

Витой излучиной реки
Выходит из чрева земли из корня нашего корня
Отворяет пылающими руками
Врата небесные
Раздевает нас и голых отмытых
Облачает в пурпурный наряд

Скрывая от мира
Являет нас небу
Запирает в четырёх стенах
Златоокиими буквами
Распахивает подземелье на все четыре стороны
Новорождённых крестит
Бьёт в небо потоком огня
В сиянье непреходящем¹.

В каждой точке пересечения символа, как пламени нисходящего, со сферой сознания он является знамением, смысл которого образно и полно раскрывается в поэзии в соответствующем мифе о сотворении Слова, его духовной энергии:

Он говорит действием
Совершённым
Трудом
Созидающим
То чего ещё нет
Язык становления нашего
Изначальный язык

Язык повествует
Удивляет читает творит
Пока мы полны им
Мы живы и здоровы
Этот язык – мы

«Язык» (25)

Здесь и в других стихах образно выражена идея Логоса (духовный лейтмотив всей книги) как результат реального, духовного, нравственного опыта, пережитого и продуманного человечеством:

Ты увидишь ясно до края света
Как кто-то когда-то
Возможно ты сам
Поселил нашу азбуку
В этом мире
Завалил камнями
Землёй засыпал

Ныне каждая буква
Оправдана своим днём
Входит в своё Слово
Поёт свою песнь

Ты забытый слышишь её

«Азбука» (79)

Символизм – поэзия, основанная на символах. Он вполне утверждает свой принцип, когда разоблачает сознанию вещи как символы, а символы как мифы, раскрывая в вещах окружающей действительности символы, т.е. знамения иной действительности, он представляет ее знаменательной, позволяет осознать связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в сферах иных, как истинно символическое:

Его никто не слышит не видит
Он всё слышит всё видит
Он спустился к нам
Нашёл того кто потерял
Кто ужаснулся своего одиночества
Своей слепоты
Своих надежд
Он освобождает нас предсказывает
Выводит к свету
На этом языке
Говорят все языки

На нём ты забыт
Его ты боишься
О нём тоскуешь
Он не твой
А мог бы быть
Языком твоего становления

Он записан на небе
Запечатлён в человеке
Язык любящих и смертных
Он сгорит
Он оживёт

«Язык» (25)

Так истинная символическая поэзия прикасается к области религии, поскольку религия есть прежде всего чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни:

Когда апостол Павел сказал
Минует облик мира сего
Грядёт Совершенство
В котором мы себя узнаём

Он видел наши бездны
Сокрытые обличем людским
А на дне солнечную реку
В которой исчезает
Человеческое слишком человеческое

И ныне как тогда
Мы разбиваемся о жалкие слова
И студёные камни
От тени к виденью
От виденья к иконе
Ищем Пламя

Которое прочтёт нас до конца

«Чтение апостола Павла» (165)

Поэтому можно говорить о символизме и религиозном творчестве как о величинах, находящихся во взаимоотношениях духовного сближения.

Вл. Соловьев говорил о художниках будущего, что не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею, и сознательно управлять ее земными воплощениями. Русский философ понимал художественное религиозное творчество в самом возвышенном смысле: человек способствует своим творчеством вселенскому преображению. Художник – сознательный приемник творческих усилий Мировой Души. Завет художника – прозревать и благовествовать сокровенную волю сущностей, облегчать вещам выявление красоты, «снимать пелены, заграждающие рождение слова»,

слагать слова в созвучия, представленные в стихии языка. Он «утончит слух и будет слышать, что говорят вещи, изощрит зрение и научится понимать смысл форм и видеть разум явлений»². Только эта открытость духа сделает художника носителем божественного откровения. Художник также должен быть восприимчив к откровению, воплотившемуся в религиозном сознании народа.

Отраднo, что мы эти предположения русского религиозного философа можем уже в нашем XXI в. соотнести с поэтическим творчеством нашего современника Милутина Мичовича, который в Слове видит отблеск высшего, вечного света, бесконечность которого он отражает и духовно питает жизнь на земле:

Язык звёзд и львов
Вопиющих
Утешитель
Он кормит в пустыне
В нём умирает смерть
Живёт жизнь
Где ты
Источник небесный
Язык Языков

Язык тех кто умолк
Тех кто познал
Самый глубокий
Самый богатый
Древний
И сладостный

Он и хоронит нас
И прославляет

«Язык» (25)

Реализм в искусстве как принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем, плодотворен для религиозного творчества, ибо поэт прежде всего должен верить в реальность воплощаемого. Такое реалистическое мировоззрение свойственно поэту Милутину Мичовичу и как психологическая основа его творческого процесса и как импульс к творчеству, который обеспечивает религиозную ценность его стихов; которые являют читателю в метафорических образах земные воплощения религиозной идеи:

Небо над нами
Небо в нас
Пускает корень
Сквозь чрево твоё
Раскалённый корень

Из него вырастает яблоня
 Высоко-высоко над тобой
 Ничего не щадя Богом созданного
 Радостно видеть
 Как она оплетает ветвями весь мир

Питаюсь твоим чернозёмом
 Сладкой песчаной почвой
 Костями снами
 Она рождает летом и зимой
 Вечно рождает
 Независимо
 От погоды

Кто ест её плоды
 У того открываются глаза
 Чтобы видеть

Небо в себе
 Себя в небе

Яблоню на могиле

«Яблоня» (61)

Реализм как принцип обозначения вещей многообразен и разнолик, в зависимости от того, в какой степени напряжена и действенна при этом обозначении миметическая сила художника (мимесис – подражание натуре по Аристотелю). При ослаблении подражательности натуре мы имеем феномен чистой символики.

В религиозном символизме Милутина Мичовича символами служат предметы, являющие лик не только земной, но и божественной действительности, поэт представляет свой идеал божественной вещи, более совершенное подобие ее земного воплощения:

Ветвистый дуб
 В прозрачной зелени
 Протягивает отеческие руки
 В тишайший час
 Касается всякой души

Оживляет
 Всякое страдание во мраке
 Всякое семя под землёй
 Жажущие уста под солнцем
 Странствуют корни
 Пробиваются сквозь землю и камень
 Сквозь щедрую грудь кормилицы

Мужественная статья
Полна красоты и силы
Ведь красота и сила
Ко всему кратчайший путь
В них светозарные крылья
Полуденная ясность
Солнечный диск

«Дуб» (169)

Религиозное мирозерцание поэта определяет место каждой вещи, являющей лик и земной и небесной в иерархическом согласии. Мистический опыт порождает символическое художество, которое ищет внутреннюю реальность вещей:

Он когда-то упал с неба
В отеческом семечке
Вышние тайны принёс

Землёй покрылся
Научился смерти
Откликнулся дню своему
Растёт что есть сил
Слушает смотрит на человека
Рассказывает всё что в нём сокрыто
Пока они вместе странствуют
Открывая кладези горней ясности
Чёрные силы глубин

Чтобы однажды с миром
Вернуться туда откуда пришли

«Дуб» (169)

Мистическое исследование скрытой правды о вещах в поэзии Милутина Мичовича открывает реальную тайну природы: она всецело жива и всецело основана на сокровенных соответствиях, родствах и созвучиях, в ней звучит многоустное вечное Слово. Соответствие знаменует общение высших и низших миров.

Глубокое единство противопоставлено обычному «мертвенному» неведению нашему, когда всё мнится разделенным между собой и негласным, случайно близким и безжизненно немым:

И я ушёл далеко
 Далеко-далеко через весь мир

И вот я здесь
 В очаге
 Посреди мира

Никто меня не видит Не слышит
 Теперь я смотрю Слушаю

«Вот погас мир...» (61)

Мистический символизм (его происхождение от мистического реализма Средних веков через посредство романтизма и при участии символизма Серебряного века) порождает особое поэтическое творчество «избранных» как мистическое исследование скрытой правды о вещах, откровение о вещах более вешных, чем сами вещи, о воспринятом мистическим познанием бытии, более существенном, чем сама существенность.

Данте писал: «...дивитесь учению, сокровенному под покрывалом стихов странных». Новалис был убежден, что поэзия есть абсолютная реальность, а не сама действительность. Гёте утверждал, что ему передано покрывало Поэзии из рук Истины, что всё преходящее – только символ: «Как природа в многообразии своем открывает единого Бога, так в просторах искусства творчески дышит единый дух, единый смысл вечного типа. Это есть чувство истины, которая облекается только в прекрасное и смело устремляется навстречу последней ясности самого светлого дня» («Вильгельм Мейстер»).

Задача реалистического символизма современного поэта Милутина Мичовича – вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни, увидеть глубочайшую истинную реальность вещей, раскрыть и утвердить общий тип в сменяющемся и неустойчивом многообразии явлений, явленный в метафорическом образе трагизма современного бытия «над бездной»:

Сквозь мрак озарённый я видел
 Человек на себе несёт самого себя
 Нерождённых братьев
 Нерождённых родителей
 Неувиденных детей
 Несозданные миры
 Тупиковые пути
 Разорённые города
 Страх смертный

Страх перед своей надеждой
Надежду на свой страх
Бездну веры
Веру бездны

«Молитва за нерожденного» (55)

Реалистический символизм поэзии черногорского поэта вмещает реальнейшую действительность, в нем сокрытую и им же озаменованную. Для его литературного метода символ есть цель художественного раскрытия: всякая вещь, поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ, чем более глубоко, тем менее исследуемый в своем последнем содержании, чем прямее и ближе причастие этой вещи реальности абсолютной, как «корень» бытия:

Дай Боже жизнь корню
Ибо ты корень всякому корню
Дай Боже тепло и свет
Этой яме бездонной
Ибо нет такого места
Где нет Тебя

Дай Боже песню
Чтоб иногда мы забывали о времени
Слушая как растёт этот стебель
Глядя как радуются корни

«Молитва за нерожденного» (55)

Символ выступает как начало, связующее отдельные сознания, но их соборное единение достигается общим мистическим лицезрением единой для всех абсолютной сущности:

Дай Боже творенью
Которому дал Ты землю
И пот чтоб от неё отмыться
Покрывл ночами чтобы
Оно не видело Тебя
Дай Боже долю ему в твоём

Незакатном дне

«Молитва за нерожденного» (57)

В своем последнем содержании символ предполагает ясновидение вещей в поэте, предполагает такое же ясновидение в читателе:

По белой лестнице спускаюсь
 Во тьму рожденья
 Ныряю сквозь своё небо
 ...
 Слышу Слово которым Он говорит
 За тех кто давно онемел Всех нас вместе
 Являя на свет

«Слушаю песнь» (69)

«Мир духов не замкнут, твои чувства замкнуты, твое сердце мертво», – говорит Фауст у Гёте. Эти слова можно отнести и к современным читателям, уже почти лишенным поэтического слуха, который может пробудить только пламенное слово современного поэта.

В мистически-символическом творчестве Милутина Мичовича «дышит дух», требующий отважного расточения души в целом, до конца, и воскрешает древний как мир миф о духовной стойкости художника-творца, который «держит небо» над нашим земным бытием, чтобы оно не обрушилось в бездну:

Тяжело держать небо?
 Откуда в небе тяжесть
 Сила тебя наполняет злом
 Только силой что в жилах моих кипит
 Тебе не будет покоя
 Это всего меня поглощает
 И радостей земных у тебя не будет
 Земля меня держит и тёплой водой омывает
 а небо даёт мне блаженство
 Ты в одиночестве пьёшь в одиночестве веселишься
 Вместе со всем миром ибо я всему равен
 И всё-таки ты терпишь мои молнии
 Когда я пронзаю тебе рёбра и подсекаю колени
 Ха – разве не острее молнии в груди у меня?
 Солнечным молоком освящено моё тело
 так пой же мне
 молнией с облачного Олимпа

«Атлант» (159)

Так реалистический символизм черногорского поэта раскрывает в символе миф: небо не признает поэзии, которая не касается неба. Ибо миф для него – объективная правда о сущем. Только из символа, понятого как реальность, может вырасти, как колос из зерна, миф. Миф является чистейшей формой озаменованной поэзии. Еще Платон утверждал в диалоге «Пир», в котором звучит вдохновенный гимн творчеству, что задача поэта, если хочет он быть поэтом, творить мифы.

В поэзии Милутина Мичовича явлена творческая религиозная почва, на которой вновь смог расцвести миф, обновленный сущностными смыслами современного бытия; явлен реалистический символизм как творческий метод: его приближение к цели наиболее полного символического раскрытия действительности и есть мифотворчество; он идет путем символа к мифу, миф уже содержится в символе, он имманентен ему, созерцание символа раскрывает в символе миф:

В Студенице – одинокой обители
У очага родного
Охваченный жаром
Он умывается явью
Неоткрытых миров
Грядущих веков
Утонувших созвездий

«Студеница – одинокая обитель» (43)

Итак, мифотворчество возникает в поэзии Милутина Мичовича на почве символизма реалистического, ибо миф – отображение реальности, и всякое иное истолкование подлинного мифа есть его искажение, новый же миф есть новое откровение тех же реальностей:

Книги в белых лебедях превратились
Они хотят солнца и воздуха
Летят и поют

«Обретение» (123)

В поэзии происходит обретенное постижение некоторой безусловной истины, которое не сделалось всеобщим, это постижение возведено всем, но понято пусть хотя бы немногими (извечная дилемма взаимопонимания познающего сущности поэтического сознания и читательского восприятия их!), ибо невозможно, чтобы адекватное озаменованное раскрывшейся познающему духу объективной правды о вещах может быть принято сразу всеми как нечто важное, верное, необходимое и стать истинным мифом,

в смысле общепринятой формы эстетического и мистического восприятия этой новой правды:

Выскочил Агнец из пламени
Упоительным криком рассёк Тишину
Мёд и огонь с языка его каплют
Плачет Агнец поёт прелестно
Счастлив что из огня идёт к людям

Предоставленный Пути своему
Словно заново родился
Знать ничего не хочет скачет кувырывается в воздухе
Пламени полный
Не видят люди куда он идёт
Не видят жажды его пречистой
Не будут ждать его с распростёртыми объятьями
Оставят перед запертой дверью
Ранят презрением

Ни о чём не думает Агнец полный юного млека
Долго горел он сознанием и сверхсознанием
Смотрел на время и Невремя
Плясал от самозабвенной радости
Боль претворяя в пламя
Глядя одним оком в вечность другим в человека

«Агнец» (87)

Миф в этих стихах вырастает из символа сакрального Логоса, принято как радостное означенное осознанного сущего, как обретение, упраздняющее самое искание до той поры, пока то же познание не будет углублено дальнейшим проникновением в его еще глубже лежащий смысл. Логоса до поры сокрытого, но уже творящего и готового открыться навстречу реальности, жизни земной.

Но путь откровения, слова истины к сердцам людей извечно тернист, драматичен:

В Источник бросали
Грамоты книги головы
Камни домов, церквей
Пепел тернии мусор
Грязь рук и ног
Пупка и горла

Для того чтоб он больше не бил
Чтоб имя его погигло
Чтоб в ад его ввергнуть
Били Источник вальками по голове
Хлыстами по щекам
Шерстью рот затыкали
Кольями выкалывали глаза
Перебивали хребет
Руки и крылья ломали
И в отверстую грудь
Швыряли землю и камни
«Обретение» (119)
И даже трагичен:
Люди ударят тебя по лицу
Запорошат землёй очи
Приставят к горлу нож
Намажут нож твоей кровью
Покраснеет твоё руно
Выпьют кровь твою Агнец огненный
И умрут глаза твои
Из праха ты впервые увидишь человека

«Агнец» (89)

Сущность современного поэтического мифотворчества отчетливо явлена в те мгновения, когда в ожидании расцветающего мифа, который должен быть не изобретением, а обретением, поэт не знает в точности, каковою окажется скрытая сущность установленной, но еще не выявившейся его мистическому сознанию или утраченной, забытой современностью религиозной истины:

Свет несёшь
Через нашу пропасть и мор
Ковыляешь к людям
Агнец золоторунный
Агнец прекрасноокий
К смерти своей идёшь
Чтоб лечь в крылатую колыбель
С ножом у горла с Книгой под головой

«Агнец» (89)

Как творится миф поэтом? Ясновидением веры или является вещим сном, произвольным видением, последней истины о вещи, сущей воисти-

ну? В ответе таится разгадка тайны, магии поэзии. Нам дано лишь приподнять таинственный ее покров через понимание явления мифа. Миф есть воспоминание о мистическом событии, о космическом таинстве. Реальное мистическое событие, событие, свершившееся в высшем плане бытия, сохраняется в сути вещи, так как душа вещей физического мира есть поистине причастница тайновидений и тайнодеяний плана божественного; и человек, причащаясь сакральной вещи, делается в свою очередь причастником тех же изначальных тайн, которые и вспоминает неясно, только ознаменованно памятью потусторонних событий: в этой смутности воспоминающая – глубочайшее существо мифа.

Так верит поэт, так он познает интуитивным своим познаванием:
Испив свою чашу
До дна золотого
Он от всего избавлен

Солнцем что родилось внутри

И Бог весть когда закатилось в нашу землю
Родными молниями изрезанную

Благой муж радуется
Как дитя и говорит:

Вот видишь
Сперва Путь разносит тебя по свету

Стало быть С Богом

Истинное мифотворчество – творчество веры. И задача мифотворчества, поистине – «вещей обличение невидимых».

Такое мифотворчество мы встречаем в творчестве Милутина Мичовича, яркого представителя символического реализма. Реалистический символизм его поэзии – откровение того, что художник видит, как реальность, в кристалле низшей реальности, возвещает как символ сокровенной реальности, ее всеприсутствие во всем.

Поэтическое изумление, испытываемое черногорским поэтом при взгляде на простые вещи окружающей действительности и наше бытие сродни и ясности мудрости народной, и глубокому философскому познанию, видящих мир любознательными глазами; и, конечно, передается читателю как родственный голос вместе со смутным сознанием какой-то новой загадки или предчувствием нового постижения. Всюду поэт зрит «следы будущего», готового вот-вот воплотиться как живая музыка живой души.

Духовный подвиг поэта, в согласии с заветом Вл. Соловьева: он должен перестать творить вне связи с божественным всеединством, должен воспитать себя до возможностей творческой реализации этой связи. Поэт истинный должен помнить о вечности, когда он предстанет со своим словом пред ликом «ангела с мечом», рассекающего груды книг:

На пустой земле этого города
Среди пустых обложек этих книг
Я ищу стихи
Которые действительно состоялись
Без ваших перьев и чернил
О как же их мало

В них нахожу я дни
Вашего последнего странствия

«Т. Элиот» (167)

И тогда миф, как прикосновение к «темным вратам бытия», должен стать событием его внутреннего опыта, личного по мистическим переживаниям, сверхличного по своему содержанию, тогда он будет воистину переживаться читателями как осознание сверхличностной и сверхчувственной связи сущего, наконец забрезжившего в последнем отчаянии разорванных человеческих сознаний современности, когда гармония жизни уродливо искажена, превращена в дьявольский маскарад химер, в удушающий живую душу кошмар.

Истинное мифотворчество в поэзии наших дней – увы, редкость, но важный симптом поворота, точнее солнцеворота современной славянской души, измученной жестким влиянием европейского рационализма и практицизма, к качественно иному, высшему мировосприятию: религиозно-мистическому, исконному, православному.

Примечания

¹ *Мишовић Милутин. Мичович Милутин. Трагови будућности: Песме. Следи будућног: Стихотворења* / Пер. А. Базилевского. Тверь, 2010. С. 91. Далее в тексте в скобках ссылки на это издание с указанием страницы.

² Соловьев В. Первая речь о Достоевском // Три речи в память Достоевского (1881–1883) // Собр. соч.: в 9-и т. М., 1884. Т. II. С. 175.

VI. Современные исследования в славянском языкознании

Аница Влашич-Анич
(Загреб)

«От бытия» капуцинского новооткрытые памятники хорватскоглаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности

Abstract:

Vlašič-Anić A. *Newly found pieces of heritage of the Croatian Glagolitic, Latin and Hebrew-Aramaic medieval literacy "from the life" of the Capuchins*

The author is giving a brief report on her own latest discoveries of invaluable pieces of heritage of the Croatian Glagolitic, Latin and Hebrew-Aramaic medieval literacy, which are a result of her *pioneer* scientific research of the thematic complex *Glagolitsa in the libraries of Capuchin monasteries*. The research has been carried out with much help from and in excellent and continuing cooperation with three chiefs of monasteries of the Croatian Capuchin Province of Saint Leopold Bogdan Mandić, in Varaždin (B. Z. Šagi, M. Kemiveš), Karlobag (K. Hrženjak, A. Logara, J. Grivić, S. Bergovec) and Rijeka (S. Dodig, A. Pervan). The result is an impressive series of fragments and clippings of medieval hand-written codices on parchment from the 13th to the 15th centuries, mostly liturgical, that had for centuries served as excellent covers for printed books from the 15th to the 18th centuries, as bindings for their covers or spines, as patches for damaged leaves or as book markers. They are written in various types of Croatian Square Glagolitsa (constitutional, but also from the transitional period of the Croatian Glagolism), and in Latin and Hebrew letters. Often, they are richly adorned with colourful initials that dominate the visual rhythms of graphical composition of the text and margins. The newly found parchment fragments contain texts in the Church Slavonic language of the Croatian Redaction, in Latin, German, Hungarian, Hebrew and Aramaic, designed in accordance with the highest standards of artistic calligraphy of European medieval scriptoria. With the help of the Ministry of Culture of the Republic of Croatia and the Departments of Culture of the cities of Varaždin and Rijeka, several fragments, clippings and books where they were found have been restored in the Croatian State Archives in Zagreb under the supervision of T. Mušnjak. The originals were for the first time presented to the public at the exhibition Vlašič-Anić-Sabalić: *"The fragments from the Life of the Capuchins: for the 400th anniversary of the OFM Capuccinorum in Rijeka and Croatia"* (Rijeka, 15 October – 25 December 2010).

(Translated by Boris Anić)

Ключевые слова: хорватскоглаголическая письменность, книжная культура, францисканские монастыри.

«Микельанжело принадлежит тем, которые, как и многочисленные обновители религии – не только контрреформаторы, но и носители внутренней реформы церкви (капуцины, иезуиты), – хотя бы периодически, устраивают Риму очную ставку с Абсолютом.» (НОСКЕ:80)

Новооткрытые памятники хорватскоглаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности на пергаменте, которые мы для выставки в Риеке 2010 г. (пара)цитатно назвали *фрагментами «от бытия» (odl bitia)*¹ капуцинского являются непосредственными результатами нескольких наших научных исследований. На самом деле речь идет о 'пионерских' научных исследований тематического комплекса «*глаголица в библиотеках капуцинских монастырей*»². Мы проводили их, исследуя (обычно летом) в качестве научной сотрудницы Старославянского института в Загребе древнейшие книжные ценности, хранящиеся в библиотеках капуцинских монастырей в Хорватии: в Карлобаге в 2005, 2006 и 2009 гг., в Вараждине 2007 г. и в Риеке 2007 и 2008 гг.³

Можно сказать, что речь идет о волнующем ряде новооткрытых фрагментов и обрезков средневековых рукописных кодексов XIII–XV вв. на пергаменте, главным образом литургических. До сих пор, в результате наших научных исследований во всех этих трех капуцинских монастырях в Хорватии, (в сумме) обнаружено: 14 пергаментных фрагментов, выписанных *угловатой глаголицей* на церковнославянском языке хорватской редакции; 47 пергаментных фрагментов, выписанных *латиницей* – 45 на латинском и 2 на немецком языке; 3 пергаментных фрагмента, выписанных *древнееврейским письмом на древнееврейском и арамейском языках*; к тому же и еще несколько пергаментных обрезков – глаголических на обложках и переплётках 14 печатных книг, латинских на 23, древнееврейских на 4, и еще неидентифицированных на 36 печатных книгах. До наших открытий все они столетиями служили отличными защищающими обложками печатных книг XV–XVIII вв., материалом для их переплетов, заплатами сломанных листов или страниц. Они выписаны различными типами и формами средневековой латиницы, хорватской угловатой глаголицы XIII–XV вв. и древнееврейского письма XIII–XIV вв. Некоторые из них богато разукрашены роскошными разноцветными инициалами, которые властвуют над визуальными ритмами графической композиции текста и маргин. Тексты, сохранившиеся на этих фрагментах, оформлены по высоким стандартам художественной каллиграфии европейских средневековых скрипториев. Кроме того, что они сохранились как памятники средневековой письменности на 5 различных языках: церковнославянском языке хорватской редакции, латинском, германском, древнееврейском и арамейском, – кажется, что между еще неидентифицированными обрезками можно ожидать и несколько новых языков в этой языковой коллекции. Например, греческого.

За каждое из упомянутых исследований, а тем самым, опосредованно и за новые открытия, мы благодарны нашему чрезвычайно успешному сотрудничеству с настоятелями капуцинских монастырей Хорватской капуцинской провинции святого Леопольда Богдана Мандича⁴. Это были: фра Боно Звонимир Шаги (Bono Zvonimir Šagi) и фра Мирко Кемивеш (Mirko Kemiveš) в Вараждине; фра Крсто Хрженяк (Krstó Hrženjak), фра Анте Логара (Ante Logara), фра Йосип Гривич (Josip Grivić) и фра Степан Берговец (Stjepan Bergovec) в Карлобаге; фра Станко Додиг (Stanko Dodig) и фра Анто Перван (Anto Pervan) в Риеке.

Несколько из новооткрытых фрагментов, обрезков и книг, на которых они были открыты, – уже реставрировано в Хорватском государственном архиве в Загребе под руководством Татьяны Мушняк (Tatjana Mušnjak). Они отреставрированы благодаря нашему, тоже чрезвычайно успешному, сотрудничеству с отделами консервации Министерства культуры Республики Хорватии в Риеке, в Вараждине и в Госпиче: их согласие с нашими предложениями произвести реставрацию являлось основой для ее финансовой поддержки со стороны Министерства культуры Республики Хорватии и отделов культуры города Вараждина и города Риеки. Наше сотрудничество со всеми упомянутыми институциями, конечно, продолжается.

Оригиналы приблизительно 40 реставрированных фрагментов XIII–XV вв., вместе с 30 (принадлежащих им) реставрированных печатных книг из XVI–XVIII вв. – в первый раз появились на выставке 2010 г. в Морском и историческом музее Хорватского приморья в Риеке; они привезены ровно с реставрации из Хорватского государственного архива в Загребе. Это была совместная выставка двух авторов – Аницы Влашич-Анич и Дамира Сабалича: «*От бытия капуцинского фрагменты: по случаю 400-летия капуцинов в Риеке и в Хорватии*» (Морской и исторический музей Хорватского приморья в Риеке, 15 октября – 25 декабря 2010 г.) / Anica Vlašić-Anić – Damir Sabalić: «*Od bitija kapucinskoga fragmenti: povodom 400. obljetnice Kapucina u Rijeci i Hrvatskoj*» (Pomorski i povijesni muzej Hrvatskog primorja u Rijeci, 15. listopada do 25. prosinca 2010. g.). Организаторами выставки явились Хорватская капуцинская провинция Святого Леопольда Богдана Мандича (Загреб) и Капуцинский монастырь Мадонны Лурдской в Риеке. Вместе с ними участие в ее организации приняло еще несколько значительных государственных научных и культурных институций: Старославянский институт (Загреб), Хорватский государственный архив (Загреб), Академия прикладных искусств (Риека) и Морской и исторический музей Хорватского приморья в Риеке⁵. За художественную организацию комплексной визуальной ритмизации выставочной постановки мы очень благодарны профессорам Академии прикладных искусств Риека, Соне Бриски Узелац (Sonja Briski Uzelać) и Анти Т. Владиславичу (Ante T. Vladislavić) (рис. 1).

(Пара)цитатным выбором названия «*От бытия капуцинского фрагменты: по случаю 400-летия капуцинов в Риеке и в Хорватии*», кроме тематическо-юбилейного посвящения, подчеркнута была и многосмысловая интертекстуальная корреспонденция⁶ авторской концепции выставки

с последним изданием риечской глаголической типографии задарца Шимуна Кожичича-Бени (Задар, около 1460–1536 гг.): **Šimuna Kožičiča zadržanina biskupa Modruškoga Ođb bitijê redovničkoga knjižice / Šimuna Kožičiča zadržanina biskupa Modruškoga Ođb bitijê redovničkoga knjižice.** (Риека, 27 мая 1531 г.). В сущности, это «сочинение, письмо (*spisanije*), своего рода послание» о том, каким должен быть священник, принимающий святой орден, – которое «модрушский епископ Шимун (Кожичич) послал своему викарию и приходским священникам Винодола» (NAZOR 2009: 44). В колофоне в конце этой книги из 12 бумажных листов размера 9,5 x 14,0 см – записано: **Štampane v Rici v hižahъ pabrivaniъ / častnoga otca gna Šimuna biskupa / pa modruškogaiva vrime vzveli: / čeoga gna miku le ūpišiva ka: / pitana ričkoga i pročaê.danъ / i.ž.maa miseca! leto ođb / krstova roistva / č. F. h. a. / Bogu xvali i.** – *Štampane v Rici v hižahъ pabrivaniê / častnoga otca g(ospodi)na Šimuna biskupa / modruškoga: va vrime vzveli / čenoga g(ospodi)na Mikule Jurišiča ka / pitana ričkoga i pročaê. Danъ / iž [= 27] maê miseca: leto ođb Krstova roistva / č.f.j.a. [= 1 5 3 1]) / Bogu hvali?*

Хорошо известно, что единственный экземпляр этого издания, который имеет и «декоративную типографскую марку (семейный герб Кожичича): леопард, взбирающийся на щит, а над ним епископская митра» (NAZOR 2009: 43), сохранился в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. В *Отчете* за 1905 г. он зарегистрирован под заглавием *Ođb бытия редовническаго* – как третий аллигат в конволюте в пергаментном переплете с пятью книгами:

«Конволют в пергаментном переплете конца XVI – начала XVII вв., с остатками зеленоватых завязок-тесемок. На крышках вытиснен золотом орнамент, а также имя и звание владельца: *ADRIANVS ROMANVS EQVES AVRATVS* [«Адриан Роман⁸, кавалер ордена (папского) Золотой Шпоры»]. На верхней крышке переплета вытиснен золотом герб Адриана Романа: павлин, выше – рыцарский шлем, в самом верху – скрещенные ключи; по сторонам – растительный орнамент; все это в овальном венке. На последней странице букваря (5-ый аллигат) маленький фиолетовый штамп с инициалами «ИБ» (Императорская Библиотека) и короной».

(КРУМИНГ 1984: 249)

(Sign. VIII. 2.64., № 3093)⁹ *Глаголического собрания пергаментных фрагментов и печатных книг Ивана Берчича*¹⁰. Факсимиле этого уникального экземпляра из печати вышло в 2009 г. под заглавием *Ođ bitija redovničkoga knjižice*¹¹ – именно в Риеке, где оно и представлено в 2010 г., юбилейном году риечких и всех хорватских капуцинов. Оно охарактеризовано как произведение, которое «каждой своей частичкой полностью выражает дух и стремление Кожичича любыми средствами сохранить физическое, биологическое, а печатным словом и духовное, культурное, существо хорватского народа» (CRNKOVIĆ–LOKMER 2009: 36). Одновременно, Кожичич охарактеризован как «высокообразованный латинист, авторитетный прелат католи-

ческой церкви и всеми уважаемый дипломат, человек европейской культуры и глобализированной ойкумены», являющийся в то же время и «представителем глаголического хорватского микрокосмоса» (там же).

Многочисленные аспекты наивысшей *европейской* (особенно латинской) культуры, глобализированной ойкумены и одновременно оригинальности глаголического хорватского микрокосмоса – именно и являются «большой бытностью» («*velika bitnost*» /*great essentiality*/: ALEKSIĆ 1922) авторской концепции выставки «*От бытия капуцинского фрагменты: по случаю 400-летия капуцинов в Риеке и в Хорватии*». Это «большая бытность», которая глубоко связывает наивысшие категории 400-летнего бытия капуцинского в Риеке и в Хорватии¹² с многочисленными уровнями не/посредственного их отражения в сохранении до сих пор – бытия пергаментных фрагментов капуцинских на обложках и переплетах бумажных печатных книг. Несомненно, это единственное, многостолетнее бытие многообразного искусства хорватскоглаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности.

Как известно уже, кроме *Ордена меньших братьев францисканцев (опсервантов) и конвентуальцев (миноритов)*, *Орден меньших братьев капуцинов (Red Manje braće Kapucina, OFM Cap / Ordo fratrum minorum Capucinorum)* – является третьим реформированным *Орденом святого Франциска*, самостоятельным с 1525 г. Полную самостоятельность *Орден капуцинов* получил в 1619 г. от папы Павла V. Возникнув в период Лютера, Реформации и католической реставрации после Тридентского собора (1542–1564), параллельно с иезуитами, уже в 1575 г. насчитывает 3.500 монахов в 18 провинциях и 300 монастырях. После аннулирования запрета расширения *Ордена* вне Италии (5 января 1537 г.) решением папы Грегора XIII капуцины распространяются по целой Европе: Франции (1574), Испании (1577/1578), Швейцарии (1581), Тироле (1593), Чехии (1599), Голландии (1585), Баварии и Австрии (1600), Словении (1607), Хорватии (1610), Ирландии (1615), Венгрии (1640), Польше (1681). Уже в 1625 г. начинается *золотое время Ордена капуцинов* (до Французской революции 1789 г.), когда в 42 провинциях и в 1260 монастырях жило 16.967 капуцинов. *Орден* расширяется и в Африку, Америку, Азию; в XIX в. и в Эстонию, Летонию, Португалию, Канаду, Австралию, Японию...¹³ *Конституции* 1643 г., в духе первых *Конституций* 1535 г., называющихся «*magna charta*» капуцинского законодательства¹⁴, позволяли капуцинам только собственную работу и милостыню для пропитания, а деньги полностью запрещали, даже для покупки книг. Библиотеки, которые были обязательными в каждом монастыре, развивались исключительно благодаря меценатам, богатым дарителям: аристократам и царям¹⁵.

Наша исследовательская «увертюра к Капуцинскому глаголическому 'Болеро'»¹⁶ началась в 300-летней библиотеке в Вараждине, как только она была обновлена и одна ее часть стала доступной посетителям-мирянинам. На мой внезапно поставленный вопрос: «Патер Боно, есть ли здесь глаголица?» –

фра Боно З. Шаги, исследователь вараждинской капуцинской библиотеки (SAGI 1996), показал мне две печатные книги. Это были: 1) *PREDICHE QVARESIMALI DEL P. F. ALESSANDRO TOMASO ARCVDI, DE PREDICATORI* (In LECCE Dalla stamperia del Mazzei 1712.) под Sign. «IX с. 5.» и 2) *DOMINICALE CONCIONUM PASTORALIUM. Das ist: Soñtag Predigen Für Die Seelforger auf das ganze Jahr .... Durch P. F. HERIBERTUM, von Salurn Capuciner und Ordinari Prediger in der Zurolifchen Provinz* (Salzburg 1705.) под Sign. «IX с. 6.». Корки обеих книг были в роскошных пергаментных обложках, выписанных двумя различными типами хорватской угловатой глаголицы. Как оказалось, эти обложки были листами двух различных хорватскоглаголических рукописных миссаллов на пергаменте. Спустя некоторое время фра Боно З. Шаги выполнил наш договор, вернее, «обещание»: он лично привез обе книги с пергаментными в Старославянский институт в Загребе. Тогдашний директор института Аница Назор сразу инициировала отделение глаголических фрагментов на переплетах книг и их реставрацию в Хорватском государственном архиве в Загребе. В Центральной лаборатории для реставрации и консервации они были отделены, реставрированы и консервированы под руководством Татьяны Рибкин, а корешки книг защищены новыми переплетами в темнокоричневые кожаные обложки. В ходе наших исследований после реставрации подтвердилось, что это действительно лист и двулистный фрагмент *двух хорватскоглаголических миссаллов* конца XIV и начала XV вв. Двулист *FgVar*, вел.: 37,5 x 28 см (вел. одного листа: 18,7 x 28 см) был отделен от обложки книги под Sign. «IX с. 5.» 1712 г., а лист *FgVar*, вел.: 35 x 25 см, от обложек книги под Sign. «IX с. 6.» 1705 г.¹⁷

Оригиналы обоих пергаментных фрагментов *FgVar*, и *FgVar*, впервые были выставлены в капуцинском монастыре в Вараждине 29 декабря 1999 г., на однодневной выставке в программе международной конференции «300 лет от прихода капуцинов в Вараждин – 1699–1999»¹⁸. Они, конечно, потом были выставлены и в 2010 г. в галерее Морского и исторического музея Хорватского приморья в Риеке («От бытия капуцинского фрагменты: по поводу 400-летия капуцинов в Риеке и в Хорватии»). Дизайнер Яков Жапер тогда особенно вычеркнул и их визуальную привлекательность – выбрав именно *FgVar*, и *FgVar*, для дизайна программы, афиши и плаката этой выставки (рис. 2–3).

Результатом наших научных исследований в 2007 и 2008 гг. в 400-летней библиотеке древнейшего из капуцинских монастырей в Хорватии, библиотеке капуцинского монастыря Мадонны Лурдской в Риеке¹⁹ – стало открытие 11 рукописных фрагментов и около 20 обрезков хорватскоглаголических литургических кодексов XIII–XV вв. на пергаменте. Все они открыты на обложках 14 печатных книг из XVI–XVIII вв. В *Рекское собрание FgCapVla* мы их объединили вместе с почти 30 – одновременно новооткрытыми – пергаментными фрагментами латинских, добавив еще несколько пергаментных обрезков: латинских, греческих и древнееврейских. Мы их

открыли на обложках 66 печатных книг из XV–XVIII вв.²⁰. Сходное *Вараждинское собрание* пергаментных фрагментов и обрезков *FgCapVla*, новооткрытых на обложках и переплетах 41 печатной книги из XV–XVIII вв., мы собрали и летом 2007 г. в Вараждине. Речь идет о 27 пергаментных фрагментах, выписанных латиницей – 25 на латинском и 2 на немецком языке; и еще несколько пергаментных обрезков – глаголических на обложках и переплетах 2 печатных книг, латинских на 4, древнееврейских на одной, и еще неидентифицированных на 7 печатных книгах²¹. Летом 2005, 2006 и 2009 гг., в библиотеке Капуцинского монастыря в Карлобаге мы собирали сходное *Карлобажское собрание FgCapVla*. На обложках и переплетах 21 печатной книги из XV–XVIII вв. мы зарегистрировали еще 1 новооткрытый глаголический фрагмент на пергаменте, 2 латинских и еще 1 древнееврейский; и еще несколько пергаментных обрезков – глаголических на обложках и переплетах 6 печатных книг, а латинских – на 11²².

Особое внимание среди новооткрытых хорватскоглаголических фрагментов пергаментных литургических кодексов вызывают 3 фрагмента трех различных глаголических бревиариев из XIII–XIV вв.²³. Мы открыли их в библиотеке капуцинского монастыря в Риеке 25 августа 2007 г. на обратной стороне первого листа книги под Sign. «Let I Fila VIII Np 282» (рис. 4). Это римское печатное издание *Decretales D. Gregorii papæ IX*. (1582 г), оно уже реставрировано вместе с хорватскоглаголическими фрагментами: «**DECRETALES / D. GREGORII PAPÆ IX. / SVÆ INTEGRITATI / VNA CVM GLOSSIS RESTITVTÆ. / Cum priuilegio GREGORII XIII. pont. Max. / & aliorum Principum. / DE LICENTIA SVPERIORVM. / R O M Æ / In ædibus Populi Romani M. D. LXXXII.**»²⁴.

Оригиналы всех трех пергаментных фрагментов: *FgCap VlaPr* вел. 24,2–24,4 x 13,6–13,7 см, *FgCap VlaGn* вел. vel. 26 x 4–4,7 см и *FgCap VlaDec* вел. 36,2 x 5,1 см – впервые были выставлены в Риеке в 2010 г. (рис. 5). Результаты их исследований показывают, что первый фрагмент *FgCap VlaPr* – являющийся *Фрагментом библейской Книги Мудрости (Proverbia; recto: Pr 1,11–19; verso: Pr 1, 21–28)* с начала второй половины XIII в. – это «древнейший из до сих пор открытых экземпляров хорватскоглаголического перевода этой библейской книги и одновременно древнейшая глаголическая рукопись, открытая в Риеке» (MIHALJEVIĆ–VLAŠIĆ–ANIĆ 2010: 118). Второй фрагмент *FgCap VlaGn*, являющийся *Фрагментом библейской Книги Бытия (Genesis; recto: Gn 27,5–13; verso: Gn 27,39–28,5)*, как и третий фрагмент *FgCap VlaDec*, являющийся *Фрагментом хорватскоглаголического бревиария*, относятся к концу XIII – началу XIV вв. К тому же, результаты исследований показывают, что хорватскоглаголические фрагменты двух бревиариев *FgCap VlaPr* и *FgCap VlaGn* «сохраняют более ранний перевод библейского текста с греческого языка» (MIHALJEVIĆ–VLAŠIĆ–ANIĆ 2010: 95). Это подтверждают и гипотезы Катичича: 1) что первоначальные хорватскоглаголические книги «получены с севера, из школы Мефодия, а потом с юга, из школы его учеников Климента и Наума» (КАТИЧИЋ 1998: 14); 2) что

многие хорватскоглаголические литургические тексты с конца IX – начала X вв. «большой частью переведены не с латинского, а исходят из литургических книг кирилломефодиевской школы и основаны на первичных переводах солунских братьев с греческого языка» (КАТИЋИĆ 1998: 14). Кроме того, «можно сказать, что они принадлежат „раннему хорватскому Средневековью, которое, в отличие от западноевропейского литературного Средневековья, продолжается до середины или даже до конца XIV столетия“»²⁵.

Благодаря реставрации фрагментов и книги *Decretales D. Gregorii papæ IX*. (1582 г), в Хорватском государственном архиве в Загребе в ее обложках открыты – еще два пергаментных фрагмента *FgCap VlaTer*: два Древнееврейско-арамейская фрагмента библейской Книги Исхода (*Exodus*) с конца XIII – начала XIV вв. (Izl 21,23–22,8 i Izl 26,26–27,10; вел. 54 x 35–36 см). Оригиналы обоих фрагментов впервые были выставлены тоже в Риеке в 2010 г. (рис. 5). Результаты исследований (по Дарку Теперту) показывают, что эти «фрагменты составляли часть большого кодекса, который мог содержать либо библейскую Книгу Исхода (*Exodus*), либо целую Тору», причем «рукопись служила не для литургии, но как подспорье при самостоятельном (научном) изучении Святого Письма»²⁶. Их открытие подтверждает нашу гипотезу, что в результате исследований ценные сюрпризы действительно возможны всегда!

Еще видные зеркальные отражения глаголических букв на обороте корки *Decretales D. Gregorii papæ IX*. (1582 г), являются своеобразной хорватскоглаголической сигнатурой ее уникальности в истории хорватского глаголизма. Зеркальные отражения древнееврейских букв *FgCap VlaTer* на корках неизвестной книги, открытой внутри корок *Decretales*, являются следами их сложного культурного симбиоза с хорватскоглаголической письменностью. Тем самым книга *Decretales* представляет собой своеобразную редкость мировой значимости, что особенно касается хорватскоглаголической, а тем самым и славянской письменности.

«От бытия» (**od! bitia**) капуцинского новооткрытые памятники хорватскоглаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности на пергаменте и являются именно *значительным источником новых научных знаний о феномене бесценности каждой из составляющих компонентов этой славянской письменности.*

Примечания

¹ По изданию **Šimuna kožičiča zadranina biskupa modruškoga od! bitia redovničkoga knjižice** / *Šimuna Kožičiča zadranina biskupa Modruškoga Od! bitie redovničkoga knjižice* (Риека 1531 г.) – см. Факсимиле: KOŽIČIĆ 2009. См. и: »**bitie** ... 1. bit, bitak, postojanje; essence, Being, existence; – τὸ εἶναι; esse, essentia, genus ... 2. postanak, nastanak, podrijetlo, rođenje; generation, emergence, origin, birth; – γένεσις; genesis, generatio» (RJEČNIK 2000: 160–161).

² См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2004.

³ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2005/K, 2006/K, 2007/R, 2007/V, 2008/R, 2009/K.

⁴ См.: ŠAGI-BUNIĆ 1976; Franjevci Kapucini. Hrvatska kapucinska provincija sv. Leopolda Bogdana Mandića. (<http://www.kapucini.hr>).

⁵ См.: »*Organizatori*: Hrvatska kapucinska provincija sv. Leopolda Bogdana Mandića i Kapucinski samostan Gospe Lurdske u Rijeci. *Suorganizatori*: Staroslavenski institut, Zagreb, Hrvatski državni arhiv, Zagreb; Akademija primijenjenih umjetnosti, Rijeka; Pomorski i povijesni muzej Hrvatskog primorja u Rijeci. *Postav izložbe*: Akademija primijenjenih umjetnosti, Rijeka. *Grafički dizajn*: Jakov ŽAPER, APU Rijeka. *Autori*: Anica VLAŠIĆ-ANIĆ i Damir SABALIĆ.« (Vlašić-Anić 2010/D); см. также и: VLAŠIĆ-ANIĆ, *В печати-1*.

⁶ Авангардные по-этические категории (пара)цитатности и интертекстуальности, присущие в выборе именно этого названия выставки – осознанно являются своеобразным мультидисциплинарным *переплетением смыслов и значений* корреспонденции нашего исследовательского опыта: (1) художественно-научных встреч с поэтическим делом русского авангардиста Даниила Ивановича Хармса и западноевропейских дадаистов (VLAŠIĆ-ANIĆ 1997); и (2) встреч с новооткрытыми памятниками »*глаголицы в библиотеках капучинских монастырей*« (VLAŠIĆ-ANIĆ 2004, 2005/К, 2006/К, 2007/Р, 2007/В, 2008/Р, 2009/К). Об этой корреспонденции см.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2011.а, 2011.б, *В печати-3*.

⁷ См.: EKL 1971: 225 и *Sl. 3. Kolofon na stranici 11v Kožičićeva izdanja: Ođь bitiē redovničkoga knjižice (ibid.)*; KOŽIČIĆ 2009; NAZOR 2009: 42.

⁸ Адриан Роман (лат. И нем. Adrianus Romanus, франц. Adrien Romain, фламандск. Adriaan van Roopen, 1561–1615) – уроженец Лувена, Вюрцбургского университета, математик. Автор многочисленных сочинений по математике и естественным наукам, издававшихся в 1591–1611 гг. в Лувене, Вюрибурге, Франкфурте и Майнце – владелец почетных званий: »*Eques Auratus, Comes Palatinus et Medicus Caesareus*«, чей герб »на его памятнике-кенотафе в вюрцбургской университетской церкви« (КРУМИНГ 1984: 251).

⁹ См.: MILČETIĆ 1955; EKL 1971; КРУМИНГ 1976, 1984; NAZOR 1980.

¹⁰ См.: VIALOVA 2000; ВЯЛОВА 2000.

¹¹ См.: KOŽIČIĆ 2009, NAZOR 2009.

¹² См.: BENEDIK – KRALJ 1994; ŠKAFAR 2001; ŠAGI 2010.

¹³ См.: TENŠEK 2001; <http://www.kapucini.hr>.

¹⁴ См.: TENŠEK 2001. 106.

¹⁵ См.: ŠAGI 1996, 2001; KEMIVEŠ 2001; TENŠEK 2001.

¹⁶ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2006.

¹⁷ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2004 и VLAŠIĆ-ANIĆ 2011.

¹⁸ Доклады с этой конференции (»*300 godina od dolaska kapucina u Varaždin – 1699.–1999.*«) см. в: RADOVI 2001.

¹⁹ См.: BENČIĆ 1998; TADIĆ-BENČIĆ 1997.

²⁰ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2007/Р, 2008/Р, 2010, 2010а, 2011.

²¹ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2007/В.

²² См.: VLAŠIĆ-ANIĆ 2005/К, 2006/К, 2009/К.

²³ См.: MIHALJEVIĆ-VLAŠIĆ-ANIĆ 2010.

²⁴ Дигитальный фото заглавного листа см : Prema digitalnoj snimci naslovnoga lista, objavljenoga University of California : Digital Collections | Canon Law | Corpus Juris Canonici (1582) [cited: 2010-11-15] Available at: <http://digidev.library.ucla.edu/canonlaw/>. (Copyright © 2006 Regents of the University of California) на internetskoj adresi: <http://digidev.library.ucla.edu/canonlaw/>.

²⁵ Цитату внутри двойных кавычек (по: PETROVIĆ-MIHALJEVIĆ: *В печати*) см. в: MIHALJEVIĆ-VLAŠIĆ-ANIĆ 2010: 95.

²⁶ См.: VLAŠIĆ-ANIĆ; TERPERT 2010: 22; VLAŠIĆ-ANIĆ-TERPERT: *В печати*.

Рис. 1: На выставке Влашич-Анич-Сабалич:

*«От бытия капуцинского фрагменты: по поводу 400-летия Капуцинов
в Риеке и в Хорватии»*

(Риека, 15. X. – 25. XII. 2010).

Выставочная постановка: Соня Бриски Узелац и Агте Т. Владиславич, ЛШУ Риека.

Фото: А. Влашич-Анич

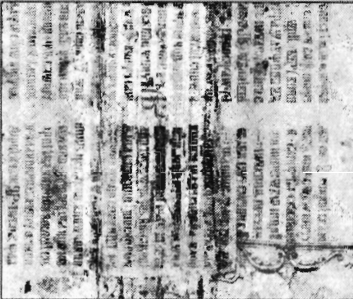

IZLOŽBA

–OD BITLIJA KAPUCINSKOGA FRAGMENTI: POVODOM 400. OBLJETNICE KAPUCINA U RIJECI HRVATSKOJ.–

U GALERIJU POMORSKOGA I POVLJESNOGA MUZEJA HRVATSKOGA PRIMORJA U RIJECI

15. 10. - 25. 12. 2010. G.

178. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

179. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

180. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

181. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

182. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

183. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

184. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

185. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

186. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

187. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

188. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

189. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

190. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

191. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

192. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

193. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

194. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

195. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

196. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

197. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

198. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

199. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

200. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

191. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

192. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

193. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

194. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

195. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

196. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

197. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

198. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

199. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

200. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

201. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

202. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

203. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

204. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

205. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

206. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

207. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

208. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

209. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

210. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

211. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

212. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

213. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

214. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

215. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

216. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

217. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

218. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

219. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

220. Fragmenti hrvatskoitalijanskih npr. Anđelika i Anđelica s kojim su abiturij

Рис 2: Повестка изјавки Влашић-Анић-Сабалић: «От бытия капучинского фрагменты: по поводу 400-летия Капуцинов в Риеке и в Хорватии». Дизайнер: Яков Жапер. АПУ Риека

Рис. 3: Д. Сабалич и А. Влашич-Анич под афишей выставки
(дизайнер: Яков Жапер, АПУ Риека)
перед зданием Морского и исторического музея Хорватского приморья в Риеке 2010 г
Фото: Санин Анич

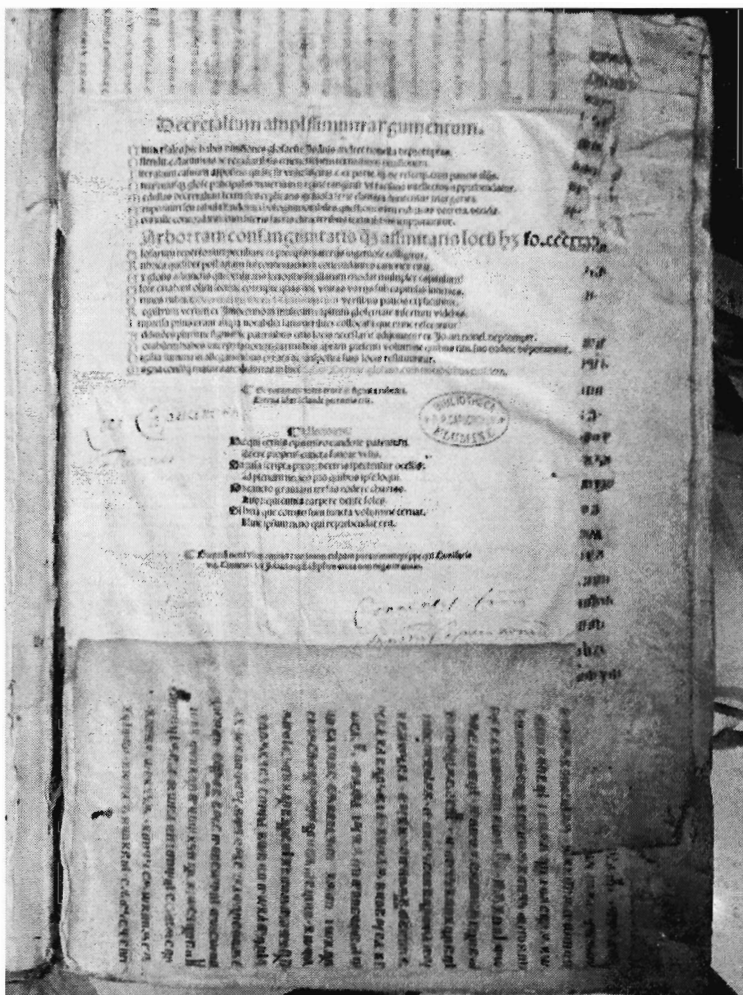

Рис. 4: Книга *Decretales D. Gregorii papa IX.* (Рим 1582 г) с новооткрытыми *FgCap VlaPr.*, *FgCap VlaGn* и *FgCap VlaDec* на л. 1р в библиотеке Капуцинского монастыря Мадонны Лурдской в Риеке. Фото: Фра Любомир Малюк

Рис. 5: Хорватскоглаголические *FgCap VlaGn* 1r и *FgCap VlaDec* 1v, XIII–XIV в.; и *FgCap VlaPr* 1r, 2 пол. XIII в.
 Фото: Хорватский государственный архив, Загреб

Рис. 6: Зеркальные отражения древнееврейских букв *Ḥgʿar Vāḥer*. XIII–XIV вв., на корках неизвестной книги из корок *Decretales D. Gregorii papa IX*. (1582 г).
Фото: Хорватский государственный архив, Загреб

Литература

- КУМИНГ, Андрей.** Ранние глаголические издания в библиотеках СССР // *Slovo* 34. 1984. С. 225–255.
- КУМИНГ, Андрей.** Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. Проблемы рукописной и печатной книги. АН СССР. Москва: Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина, 1976. С. 101–125.
- ALEKSIĆ, Dragan.** *Dadaizam (club dada bluf)* // *Dada Jazz*. 1922. С. 5.
- BENČIĆ, Branko.** О книжници оо. капучина у Ријечи (писмена радња за стручни библиотекарски испит) / Akad. godina: 1997/98, mentor: Aleksandar Stipčević. Rijeka: Katolički bogoslovni fakultet Sveučilišta у Zagrebu, Teologija у Ријечи – Područni studij. 1998. 40 с. + PRILOZI I–XXVI.
- BENEDIK, Metod – KRALJ, Angel.** Kapucini na Slovenskem v zgodovinskih virih – Nekdanja Štajerska provinca. Acta Ecclesiastica Sloveniae 16. Ljubljana: Institut za zgodovino Cerkve pri Teološki fakulteti Univerze v Ljubljani, 1994.
- CRNKOVIĆ, Goran – LOKMER, Juraj.** Predgovor // *Kožičić Šimun*. Od bitija redovničkoga knjižice. Rijeka 1531. Knjiga 2. Latinična transkripcija glagoljskog teksta (s uvodom, rječnikom i literaturom) / Priredila: Anica Nazor. Rijeka: Državni arhiv у Ријечи – Družba braće hrvatskoga zmaja, 2009. С. 7–12.
- EKL, Vanda.** Kožičić: Ođ bitij redovničkoga knjižice // *Slovo* 21. 1971. С. 223–226 + 3 slike.
- Franjevi Kapucini.** Hrvatska kapucinska provincija sv. Leopolda Bogdana Mandića. [Цит. 10. 11. 2011.] / доступно на: <http://www.kapucini.hr>
- НОСКЕ, Gustav René.** Svijet kao labirint. Zagreb: IP “August Cesarec”, 1991. <http://bib.irb.hr/prikazi-rad?&lang=EN&rad=489699>
- KATIČIĆ, Radoslav.** *Litterarum studia*. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja. Zagreb, 1998.
- KEMIVÉŠ, Mirko.** Dolazak kapucina у Varaždin i znameniti kapucini tijekom 300 godina varaždinskog samostana (La venuta dei cappuccini а Varaždin e i cappuccini celebri del convento durante 300 anni di presenza) // Radovi zavoda за znanstveni rad HAZU у Varaždinu 12–13 / Zagreb–Varaždin: HAZU, 2001. С. 23–146.
- MIHALJEVIĆ, Milan – VLAŠIĆ–ANIĆ, Anica.** Novootkriveni glagoljski fragmenti у riječkoj kapucinskoj knjižnici // *Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven : Festschrift für Radoslav Katičić zum 80. Geburtstag* / Herausgegeben von Elena Stadnik-Holzer und Georg Holzer. Wien: Peter Lang. S. 95–124.
- MILČETIĆ, Ivan.** Berčićeva zbirka glagoljskih rukopisa i štampanih knjiga у Lenjingradu // Radovi Staroslavenskog instituta 2. Zagreb, 1955. С. 93–128.
- NAZOR, Anica.** А.А. Круминг, Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. Проблемы рукописной и печатной книги // *Slovo* 30. 1980. С. 132–137.
- NAZOR Anica (ur.):** Šimun Kožičić. Od bitija redovničkoga knjižice. Rijeka 1531. Knjiga 1. Faksimil (faksimilna reprodukcija jedinoga očuvanoga primjerka: Sanki-Peterburg, Ruska nacionalna knjižnica. Sign. VIII.2.64. № 3093.). Knjiga 2. Latinična transkripcija glagoljskog teksta (s uvodom, rječnikom i literaturom). Rijeka: Državni arhiv у Ријечи – Družba braće hrvatskoga zmaja, 2009.
- PETROVIĆ, Ivanka – MIHALJEVIĆ, Milan.** Hrvatskoglagoljski fragmenti *Legende o sv. Eustahiju i Pasije sv. Marine* / Referat s međunarodnoga znanstvenoga skupa *Hagiographia Slavica*. Wien, 23.–25. 10. 2008. [В печати]
- Radovi zavoda за znanstveni rad HAZU у Varaždinu 12–13.** Zagreb–Varaždin: HAZU, 2001.
- Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije.** Lexicon linguae slavonicae redactionis croatae. **Slovesa knjig' slovānskix' ezikom' xr'vatskim' angliiskim' grčskim' i latinskim' skazaema** / Urednici: Biserka Grabar, Zoe Hauptová, Franjo Većeslav Mareš. Zagreb: Staroslavenski institut, 2000.
- ŠAGI, Bono Zvonimir.** Kapucinska knjižnica у Varaždinu // Radovi zavoda за znanstveni rad HAZU у Varaždinu 8–9. 1996. С. 103–109.

- ŠAGI, Bono Zvonimir.** Pastoralna djelatnost kapucina u Varaždinu (L'attività pastorale dei frati cappuccini a Varaždin) // Radovi zavoda za znanstveni rad HAZU u Varaždinu 12–13. Zagreb–Varaždin: HAZU, 2001. C. 165–174.
- ŠAGI, Bono Zvonimir.** Povezanost Varaždinskog i Riječkog kapucinskog samostana. 400. godina kapucina u Hrvatskoj : Rijeka 1610.–2010. Knjižica sažetaka i program međunarodnog znanstvenog skupa 400 godina kapucina u Rijeci i Hrvatskoj, Rijeka 13. 16. listopada 2010 / Ur. G. Crmković. Rijeka: Matica hrvatska – Ogranak u Rijeci, 2010. C. 10.
- ŠAGI-BUNIĆ, Tomislav Janko.** Redovnička zajednica kojoj je pripadao sluga Božji o. Leopold Bogdan Mandić (Kratak pregled povijesti franjevac kapucina u Hrvatskoj) // Prilog knjizi: DA VALDIPORRO, Pietro. Blaženi Leopold kapucin iz Herceg-Novog. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, 1976. S. 373–403.
- ŠKAFAR, Vinko.** Kapucini Slovenci u Hrvatskoj kapucinskoj kustodiji i provinciji (Die Kapuziner von Slowenien in der Kroatischen Kapuzinerkustodie und Provinz) // Radovi Zavoda za znanstveni rad Varaždin, Knjiga 12–13. Zagreb–Varaždin: HAZU, 2001. S. 147–163.
- TADIĆ, K. – BENČIĆ, Branko.** Knjižnica kapucinskog samostana u Rijeci // Bernardin Nikola Škrivanić i njegovo vrijeme : zbornik radova. Rijeka: 1997. S. 325–332.
- TENŠEK, Zdenko Tomislav.** Kapucini, katolički red u svijetu i kod nas (I Cappuccini – un ordine cattolico nel mondo e tradi noi) // Radovi zavoda za znanstveni rad HAZU u Varaždinu 12–13. Zagreb–Varaždin: HAZU, 2001. S. 105–114.
- University of California : Digital Collections | Canon Law | Corpus Juris Canonici (1582) [cited: 2010-11-15] Available at: <http://digidev.library.ucla.edu/canonlaw/>.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A. – TEPERT, D.** Hebrejsko-aramijski fragmenti Knjige Izlaska (FgCap VlaTep) novootkriveni u riječkoj kapucinskoj knjižnici // 400. godina kapucina u Hrvatskoj : Rijeka 1610.–2010. : Knjižica sažetaka i program međunarodnog znanstvenog skupa 400 godina kapucina u Rijeci i Hrvatskoj, Rijeka 13.–16. listopada 2010. / Ur. G. Crmković. Rijeka: Matica hrvatska – Ogranak u Rijeci, 2010. S. 22.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** 2007/V. Izvještaj o studijskom boravku i rezultatima istraživanja u knjižnici kapucinskoga samostana u Varaždinu od 12. do 22. srpnja 2007. godine. Zagreb: Staroslavenski institut, 23. srpnja 2007. g. Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Varaždinu i Staroslavenskom institutu u Zagrebu. 24 s.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Die Kapuziner und die kroatisch-glagolitiche Tradition / International Medieval Congress (450–1500), Leeds 10–13 July 1995. [Доклад 10. VII. 1995 г.]
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Harms i nadaizam. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1997.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Najnovija otkrića glagoljice u knjižnici riječkoga Kapucinskoga samostana Gospe Lurdske // 400. godina kapucina u Hrvatskoj : Rijeka 1610.–2010. Knjižica sažetaka i program međunarodnog znanstvenog skupa 400 godina kapucina u Rijeci i Hrvatskoj, Rijeka 13.–16. listopada 2010 / Ur. G. Crmković. Rijeka: Matica hrvatska – Ogranak u Rijeci, 2010. a. S. 20.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Riječki crescendo »Kapucinskoga 'glagoljičkoga Bolera'« // Peti hrvatski slavistički kongres. Rijeka, 07.–10. rujna 2010. : Zbnik sažetaka / Turk, M. (ur.). Rijeka: Hrvatski slavistički odbor Hrvatskoga filološkog društva, Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2010. S. 36–37.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** «Od bitija kapucinskoga fragmenti: povodom 400. obljetnice Kapucina u Rijeci i Hrvatskoj». Izložba u Galeriji Pomorskoga i povijesnog muzeja Hrvatskog primorja u Rijeci od 15. listopada do 25. prosinca 2010. g. : deplijant Izložbe // Rijeka: Hrvatska kapucinska provincija sv. Leopolda Bogdana Mandića. Kapucinski samostan Gospe Lurdske u Rijeci. 2010/D.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2005/K. Izvještaj o rezultatima istraživanja u biblioteci kapucinskoga samostana od 18. do 29. kolovoza 2005. godine. Karlobag, 29. 8. 2005. g. / Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Karlobagu i Staroslavenskom institutu u Zagrebu [Известие]. 9 s.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2006/K. Izvještaj o rezultatima istraživanja u knjižnici kapucinskoga samostana od 10. do 21. kolovoza 2006. godine. Karlobag, 21. kolovoza 2006. g. Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Karlobagu i Staroslavenskom institutu u Zagrebu [Известие]. 10 s.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2007/R. Izvještaj o rezultatima istraživanja u knjižnici kapucinskoga samostana od 21. kolovoza do 2. rujna 2007. godine. Prilog: Fotodokumentacija, izrađena u suradnji

- s fra Ljubomirom Maljurom (e-verzija). Rijeka, 2. rujna 2007. Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Rijeci i Staroslavenskom institutu u Zagrebu [Известие]. 38 c.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2008/R. Izvještaj o rezultatima istraživanja u knjižnici kapucinskoga samostana u Rijeci (od 16. do 27. kolovoza 2008. g.). Kapucinski samostan Gospe Lurdske u Rijeci, 27. kolovoza 2008. g. Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Rijeci i Staroslavenskom institutu u Zagrebu [Известие]. 14 s.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2009/K. Izvještaj o rezultatima istraživanja u knjižnici kapucinskoga samostana u Karlobagu (od 16. do 14. kolovoza 2009. g.). Karlobag, 14. kolovoza 2009. g. Kompjutorski ispis, pohranjen u Arhivu Kapucinskoga samostana u Karlobagu i Staroslavenskom institutu u Zagrebu [Известие]. 15 s.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2011. Varaždinski list hrvatskoglagoljskoga misala (FgVar2) // Slovo 61. 2011. S. 123–167.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** 2011.b. »Od bitija kapucinskoga fragmenti ...« i Od bitija redovničkoga knjižice // Znanstveni skup Šimun Kožičić Benja i njegova glagoljska tiskara u Rijeci (1530.–1531.). Rijeka, 16. rujna 2011. : Sažetci. / Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti – Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2011. b. S. 28–29.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** Fragments of Parchment Codices on the Covers of Old Books // Summer School in the Study of Historical Manuscripts. Zadar, September 2011 : Programme / Zadar: University of Zadar, Department of Library and Information Sciencis; Graz: Karl-Franzens–University of Graz, Vestigia – Manuscript Research Centre; Zagreb: University of Zagreb, Faculty of Philosophy, History Department. 2011. a. S. 17.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** Glagoljica u knjižnicama kapucinskih samostana // Glagoljica i hrvatski glagolizam : zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskoga instituta (Zagreb–Krki, 2.–6. listopada 2002.) / Uredili Marija-Ana Dürrigl, Milan Mihaljević, Franjo Velčić. Zagreb: Staroslavenski institut – Krk: Krčka biskupija, 2004. S. 341–354.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** International Medieval Congress (450–1500), Leeds 10–13 July 1995 // Slovo 47–49. 1999. S. 345–347.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** Levakovičev misal u knjižnici kapucinskoga samostana u Karlobagu // Program i knjižica sažetaka. 10. znanstveni skup »Tih pregaoici: Rafael Levaković«. Znanstveni skup o fra Rafaelu Levakoviću (Jastrebarsko, 1597. – Zadar ?, 1649.), (Šibenik–Skradin–Visovac, 14.–16. svibnja 2009.) 2009. S. 22–23.
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** Varaždinske uvertire u »Kapucinski 'glagoljički Bolero'« // Zbornik sažetaka. Četvrti hrvatski slavistički kongres, Varaždin–Čakovec, 5.–8. rujna 2006. / Urednik M. Samardžija. Zagreb: Hrvatski slavistički odbor Hrvatskoga filološkog društva, 2006. S. 126–127.

В печати:

- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Izložba »Od bitija kapucinskoga fragmenti: povodom 400. obljetnice Kapucina u Rijeci i Hrvatskoj (Pomorski i povijesni muzej Hrvatskog primorja u Rijeci, 15. listopada do 25. prosinca 2010. g.)« // 400. godina kapucina u Hrvatskoj : Rijeka 1610.–2010. Zbornik međunarodnog znanstvenog skupa 400 godina kapucina u Rijeci i Hrvatskoj, Rijeka 13.–16. listopada 2010 / Urednik Goran Crmković. Rijeka: Matica hrvatska – Ogranak u Rijeci. [В печати-1.]
- VLAŠIĆ-ANIĆ, A.** Najnovija otkrića glagoljice u knjižnici riječkoga Kapucinskoga samostana Gospe Lurdske // 400. godina kapucina u Hrvatskoj : Rijeka 1610.–2010. Zbornik međunarodnog znanstvenog skupa 400 godina kapucina u Rijeci i Hrvatskoj, Rijeka 13.–16. listopada 2010. / Urednik Goran Crmković. Rijeka: Matica hrvatska – Ogranak u Rijeci. [В печати-2.]
- VLAŠIĆ-ANIĆ, Anica.** Fragments of Parchment Codices on the Covers of Old Books // Summer School in the Study of Historical Manuscripts. Zadar, September 2011 / Zadar: University of Zadar, Department of Library and Information Sciencis; Graz: Karl-Franzens–University of Graz, Vestigia – Manuscript Research Centre; Zagreb: University of Zagreb, Faculty of Philosophy, History Department. [В печати-3.]

Функциональные зоны *deka* в тексте Кониковского Евангелия

Abstract:

Gajdova U. *The functional areas of "deka" in the text of the Konikovo Gospel*

The aim of this paper is to present the functions of *deka* (*kъde > *gde + *ka*) in The Konikovo Gospel. This Gospel translation is the oldest known text in Modern Macedonian and it directly reflects the living dialects of Southern Macedonia (dialect of the Lower Vardar). In this dialect text we analyze the development of *deka* from a pronoun adverb to a declarative connector. The second function is characteristic for the Macedonian standard language. At the same time, in The Konikovo Gospel *deka* is used as a relative connector and as a causative and consecutive conjunction.

Ключевые слова: македонский язык, диалектология, морфосинтаксис, наречие, функция, текст, Кониковское Евангелие.

Переводы Евангелия второй половины XVIII и начала XX вв. на македонский народный язык представляют собой самые старые письменные документы, в которых непосредственно засвидетельствованы македонские диалекты. Они были написаны в то время, когда нормативного македонского языка еще не существовало. Таким образом, они являются замечательным письменным свидетельством соответствующих диалектов, являясь в то же время замечательным памятником исторического развития македонского языка, важным показателем исторического и культурного развития македонского народа, давая возможность восстановить разные исторические стадии создания и строительства особой культурной, языковой и национальной идентичности македонского народа. Особое значение в этом контексте имеют переводы Евангелия, которые созданы на южных македонских диалектах и представляют особую важность для описания ареальной диалектной дистрибуции в историческом плане, поскольку сейчас этой группы южных македонских говоров больше не существует.

Македонский язык находится на периферии славянского языкового мира, и это прежде всего относилось к южным македонским говорам. Изменениями, которые македонский язык претерпевал в процессе исторического развития, в значительной мере он обязан именно своему периферийному положению. Влияние неславянских балканских языков оставило важный отпечаток на македонском языке, не только на его литературной форме, но прежде всего на диалектах. И именно диалекты могут показать, как развивались некоторые особенности, которые сейчас характерны для македонского литературного языка. Это отражено в основном в македонском синтаксисе, где ярче всего выражено влияние соседних балканских языков, что хорошо заметно и в македонских переводах Евангелия. Исключительно интересный пример представляет употребление *deka* как в литературном языке, так и

в диалектах. В качестве примера мы использовали текст так наз. *Кониковского евангелия*, которое датируется концом XVIII в. и написано на эниджевардарском говоре, принадлежащем к более широкой группе нижневардарских говоров. Территориально он находится в центральной части южных говоров. В настоящее время данный текст считается самым старым текстом, записанным на македонском языке. Он был прокомментирован и опубликован в 2008 г. финскими и македонскими славистами и македонистами. Записан он греческой азбукой, а параллельно приводится и греческий текст Евангелия, что дает возможность и для непосредственного сопоставления.

В литературном языке *дека* является основным комплементарным коннектором (*Рече дека го познава* 'Он/а сказал/а, что знает его'), но используется также и в качестве показателя каузальной связи (*Го погледна луто дека ја навреди* 'Она посмотрела на него сердито, потому что он ее обидел'). По происхождению это местоименное наречие *де*, происходящее из **kǝde > *gde* + партикула *ка*. В литературном языке в функции местоименного наречия используется *каде* 'где', а *дека* в таком значении можно встретить только в диалектах.

Как отмечает Б. Конески (1986: 126) в «Истории македонского языка», под влиянием балканских языков в македонском языке возникла необходимость разграничивать финальные коннекторы и комплементарные. Так, в македонском языке для введения придаточного цели используются *за да* 'чтобы' или просто *да* и *дека* в качестве комплементарного оператора. Употребление *дека* в качестве комплементарного оператора является калькой с греческого *пов*, которое, как и *дека*, первоначально являлось наречием места, но теперь используется и как неизменяющееся относительное местоимение и в этом качестве выполняет функцию коннектора относительных предложений. Эта же форма используется и как комплементарный оператор.

В широком поясе македонских южных диалектов в качестве *relativum generale* используется местоимение *што* (ср. ...*т'а мак'ијата шо-му-б'ила на т'а м'омата, сак'ала да-а-за'коле* 'эта мачеха, которая была у этой девушки, хотела ее резать' – Тополинска 1997: 112), которое дополнительно может иметь и функцию комплементарного оператора (*Кога ни велиха да одимее на махкимето, бегот викаше шо е болин, сѝ криеше* 'Когда нам сказали, чтобы мы шли в суд, бег говорил, что он болен, прятался' – Тополинска 1995: 131). В балканославянских языках (в македонском, сербском и болгарском) широко известна ситуация чередования *што* в качестве *relativum generale* и относительных местоименных коннекторов, которые в их первичной функции представляют собой так наз. вопросительные местоимения места (т.е. вопросительные операторы, при помощи которых говорящий просит уточнения пространственных связей, см. Тополинска 1997: 168). Использование *дека* в качестве относительного субститута с первичным пространственным значением в эгейских диалектах, по всей видимости, связано и с постоянным контактом этих говоров с греческими диалектными системами. Особенно характерна ситуация, когда *дека* используется в качестве общего

относительного местоимения, которое не имеет пространственного значения и полностью заменяет *што*. В диалектах это редко встречается. Такая конструкция найдена в *Трлиском евангелии*, где зафиксирована форма *дето* (...*'е кл'аде фн'етре фав гр'оба, дето б'еше изд'а'ан от к'амен* '...его положили внутри гроба, который был высечен из камня' – Тополинска 1997: 169), а также в отдельных примерах нижневардарских говоров окрестностей Салоник в сборнике Верковича и в текстах, записанных С. Бойковской в районе Меглена (...*виде еднојут побратим, дека продаваши неговите драгоцени камини* '...увидел одного побратима, который продавал его драгоценные камни'; ...*ја н'ајди гур'ата, д'е са утф'араши и са затф'араши* '...нашел/нашла гору, которая открывалась и закрывалась' – Тополинска 1997: 170).

Что касается *Кониковского евангелия*, характерно, что наиболее часто *дека* употребляется именно как *relativum generale*, а уже потом следуют другие функциональные зоны, которые оно может захватывать. Поскольку в нашем распоряжении есть и греческий текст, с которого делался перевод, следует отметить и то, что в функции *relativum generale* в греческом тексте используется форма *όπου* 'там, где', т.е. местоименное наречие, которое используется и в качестве относительного показателя.

Приведем примеры: *И 'ету и дв'а ут т'ие дек'а 'одеа т'оа д'ен н'а ин'о с'елу, и т'оа шт'о е дал'еку ут Јерус'алим с'ејсет ст'ада, 'имит'о му Емма'ус* 'И вот, и еще два из тех, которые ходили в этот день в другое село, то, которое находится от Иерусалима на расстоянии шестидесяти стадий, имя ему Эммаус' (184); *Б'еши Андр'еа бр'атут на С'имон П'етар, ид'ин ут дв'ата дека ч'уа ут Јо'ана т'аа лак'ард'ија* 'Был Андрей, брат Симона Петра, один из двух, которые слышали от Иоанна это известие' (186); *И Јис'ус рече: к'ој е т'оа дек'а ма фат'и и кат'у да са утреч'уваа с'ите, в'еле П'етар и т'ие дек'а б'еа сос П'етар...* 'И Иисус сказал: кто тот, который прикоснулся ко мне, и когда все отрицали, говорит Петр и те, которые были с Петром...' (218).

Кроме номинативной связи, *дека* может вводить и аккузативную: *Пак ист'ина ви в'елем, 'оти аку симфон'исат дв'а ут в'ас вр'ас з'емл'ата за с'екуе раб'ота дек'а ки п'усакат ки му са ч'ине ут Татку ми Неб'есницут* 'И вновь истинно говорю вам, что если согласятся двое от вас на земле о любом деле, которое они захотят, им будет дано моим Отцом Небесным'; *В'оа ли е Син ви, дек'а в'елети 'оти сл'еп са роди* 'Это ли ваш Сын, о котором вы говорите, что он родился слепым' (59).

Примечательно, что в качестве *relativum generale* используется и *што*, которое иногда может замещаться *дека* в одинаковых или похожих контекстах, ср.: *т'ие што ми и дад'е да са идн'о кату н'ие <...> т'ие дек'а ми и дад'е и чув'ах* 'те, которых ты мне дал, чтобы были одно, как и мы ... тех, что ты мне дал, я хранил' (71); *И т'оа дека панна уф тр'аниту, са тие дек'а ч'уа лакард'иата...* 'И то, что пало в терние, это те, что слышали весть...'; *И т'оа д'ека п'анн'а на з'емл'ата, са т'ие што ч'уа лакард'иата б'огува* 'И то, что пало на землю, это те, что слышали божественную весть' (145).

Эти примеры, без всякого сомнения, показывают, что влияние греческого языка имеет решающее значение для относительного употребления *дека*, при том что свое значение имеет и греческий текст Евангелия. В то же время, большое количество примеров с относительным *дека* указывают на то, что такая функция этого слова не была чужда диалекту переводчика. В то же время, функционирование *што* в качестве неизменяемого местоимения для введения относительных предложений – это ситуация, известная и соседним македонским диалектам. Следовало бы принять во внимание и то, что во всех отмеченных случаях *дека* и *што* могут функционировать переменнно, когда в греческом тексте в качестве относительного коннектора используется *όπου*, а не одно из относительных местоимений.

Примеры, в которых *дека* сохраняет пространственное значение в тексте *Кониковского евангелия* – это чаще всего конструкции с пространственным аргументом в главном предложении, который формализуется в качестве местоименного наречия места, ср. *И т'аму дек'а 'он и благосл'овещи, са утид'ли ут н'их* 'И там, где он их благославлял, они ушли от них' (192); *И т'аму дека жив'уваа 'они на Галил'еа, му реч'е Ис'ус* 'И там, где жили они в Галилее, сказал им Исус' (204); *Господ'ине, ј'азе та пузн'ах оти си чув'ек љут, жн'иеш т'аму д'ека н'е си располет'ал* 'Господин, я узнал, что ты человек жестокий, жнешь там, где не сеял и собираешь там, где не рассыпал' (210).

В эту группу мы бы включили и пример, в котором пространственная семантика замещена временной: *И му реч'е шт'о са лакард'иште в'ие сто збур'увате ид'ин сос друг т'ука дек'а 'одите* 'И сказал ему: что это за известия, о которых вы говорите между собой, пока идете' (...). Похожие случаи отмечала и З. Тополињска (1997: 170) в текстах Стефана Верковича (*И там, дека се чудиши, излезе ламјата и гу виде* 'И там, пока он удивлялся, вышла ... ламя и увидела его'), указывая при этом: «может быть, именно в таких конструкциях возник современный литературный союз *додека* 'пока, до тех пор; пока, в то время как'».

Относительное придаточное может быть представлено и в качестве конструкции с пространственным аргументом, формализованном в виде именной синтагмы, напр.: *И Ис'ус 'ошти не б'еши на м'естуту д'ека гу присрет'е Марфа* 'И Исус еще не был на том месте, где его встретила Марфа' (165); *К'ак чу 'убо 'оти е б'олен, т'огаи застан'а на м'естуто д'ека б'еши два д'ена* 'Когда услышал, что тот болен, тогда остановился на том месте, где был два дня' (161); *И набл'иж'иа на Се'уту дек'а 'одеа* 'И приблизились к селу, куда они шли' (45).

Интересно отметить, что когда в *Кониковском евангелии* *дека* используется в значении наречия в вопросительных предложениях, в греческом тексте используется форма *пов* 'где', ср. *Му рек'оа: и д'ека е т'оа* 'Ему сказали: и где это?' (57); *И реч'е: д'ека гу клад'охте* 'И сказал: где вы положили его?' (167); *д'ека жив'уваши?* 'где ты живешь?' (49). В таких ситуациях переводчик отмечает ударение на предпоследнем слоге, в отличие от ситуаций, в которых *дека* используется в качестве относительного субститута с пространственным

значением или для введения относительного предложения с классическим предметным значением или для введения относительного предложения с классическим предметным значением, в которых ударение может падать на разные слоги, а чаще всего падает на последний слог (см. Спасов, Арсов 2008: 358). Это в некоторой степени свидетельствует о том, что переводчик осознавал различную функциональную нагрузку *дека* в отдельных случаях, а также возможную роль ударения в функциональной дифференциации словоформ, которые характеризуются полифункциональностью.

Мы уже упоминали о наложении семантики относительных и декларативных показателей, то есть, зон употреблений *што* и *дека*, что можно заметить в тексте *Кониковского евангелия*. О пересечении этих двух зон в особенности свидетельствуют примеры, в которых у двух предикативно-аргументных структур – главной и подчиненной – один общий исходный аргумент. При этом показатель комплементарной связи вводит придаточное, которое функционирует как аргумент *verba dicendi*, напр.: *И Исус реч'е: н'екуј ма фат'и зашто ј'азе пикас'ах с'ила дек'а излез'е ут м'ене* 'И Исус сказал: кто-то прикоснулся ко мне, потому что я почувствовал силу, которая вышла из меня' (218); *И ка ут'иде н'онака, вид'е др'узи два бр'ате Ј'акова С'инут на Зевед'еа и бр'ат му Јо'анна, вн'атре уф с'ајката з'ајно сос Зевед'еа Татку му, д'ека кәрпеа мр'ежите и и викн'а* 'И когда прошел дальше, увидел других двух братьев, Иакова сына Зеведея и брата его Иоанна, внутри в лодке вместе с их отцом Зеведем, которые чинили сети, и сказал им' (198).

Без всякого сомнения, в этих случаях речь идет о влиянии греческого *ὅπου*, они находятся в переходной зоне между относительными и декларативными конструкциями и указывают путь развития комплементарной функции для наречного *дека* в значении 'где'.

Как мы сказали в начале, основная функция *дека* в македонском литературном языке – комплементарная. *Дека* в такой функции редко регистрируется в южных македонских говорах, как отмечается в *Синтаксисе* З. Тополинской (1995: 136–137): «Видно, что такое значение известно только центральным южным говорам от Меглена до Эниджевардара, но и на этой территории они достаточно редки». Учитывая, что *Кониковское евангелие* было переведено носителем одного из центральных южных диалектов, нас не должно удивлять, что в нём мы нашли достаточное количество примеров с *дека* в роли комплементарного оператора, напр.: *И ка гу вид'оа Учен'иците д'ека 'одеши узг'оре н'авр'ас м'ориту са синхис'аа и в'елеа* 'И когда его увидели ученики, что он шел по поверхности моря, они испугались и стали говорить' (202); *Пак пушт'и др'узи езмик'аре, и му в'еле: каж'ејте на калес'аните: 'ету: дек'а руч'окот ми исготф'их ј'унците ми и ран'етите са закл'ани, и с'ите са гут'ови* 'И вновь отправил других слуг и сказал им: «Скажите званым: вот, что приготовил я обед, мои тельцы и откормленные заколоты и все готовы»' (208). Следует заметить и то, что греческое *ὅτι* в декларативной функции в некоторых случаях переводится при помощи *дека*, хотя греческое заимствование *оти* является основным

комплементарным оператором в центральных южных македонских говорах: *крен'ејте 'очите ви г'оре, и вид'ејте н'ивите, д'ека са б'ели бл'изу за ж'етфа* 'поднимите глаза ввысь и **посмотрите на поля, которые белы перед жатвой**' (188). Судя по этому примеру, можно указать на дополнительное распределение между *оти* и *дека*, при том, что как мы указали выше, у глаголов типа *увидеть*, *слышать* в качестве комплементарного оператора используется *дека* (см. Тополињска 1995: 136: «В большей части южных македонских говоров, прежде всего в западных и центральных, *оти*, представляет собой основной комплементарный коннектор, который появляется после *verba dicendi* и *verba cogitandi*). Развитие *оти* от семантически пустого комплементарного коннектора к связующему предикату причины связывается с греческим влиянием: в греческом *оти* является комплементарным оператором, а *уати* – союзом причины. Такое развитие переживает и *дека*, которое в литературном македонском языке может быть употреблено и как коннектор для введения причинной связи. Соответствующие примеры можно найти и в тексте *Кониковского евангелия*: *Тогај ответи'а Петар и му реч'е, 'ету, н'ие дек'а устав'ихме с'ите и дуд'охме ну т'ебе: што 'убо ки са ч'ине* 'Тогда отвечал Петр и сказал ему: «Вот, раз мы оставили всё и пошли за тобой, что хорошего <из этого> будет' (196); *И ка вид'оа Љ'удититу са пучуд'иа и сл'авиа Б'ога дек'а дад'е такв'азу пув'ела на Љ'удити* 'И когда видели Люди, удивились и славили Бога, потому что он дал такое повеление Людям' (200).

Укажем и на употребление *дека* в *Кониковском евангелии* для выражения следствия. *Дека* не регистрируется в качестве показателя следствия в македонских диалектах, в том числе и в южных. Следствие входит в рамки каузальности и в этом смысле его можно добавить к предыдущему типу придаточных причины. Но по всей видимости, в функции следствия *дека* употребляется под влиянием греческого текста, в котором используется *отлов*. Это слово – полифункциональное, как мы уже сказали ранее, но оно недвусмысленно выполняет функцию относительного показателя. Как отмечает З. Тополињска (1997: 77), значение следствия у относительных предложений, которые релятивизируют причастные показатели предикатов с увеличенной интенсивностью, является более частотным, потому что этот тип предложений (относительные со значением следствия) наиболее часто связывает причину-следствие с интенсивностью действия, как можно увидеть из следующих примеров: *И ка чин'иа в'оа затфор'иа мн'огу б'исброј р'иби дек'а мр'ежата му са расчесн'уваше* 'И когда делали это, уловили бесконечное множество рыб, так что и их сеть разрывалась'; *К'а замин'уваше Иисус на С'елуту Гергес'инцу, гу срет'оа два надворн'ичеви, што исп'агаа н'адвор ут гроб'истата, д'иви м'ошне, т'олку, дек'а не м'ожешу да зам'ине н'икуј ут н'атут м'оа* 'Когда уходил Иисус в село гергесинское, его встретили двое бесноватых, что выходили с кладбища, весьма диких, так что никто не мог идти той дорогой' (93).

Подводя итог, мы бы хотели подчеркнуть, что полифункциональность *дека* в тексте *Кониковского евангелия* обязана влиянию греческого языка,

с которым диалект, на котором написано евангелие, находился в состоянии языкового контакта (что подтверждается и при сравнении представленной ситуации с остальными текстами с южномакедонской языковой территорией). Необходимо принимать во внимание роль греческого оригинала, который влиял на перевод. Хотя большая роль приведенных функций *дека*, зарегистрированных в *Кониковском евангелии* не являются характерными для литературного языка, они дают ценный материал по развитию местоименного наречия места *дека* в союзном предикате, по развитию функций комплементарного *дека* в литературном языке, а также по тому, как функционально пересекались показатели относительной и комплементарной связи. Дальнейшее развитие *дека* из семантически пустого коннектора ведет к показателю причинно-следственной связи. В то же время, можно увидеть и связь между пронстранственной и временной локализацией, которая в литературном языке проявляется в употреблении *додека* в качестве темпорального связующего предиката.

Перевод М.М. Макарецва

Источник

The Konikovo Gospel / Кониковско евангелие, Societas Scientiarum Fennica, The Finnish Society of Sciences and Letters, Helsinki, Finland. 2008.

Литература

Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1986.

Топольска З. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Кн. I. Синтакса I, II. Скопје, 1995, 1997.

Spasov Lj., Arsov B. *Review of Morphology and the Function of Morphological Categories in the Konikovo Gospel*, The Konikovo Gospel / Konikovsko evangelie, Societas Scientiarum Fennica, The Finnish Society of Sciences and Letters, Helsinki, Finland. 2008. S. 356–359.

О смысловой структуре языка традиционной духовной культуры

Abstract:

Vendina T.I. *On the content structure of the language of traditional spiritual culture*

The article considers the principles, on which the language of traditional spiritual culture is founded, and raises the question of what might be its driving cultural motivation. The author argues that the language is based on the principle of anthropocentrism and consequently the one of socialisation of the moral postulates of culture.

Ключевые слова: диалектология, культура, языковая картина мира.

Традиционная духовная культура характеризуется достаточно хорошо проработанным диалектным ландшафтом русского слова. Труженики-эмпирики собрали богатый урожай с поля диалектологии, доказательством чему служат многочисленные диалектные словари, монографии, диссертации и атласы. В работах по диалектологии исследуются самые разные аспекты языка традиционной духовной культуры русского народа – от микрокосма (см., например, работы, посвященные названию терминов родства, семейным отношениям, отдельным характерологическим особенностям человека, его воспитанию, социальному статусу и проч.) до макрокосма (см., например, работы, посвященные описанию различных участков семантической сферы «Природа»: названию грибов, ягод, трав, особенностям ландшафта, метеорологии и т.д.). В связи с этим закономерно встает вопрос, что стоит за этой мозаикой лексико-семантических и тематических групп, является ли их существование в языке стихийным, хаотическим или оно подчинено некоему системному принципу?

Ответ на этот вопрос найти не просто. Однако если исходить из того, что «культура живет и развивается в “языковой оболочке”, влияя на ее характер и состояние» (Кармин 1997: 86)¹, то ответ на этот вопрос следует искать в самой этой оболочке, т.е. в языке традиционной духовной культуры. Тем более что «облеченная в языковую оболочку культура “говорит” с человеком и существует в непрестанном диалоге с ним» (Телия 1999: 92). Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы «прислушаться» к ее языку, ибо, по мысли немецкого философа Мартина Хайдеггера, не люди говорят «языком», а язык «говорит людям».

При этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое «связано с мировосприятием данного этноса/народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и/или верой (имеется в виду не только и не столько прямое дескриптивное выражение знаний и представлений о мире, например, в виде основного мифа,

но прежде всего скрытое, пронизывающее язык и речевые произведения (преломление категориальных оснований культуры)» (Виноградов 2010: 462).

Но как и в чем искать конкретное основание пугающе пестрого и разнородного материала «языка культуры». Думается, что его основой является *смысл*. Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. «Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры» (Пелипенко 1998: 19). Смысл связан со стимулом, и в частности, с языкотворческим. Поэтому для лингвиста ключом к тайнам многослойного смыслового универсума любой культуры является язык, именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира.

Поэтому чтобы говорить о содержании той или иной культуры, нужно найти ее ведущую культурную мотивацию. А для этого необходимо понять, как устроен ее язык, определить тот главный регулятивный принцип, который организует ее смысловую структуру, всю ее понятийно-логическую концептосферу, управляет ее языком, ценностями, схемами их восприятия.

Регулятивный принцип языка той или иной культуры – это его ведущая культурная мотивация. Он пронизывает всю лексическую систему языка, оказывая влияние не только на восприятие предметов и явлений внешнего мира, но и на их интерпретацию. Именно он придает смысл и значение каждому языкотворческому акту. Объединяя в одно единое целое лексико-семантические и тематические группы лексики, он позволяет понять логическое основание их выделения в языке культуры и в конечном итоге узнать, кто стоит за этим выделением и с чьих позиций оно ведется?

Открыть этот принцип возможно лишь в том случае, если изучаются не единичные, произвольно выбранные слова (логично укладываемые в концепцию исследователя), а весь корпус словаря языка той или иной культуры. Это позволит избежать субъективности в оценке и отборе материала и обеспечит достоверность и надежность выводов, т.е. **необходим системный подход** к изучению ее лексикона. Культурная информация, существующая в языке большей частью в непроявленном, латентном состоянии, при системном подходе к описанию слова (при котором слово рассматривается в ментально-культурном языковом контексте и анализ его сродни герменевтическому анализу, позволяющему извлечь из него разнотипную информацию) неминуемо должна проявиться, так как механизмы языкового словотворчества всегда включаются избирательно.

Известно, что в любом языке лексически маркируется то, что является биологически, социально или культурно значимо в сознании народа, и то, «что не описывается на этом “языке”, как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения» (Успенский 1994:10). И эта лексическая избирательность языка культуры позволяет

понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека. А поскольку «смысл никогда не ограничивается “пространством” одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» (Топоров 1992: 16), то одни участки лексической системы языка оказываются довольно детально проработанными в языковом плане, другие – довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и есть тот ключ, который позволит открыть тайну «сокрытых смыслов» языка любой культуры.

Если обратиться к языку русской традиционной духовной культуры, то первый вопрос, который потребует ответа, это вопрос о ее регулятивном принципе. Решение этого вопроса является чрезвычайно важным, так как оно поможет найти то логическое основание, которое лежит в основании ее языковой картины мира.

Многочисленные работы по описанию человека в русских диалектах, материалы Лексического атласа русских народных говоров позволяют высказать предположение, что **ведущей культурной мотивацией языка традиционной духовной культуры является человек** и как производный от нее **принцип социализации нравственных постулатов этой культуры**.

О том, что именно **человек** является главным регулятивным принципом семиосферы языка традиционной культуры, говорят следующие факты:

1) присутствие человека в восприятии окружающего мира.

Мир осваивается человеком «от себя», т.е. человек является своеобразной точкой отсчета в познании мира, ср., например, такую особенность восприятия пространства человеком, как стремление определить и измерить его своим телом (*пяденица, пядница, пядовка* ‘мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев’ Тамбов., Пск., Волог., СРНГ 33: 210; *локот, локоток* ‘старинная мера длины’ Онеж., Ряз., Зап., Ворон., СРНГ 17: 113–114; *рука* ‘мера длины, равная ширине сжатой в кулак ладонь’ Калинин., Волхов., Ильмень, СРНГ 35: 238; *на этой руке* ‘по эту сторону’ Омск., СРНГ 35: 238; *под правую руку* ‘с правой сторон’ Пск., СРНГ 35: 238; *нога* ‘участок земли, луга’ Арх.: *На своей ноге зарод сена поставлю* СРНГ 21: 264; *плечо, первое плечко, второе плечко* ‘мера длины от кисти одной руки до плеча второй руки’ Волхов, Ильмень, СРНГ 27: 135; *аршинный шаг* Даль и т.д.).

Особенно выразительно присутствие человека **в семантической сфере «Природа»**.

Номинативное освоение этой семантической сферы характеризуется повышенным вниманием к антропоморфной мотивации, так как «человеческие» признаки являются неотъемлемой частью любого ее номинативного участка. Они используются **либо прямо**, (ср., например, многочисленные названия растений, в основе мотивации которых лежат термины родства с корнями *баб-*: *бабка* 1) ‘растение сем. подорожниковых’ Юго-Зап.; 2) ‘гриб боровик’ Смол., СРНГ 2: 21; *бабник* ‘кошачья лапка’ Нижегород.,

СРНГ 2: 25; *бабунец* 'купальница' Волог., СРНГ 2: 28; *дед*: *дед* 'бодяк полевой' Брян., СРНГ 7: 205; *дедок*, *деджи* 'лопух с колючими листьями' Орл., Смол., СРНГ 7: 206; *дедовник* 'чертополох' Смол., Пск., Петерб., Новг., СРНГ 7: 206; *мат*:- *материнка* 'земляника' Волог., СРНГ 18: 24; *матица* 'подбел войлочный' Влад., СРНГ 18: 30; *матница* 'сабельник болотный' Олон., СРНГ 18: 33; *брат*:- *братики* 'растение Иван-да-Марья' Южн., СРНГ 3:157; *братки* 'анютины глазки' Сиб., СРНГ 3: 159; *сестр*:- *брат с сестрой* 'растение Иван-да-Марья' Тамбов., Ворон., Курск., СРНГ 37: 233; *сестренка* 'красная смородина' Новг., СРНГ 37: 235; *сын*:- *сын-без-отца* 'безвременник осенний' СРНГ без указ. места 43: 135; *пасынок* 'годовой побег дерева' Перм., Краснояр., СРНГ 25: 270 и т.д.²); или названия оврагов, возвышенностей, русел рек, болот и проч. с соматическими корнями *голов*:- *головище* 'верховье реки' Курск., Ворон., Тул., Центр.-Черноз., СРНГ 6: 306; *головка* 'мыс, утес на реке' СРНГ без указ. места 6: 307; *глаз*:- *глазник* 'окно в болоте, не заросшее травой' Север., СРНГ 6: 188; *глазна* 'топкое место на моховом болоте' Арх., СРНГ 6: 187; *нос*:- *нос* 'выдающаяся часть суши, мыс' Арх., Север., Карел.: *Носистая река* СРНГ 21: 285; *локот*:- *локотина* 'рукав реки' Казаки-некрасовцы, СРНГ 17: 113; *рук*:- *рукав* 'узкий залив' Арх., СРНГ 35: 246; *рукавишка* 'неглубокое узкое озеро' Том., СРНГ 35: 247; *горб*:- *горбовина* 'возвышенность, холм' Твер., Пск., СРНГ 7: 17; *горбушина* 'возвышенность' Нижегород., СРНГ 7: 18; *лоб*:- *крутолобина* 'возвышенность' Киров., СРНГ 15: 332; *лобач* 'крутая гора' Новг., СРНГ 17: 95 и т.д.), **либо опосредованно**, через восприятие или действия человека (ср., например, названия: *бредник* 'отмель, поросшая водорослями, которую можно пройти в брод' Беломор., СРНГ 3: 171; *вонючка* 'хорь' ЛАРНГ; *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ 7: 73; *глядень* 'возвышенное место у становища, удобное для наблюдения' Беломор., Север., Арх., СРНГ 6 228; *непроходь* 'топкое, непроходимое болото' СРНГ без указ. места, 21: 134; *непашь* 'истощенная земля, утратившая плодородие' Пенз., Иван., Ворон., СРНГ 21: 108; *обдуванчик* 'одуванчик' Калуж., СРНГ 22: 24; *плоскоместье* 'равнина' Ворон., СРНГ 27: 146; *солонуха* 'гриб, идущий на засолку' Твер., Даль, IV: 268 и т.д.).

Присутствие человека в языке традиционной духовной культуры отражается в выборе мотивационных признаков при номинации явлений природы. Эти мотивационные признаки раскрывают особенности его видения и «прочтения» мира, являясь своеобразным ориентиром в его освоении. При этом окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: цветовые, звуковые, вкусовые, функциональные качества и свойства предметов и явлений мира природы актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу его познавательной и практической деятельности. Причем «чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше он параметризован» (Степанов 2001: 552). Поэтому в диалектной лексике, по сути дела, содержится организованная классификация человеческого опыта, ср., например,

следующие имена, мотивационные признаки которых указывают на назначение обозначаемого предмета: *дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердл., СРНГ 8: 194; *мостовняг* 'лес, употребляемый на настил моста' Новг., СРНГ 18: 293; *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ; *лечебник* 'подорожник' ЛАРНГ; *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ 24: 131; *мочайка* 'гриб, пригодный только для соления' Влад., СРНГ 18: 318; *водо-возница* 'лошадь, на которой возят воду' Арх., СРНГ 4: 341; *волкорез* 'волокава' Пск., СРНГ 5: 42; *паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосиб., Амур., СРНГ 25: 246 и т.д.

Присутствие человека в языке традиционной духовной культуры ярко проявляется и в том, что те или иные участки семантической сферы «Природа» лексически проработаны по-разному. И эта неравномерность в распределении смысловой информации является ярким свидетельством проявления его жизненных интересов. Описывая русскую языковую картину мира сквозь призму словообразования, мы обратили внимание на то, что наибольшая ее лексико-словообразовательная детализация наблюдается на семантическом участке «Растительный мир» (подробнее см. Вендина 1998: 223), что свидетельствует о земледельческих приоритетах русского человека, его связях в первую очередь с растительным миром.

В диалектной категоризации мира ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, в результате которого семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для человека практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Наличие этой чрезвычайно детализированной семантической сферы позволяет уточнить наше определение человека как главного регулятивного принципа языка традиционной культуры. Это не просто человек – это **человек-крестьянин**, жизнь которого подчинена размеренному ритму крестьянского труда, о чем свидетельствует глубокая семантическая проработанность различных участков этой семантической сферы, связанных с обработкой земли и в целом с сельским хозяйством. Это его взгляд отражается в именах, указывающих на **время вспашки парового поля** (*пары* Костром., Вост., СРНГ 25: 250); **время вывоза навоза на пашню** (*навозница* Влад., Нижегород., Костром., Ярослав., Волог., Твер., Калуж., Пск., СРНГ 19: 175); **время, когда сеяли яровую рожь** (*ярица, яровица* Ярослав., ЯОС 10: 93–94); **время посадки огородных растений** (*посад* Костром., СРНГ 30: 132; *сад* Пск., Твер., Иркут., Арх., СРНГ 36: 17); **время прополки** (*полонье* Примор., СРНГ 29: 113; *полотьё* Иркут., Пенз., Новосиб., Волог., СРНГ 29: 126); **время жатвы** (*зажин* Арх., Орл., СРНГ 10: 87; *зажинка, зажинуха* 'время начала жатвы' Ярослав., ЯОС 4: 72; Вят., Том., СРНГ 10: 87; *пожинальница*

Яросл. СРНГ 28: 328); **время сенокоса** (*косыба* Сиб., Тул., Курск., СРНГ 15: 95; *заоски* 'время начала сенокоса' Яросл., ЯОС 4: 76; *кошенина* Костром., СРНГ 15: 148); **время уборки сена** (*жнитво* Новосибир., СРНГ 9: 212); **время складывания хлеба в скирды** (*кладево* Вят., Краснояр., Иркут., Тюмен., Тобол., СРНГ 13: 254); **время молотьбы** (*молотенье* Арх., СРНГ 18: 239; *молочиво* Арх., СРНГ 18: 244; *замолат*, *замолатки* 'первый день молотьбы, начало которой сопровождается званым обедом' Яросл., ЯОС 4: 86); **время уборки картофеля** (*копка* Яросл., СРНГ 14: 290; *покопки* 'время окончания копки картофеля' Латв., СРНГ 28: 427; *рытьё* Яросл., СРНГ 35: 320); **время уборки лука** (*луков день* Яросл., Волог., Сиб., СРНГ 17: 189); **время дойки коровы** (*наполдень*, *наполни* 'время дневной дойки коров' Яросл., ЯОС 6: 107; *раздой* 'время наибольших удоёв' Арх., СРНГ 33: 329) и т.д.

Лексическое выделение этих временных отрезков является не просто осмыслением и обобщением коллективного жизненного опыта, а свидетельством того значения, которое придавал им крестьянин в своей хозяйственно-практической деятельности. Такое обилие имен, структурирующих бытовое время в самых разных аспектах, говорит о том, что человек стремился строго регламентировать во времени тот или иной вид работы, ибо «выбор “правильного” времени являлся неперменным условием успеха любого его начинания: сева, жатвы, выгона скота на пастбище, закладки дома, снования полотна, сватовства и т.д., т.е. время служит важнейшим регулятором всей практической и ритуальной деятельности людей и является одним из главных инструментов упорядочения мира и регламентации человеческой жизни» (Толстая 1997: 28).

Отсюда становится понятным, почему при номинативном освоении мира природы наблюдается повышенное внимание к мотивационным признакам прагматического характера. Маркируется прежде всего оценка «важно», поскольку мир ценностей для человека – это в основном мир его практической деятельности, ср., например, маркирование большого (гнилого или засыхающего), а не здорового леса: *гнилетье* Петерб., СРНГ 6: 245; *жарник* Олон., СРНГ 9: 81; *сухара* Нижн., Костом.; *сушинник* Нижн., Даль IV: 366; *коряжник* 'кривой, нестройной лес' Самар., Моск., Ряз., Астрах., Новосибир., СРНГ 15: 42 и т.д.), болот и оврагов как мест непригодных для сельскохозяйственного использования (*дрягва* Смол., Брян., Тул., СРНГ 8: 227; *вязель* Пск., Твер., Смол., Новг., Волог., Олон., СРНГ 6: 73; *засос* Твер., СРНГ 11: 50; *зыбняк* Том., СРНГ 12: 32; *плавня* Пск., СРНГ 27: 71; *бездонье* Арх., СРНГ 2: 189; *дыбун* Арх., Печор., Кольск., Перм., Заурал., СРНГ 8: 290; и т.д.; *падина* 'глубокий овраг' Перм., Сиб., Кубан., СРНГ 25: 130; *падун* Тобол., Новосибир., Перм., Том., Свердлов., СРНГ 25: 136; *завал* Моск., СРНГ 9: 91; *намой* СРНГ 20:39; *обрух* Ряз., СРНГ 22: 214; *ровчак* Орл., Бурко 1995: 188 и т.д.).

2) Присутствие человека в языке традиционной духовной культуры проявляется и в том, что его **описание ведется с позиций «социальной нормы»**.

В языке традиционной духовной культуры собственно «природный» человек противопоставлен человеку «социальному». Не случайно в этой

культуре существует множество ритуалов, связанных с социализацией человека, превращением его из существа в лицо (Байбурин 1993). В его поведении отчетливо прослеживается **социоцентризм**, т.е. ориентация на других. Объясняется это тем, что традиционная духовная культура – это коллективистский ориентированная культура, культура безраздельного господства социальной этики.

О социоцентризме традиционной духовной культуры свидетельствует факт существования обширного пласта лексики, характеризующей человека с точки зрения его способности жить в обществе и соответствовать тем социальным нормам общежития, которые в нем закреплены³ (ср.: *ветлый* 'приветливый, ласковый; милый; общительный' Пск. *Соседи – ветлые люди* Смол., Калуж., Калинин. Ч-к: 77; *вожеватый* 'вежливый, ласковый, приветливый' Ярослав., Влад., Костром., Нижегород., Новгород., Олон., Арх., Перм. // 'общительный, веселый' Ярослав., Волог., Костром., Олон., Ч-к: 84; *житор* 'общительный, обходительный человек; балагур, говорун' Сиб. Ч-к: 162; *знакомитый* 'приветливый, ласковый' Ярослав. // 'такой, который быстро сходится с людьми' Иван., Ч-к: 197; *ладливый* 'покладистый, сговорчивый' Пск., Твер. *Невеска у меня шибко ладливая была* Краснояр., Ч-к: 256; *легконравный* 'покладистый, ласковый, приветливый и простой в общении' Ярослав., Костром. Ч-к: 262; *легкосердный* 'приветливый, ласковый' Костром. *Бабушка Марья, она легкосердная, не нервна; Калинин. Ч-к: 262; любимый* 'общительный, умеющий ладить с людьми' Пск., Твер. // 'приветливый, обходительный' Пск., Твер., Даль; Ч-к: 278; *народный* 'общительный' Заурал. *Спрашивайте Катерину-ту: она народная, разговорная, а мы чо, тулаи*. Перм., Курган., Ч-к: 324; *нелажий* 'непокладистый, неуживчивый' Новгород., Даль. *Дядя Иван у нас нелажий*. Костром., Ч-к: 344; *ненародный* 1) 'необщительный' *Уж больно я не люблю ненародных* Ср.Урал; 2) 'не пользующийся авторитетом, любовью народа' *Ненародный председатель нынче в колхозе* Краснояр., Ч-к: 347; *обседчивый* 'легко привыкающий ко всему, уживчивый человек' Пск., Твер. Ч-к: 386; *обходливый* 'обходительный, приветливый' *Мой зять, что зря говорить, хороший, обходливый* Тул. Ч-к: 386; *обходчивый* 'покладистый, уступчивый' *Она бабка обходчивая* Краснодар. Ч-к: 386; *обхожий* 'обходительный' *Он хороший человек, обхожий* Краснодар. Ч-к: 386; *печаливый* 'заботливый, сердобольный; приветливый' Арх., Вост.-Казах. Ч-к: 422; *приветистый* 'приветливый' Ряз. Ч-к: 436; *приемливый* 'приветливый' *Они, буряты, таки приёмливы ребятишки, ласковы все* Амур. Ч-к: 437; *простосердечный* 'добрый, не злой, приветливый' Даль (без указ. места), *Марья-то ругаться-то хотела, а батька был простосердечный* Волог. Ч-к: 449; *простосовестный* 'приветливый, гостеприимный' *Мы таки простосовестны* Мурман. Ч-к: 449; *рагоза* 'сварливый, неуживчивый человек' Волог. *Ну уж и рагоза: и к делу, и не к делу – всё разозится* Арх., Пск., Пенз., Симб., Курган., Тюмен., Тобол., Смол., Ч-к: 460; *свойный* 'общительный, уживчивый человек' *Какая-то она не своя...* Ярослав. Ч-к: 480; *советливый* 'приветливый, общительный' Ярослав., Ч-к: 488; *сходительный*

‘добрый, покладистый’ *А есть сходитильныи люди, уважають чилавеку* Дон. Ч-к: 494; *сходственный* ‘покладистый’ *Ну такой схоцствиный, на усе уступки идёть*. Дон. Ч-к: 494 и т.д.).

Социальной позицией человека обусловлена и вся совокупность его социальных ролей в обществе. Напомню, что «существенным компонентом социальной роли является ожидание: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него, он же обязан своим поведением соответствовать этим ожиданиям» (Крысин 1989: 134). Поэтому социальные мотивы звучат постоянно в лексике, описывающей человека с точки зрения его отношения к труду, к хозяйству и шире – к собственности, его социальному статусу, воспитанию и т.д., а главное – с точки зрения его отношения к нравственным нормам социума⁴. Причем эти мотивы присутствуют даже в таких семантических группах лексики, которые далеки от социальной сферы (ср., например, обозначение **красивого ~ некрасивого человека**: *знаткий* 1) ‘видный, красивый’ Бурят.; 2) ‘известный, уважаемый’ Ср. Урал, Ч-к: 198; *неловкий* 1) ‘некрасивый’; 2) ‘неуживчивый’ Арх., СРНГ 21: 73; *выходной* ‘красивый, выросший в хороших условиях’ *Выходная была шибко дочь-та, скоко женихов сваталось* Перм. Ч-к: 95; *знакомистый* ‘красивый’ Курск. // ‘ласковый, вежливый, обходительный’ Яросл., Даль, Пск. Ч-к: 197; *корыстный* 1) ‘красивый’ Ворон., Иркут.; 2) ‘уважаемый, влиятельный важный (о человеке)’ Курган., Иркут.; 3) ‘живущий нечестным трудом’ Саратов., Ч-к: 232; *умильный* 1) ‘красивый’ Дон. *Умильная девушка, прихарошинькая*; 2) ‘вежливый’ Дон., Ч-к: 500; *невзора* 1) ‘неказистый, невзрачный человек’ Горьк.; 2) ‘человек с замкнутым характером’ Горьк. // ‘надменный человек’ Казаки-некрасовцы СРНГ 20: 341). Показательно, что сами понятия «красивого» и «безобразного» в языке традиционной духовной культуры осмысляются как социальные, регулятивные категории, которыми определяются нормы человеческого общежития. Социум выносит свой вердикт, оценивая именно через красоту характер отношений между людьми (ср. *клюдь* ‘красота, порядок, приличие’ Костром., Влад.: *Без клюди мы не люди* СРНГ 13: 318; *лепостный* ‘хороший, приличный’ Яросл., СРНГ 16: 366; *пригоже* 1) ‘красиво’ Смол., Пск., Брян.; 2) ‘прилично’ Волог., Яросл., Пск., СРНГ 31: 166; *безобразаца* 1) ‘уродливость, отсутствие красоты’; 2) ‘дурное поведение’ Перм., СРНГ 2: 194; *непришло* ‘некрасиво, непристойно’ Смол.: *Не пришло тебе в воскресный день иди на хоту* СРНГ, 21: 129).

Социальные мотивы звучат в лексике, характеризующей человека даже в его отношении к еде (ср. *едуга* 1) ‘едок’ Влад.; 2) ‘сварливый, склонный к ссорам человек’ Арх., Новг., Твер., Перм., СРНГ 8: 322; *изъедуга* 1) ‘обжора’ Калуж.; 2) ‘сварливый неуживчивый человек’ Южн.-Сиб., Иркут, Заурал., Средрл., Пенз., Вят., Курск., СРНГ 12: 176), к вину (ср. *бездомовица* 1) ‘пьяница, лентяй и мот’ Перм., Вят.: *Неровен жених достанется, – либо вор, либо пьяница, либо вовсе бездомовица*; 2) ‘бесхозяйственный человек’ *Хозяйка-то у него суцая бездомовица* Свердл., СРНГ 2: 188 ; *булдыга* 1) ‘пьяница, буян’ Даль (без указ. места), Смол. // ‘гуляка’ Влад., Моск.,

Нижегор.; 2) 'сварливый, скандальный человек' Симб., СРНГ 3: 269) к **игре** (ср. *игрец* м. и ж. 'прозвище грубого невоспитанного человека' Тамб., Вят.: *Ишь какая чванливая, все лается по-собачьи, уж така игрец, право игрец* СРНГ 12: 70; *игреливый* 'ветренный, легкомысленный, безнравственный' Дон, СРНГ 12: 70; ср. также *продуvenить* 'проиграть' Пск., Твер., СРНГ 32: 126 и *продуvenь* 'ловкач, проныра' Калинин., СРНГ 32: 126; *прожогнуть* 'проиграть, прогулять' Сев.-Двин., СРНГ 32: 137 и *прожога* 'хитрый, изворотливый человек, обманщик' Арх., Пск., Забайк., СРНГ 32: 137); или даже к **слову**, поскольку слово осмысливается в языке русской традиционной культуры как **категория социальная** (ср. *словутный* 1) 'известный в каком-л. отношении (человек)' Олон., Карел., Арх., Волхов., Ильмень., Яросл., Свердл. // 'авторитетный' Кемер.: *Отец-то был словутный*; 2) 'богатый, зажиточный' Север., Олон.: *То ведь жирушка-то наша небогатая, а житье-то не словутное* СРНГ 38: 296; *словопутник* 'знатный, богатый человек' Твер., Арх., СРНГ 38: 296). Наделяя слово ценностью (ср. например, пословицы *добрым словом и бездомный богат; ласковое слово, что великий день; слово закон, держись за него, как за кон; не дав слово – крепись, а дав слово – держись* и др. Даль, Пословицы), культура накладывает запрет на «разбазаривание» этой ценности, поэтому язык относится отрицательно к многословию, к пустым, бессодержательным разговорам (ср. *брехото* 'болтовня, пустословие' Волог., СРНГ 3: 177; *бридня* 'пустословие' Новг., СРНГ 3: 179; *лясы* 'болтовня, пустословие' Костром., СРНГ 17: 284; *пустословье* 'пустословие' Север., СРНГ 33: 142; *пустоговорье* 'пустословие' Урал., СРНГ 33: 145; *разбайка* 'пустословие' Пск., Осташ., Твер., СРНГ 33: 256; *раздудыньги* 'пустословие' Пск., Осташ., Твер., СРНГ 33: 335). Об этом говорит и русская пословица: *Лишнее слово во грех вводит*. Не случайно в диалектах значение 'болтун' часто сопровождается отрицательными коннотациями или пометой неодобрительное, ср.: *байло* неодобр. 'болтун' Волог., Ч-к: 21; *баклушник* 'болтун, бездельник, лентяй, проводящий время в праздности' Перм., Яросл., Костром., Нижегород., Тамбов., Астрах., Смол., Ч-к: 21; *балабон* неодобр. 'болтун, пустомеля, лгун' Новосиб., Ч-к: 21; *брѣх* 'болтун, лгун' Тул., Ч-к: 61; *брякало* неодобр. 'болтун' Амур., Ср.Урал, Забайкал., Чел-к: 63; *зубомой* 'болтун, сплетник' Ср.Урал, Чел-к: 200; *колотырник* 'болтун' Тамбов., Ворон., Олон. // 'бездельник, пройдоха' Ворон., Ряз., Тобол., Ч-к: 227; *кривуля* бран. 'болтун' // 'лукавый, криводушный человек' Ср. Урал, Ч-к: 242; *пустограй* 'болтун' Дон. // 'бездельник' Ряз., Тамбов., Тул., Арх., Ч-к: 454; *хлестун* 'болтун, хвастун, лгун' Дон., Ч-к: 503 и т.д.

В языке традиционной духовной культуры очень часто различные свойства и качества человека, а также абстрактные понятия подвергаются социализации (ср.: *вихляй* 1) 'тонкий, худой и высокий человек' Ряз., Волог.; 2) 'ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек' Волог., Новг. // 'разиня, ротозей, нерасторопный человек' Тамб.; 3) 'лодырь, лентяй' Смол., Влад.; 4) 'неуживчивый человек' Олон., Ч-к: 81; *жирѣна* 1) 'толстый, тучный человек' Нижегород. Влад., Костром., Моск; 2) 'богач' Ч-к: 161; *пухлик* 1) 'толстый, тучный

человек'; 2) 'лентяй, лежебока' Забайк., Ч-к: 456; о социализации таких абстрактных понятий, как правда, добро, зло, красота, труд, см. Вендина 2007).

Как показала Е.Л. Березович (Березович 2007), идеей социальной нормы в качестве своего прагматического элемента обладает и слово *люди* (ср.: *людски* 'как подобает людям' Волог., Вят., Пск., Твер., Киров., Север., Заонез., Петрозавод., Олон., Новг., СРНГ 17: 243; *людской* 'свойственный человеку, доброжелательный, вежливый' СРНГ 17: 243; *по-людску* 'по-людски' Смол., СРНГ 17: 243). Яркой иллюстрацией включенности человека в социум является лексема *людь* в значении 'человек' Казан., Вост., Перм.: *Один людь* СРНГ 17: 244.

Все это дает основания для заключения о том, что ведущей культурной мотивацией языка русской традиционной духовной культуры, его главным регулятивным принципом, влияющим на всю его смысловую структуру является **человек** и как производный от него **принцип социализации нравственных постулатов этой культуры**. «Человек обречен жить в культуре так же, как он живет в биосфере» (Лотман 1992: 9). А поскольку культура живет и развивается в "языковой оболочке", определяя мир смыслов, ценностей и идеалов человека, то язык любой культуры воссоздает прежде всего его образ. Какую бы семантическую сферу языка мы ни рассматривали, мы неизбежно будем возвращаться к человеку, ибо это его взгляды, его интересы и потребности получили отражение в языке. Пребывание в мире смыслов обрекает человека на языкотворчество, механизм которого включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Поэтому в языке эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека. Этот принцип и является той основой, которая объединяет все семантические сферы языка традиционной духовной культуры и позволяет понять механизмы ее культурных традиций.

Примечания

¹ Иногда эта мысль приобретает полемически заостренный характер, ср., например, точку зрения В.С. Библера, который указывал на тождественность русского национального сознания с русским языком (Библер 1993). Связь эта, без сомнения, существует, но, на наш взгляд, она носит более сложный, опосредованный характер.

² Попутно отметим любопытный факт: среди этих «антропоморфных» мотивационных признаков нет названий растений, которые соотносятся с корнем *отец*-, и эта избирательность мотивационной модели также является свидетельством присутствия человека в языке традиционной духовной культуры.

³ По наблюдениям Е.Л. Березович, по количеству языковых реализаций эта группа лексики доминирует в уральских говорах (Березович 2007: 26). Там же см. о различиях в логике структуризации данного смыслового пространства в диалектах и в литературном языке.

⁴ Об этой особенности традиционной духовной культуры писал еще в XIX в. Д.В. Григорович в повести «Пахарь»: «...общественное мнение господствует над всеми и управляет поступками каждого» (Григорович 1990: 30). Ср. также мнение современного этнографа Т.А. Бернштам, которая отмечала: «жизненный уклад сельских прихожан в России XIX в. – первой трети XX в.

строился на началах *обычая* и *порядка*, в каких терминах ... обозначали религиозно-(сакрально-)профанную совокупность нужд, норм, способов и форм бытия» (Бернштам 2000: 331). Показательно, что упоминаемые здесь *обычаи* и *порядки* являются составной частью социокультурной нормы. Соблюдение этих норм и правил контролируется обществом и закрепляется, соответственно, в языке.

Литература

- Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Березович 2007 – *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. М., 2007.
- Берштам 2000 – *Берштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
- Библер 1993 – *Библер В.С.* Национальная русская идея? – Русская речь! Опыт культурологического предположения // Октябрь. 1993. № 2.
- Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998.
- Вендина 2002 – *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Вендина 2007 – *Вендина Т.И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
- Виноградов 2010 – *Виноградов В.А.* Языковая семантика в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2).
- Григорович 1990 – *Григорович Д.В.* Повести и рассказы. Воспоминания современников. М., 1990.
- Кармин 1997 – *Кармин А.С.* Основы культурологии. Мифология культуры. СПб, 1997.
- Крысин 1989 – *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
- Пелипенко 1998 – *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* Т. 1–. М.–Л., 1965–.
- Степанов 2001 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия 1999 – *Телия В.Н.* Реконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1999.
- Толстая 1997 – *Толстая С.М.* Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка.
- Язык и время. М., 1997.
- Топоров 1992 – *Топоров В.Н.* Предисловие к книге В. Айрапетяна «Герменевтические подступы к русскому слову». М., 1992.
- Успенский 1994 – *Успенский Б.А.* История и семиотика // Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры М., 1994.
- Ч-к – Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. М., 2007.

Из карпато-балканских схождений в области мифологической лексики*

Abstract:

Valentsova M.M. *To the issue of Carpathian-Balkan cross-references in the mythological vocabulary*

In the present article, the methodology of ethno-linguistics is applied to the Carpathian-Balkan studies. Plentiful empirical data on the languages of the Carpathian and Balkan areal allow – taking into account most recent achievements in this field – comparing lexemes with roots *strig-* and *vešt-* for the purpose of more precise definition of their areal spread, amplitude of semantic oscillations, possible directions and time of dissemination of these mythological terms on a wider territory, where Slavic and non-Slavic languages coexist. The results are of paramount importance for understanding of linguistic and ethnic processes in South-Eastern Europe in the middle of the last century.

Ключевые слова: карпато-балканские исследования, этнолингвистика, славистика, мифологическая лексика, ареальные исследования, миграция славян, сопоставительные исследования, традиционные верования, диалектология.

Карпато-балканские сопоставительные исследования имеют уже сформировавшуюся традицию. Начавшись как выявление лексических соответствий в карпато-украинском и болгарском языках¹, эти исследования со временем переросли в ареалогические – как карпатского и балканского регионов, так и их сопоставления. Значительными вехами на этом пути явились Лексический атлас Закарпатских говоров Украины², Болгарский диалектный атлас³, Лингвистический атлас Лемковщины⁴, Лингвистический атлас польского Подкарпатья⁵ и др., и особенно – Карпатский диалектологический атлас⁶ (КДА) и Общекарпатский диалектологический атлас⁷ (ОКДА). Несомненно, интересные данные даст и Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), работа над которым продолжается. Большой вклад в разработку проблем карпато-балканистики и соотношения этих зон внесли работы С.Б.Бернштейна, Г.П.Клепиковой, много сделали для пополнения материала и теоретической разработки проблем карпатского и балканского языкознания такие ученые как В.М. Иллич-Свитыч, Н.И. Толстой, М.М. Оньшкевич, А.В. Десницкая, М.В. Домосилецкая, Л.В. Куркина, А.Н. Соболев, А.А. Плотникова, С.Л. Николаев, М.Н. Толстая, И.А. Седакова и др. Подробный обзор истории и проблематики карпато-южнославянских исследований до 1984 г. сделал В.В. Нимчук⁸. Интересные статьи по данной тематике публикуются в серийных сборниках

---

* Авторская работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» по проекту «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция традиционной культуры по данным языка».

«Балканские чтения», «Исследования по славянской диалектологии», «Карпато-балканский диалектный ландшафт» и ряде др.

Мифологическая и конкретно демонологическая лексика карпатского региона, в том числе в сопоставлении с южнославянскими традициями, также уже была предметом изучения, например, в работах Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой, Е.Е. Левкиевской, А.А. Плотниковой⁹; специально карпатскому региону посвящены работы И.Г. Чеховского¹⁰, гуцульской традиции – этнолингвистический словарь Н. Хобзей¹¹, список можно продолжать. Хорошо описана и изучена мифология южнославянских традиций – упомяну лишь работу, специально посвященную ареалогическому аспекту изучения фактов традиционной культуры, в том числе демонологической лексики и поверий у южных славян – монографию А.А. Плотниковой¹².

В то же время словацкий материал в карпатолингвистических исследованиях привлекался недостаточно. Одной из причин такого положения можно считать отсутствие обобщающего труда по словацкой демонологии и мифологии, хотя отчасти данная тематика и лексика отражена в словнике «Энциклопедии народной культуры Словакии»¹³. Несмотря на качественное описание многих мифологических персонажей в этом труде, для наших целей недостает деталей демонологических образов, точной локализации приведенных сведений или места фиксации лексем (которые были вовсе необязательны для целей обобщенного, энциклопедического описания народной культуры Словакии).

Вместе с тем Словакия является практически центром карпатского ареала, к которому относится почти вся территория страны. Лингвисты давно заметили, что в словацких диалектах представлены как западно-, так и южнославянские черты, а с созданием Атласа словацкого языка (ASJ)¹⁴ появилась возможность предметно говорить о диалектном членении Словакии и его причинах. Одним из важнейших факторов образования словацкого языка словацкие ученые называют процесс заселения карпатско-дунайской области славянами. Различные точки зрения на этот вопрос представлены в работах С. Цамбела, И. Книежи, З. Штибера, Э. Паулини, Р. Крайчовича, С.Б. Бернштейна, А. Габовштыка¹⁵. Гипотезы о заселении нынешней территории Словакии, формировании диалектов словацкого языка имеют прямое отношение к вопросам этнического, лингвистического и культурного генезиса в карпатском регионе. Поскольку язык и традиционная культура народа теснейшим образом взаимосвязаны, ареалы «культурных» лексем и их семантики, равно как и этнографических фактов (обрядов, поверий, быличек и т.п.), часто совпадают с границами диалектов или поддиалектов, что также неоднократно отмечалось исследователями. Хотя показательно будет также и несовпадение «культурных» изолекс с пучками выявленных диалектологами изолекс других тематических сфер. Предполагается, что в словацкой демонологии как одной из сфер традиционной народной культуры мы найдем определенное количество элементов, общих как для карпатского ареала, так и для южнославянского, в том числе «балканизмов», поздних соответствий,

связанных с обратным потоком миграции южнославянского населения на север (об одной такой параллели – лексеме *вила* – мы уже писали¹⁶).

В данной статье, в целом, можно сказать, словакоцентрической, мы рассмотрим лишь два слова, относящиеся к мифологической лексике, которые известны всем (или почти всем) языкам карпатского ареала и в то же время имеют соответствия (лексические и/или семантические) в южнославянском ареале. При этом мы опирались на опубликованные материалы ОКДА, указанную монографию А.А.Плотниковой, использовали этнолингвистический словарь «Славянские древности»¹⁷, ценные материалы Архива текстов Института этнографии САН (ArchT ÜEt)¹⁸ и другие источники.

Стрига / striga

1.Общепринятая этимология – из лат. *strīx*, *-gis* < греч. στρίγγυλα, др.-гр. στρί(γ)ξ¹⁹.

2. Варианты лексемы и их распространение (учитывая «южное» происхождение стриги, начнем с юга): «приморскую периферию южнославянского территориального континуума образуют названия типа *штрига* романского происхождения, возможно, из албанского на юге зоны (Черногория) и итальянского – на севере (Истрия, Словения): черног. *штригна* (Васоевичи на западе Черногории <...>), *штрига* (у албанцев на ю.-з. Черногории <...>, Заострог в Далмации <...>); хорв. *štriga*, *štrigna* (о. Хвар, Брач <...>), *štriga* (Каставский край <...>), Брест в сев. Истрии <...>), словен. *štriga* (Крас <...>, Истрия <...>), *štrija* (Св. Петер при Горице в зап. Словении <...>, окрестности Канала <...>)»²⁰.

Согласно карте названия типа *стрига-штрига* преобладают на самых окраинных территориях (Истрия и на север от нее, хорватское побережье Средиземноморья и меньше – у сербско-албанской границы): Словения (окр. Канала, св. Петер – р-н Горицы, Крас, долина р. Река, словенское приморье, Истрия), Хорватия (Каставский край, Брест в Истрии, Истрия, о. Брач, о. Хвар, Заострог в Далмации, албанцы в Черногории, васоевичи в Черногории²¹).

Далее на север – практически повсеместно лексема встречается в Румынии и Молдавии. Наконец, на едином ареале, включающем Словакию, восточную Моравию, южную Польшу (Силезия, Краковское воев., Подлясье и др., спорадически встречается в Великопольше), северную Венгрию (диал. *sztriga* – ‘boszorkány’²²). В карпато-украинском слово как будто бы не распространено, отмечены лишь единичные значения.

В Словакии лексема распространена достаточно широко. Скорее всего, слово вошло в литературный язык из среднесловацких диалектов. По данным Атласа словацкого языка, слово *striga* характерно для ср.-словац. и части смежных вост.-словацких говоров (вторым употребляемым на той же территории указывают и лексему *bosorka*)²³.

3. Основные значения лексемы (согласно карте №6 ОКДА 4):

- ворожея, колдунья;
- злая, сварливая женщина;

- темпераментная девочка;
- 7-й или 9-й сын в семье;
- женщина с хвостом (обливают ради дождя);
- упырь, вампир, вурдалак;
- ночное видение;
- ночная бабочка;
- вид дикого растения;
- междометие.

Значения распределяются по языкам следующим образом:

пол. *strzyga, strzyg, strzygoń* 'вампир'²⁴ (без указания места), *strzyga* 'жигалка обыкновенная' (муха)²⁵, пол. подкарпат. *ščyga* 'колдунья, ведьма', ю.-пол. *ščyga* 'упырь (вампир)' (Подгале), *ščšyga, ššygoi* 'оборотень, нечистая сила, ночное видение', 'злая, сварливая женщина'; пол. *stšyga* 'живая, подвижная женщина'²⁶;

морав.-словац. (ок. Грозенкова) *striga* 'ведьма'²⁷, тешин. (моравская Силезия) *střiga* 'злая женщина', 'упырь' и 'любопытная девушка', *střigůň* 'любопытный человек', опавск. (моравская Силезия) *sřiha* 'ведьма'²⁸, морав. *aŕe sryga do teho* 'черт его возьми'²⁹ – проклятие, где актуализируется значение 'высшая сила' (*черт, гром, бог* и под.);

словац. *striga* 'колдунья, ведьма', 'ночное видение', 'ночная бабочка', 'злая, сварливая женщина', *strigon, strigôň* 'колдун', з.-словац. *striga* 'упырь (вампир)'³⁰,

укр. лемк. *striga* 'колдунья, ведьма'; укр. (молд.) *strigojka* 'злая, сварливая женщина'; укр. *strega* 'овца, отбившаяся от стада' (Ясіня), 'ребенок, родившийся 7-месячным, и умерший' (Красноільськ)³¹, подкарпаторус. *striga, striga* = босорка 'жаба', 'ведьма'³², укр. (< молд.) *stругôjka* 'гнучка палица', очевидно, семантическая трансформация ('волшебная палочка, использованная в разных детских играх' < 'ведьма'); заимств. из в.-роман. языков³³.

рум. *strigoj* 'седьмой (или девятый) сын, родившийся с хвостом', '(женщина) с хвостом, ее обливали водой, чтобы пошел дождь'; рум. (молд.) *strigoj* 'упырь (вампир)', 'оборотень'; 'нечистая сила, ночное видение', 'колдун'³⁴; *striga* 'ведьма', 'бабочка «мертвая голова»'³⁵; м: *strigoi, strigôjŭ, strigôjŭ, stregoi*; ф: *strigoaică, strigoaie, stregină* 'оборотень', 'вампир'³⁶.

алб. (по словарям) *shtrigë* 'персонаж поверий (в виде старухи), приносит людям зло'; алб. черногор. *štrpuga* 'ведьма'³⁷,

серб. черногор. *striga* 'злая, сварливая женщина'³⁸,

с.-х. диал. *striga* 'ведьма', 'ночная бабочка'³⁹.

хорв. *štriga* 'ведьма, колдунья'⁴⁰; *štriga, štrigna* 'ведьма'⁴¹. *strižica* (Истрия) 'вештица', 'ночная бабочка'⁴².

словен. *štrija* 'ведьма'⁴³; *štriga, štrija* 'ведьма', *štrigôn* 'высасывающий кровь упырь'⁴⁴.

На основе анализа вышеприведенных значений, можно сказать, что значение 'ведьма' известно всем традициям без исключения (так же, как и переносное 'злая женщина'); значение 'ночная бабочка' представлено

в словацкой, словенской, хорватской и румынской традициях; значение 'вампир, вурдалак' – в польской, моравской, румынской и условно – в словацкой и словенской. Говоря «условно», мы имеем в виду следующее: объективно, с учетом полевых и архивных данных вампирическая функция стриги в Словакии отмечáется, но это не значение лексемы *striga*, но мифологический персонаж ведьма получает «дополнительные» функции, превышающие «полномочия» некой инвариантной ведьмы. Так же, как у словенцев и хорватов *štriga, štrija* «месит тучу, делая град» (словен. Истрия, хорв. Каставский край, Брест в Истрии), борется в «крсником» (хорв. Истрия), ест сердца детей, пьет людскую кровь (хорв. Заострог в Далмации), пьет кровь у людей, высиживает змея-помощника (окр. Канала, словен), но при этом остается ведьмой. А.А. Плотникова считает такие мотивы как «душа ведьмы покидает тело и улетает пить кровь / душить спящего человека» специфическими балканославянскими⁴⁵, и в этом ключе наличие у словацкой и моравско-словацкой ведьмы кровососущих интенций можно считать заимствованием семантики вместе с образом.

Если в Словакии стрига и стригонь – это все-таки ведьма и ведьмак, то дальше на север и северо-запад эти образы все более отождествляются с вампирами, а мужской персонаж (польский «стшигонь») сливается с вампиром. Хотя в Словакии вампирическая функция стригоня нам не встретилась, персонаж этот очень близок к «ходячим покойникам», называемым в Карпатах «двоедушниками»: «Тот, у кого два сердца – *strigôň*, одно сердце не умирает, поэтому он ходит ночью пугать» (Погорела, окр. Брезно, обл. Верхнее Погронье)⁴⁶. В этом же селе считали, что *strigôň* – еще хуже, вредоноснее, чем стрига.

По мнению этимологов (напр., Брюкнера), мужской персонаж, парный к стриге, – славянское новообразование. А это значит, что как новый образ он мог моделировать функции, а также «сливаться», или накладываться на другие, известные в традиции образы.

Так, в Польше *strzygôň* или *strzyga* – это человек, у которого две души. После смерти одна выходит из тела, другая в нем остается. Оставшаяся душа оживляет тело стригоня, и он «ходит» после смерти (пол., силез., окр. Славков)⁴⁷. Представления о мифологическом персонаже с именем *strig-*немногочисленны, относятся преимущественно к южной Польше (Малопольша, Краковское в., Подгалье, Высокие и Низкие Бескиды, Верхняя Силезия (Ополе, Живецкое в.); реже упоминаются в Серадзском крае и Радомском воеводстве. Основное значение терминов *strzyga/strzygôň* — 'вампир, упырь', 'ходячий покойник'⁴⁸.

По материалам картотеки польского этнолингвистического словаря, многолетнего труда О. Кольберга (поветы Краковский, Тарновский, Жешовский, Калишский и Серадзкий, области Гуже и Подгуже) *strzygôň* предстает «двоедушником» (*urodził się z dwoma "duchami", "o dwóch duchach"*), который при крещении получил только одно имя, а вторая, безымянная душа у него осталась злой; после смерти одна из его душ остается живой – он

встает из гроба в полночь, с первыми петухами уходит обратно; пугает, душит, кусает, съедает людей; хозяин-стшигонь приходит после смерти домой, спит со своей вдовой, после чего рождаются дети и под. Способы нейтрализации *стшигоня* (выкопать гроб и перевернуть тело лицом вниз, отрубить голову и положить между ногами и под.) также роднят его с вампиром, в то время как собственно с ведьмаком у стшигоня общие только имя да пара особенностей: сросшиеся брови, разговаривание сам с собой, два ряда зубов.

Можно согласиться с тем, что оним *strzygoń* был перенесен на местный персонаж (вампира) и вошел в круг местных поверий. Поэтому для польского *strzygonia* значение ‘вампир’ представляется подходящим.

Кстати, большинство из перечисленных выше представлений, связанных с польским образом, известны и в северной Словакии, но относятся они к собственно вампиру (также называемому здесь волколаком), а не к «стригону». Это еще раз подтверждает, что для Словакии говорить о значении ‘вампир’ для лексемы *strzygoń* неправомерно.

Обсуждение такого рода вопросов выводит на теоретическую проблему идентификации мифологических персонажей, актуальную до сих пор для исследователей славянской демонологии⁴⁹.

На основании почерпнутых из разных источников данных опишем кратко словацкую стригу.

I. Имя, происхождение, основные характеристики. *Striga* (син. *bosorka*, *čarodejnica*, *ježibaba*) – полудемон-получеловек, обладающий сверхъестественными способностями, который наносит вред окружающим. Врожденная или наученная, старая или молодая. Главное ее качество: она вредит сознательно⁵⁰. Верили, что стригой или стригонем становился ребенок, рожденный «в рубашке», «с зубом», с двумя макушками (с двумя завитками волос). Напр., ребенок, родившийся с зубом, будет *striga*, *strigôň* (окр. Спишска Нова Вес и Требишов, в.-словац.)⁵¹; стригой будет родившийся с зубом или с двумя сердцами; приобрести способности к ведьмарству можно было, подав руку умирающей ведьме или научившись от ведьмы (Верхнее Погронье)⁵². *Striga* (в Остурне *gušlarka* < *kuzlo* ‘чары, магия’) знает колдовство, чары – либо учится у пастухов («бачей»), или у других стриг, либо такой родилась, и тогда это свойство передается по наследству от матери к дочери (Замагурье)⁵³.

II. Ипостаси, превращения. Она превращалась в разных животных (кошка, жаба, сова и др.) и предметы, намазавшись магическими мазями, умела летать по воздуху, особенно во время летнего и зимнего солнцеворота и в начале весны, когда ведьмы собирались на шабаш (*sabat čarodejnic*)⁵⁴. *Strygôni* и *strygy* могут превратиться в коня, козла или муху. Ездят на помеле, мялке или на человеке, обращенном в коня, на шабаши и балг⁵⁵. Превращаются в различных животных (кота, лягушку, овода или др.), чтобы легче проникнуть в дом. В определенные дни ведьмы собираются на перекрестках или летают на Будин (*na Budín*), где развлекаются и танцуют (Гермер-Малогонт)⁵⁶. Может обратиться в жабу или муху (Гельпа, окр.

Б. Быстрица)⁵⁷. Может обернуться лягушкой, жабой, ящерицей, кошкой и пролезть туда, где хочет навредить (Замагурье)⁵⁸. *Striga* могла перекидываться в кошку, жабу; если их поранить, раны окажутся на человеке (Горый Спиш)⁵⁹. *Striga* и *strigôň* в виде кошки, мыши, жабы проникали в чужие хлевы и отбирали молоко. Прежде чем превратиться в кошку, ведьма должна была вывернуть кишки наизнанку. Если их кто-нибудь посыплет мякиной, она не сможет взять их обратно и умрет (долина Горнада, попрад., Спиш, в.-словац.)⁶⁰. Ведьмы и ведьмаки слетались в сочельник (24.XII), на Юрия (23.IV) и на Яна (24.VI) на коштыанском поле, где принимали молодых, куда приносили подмененных детей (долина Горнада, попрад., Спиш, в.-словац.)⁶¹.

III. Воздействие на погодные явления, связи с ветром, бурей. Стрига может вызвать бурю, град; уничтожить урожай, имущество; лишить людей и скот здоровья и даже жизни; наслать порчу; отобрать и испортить молоко у коров; вызывать духов, гадать и влиять на будущее⁶². В связи с функцией 'душить, давить по ночам', говорили, что *striga* - это *zmora* (Погорела, окр. Б.Быстрица, Верхнее Погронье)⁶³, *mora*. Такими стригами-морами становились старые девы, при жизни или после смерти (Верхнее Погронье)⁶⁴. На Ораве записана быличка о ведьме-море, которая умерла, но еще три дня после смерти жила (*ešte ai tak tri dni po smrti žila*). Потому что только одним сердцем умерла, а у этих ведьм обычно два сердца (*Lebo len na jedno srce bola mŕtva a tji strigy mávajú dvoje srcov*). Так и у этой ведьмы было два сердца – одно человеческое, другое звериное (*Tak aj tá istá striga mala dvoje srcov. A mala tje srcia dvoje, edno človečiu a druhuo zvieracu*). И она ходила высасывать (*vysievať*) своего парня. Одна знахарка (*záčítačka*) увидев, что парень стал болезненный, сказала, что ночью, приходя к нему, мора должна перед дверью вывернуть внутренности, чтобы превратиться в какое-нибудь животное. Если посыпать их мякиной, то она умрет. Так парень спас себе жизнь (Малатина, Орава)⁶⁵. К другой категории ведьм принадлежали те, которые подменивали детей, особенно некрещеных, и крещеных, если у них не было в колыбели оберега. Нападали также на рожениц, которые выходили без оберегов из дому – забирали с собой (Гемер-Малогонт)⁶⁶. Душа умерших ведьмы и ведьмака после смерти возвращалась к близким, давила их, мучила и доводила до смерти (отчего называлась также *umornica*). В одной быличке ведьма заплетала коням косички в гривах и ездила на них до пота (долина р. Горнад, попрад., Спиш)⁶⁷.

IV. Посмертное существование. В воде ведьмы не тонули, в могиле их тело не гнило⁶⁸. После смерти тело их не коченело, что указывало на способность к оборотничеству (*vlkoláctvo*)⁶⁹. После смерти стриги и стригони, не передавшие своей силы, продолжали вредить живым; их появление сопровождалось вихрем, бурей, метелью, они ходили мучить спящих. Особенно опасны ведьмы, у которых было два сердца, так как после смерти одно оставалось живым; их трупы полагалось сжечь (Верхнее Погронье)⁷⁰. Когда стрига умирает, бывает дождь, буря, гром; после смерти ходит пугать (*mátat*) (Погорела, окр. Б.Быстрица, Верхнее Погронье)⁷¹.

V. Мотив узнавания. Существует множество сюжетов об изготовлении магических предметов, с помощью которых на рождественской мессе можно было распознать местных ведьм (напр., делали магическую табуреточку, магические бич, шумовку, цедилку и под.). Они распространены по всей Словакии. Некоторые предметы совпадают у словаков и словенцев (табуреточка, бич). Если кто-нибудь узнал ведьму, советовали об этом никому не говорить, иначе она отомстит, побьет, превратит в коня и будет ездить на нем до изнеможения (Гемер-Малогонт)⁷².

В Словакии зафиксированы также названия мужского персонажа:

Strigôň (strigoň) – ведьмак⁷³. У кого два сердца, тот *strigôň*, одно сердце не умирает, поэтому он ходит ночью пугать (Погорела, окр. Б.Быстрица, Верхнее Погронье)⁷⁴. Стригоны могли навредить людям взглядом, поэтому люди старались не смотреть им в глаза (соб. зап., Груштин, Орава). Искусство «стригоня» передавалось по наследству от отца к сыну. Врожденные способности не предполагались, только обучение, после того, как молодой человек запишется собственной кровью. В быличках «стригонь» превращается в змею; разговаривает со змеей, обмотавшейся вокруг шеи вола, предупреждает людей о наводнении (долина р. Горнад, попрадский окр., Спиш, в.-словац.)⁷⁵.

Часто образ колдуна сливался с образом главного пастуха – «бачи». *Strigune*-пастухи могли замкнуть замок над стадом, и овцы не разбегались; «бача» мог сделать так, чтобы у его овец было много молока, а у овец соседнего «бачи» молока не будет (Велька Лесна, окр. Стара Любовня, Горный Спиш)⁷⁶. *Strigôň-bača* единственный умел «исправлять» порчу (*odrabjat' porobiska, babraňe*). Существует даже поговорка: *Co baca – to porobjac* [что ни бача, то колдун], распространенная во всем Замагурье. Но в первую очередь, бачи лечили скот и снимали порчу у людей (*pri porobiskách*) (Замагурье)⁷⁷.

О раннем времени заимствования корня *strig-* свидетельствует большое количество производных, кроме приведенных выше, еще: *strigônstvo* 'колдовство' (Слов. Правно в Турце; морав.)⁷⁸, (Шумьяц - окр. Б.Быстрица)⁷⁹, *strigat'* – колдовать⁸⁰, *strigovat'* 'колдовать, ведьмачить' (Велька Лесна, окр. Стара Любовня)⁸¹, *střigovat'* – 'колдовать' (Горный Спиш)⁸².

Подробнее хотелось бы сказать о значении 'бабочка (ночная)', которое находим в словацком, словенском, хорватском, румынском языках. Поскольку соотношение «ведьма – насекомое», часто «ведьма - бабочка» является весьма древним (и, как показал А.В. Гура⁸³, соотношение это касается не только ведьм, но и других мифологических персонажей, ср., напр., *полевой сварог* 'кузнецик'), то можно было бы воспользоваться географией значений '(ночная) бабочка' для выявления первичных или наиболее древних ареалов распространения термина *striga*. Например, в Словакии ареалы значений 'бабочка' и 'ведьма' в целом совпадают для середины XX в., и даже ареал 'бабочки' более узок: это, как указывает В. Важный, «возможно, вся средняя Словакия, в основном в столице Зволенской и прилегающих к ней соседних областях Тековской и Гонтянской столиц,

а особенно – в Новоградской и Гемерской»⁸⁴. Далее на восток в области Шариш (вост. Словакия) есть и производные, напр., **strigin nos** (Соливары, окр. Прешов) ‘большая вечерняя или ночная бабочка’⁸⁵. Исследователь приводит также и румынские названия бабочки «мертвая голова»: *strigă, strigă porfii* ‘ночная ведьма’, *suflet de strigoiu* ‘душа ведьмака’⁸⁶.

Здесь же упомяну, что и с.-х. слово **срѣге**, ж. мн. зоол. – членистоногие из рода многоножек Chilopoda (серб. *стопога*); у них плоское тело и ядовитые железы⁸⁷ – «сколопендра»? – соотносится со словац. диал. **stonoha** ‘какая-то ночная бабочка’ (Дольна Легота, Дольный Кубин – Орава)⁸⁸. Не исключено, что этимология сербскохорватского слова связана с корнем *strig-*.

Из других народных фразем с данной лексемой в словацком представлены: *stridzá huba* ‘дождевик’ (Zuberec); *stridzie huby* ‘šialené huby’ – ядовитые грибы, используемые ведьмами⁸⁹, а также *stridzie dni* ‘дни разгула нечистой силы, как привило, осенне-зимние календарные праздники свв. Андрея, Барбары, Микулаша, Люции, Томаша’⁹⁰.

Как писала Г.П. Клепикова, согласно ОКДА, «наиболее богатая семантика *StRIG- отмечается в карпатской зоне (включающей дакорумынский ареал)...»⁹¹. Представляется, что это не случайно, учитывая многосторонние межэтнические контакты.

***

Вторая лексема – **вештица/veštica** – является не только общекарпатской, но и общеславянской. Нас будет интересовать семантика данного слова в карпатском и балканском ареалах. Согласно Махеку,

чеш. *věštec, věštica, věštkyně*, ‘колдун, гадальщик’, ‘гадалка, ведьма’

мор. *věščica, věštka* ‘дикая женка’,

ляш., словац. *veštica*, вероятно ‘гадалка’,

словац. *veštec*,

пол. *wieszcz* ‘пророк’, *wieszczy*,

словен. *veščica* ‘ведьма’, *veščec* ‘колдун’,

с.-х. *vešt, -ica*

болг. *vešt, -ica*

Прсл. *věstь < *věd-ть* ‘знание’. Слово образовано от прилагательного *vješt* со значением «пророческий». Как отмечает Махек, в праславянском была также лексема *věštica* ‘ведунья, знающая, ведьма’, которая гадала о будущем, заговаривала⁹². Добавим еще ряд южнославянских лексем: хорв. *viščün* (Lumbarda, Korčula, Brač) и *veščica, višac* и *viška* (Liješće, Lika, Janjce, Krk, Lovran, Istra) = то же, что *vještac* m (ср. чеш. *věštec*) и *vještica* (Vuk) со значением ‘ведьма’ «(posudenice) copanjica (Жомберк), striga = strega f и štregun (Korčula) (Skok); с.-х. *veška, vešt, vešta, vešč, vešča, vještica, vješticina, vešičina, višičina, vješturak, viška*, серб. в Шумадин *вештица, вештицара*, в Среме *вештукара*, в Черногории *вѣштица*, макед. *вештера, вештерица, вештерка, вештица*, болг. *вещица, вещерица*⁹³.

На Карпатах слово представлено в моравско-валашском, словацком, польском, и наиболее многочисленными лексемами – в карпато-украинском: закарпат. *віщивник, віщувник, віщчиник*, мараморош. *віщун*, лемк. *віщор*, бойк. *віщий*, гуцул. *віщун, віщлун*. Распространены в говорах карпатского ареала также формы ж.р.: *віщунка, віщівниця, віща, віщлунка* (также в литературном языке: *віщівник, віщуватий, віщівниця, віщуха, віщок*). Основное значение указанных лексем ‘предсказатель; пророк; человек, знающий будущее; вещий’⁹⁴.

У южных славян названия типа *вештица* наиболее густо распространены в центральной части южнославянского ареала (Сербия, Воеводина, Босния и Герцеговина; реже, но обычно встречается в Хорватии и Болгарии). В Словении – спорадически (*veščca* наряду со *štrija* – Толмин, окр. Канала, *veščca* наряду с *štriga* – Каставский край, Хорватия)⁹⁵.

Этимология слова указывает на то, что первичным было значение ‘знающий’, ‘пророк’, сохранившееся в западно- и восточнославянских языках и диалектах. Хотя очень рано оно стало совмещаться с ‘колдун, ведьма’ на основе логики развития образа.

Рассмотрим синхронное состояние (XIX–XX вв.) семантики слов с данным корнем. В современном словаре словацкого языка представлены только значения *veštec* – ‘предсказатель, прорицатель, ясновидец’, *veštica* = *veštkyňa* ‘предсказательница; гадалка’⁹⁶. *Veštica* (р-н Б.-Быстрицы, Слов. Правно в Турчанской стол.) ‘кукушка’, ‘гадалка, предсказательница’⁹⁷.

Те же значения выделяют и словацкие этнологи. В обобщающей статье в «Энциклопедии народной культуры» читаем, что «в народной традиции **veštec** (*vedomec, vedomník, vražec, zemský boh, pánbožko, bača prorok*) – полудемоническое существо, человек со сверхъестественными способностями; мужское соответствие знахарки (*bohyni*), гадалки (*veštici*). Ему приписывали большие знания и способности, чем у других людей. Он предсказывал будущее, магическими средствами влиял на будущее, находил виновного или вора, лечил глаза и порчу, занимался по заказу любовной магией. В Замагурье и на Спише представления о «вештце» слились с фигурой «бачи» – ясновидца и целителя. В отличие от однозначно негативно оцениваемых действий стриг и стригоней, знания и действия «вештца» оценивались как полезные и благоприятные»⁹⁸. Однако та же энциклопедия отмечает, что слово *veštenie* ‘гадание’ и ‘воздействие на будущее магическими способами’ в некоторых диалектах имеет значение ‘вредоносная магия’, ‘колдовство’ (*bosoráctvo*)⁹⁹.

Действительно, в ряде диалектов, в первую очередь, западных и северных, например, горальских, не только действие, но и персонаж *veštica* и *veštec* наряду с ‘знахарка, знахарь’ приобретают значение ‘ведьма, колдун’ (ср.: *veštica, veštkyňa* – устар. ‘по нар. представлениям знахарка, ведьма’)¹⁰⁰. По народным представлениям, эти люди, имея сверхсилу, могли по желанию или по чьей-либо просьбе также навести порчу и даже свести человека в могилу. Например, к их помощи обращались те девушки, которые полюбили женатого мужчину; которые не могли выйти замуж (их называли

osudenica – от *osud* ‘судьба, доля’); те, кто хотел наказать соседа, запахавшего или выкосившего чужую землю. *Beumeц* мог как наслать порчу (*porobit*), так и снять ее (*odrobit*) (Терхова, окр. Жилина, Орава)¹⁰¹.

По народным представлениям, считалось, что с такими способностями ребенок уже рождается: родившийся «в рубашке» или с зубами станет *veumцom*, и когда он вырастет, сможет, глядя через «прозрачное» стекло (*vizu sklenicu*), найти клады в земле (Зволен-Теков, ср.-словац.)¹⁰². Согласно архивным материалам Этнографического атласа Словакии, в восточнословацких областях рождение ребенка с **зубом** предвещает, что ребенок будет либо мудрым, знающим, либо колдуном – хотя положительная оценка, кажется, преобладает, напр.: будет либо знахарем (*veštec, vražko*), либо волколаком (*virkolák*) (Лютина, окр. Прешов); будет знахарем (*veščuk*) (Кохановец, окр. Гуменне); будет знахарем (*veštec*), иногда также ведьмой (*striga, strigôň*) (Торыски, Гричовце, окр. Сп. Нова Вес); знахарем и мудрым (окр. Прешова и Бардеева), пророком (*prorok*), раньше – также и ведьмаком (*strigoň*) (Уложа, окр. Сп. Нова Вес), знахарем (*vražec*) (Одорин, окр. Сп. Нова Вес, Яворнице, окр. Прешов, Нижна Воля, окр. Бардеев), мудрым, знахарем или ведьмой/ведьмаком (*veštec, striga, strigôň*) (Угорна, окр. Спишка Нова Вес, Бачков, окр. Требишов), знахарем (*viščec*) (Беловежа, окр. Бардеев), мудрым (Вапеник, окр. Свидник), будет все знать (= *garaboncás*) (Ладомирова Нова Веска, Затин, окр. Требишов), *veštec* (окр. Свидник, Кашов, окр. Требишов), *veštuch* (Слов. Кайня, окр. Вранов), *veščuch* (Славковце, окр. Михаловце, Велька Поляна, окр. Гуменне), *vorozyl'nyk* (Руский Поток, окр. Гуменне) и даже считалось, что при рождении такого ребенка «в деревне будет голод» (Чертижне, окр. Гуменне). В Средней Словакии рождение ребенка с зубом предвещало его мудрость, а в Западной это сулило его скорую смерть (окр. Галанта, Трнава).

Некоторые словацкие поверья о рождении ребенка с необычными знаками имеют соответствия в южнославянских традициях. Например, полагали, что рожденный с зубом ребенок будет знахарем (*veštec*) (окр. Пов. Быстрица, Чадца, Нове Замки, зап.-словац.) или мудрым, но *об этом в течение 9 дней нельзя никому говорить* (Зубак, окр. Пов. Быстрица); ребенок будет *veštec*, если этот факт *удержали в секрете* (Приекопа, окр. Михаловце, Руска Нова Вес, окр. Прешов, Стретава, окр. Михаловце, окр. Свидник, в.-словац.); если *скажут кому-либо*, что ребенок родился с зубами, то ребенок умрет в течение года (Карна, окр. Гуменне, с.-словац.)¹⁰³. Мотив оповещения или просто передачи чужим людям информации об особенностях ребенка находит соответствие у южных славян, правда, там по отношению к детям, родившимся «в рубашке» и считавшимся колдунами, морами¹⁰⁴. Но если у южных старались оповестить село о рождении колдуна и тем самым защитить и самого ребенка, и все село, то у словаков, наоборот, рекомендовалось никому не говорить об этом, чтобы ребенок стал мудрым, вещим.

Еще одним соответствием южнославянской традиции является наличие в Словакии такой балканской особенности, как поверье о том, что «рубашка»

приносит счастье не только родившемуся в ней ребенку, но любому человеку, который носит ее при себе¹⁰⁵. В Западной Словакии верили, что «если ребенок родился «в рубашке» (*v čerpeku* или *v košielke*), то он будет уметь лечить болезни; часто бабка-повитуха крала «рубашечку», потому что верили, что она приносит счастье» (Вельки Дюр, окр. Левице, ср.-словац.); если ребенок родится с «чепцом» на головке, он будет счастливым, но если кто-нибудь заберет «чепец», то он будет несчастным (окр. Галанта). Аналогично и в Восточной Словакии: рожденное в «чепце» дитя будет счастливым, «чепчик» откладывали, пока ребенок не вырастет, но если этот магический предмет попадет в чужие руки, то руки эти «счастье заберут» (Грабовец, окр. Гуменне)¹⁰⁶.

В целом же рождение ребенка в «рубашке» (*v kapke*, *v sercoku*, *v čarpi*, *v čerpi*, *v klobúčku*) в Словакии оценивалось положительно: дитя будет счастливым (Золна, окр. Зволен, Гельпа, окр. Брезно, Ломна, окр. Б. Штявница), будет богатым (Гуты, Липт. Микулаш), будет мудрым и счастливым; рекомендовалось носить «рубашку» с собой (Липт. Ян, окр. Липт. Микулаш); если родившийся «в рубашке» носит ее при себе, он будет иметь счастье (*serenču*) (Беловежа, окр. Бардеев).

Предсказание того, что ребенок будет обладать особыми знаниями (будет *veštec*), было связано и с наличием у него двух макушек (*dve "hviezdy" na hlave*) (в селах Средней Словакии). В целом этот признак оценивается амбивалентно в духе оценки числа «два».

У моравян также считали, что рождение «в рубашке» давало ребенку дух провидения: кто родится *v lůžku* (*košilka*, валаш. *ložisko*), будет сильным, неуязвимым и будет иметь способность все видеть, и духов, и привидения¹⁰⁷, однако эти способности не называли терминами с корнем *vešt-*.

«В Моравии вештицами и вештцами (*věštice* и *věšťači* (*zvěšťači*)) называют «диких людей». Они маленькие и неопрятные, живут в полях и могут превратиться в различных зверей. Поскольку дети у них уродливые, они крадут у людей их красивых, которых хорошо кормят и радуются им. Дети «вештицы», которых она подбрасывает взамен, уродливы, гологлавы, с большой головой и большим животом, они не растут, не разговаривают, только нюют и мяукают, и много едят. Избавиться от них можно только битьем младенца»¹⁰⁸. В моравско-валашском диал. *vješčka* = *divoženka*, *polednice* (дикая женка, полудница)¹⁰⁹, а *vješčák* – подброшенный ребенок, подкидыш¹¹⁰, причем прозрачно восстанавливается семантика ‘подкинутый вешткой’, той самой дикой женкой.

В польском *wieszczy* – устар. ‘ведьмак’ (*wieszczek*, *wieszczka*, *wieszczycz*, иногда также ‘упырь’, ‘упырица’), *wieszczba*, *wieszczbiarz*¹¹¹. Еще более де-монологизируется образ всего в кашубском, но эта территория выходит за рамки карпатского ареала.

Таким образом, на запад и на север от Словакии – в восточно-моравском и южно-польских диалектах отрицательные коннотации преобладают.

На восток от Словакии корень *vešt-* имеет два значения: 'предсказатель/ница', 'гадалка' и 'колдун, колдунья'. Для украинской карпатской зоны КДА дает комментарий только для значения 'колдун, колдунья' (карта № 117), которое отмечено по обе стороны Карпат: в Львовской, И.-Франковской и Закарпатской областях (в пп. Любинцы, львов. (*вішчунка*); Брустури, ив.-фр. (*вішчун*); Лопухово, Кушница, Веряца, Холмовец, Калник, Порошкова, Поляна, Турица, Дубринич, Кострина закарпат. – *вішчу(ў)ница*, *вішч'у(ў)ник*. Представлены также значения 'предсказатель(ница) погоды' – *вішчіўник/ца* (Вонигово, Колочава Лаз, Лопушный, закарпат.) и 'человек, предчувствующий будущее' – *вішчуўніц'а* (Страбичево, закарпат.) и фразеологизм (проклятие): *віщівниця би т'е ум'ела* (Козакивка, львов.) с отрицательной семантикой существительного¹¹².

Южнославянская вештица предстает в описаниях страшной, вампирической ведьмой, что отражают уже лингвистические словари: **вѣштац**, *вешца*, ижск. *вѣштац*, м – 'человек, имеющий сверхъестественную силу, который с помощью злых духов делает людям зло, злой дух (*злудух*), здухач (*здухаћ*). **Вѣштица**, ижск. *вѣштица*, ж. 1. женщина, которая, по народным поверьям, может делать людям зло. 2. перен. злая, сварливая женщина; озорница 3. зоол. вид ночной бабочки *Sphinx*, мн. ч. – род таких бабочек¹¹³.

У южных славян, «по народным верованиям, вештицей становится женщина, продавшая душу дьяволу или в которую вселился дьявол, зачатая в особую, роковую минуту, рожденная «в рубашке» (красной, кровавой и т.п., появившаяся на свет в последнюю фазу луны и т.п. <...> Для В<ештицы> характерно оборотничество <...> Считается, что пока В<ештица> спит, ее душа летает в виде бабочки и вредит людям. Подобно здухачам, В<ештицы> управляют градовыми тучами и дерутся друг с другом, защищая посевы своего села от градобития, в то время как их тела спят (о. Брач)»¹¹⁴. Вештица отбирает молоко у коров, урожай с полей, во многом схожа с вампирами: «она душит по ночам и пьет кровь людей и животных, питается мертвечиной, поедает сердца, вынутые ею из детей, похищает плод из материнской утробы или из чрева коровы и т.п. В Черногории считали, что желающая стать вештицей, должна была прежде съесть своего ребенка, а затем уже могла поедать чужих детей. <...> О внезапно умершем (не болевшем до того) ребенке говорили: «*Проклятые вештицы выпили его сердце*»¹¹⁵. Как пишет А.А. Плотникова, функция «пить кровь» или «поедать младенцев» для южнославянской ведьмы не является обязательной, хотя «представляет собой отличительный признак южнославянской традиции в отличие от восточно- и западнославянских аналогов»¹¹⁶. Эти особенности южнославянской ведьмы встречаются, правда, с меньшей интенсивностью, в русской традиции¹¹⁷, однако их генезис еще предстоит выяснить.

В славянских Карпатах вампирическими функциями обладают ведьмы с заимствованными именами (отчасти и функциями) – *стрига* и *босорка*, в связи с чем *вештица* сохраняет (или приобретает?) по преимуществу положительную или нейтральную оценку, по крайней мере, ей не приписывается

злокозненность. Подтверждением аутентичности такой семантики персонажа *veštica* мог бы служить и факт, что в словацком языке ни словари, ни В. Важный, специально занимавшийся сбором диалектных названий бабочек, не зафиксировали ни одного названия с корнем *vešt-*. Не отмечено оно и в КДА для украинского языка. В то время как на славянском юге это значение широко распространено, ср.: *viščarica* (Далмация, Полица) 'древесное насекомое', *vještica* (Шулек) 'ночная бабочка', *veščica* (чакав. Истрия) 'ночная бабочка, *strižica*', *viška* (Корлевичи) 'ночная бабочка'¹¹⁸. С.-х. диал. *vještica*, *viščica*, *věščica* или *stržica* 'ведьма' и 'мотыль, особенно ночной'; словен. *veša*, *věšča*, *věščka* 'ведьма', 'блудичка' и 'ночная бабочка', *věščec* 'колдун, ведьмак' и 'вечерняя бабочка', болг. *вещица* или *вещерица* 'русалка', 'ведьма' и 'ночная бабочка'¹¹⁹. (Ср. также «этномологические» значения рассматриваемого корня на русской территории: забайк. *ведишь* 'слепень'¹²⁰, дон. *ведьма* 'насекомое стрекоза', 'разновидность саранчи'¹²¹).

В таком случае положительные коннотации, представленные у словацкой вештицы, следует считать специфической карпато-славянской чертой. Семантические сдвиги данного образа у поляков и моравян можно объяснить трансформацией его в другой персонаж – «дикую женщину» (*divá ženka*), вампира, – а также маргинальностью образов злых «карпатских» ведьм *стриги*, *босорки*. В украинских Карпатах *вищица* хоть и демонстрирует значение 'ведьма', но оно не включает вампиризма, а превалирующей все же является семантика 'предвидения, пророчества'.

В качестве продолжения исследования данной темы было бы интересно определить наличие в славянских языках рассматриваемого арсала лексем, образованных от корня *ved-*, родственного *veic-* (подобные словац. *vedma*, *vedomes*, *vedomník*, *vedomkyňa*, укр. *відьма*, *відьмиці*, гуцул. *віжлун* – *віжлунка*, хорв. *ved*, болг. *veda*, хорв. *vidina*), установление их семантики; а также роль синонимичного корня *zna-* (словац. *znachor*), функционально синонимичных корней *bog-* (словац. *bohýňa*), *mudr-* (словац. *múdra žena*) и подобных, особенно в связи с распространением и внедрением в славянскую традиционную культуру христианства.

Примечания

¹ См., напр.: *Погорелов В.* Болгаризмы в карпатоукраинских говорах // Научный сборник в память Е.И. Сабова. Ужгород, 1935. С. 3–7; *Панькевич І.* Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді // *Slavia*, роč. XXIV, seš. 2–3. Praha, 1935. S. 211–240.

² *Дзедзелявський І.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР. Лексика. Т. 1–2. Ужгород, 1958, 1960.

³ *Български диалектен атлас.* София, 1964.

⁴ *Stieber Z.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. I–VIII. Łódź, 1956–1964.

⁵ *Malecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934.

⁶ *Бернштейн С.Б., Илич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

⁷ *Общекарпатский диалектологический атлас.* Вып. 4. Львов, 1993.

- ⁸ Нимчук В.В. Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // ОЛА 1984. М., 1988. С. 294–313.
- ⁹ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Персонажи «низшей» мифологии в архаической картине мира: Балканская картина мира в этноязыковом и культурно-историческом аспекте // Сов. славяноведение. 1989. № 4. С. 73–75; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К сравнительному изучению мифологических персонажей: вештица и ведьма // Балканские чтения – 1. Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 112–116; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Л.Н. Виноградова. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 27–67; Левкиевская Е.Е. Материалы по карпатской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 251–262; Левкиевская Е.Е. Балканский слой в карпатской мифологии. Тез. доклада // В поисках «балканского» на Балканах. Балканские чтения – 5. Тез. и материалы симпозиума. М., 1999. С. 90–91; Плотникова А.А. Южнославянская народная демонология в балканском контексте // Studia mythologica Slavica. № 1. Ljubljana, 1998. С. 119–130; Плотникова А.А. Ареальный метод в поисках балканского на Балканах (на материале мифопоэтической лексики и терминологии) // Балканские чтения – 5. В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999. С. 52–54; Плотникова А.А. Народная мифология южных славян в ареальном аспекте // Регіональні аспекти фольклору і літератури славянських народів. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Гомель, 2004. С. 290–294; Плотникова А.А. Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 7–19.
- ¹⁰ Чеховський І.Г. Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону. Чернівці, 2001.
- ¹¹ Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- ¹² Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- ¹³ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Т. 1, 2. [Bratislava], 1995.
- ¹⁴ Atlas slovenského jazyka / Hl. autor a vedúci pracovnej skupiny J. Štolc. D. 1–4. Bratislava, 1968–1984.
- ¹⁵ См., например: Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Sv. Martin, 1906; Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974; Krajčovič R. Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981; Habovštiak A. K otázke genézy slovenských nárečí. Slavica Slovaca 13, 1, 1978. S. 43–56; Habovštiak A. Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov (so zreteľom na lingvistickú geografiu). Bratislava, 1993.
- ¹⁶ Валенцова М.М. Словацко-южнославянские связи: этнолингвистические параллели // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003. С. 17–28.
- ¹⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1–4. М., 1995 – 2009.
- ¹⁸ Archív textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava.
- ¹⁹ Клепикова Г.П. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского striga (štriga) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 94–95.
- ²⁰ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 220–221. (Ссылки на источники в авторском тексте у нас опущены.)
- ²¹ Ibid. С. 648–651.
- ²² Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 89.
- ²³ Atlas slovenského jazyka / Hl. autor a vedúci pracovnej skupiny J. Štolc. D. IV. Č. 2. Bratislava, 1984. S. 232–233.
- ²⁴ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. Wyd. 2. S. 523.
- ²⁵ Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 88.
- ²⁶ Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львов, 1993. С. 40.
- ²⁷ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 2010.

- ²⁸ *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 88–89.
- ²⁹ Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львов, 1993. С. 40.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 89. (Со ссылкой на Верхратского.)
- ³³ Етимологічний словник української мови. Київ, 2006. Т. 5. С. 440.
- ³⁴ Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львов, 1993. С. 40.
- ³⁵ Румынско-русский словарь / Под ред. Б.А. Андрианова и Д.Е. Михальчи. М., 1954.
- ³⁶ *Свешникова Т.Н.* Волки-оборотни у румын // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 217.
- ³⁷ Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львов, 1993. С. 40.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 89.
- ⁴⁰ *Клепикова Г.П.* Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского striga (štriga) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 94–95.
- ⁴¹ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 649.
- ⁴² *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 89.
- ⁴³ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 648.
- ⁴⁴ *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 89.
- ⁴⁵ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 221.
- ⁴⁶ Archiv textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 50.
- ⁴⁷ Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 70–71.
- ⁴⁸ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5. Статья «Стрига» (в печати).
- ⁴⁹ См., напр.: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 27–67.
- ⁵⁰ Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969. S. 328.
- ⁵¹ Archiv Etnografického atlasa Slovenska. Ústav etnológie SAV, Bratislava.
- ⁵² Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969. S. 328.
- ⁵³ *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976. S. 137.
- ⁵⁴ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 2. S. 202.
- ⁵⁵ *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. S. Martin, 1880. S. 116.
- ⁵⁶ Gemer–Malohont. Národopisná monográfia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 370–371.
- ⁵⁷ Archiv textov Ústavu etnológie SAV, inv.č. 763.
- ⁵⁸ *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca (Univerzita Komenského). S. 140.
- ⁵⁹ Slovenský národopis. R. 3. Bratislava, 1972. S. 500.
- ⁶⁰ *Michálek a kol.* Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989. S. 282–283.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 2. S. 202.
- ⁶³ Archiv textov Ústavu etnológie SAV, inv.č. 763.

- ⁶⁴ Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969. S. 330.
- ⁶⁵ Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu. Martin, 1928, № 2. S. 63.
- ⁶⁶ Gemer–Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 370–371.
- ⁶⁷ Michálek a kol. Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989. S. 282–283.
- ⁶⁸ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 2. S. 202.
- ⁶⁹ Dobšinský P. Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. S. Martin, 1880. S. 116.
- ⁷⁰ Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969. S. 330.
- ⁷¹ Archív textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 763.
- ⁷² Gemer–Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 370–371.
- ⁷³ Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923. S. 651.
- ⁷⁴ Archív textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 763.
- ⁷⁵ Michálek a kol. Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989. S. 282.
- ⁷⁶ Archív textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 790.
- ⁷⁷ Blagoeva-Neumanová T. Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózná práca (Univerzita Komenského). S. 149–150.
- ⁷⁸ Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923.
- ⁷⁹ Archív textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 763.
- ⁸⁰ Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923.
- ⁸¹ Archív textov Ústavu etnológie SAV, inv. č. 790.
- ⁸² Slovenský národopis. R. 3. Bratislava, 1972. S. 500.
- ⁸³ Гуря А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 431.
- ⁸⁴ Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 88–92.
- ⁸⁵ Ibid. S. 91.
- ⁸⁶ Ibid. S. 83.
- ⁸⁷ Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1976. Књ. 6. С. 6.
- ⁸⁸ Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 160.
- ⁸⁹ Ibid. S. 92.
- ⁹⁰ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 2. S. 202.
- ⁹¹ Клепикова Г.П. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского striga (štriga) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 96–98.
- ⁹² Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 2010. S. 686.
- ⁹³ Раденковић Љ. Називи *veštiце* код балканских словена // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 380–381.
- ⁹⁴ Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. С. 63, 70–71.
- ⁹⁵ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 646, 648–657.
- ⁹⁶ Veľký slovensko-ruský slovník. Díel V. Большой словацко-русский словарь. Т. V. Bratislava, 1995.
- ⁹⁷ Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923. S. 766–767.
- ⁹⁸ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 2. S. 298.
- ⁹⁹ Ibid. S. 299.

- ¹⁰⁰ Slovník slovenského jazyka / Red. Š. Peciar. D. 5. Bratislava, 1965. S. 74.
- ¹⁰¹ Časopis muzeálnej slovenskej spoločnosti. Turčianský Sv. Martin. 1907. № 1. S. 10.
- ¹⁰² Ibid. 1900. № 1. S. 8.
- ¹⁰³ Archív Etnografického atlasu Slovenska. Ústav etnológie SAV, Bratislava.
- ¹⁰⁴ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 167.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 166.
- ¹⁰⁶ Archív Etnografického atlasu Slovenska. Ústav etnológie SAV, Bratislava.
- ¹⁰⁷ Jančář J. a kol. Lidová kultura na Moravě. Strážnice–Brno, 2000 (Vlastivěda moravská. Zeme a lid. Nová řada, sv. 10). S. 169.
- ¹⁰⁸ Бăјеслові слованскé. Napsal Dr. J. Máchal. V Praze, 1907. S. 100.
- ¹⁰⁹ Slovník valašského nářečí. Valaško-český (электронный ресурс).
- ¹¹⁰ Ibidem.
- ¹¹¹ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. Wyd. 2.
- ¹¹² Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В. Карпатский диалектологический атлас. С. 179.
- ¹¹³ Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967. Књ. 1. С. 366.
- ¹¹⁴ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 367.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 218.
- ¹¹⁷ Ср., напр., рус. *вещица* I. колдунья, гадалка, ведьма, оборотень (юж.-сиб., сиб.); «*Вещица – ведьма; она в трубу вылетает, у спящей женщины распарывает брюхо, вынимает младенца и съедает; летает сорокой*» (перм.) (Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф.П.Сороколетов. Вып. Л., 1969. 4. С. 228). *Вещица, вещицунья, вещицуйка*. В муж. р. *вещец, вещьель, вещиц* (ср. *вещба* 'заговор'). Вещица кладет свое тело под ступу, а сама сорокой улетает в трубу. Поэтому и саму сороку могли называть вещицей, как ворона – вешуном, ворону – вешуницей. Вещица выкрадывала ребенка из утробы спящей матери, разводила огонь на шестке, жарила и съедала его, а взамен похищенного дитяти клала в утробу голик, головню или краюшку хлеба (Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 86).
- ¹¹⁸ Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Suradivao V. Putanec. Т. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- ¹¹⁹ Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 83.
- ¹²⁰ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. С. 70.
- ¹²¹ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 40.

VII. Традиционная духовная культура славян

Т.А. Агапкина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Изофункциональность и синонимия в фольклоре, верованиях и обрядах, связанных с деревьями*

Abstract:

Agapkina T.A. *Isofunctionality and synonymity in folklore, beliefs and rituals related to trees*

Basing on the Slavic folklore, beliefs and rituals related to trees and bushes, the present article considers the problem of isofunctionality and synonymity of cultural symbols, which belong to the same class. It examines, to what extent association of certain botanic sort of trees with a particular plot (text, belief) influenced on its image in traditional beliefs and folklore.

Ключевые слова: славянская мифология, дендросимвол, поверье, фольклор, синонимия, изофункциональность.

В славянской народной традиции деревья и кустарники являются субъектами, объектами и инструментами множества верований, фольклорных текстов, обрядов и магических практик. Понятно, что для того чтобы в этих текстах, верованиях и обрядах увидеть и распознать проявления изофункциональности, надо взглянуть на весь этот материал, если так можно выразиться, парадигматически, т.е. сопоставить между собой многочисленные варианты соответствующих обрядовых действий или сюжетов, лежащих в основе верований и фольклорных текстов. Естественно, что при таком взгляде на проблему фольклорной синонимии, или изофункциональности, речь пойдет не о межкодовой, а о внутрикодовой синонимии, т.е. об изофункциональности элементов, принадлежащих к одному классу символов – классу деревьев и кустарников, которые мы называем дендросимволами (в отличие от фитосимволов, к которым относятся цветы и травы). Иными словами, мы будем рассматривать фольклорные тексты, мифологические верования и обряды, в которых в качестве изофункциональных элементов выступают разные породы деревьев.

В конечном итоге основной вопрос, который в этой связи будет интересовать нас в первую очередь, заключается в следующем: насколько включение той или иной ботанической породы дерева (дендросимвола) в определенный сюжет (текст, верование, обряд) влияет на развитие этого сюжета, а также на образ дерева в традиционных верованиях и фольклоре? Если проанализировать гипотетические ответы на этот вопрос, то окажется, что

---

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-00267а).

возможны два основных варианта развития событий.

В одних случаях тексты и обряды оказываются совершенно «безразличны» к выбору определенной породы дерева в качестве субъекта или объекта этого текста или обряда, поэтому на «главную роль» в конкретном фольклорном тексте или обряде может быть выбрано одно из целого ряда деревьев (подобные ситуации мы будем называть внутрикодовой контекстной синонимией). В других случаях определенный текст или обряд оказывается довольно жестко связан с одной или несколькими ботаническими породами.

Рассмотрим первый случай, когда **в текст может быть включено фактически любое дерево из целого ряда и они (т.е. этот текст и это дерево) никак друг на друга не влияют.**

Таков, например, сюжет о мистификациях «Музыканты на свадьбе у чертей»: черти в человеческом облике встречают по дороге музыкантов, возвращающихся домой, и просят их поиграть у них на свадьбе, обещая хорошо заплатить. Музыкантам кажется, что они играют в красивом доме, после чего их якобы укладывают в постели и дают много денег, однако наутро они просыпаются в лесу, например, под дубом, а вместо денег у них в кошельках – дубовые листья, см. соответствующую быличку: «Два музыканты було красиво очень ыграли на скрипках и бубнар быў трэтий, и йих уси звали на свадьбэ, они так красиво ыграли. И вот приходьть хлопцьў цыла пачька, двинацт чиловик. Красиво поодеваны, такэ паньчи: «Дяде, пошли с намы, вы нам поыграете, мы погуляемо. Мы вам заплотим, шо вы, не знаю, сколько денег получите! Мы вам нэ будэм лычить, а прамо, кажэ, вот такыми пригоршчачи накладэмо вам тых дэнег, и вас спаты положымо, и всё». И воны согласилися, воны йих повэзли, вэзуть воны, вэзуть йих и завэзли в такэй дом красивый завэзли, и воны як зайграють, а воны все пийдуть у тих чэботках, танцовали, танцовали, танцовали, ужэ здэсь после пивночи, ужэ воны пэрэстали танцовати, да йих положили спаты у такэй пух, кажэ, положили, у таке койкы положили. И кажэ, мы лэгли спаты, и правда, йшче як танцовали да ужэ коньчили, так ужэ воны йим грошы прынэслы, ужэ да прамо пригоршчачи каждому на припил сыплють тые грошы, подавали грошы да, кажэ, положили у таки пух, у таке койкы, файна изба, так поодевали йих так файно и кажэ вон: Мы, кажэ, спимо, спимо мы, а повставали мы врано, а воны в такому лисы, под таким дубом воны лэжить и лысту под головами, и лыстом понакрывали йих, а грошы то йих, шо то воны ложыли у кошэлик, ужэ тые грошы клали, то самый лыст, лысту того наложили йим. И кажэ, поўставали врано, выбрались с того лиса. И то праўда, то сваты колись рассказвали»¹.

В этом сюжете на месте дуба могут фигурировать любые деревья, т.е. любые элементы этого ряда, которые в контексте данного конкретного сюжета оказываются изофункциональны. Для понимания природы таких случаев принципиально важно следующее: сюжет заканчивается именно на том, что человек обнаруживает себя на/под/рядом с дубом, вербой, березой, липой и

т.п., и этот выбор одного дерева из ряда других никак не влияет на сюжет рассказа, с одной стороны, и не имеет никаких «последствий» для данного дендросимвола, – с другой (дерево не приобретает новых качеств, это событие не мотивирует его название или особенности внешнего облика и т.д.).

Помимо мистификаций, подобный тип изофункциональности (изофункциональности «без последствий») можно обнаружить в целом ряде других верований и сюжетов, относящихся к деревьям и кустарникам. Еще одной важной особенностью сюжетов, подпадающих под рассматриваемый случай, является частая подмена видовых символов (дуб, береза, осина и др.) родовым (дерево вообще, корч, куст, пень и т.д.). Такое развитие событий можно встретить в тех же быличках о свадьбе чертей, ср.: «...мужичок, подвыпивши, вечером возвращался с пирушки в свою деревню пешком. Вдруг попал ему какой-то человек, назвавшийся земляком и пригласивший к себе на перепутье. Когда наш мужичок зашел в дом..., то увидел там большое общество танцующих гостей и принял сам участие в танцах... Но когда мужичок... побожился, то все виденное им исчезло. Сам он стоял под колесом мельницы... Кругом его торчали обгорелые пни, а он после пляски среди этих пней оказался весь забрызган грязью» (Вологодская губ. Тотемский у.)².

Подмену широкого ряда символов, заменяющих друг друга в рамках одного сюжета, родовым символом «дерево» можно встретить также в поверьях и запретах о том, под каким деревом нельзя прятаться во время грозы. Инвариант этого поверья примерно следующий. Направляя молнию в дерево, Бог преследует прячущегося в нем черта, поэтому под деревом (вообще или каким-то определенным) нельзя скрываться в грозу, ср.: «Як громить, трэба хрэсціцца. Гром убивае нечыстаго. Он ховаецца пад грушай, пад вербоу, пад дубом. Ховаецца у людзін. Надо хрэсціцца і чытаць: „Отче наш“, як грэміт. Нечыста сіла веде у бедствіе»³; «Када гроза, чорт і ў дрэву ховатца. Ні пад якім дрэвам ні прытаца – там нячысты»⁴.

Подобный тип изофункциональности мы называем **широкой контекстной синонимией**. Впрочем, даже такая синонимия, впрочем, допускает отдельные исключения. Например, среди поверий об отбирании молока ведьмами есть сюжет об отбирании его с помощью колышка или другого острого предмета, воткнутого в дерево. Как правило, в этом сюжете фигурирует любое дерево, дерево вообще или даже нечто, сделанное из дерева, например, хлев, см.: «Это ведьмы так делают. Молоко доить: колок забивает, из того колка бежит молоко. У дерево любое» (Черниговская обл.)⁵. Однако иногда в этом сюжете возникает элемент поверхностной мотивированности, которая объясняет выбор дерева, но никак не влияет на сюжет поверья или былички. Из всех ботанических пород более систематически выбирают именно березу (ср. выражение *з березы напіцца*⁶), что объясняется белым цветом ее коры, совпадающим с цветом молока, а также тем, что из березы добывают сок, также иногда похожий по цвету на молоко.

Таким образом, в рамках широкой контекстной синонимии каждый от-

дельный дендросимвол (ботаническая порода) в рамках того или иного конкретного сюжета оказывается изофункционален целому ряду других, видовых, символов, а также родовому символу «дерево».

Близкий случай, когда речь также идет о выборе одного из многих изофункциональных символов, представляет собой так называемая **междиалектная синонимия**, когда, казалось бы, ничем не мотивированный выбор конкретного дерева (выбор, осуществляемый также в рамках одного сюжета) на самом деле является особенностью данного этнокультурного или фольклорного «диалекта». В качестве примера можно привести поверья о том, какие деревья нельзя сажать у дома. Сплошной просмотр ответов на соответствующий вопрос программы Полесского этнолингвистического атласа («Какие деревья нельзя сажать у дома?») показывает удивительное разнообразие такого выбора: одно и то же дерево, как правило, фигурирует в ответах, полученных в нескольких соседних селах, и при малейшем перемещении меняется и выбор ботанической породы. Поэтому в ответах именно на этот вопрос программы в целом упоминается максимальное количество деревьев и кустарников, известных в Полесье.

До некоторой степени противоположный случай представляет собой **нулевая синонимия**, когда некоторые сюжеты отдают безоговорочное предпочтение одной определенной породе дерева и никакого выбора одного из целого ряда элементов данного класса не происходит. Рассмотрим два примера. Как известно, в восточнославянских быличках и магических предписаниях, связанных с «ходячими» покойниками, одним из наиболее радикальных способов остановить «ходячего» покойника является кол, который надо воткнуть в могилу, в тело покойника, а также в землю перед входом в дом и в другие места. С.М. Толстая, обозревая в свое время полесские поверья о «ходячих» покойниках, проанализировала ответы на соответствующий вопрос программы Полесского этнолингвистического атласа «Что делали, чтобы покойник не ходил?». В результате выяснилось, что если в поверье, быличке и магическом предписании речь идет об этом самом коле, который надо во что-то воткнуть, то этот кол почти наверняка будет осиновым (вне зависимости от того, идет ли речь об апотропейческой или превентивной магии). Так, если обобщить материалы, который приводит С.М. Толстая, то видно, что из 51 упоминания о таком коле в 43 случаях имеется в виду именно осиновый кол, еще в 5 – просто кол (без уточнения породы дерева) и по одному случаю приходится на дуб, березу и липу⁷. Аналогичных сюжетов и ситуаций известно довольно много, и хотя, конечно, озвученный принцип допускает какой-то небольшой процент нарушений (когда одно дерево редко и случайно подменяется другим), общий принцип безвариантности, или нулевой синонимии, сохраняется. При этом мотивация такой безвариантности в поверьях и магии отсутствует, и основанием для выбора оказывается устойчивый символический статус осины как самого «плохого», негативно нагруженного и опасного дерева восточнославянского дендрария.

Второй, казалось бы, аналогичный пример, напротив, демонстрирует

устойчивую тенденцию к сюжетной обусловленности такого «однозначного» выбора. Во всех славянских традициях известны поверья и рекомендации касательно того, под каким деревом можно прятаться во время грозы. К таким деревьям, опять же во всех славянских традициях, безусловно принадлежит лещина, в которую, как полагали, молния не попадает. В подобных случаях сюжет обычно строится от некоего события (чаще всего, легендарного, но необязательно), рассказывающего о «соучастии» лещины в судьбе Св. Семейства, которому она оказала услугу, укрыла, спасла и т.д. В таком тексте всегда имеется корреляция между символическим образом лещины (и подкрепляющим этот образ сюжетом) и следующей за этим рассказом рекомендацией. Христос ходил по земле и питался орехами, поэтому черт никогда не прячется под лещиной, и «перун» в нее не бьет (Гродненская губ.)⁸. По легенде из центральной Польши, Богородица с младенцем, убегая от Ирода, спрятались под осиной, но та дрожала от страха, и поэтому Мария перебежала под лещину, которая укутала ее ветвями; за это Христос сделал так, что осина дрожит даже при хорошей погоде, а под лещиной можно укрыться даже в грозу, поскольку гром туда не бьет⁹, и т.д.

Синонимия в рамках группы дендросимволов (внутригрупповая синонимия). Изофункциональность деревьев разных пород зачастую бывает мотивирована до некоторой степени формальными факторами, такими как вечнозеленое, плодовое, дикорастущее и т.д. Эти факторы являются структурообразующими, или дифференцирующими, поскольку, действуя в масштабах определенного класса символов, они формируют внутри него отдельные группы, связанные неким общим признаком. Деревья (или дендросимволы), составляющие каждую такую группу, а именно – группу вечнозеленых, плодовых, колючих, крупных/высоких, «женских» или «мужских» и т.д., выступают синонимами в сходных фольклорных и обрядовых контекстах. Этот случай изофункциональности характерен не для фольклорных или мифологических, а прежде всего для обрядовых контекстов и к тому же высоко частотен. Приведем несколько примеров, хотя их количество легко может быть умножено.

- А. Это, например, изофункциональность вечнозеленых деревьев и кустарников типа ели, сосны, пихты, можжевельника, даже тиса и т.п., которая особенно ярко проявляется именно в тех ритуальных контекстах, для которых актуальна идея вечной жизни, присущая этим растениям благодаря их свойству оставаться зелеными круглый год, т.е. в похоронном ритуале и сопутствующих ему обрядах и верованиях. Из ели и сосны часто делали гроб; у восточных славян повсеместный характер получило обыкновение бросать еловые и сосновые ветки (реже – ветки пихты, можжевельника и др.) по дороге к кладбищу – перед гробом, так и после него; повсеместно ветвями хвойных украшали гроб; у поляков сосновые ветки использовали для украшения Гроба Господня в Страстную пятницу и т.д.¹⁰
- Б. Это также изофункциональность дикорастущих ягодных кустарников,

таких как рябина, крушина, калина, черемуха, дикая вишня и нек. др. У восточных славян все эти кустарники используются в ритуалах заговаривания зубной боли. Чтобы излечиться от нее, рекомендовалось пойти к такому дереву или кустарнику, встать перед ним на колени, помолиться, поцеловать дерево и пообещать не причинять ему вреда: не есть ягод, не ломать ветвей, не рубить и не жечь. Так, в Костромской губ. при зубной боли надо было «закаяться» есть ягоды какого-нибудь такого кустарника. «Я закаялась есть черемуху, – рассказывала местная жительница, – а закаямшись, подпоясала ее [черемуху. – Т.А.] поясом и по три зори ходила прощаться с нею – и каждый раз давала ей по три поклона, а сама приговаривала: *Прости, матушка, черемуха! Тебе мой пояс не терять, мне тебя не есть, а зубам моим не болеть*. И посичас не болят. Можно и рябину закаяться не есть, хоть калину, всё одно, только уж закаяться чтобы... по зорям прощаться... и всё такое»¹¹. Ср. белорусскую формулу, после произнесения которой надо было поклониться дереву и поцеловать его: *Прысягаю табе, крушынка (вярабынка, вишанька, калінка), што вавек цыбе ня буду ні крушыць, ні ламаць*¹². После совершения этого ритуала названным в такой обетной формуле деревьям нельзя было причинять никакого вреда, иначе дерево бы «наказало» нарушителя обета вечной зубной болью. Как и в предыдущем случае, именно ботаническое сходство этих кустарников (дикорастущие и ягодные) приводит к тому, что в соответствующем лечебном ритуале и связанной с ним системе запретов (рубить, ломать ветки, срывать и есть ягоды) эти кустарники оказываются изофункциональными.

- В. В том же ключе можно рассматривать изофункциональность деревьев, женских или мужских по грамматическому роду их названий. Так, для сведения парня и девушки (женщины и мужчины) в славянской любовной магии использовали отвар, настоянный на шепках, отколотых от деревьев в том месте, где срослись друг с другом мужское и женское деревья: *дуб и береза* (реже – *рябина, крушина*), *бук и пихта* (*buk и jodla*) и т.д. Или другой пример: в части поверий о том, как объясняли детям, откуда они берутся, сообщается, что их якобы находят на деревьях (обычно на самых разных). При этом девочкам, как правило, говорили, что их нашли на «женских» деревьях (яблоне, груше, березе), а мальчикам – что на мужских (дубе, клене): «Сидела на березе девочка, а хлопчик – на дубочку»¹³.
- Г. К этому случаю относится также изофункциональность плодовых деревьев, которая, в частности, проявляется в известном всем славянам святочном обычае. За несколько недель до Рождества девушки (или другие домочадцы) ставят в воду ветки плодовых деревьев (вишни, яблони, груши и др.); считается, что если они зацветут к Рождеству, девушка в грядущем году выйдет замуж, а остальным домашним это предвещает долгую жизнь, благополучие, успех в делах и т.д.¹⁴

И, наконец, последний случай, о котором пойдет речь, – когда **включение определенного дерева в определенный сюжет, влияет на статус этого дерева, определяет его символический облик**. Как правило, по этому сценарию строятся этиологические легенды, рассказывающие о происхождении отдельных особенностей тех или иных деревьев и кустарников. Назовем этот тип **мотивирующей синонимией** и продемонстрируем его на двух примерах.

А. В рамках этого типа синонимии, в частности, могут рассматриваться легенды и другие виды нарративов на тему о том, на чем (точнее, на каком дереве) повесился Иуда. В рамках этого легендарного сюжета, как правило, упоминаются демонические, нечистые деревья, т.е. дендросимволы, отягощенные отрицательными коннотациями, такие как осина, бузина, верба и нек. др., хотя и не только они. Легенда обычно строится таким образом. Сначала сообщается о том, что Иуда, ученик Христа, предавший его, повесился на том или ином дереве, а затем в легенде называются негативные свойства и особенности, якобы приобретенные этим деревом вследствие этого события. «Гэта ж чортава дзерава. Гэта грэшнае дзерава... Як Ісуса Хрыста распялі, на гэтым дзераве павесіўся Іўда, учанік яго, ці брат яго... Гэтае дрэва трасецца пастаянна, гэта грэшнае дзерава» (Витебская обл.)¹⁵. В польских легендах Иуда повесился на бузине, и с тех пор поэтому ее ветки и ягоды имеют якобы трупный запах¹⁶. В Словении рассказывают, что Иуда повесился на вербе (определенного подвида). Именно поэтому этот подвид, во-первых, называют *искариотовка*, а кроме того, объясняют этим событием красный цвет ее ветвей – они якобы покраснели от стыда за свершившееся злодеяние и отклонились от ствола дерева так, что предатель упал на землю¹⁷. Украинцы верили, что Иуда повесился на березе, с тех пор она плачет (чем объясняется появление весной березового сока)¹⁸.

Б. Спор Бога с сатаной при сотворении мира. Один из сюжетов этих легенд рассказывает о том, как дьявол, соперничавший с Богом при сотворении мира, пытался создать из глины/дерева волка/лиса и попытался натравить животное на Бога, но волк/лис послушался не его, а Бога и укусил черта; в результате кровь от прокушенной пятки черта попала на дерево. Записи показывают, что этим деревом в легендах может быть ольха или осина. При этом выбор одного из двух синонимов не мотивирован (во всяком случае не очевиден), однако он обуславливает появление у каждого из этих двух деревьев определенных качеств – красноватой древесины у ольхи (от попавшей на нее крови черта) и дрожащей листвы осины (от страха, испытанного чертом), ср. две типовые легенды. Дьявол создал волка, но не мог оживить его, тогда черт крикнул: «Huziu, buziu, wiłku, na Pana Boga!» (Давай, волче, ради Бога!) Но волк не пошевелился. Тогда он крикнул: «Huziu, buziu, wiłku, na dyjabła!» (Давай, волче, иди к черту!) Волк вскочил, а дьявол страшно испугался и бросился прочь. Рядом

росла осина, которая увидела страшный облик дьявола и затряслась так, что трясется до сих пор (Хечнаровице, юж. Польша)¹⁹. Господь Бог создал собаку, а дьявол, соперничая с ним, захотел создать лиса. Вылепил его из глины и закричал: «Huzia, Voga!», но лис не пошевелился. Тогда бог крикнул: «Хватай Дьявола!», и лис вскочил и бросился за дьяволом. Последний попытался забраться на ольху, но лис настиг и укусил его. Вот эта кровь теперь на ольхе и древесина у нее красная (Жешовский пов.)²⁰.

***

Итак, в рассмотренном выше материале, а именно – в фольклорных текстах, верованиях и обрядах, касающихся деревьев и кустарников, изофункциональными элементами являются единицы онтологически одного класса (кода), а именно деревья. Изофункциональность таких элементов становится очевидной фактически только при сопоставления разных вариантов (разных записей) одного и того же сюжета (фольклорного или мифологического) или обряда. Мы видели, что в каждом конкретном случае, т.е. в конкретном тексте, поверье, обряде, обязательным является выбор одного из изофункциональных элементов данного класса, и без такого выбора этот сюжет или этот обряд не может быть реализован.

Если же говорить о самой синонимизации как культурном механизме, то очевидно, что, действуя в рамках одного кода, синонимизация в некоторой степени выполняет структурирующую функцию, точнее говоря, она позволяет увидеть закономерности во внутренней организации этого класса символов, обнаружить векторы притяжения, неочевидную и окказиональную парность некоторых деревьев (например, березы и осины) и т.д. Этот механизм, т.е. механизм синонимизации, в определенной мере позволяет понять, какие сюжеты, связанные с деревьями, действительно значимы для мифологии той или иной ботанической породы, а какие относятся скорее в целом к дереву как культурному символу, т.е. обнаруживает тяготение отдельных ботанических видов (в их культурной ипостаси) к родовым или видовым проявлениям.

И последнее. Если синонимия, или изофункциональность, представляет собой одну из форм взаимоотношений элементов определенного класса, выступающих в сходной позиции в сходных контекстах, то в принципе небезынтересно посмотреть, какие еще отношения могут связывать единицы того же ряда, т.е. чему, собственно, может быть противопоставлена синонимия (если речь идет о символах одного класса). При линейном развертывании текста такой выбор (выбор одного из нескольких синонимов) необязателен, и в этой ситуации отношения деревьев могут строиться по крайней мере двумя способами.

Во-первых, деревья могут выступать культурными **антонимами**, т.е. **семантически противопоставляться друг другу**. Таковы, например, отношения, связывающие лещину и кизил в формулах, которые адресуют на

Балканах новорожденным. При рождении в хозяйстве ягненка и жеребенка, а также при появлении на свет ребенка все домашние стремились как можно быстрее поднять его с земли, и первый, взявший его на руки, произносил: «Пусти лескову, узми дренову» [Пусти ореховое, возьми кизиловое]²¹. Тем самым только что новорожденного физически отрывали от земли (которую символизировала лещина, семантически связанная с нижним миром и сферой хтонического), призывали его как можно быстрее оставить эту сферу (*пусти лескову*) и начать расти и крепнуть (*узми дренову*), что в свою очередь связано с семантикой кизила как дерева здоровья и крепости.

В других контекстах лещина противопоставляется осине. Так, в словацкой легенде о бегстве Св. Семейства в Египет рассказывается о том, как по дороге они были застигнуты грозой и пытались спрятаться под осиной, но осина подняла ветви, и они промокли. Следующей они увидели лещину, которая укрыла их от грозы, в благодарность за что Богородица наделила лещину плодovitостью, а осину страхом и трепетом²².

И, во-вторых, помимо антонимических, в рамках одного варианта дерева могут выступать как **дополняющие друг друга партнеры**. Такие отношения часто связывают персонажей баллад и преданий о превращении человека в дерево. В болгарской легенде рассказывается о рождении от брака девушки со Змеем детей – двух мальчиков и девочки. Девушка рождает этих детей и живет со Змеем, но дети хотят вернуться к людям и выдают братьям матери, как найти дом Змея. За это мать проклинает их, и дети превращаются в деревья: сыновья – в дуб и ясень, а девочка – в осину с вечно дрожащей листвой²³. В западнобелорусском предании рассказывается о матери, которая также прокляла свою дочь, и в результате дочь превратилась в осину, а мать с горя и тоски – в плакучую березу²⁴.

Примечания

¹ Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва (далее – ПА), Нобель Заречнянского р-на Ровенской обл.

² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 39.

³ ПА, Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.

⁴ ПА, Присно Ветковского р-на Гомельской обл.

⁵ Народная демонология Полесья. Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2010. № 136.

⁶ Народная демонология Полесья... С. 63.

⁷ Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 151–205.

⁸ Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej. Kraków, 1897. Т. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Slonima, Lidy i Sokółki. № 561.

- ⁹ *Siarkowski W.* Podania i legendy o zwierzętach, drzewach i roślinach // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Lwów, 1883. Т. 7. S. 117.
- ¹⁰ См.: *Агапкина Т.А.* Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2011. С. 379–387.
- ¹¹ *Левашев А.* Отрывки из моего дневника // Руководство для сельских пастырей. 1877. Т. 3. № 47. С. 414.
- ¹² *Демидович П.П.* Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2–3. С. 130.
- ¹³ ПА, Замоще Лельчицкого р-на Гомельской обл.
- ¹⁴ Об этих обрядах см.: *Копержинський К.* Календар народної обрядовості новорічного циклу // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. 1929. Вип 3. С. 45–49.
- ¹⁵ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 2 / Уклад. У.А. Лобача. Наваполацк, 2011. № 896.
- ¹⁶ *Kultura ludowa Wielkopolski / Pod red. J. Burszty.* Poznań, 1967. S. 529.
- ¹⁷ *Менцеј М.* Врба – посредник између овог и оног света // Кодови словенских култура. Београд, 1996. Бр. 1. С. 31–35. С. 33.
- ¹⁸ *Усачева В.В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В.Б. Колосова. СПб., 2010. С. 152.
- ¹⁹ *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Cz. 1 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1882. Т. 6. S. 281.
- ²⁰ *Saloni A.* Lud łańcucki // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1903. Т. 6. S. 253.
- ²¹ *Мијатовић С. М.* Обичаји српскога народа из Левча и Темнића // Српски етнографски зборник. Београд, 1907. Књ. 7. С. 162.
- ²² *Усачева В.В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев... С. 133.
- ²³ Странджа. Материална и духовна култура. Софија, 1996. С. 223.
- ²⁴ *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej... S. 567.

К вопросу о липованских иконах

Abstract:

Inikova S.A. *Concerning the Lipovans icons*

The article considers the topic from the ethnographic point of view: what was the idea of an icon and its role and place in religious, ritual, family and household life of the Old-Believers; how were the cults of saints reflected in icon-worship; and which were the specific features of worshipping, were there any local peculiarities caused by the ethnically alien surrounding?

Ключевые слова: иконопись, липоване, конфессиональная идентичность, старообрядцы.

Изучение липованской иконы началось совсем недавно и, к сожалению, пока мало продвинулось вперед. Поскольку тема эта поистине неисчерпаема и многогранна, а изучение ее находится на стадии накопления материала, нащупывания подходов и узловых вопросов, то полагаем целесообразным представить свои полевые наблюдения об иконах, иконописании и иконопочитании у румынских старообрядцев, полученные в ходе двух экспедиций (в 2009 г. в Буковину и в Молдову, а в 2010 г. – в Добруджу). Эти наблюдения отрывочны и касаются почти исключительно домовых икон информантов, но, возможно, для тех, кто занимается или собирается заняться изучением липованских икон, они будут полезны.

Нас интересовали этнографические аспекты темы: представления об иконе, ее роль и место в религиозно-обрядовой, семейной и хозяйственной жизни старообрядцев, отражение культов святых в иконопочитании и специфика иконопочитания, локальные особенности, связанные с проживанием в иноэтничном окружении.

Исследователи обратили внимание на генетическое родство липованских и ветковско-стародубских икон и высказали мнение, что именно под влиянием последних сложился особый липованский иконописный стиль¹. Иконы из Ветки и Стародубья, в большом количестве попадавшие к старообрядцам Юго-Восточной Европы в XVIII – начале XX вв., и сейчас не являются редкостью в церквях и домах румынских липован. Наряду с ними в Добрудже, Буковине и Молдове встречаются иконы из российских иконописных центров (из Палеха, Мстеры, Холуя и др.)², которые привозили добравшиеся до Молдавии и Валахии, а затем Румынии, офени, а отчасти и сами старообрядцы-переселенцы и липоване, ездившие в Россию по торговым делам и на поклонение святыням. Однако во второй половине XIX в. и особенно в XX в., а к этому периоду относится большинство обследованных нами домовых икон, их фонд в домах старообрядцев Добруджи в основном пополнялся трудами собственных иконописцев. Произведения добруджинских мастеров попадали в Молдову и Буковину, где, видимо, своих иконописцев было значительно меньше.

На домашних иконостасах румынских липован, кроме писаных образов, можно видеть литые иконы и кресты, причем, у нас сложилось впечатление, что у буковинских липован (села Липовень, Климоуцы, Мануиловка) они преобладают. Возможно, в этот регион с центром в Белой Кринице в начале XX в. поступала в большом количестве продукция старообрядческих литейных мастерских из России или здесь были свои литейщики.

В настоящее время среди липован Румынии сохраняется живая традиция иконописания. По словам самих *иконников*, как здесь называют иконописцев, в 1970-е – начале 2000-х гг. в этой области работали человек 12–15. Во всей Буковине иконы пишет единственный мастер, проживающий в с. Липовень. Зато в Добрудже иконники есть в г. Тульче, селах Сарикёй, Слава Черкесская, Журиловка, Каркалиу, в том числе несколько священников. Нам довелось встретиться с иконописцами из Липовени, Сарикёя, Журиловки, Славы Черкесской и побеседовать с бывшим иконником (писал до 1969 г.) из Гиндерешта. Трое работают поодиночке, а с одним с 15 лет работает ныне уже взрослый сын.

Иконописец из Липовени до революции 1989 г. работал в г. Сучава художником-оформителем, после революции расписывал сундуки, а потом взялся писать иконы. Не обладая специальной подготовкой, он, тем не менее, поновляет иконы и копирует старые образцы, которые приносят заказчики.

Двое иконников из Добруджи – потомственные иконописцы и учились у своих отцов, третий – из семьи священника и прошел подготовку у мастера в Тульче. Добруджинские иконописцы имеют печатные и рукописные *подлинники*³ и определенную богословскую подготовку. На заказ они пишут единоличные образы и многоличные иконы или, как выразился мастер из Славы, «мелочь», что очень дорого ценится.

По образу жизни иконописцы мало чем отличаются от остального населения – это вполне мирские люди. На вопрос о требованиях, которые предъявляются к ним в силу особенностей работы, один из собеседников честно признался: «Где-то они описаны, а кто же их читал?» Но потом все же в числе обязательных требований назвал утреннее и вечернее моление («начал»), соблюдение праздников и воскресных дней и, самое главное, – запрет на курение.

Время от времени на Соборе верховные иерархи устраивают для иконописцев нечто вроде экзамена, проверяют, насколько они канонично пишут, выдают им лицензии на право заниматься иконописным делом, расписывать старообрядческие церкви.

В основном иконописцы работают на заказ. Иконник из Славы Черкесской часть продукции отвозит на машине перекупщикам в Браил, которые потом развозят ее по липованским селениям дельты Дуная.

Все иконописцы пишут на древесно-стружечной плите, преимущество которой заключается в том, что она не коробится. Бывает, что заказчик приходит со своей старой доской, изображение на которой уже нельзя поновить. Все используют покупные краски и кисти. Цена больших по размеру, сложных многофигурных икон и икон-целейников очень высокая и достигает до

1 тыс. евро, но иконник из Славы признался, что ни одной за эти деньги пока еще не продал, и они висят как образцы в его мастерской. Обычно заказывают за 500–800 лей. Изредка те, кто работают за границей, покупают за 500 евро.

Никакого греха в покупке-продаже новых икон современные иконописцы и покупатели не видят, а вот продажа родительской иконы или своей благословенной – это большой грех, но ее можно подарить. Большим грехом, по словам одного из иконописцев, является отказ заказчика от написанной по его просьбе иконы, и такие люди вскоре тяжело заболевают или даже умирают.

Иконники белокрыницкого согласия пишут иконы и для беглопоповцев, а иконник-хатник⁴ из Славы пишет и для беглопоповцев, и для белокрыницких, и для хатников. Как объяснил мастер из Сарикёя, крест у всех толков восьмиконечный, а это главное. Однако в конце 1990-х гг. вопрос о допустимости такой ситуации всё же встал на повестку дня на Соборе белокрыницких иерархов. Тогда возобладала точка зрения митрополита Молдавского Нафанаила, который отозвался о возможности выдачи лицензии иконописцу-хатнику следующим образом: «Я вам покладу один вопрос: мы имеем наместника, кто работает эту работу так? Мы ему запретим, если мы имеем в нашем обществе на место его. А если не, скажи ему: “Бог благословит”. Нехай работает. Не можно запретить. Это ему Бог дал работу, а мы не имеем права ему запрещать». Липованские мастера берутся писать и по заказу частных лиц, принадлежащих к другим христианским церквям, в частности – к румынской православной.

Иконник в современном липованском обществе продолжает играть большую роль в формировании и поддержании культового почитания тех или иных святых, поскольку многие заказчики полностью полагаются на его знания, рассказывают, с какой целью заказывают икону, и советуются, какого святого или святых избрать в том или другом случае. Иконник переводит просьбу заказчика с обыденного языка на язык иконографии и выступает в некотором роде посредником между профанным и сакральным миром.

* * *

Нас в первую очередь интересовали заказные иконы, так как в поводах для обращения заказчика к иконнику, в выборе сюжетов и их трактовке, в отношении к такой иконе особенно ярко проявляется локальная специфика.

Среди заказных икон значительно преобладают написанные «на брак», т.е. предназначенные специально для благословения родителями своих сыновей и дочерей в день венчания. Было принято, особенно у беглопоповцев, заказывать иконы для маленьких детей, если они болели, были в младенчестве не в меру беспокойны или если уже в детстве проявились плохие черты их характера, с которыми было трудно справиться самим. Иконы заказывали и заказывают по обету люди, страдающие тяжелыми заболеваниями или

излечившиеся по молитве, те, кто чудом избежал несчастья или спасся от смерти. Очень часто обетная икона предназначалась для передачи в церковь.

Среди липованских домовых икон встречаются изображения единоголичного образа, иконы с многоличной композицией и многочастные, прежде всего, четырехчастные иконы. Последние, так называемые «на четыре клетки», особенно популярны у липован Добруджи. Такая икона состоит из четырех икон на одном поле, композиционно соединенных расположенным по центру Распятием или помещенными в медальоне Ангелом-Благое Молчание (др. название «Иисус-Благое Молчание»), Троицей, Спасом Нерукотворным или образом какого-либо почитаемого святого.

В Добрудже на полях заказных икон местного письма, как правило (кроме случаев, когда заказчик заказывает икону исключительно для себя), изображены в рост святые, имена которых носят заказчик, члены его семьи и человек, для которого она предназначена, иногда еще и ангел-хранитель того, кому адресована икона. Тезоименитых святых заказчика и его домочадцев часто писали на полях, если икона предназначалась и для передачи в церковь. В селениях Буковины иконы со святыми на полях встречаются реже, и число святых обычно невелико: чаще по одному на правой и левой сторонах.

Традиция изображать святых на полях икон не является исключительно липованской⁵. О.Ю. Тарасов объясняет помещение тезоименитых святых на периферии православных икон, в отдалении от сакрального центра нежеланием смешивать сакральное и мирское⁶, т.е. тезоименитый святой остается связанным с земным миром. Стоит обратить внимание на то, что никогда тезоименитой не выступала Дева Мария, что, несмотря на огромное по размаху почитание в России свт. Николая, очень долго в народе было не принято нарекать мальчиков этим именем. Видимо, по народным воззрениям, тезоименитство снижало статус святости.

Все наши информанты называли тезоименитого святого своим ангелом, ангелом-покровителем, но четко отличали его от ангела-хранителя. Как объяснил иконник из Сарикёя, первый – это тот, «кто зашел в святость, а жил на земле», а второй, – «он с небесов», поэтому и изображали его только в белых одеждах. Несмотря на небесное происхождение, ангела-хранителя писали тоже на периферии сакрального пространства – на полях, возможно, по причине его связи с земным человеком, которого ангел-хранитель опекает, сидит у него на правом плече, плачет о его грехах и радуется за него. В клеймах же изображали высших по рангу архангелов.

Когда разговор заходил об избранных святых, написанных на полях икон, то наши собеседники очень часто прямо говорили, что это их родители: «На крае пишут родителей, кто благословляет»; «Сбоку они кладут матку, батьку и ангела того, кого благословляют» (с. Слава Черкесская), хотя при дальнейших расспросах поясняли, что это не сами родители, а их тезоименитые святые. В сознании людей, молящихся перед иконой, происходит слияние образов этих святых и вполне реальных, часто еще живых людей.

Святые на полях изображаются в молитвенных позах, предстоящими образу или образам на иконе, как бы молящимися за того, кому она предназначена.

Изобразить тезоименитых святых можно, по словам иконников, и на самой иконе: например, на богородичных иконах «Покров» или «Всех скорбящих радость» поместить их среди избранных святых, созерцающих Богородицу, так как ее «видели не одни какие-то святые». Изредка такие заказы поступают, но в этом случае сразу исчезает легко читаемая информация от кого и кому предназначена икона, а наши собеседники неоднократно указывали на ее важность. В качестве примера приведем высказывание пожилого жителя Сарикёя: «Дитёнок возрастает, и он себе дожидает долю <...> Это на радость человека делали родители, память на совокупление. *Наменение* – кладётся отец и мать. *Наменяют* икону до брака детей, то [на иконе] имя дитёнка и ангела (тезоименитый святой и ангел-хранитель. – *С.И.*), кладется отец и мать», а если «на брак», то часто еще тезоименитая святая (ангел-покровитель) будущей жены. Информант особо подчеркнул высокий смысл такой наменённой иконы: «Человек имеет перед собой ангела, родителей и Бога». Если в семье сохранились благословенные иконы нескольких поколений, то образы святых на полях складываются в родословную.

При разнообразии сюжетов домовых икон, после их внимательного изучения проявляются определенные закономерности в выборе тех или иных святых, иконографических типов и изводов, прочитывается некий подтекст, характеризующий конкретную семью и в то же время – всю сельскую общину и липованское сообщество в целом.

Исследователь Г.Г. Нечаева писала об изображении святых на иконах: «Мы не имеем права говорить о некоем утилитарном использовании “богодуховенных образов”»⁷. Это красивые слова, но на самом деле, разве что особо религиозно одаренные люди могут любить Бога и его святых абсолютно бескорыстно. Обычно даже глубоко верующий человек либо просит о чем-то, либо благодарит за что-то, и икона, которая воспринимается как место соприкосновения земного и Горнего миров, через которую мольбы грешного человечества доходят до Вышнего мира, является необходимым звеном в этой бесконечной цепи просьб и благодарностей. И в свете сказанного, для того чтобы стало понятным, как осуществлялся в прошлом и осуществляется ныне выбор сюжетов для заказных икон, мы хотели бы обратить внимание на постоянно встречающиеся, когда разговор с липованами Добруджи заходит об иконах, слова «наменить» икону, «наменённая» икона.

Ю.Е. Горбунов связывает их этимологию со словом «менять», поскольку исстари считалось, что икону грех продавать или покупать за деньги и ее меняли на деньги⁸. Действительно, в древнерусском языке XI–XVII вв. слово «наменить» означало «обменять на что-либо», а применительно к иконе – «купить»⁹. И по свидетельству документов начала XVIII в. палехские крестьяне ездили в Волошскую и Сербскую землю «для промена икон»¹⁰.

Вполне логично предположить, что употребляемое современными липованами слово «наменить» и производное от него – «наменённая» имеют то же самое значение – обменять, купить, выменянная икона.

Однако мы обратили внимание, что эти слова употребляются только применительно к иконам, написанным на заказ, хотя это наблюдение требует дальнейшей проверки. Липоване Добруджи скажут «наменить икону», а не «заказать» или «написать икону». Один из информантов высказал предположение, что слово «наменённая» произошло от слова «наименованная», так как на полях икон изображены тезоименитые святые дарителей и одариваемого, т.е. на полях указаны имена тех, от кого и кому она предназначена.

В древнеславянском и в русском языке «наменить» имеет не только значение «обменивать», но и «называть», а в украинском языке «наменить» (или найменувати) – это «наименовать». Но в этих языках есть еще и третье значение – «назначать», «предназначать»¹¹, причем оно есть и в других славянских языках: сербохорватском, словенском, македонском¹². По нашим наблюдениям, слово «наменить» современные липоване Добруджи используют в нескольких значениях: «заказать, написать икону», «предназначить ее» и «наименовать ее», причем, при кажущихся на первый взгляд различиях, смысл всех этих слов сливается воедино, дополняя и раскрывая друг друга: заказанная (наменённая) икона предназначена (наменена), а раз есть заказчик и есть цель, то икона имеет «отправителя» и «получателя» – наименование (наменение).

Наменённая икона может быть заказана верующим для себя. Если она написана по обету, то это благодарность изображенным на ней Господу Богу, Богородице или святому. Но чаще всего она написана по заказу родителей для детей, и это их благопожелание. И тогда вполне понятно стремление заказчиков пожелать и здоровья, и благополучия в доме, и чтобы не погиб напрасной смертью, да чтобы и в семье все было хорошо, чтобы скот водился и т.д. Надо заметить, что в сербохорватском языке «наменить» может употребляться и в смысле «пожелать».

Как сказал информант из Сарикёя, «выбирали тех святых, кто мог помочь в проблеме», и, действительно, каждый заказчик подбирал святые образы или особые иконографические изводы, по молитве которым с большей степенью вероятности могло претвориться в жизнь его пожелание счастливой доли. И не случайно на одном из клейм четырехчастных икон нередко пишут образ архангела Рафаила, считающегося подателем доли, естественно, счастливой. Делая пожелания своему ближнему, трудно обойтись одной фразой и, может быть, поэтому так часто именно среди благословенных икон встречаются иконы «на четыре клетки».

Ю.Е. Горбунов объяснял распространение именно этого типа иконы среди липован тем, что на ней «зримо или незримо присутствовал символ креста, организующий композицию»¹³. Четырехчастная икона – это, кроме того, оптимальный вариант расположения в одном сакральном пространстве сразу нескольких покровителей, так как икона с большим количеством

клейм обошлась бы заказчику значительно дороже. По этой причине и раньше и теперь редко кто заказывает иконы-целebники, хотя «святости» на них собрано больше.

Набор пожеланий заказчика, а соответственно и выбранных им образов и сюжетов, должен был соответствовать предназначению иконы («на брак», для излечения, учебы, проводов в армию и т.д.); зачастую выбор зависел от пола адресата, а в отдельных случаях – его возраста.

«Я уже знаю, что стоит мой дитёнок, какие его пороки, – говорил старообрядец из Сарикёя. – И тогда я наменяю такую икону, чтобы он молился, чтобы Бог избавил его от этого порока. Вот, например, Богородица “Утоли болезни”, “Всем скорбящим радость”, “Умягчение злых сердец”. Разные, разные. И значит, родители наменили эти иконы, зная хорошо характер своего ребенка <...> Если он злой, то не будут же родители благословлять “Утоли болезни”, а закажут “Умягчение злых сердец”». Плохо успевавшему ребенку школьного возраста родители обычно заказывали святых Косму и Дамиана, покровительствующих учению, но если они строили далеко идущие планы и мечтали о более серьезном образовании для своего ребенка, чем просто школа, то на благословенной иконе в клейме или в медальоне писали образ Василия Великого. Юношу, уходившего на службу в армию, раньше благословляли иконой, на которой был образ Михаила Архангела или Георгия Победоносца.

Для икон, предназначенных для бракосочетания, существует «женский» и «мужской» набор образов и сюжетов. Правда, в большей мере это касается Добруджи. В Буковине и Молдове (по крайней мере, в тех селениях, где мы были) на гендерный аспект в выборе святых и сюжетов обращали мало внимания. Липоване г. Тырку Фрумос, г. Ботошан, сел Липовень, Климоуцы и Мануиловка могли благословить жениха иконой Богородицы, а невесту Николой, Спасителем. По словам информанта из с. Липовень: «Абы икона была, икона бы была святая». Жили бедновато, детей в семьях много, однако все же полагали, что если есть возможность, то лучше благословить молодую одной из икон Богородицы, особенно «Покровом» (в русской календарно-праздничной традиции день Покрова пресвятой Богородицы прочно связан со свадебной обрядностью) или Тихвинской, а жениха – Николой или Спасом.

В Добрудже более внимательно относились к выбору икон для благословения молодых, хотя опять же – всё по достатку. По опросам информантов, для благословения молодого чаще выбирали иконы с одним сюжетом: образом свт. Николая Чудотворца, «Вседержителем», «Царь Царем», «Троицей» (новозаветной), «Воскресением Господним», реже – иконы «на четыре клетки», в которых помещали клейма с «Вседержителем», Николаем Чудотворцем, Иоанном Предтечей, Харлампием и др. Обычно хотя бы одно из клейм «мужской» иконы занимает образ Богородицы: чаще – «Утоли болезни»; реже «Умягчение злых сердец» (так называют икону Божьей Матери Ченстоховской), «Нечаянная радость» и др.

Молодую в Добрудже особенно часто благословляли «Покровом». В с. Журиловка издавна свадебной считается икона «Союзом любви связуемы апостолы»¹⁴. Далее идет Богородица Федоровская, помогающая при родах. Тихвинская икона Божьей Матери, оберегающая младенцев, популярна не повсеместно.

Среди «женских» благословенных икон значительно преобладают четырехчастные. В виде клейм на них присутствуют богородичные образы, почитавшиеся до раскола – «Федоровская», «Тихвинская», «Казанская» и др. – и появившиеся уже после раскола: «Домостроительница», «Всех скорбящих радость», «Утоли болезни», «Призри на смирение», «Нерушимая стена», «Живоносный источник» и др. Исследователи уже отмечали, как особенность религиозной культуры старообрядцев Юго-Восточной Европы, почитание ими богородичных иконографических изводов, появившихся после раскола¹⁵. Это в полной мере относится и к румынским старообрядцам. Иногда все четыре клейма благословенной «женской» иконы заняты богородичными образами.

Неоднократно нам встречались клейма со свв. Самоном, Авивом и Гурием – покровителями супружеской любви, а также со свв. Кириком и Улитой, которые, по словам наших собеседниц, охраняют от колдовства («злого очарования»), в которое липованки охотно верят.

Из образов святых мужского пола на многочастных иконах, предназначенных для девушек, очень часто помещают свт. Николая, который считается покровителем брака, дома и его обитателей, да и вообще во всем «скорый помощник»; изредка встречается образ Спаса, архангела Рафаила, а в Сарикее очень часто – Харлампия. Иконники говорили, что последнее время родители почти перестали специально перед свадьбой заказывать иконы для ребят, а для девушек это правило остается незыблемым.

* * *

Для народного православия русских характерно представление о соучастии домовых иконы в жизни семьи или отдельных ее членов: то она падает, предупреждая о грядущей беде, то Богородица ночью сходит с иконы и научает молитвам или говорит, где найти целительный родник, то человек, молящийся перед образом, видит, как святой или Богородица улыбается ему в знак поощрения или хмурится, порицая за что-то; иконы мироточат, плачут и вообще являются действующими субъектами. У румынских липован нам довелось услышать подобную историю только единожды. Потусторонний мир, в представлениях липован, не стремится являть людям чудо через иконы, которые, прежде всего, – моленные образы. Соучастие иконы в жизни людей, в жизни семьи имеет не столько чудесную, сколько нравственно-этическую основу: ее наменяют в переходные и сложные моменты, и она становится опорой в трудную минуту; или, заказывая ее, пытаются что-то

исправить, изменить в своей жизни; молитва перед ней и родословная на ее полях связывают потомков с «отцами» крепкими духовными узами.

Попытаемся проиллюстрировать сказанное одной яркой историей жизни, рассказанной нам стариком-липованином. Вопреки желанию «отцов», он взял в жены красивую, но бедную девушку из рыбацкой семьи, которая, к тому же, оказалась непривычной к тяжелой работе. Родители благословили его иконой, на полях которой написаны их и его тезоименитые святые и святая его молодой жены. Жизнь не заладилась, начались болезни, и к благословиению отца он добавил святых целителей Пантелеймона и Антипу. Когда дети выросли, и супругам было уже за 60 лет, жена фактически сбежала от нашего собеседника. Его мучила уязвленная гордость, обида, чувство стыда перед людьми и чувство вины перед «отцами» за непослушание. Хотя разводы среди липован не редкость, но в сельской местности они до сих пор не считаются нормой, особенно для немолодых людей. Чтобы суметь претерпеть эту обиду, брошенный муж заказал себе икону свт. Харлампия, претерпевшего мучения в глубокой старости, и молил его: «Священномучениче Харлампий, дай мне терпения. Я у тебе ничо не прошю. Утверди мене, как ты утвердился на 113 лет претерпеть и рвать шкуру на тебе. Так дай мне потерпеть, что у мене получилось». И хотя св. Харлампий давал терпения, но душа все же болела, и чтобы вычеркнуть из истории семьи свою блудную жену, он, наконец, наменил икону «Царь царем», на полях которой были изображены его святой покровитель и святые его детей и зятя, но не было святой покровительницы жены. В его представлении недостойная женщина была вычеркнута из памяти потомков и этим поставлена точка во всей истории.

Объединяющая и покровительствующая роль иконы в жизни семьи наглядно видна в особой форме иконопочитания, сложившегося в Буковине (села Липовень, Климоуцы, Мануиловка). Сами информанты полагают, что началось это с тех времен, когда после пожаров в церквях люди приносили туда свои домовые иконы и продолжали относиться к ним как к своим семейным святыням. Посещая церковь, они обязательно подходили к «своей» иконе, перед праздниками чистили и заправляли лампы маслом – «питали анделемом» (анделем – постное масло), а в с. Липовень – еще и «держали праздник», т.е. в день празднования церковью святого, праздника или определенного извода богородичного образа, которым была посвящена фамильная икона, члены семьи приходили в церковь и заказывали молебен, а потом делали обед для бедных одиноких стариков или раздавали милостыню, собирались своей семьей дома за общим столом.

Если икона по какой-то причине остается без хозяина, то священник предлагает прихожанам «взять» ее и держать праздник, или кто-нибудь сам подходит к нему и тогда между батюшкой и прихожанином состоится такой диалог: «Батюшка, дай мне одну икону, батюшка, я хóчу мать память, я хóчу служить». – «Вот эта (священник показывает на икону рукой. – С.И.) свободна, Ивана Богослова». И, по словам священника: «Обещаются, сколько смогут, служить» (с. Липовень). Чествование такой фамильной иконы – это

обет, данный перед Богом или его святым, неукоснительное исполнение которого связывает всех членов семьи разных поколений.

Эта традиция, правда, в меньших масштабах, сохраняется до сих пор. В 1990-е гг. липоване стали разъезжаться из сел на работу в города и за границу и, если никого из родных не остается в селе, то они оставляют в церкви или соседям бутылку масла, деньги на него, чтобы те налили в лампаду к их иконе.

В тех селениях Добруджи, где нам довелось побывать, нет обычая «держатъ праздник» или «кормить» в церкви фамильную икону, но те семьи, чьи предки когда-то дали обет, продолжают проявлять особое почтение к некоторым церковным иконам.

Икона, почитание которой носит обетный характер, воспринимается как покровительница семьи. Липоване говорят о таких иконах: «Всё даёт трошки спорости» (с. Мануиловка); «Я ей молюсь и помогает» (с. Климоуцы); «Покрывает (*покровительствует*. – С.И.), – и тут же, чтобы не обидеть другие иконы, – но это каждая икона покрывает, не только эта» (с. Климоуцы). Мы отметили некоторую сдержанность ответов в сравнении с тем, что и как обычно рассказывают по этому поводу православные.

Коль скоро речь зашла об обетном почитании икон, то стоит обратить внимание на обычай жителей с. Журиловка (Добруджа) выставлять икону «на прилох» (на прилог)¹⁶. Человек, который просит Бога, Богородицу или святого о помощи, обещается заплатить священнику за молебен, принести масло, муку для просвир, купить свечи и во время воскресной службы выставить определенную икону для всеобщей молитвы в церкви. Во время нашего пребывания в селе, на воскресной службе в церкви прихожанкой была поставлена «на прилох» икона святых целителей Космы и Дамиана. На подносе перед ней лежали дары и просвиры, которые народ быстро разобрал. Молебна на сей раз не было, но каждый, взяв просвиру и дар, помолился о здоровье больной. В этом обычае, когда все, находящиеся в церкви, а раньше это было почти все село, молятся вместе с этим человеком и за него, заложено мощное объединяющее начало, работающее на укрепление локальной идентичности жителей села.

* * *

Набор образов святых и иконографических изводов, представленных на домашних божницах липован, очень многообразен и широк. Необходимо тщательное исследование, охватывающее все места расселения старообрядцев в Румынии, чтобы составить классификацию икон и иконографии. Мы ограничимся рассмотрением только тех немногих образов и изводов, которые обратили на себя внимание своей локально-конфессиональной спецификой.

Без каких-либо статистических подсчетов совершенно очевидно, что лидируют иконы «пресвятой госпожи Богородицы», и особенно это заметно в Добрудже. Из святых повсеместно и наиболее часто на иконах встречается

свт. Николай Чудотворец. На божницах обычно можно увидеть его поясные изображения, реже – ростовые. Изредка встречается икона «Чудо Можайское» (Никола Можайский). В Добрудже информанты упоминали об иконе Николы отвратного, но нам не довелось увидеть ее в домах.

В селениях, расположенных около оз. Разин и на Дунае, население которых в прошлом почти поголовно занималось рыболовством, Николай Чудотворец, прежде всего, является покровителем рыбаков: «Он как рыбацкий батька. Он отвечает за рыбалок. Он, Никола, хранитель. *(А были случаи, что он помог?)* Были, много раз были. Ещё живы. Помогал. Только скажешь: “Господи, Никола, поможи”, и как не был нигде. *(А за это как его благодарили?)* И свечки даю, каждую воскресенье даю для Николы. Нехай свечечка горить» (с. Сарикёй); «Есть Никола отвратный и Никола зимний и летний. Для всего он хорош. И для рыбалки вовсе. Он же рыбалочка был, Никола» (с. Журиловка). Другие функции этого святого, о которых жители этих сел, конечно, тоже знают, как бы несколько отступают на второй план. Видимо, в недалеком прошлом свт. Николай воспринимался как небесный патрон рыболовецких сел.

Представления липован Буковины и селений Добруджи, не связанных с рыболовством, об универсальности и многофункциональности свт. Николая Чудотворца в делах помощи людям вполне укладываются в рамки общерусского восприятия образа этого святого¹⁷.

В Добрудже, наряду с иконами свт. Николая, приезжому из России человеку сразу же бросается в глаза большое количество икон сщмч. Харлампия. Э.К. Гусева обратила внимание на распространенность икон этого малоизвестного в России святого среди старообрядцев Брянщины и Гомельщины (район Ветки и Стародубья). Там, по ее словам, св. Харлампия почитали как покровителя скота и сельского хозяйства¹⁸. Популярность икон священномученика у старообрядцев-липован Придунавья отметили Ю.Е. Горбунов и Б.Г. Херсонский¹⁹. Позже Ю.Е. Горбунов писал о культе Харлампия у липован с. Карячка-Мирное в Одесской обл. и у старообрядцев – потомков некресовцев и отчасти румынских липован – с. Казашко в Болгарии²⁰. Горбунов считает, что первые липоване-переселенцы в Юго-Восточную Европу, столкнувшись с частыми на новых местах эпидемиями чумы и холеры, переняли культ святителя и великомученика у автохтонных народов, почитавших его как избавителя от тяжелых моровых поветрий. Позже, от липован-переселенцев культ святого перешел к старообрядцам Ветки, причем там «акцент в культе св. Харлампия был смещен с целительного на аграрный», поскольку в этом регионе борьба с эпидемиями не была настолько же актуальной, как на Балканах²¹.

У балканских народов сщмч. Харлампий действительно почитался, прежде всего, как борец с эпидемиями и эпизоотиями, однако, к нему обращались и как к покровителю земледельческого труда и подателю «изобилия пшеницы и вина». У украинцев локально его считали покровителем скота,

поэтому в день его памяти (10/23 февраля) святому молились о благополучии и приплоде домашних животных, кропили скот святой водой и т.д.

На Ветке, откуда, как уже говорилось, иконы в большом количестве попадали к липованам Добруджи, в рукописном подлиннике XVIII в. и на иконе святого были обнаружены подписи в виде молитвы, обращенной св. Харлампием к Богу: в первой – святой просит подать людям изобилие плодов земных, во второй он молит Бога сделать так, чтобы «идеже будет память моя почитаться, да не будет на том месте глад и мор или тлетворный воздух, погубляющ плоды, но да будет на месте том мир и телес здравие, и душам спасение, и изобилие пшеницы и вина и скотови умножение»²². На веткинской иконе-целебнике второй половины XIX в. рядом с клеймом имеется подпись о том, что свт. Харлампий избавляет «от внезапной без покаяния смерти»²³. Указания на то, по какому случаю молиться Харлампию, верующие могли найти в распространенном среди старообрядцев «Сказании, каковым святым какие благодати исцеления от Бога даны», в Четьях-Минеях²⁴.

Мы попытались выяснить, какими же функциями наделяют Харлампия липоване Добруджи. Наиболее широко известно, что Харлампий спасает от внезапной смерти: «Он от внезапной смерти без покаяния, чтоб не помер зря. Где-нибудь упадет человек и не успеет покаяться» (с. Слава Черкесская); «Когда мы уезжали из дома, всегда три поклона св. Харлампию (*чтобы не погибнуть в пути. – С.И.*)» (г. Тульча). Для старообрядцев смерть без покаяния и страшна, и грешна, поэтому обращение с молитвой к Харлампию и почитание его было очень актуально для добруджинских липован, проживавших в весьма беспокойном регионе.

Харлампию липоване молились о здравии скота, и наши информанты отмечали, что по молитве ему прекращается «скотский мор». Некоторые жители Сарикёя, увидев наш интерес к иконам святого, говорили, что их родители наменили иконы Харлампия, так как имели много скота. Возможно, репутация святого, спасающего скот от мора, прочно закрепилась за Харлампием в силу близости дня его памяти с днем памяти св. Власия (11/24 февраля), с иконой которого в России опахивали селения во время «коровьей смерти», перед иконами которого в церквях служили молебны о здравии скота. Еще недавно в с. Казашко (Болгария) во время эпизоотии старообрядцы обращались с молитвами к сщмч. Харлампию и ставили свечи к его иконе²⁵.

И, наконец, Харлампию, который, по выражению липован, «утоляет болезни», молились о прекращении эпидемических заболеваний.

Если сравнить размах почитания сщмч. Харлампия в Сарикёе, Журиловке, Славе Русской и Славе Черкесской, Гиндереште, ориентируясь на количество икон святого и отзывы о нем, то становится совершенно очевидным, что наивысшей степени расцвета его культ достиг в Сарикёе, где приблизительно 160–170 лет назад был установлен обетный праздник в его честь.

Жители Сарикёя до сих пор хранят в памяти рассказы, передававшиеся от поколения поколению, как и при каких обстоятельствах это произошло: «В Сарикёй зашла боль (*болезнь. – С.И.*) такая, что люди умирали, не успевали хоронить. Люди пришли в церковь и решили Бога просить. И подняли

феруги, иконы и пошли по селе, аж по степе, и молятся: «Священномученик Харлампий...» Просили за это <...> И когда обошли всю село, попросили и в Божьем доме просили, и перестали хворать. И когда дошли до шушавы, где свал идёт, на низ село, румынское село, и она как пошла, как завьла, прямо заголосила. Боль. Все слышали, завьла, заголосила как. Перестали умирать, а почали в том селе, куда она пошла. Это так Харлампий помог». После этого и стали праздновать день сщмч. Харлампия.

В рассказе матушки Исидоры – монахини беглопоповского согласия – речь шла не об эпидемии среди людей, а об эпизоотии: «Мор был, скотина сдыхала. И один дал в церковь бочонок вина на 30 ведер и бугая и сказал, чтоб сделали Харлампию храм (*праздник*. – *С.И.*). И с тех пор начали храм делать. И делали, и перестала дохнуть». Человеком, который предложил обратиться с мольбой к сщмч. Харлампию, был прадед (видимо пра-прадед) одного из наших информантов. В его рассказе говорится о заболевании, от которого «в этом селении дохла тварь вся: не только лошадя, не только коровы, не только овцы, – и птица, и люди». Предложив сделать Харлампию праздник, этот сарикёец говорил односельчанам: «<...> если мы его помянем, он нас не забудет».

Осталось невыясненным, была ли это эпидемия или эпизоотия. Возможно, в памяти людей соединились воедино массовые инфекционные заболевания людей и скота, имевшие место в разное время.

С момента установления праздника ежегодно 10 февраля в церкви служили молебн и делали общий обед. Каждый приносил хлеб, птицу, ягненка, теленка, кто что имел, и «составляли великий праздник». По словам информанта, все это было «до амвросевства», до того как началось разномыслие среди сарикёйцев. Белокриницкая иерархия была создана в 1846 г., но в Сарикёе ее приняли только во второй половине 1850-х гг. Поскольку к моменту разделения села на беглопоповцев и белокриницких обетный праздник уже достаточно прочно вошел в его жизнь, то предположительно он мог быть установлен в 1840-е гг. Несмотря на события тех лет, обет исполняли обе части села.

С конца XIX – начала XX вв. белокриницкие начали потихоньку забывать об обете. Вначале они отказались от общего обеда, а потом и от службы в церкви. Беглопоповцы долго держали праздник. В начале 1980-х гг. они перестали делать обед, но до последнего времени продолжали служить в церкви. После службы околоцерковные люди собирались и собираются в келье у монашек, живущих при церкви, и, по словам матушки Исидоры, «выпьют, закусят и поздравят Харлампия». В настоящее время сами беглопоповцы высказывают опасения, что нынешний священник откажется и от церковной службы Харлампию.

Мы полагаем, что культ сщмч. Харлампия попал к сарикёйским липованам все-таки с Ветки и из Стародубья, где он тоже мог иметь обетный характер. Писатель В.Г. Короленко, неоднократно бывавший у липован Добруджи, в частности в Сарикёе, отметил интересную для нас деталь: старообрядцев

в Добрудже называли не только липованами, но и «стародубщиной»²⁶, т.е. возможно, среди них было много переселенцев из Стародубья. В качестве гипотезы можно предположить, что именно описанная выше эпидемия или эпизоотия и последующий обет способствовали быстрому расцвету культа Харлампия в Сарикёе. Мы не отрицаем влияние балканской традиции, но считаем, что она стала, скорее, подпиткой для развития культа этого любимого на Балканах святого, чем причиной его принятия.

Обетное почитание этого святого в Сарикёе, видимо, способствовало росту его популярности и в других липованских селах Добруджи. Этим можно объяснить отсутствие у липован Добруджи почитания священнослужителя, как покровителя земледельцев, подателя земных плодов, ведь жители рыболовецкого Сарикёя первоначально практически не занимались земледелием, а жители земледельческих сел получили культ Харлампия в том виде, как он сложился в Сарикёе.

Щмч. Харлампий стал восприниматься как покровитель села, а его иконы приобрели характер патрональных. Его одиночные изображения и в клеймах четырехчастных икон и сейчас можно увидеть, если не во всех, то в очень многих домах Сарикёя. Подавляющее большинство среди них – это поясные образы, хотя иногда встречаются и ростовые иконы²⁷.

В Сарикёе на четырехчастных иконах очень часто рядом встречаются клейма с образами Харлампия и Николая Чудотворца. Создается впечатление, что их воспринимают как «парных» святых. Информант из Сарикёя сказала: «Никола ходит, усех милует, а Харлампий – утоляет болезни», т.е. по своим функциям они дополняют друг друга и являются идеальным небесным дуумвиратом, хотя иконы мирликийского епископа встречаются все же чаще.

Среди святых, окруженных большим уважением добруджинских липован, следует отметить вмч. Георгия Победоносца. Его редко называют привычным нашему уху именем «Егорий», обычно – «Георгий» и каждый раз прибавляют – «Победоносец». Георгию отводилась функция охраны домашнего скота от диких зверей и, возможно, поскольку он спасает «от загрызания», то в Славе Черкесской информанты говорили, что Георгий «от боли, от сильной боли».

Иконку Георгия на коне изредка помещают над входной дверью, хотя обычно прикрепляют крест. Хозяин дома в Гиндереште прокомментировал так: «Это иконка от врагов», т.е. от колдунов и тех – с нехорошим глазом: «Они злые и глядят: у тебя есть, а у меня нет».

В четырехчастных иконах встречаются поясные изображения Георгия Победоносца. Икон с неканоническим сюжетом о спасении царевны от змея, широко известным старообрядцам и православным по духовным стихам, на домашних божницах нам не довелось увидеть. Однако мы обнаружили воспроизведение этого сюжета в настенной росписи внутри обычного жилого дома в Сарикёе (роспись 1950-х гг.) и на внешней стене алтарной части беглопоповского храма в Славе Черкесской (2000-е гг.).

Редкое изображение стоящих рядом в одинаковых одеяниях и позах, с восьмиконечными крестами в правых руках и копьями в левых вмч. Георгия Победоносца и Димитрия Солунского было найдено на клейме четырехчастной иконы в Сарикёе. Хозяин ее объяснил: «На Егория шукуют летнего пастуха, а на Дмитрия – зимнего. До Егория – дмитриевская цена, а с Егория цена менялась. За то они там (на иконе.– С.И.) вместе: Георгий и Димитрий. Это два пастыря. Они воеводы были, Божьи угодники. Они отроки. Один змея убил, а другой... (забываю, как звали царя в то время) <...>». Информант подчеркнул то общее, что объединяло эту пару: юные воины, Божьи угодники, и неожиданно – они «пастыри» – пастухи.

В балканской скотоводческой традиции, в частности у румын, день Георгия весеннего связан с выгоном скота на горные пастбища, а Димитрия осеннего – с возвращением его назад в селения на зимовку. Соответственно, наём и расчет пастухов были приурочены к этим датам, да и другие сделки и договора всегда заключались от одной даты до другой. В традиционном представлении румын святые хранят ключи от времени, и Георгий открывает теплое время года, а Димитрий – холодное²⁸. Подобные представления были и у болгар.

У липован Сарикёя скота было не так много, как у румын или болгар, и его не отгоняли на горные пастбища, однако географическое положение села и климат этой местности зачастую позволяли пасти его и зимой. После Димитрия цена на пастьбу возрастала и держалась до Егория, а иногда сменялся и пастух. На памяти наших информантов пастухами всегда были сами липоване, но, возможно, что когда-то в пастухи нанимали румын или болгар, которые требовали расчета в указанные дни. Переняв эту хозяйственную практику, липоване переняли и представления о святых, как покровителях пастушества, отвечающих каждый за свой сезон. Однако мы не можем пока судить, насколько широко были распространены среди румынских липован эти представления²⁹. Так, в с. Карячка-Мирное в Придунавье Ю.Е. Горбунов обнаружил икону с аналогичным сюжетом и высказал предположение о балкано-карпатском влиянии³⁰.

В Славе Черкесской мы обратили внимание на четырехчастную икону, в которой два клейма заняты образами Георгия Победоносца и Димитрия Солунского. К сожалению, осталось не выясненным, насколько распространены в этом селе подобные иконы и воспринимаются ли святые как «парные», но интересно то, что в Славе Черкесской две церкви: новозыбковская (беглопоповская) и белокриницкая, соответственно имеют престолы Георгия Победоносца (весеннего) и Димитрия Солунского. В Музее на Ветке тоже есть четырехчастная икона, на которой святые на конях изображены симметрично в двух верхних клеймах³¹. Все вышперечисленное свидетельствует, что помещение на иконах этой пары не случайно.

Безусловно, необходимо обратить внимание на отношение румынских липован к широко почитаемым балканскими народами вмч. Иоанну Новому Сучавскому и прп. Параскеве-Петке Сербской. Мощи первого покоятся

в г. Сучаве, а мощи второй – в г. Яссы. В селениях Сучавского и Ясского уездов и в самих уездных городах проживало и проживает много липован. В Архиве внешней политики Российской империи хранится интересный документ за 1888 г. – донос на священника г. Тырку Фрумос Гр. Симеонова, направленный российскому консулу в Яссах. Доноситель – либо из числа прихожан, либо причта – возмущался тем, что Симеонов собирается ехать в Россию в Киев на поклонение мощам, а сам «тяжкие епитимии налагает своим прихожанам, тем, кто бывает на поклонении мощам в Сочавской или даже и в Ясской старообрядческой (описка автора доноса. – С.И.) церкви»³². Скорее всего, Симеонов налагал запреты и епитимии потому, что мощи находились в румынских православных церквях, посещать которые считал за грех. Обоих святых старообрядческая церковь признавала и признает, и в советское время некоторые липоване Молдовы и Буковины, по рассказам информантов, продолжали ездить на поклонение мощам этих святых. И в настоящее время белокрыницкая иерархия делать это не запрещает.

Престол небольшой деревянной церкви в с. Липовень Сучавского у. еше в XIX в. (по крайней мере, в 1880-е гг.) был освящен во имя вмч. Иоанна Нового, а после пожара в 1901 г. на ее месте была возведена каменная церковь, один из двух престолов которой сохранил посвящение этому великомученику. День его памяти (2/15 июня) считается престольным праздником села.

Ежегодно 24 июня/7 июля³³ мощи Иоанна Нового выносят из Предтеченского храма в Сучаве и несут крестным ходом вокруг города. На празднование собирается много людей, в том числе и липован. Раньше среди липован с. Липовень было принято ездить к мощам также в случае бездожия. Жительница Липовени рассказывала, что ездила к мощам и молилась святому, когда у нее шел суд, и «Иван Сучавский» ей помог. Некоторые жители села говорили, что он им «дуже помогает». Жительница Липовени, венчавшаяся лет 10 назад на Иоанна Нового, по обету заказала, а потом передала в церковь большую житийную икону этого святого, и теперь заказывает молебны перед ней. Святой воспринимается семьей этой женщины как покровитель. Однако на божницах в домах информантов иконы Иоанна Нового встречаются редко: некоторые куплены, очевидно, в Сучаве и не предназначены для молитвенного обращения. Почитание Иоанна Нового среди липован села, безусловно, есть, но культ его, если сравнивать с культом смчм. Харлампия в Сарикее, как бы размыт.

Логично предположить, что у липован Румынии, по крайней мере, в Молдове и Буковине, должен существовать вполне сформировавшийся культ прп. Параскевы Сербской. Мы не видели ее икон в тех немногих домах Молдовы, которые посетили. Наши эксперты из числа людей хорошо знающих религиозную ситуацию среди старообрядцев Молдовы и Буковины сказали, что иконы этой святой у липован встречаются редко. Иногда их заказывают для себя липованки, носящие ее имя.

На вопрос о том, почему в Буковине или Молдове липоване мало почитают св. Харлампия, один из наших экспертов высказал интересную точку

зрения: «Св. вмч. Иоанн – ангел-хранитель Буковины, св. прп. Парасковей – ангел-хранитель Молдовы, а св. Харлампий – ангел-хранитель Добруджи». Видимо, складыванию у липован именно такого представления и пытался противостоять «тяжкими епитимиями» вышеупомянутый священник Симеон, поскольку почитание и совместное с румынами празднование «территориального» покровителя должно было подрывать конфессиональную изолированность старообрядцев.

Икона в липованском сообществе до сих пор воспринимается как оплот конфессиональной идентичности, и именно это представление поддерживает у румынских старообрядцев традицию иконописания и ограничивает балканское влияние в этой сфере духовной жизни, хотя полностью избежать его все же оказалось невозможно. Мы лишь слегка коснулись темы и считаем, что она требует комплексного подхода: липованскую икону необходимо изучать и как художественное явление, и как предмет культа, используемый в церковной и народной религиозной практике, необходимо исследовать ее бытование в контексте всей многообразной повседневной трудовой, семейной и праздничной жизни старообрядцев, другими словами: изучать в неразрывной связи жизнь иконы и жизнь с иконой.

Примечания

¹ Горбунов Ю.Е. Русские иконы в старообрядческих общинах Болгарии. Ч. 1. Интернетресурс. Книжница Самарского староверия; он же. Иконы старообрядческой общины Мирного: церковь преподобной Парасковей // Липоване. Одесса, 2007. Вып. 4: Карячка-Мирное: очерки прошлого и традиций. История. С. 154.

² Тарасов О.Ю. Русские иконы XVIII – начала XX в. на Балканах // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 55.

³ Подлинник – сборник прорисей различных икон с указанием цветности, и часто с указанием, какие благодати дарованы святому или Богородичному образу в деле исцеления или помощи молящимся.

⁴ Обычно «хатниками» называли старообрядцев-беспоповцев, но после присоединения румынских беглопоповцев к Новозыбковской иерархии, «хатниками» стали называть и тех беглопоповцев, кто не принял попов, считая их недостойными, и перестал посещать беглопоповские церкви. К этим последним и принадлежит иконник из Славы Черкесской.

⁵ Иконы Спаса, Богородицы, святых с избранными святыми на полях встречались и среди новгородских, палехских и суздальских икон (Смирнова Э.С. Живопись великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976. С. 161, 274; Красилин М.М. Иконопись и декоративно-прикладное искусство // Духовная среда России. Певческие книги и иконы XVII – начала XX веков. М., 1996. С. 132). И особенно много их среди ветковских икон (Нечаева Г.Г. Ветковская икона. Минск, 2002; Голоса ушедших деревень / под ред. Г.Г. Нечаевой. Минск, 2008). Не всегда избранные святые на полях – это набор тезоименитых святых заказчика и его семьи, но в статье мы ведем речь только об иконах румынских липован.

⁶ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в Императорской России. М., 1995. С.448.

⁷ Нечаева Г.Г. Ветковская икона. Минск, 2002. С. 92.

⁸ Горбунов Ю.Е., Херсонский Б.Г. Липованская икона. Одесса, 2000. С. 35, 106.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 144.

¹⁰ Тарасов О.Ю. Указ. соч. С. 50.

¹¹ Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Т. 2. Киев, 1908. С. 491, 502; Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. СПб., 1899. С. 428; Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 143.

¹² Во время нашего выступления на круглом столе «Специфика культурной традиции старообрядцев Юго-Восточной Европы» в Институте славяноведения С.М. Толстая и А.А. Плотникова обратили наше внимание на то, что в сербском языке слово «наменити» означает «предназначить» // См. Этимологический словарь славянских языков / ред. – О.Н. Трубачев. Вып. 22. М., 1995. С. 186.

¹³ Горбунов Ю.Е., Херсонский Б.Г. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ Э.К. Гусева отметила, как редкую, встретившуюся ей в старообрядческом селе Марьино на Гомельщине икону «Союзом любви». Название иконы дано из Тропаря: «Союзом любви священные апостолы Твоя, Христос, и нас, твоих верных рабов, к себе тем крепко связав...» (Гусева Э.К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 133).

¹⁵ Горбунов Ю.Е. Иконы старообрядческой общины Мирного... С. 179.

¹⁶ В языке XI–XVII вв. слово «прилог» употреблялось в смысле «жертвенное приношение». (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 204). В липованском контексте выражение «на прилох», видимо, означает «поставить икону для службы перед ней», т.е. для чествования ее. В церковно-славянском языке «наприлог» имело еще значение «например». (Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 3. СПб., 1847. С. 475).

¹⁷ Иникова С.А. Почитание свт. Николая Чудотворца в современной русской народной традиции // Правило веры и образ кротости. М., 2004; она же. Почитание святителя Николая Чудотворца в народной традиции // Русские Рязанского края. Т. 2. М., 2009. С. 397–419.

¹⁸ Гусева Э.К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 133.

¹⁹ Горбунов Ю.Е., Херсонский Б.Г. Указ. соч. С. 84.

²⁰ Горбунов Ю.Е. Иконы старообрядческой общины Мирного... С. 184–186; она же. Русские иконы в старообрядческих общинах Болгарии. Ч. 2. Интернетресурс. Книжница Самарского староверия.

²¹ Она же. Иконы старообрядческой общины Мирного... С. 189.

²² Нечаева Г.Г. Указ. соч. С. 122.

²³ Голоса ушедших деревень. С. 125.

²⁴ Горбунов Ю.Е. Иконы старообрядческой общины Мирного... С. 184, 187–188.

²⁵ Она же. Русские иконы в старообрядческих общинах Болгарии. Ч. 2...

²⁶ Кораленко В.Г. Турчин и мы // Кораленко В.Г. Полн. собр. соч. в 9-ти томах. Т. 6. СПб., 1914. С. 91.

²⁷ На румынских ростовых иконах у ног смчч. Харлампия изображено антропоморфное существо, иногда скелет – олицетворение морового поветрия, которое святой удерживает на цепи. У липован такого иконографического извода нет.

²⁸ Салманович М.Я. Румыны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 254–255; она же. Румыны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в.: Весенние праздники. М., 1977. С. 309

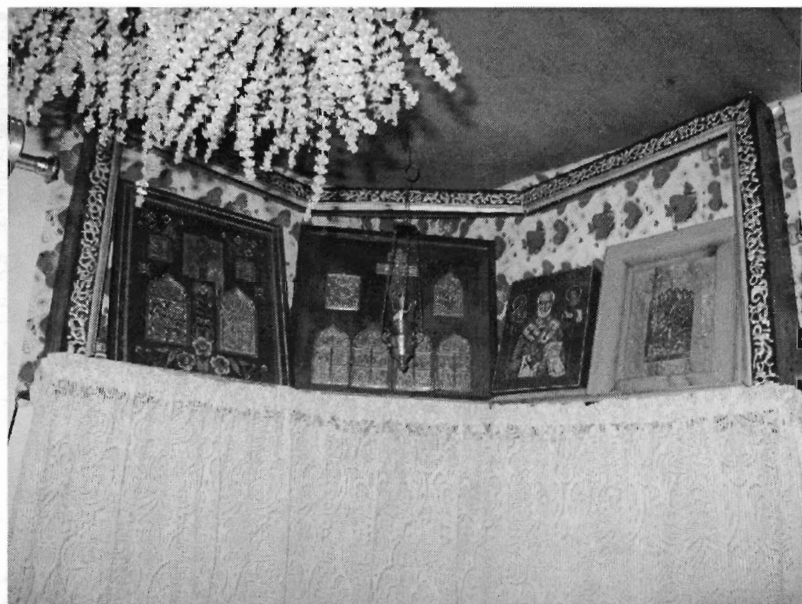
²⁹ В Слехах Русской и Черкесской скот пасли от Егория до Димитрия, но даже если погода позволяла пасти немного дольше, то цена на пастьбу не менялась. В Журиловке и селениях дельты Дуная были совершенно другие условия содержания скота: по теплу его переправляли в плавни, а осенью возвращали и нанимали пастуха, или скот круглый год сам пасся в плавнях.

³⁰ Горбунов Ю.Е. Иконы старообрядческой общины Мирного... С. 169.

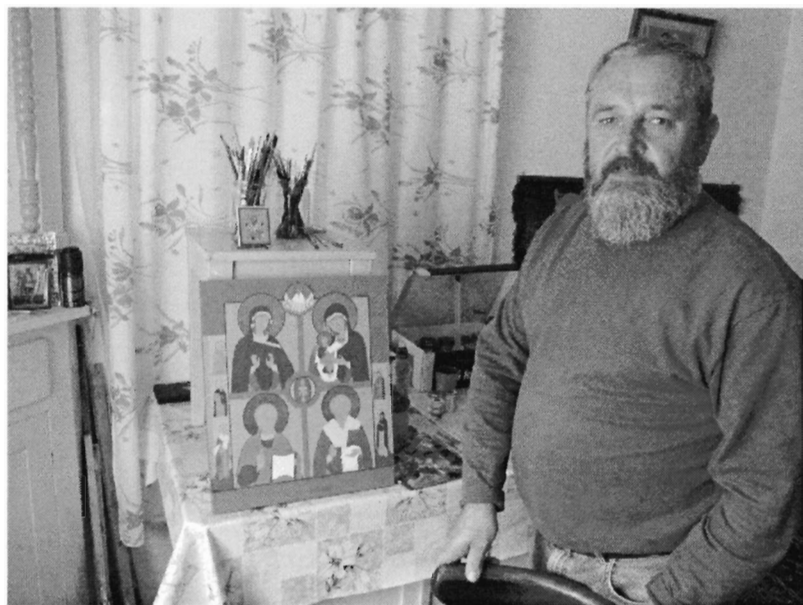
³¹ Нечаева Г.Г. Указ. соч. С. 126.

³² Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 312. Консульство в Яссах. Оп. 575. Д. 3243. Л. 5.

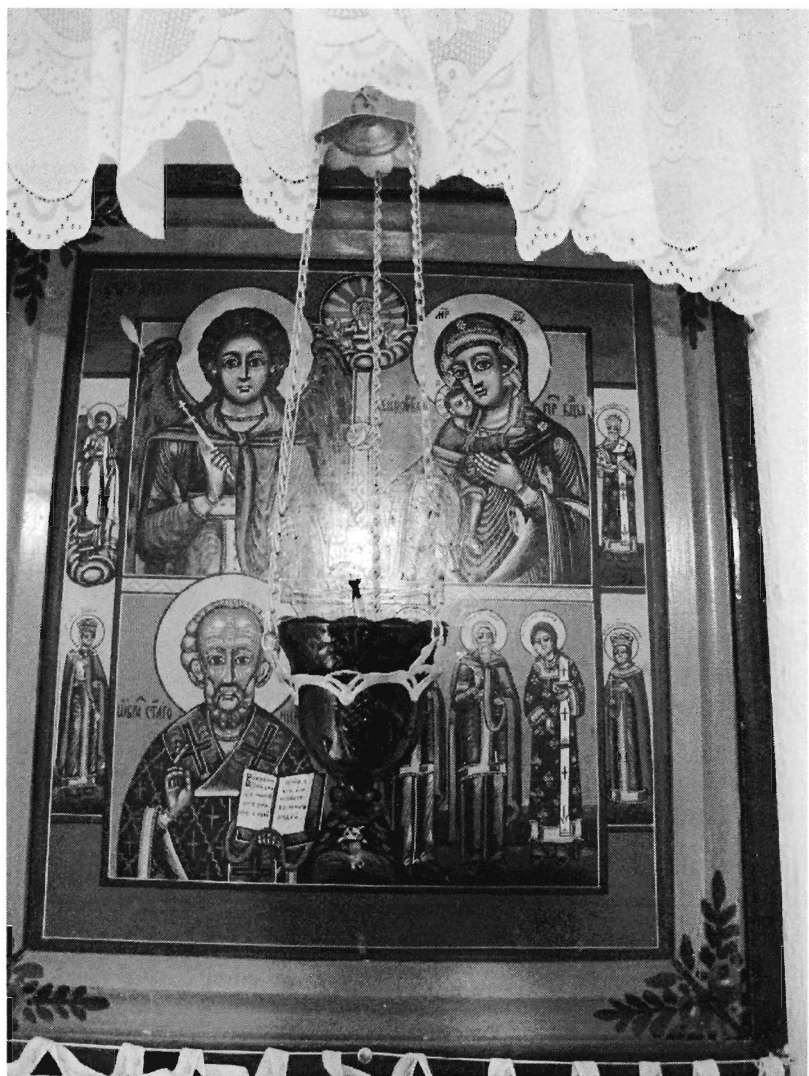
³³ Поскольку мощи Иоанна Нового лежат в румынском Предтеченском храме (как говорят «в гостях»), то вместо 2/15 июня в Сучаве день памяти святого празднуют 24 июня/7 июля.

П.А. Серин
(Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Трансформация традиции: пояс в культуре русских старообрядцев-липован Добруджи в XX–XXI веках*

Abstract:

Serin P.A. *Transformation of tradition: belt in the culture of the Dobruja region Old-believers in the twentieth – twenty-first centuries*

The author describes changes of traditional role of the belt in the culture of Old-believers, or Lipovans during the twentieth century. Despite of the fact that this group of Russian people had been living on the territory of Romania and Ukraine since the eighteenth century, they preserved lots of Russian traditions. Similar to other Russian Old-believer-groups, the Lipovans of Romania know two kinds of belts. The first one is a weaved band that is tied over clothing, while the second one is a narrow stripe or string that is tied over the naked body and called «tel'nik». Although people, in the local tradition, consider it a religious obligation to wear a crucifix and a belt, the real function of this element of the Lipovans' traditional costume has transformed in the early twenty-first century. Nowadays the first kind of belts is still obligatory, when one goes to church, the second one, however, has turned into an occasional amulet.

Ключевые слова: старообрядцы Румынии, материальная культура, трансформация традиции, пояс, история, современность.

Обязательным элементом традиционной народной одежды являются пояса, которые в различных комплексах костюмов выполняли определенное назначение. В XX в. народная одежда интенсивно вытеснялась общевропейскими образцами, однако те или иные элементы традиционного костюма уходили из быта в разное время. Многочисленными исследованиями установлено, что русские народные традиции в одежде дольше сохранялись у старообрядцев. Однако до настоящего времени не предпринималась попытка проследить, насколько они сохранялись и как изменялись в костюме конкретных старообрядческих групп в течение XX – начале XXI вв.

В настоящей статье мы пытаемся показать эволюцию лишь одного предмета традиционной одежды – пояса у старообрядцев-липован, проживающих в Добрудже на территории южной Румынии. Статья написана на основании материалов, собранных в ходе полевых исследований в 2010 г., проведенных в 7 населенных пунктах.

Русская старообрядческая диаспора в Румынии в последние десятилетия привлекает пристальное внимание исследователей в связи с недостаточной изученностью проблем ее формирования, расселения, бытовой и религиозной культуры с позиций исторического и социально-антропологического подходов. Соответственного подхода мы будем придерживаться и в настоящей статье.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-01-00229.

«Липоване» или «русские липоване» – так в настоящее время звучит самоназвание этой группы, появились в южном Подунавье около 300 лет назад, после произошедшего ранее того раскола русской православной церкви, а также после крестьянского мятежа под руководством К. Булавина. Восстания охватили значительную часть южных и западных областей России и привели к последующему бегству раскольников за рубеж на территорию Турецкой империи (в настоящее время составляющей часть Румынии). На новых землях их селения оказались в полиэтничном окружении, в соседстве с турецкими, черкесскими, украинскими и румынскими поселениями, в иных климатических и политических условиях, что привело к определенным изменениям в их жизни и бытовой культуре¹.

Следует отметить, что материальная культура отдельных групп русских, оказавшихся в силу исторических причин за рубежами страны, изучена крайне слабо. Специальные исследования старообрядцев Добруджи, начавшиеся лишь в конце XX – начале XXI столетий, показали, что соседство с представителями других этносов и старообрядческое религиозное мировоззрение отчасти «законсервировали» традиционный и, в особенности, – «моленный» костюм, одним из древних элементов которого является пояс. Однако старообрядческую одежду ни в коей мере не следует считать некими «застывшими допетровскими» формами: их костюм менялся с течением времени как под влиянием культуры соседей, так и благодаря внутренней логике развития. В этом ключе традиционная одежда и отдельные ее элементы представляют особый интерес для изучения, так как именно в них во многом отразилась история этой группы старообрядцев: места и время ее исхода, контакты с соседями в южной Румынии, и, как показывают наши экспедиционные исследования, – непрекращающиеся связи с основной частью русского этноса.

Опираясь на ранее проведенное изучение, мы постараемся дать сравнительную картину бытования традиционных поясов в костюме русского зарубежья и на основной российской территории. В наши задачи входит выявление степени сохранности этого элемента костюма у разных половозрастных групп, его специфики и роли в материальной и духовной культуре русских старообрядцев на протяжении XX столетия.

Пояс, как знаковый элемент русской традиционной одежды, рассматривался в значительном количестве публикаций, но, как правило, затрагивались лишь отдельные стороны этой проблемы: использованные материалы и техника их изготовления, декоративные особенности, способы ношения и семиотические характеристики этого важного элемента народного костюма². Исследователи изучали бытовую и обрядовую сферы применения пояса в русских традициях, иногда обращаясь к ранним и поздним восточнославянским материалам, значительная часть которых относится к XIX – началу XX вв.

Характерной чертой пояса являлись особым образом выделенные концы, оформленные в виде узлов, кистей, бахромы. Такие пояса были рассчитаны на ношение поверх одежды. В обрядово-религиозной жизни для

подпоясывания могли использоваться не только пояса, а и полотенца, веревки, нити, кромки ткани, которыми охватывали непосредственно тело или нижнюю (нательную) рубашку. Как элемент костюма, пояс выполнял и выполняет, прежде всего, практическую функцию: скрепление одежды и навешивания на нее разных предметов. В традиционной культуре он играл роль этнического, социального или конфессионального маркера. Исследователи обратили внимание на то, что дольше всего представления о роли пояса как оберега и вообще необходимой части повседневного и ритуального костюма, сохранялись именно в старообрядческой среде. Наиболее широко интересующая нас тема рассмотрена в недавно вышедшей монографии «Русская народная одежда: историко-этнографические очерки» (М., 2011), в которой бытование пояса прослежено в различных регионах страны. Для нас особый интерес представляет статья, посвященная костюму липован Астраханской области и Краснодарского края – репатриантов из Добруджи³. Автор описывает пояса, сохраняемые в их традиционном костюме после окончания Второй мировой войны. Насколько нам известно, этот элемент одежды на современном материале липован, проживающих сегодня в Румынии, был рассмотрен впервые. Полевые материалы, на основе которых написана данная статья, были собраны в экспедиции 2010 г. в историческую область Добруджа, во время которой автор посетил села: Миля 23, Сарикёй, Журиловка, Русская и Черкесская Славы (уезд Тульча), Гиндэрешть/Новенькое (уезд Констанца), город Тульча. Методом опроса в форме неформализованного интервью были собраны данные по традиционной и современной одежде липован, неотъемлемой частью которой является пояс.

Пояс присутствует в одежде в течение всей жизни человека. Впервые его надевают на младенца при крещении, повязывают его, провожая человека в последний путь. Собранные нами материалы показали, что липованские пояса можно разделить на подпоясывающие одежду сверху (в местной терминологии «кушак», «пояс») и на «тельные пояса» или «тельники».

Под термином «кушак» наши информанты подразумевали, в первую очередь, широкий шерстяной полосатый пояс, используемый мужчинами, выходящими на рыбную ловлю или трудившимися на иной тяжелой работе. Судя по воспоминаниям, им довольно туго обматывались вокруг талии, подтыкая, а не завязывая концы. Как указывают местные жители, в первую очередь, «кушак» был необходим для тепла и укрепления поясницы: «чтобы спину не надорвать», «чтоб грыжа не вылезла» [(ПМА)]. Нам не удалось найти экземпляр самого кушака, но на фотографии начала 1960-х гг., сделанной в Гиндэреште, запечатлен рыбак, обвязанный в 2–3 слоя по талии поясом. В конце XIX в. о таком поясе упоминал В. Иванов-Желудков. Он отмечал, что «кушаки носят как турки»⁴. Видимо, такой пояс и способ его ношения был характерен для липован, проживающих на турецкой территории, и следовательно мог быть воспринят под турецким влиянием. Широкие матерчатые кушаки известны русским казакам и горожанам, а также украинцам и румынам. Исчезновение кушака у липован в XX в. связано с переходом на городские формы одежды.

По отдельным воспоминаниям информантов, кушаком также называли широкую ленту, возможно, из шелковой ткани, которую в с. Сарикей повязывали поверх сарафана-«шубки» старообрядки беглопоповского толка. Вероятно, известный у русских термин «кушак» в местной традиции со временем был перенесен на любую широкую полосу ткани, которой подпоясывались поверх уличной одежды.

Верхние пояса присутствуют в костюмах всех возрастных групп, однако имеются различия в способах их изготовления, ношения и расцветке. Женщины повязывают пояс поверх «шубки с проймами»-сарафана или «шубки»-юбки, а мужчины – по выпущенной поверх штанов рубашке. У липован нами зафиксировано две традиционные техники изготовления поясов: ткање на «ниту» и плетение из четырех прядей ниток, – способы, широко известные на всей территории проживания русских⁵.

Тканые пояса были и остаются наиболее распространенными. Вероятно, ранее они изготавливались в каждой семье, однако уже в первой половине XX в. их ткали отдельные мастерицы. Судя по воспоминаниям информантов, со второй половины XX в. в будни подпоясанными ходили только те, кто повседневно носил традиционный костюм, для большинства же пояс стал обязательным элементом «моленной» одежды. В каждой семье было 2–3 пояса, и, как говорят информанты: *«их все время носили. Это таперича разные поповыдумали», «раньше был один – и для смерти, и в церковь, и на свадьбу»* (ПМА). Старинных поясов, сотканных в XIX – начале XX в., до настоящего времени не сохранилось, хотя, судя по воспоминаниям, они были многоцветными и имели узоры. Главным же украшением были и остаются пышные кисти, отделке которых уделяют чуть ли не большее внимание, чем узорам на самом поясе. Сейчас мастерицы различают три вида кистей в украшениях пояса: 1) из остатков нитей основы (в основном используются при оформлении плетеных поясов); 2) нити основы разделяются на несколько отдельных прядей, оканчивающихся кисточками, 3) пышные кисти, изготавливающиеся отдельно в процессе ткачества. Каждая из мастериц отдает предпочтение какому-то одному способу, например, одна женщина в с. Русская Слава напрямую сказала, что кисти (2) она не делает, так как ей не нравится, что *«они как вешальники (повешенный человек. – П.С.)»* (ПМА).

После смены государственной власти в Румынии в 1989 г. в липованском быту произошли значительные изменения, которые затронули и состав моленного костюма: *«Стали трошки побогаче жить, теперь под каждую шубку хотят пояса»; «для женщины – сколько обрядов, столько она постарается поясов приобрести: под юбку, под шальку, под вкус и цвет»* (ПМА). Современные пояса сейчас ткют отдельные мастерицы, сохраняющие и одновременно трансформирующие традицию. В первую очередь, изменился материал: сейчас это преимущественно покупные синтетические нитки («синтетик») в несколько слоений, что отражается и на внешнем виде поясов: они стали шире и ярче.

В расцветке современных поясов стали все отчетливее проявляться различия «по половому признаку»: «мужчинские» пояса – «потемнее» (с использованием зеленых, синих ниток – П.С.), женские – яркие, хотя сами же информанты говорят о том, что раньше этому внимания не уделяли. Лет 10–15 назад появилась, а сейчас стала всеобщей, мода на подвенечные белые пояса для невест, которые ткнут также с узорами, например, «в елочку». Чаще их делают полностью белыми, иногда с добавлением люрекса или розовых нитей. В качестве украшения на готовый пояс иногда нашивают блески. В Сарикёе подобные пояса являются самыми дорогими – 20–25 лей (цена же узкого «простого», т.е. разноцветного, – 10 лей), так как, по словам мастерицы, в подвенечном поясе «*в кистях побольше работа*» (ПМА). Белый подвенечный пояс повязывают по так называемому «церковному костюму» традиционного покроя, состоящего из белой кофты и юбки. В некоторых церквях священники разрешают венчаться в современном пышном свадебном платье, но пояс обязательно должен присутствовать. Соответственно и женихи теперь стараются приобрести белые пояса с белыми кистями к своим венчальным костюмам.

В детских поясах в 2000-е годы тоже появилась новая тенденция: девочкам теперь предпочитают заказывать пояса розовые или с присутствием розового цвета, а мальчикам – с голубыми нитями. Подобные расцветки проникли и в пояски, повязываемые на младенца при крещении, что можно объяснить влиянием распространенного в Европе представления о розовом и голубом цветах, как соответственно женском и мужском.

К концу XX в. стали шире и наряднее и мужские тканые пояса. В прошлом, по словам информантов, в некоторых селах: «*мужчины только узкие плетеные носили, а теперь и мужчины хотят широкий <...> детям тоже можно широкий – кто какой захочет*» (ПМА). В селе Черкесская Слава автор видел плетеные пояски только на пожилых мужчинах во время похорон, у остальных липован они уже давно вытеснены ткаными на «ниту». По нашим сведениям, только в Русской Славе еще сохраняется плетение для мужчин поясов из четырех прядей ниток.

К смерти липоване Добруджи готовят «узел» с новой одеждой, и в этом узле, как и предписывается старообрядческими традициями, обязательно присутствует пояс⁶. Но если раньше его расцветке не придавали значения, то теперь стараются приобрести пояс более сдержанных тонов, хотя и здесь наблюдается зависимость от пола: «*женщине – вишневым, сиреневый – по светлей, мужчине – зеленый, синий*» (ПМА). Но это более позднее влияние городских европейских представлений о траурной одежде как сдержанной и строгой, что для местной старообрядческой традиции не очень свойственно даже на современном этапе. Более актуальным является разделение костюма на «светский» (общеευропейский) и «церковный» (традиционного покроя).

В 2000-е годы появились и начали распространяться пояса связанные крючком. В местной терминологии употребляется общее обозначение – «плетсти пояса», и только после дополнительных расспросов можно установить,

является ли пояс тканым, вязаным или действительно плетеным. Мастерница из Русской Славы пояснила, что *«цена на все пояса одна, что тканый, что плетеный <...> позато и понаучились многие себе плести (вязать. – П.С.) пояса, какой кто схочить»* (ПМА). Вязание выполняют из толстых синтетических ниток, при этом белый цвет является доминирующим, так как, по местным представлениям, он гармонирует с любым «церковным костюмом»: *«Белый пояс – он у нас под всякую шубку подходит»* (ПМА).

Таким образом, в настоящее время липоване Добруджи знают три техники изготовления верхних поясов: плетение, ткачество и вязание крючком. Сейчас используют только покупные синтетические и шерстяные нити фабричного изготовления, что связано как с отсутствием в современном хозяйстве старообрядцев овец, так и с тем, что их не удовлетворяет качество окраски домашней шерсти, которую продают их соседи арумыны (по местной терминологии – «македонцы»). Для плетения мужских поясов из четырех прядей используют толстые нити в несколько сложений, что придает поясу и кистям желаемую пышность. При вязании нитки и крючок берут также толстые, вяжут достаточно свободно, выполняя орнамент, «разными моделями». Готовую полосу иногда обвязывают по бокам блестящим люрексом. Но главная декоративная роль, по традиции, и здесь отводится кистям. Тканые пояса по-прежнему еще широко распространены, особенно в тех селах, где сильно влияние сторонников беглопоповского согласия (например, с. Сарикёй), однако, часть мастерниц уже отказываются их делать, объясняя трудоемкостью и возникающими проблемами со здоровьем. Наблюдая процесс ткачества пояса в с. Сарикёй, мы пришли к предположению, что в течение XX столетия изменилась и сама техника снования основы. Сейчас мастерница снует от спинки стула к дверной ручке, затем перевивает основу, делает нит и, начиная ткать, снимает основу со спинки и привязывает к своему туловищу поясом. При подобной технике снования длина изделия сокращается почти в два раза, и становятся понятны жалобы ткачих не только на напряжение глаз и спины, которые возникают в процессе работы, но и на болезни внутренних органов – «стомак» из-за тугого утягивания себя поясом в сидячем положении. Но ткачество на «ниту», зафиксированное этнографами у разных народов Восточной Европы, предполагает иное расположение основы, а именно: в виде круга, один конец которого зацепляется за неподвижную опору, а другой ткачиха надевает себе на пояс через голову⁷. При таком способе снования пояс получается значительно длиннее, что и было зафиксировано В.А. Липинской у липован России⁸. Предполагаемое нами изменение техники снования повлияло на длину пояса, что повлекло за собой изменение способа ношения: он охватывает талию один раз, на левом боку завязывается бантом, при этом кисти висят фактически на середине бедра. Сейчас так повязывают все пояса независимо от техники их исполнения.

Кроме поясов, которые носят поверх церковной одежды, у старообрядцев Добруджи сохраняются и так называемые «тельники», повязываемые на тело под одеждой. Их до сих пор постоянно носят только люди старшего

поколения, да и то далеко не все, реже – среднего, но нательный пояс обязательно хранится вместе с одеждой для похорон у каждого. Хотя выражение «крестик и поясик» все еще остается у липован устойчивым словосочетанием, большинство признается, что пояса-«тельники» носили давно, по молодости: старики заставляли, сохранялась привычка, но после «*изопрели на нас эти пояски, да и позабыли про них*» (ПМА). Редко кто сейчас опоясывает младенца тельным поясом, сделанным из нескольких ниток, чтобы, как раньше, не снимать его во время купания, и редко кому из бабушек удается заставить своих внуков носить под одеждой «поясик», «чтобы нечистый не подступился». Заслуживает внимания отрывок из беседы в с. Русская Слава, на которой присутствовало несколько женщин, когда одна из них сказала, что не может заставить свою внучку повязывать подобный поясик, потому что та спрашивает: «*А почему ты, бабушка, сама его не носишь?*». И ее собеседница шуточно комментирует: «*А ты скажи: я уже старенькая, ко мне нечистый уже не подступится, а ты – молоденькая, тебе надо*» (ПМА). Но до сих пор «обычный» тельный пояс воспринимается как оберег, к помощи которого прибегают в исключительных случаях, заменяя его часто другими видами поясов-оберегов: сеткой – «пласой» и поясом «40 богородиц».

Однако и в этой сфере произошли значительные изменения. Некогда широко использовавшийся липованами Добруджи пояс-сетка – «пласа» считался самым действенным оберегом от нечистой силы и сглаза. Такие пояса в первую очередь предназначались для жениха и невесты, их надевали в дорогу. В этом регионе их специально изготавливали в женском монастыре в Славе Русской и в скитах. Монахини плели сетку и, завязывая 40 узелков, читали каждый раз (всего – 40) молитву «Богородица Дево, радуйся». «Пласа» была оформлена как пояс: имела маленские кисточки на концах. Считается, что подобный пояс может изготовить только «чистая женщина», которая не имеет сношений с мужчинами, или девочка.

Хотя монастырь продолжает существовать, а около некоторых церквей есть скиты, в которых живут богомольные старушки, подобные сетки уже никто не плетет. Но поскольку потребность в них есть, то «богородичный пояс» стали делать из четырех цветных шерстяных ниток, на которых по длине на равном расстоянии завязывают сорок узлов, читая при этом богородичную молитву, а на концах оставляют кисточки. «*На сетку дюже глаза сильные надо, и сетка когда и корявенькая выходит. А этот пояс – все та же сетка. Помягше. Сетку вроде не каждый наденет. Девки скажут – не красиво. А этот – он помягше*» (ПМА). В отличие от «пласы», такие пояса могут делать женщины, некоторое время вдовствующие и в силу этого также ритуально «чистые».

Эти пояса заслуживают особого внимания, так как в XIX и начале XX вв. исследователи фиксировали подобные обереги почти во всем восточнославянском ареале. Но, судя по имеющимся публикациям, пояс-сетка и пояс – «40 богородиц» имели разное распространение и разную семантическую нагрузку. Так, «сетка» зачастую была обрывком обычной рыбацкой сети,

ритуальная сила которой усиливалась за счет большого числа узлов и крестообразного переплетения нитей: нечистая сила должна была развязать узлы, «кресты» из ниток затрудняли их развязывание. А пояс «40 богородиц» представлял собой нить с сорока узлами, при завязывании которых читалась молитва «Богородица Дево, радуйся»⁹. На примере поясов липован Добруджи мы видим некое смешение их видов, которое отчасти связано с семантической близостью составляющих их элементов – узлов, а также со «стремлением» старообрядческой культуры «христианизировать» остатки еще языческих представлений. Отсюда перенос «40 молитв» на сетку, хотя самих узлов в ней значительно больше, а также требование полной ритуальной чистоты женщины, уже с церковно-христианских позиций. Возможно, что первоначально это были два различных вида пояса, принесенных с собой разными группами переселенцев в Добруджу и сосуществовавших параллельно. Но выяснить, когда и где произошло их смешение, на данном этапе исследования представляется невозможным.

Подавляющее большинство наших информантов разного возраста уже не могли объяснить необходимость ношения традиционного пояса, его смысловую нагрузку. Лишь в с. Гиндэрешть (Новенькое) бывший иконописец привел в качестве примера легенду: «Пояс отделяет человека. До сыда (от головы до пояса. – П.С.) – чистый человек, отсыда (ниже пояса. – П.С.) – нечистый. Господь, когда благословил Михаила Архангела свергнуть Сатану, дал ему поручни и пояс. Поэтому человеку надо подпоясаться, и тогда у тебя сила есть» (ПМА). Однако, особый статус пояса вполне осознается липованами и сознательно поддерживается. Его рассматривают как хороший подарок – это на пользу душе дарителя. Об этом сообщила мастерица, подарив участникам экспедиции несколько поясов. Другая женщина, пожелав оставить у них память, также выбрала именно пояс в качестве знакового подарка. Пояса в большом количестве – 14 и больше, готовят для раздачи участникам похоронного обряда: несущим хоругви, крест, крышку и носилки с гробом.

Большинство местных старообрядцев, в особенности женщины, даже если не носят, все равно полагают, что пояс – это «закон», так же как головные уборы: кичка, косяк и платок. Информанты неоднократно сетовали на то, что «закон» сейчас соблюдается не в полной мере, однако, по нашим наблюдениям, женщины старше сорока лет носят «кичку» и платок и с повседневным костюмом, а вот пояс, который повязывают поверх платья, воспринимается уже как часть именно «моленной одежды». В некоторых старообрядческих общинах Добруджи созданы фольклорные ансамбли, участники которых выступают на различных праздниках. И если мужчин по традиции подпоясывают, то для себя женщины считают пояс неприемлемым: «Хотя на фестивалы у нас пояс не носится – так, симплу шубка. А на фестиваль пояс не носят, хоть и красиво, а пояс не всегда можно надеть – грех. <Соб.: Батюшки запрещают? > – нет, батюшки не запрещают, но люди сами видят. <...>То, что надену на фестиваль, в том в церковь не пойдем. Костюмы для фестивалу – они отдельно сложены: в них же ходим, играем, они – поганые. В них в церковь не пойдем» (ПМА).

Анализируя экспедиционный материал о поясах как важном элементе народного костюма, даже на примере такой небольшой группы русских старообрядцев-липован Добруджи, можно прийти к ряду заключений. Прежде всего, пояса имели утилитарное значение, так как при их ношении укреплялся стан в силу прилегания к нему одежды. Это, в свою очередь, способствовало сохранению, особенно в холодное время, тепла. Кроме того, к поясу крепили различные предметы, которые были необходимы при совершении работ, или для хранения каких-либо вещей.

Хранителем традиций народного костюма и ношения поясов повсеместно было крестьянское сословие. У липован отмечается то же самое. Социально-сословные различия народной одежды стали проявляться с ранних периодов истории. В поясах они прослеживаются, прежде всего, по материалу их изготовления и декору: они отличались у крестьян, горожан, богатой прослойки населения и т.п. Разными были и пояса, носимые с мужским, женским или детским платьем. Липоване, как и большинство других старообрядческих групп, сохранили разделение поясов на носимые поверх одежды и повязываемые по голому телу. Утилитарное назначение поясов определяло их размеры, способы изготовления и ношения. Городское влияние на народный костюм, постоянно усиливающееся со второй половины XIX столетия, отразилось и на местной традиции изготовления поясов. С появлением хлопчатобумажных, а позже – синтетических нитей изменялись ширина и красочность поясов: они стали шире и ярче. А исчезновение локальных особенностей можно объяснить сохранностью ткачества только в руках отдельных мастериц, чья продукция теперь распространяется далеко за пределы своих населенных пунктов.

Самая значительная функция поясов – сакральная. Эти предметы в виду их назначения были связаны с мировоззренческими представлениями людей. Не лишены такой стороны и пояса липован. В местной традиции долгое время сохранялось общерусское понятие о том, что без пояса, как и без креста, ходить «греховно». Такая трактовка во многом опиралась как на языческие, так и христианские представления. И если согласно первым пояс – символ жизненного пути, а орнамент – «зашифрованные тексты», то в церковной традиции пояс приобрел знак крепости духовной силы. В наши дни в сознании носителей традиции изредка вербализуется именно последний аспект, хотя продолжение традиции ношения нательных поясов, особенно молодежью, объясняется их апотропеическими функциями.

Особое назначение пояса имели в обрядовой и праздничной народной культуре. Ими пользовались, совершая свадебные, похоронно-поминальные и родильно-крестильные обряды. Сохранение таких функций наблюдается у липован и в настоящее время, несмотря на произошедшие в течение XX в. различного рода трансформации: появление особых «подвенечных» поясов, гендерные различия («для девочек и мальчиков», мужские и женские), и переход верхнего, а отчасти и нательного пояса в элемент только обрядового костюма.

Примечания

- ¹ Старообрядцы в Румынии: русские писатели о липованах / Сост. Липинская В.А. М., 1994. С. 9–10; *Кирилъ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 269–274.
- ² *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 2. Рязань, 1996. С. 20–25; *Она же.* Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 1. Рязань, 1996. С. 47–49, 83–85; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 2. Рязань, 1996. С. 158–159; *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 45–47; *Кунташова В.Г.* Изготовление и отделка женской крестьянской одежды к. XIX – н. XX вв. Смоленск, 2007. С. 91–117; *Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5–13; *Лебедева А.А.* Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229–248; *Кремлева И.А.* Об эволюции некоторых архаических обрядов у русских // Там же. С. 248–264.
- ³ *Липинская В.А.* Южное пограничье Европейской части // Русская народная одежда: историко-этнографические очерки. М., 2011. С. 401–403, 413–418.
- ⁴ *Иванов-Желудков В.* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. Т. 63. М., 1866. С. 424.
- ⁵ *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 2. Рязань, 1996. С. 24–25.
- ⁶ *Кремлева И.А.* Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 204.
- ⁷ *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 1. С. 47.
- ⁸ *Липинская В.А.* Южное пограничье Европейской части. С. 403.
- ⁹ *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 47.

Д.С. Ермолин
(МЭ РАН – ИСл РАН, Москва)

Танцы и борьба в контексте свадебной обрядности славян-мусульман области Голо Бордо (Албания). Полевые материалы 2009 г.*

Abstract:

Yermolin D.S. *Dances and wrestling in the context of wedding rites among the Muslim Slavs in the region of Golo Bodro in Albania. Field research results of 2009*

The article is devoted to the ethnographical description and analysis of dancing and wrestling tradition in the context of wedding ceremony among the Muslims Slavs of Golo Bordo (Eastern Albania). The data were collected in 2009 during the fieldwork expedition organized by the Russian Academy of Sciences. The author stands on the point that dances and wrestling competitions should be regarded not simply as entertaining events, but also as important parts of the wedding ceremony. That is why the phenomena of dancing and wrestling have their strictly defined time and place orientation and a set of functions.

Ключевые слова: танцы, борьба, свадебная обрядность, Голо Бордо, Албания, славяне-мусульмане, полевая этнография.

В 2008–2010 г. учреждениями РАН Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Институтом лингвистических исследований в рамках проекта по изучению лингвокультурных контактных зон Балканского полуострова из серии «Балканские экспедиции РАН» были предприняты три экспедиционные поездки (под руководством д.ф.н., проф. А.Н. Соболева (ИЛИ РАН / СПбГУ) и к.и.н., доц. А.А. Новика (МЭ РАН / СПбГУ) и частичном финансировании РГНФ) в область Голо Бордо (*'golo 'bordo*, алб. *Golobordë-a*, мак. *Голо Брдо*)¹.

Этот высокогорный район расположен на границе двух независимых государств – Албании и Македонии (БЮРМ). Исследования проводились исключительно на территории Республики Албания в славянских и албанских населенных пунктах, однако, основной точкой проведения лингвистических и этнографических исследований стало село Требиште (*'trebište*, алб. *Trebišt-i*, мак. *Требишта*)². В 2008 г. участниками экспедиции А.Н. Соболев и А.А. Новик, в 2009–2010 г. исследовательская группа пополнилась А.С. Дугишиной (СПбГУ / МЭ РАН), Д.С. Ермолиным (МЭ РАН) и М.С. Морозовой (СПбГУ / ИЛИ РАН).

Основной целью экспедиционного проекта было комплексное лингвистическое, этнографическое и этнолингвистическое описание славянского населения региона Голо Бордо, впервые предпринимаемое в отечественной науке, а также исследование славяно-албанского культурно-языкового сим-

---

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» проект «Восток и Запад в традиционной духовной культуре славян-мусульман на Балканах» (рук. к.ф.н. Е.С. Узенева).

биоиза в условиях политического и культурного пограничья. Первоначально при описании славян Голо Бордо участники экспедиции использовали этноним *македонцы* как один из зафиксированных вариантов самоназвания, от которого впоследствии пришлось отказаться, чтобы оставаться на позициях научного нейтралитета, поскольку, с точки зрения болгарских исследователей, данная этноконфессиональная группа является болгарами, македонские ученые считают славянское население Голо Бордо частью македонского этнического континуума, а албанская сторона до сих пор официально не признает эту группу в качестве этнического меньшинства, считая все население региона албанцами. Именно поэтому в настоящей статье мы будем называть данных людей, проживающих на территории Албании, *славяне-мусульмане*³ Голо Бордо, что, в конечном итоге, является компромиссом не только между национально ориентированными точками зрения ученых разных стран (прежде всего, Албании, Македонии и Болгарии), но и между множественной этнической идентичностью самих представителей данного сообщества⁴ (среди самоназваний нами были зафиксированы варианты: *македонцы, мусульмане, турки, наши*)⁵.

Все участники экспедиций по предварительной договоренности выбрали себе темы для исследования (языковая ситуация в регионе и особенности говоров, календарная обрядность, семейная обрядность, традиционная одежда, самосознание и идентичность и др.), согласно которым протекала полевая работа, однако в 2009 г. экспедиция в полном составе стала непосредственным свидетелем празднования традиционной свадьбы⁶, устраиваемой семьей наших основных информантов⁷. Погружение на четыре дня в праздничную атмосферу дало нам уникальную возможность не только наблюдать архаичные обряды и ритуалы, сохранившиеся в Голо Бордо, но и в мельчайших подробностях фиксировать приготовления к празднику и эмоции участников, а также самим разделить с местным населением хлопоты и радость. В данной статье будет представлен взгляд этнографа на танцевальную традицию и состязания по борьбе в контексте традиционной свадебной обрядности.

Комплекс действий, основной задачей которых – обеспечение возможности выплеска позитивных эмоций, вызванных торжественным событием, как представляется, является неотъемлемым элементом подавляющего большинства свадеб, а также календарных ритуально-обрядовых действий⁸. Помимо этого, всевозможные игры, танцы, состязания, конкурсы занимают гостей и заполняют паузы между отдельными обрядовыми сюжетами, имеющими четкую соотнесенность в пространстве и времени. Однако зачастую, особенно в рамках сельской свадебной обрядности, увеселительные мероприятия также семантически нагружены и должным образом вписаны в парадигму обряда⁹, в чем как нельзя лучше мы смогли убедиться на праздновании свадьбы в с. Требиште.

Поскольку семья невесты, хотя и происходила из этого же села, на момент свадьбы проживала в г. Дуррес, мы стали свидетелями лишь тех событий, которые происходили в доме жениха. Свадьба началась в понедельник (14.09.2009) и продолжалась четыре дня, причем каждый день празднования

свадьбы имел свое собственное название ('zasevlok, 'šamatki, 'kumst(v)o, 'nevesta)¹⁰. Музыкальное сопровождение праздника началось в 12 часов понедельника и не оставляло участников на протяжении всей четырехдневной свадьбы. Почти все балканские музыканты, играющие на праздниках, – цыгане. Не стала исключением и свадьба, увиденная нами. Поскольку село Требиште расположено вдалеке от албанских городов (ближайшими являются гг. Либражд, Бульчиза и Пешкопия), музыкантов пришлось привозить из соседнего македонского города Дебар.

Итак, с 12 часов дня, после того как музыканты разыгрались, гости, присутствующие на дворе, стали водить традиционные балканские хороводы (*vallet në grup / 'oro*). *Opo* происходило по следующей схеме: начали танец одни мужчины, затем в круг вошли женщины, а после некоторого времени все мужчины покинули хоровод. Танцы продолжались непрерывно на протяжении двух часов, до тех пор пока начавшийся дождь не вынудил музыкантов прекратить играть.

Относительно структуры организации хоровода в данном регионе можно с уверенностью сказать то, что расположение участников *opo* зависит от половозрастных критериев. Почти во всех случаях хоровод замыкают дети (8–12 лет), ведут же молодые или взрослые. Если маленьких детей (4–8 лет) ставят в круг, то они танцуют рядом с родителями. Участники танца держатся за руки (ладонь в ладони), при этом руки направлены вниз. Хоровод является всегда разорванным, водится в одну сторону – против часовой стрелки. Именно поэтому человек, который ведет *opo*, держит платок в правой руке.

Во время танца ведущие *opo* меняются, это происходит в произвольном порядке, но, в среднем, один человек проходит в качестве ведущего 3–4 круга. В это время люди, следящие со своих мест за развитием событий в хороводе, встают и дают ведущему в руки деньги – по одной купюре достоинством от 200 до 1000 албанских левов. Иногда, прежде чем вручить ведущему деньги, человек танцует перед ним, после чего садится на свое место. Ведущий *opo*, пройдя с деньгами в руке некоторое время, бросает их на землю. Когда на земле окажется несколько купюр, дети подбирают их и кладут в пакет, закрепленный на стойке микрофона у музыкантов. Таким образом, все деньги, собранные за день, оказываются платой за игру. Если в течение долгого времени люди, присутствующие на дворе, не вручают денег ведущему хоровода, то музыканты перестают играть. Естественно, подобного развития событий не допускают ни хозяева двора и устроители свадьбы, ни многочисленные гости – музыкантам платят регулярно и щедро.

Сразу стоит заметить, что женщины, в основном, танцуют только два вида *opo*, в то время как мужской танцевальный арсенал насчитывает 3 дополнительных разновидности хороводов, которые на порядок сложнее тех, что танцуют женщины. Все виды *opo* отличаются по технике и сложности и строго соотносятся со звучащей музыкой.

Второй день нашего пребывания в селе был настолько насыщенным, что на свадебные мероприятия мы попали лишь к 10 часам вечера. Придя на двор, мы стали свидетелями мужских *opo*. После десяти минут непрерывных

хороводов настал черед женской партии. Облаченные в роскошные традиционные костюмы, двенадцать женщин и девушек, взявшись за руки, начали танцевать. Расшитые золотной нитью и обильно декорированные бисером костюмы преобразили не только местных девиц на выданье, но и добавили ориентального шарма участницам экспедиции. Подробно комплекс традиционного костюма описан в статьях А.А. Новика¹¹.

Действительно, вечер второго дня свадьбы походил на смотрины – девушки чинно и с достоинством водили хороводы в громоздких дорогих нарядах, демонстрируя стать, грацию и недожизненную выносливость. Юноши, в свою очередь, легко и непринужденно вытанцовывали сложные *оро*, тем самым выказывая удаль, кураж и задор. В горных районах на выбор мужчиной спутницы жизни влияет, прежде всего, здоровье, сила и выносливость девушки, а долгие танцы как ничто лучше демонстрируют эти качества. Более того, танец является универсальным способом выбора будущего брачного партнера¹².

Будучи гостями свадьбы, мы активно участвовали во всем происходившем. Так, автор данной статьи решил проверить на деле гипотезу о «ярмарке невест». Когда *оро* стал смешанным, я намеренно вошел в круг таким образом, что с одной стороны от меня был кто-то из взрослых, а с другой стороны шестнадцатилетняя дочь нашего информанта, девушка на выданье. Не прошло и минуты, как моя соседка перешла на другое место и встала между своими родственниками. Возможно, если бы ее рука задержалась в моей дольше, согласно местному этикету это означало бы мой выбор и согласие девушки. Выдвинутая гипотеза косвенно подтвердилась, а автор данных строк пришелся не по вкусу местной красавице.

Подводя итоги второго дня празднования свадьбы, стоит заметить, что именно в этот день нам удалось увидеть танец в традиционном костюме. В остальные дни все присутствующие женщины и девушки были одеты на городской манер – покупные платья, сарафаны, блузки, юбки, в исключительных случаях джинсы; на мужчинах были классические костюмы, сорочки, джинсы, футболки.

Третий день празднования (*'kumst(v)o*) является исключительно важным в свадебной обрядности славян-мусульман Голо Бордо – утром жених отправляется за невестой. В нашем случае жениху предстояло пересечь всю страну с востока на запад, поскольку его избранница, ранее проживавшая в селе Требиште, несколько лет назад переехала с родителями в портовый город Дуррес, расположенный на побережье Адриатического моря.

В 9 часов утра на дворе жениха мужчины начали танцевать *оро*. Видимо, в это время проводился ритуал бритья жениха¹³, после которого будущий супруг начал собираться в путь. Через сорок минут он появился на дворе и присоединился к танцующим – с этого момента музыка стала быстрой и ритмичной. Второй в хоровод встала тетка жениха, следом за ней – его сестра. В руках тетка держала узел, в котором находились подарки невесте. В прошлом поездка за невестой была настоящим испытанием и проверкой мужества и отваги будущего супруга – по дороге от отчего дома невесту в прямом смысле слова надо было беречь как зеницу ока, поскольку в горах

случаи нападения с целью похищения девушки были чрезвычайно распространены. Возможно, именно поэтому проводы жениха сопровождались ритмичной, похожей на боевую, музыку и такими же ритмичными танцами. Однако, представляется не менее правдоподобной и обратная ситуация – таким образом в далеком прошлом могли провожать жениха перед тем, как ему самому предстояло выкрасть невесту. Обычай умыкания невест еще в начале XX в. был широко распространен, в том числе, и в данном регионе Балкан¹⁴.

После нескольких кругов танца жениха облили виноградной ракией, осыпали конфетами и рисом. То же самое повторяли, пока жених с друзьями шли к машинам. Когда автомобили скрылись из виду, все присутствующие разошлись по домам в ожидании еще одного важного обрядового действия – приготовления сладкого блюда *алва* (*alva*)¹⁵, в контексте свадебной обрядности именующегося *кумст(в)о*. Это название блюдо получило от комплекса ритуальных действий, сопровождающих процесс приготовления. В настоящее время функциональный смысл этого ритуала крайне размыт, очевидно, он восходит к доисламской эпохе в истории изучаемой этнической общности. В далеком прошлом это ритуализованное действие было призвано устанавливать и закреплять узы кумовства¹⁶. Сейчас же *кумст(в)о* заключается в процессе совместного приготовления мужчинами сладкой жирной каши из пшеничной и кукурузной муки (*алва*). Поочередно пары мужчин сменяют друг друга у огромного чана, где готовится варево, и мешают большими деревянными лопатами *кумст(в)о*, чтобы оно не подгорало, подбадривая друг друга репликой: *'mešaj 'dobro da ne 'zgorit 'kumstoto!* Выполнение этих действий, по словам информантов, порождает узы кумовства между двумя людьми, работавшими в паре.

В приготовлении *кумст(в)а* принимали участие исключительно мужчины, женщины же в течение нескольких часов, пока готовилось блюдо, танцевали *оро* на другой половине двора. В отличие от прочих случаев все это время денег музыкантам не давали. Примечательным, однако, является то, что внутри основного хоровода по кругу меньшего диаметра танцевали дети. Пять маленьких девочек (8–12 лет) двигались в такт музыке, держа в руках вещи. На головы двух детей были накинuty новые красные платки с пестрыми узорами и длинной шелковой бахромой, одна держала в руках новый женский классический костюм и туфли на каблуке, еще одна пара женских туфель была в ручках самой младшей из девочек, пятая же держала запакованную мужскую сорочку и мужские классические туфли. Все вещи абсолютно новые, и они являются подарками, которыми обменялись будущие супруги. Это лишь малая их часть – остальные дары жених увез с собой, чтобы преподнести своей избраннице при встрече в доме родителей. После нескольких часов непрерывного передвижения с вещами дети устали настолько, что в конце церемонии они с трудом переставляли ноги. Однако такая долгая демонстрация даров необходима для того, чтобы все гости свадьбы смогли оценить благосостояние жениха, его щедрость и любовь к своей избраннице. Танцы завершились, как только *кумст(в)о* было готово. Все присутствовавшие смогли лично попробовать блюдо, после чего большой поднос наполнили *алвой* и поставили

в комнату будущих молодоженов, туда же отнесли одежду.

С этого момента ключевые моменты свадьбы начали сменять друг друга со стремительной частотой. В 18 часов все представители мужского пола, находившиеся на дворе, включая стариков и малышей, отправились за музыкантами – *da 'zemat 'muzika*, то есть два с половиной дня музыканты играли как бы неофициально. Около дома, в котором на время свадьбы разместили оркестр, несколько мужчин устроили *opo*. Сначала музыка была подчеркнута ленивой, но затем музыканты вошли во вкус и раж. Процессия проследовала к дому жениха под музыку, свист и крики. На дворе женщины осыпали прибывшую процессию рисом и карамелью.

После того как музыканты уже на законных основаниях заняли свое привычное место, мужчины устроили *opo*. Первый танец был парным (*valle dyshe / 'dvojca 'igre*). Малик Садику – один из братьев нашего информанта Рамазана – танцевал с женщиной, который до этого не был замечен. Возможно, танцевали представители двух семей одного рода. Сначала танцоры исполняли фигуры синхронно, положила одну вытянутую руку на плечо партнера. Впоследствии мужчины танцевали сольные выходы. Танец получился эмоциональным, ритмичным, с множеством прыжков, вращений, приседаний на одно колено. Такой вид парного танца распространен в области Дибра (алб. *Dib|ër-ra*, мак. *Дебар*) как среди албанцев, так и среди славян, и является характерным для этого пограничного региона¹⁷. После парного танца пришло время уже ставших привычными *opo*, причем, развитие событий происходило по знакомой схеме: сначала танцуют одни мужчины, затем смешанные хороводы и, в конце концов, остаются только женщины.

Поздним вечером, вернувшись в дом Рамазана Садику, в котором мы проживали, из беседы с его старшим братом Асаном нам стало известно, что традиционным свадебным развлечением в Голо Бордо является борьба (*'borenje*). Во время своего рассказа Асан сетовал на то, что в селе сейчас практически не осталось парней, готовых померяться силой, и предложил мне поучаствовать в состязаниях. Получив согласие¹⁸, сын Асана Кимет устроил «новичку» проверку – борцовскую схватку вполсилы. На вопросы о регламенте проведения состязаний Асан ответил однозначно: подбираются 5–6 борцов примерно одного веса и возраста, из которых мне будет позволено выбрать одного в соперники. Что касается собственно спортивных правил, местные объяснили следующее: допускаются захваты как выше, так и ниже пояса, в том числе и за шею. Победа присуждается только в случае падения одного из соперников на спину, а победитель получает приз от жениха. В былые времена призом сильнейшему служила овца, сейчас же награда выражена в денежном эквиваленте. В заключение нашего разговора мужчины предложили мне потренироваться утром на следующий день для того, чтобы как следует подготовиться к состязаниям и показать мне некоторые приемы, после чего все разошлись по своим домам.

На следующий, заключительный, день свадьбы легкое возбуждение витало в воздухе уже с самого утра. Для одних оно было вызвано ожиданием приезда молодоженов, для других – предстоящими борцовскими схватками.

Молодые люди подзадоривали друг друга, имитируя борьбу. Как только делегация ученых из России появилась на открытой веранде дома в ожидании традиционного утреннего кофе, автор этих строк уловил необычайный интерес и внимание к своей персоне – очевидно, Асан и Кимет уже рассказали всем о том, что в свадебных состязаниях на этот раз будут участвовать не только местные парни. Мужчины хлопывали «спортсмена» из далекой России по плечу, спрашивали имя, подбадривали. Сам Асан, несмотря на свой шестидесятилетний возраст, решил устроить мне повторное испытание – мы оторвались от кофе и начали бороться вполсилы прямо на веранде жилого дома. Мужчины однозначно решили, что к участию в соревнованиях я готов. Подходило время тренировки с Киметом. На луг потянулась делегация из дюжины мужчин, находившихся поблизости. Становилось все более ясно, что обычной тренировки из этого не получится. Так и вышло – разминка и демонстрация приемов быстро переросла в схватку, инициатором которой выступил Кимет, его дядя Малик начал судить. После того как он признал победителем гостя, Кимет – тридцатилетний мужчина и отец подрастающего ребенка – был вне себя от ярости, требовал реванш, уговаривал на повторный бой. Однако решение Малика о завершении «тренировки» было непоколебимо, после чего все разошлись по своим делам, но общее напряжение и возбуждение только усилились.

Через некоторое время стало известно, что состоится лишь одна схватка, а в соперники мне подобрали некоего парня по имени Мурад. Про него сказали, что он хоть и легче меня, но знает приемы. Вот и вся характеристика. Только после поединка мы узнали, что Мураду тридцать лет, десять из которых он провел в городе, где профессионально занимался вольной борьбой. Сейчас он живет в с. Требиште и иногда подрабатывает тем, что участвует в соревнованиях по борьбе. Вот уже несколько лет на свадьбах не устраивали борцовские состязания – никто не решался сделать вызов Мураду. Таким образом, наше согласие повлекло за собой восстановление целостной структуры комплекса свадебной обрядности, поскольку борцовские схватки проводятся сразу после того, как жених привез невесту к дому своих родителей. В то время как мужчины заняты проведением соревнований, женщины знакомятся с невестой и готовят ее к свадьбе.

На следующий после поединка день стало также известно, что на результат нашей с Мурадом схватки местные жители делали серьезные ставки. Однако же кроме финансовой прибыли был еще один тонкий момент – много лет назад наш хозяин Рамазан Садику побил отца Мурада, с тех пор семьи враждуют.

Тем временем в час дня шумная процессия под музыку и бой барабанов, под дождем, пошла за кумом жениха (его функции в контексте свадьбы остались неизвестны). На дворе всех гостей встретил кум и его жена. После вручения подарка для молодоженов, кум устроил *оро*, к которому присоединились многие присутствующие. Танцевали также и по прибытии на двор жениха. Ведущим *оро* стал сам кум – в правой руке он держал побег винограда, символизирующий плодородие.

Согласно традиции, на свадьбе присутствуют два флага (алб. *flamur / 'bajrak* sg.) – оба со стороны жениха – мужской и женский. Каждый из них представляет род по отцовской и материнской линиям жениха соответственно. Спустя некоторое время большая процессия отправилась в квартал *Прекофци* (*'prekofci*), где проживают братья Садику – за женским флагом (поскольку мать жениха – сестра братьев Садику). Асан Садику как старший мужчина в роду должен был нести женский флаг на двор, где происходило празднование. Но перед этим в очередной раз устроили *оро*, которое сопровождалось демонстрацией свадебных даров молодоженам от рода Садику. Хоровод возглавлял Асан с флагом в руке¹⁹. В центре *оро* танцевали женщины и девушки, держа над головой тяжелые подносы с подарками.

После этого вся компания двинулась ко двору жениха. Естественно, во главе колонны шел Асан и с положенной ответственностью нес женский стяг, который представлял собой государственный флаг Республики Албания с привязанными к древку цветами, белым платком и зеленым яблоком на навершии (вся композиция называется *'kiska*). На месте празднования *оро* повторилось – все гости должны лично убедиться в присутствии женского флага и оценить подарки молодоженам. После продолжительного танца флаг поставили рядом с точно таким же знаменем, представлявшим род жениха по отцовской линии.

В четыре часа дня стало известно, что жених и невеста должны приехать в ближайшее время. Как только машины показались на горном склоне, по которому проходит дорога к селу, все присутствующие на дворе под музыку пошли встречать будущих молодоженов. Встреча и дорога к дому жениха были крайне ритуализованы и семантически нагружены. Так, например, весь путь от места встречи машин до дома жениха дочь Рамазана Джулия – девушка на выданье – поливала ракией, как бы указывая дорогу. После долгого и сложного обряда встречи невесты будущие молодожены под песни женщин удалились в дом жениха, с ними пошли и ближайшие родственницы. Остальные женщины начали заниматься подготовкой праздничных столов. У мужчин предстояло другое важное событие – состязание по борьбе. В болгарской свадебной традиции ритуальная борьба устраивается среди сватов жениха за свадебное знамя невесты²⁰.

Это мероприятие проходило прямо за домом жениха, на огражденном забором загоне для лошадей. Начавшийся в обед дождь основательно промочил землю, но даже морось не могла остудить разгоряченных мужчин – все ждали схватки русского ученого с богатырем Мурадом. Все действие больше походило на бой гладиаторов, нежели на спортивные соревнования – гул барабанов, крики и улюлюканье зрителей, ярко-красные свадебные *байраки*. Мурад действительно был местным богатырем – невысокого роста и атлетического телосложения, хорошо сбитый, крепкий мужчина. После непродолжительной разминки настало время начинать поединок. Из одежды на нас были короткие шорты и кроссовки; Мурад остался в обтягивающей майке, а я снял свою футболку – чтобы предотвратить возможность захватов за рукава. Судьей стал Верди Садику – еще один брат Рамазана. Подойдя к со-

пернику, я протянул руку для приветствия – жест, обязательный перед и после боя во многих видах спортивных единоборств. Видимо, Мурад не был к этому готов, ожидая подвоха, но ответил на приветствие. После этого схватка началась. Опуская описание самого боя, позволю себе перейти к кульминации. Промокшая под дождем трава под нашими ногами была скользкой, и именно это обстоятельство во многом решило исход поединка. При попытке выполнить бросок прогибом я поскользнулся на сырой траве и под весом противника упал на спину. Хотя, согласно спортивным правилам, такое падение не квалифицируется как успешно проведенный соперником прием, поскольку действие было инициировано мной, а Мурад находился в пассивной позиции, Верди тут же остановил схватку и признал победу местного богатыря. Толпа заревела от восторга! После боя я поздравил Мурада с победой, мы пожали друг другу руки, обменялись комплиментами и объятиями. Как выяснилось позже, такое проявление спортивного этикета чуждо местному населению. Для них было бы более понятным и привычным, если бы проигравший наклонился на судью с апелляциями и требовал реванш (что ранее продемонстрировал Кимет). Однако такое поведение вызвало уважение у мужчин.

Безусловно, сначала мы были раздосадованы результатом, но уже спустя полчаса понимали, что именно такой исход стал во всех отношениях наиболее полезным, в конечном итоге. Хотя Рамазан потерял деньги, поставив на меня, и сильно расстроился, надо понимать, что в случае моей победы развитие событий могло стать самым непредсказуемым. Портить же отношения с местными ни в какие планы нашей научной экспедиции не входило. После боя я также получил свою порцию комплиментов, а все оставшееся время нашего пребывания в селе меня называли *Денис-пеливан* (*peľi'van* – борец, богатырь, из тур.).

Пришло время возвращаться на место празднования свадьбы, где для всех гостей были расставлены столы и приготовлена праздничная трапеза. Первым делом ко мне подошел Мурад, и мы в очередной раз обменялись рукопожатиями. Вместе с призом победителя в качестве награды Мурад и его друзья получили право сидеть на свадьбе за отдельным столом, накрытым специально для них.

В отличие от предшествовавших трех дней, в заключительный день свадьбы *оро* проходили в определенном порядке – распорядители вечера оглашали тех, кому следовало выйти. На протяжении всего танца гости также давали ведущему *оро* деньги, которые он кидал на землю. Однако отличие от предыдущих дней состояло в том, что деньги не сразу отдавали музыкантам, а собирали в центре круга. После того как набиралась приличная горка из купюр, «заработанных» группой танцевавших, музыканты переставали играть и получали всю сумму. Во время всех танцев брачующиеся стояли, что, безусловно, является демонстрацией уважения к гостям свадьбы и соблюдением традиции.

Оро проходили в следующем порядке:

1. члены семьи жениха,
2. дядя жениха со стороны отца вместе со своими семьями,
3. семьи дядьев жениха со стороны матери),

4. родные и гости со стороны матери жениха,
5. семья сестры жениха,
6. семья дяди невесты со стороны матери,
7. друзья жениха,
8. семья кума,
9. парный танец Малика Садику и Энвера (сосед),
10. жених с друзьями. Во время этого танца жених ни разу не вел *оро*, он стоял вторым или третьим. Все время танца невеста стояла. В течение нескольких минут деньги ведущему давали только люди из хора, а после этого, наоборот, только те, которые наблюдали за танцем со своих мест. Спустя некоторое время *оро* разбилось, и дружки начали танцевать по парам. Изначально танцевало нечетное количество молодых людей, так что одному парню пришлось подключиться к танцу.
11. Делегация гостей со стороны невесты. Сначала брачующиеся стояли, но спустя несколько минут присоединились к *оро*. В танце наблюдалось следующее расположение людей: отец невесты, брат невесты, сестра невесты, невеста, жених, сестра жениха и др.
12. Танец-поздравление от оркестра. Танцевали все присутствующие.
13. Танец молодоженов (хотя местные жители назвали этот выход «танцем невесты»). Сначала танцевали жених с невестой в компании подружек невесты, затем к ним присоединились мужчины. *Оро* вела невеста. В самом конце в центре танцевали жених и невеста – друг напротив друга. Танец был энергичный, не синхронный. Присутствующие стояли по кругу, аплодируя в такт музыке. Кульминацией танца стало сожжение белого шелкового платка женихом, для чего один из мужчин поднял жениха на плечи. Сожжение платка, по словам информантов, символизирует расставание жениха с холостяцкой жизнью.

После заключительного танца молодожены удалились в дом, а гости остались праздновать. Мы были настолько уставшими, что вскоре ушли отдышаться, тем более что на следующий день нам предстоял нелегкий путь по горным дорогам, ведущим навстречу привычной городской цивилизации.

Поскольку целью данной статьи является, прежде всего, описание места танца и борьбы в контексте свадебной обрядности, о разновидностях *оро*, которые в настоящее время танцуют на свадьбе в Голо Бордо, будет сказано немного. Во-первых, необходимо сказать, что в описываемом районе албанско-македонского пограничья наблюдается слияние танцевальных традиций Северо-Восточной Албании и Западной Македонии. Это выражается в том, что помимо двух наиболее частых видов *оро*, которые сами информанты называли общим албанским термином *valle*, популярностью пользуются *kuks* и *paj'tuška* (названия записаны со слов жителей с. Требиште). После сравнения записанных в поле видеоматериалов с описаниями балканских танцев, сделанными этнохореографами, можно сделать вывод, что термином *kuks* славяне-мусульмане Голо Бордо называют албанский танец *vallja e Kuksit* (танец из города Кукес). Под термином *paj'tuška* следует понимать танец.

распространенный почти на всей территории Балканского полуострова и известного как *vallja e pajdushkës*, *pajдушко оро*, *пajдушка*, *бајдушка*. Итак, даже исходя из названий танцев, практикуемых в Голо Бордо, мы можем говорить о смешанной танцевальной традиции, что неудивительно для пограничной территории.

В качестве заключения данной статьи производится попытка сформулировать несколько функций танца и борьбы в контексте свадебной обрядности славян-мусульман, проживающих в области Голо Бордо. Упомянутые функции, как представляется, не являются уникальными для данного региона, а представляют собой некоторые балканские универсалии.

Функции танца:

- эксплицитное выражение, демонстрация, дублирование обрядовых действий,
- трансгендерное общение молодежи – «ярмарка невест»,
- социализация младшего поколения и приобретение навыков коммуникации в социуме,
- маркирование иерархии в сообществе;

Функции борьбы:

- форма времяпрепровождения в мужском сообществе в то время, когда женщины ведут подготовку к основному празднику,
- статусное маркирование сильнейшего мужчины микросоциума,
- способ защиты чести своей семьи и нанесения урона чести своих неприятелей,
- социализация в мужском сообществе.

Итак, данная статья представляет собой попытку этнографического описания двух видов активных мероприятий, тесно и тонко вплетенных в парадигму свадебного обряда. Автор делает упор на форму, место и время проведения ритуальных и развлекательных действий, практически не касаясь их детальных характеристик и технического разбора (прежде всего, это касается танца). Предварительное рассмотрение данных сюжетов можно считать успешным, а последующее их детальное изучение (в том числе междисциплинарное) представляется перспективным.

Примечания

¹ Об истории этой области см., например, в монографии болгарского фольклориста и этнографа В. Тончевой: *Тончева В.* Българите от Голо бърдо, Република Албания. Традиции, музика, идентичност. Част I. София, 2009. С. 8–25. – Одним из первых на население региона обратил внимание сербский исследователь М. Филипович: *Филиповић М.С.* Голо Брдо. Белешке о насељима, пореклу становништва, народном животу и обичајима. Скопље, 1940.

² В дальнейшем в статье будут использоваться локальные варианты топонимов 'Голо Бордо' и 'Требиште' – согласно форме их бытования в местном говоре.

³ В настоящее время большинство населения области Голо Бордо на территории Албании является мусульманами суннитского толка вне зависимости от их этнического происхождения,

однако есть сведения о единичных православных славянах (с. Кленье). Об исламизации и актуальном конфессиональном состоянии региона см.: *Лиманоски Н.* Исламизацијата и етничките промени во Македонија. Скопје, 1993. С. 258–261; *Ѓорев Д.* Населението во македонско-албанскиот граничен појас (XV–XVI век). Скопје, 2009. С.142–172; *Тончева В.* Българите от Голо бърдо ... С. 25–31 и др.

⁴ Ср. с проблемами идентичности и самосознания исламизированных македонцев, проживающих в Македони, (т.н. *торбешей*): *Арко С.* «Јас (не) сум торбеш». Этничноста во едно западномакедонско село – конструкции и политизации // *Етнолог.* Бр. 12–13. Скопје, 2010. С. 187–208.

⁵ *Новиќ А.А.* Самосознание и традиционална култура македонцев-мусульман в Албани: процеси адаптации и сохранения идентичности (материалы экспедиции 2008–2009 гг.) // *Традиционална култура.* 2011. № 1. С. 80.

⁶ Описание свадебной обрядности славян-мусульман Голо Бордо см. также в работе В. Тончевой: *Тончева В.* Българите от Голо бърдо ... С. 48–60.

⁷ Все три экспедиции наша делегация останавливалась в доме Рамазана Садику, а женихом на свадьбе, о которой идет речь, был его племянник, сын сестры.

⁸ О формах ритуального противоборства и поединков в контексте календарной обрядности славян см.: *Плотникова А.А., Агапкина Т.А.* Драка, борьба // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 2: Д–К (Крошки).* М., 2000. С. 130–133.

⁹ *Agolli N.* Vallja shqiptare e burrave (epika). Tiranë, 1997. F. 229.

¹⁰ Здесь и далее автор приводит термины на тех языках/говорах, на которых они были получены от информантов. Для албанских терминов используется форма записи, приближенная к литературной норме с использованием албанского алфавита, поскольку албанский язык был выучен информантами в школе; славянские термины приводятся латиницей, при последующем использовании в тексте термины русифицируются.

¹¹ *Новиќ А.А.* Македонци-мусульмане Албани: этнографические материалы экспедиции 2008 г. // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9.* СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 85–90; *Новиќ А.А.* Традиционный костюм македонцев-мусульман в Албани (по материалам полевых исследований 2008 – 2009 гг.) // *Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений.* СПб, 2009. С. 285–289.

¹² *Hanna J.L.* Dance, sex, and gender signs of identity. Dominance, defiance, and desire. Chicago, 1988. P. 4.

¹³ Подр. о ритуале бритья жениха см.: *Толстой Н.И.* Бритье // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1: А–Г. М., 1995. С. 261–262.*

¹⁴ *Державин Н.С.* Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах у современных народов // *Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламандскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Часть первая.* СПб., 1907. С. 267, 277.

¹⁵ Алва (*halva) в традиции славян-мусульман Голо Бордо готовится на все важнейшие праздники и события: Байрамы, поминальные обеды и т.д.

¹⁶ Об институте кумовства у исламизированных македонцев см.: *Лиманоски Н.* Кумството и побратимството кај македонците муслимани во Западна Македонија // *Историја, фолклор и етнологија на исламизираниите македонци.* Скопје, 1987. С. 293–303.

¹⁷ *Bogdani R.H.* Vallëzimi popullor shqiptar. Lirika. Tiranë, 1997. F. 36.

¹⁸ Мое согласие было обусловлено исследовательским интересом и подкреплялось занятием борьбой самбо в юношеском возрасте.

¹⁹ В некоторых болгарских локальных традициях, прежде чем вывесить флаг на крыше, его надо было «обыграть» (да е заигран), т.е. с ним надо было станцевать хоро три-пять раз. *Узенёва Е.С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010. С. 145.

²⁰ Подробнее см.: *Узенёва Е.С.* Болгарская свадьба... С. 146.

VIII. Славянские культуры: диалектика глобального и национального

М.В. Силантьева

(Государственная академия славянской культуры, Москва)

Философия языка Григория Сковороды и Досифея Обрадовича

Abstract:

Silantieva M.V. *The philosophy of language of Gregory Skovoroda and Dosifei Obradovich*

Philosophy of language is a topical issue of intellectual quest in the twentieth century, which had determined not only spiritual, but also political processes of the age. Yet Slavic philosophers of the eighteenth century Grigory Skovoroda and Dositej Obradović were already concerned with national cultures and their linguistic dimensions. Their version of enlightened philosophy is nowadays still genuinely innovative

Ключевые слова: философия языка, духовные процессы, политические процессы, национальная культура, славянские философы, Григорий Сковорода, Досифей Обрадович

Философия языка – одна из актуальнейших тем интеллектуальных поисков XX в., во многом определившая не только духовные, но и политические процессы своего времени. Экзистенциалисты Н. Бердяев и М. Хайдеггер, представители школы лингвистического анализа и даже неопозитивисты, а также «вожди» тоталитарных государств, включая И. Сталина с его «всемирно-исторической» работой «Вопросы языкознания», – все эти люди потрудились на ниве настоящего «основного вопроса философии» прошлого столетия.

Впрочем, XX в. тут не был одинок. Вопросы языка как основания и стержня культуры поставил И. Г. Фихте (1762–1814) в «Речах к немецкой нации» (1808)¹. Правда, основателем подобного подхода к языку по праву считается В. Гумбольдт (1767–1835), назвавший язык «духом народа»². В Европе идея «прото-лингвокультурологии» буквально носится в воздухе еще в XVIII в. Так, еще до приобретения отчетливых концептуальных контуров в трудах В. Гумбольдта (в частности, в работе 1795 г. «О мышлении и речи»³), сходные мысли появляются на свет, казалось бы, на совсем другой, – славянской, – почве. Их высказывают «просветители словенские» XVIII в. – Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) и Досифей Обрадович (около 1742–1811).

Жизненный путь Григория Саввича Сковороды представляет интерес в контексте его философских поисков, которые по сегодняшним меркам

укладываются в рамки таких направлений, как философия языка, философия культуры и лингвокультурология. Стоит подчеркнуть, что, хотя применения данной терминологии к творчеству Сковороды является некорректным с историко-философской точки зрения, подобная методология «разрешена» с точки зрения философии культуры, поскольку она (в большей степени, чем сама история философии), «актуализирует»⁴ осмысление философского наследия; помогает, как принято сегодня выражаться (вслед за М. Маклюэном), вчитаться в «мэсседж».

Примечательно, что в ряде важных пунктов судьба «первого русского философа» (как назвал Сковороду В. Эрн) удивительно сходна с историей жизни Досифея Обрадовича. Оба получили «школьное» монастырское образование, путешествовали в Европу, где прониклись симпатией к немецкой философии. В литературном творчестве их жизненный путь отмечен примечательным для своей эпохи воссозданием философского жанра басен на почве отечественной словесности. Оба уделяли серьезное исследовательское внимание живому разговорному языку как основе культуры и т.д.

Сын казака Г. Сковорода обучался в Киевской академии, где изучил классические и новые европейские языки (греческий, латынь, древнееврейский, немецкий), философию и литературу. Курс не кончил, и в 1741 г. отправился в Россию, где в Москве и Санкт-Петербурге служил в придворной певческой капелле. Энциклопедия сообщает: «Вернувшись в Киев в 1744 г. в составе двора императрицы Елизаветы, молодой Сковорода вскоре отбыл за границу со свитой генерал-майора Ф. Вишневого – его зачислили на должность певчего церкви русского консульства в Токае (Венгрия), которую собирался строить генерал. Вишевский пригласил Сковороду сопровождать его потому, что тот хорошо пел, мог развлечь игрой на музыкальных инструментах, выступить переводчиком с нескольких иностранных языков, да и просто как земляка и компаньона – умного собеседника.

В 1745–1750 гг. Сковорода вместе с генералом посетил Австрию, Словакию, Польшу, Германию, Северную Италию, где познакомился с учеными и приобрел новые знания – три года обучался в университете Галле у философа и физика Х. Вольфа, одновременно совершенствуя свой немецкий.

Вернувшись в 1753 г. в Украину, Сковорода преподавал поэтику в Переяславской семинарии по собственному новаторскому учебнику. На требование переяславского епископа читать эту дисциплину «по-старому» Сковорода, намекая на некомпетентность епископа в искусстве «пиитики», ответил латинской поговоркой: «Одно дело – посох епископа, другое – палочка музыканта». Тем не менее, решением духовного суда – консистории, Сковорода был устранен от этой должности»⁵.

И далее: «в 1759–1764 гг. Сковорода читал поэтику в Харьковском Коллегииуме, где в основном преподавало духовенство. Ему предлагали остаться в этом учебном заведении при условии принятия монашества, но Сковорода ответил: «Вы желаете, чтобы я увеличил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте!». Смысл жизни

Сковорода видел в скромности, воздержании и аскетизме, «устранении всего ненужного для приобретения нужного». Сковорода был вынужден оставить коллегий, но вернулся в него в 1768 г. как преподаватель «Катехизиса» в «дополнительных классах», готовивших инженеров, топографов, артиллеристов и архитекторов. Под видом Закона Божьего Сковорода читал курс христианской этики «Начальная дверь к христианскому благонравию» и учил молодежь не религиозным догматам, а «поиску в себе настоящего человека». За это уже в следующем году (т.е. в 1769 году – М.С.) он был уволен с должности. Сковорода поселился вблизи Харькова в селе Гужинское, в избушке на лесной пасеке, где написал философские произведения «Асхан» и «Наркис»⁶.

Не удивителен в свете приведенных фактов антиклерикализм Сковороды. Будучи не понаслышке знаком с церковной средой, он был лишен наивности по отношению к «фарисейству» – лицемерию и невежеству, процветавшему здесь. «Либеральная религиозность» деистического толка, очевидно (как и в случае с Досифеем Обрядовичем), не только транслировалась в славянский мир из европейской философии «немецкого разлива», но и имела вполне реальный источник в разложении самой церковной среды, а также в попытках светской власти «изменить формат» объединительной национальной идеи – с сугубо религиозной на общегражданскую. Последнее в России начал делать еще «тишайший» Алексей Михайлович; с успехом продолжил Петр I, чьи светские преобразования имели теоретическую поддержку в трудах «русского Гоббса» – Феофана Прокоповича, «настоятеля» знаменитой Славяно-греко-латинской академии, в свое время твердо поддержавшего юного М.В. Ломоносова⁷.

Философские работы Сковороды, которого до сих пор в русской традиции принято называть «первым русским философом», были созданы им в последние 25 лет жизни, в годы «странствований» по Малороссии и России, т.е. начиная с 1770-х гг.; до этого он трудился в основном на литературном поприще (хотя и здесь, – например, в баснях, – явно присутствует философский контекст).

Сковорода – типичный «философ-одиночка». Он нуждался в диалоге, но не создал при этом никакого «канонического» философского направления, респектабельной «научной школы». Это была «просто философия» – и все; философия как образ жизни и мыслей. У «старичка», правда, имелись не только слушатели, но и ученики, например, Н. Ковалинский. Именно их усилиями, как утверждают некоторые, в 1805 г. был открыт первый в тогдашних границах Малороссии (т.е. исключая Львов) университет в Харькове (императорский указ был подписан годом раньше).

В своих философских произведениях (лучшими из которых по праву называют две работы 1775 г. – «Дружественный разговор о душевном спокойствии» и «Алфавит мира») Сковорода не склонен прямо цитировать древних и новых авторов (исключение составляет Библия – особенно Ветхий Завет). Вместе с тем, его работы полны «скрытых» цитат из досократи-

ков, наиболее узнаваем из которых Гераклит (очевидной аллюзией на этого древнего автора является упоминание в «Алфавите...» об «обезьяне» («мар-тышке») как пародии на человека).

Вследствие симпатии Сковороды к досократикам некоторые русские комментаторы первой трети XX в., – например, Д. Чижевский (в пику В. Эрну), – даже называют Григория Саввича «не украинским Сократом», а «украинским досократиком»⁸.

Очевидно присутствие в сочинениях Сковороды платонизма; менее изучена тема присутствия аристотелизма, – хотя учение о «сродности»⁹ представляет собой почти точную «философскую кальку» понятия «движущей причины» Аристотеля.

Особое место занимает разработанное Сковородой учение о «трех мирах». Первый мир – макрокосм, Бог, «совершенный человек». Второй – микрокосм, эмпирический человек¹⁰. А третий – «символический мир», Библия (она же – «макркосм», т.е. Логос, «логическое измерение», Бог)¹¹ и *славянский фольклор*. Миров, таким образом, оказывается три лишь по видимости. На самом деле их два – «видимый» и «невидимый». «Приоткрытая дверь» в невидимый мир, связывающая его с видимым, – Библия. Библия – то есть Слово Божие, обращенное к людям.

Как же «составлен» «третий мир»? Что он?

В отличие от хорошо знакомой современному читателю концепции К. Поппера, «третий мир» – это не мир знания в его информационно-теоретическом (*что*) и информационно-прикладном (*как*) измерениях. Согласно Сковороде, «Третий мир» – посредник между «бессмысленным телесным болваном» («фигурой», «глиняными душками», «скотом», «внешним человеком») – и «внутренним человеком»¹² (о-смысленным – свободным («охота» в терминологии Сковороды)¹³ и, следовательно, нравственным, существом). «Третий мир» – своего рода *призма*, «память»¹⁴, вне которой невозможна встреча антропологической жажды смысла и его трансцендентного («божественного») присутствия в мире. Это язык в его онтологическом измерении, – смысл, существование которого не «намыслено» людьми, а просто *есть*.

В данном контексте малороссийский философ излагает свои соображения о значении украинского (славянского) фольклора – народной языковой традиции, питающей, координирующей и соединяющей микрокосм – человека – и Макрокосм. Символический мир Библии задает **логические** параметры такого соединения. Язык, на котором думают и говорят, *понимают*, – дает **психологические** параметры возможной встречи смысла и конкретного человека. Язык – «древнейшее из достояний человека»; «язык все тело obraщает и всему голова есть»¹⁵.

Язык таким образом готовит когнитивные структуры сознания («антропологическую религиозность») к принятию трансцендентного начала «второго мира». Мир символов – Библия как адаптация Логоса к человеку, а фольклор – к этому вот историческому человеку – способствует хранению

и передаче знания, помогает «транспортировать смысл» в истории культуры. Как своеобразная «воспроизводящая способность» музыканта удерживает в памяти слушателя открытия и музыкальные откровения композиторов, так общая всем носителям данного языка способность присваивать его воспроизводящую силу дает возможность слышать Слово – Логос, смысл; «открывает уши».

Сковорода пишет: «...мог ли Бог в одной стране и в одном времени поместить весь род человеческий, когда каждому шастие нужно? Возможно-ль, чтоб в одном роде пищи или в двух заключалось здравие? Всемирная Божия економия безчисленную тварь и дыхание троих точию жребиев пропитать может ли? (орфография оригинала – М.С.)»¹⁶. Культура, таким образом, предстает как нахождение «сродности» (своего предназначения) в рамках того времени и пространства, в котором каждый человек находит себя. Это – главное условие счастья. Трансцендентный смысл, воспринятый через «посредничество» родного языка, приходит в мир таким, каким приходит. Главный пафос мысли Сковороды состоит в том, что Логос *возможно распознать*, а не в том, что такое распознание через посредство национально-культурных форм (прежде всего, языковых) требует труда и при этом неточно. С реализацией данной позиции, между прочим, связана симпатия философа к античной культуре – хранительнице открытых смыслов, данных в вечном логическом измерении. Их «лингвокультурное оформление» по определению неадекватно, что и создает импульс личного познавательного стремления через язык и культуру к транслируемому ими смыслу, создает возможность «неидоложертвенного отношения». В «христианском формате» подобное усилие не менее необходимо, хотя и не столь очевидно...

Возможно, из знакомства с немецкой культурой рождается «мистицизм» Сковороды, наряду с антиклерикальными высказываниями философа противопоставивший его официальной церковной богословско-философской науке. Отдельные высказывания (например, о двойственности символа «змия»¹⁷) даже позволяют ряду авторов сделать вывод о «гностическом влиянии» философии Я. Бёме на взгляды русского философа¹⁸. В любом случае, «немецкий след» здесь имеет место; однако его влияние вряд ли стоит преувеличивать.

Внятное знакомство с европейской философией, наличие четкой самостоятельной мысли в контексте общезначимых философских поисков (которые всегда ведутся на конкретном языке, но представляют мысль, не привязанную жестко к одному-единственному способу выражения); антиклерикализм (наряду с либеральной «гражданской религиозностью, полагающей, что религия – частное дело, а не идеология репрессивного государственного аппарата); идеи просвещения народа (без заигрывания с парадоксами «массовой инкультурации книжной занятостью»¹⁹) роднят позицию Г.С. Сковороды с идеями Д. Обрадовича.

Досифей Обрадович создает свои резонансные философские произведения в период, хронологически близкий расцвету творчества Сковороды.

Так, в 1783 г. впервые увидела свет знаменитая книга «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, названного в монашестве Доситеем: им самим написано и издано». При этом не следует забывать, что идеи Досифея Обрадовича имели, с одной стороны, мощный европейско-немецкий контекст в силу обстоятельств его жизни, включая довольно длительное пребывание в Вене, Лейпциге и вольном городе Триесте. Объездил сербский просветитель также Балканы, Малую Азию, Францию, Англию, побывал в России; некоторое время жил в Смирне (Измир), где выучил греческий язык, и в Далмации; посетил Молдову. Тесно сотрудничал с австрийскими сербами²⁰, прежде всего – с «духовным предводителем австрийских сербов» митрополитом Стефаном Стратимировичем. Последний, как известно, предложил (с опорой на размышления Й. Раича и Д. Обрадовича) в 1811 г. – в год смерти Досифея – проект «вассально зависимого сербского государства», спаянного единством языка и культуры (прежде всего, фольклорных ее «корней»)²¹.

Разумеется, далеко не случайным является «пересечение дат» жизни Д. Обрадовича и первого сербского восстания – первый министр образования Сербского государства и советник Карагеоргия был, как известно, активным борцом за освобождение народа, налаживал конфиденциальные контакты с Россией, выступавшей на стороне Сербии. Заметим, что инокультурное доминирование над сербским этносом в это время имело место по двум азимутам – турецкому на юге и австро-венгерскому на севере. Вместе с тем, в литературе довел искусственный «славянорусский язык», далекий от живого разговорного языка²².

Ряд ученых подчеркивает, что деятельность Д. Обрадовича завершает период славяно-сербской литературно-философской школы, с ее ярко выраженной ориентацией на русскую культуру (в том числе, и в ее лексическом «эквиваленте» – чего стоит употребление Д. Обрадовичем в его «Приключениях...» таких слов и выражений, как «странствование», «наипольнейший», «благодарение Богу» и т.д.²³). Вместе с тем, позиция этого деятеля сербской культуры лежит в основе новой сербской литературы и реформы Вука Караджича.

Один из современных российских исследователей творчества Досифея Обрадовича М.В. Белов пишет: «Много воспринявший из культурного обихода Европы, в своих сочинениях он, в отличие от Раича, часто пользовался термином «сербская нация» (Лещиловская И.И. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 89–98), неизменно возвращаясь к вопросу об ее вероятных границах. Впервые позиция на этот счет была ясно выражена в знаменитом «Письме Харалампию» (1783) – своеобразном литературном и общественном манифесте. В основе национальной идентичности, по Обрадовичу, лежит язык, на котором говорят «все сербские сыновья и дочери от Черногории до Смедерева и Баната». Просветитель подчеркивает широту этих пространств: «Не меньше та часть света, где славяно-сербский язык употребляется, чем земля французская или английская, с исключительно малым [числом] различий, которые имеются и

в произношении всех других языков. Кто не знает, что жители черногорские, далматинские, герцеговинские, боснийские, сербские, хорватские (кроме лужа), славонские, бачские и банатские (кроме влахов) на одном и том же языке говорят?» Жители этих королевств и провинций по обе стороны австро-турецкой границы исповедуют разную веру вплоть до ислама в Боснии и Герцеговине, что доказывает: «Закон и веру можно переменить, а род и язык — никогда». Но после того, как «настоящие турки» возвратятся в свои родные края, «босняки останутся босняками и будут, что и прежде были», т.е. представителями сербского рода — нации. В соответствии с деистическими убеждениями. Обрадович предлагал в век Просвещения пренебречь религиозными различиями, поскольку все «законы», т.е. моральные нормы, построены по закону природы: «Бог есть вечная доброта и правда». С высот просветительского «здорового смысла» казалось, что, узрев свет знаний благодаря книгам на народном языке (правда, их надо еще написать), представители разных церквей отвергнут формальности обрядов, чтобы сплотиться в единую нацию. Такова была рациональная теория (или, скорее, — утопия), совмещенная с мечтой о величии. Практика показала, что разум не оберегает от заблуждений, а социальная реальность с трудом поддается переделке. Разъединяющие границы — прочнее ожидаемого»²⁴.

Как видно из сказанного, язык — то, что определяет культуру, конкретный образ жизни конкретного исторического сообщества, — становится важным предметом исследований славянского мыслителя, в том числе, в силу политических причин. Однако философски-культурологический интерес не сводится к политике. Он затрагивает широкий пласт проблематики культурного наследования и культурного самоопределения. Так, в своей книге «Жизнь и приключения...» Досифей Обрадович говорит о «постыдном уклонении» просвещенных людей от того, чтобы писать «на языке жен и детей» — языке, понятном всем. Просвещение, таким образом, трактуется им не просто как адаптация «высокого штиля» к простонародному сознанию (путь, по которому позднее пошел Л.Н. Толстой с его «народной версией» Евангелия). Просвещение — это выражение *найденных смыслов*, «рожденных идей», на языке своего народа, *внятном* этому народу. А значит, речь идет о *таком* «пересказе» — «переводе» сакральных смыслов, который достиг всей возможной полноты понимания и принятия²⁵. Этот пафос Просвещения до сих пор не утратил своего значения; хотя теория «золотого миллиарда» и критика «массового человека» поставила под сомнение необходимость книжного образования как всеобщего и обязательного. С другой стороны, просветительский потенциал направлен скорее не на «всеобщую книжность», а на раскрытие личного потенциала каждого человека, что отнюдь не требует превращения каждого гражданина в ученого-теоретика. Скорее, речь идет об открытии глубин самоопределения личности, делающих ее по-настоящему свободной и *пригодной для повседневной жизни*, где профессиональная занятость не является тяжелым ярмом, но, напротив, раскрывает

личностный потенциал человека на избранном им поприще (от земледелия и гончарного дела до организационно-управленческих специальностей).

Подобно Григорию Сковороде, Досифей Обрадович подчеркивает лживость установок на «чины», знатность и богатство, если они «идут не от доброго сердца»²⁶. «Злое» при этом имеет скорее духовную, нежели социально-нравственную природу: уклонение от разумного употребления своей «природы», отказ от ее познания, губит и самого человека, а не только доставляет неприятности окружающим. То, что «не идет от сердца», разрушает «красоту и мир» в душе; «противно людям». Кстати, «умиротворенность», отсутствие «злой тоски», – одно из центральных определений счастья и у Г. Сковороды... Познание себя – «наиполезнейшее занятие», именно к такому «древнегреческому выводу» приходят независимо друг от друга оба философа. Д. Обрадович подчеркивает, что результат самопознания – «внутренняя тишина духа». При этом ее источник следует искать не в самоуспокоенности, а в стремлении «остерегаться» злого (прежде всего, корысти, подозрительности и праздного любопытства). Казалось бы, рассуждения эти носят сугубо морализирующий характер. Однако результат «ученых упражнений» Д. Обрадовича (как и Г. Сковороды) сформулирован в категориях, имеющих нравственное и общественно-политическое значение – *«независимость и свобода»*. Но эти же слова выражают суть глубинной идентификации человека как человека с точки зрения философии XVIII в. – самопознание кантовских «Критики практического разума» и «Критики способности суждения». Подобное самопознание ведет и к политическому, и к «чисто философскому» результату, каковым еще со времен древних греков полагались праздничная «радость» и «веселье» («счастье» в терминологии Сковороды – и, кстати, Аристотеля).

Радуют сербского философа-путешественника прекрасные творения человеческих рук – венский Пратер (тогда еще большой общественный парк, открытый для посещения с 1766 г., а не собрание аттракционов), сады и дворцы Шёнбрун и Бельведер. Досифея, «сироту без отца и матери», вдохновляет возможность беспрепятственно посещать эти жемчужины человеческого гения, видеть своими глазами красоту мира – других стран и другого образа мыслей. Радость приносит и общение с соплеменниками – сербами. Рассуждение о могилах родных и близких заставляет философа признать суеверием и идолопоклонством «поклонение внешнему»: «Что есть человеческое тело бессловесное, без разумной души, которая оживляет его мыслью?»²⁷ Ссылаясь на последние часы жизни Сократа, Д. Обрадович говорит о «предании земли – земле»: тело «закопай, где хочешь»; бессмертная же душа уповает на «небо», на то, что идет от бессмертного Бога и дается «праведной душе руками Божьими».

Мысленно глядя на небо (здесь явно узнаваема формула литургического возгласа: «Возведем очи горе!»), человек может вникнуть разумом в *скрытое* и познать разницу своего существования в двух измерениях: как существа внешнего, тленного, – и существа бессмертного, «внутреннего».

Следует подчеркнуть, что данное противопоставление, свойственное обоим славянским философам, в качестве богословского источника имеет скорее всего развитую Блаженным Августином идею апостола Павла о «внутреннем человеке»²⁸, а вовсе не гностическую парадигму, воспринятую от «немецких мистиков», как иногда полагают.

В ходе знакомства с рассуждениями Д. Обрадовича у читателя складывается образ его героя – честного и порядочного человека, не боящегося трудностей, готового к труду и лишениям. В них он видит не только тяготы, но и возможность работы над собой, над своим «внутренним я». В числе доступных для Досифея (как и для Сковороды) трудов – освоение иностранных языков, их преподавание частным лицам; работа переводчика. Особый смысл приобретает при этом установка на свособразный «компаративный анализ», реализованная в многослойных странствиях с неизбежным «вращением» в иные языки и культуры. Зачем? Чтобы принести избранное – «зерно» культуры – в родную почву, найдя там созвучие обретенному смыслу, либо усердно культивируя новое, ранее неизвестное ей. Тема, близкая академической истории отечественной философии, раскрывает содержание такого компаративизма как поиск «единого во многом и много в едином»: национальная философия существует (если она существует) именно как философия, но не как «национальная». В противном случае перед нами «местечковость» и, выражаясь словами Сковороды, «раздутые завертасы».

Нелицеприятно представлены Обрадовичем в «Жизни и приключениях...» (как и в трудах Сковороды) сановитые церковные деятели. Они не устаивают ответом просителей; противодействуют созданию полноценных семей людьми, чьи судьбы сложились неблагополучно (имеется в виду запрет на очередной брак для второбрачных вдов, что, по мысли Обрадовича, разлагает в государстве систему нормального семейного воспитания) и т.д. Однако его антиклерикализм не направлен против религии как таковой. Скорее Досифей, как и Сковорода, стремится обосновать светскую модель государства, в котором церковь выступает не «надмирным» судьей, а рядовым общественным институтом, подчиняющимся контролю со стороны общества, его нравственным и правовым нормам. Не церковь, а Бог судит человека. Церковь призвана помочь человеку быть собой, т.е. быть с Богом; это – ее место в мире. Она в этом смысле не параллельный государству контролер поступков, мыслей и чувств. Ее задача скромнее и благороднее: способствовать просвещению народа. Именно в таком просвещении, доходящем «до сердца» каждого человека, Д. Обрадович (как и Г. Сковорода) видел главную цель всякой социально организующей силы; именно с должным развитием такой силы связывал он идею нации как культурного целого. В числе своих покровителей и друзей Досифей называет людей, имеющих церковный сан. Среди полезных же наук, изучаемых светскими людьми, наряду с философией и эстетикой, Досифей называет естественную теологию. Люди не должны быть подобны скотам. А это предполагает такое их развитие, которое открывает возможности для поиска собственного пути.

И уж конечно церковь не должна мешать просвещению. Для этого она неизбежно должна трансформироваться таким образом, чтобы выступать не надсмотрщиком, а пастырем, способным прислушиваться к «голосу народа». Быть может, удобно считать Досифея «нечутким»²⁹ к «свету Христову» пропагандистом идей европейского Просвещения на сербской почве, уклонившим свой народ от христоцентризма византийского образца и увлекшим его в сторону «испорченной», заземленной европейской культуры. Полагаю, однако, что удобство данной позиции не лишено лукавства: критикуется просвещение, каким оно *стало* в наши дни – вырожденная модель, многократно подменившая уважение к естественному разуму опорой на неразумную обиденную прагматику. В контексте «естественного разума» живой язык – это язык, касающийся смысла, а вовсе не «технизированный» язык общества потребления. Последний так же отличается от языка народной культуры, как современный язык базара отличается от нормального разговорного языка. Главная мысль славянских просветителей XVIII в. не заимствование немецких философских идей (как видим, по крайней мере, в области философии языка здесь имеет место Гумбольдт *до* Гумбольдта). Главная находка – в открытии того пласта отношений человека со смыслом (т.е. культуры!), который не принадлежит исключительно сфере книжности, но живет как мудрость и правит поведением простых людей, имеющих, по старой русской поговорке, «царя в голове». Народная культура, таким образом, рассматривается как «двухслойная»: в ней потребительский пласт, получивший позднее название «массовой культуры», соседствует со своеобразным «элитным пластом», несущим в себе концентрированное отношение к смыслу, выраженное как на уровне образных рядов, так и на уровне внятных концептов. Потребительство («массовая культура») выражено в так называемом «элитном» слое власть придержащих не менее заметно. Просвещенческий пафос для обоих славянских философов выражается в подчеркивании роли и значения «высокого слоя» народной культуры. Богатство смысловых источников, имеющих общеславянское происхождение, и в этом случае оказывается мысленной «призмой», – столь ценимым Досифеем «материнским языком». Призмой, которая пропускает в сознание человека свет божественной истины в доступной его вниманию форме.

Таким образом, философия языка Григория Сковороды и Досифея Обрадовича демонстрируют сходство основных подходов и положений. Близость теоретических и практических источников, послуживших основанием для размышлений на тему языка и его роли в жизни народа, сходство биографии и другие факторы, определившие социокультурный контекст философских поисков данных авторов, не объясняют в полной мере отмеченный «парадокс изоморфизма». Остается предположить, что «витавшие в воздухе» идеи выразили некоторый этап развития европейской культуры, – ее готовность к трансформациям социокультурных систем по новым основаниям. В частности, по языковому принципу.

Примечания

- ¹ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М., 2009.
- ² Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370–381.
- ³ Гумбольдт В. О мышлении и речи / Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 301–302.
- ⁴ Ср.: Богданов Б.В. История философии как история философских проблем и их решений // Философские науки. 1965. № 6. С. 54–61; Каменский З.А. Методология историко-философского исследования. М., 2002.
- ⁵ Г.С. Сковорода. Электронный ресурс: <http://history.vn.ua/book/person/38.html> (дата обращения 02.04.2012); Г.С. Сковорода / Сборник. Электронный ресурс: <http://litopys.org.ua/fdm/fdm52.htm> (дата обращения 31.03.2012).
- ⁶ Г.С. Сковорода. Электронный ресурс: <http://history.vn.ua/book/person/38.html> (дата обращения 02.04.2012).
- ⁷ Димов В.А. Наследие Ломоносова и современность // Мир перемен. М., 2011. № 4 (2011). С. 170.
- ⁸ Чижевский Д.И. Философия Сковороды // Путь. № 19. за 11.1929 г. С. 24–25. Электронный ресурс: <http://odinblago.ru/path/19/2/> (дата обращения 31.03.2012).
- ⁹ Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит или букварь мира // Сад божественных песней. Харьков, 2009. С. 44–45, 64–83.
- ¹⁰ См.: Дамке А. Е.. Проблема человека в философии Г. С. Сковороды. Электронный ресурс: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=619&bin_rubrik_pl_articles=69 (дата обращения 31.03.2012).
- ¹¹ Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит... С. 79, 82, 96, 108.
- ¹² Там же. С. 47, 76, 107–111.
- ¹³ Там же. С. 96.
- ¹⁴ Сковорода Г.С. Убогий жаворонок // Сад божественных песней. Харьков, 2009. С. 139.
- ¹⁵ Сковорода Г.С. Наркиисс. Разговор 7-ой. О истинном человеке или о воскресении. Электронный ресурс: <http://litopys.org.ua/skovoroda/skov109.htm> (дата обращения 01.04.2012). – Ср.: Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит... С.59.
- ¹⁶ Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит... С. 64.
- ¹⁷ Там же. С. 112.
- ¹⁸ Грибков Т.В. Немецкая мистика и Григорий Сковорода в европейской иррационалистической традиции. Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата филос. наук: 09.00.05 / Львовский нац. ун-т им. И. Франко. Львов, 2006. Электронный ресурс: <http://avtoreferat.net/content/view/5994/67> (дата обращения 31.03.2012).
- ¹⁹ Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит... С.63-67.
- ²⁰ См.: Горан Раденковић. Доситеј Обрадовић и модерне политичке идеје / Међународни научни скуп „Доситеј Обрадовић у српској историји и култури“. Београд. 18. октобар. 2011. Электронный ресурс: <http://www.dositejeva-zaduzbina.rs/aktivnosti/naucni.php#zbornik> (дата обращения 06.04.2012).

²¹ Белов М.В. Этническая, религиозная и пространственная границы на раннем этапе формирования сербской национальной идеологии (конец XVIII – первая треть XIX веков). Электронный ресурс: <http://yandex.ru/yandsearch?р=4&text=%D0%> (дата обращения 31.03.2012). – Ср.: *Бојан Јовановић*. Доситеј и формирање српског културног обрасца. Электронный ресурс: <http://www.dositejeva-zaduzbina.rs/aktivnosti/naucni.php#zbornik> (дата обращения 06.04.2012); *Александра Новаков*. Доситеј Обрадовић и формирање српског националног идентитета у Скопљу почетком 20. века // Там же.

²² *Радченко К.* Обрадович и его литературная деятельность, Киев, 1897.

²³ *Обрадович Д.* Жизнь и приключения. Электронный ресурс: <http://www.argfurniture.ru/gastko/delo/13603> (дата обращения 06.02.2012).

²⁴ Там же.

²⁵ *Обрадович Д.* Жизнь и приключения. Электронный ресурс: <http://www.argfurniture.ru/gastko/delo/13603> (дата обращения 06.02.2012);

Сковорода Г.С. Разговор, называемый алфавит... С. 64–65.

²⁶ *Обрадович Д.* Жизнь и приключения. Электронный ресурс... (дата обращения 06.02.2012).

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Гагарин А.С.* «Номо interior» Августина Аврелия (Блаженного) // Дискурс-Пи. Выпуск 6: Дискурс современных мифологий. Екатеринбург, 2006. С. 64–67. Электронный ресурс: <http://hpsy.ru/public/x3248.htm> (дата обращения 02.04.2012).

²⁹ *Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий*. Святосавское просветительское предание и просвещение Досифея Обрадовича. Электронный ресурс: http://www.mitropolija.co.me/dvavoda/knjige/aradovic-vaspitanje_ru/aradovic-dosifej_ru.html (дата обращения 06.04.2012).

Храм как сакральный и художественный центр некрополя в контексте градостроительных принципов ампира

Abstract:

O.Yu. Robinov. *Temple as a sacred and artistic centre of necropolis in the context of architectural principles of the Empire style*

The article is devoted to an interesting aspect of the nineteenth century urbanisation – necropolis as a typical ensemble of minor architectural forms, and considers its significance for the formation of coherent cultural space.

Ключевые слова: храм, градостроительная функция московского ампира, Ваганьковское кладбище, Пятницкое кладбище, Даниловское кладбище, некрополь.

Исторически территория некрополя складывалась вокруг центра – кладбищенского храма без какого-нибудь определенного плана. Первые ансамблевые планировочные решения в Москве были разработаны в период ампира, в связи с возникновением в конце XVIII в. новых кладбищ за границей города. Территория кладбища, по самому его назначению, замкнута и не открывается в планировку города. Связующими с городом элементами всего архитектурного ансамбля, как правило, является композиция ворот и хозяйственных зданий, выходящих на улицу и повторяющих некоторые архитектурные элементы церкви. Через них церковь, являющаяся композиционным центром планировки некрополя, приобретает значение градостроительного ориентира и для окружающего некрополь района.

Характерным примером создания архитектурного ансамбля некрополя является Церковь Воскресения Слоущего на Ваганьковском кладбище (ул. Сергея Макеева, 15) и окружающие ее постройки.

Ваганьковское кладбище было открыто в 1771 г. во время эпидемии чумы для захоронения умерших чумных больных за Камер-коллежским валом, то есть за пределами границ Москвы того времени. Кладбище основано на месте царского Псаренного двора Ваганьковской слободы, переселенного сюда во второй половине XVII в. от Старого Ваганькова в Занеглименье в район урочища Три Горы и прозванного здесь Новым Ваганьковым¹. Как и Старое Ваганьково, Новое расположено на Звенигородской дороге. В 1773 г. здесь была освящена деревянная церковь во имя Иоанна Милостивого. В настоящее время на ее месте находится памятный знак – небольшая ротонда с колоннами.

В начале XIX в. (20-30-е гг.) на Ваганьковском кладбище возник архитектурный ансамбль, включивший каменную церковь Воскресения Слоущего, ограду и ворота середины XIX в., а также северо-восточный и юго-восточный флигели. Ансамбль Ваганьковского кладбища возник первым среди московских кладбищ и, возможно, послужил образцом для остальных

московских некрополей. Начало формированию ансамбля было положено строительством в 1818–1824 гг. (осв. 1830 г.) на средства купцов Н.Ф. и Д.Ф. Болотновых (Болотниковых-?) новой каменной церкви Воскресения Словущего. Автором проекта, предположительно, считают известного архитектора московского ампира А.Г. Григорьева². У входа на кладбище симметрично расположены корпуса, построенные в 1820–1822 гг. на средства московского обер-полицмейстера А.С. Шурыгина по проекту архитектора А.Ф. Элькинского. В одноэтажных кирпичных зданиях находилась гостиница – «дом для приезжающих помянуть умерших» и богадельня. Вероятно, тогда же между ними появилась ограда и ворота. В 1839 г. к гостинице на средства купчихи А.Ф. Мазуриной была пристроена часовня для отпевания покойников, а богадельня расширена. В завершение ансамбля в 1820–1830 гг. на территории кладбища было возведено много деревянных построек: флигель для сторожей, сарай, баня, погреб, многие из которых не сохранились. Вероятно, тогда же кладбище было обнесено земляным валом и рвом.

Центром некрополя является церковь Воскресения Словущего. Здание храма имеет традиционную трехчастную структуру, вытянутую по единой оси. Центральная часть представляет собой необычную для ампира конструкцию, переключенную с раннехристианскими центрическими постройками. Это купольная ротонда, вписанная в квадрат основания, где барабан купола опирается на конхи полуциркульных экседр по углам основания. С восточной стороны к нему примыкает полуцилиндр апсиды шириной, равной стороне квадрата. С севера и юга в 1861–1864 гг. были пристроены два прямоугольных придела с полукруглыми апсидами. Фасады приделов оформлены четырехколонными портиками тосканского ордера. Подкупольное пространство открывается в эти приделы и в пространство главного алтаря трехчастными арками. С западной стороны к ротонде примыкает широкая прямоугольная бесстолпная трапезная, разделенная двумя продольными полуциркульными арками на три части – нефа. В боковых нефах устроены два придела. Замыкает композиционную ось трехъярусная колокольня, где два нижних прямоугольных яруса несут круглую ротонду третьего яруса звона, переключенную с ротондой основного объема храма. Арки звона оформлены колонными портиками, соответствующими колоннаде тосканского ордера, обтекающей полукруг апсиды. Таким образом, все объемы композиции церкви оказываются связанными в единое целое. Эту цельность не нарушают поздние пристройки, тактично развивающие основные мотивы и усиливающие пластичность архитектурного ансамбля.

Внутри некрополя церковь поставлена так, что к ней сходятся основные аллеи – видовые перспективы, к каждой из которых она обращена одним из своих объемов. Как центр всего ансамбля церковь монументальна, но её архитектура несет в себе также черты камерности, характерные для архитектуры малого ансамбля – некрополя, и уместные для функции кладбищенской церкви места поминания умерших. В то же время, основные мотивы

ее архитектурного декора соответствуют особому стилю окружающих ее произведений мемориальной скульптуры и малых архитектурных форм некрополя. Самые ранние из них, по свидетельству исследователей, относятся к началу XIX в., но значительная часть – ко времени распространения стиля ампир: колонны, перехваченные квадром, колонны, увенчанные вазой, памятники в виде античного жертвенника³.

Другим примером развития темы некрополя может служить церковь Св. Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище за Крестовской заставой (Дроболитейный пер., 5). Пятницкое кладбище было основано, как и Ваганьковское, в 1771 г., во время чумной эпидемии, как находящееся за городской чертой, за Крестовской заставой у паломнической Троицкой дороги, ведущей в Сергиев Посад к Троице-Сергиевой Лавре. Первоначально здесь была поставлена деревянная церковь, освященная в 1772 г. во имя святой мученицы Параскевы Пятницы. Своё название кладбище получило по имени церкви⁴.

В 1830–1835 гг. на деньги, оставленные по завещанию купцом Ф.В. Свешниковым, на прирезанном от земли графа Д.Н. Шереметева участке была построена новая каменная церковь во имя Св. Живоначальной Троицы с приделами мученицы Параскевы Сербской и преподобного Сергия Радонежского. Старая деревянная церковь была разобрана, а на её месте в 1830 г. поставлена деревянная часовня, где помещали умерших перед погребением⁵. В 1916–1917 гг. часовню разобрали и на её месте построили небольшой одноглавый каменный храм в неорусском стиле во имя священномученика Симеона, епископа Персидского⁶. Поставленный по диагонали к Троицкой церкви новый храм усиливает ее ансамблевую связь с планировкой некрополя.

Участок кладбища имеет неправильную форму, поэтому сетка дорожек нерегулярна и только одна из них ориентирована на Троицкую церковь, поставленную у входа. Ось трехчастной церкви перпендикулярна паломнической Троицкой дороге и продолжается в аллее, ведущей от колокольни к вратам некрополя. Церковь поставлена так, что хорошо видна паломникам, идущим по Троицкой дороге, и входит, таким образом, в ряд святынь, сопровождающих паломническое путешествие. Вход в некрополь подчеркнут двумя домами притча (северный и южный одноэтажные корпуса), сооруженными одновременно с церковью и составляющими с ней стилистически единый ансамбль.

Основной объем Троицкой церкви представляет собой квадрат, внутри которого четыре мощные опоры, соединенные арками и перегородками с его угловыми стенами, образуют четко выраженный подкупольный крест. Опоры несут полуциркульные арки, на которые опирается высокий световой барабан с полусферой купола. Алтарная часть отмечена полуцилиндром апсиды с конхой, диаметр которой равен диаметру купола. Симметрично апсиде с запада пристроен также полуцилиндр, скрытый снаружи под кровлей трапезной. Внутри церкви он способствует созданию пластически сложного

пространства. Снаружи центральная часть храма представляет собой монументальный кубический объем с неглубокими шестиколонными тосканскими портиками на северном и южном фасадах, увенчанный куполом на высоком барабане, с пластическим объемом которого перекликается объем апсиды.

Одноярусная трапезная с подчеркнутыми горизонтальными линиями фасада соединяет храм с трехъярусной колокольной. Колокольная открывает ансамбль для всех проходящих по Троицкой дороге и подходящих к некрополю. Колокольная так же нарядна, как и храм. Ее связывает с храмом единый оригинальный прием перехода от первого яруса ко второму с помощью ступенчато повышающихся горизонтальных тяг. Такой же прием использован в переходе от основного кубического объема храма к световому барабану. Благодаря этому силуэт церкви приобретает пирамидальность, образует треугольник – графический знак, символизирующий Святую Троицу. Каждый ярус колокольни отмечен тосканским орденом, а верхний – ярус звона представляет собой круглую ротонду с колоннами нарядного коринфского ордера. Ротонда завершена невысоким куполом с изящным высоким шпилем. Особая выделенность верхнего яруса колокольни делает ее праздничным ориентиром, заметным паломникам с дороги издалека.

Третье кладбище, основанное во время эпидемии чумы в 1771 г., было кладбище в слободе Даниловского монастыря с церковью Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище (Духовской переулочек, 1/14). В 1772 г. здесь была построена и освящена деревянная церковь священномучеников Херсонских (Василия, Ефрема, Капитона, Евгения, Еферия, Елпидия и Агафадора). Каменная церковь построена в период с 1828 по 1838 гг. на средства С.Л. Лепешкина и освящена во имя Сошествия Святого Духа. Церковь поставлена в отдалении от входа вдоль центральной аллеи, поэтому воспринимается изначально от апсиды, а затем вдоль северного фасада. В ансамбле нет точки, позволяющей видеть церковь целиком, она воспринимается фрагментами. Такая постановка определила асимметрию ее плана, что не характерно для стиля ампир. В 1905 г. церковь перестраивалась – была сделана пристройка с юга. В ансамбль Даниловского кладбища кроме храма входят северный и южный флигели, здание богадельни и приюта начала XIX в., а также ворота главного въезда.

Градостроительная функция московского ампиря проявляется в архитектурной композиции некрополя, так же как и в композиции городского пространства. Архитектура церкви как центра некрополя, определяющего его стилевое единство, с одной стороны, замыкает его пространство, обособляя «город мертвых» от «города живых», а с другой – через систему архитектурных элементов раскрывается в город, наполняя архитектурную композицию глубинным сакральным смыслом.

Примечания

¹ Паламарчук П.Г. Сорок сороков: в 4-х т. М., 2004. Т. 3.С. 9–64.

² Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы. М., 2004.С.64–68.

³ Там же. С. 66.

⁴ Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. 3. С.167–169.

⁵ Памятники архитектуры Москвы... С. 216–218.

⁶ Там же. С. 217.

Духовные традиции изобразительного искусства в русской культуре второй половины XX в.

Abstract:

А.К. Коненкова. *Spiritual traditions of visual arts in the Russian culture of the second half of the twentieth century*

The article is devoted to the preservation of spiritual tradition in the Russian painting of the second half of the twentieth century. It considers the so called informal art as a direction in the underground culture, which deals with depiction of evangelic motives.

Ключевые слова: русское искусство – искусство православное, традиция нравственных, этических и культурно-исторических ценностей, официальное искусство, «андеграунд», духовные первоисточки.

Начало XXI в. было ознаменовано важным событием в художественной жизни Москвы и России в целом – открытием в 2000 г. Московского музея современного искусства. В нем на основе коллекции русских и зарубежных мастеров XX в. президента Российской академии художеств Зураба Константиновича Церетели и усилиями московских искусствоведов были собраны в едином пространстве картины художников, представителей всех направлений XX в. Первый опыт создания художественной экспозиции нового музея показал: несмотря на то, что культура XX в. представляет собой смешение многих стилевых тенденций и одновременное развитие самых различных художественных практик, искусство XX в. – это целостное явление.

После 1917 г. русское искусство прошло трудный, подчас трагический путь в своем развитии, который во многом был определен не эстетическими поисками, а политическим заказом. Но несмотря на идеологическое давление, начиная с конца 1950-х гг., подспудно, сначала в Москве, а потом и в других городах, стало складываться неофициальное течение в искусстве, противостоявшее официальному и по содержанию и по пластической форме его выражения. Впоследствии оно получило название «другое искусство». За короткое время это новое направление «пережило» весь предшествовавший период «жизни» мирового искусства XX в. от фигуративного до абстрактного, от изобразительных форм традиционной картины, до инсталляций, «объектов» и «перфомансов».

В связи с изменившейся политической ситуацией в нашей стране, произведения художников «андеграунда» – «другого искусства» – с конца 1980-х и в 1990-е гг. стали, наконец-то, открыто экспонироваться на выставках; они стали доступны для обсуждения широкому кругу искусствоведов и художников. Картина художественной жизни в это время была чрезвычайно сложной и пестрой. В художественной практике утвердился принцип – в искусстве возможно все, художник может выражать свое ощущение окру-

жающего мира в любом виде, с помощью любых изобразительных и «неизобразительных» приемов.

При, казалось бы, полном разрушении формы и изобразительного начала в современном искусстве, уничтожении традиционного понимания картины, сейчас все чаще говорится о сохранении русской классической школы живописи и рисунка. Многие искусствоведы пишут сегодня, что система академического художественного образования, основанная на строгой последовательности в овладении профессиональными навыками – формировании у художника точного видения натуры, безупречного рисунка, крепости и точности линии; воспитание чувства цвета, ритма, пластики; развитие композиционного мышления и т.д. – является величайшей ценностью российской культуры.

Существование авангардного и классического искусства не противоречит друг другу, хотя в нашей художественной практике долгие годы эти два течения в искусстве XX в. были противопоставлены. В современном искусствознании многими исследователями авангард понимается как эксперимент, открывающий новые приемы, новое видение мира, по-новому работающий с формой, цветом и пространством, ради более глубокого постижения законов отображения окружающего мира, тем более, что современная наука показала: многое из его явлений человек не может воспринимать своими чувствами, а только с помощью специальных приборов, как результат эксперимента. Самое ценное из открытий авангардного искусства классическое принимает и через систему образования передает последующим поколениям художников.

Такая преемственность возможна только при утверждении единой системы нравственных, этических и культурно-исторических ценностей, хранимых в России уже более тысячи лет. Более тысячи лет русское искусство складывалось как искусство православное, поэтому один из путей восстановления целостности культурного пространства России возможен через следование традициям христианства.

После 1917 г. темы Ветхого и Нового Завета в живописи в официальном русском искусстве стали невозможны, но, как показывают современные публикации, они не исчезли из художественной практики. К религиозной тематике художники обращались, несмотря на запреты и смертельную опасность, стремясь обрести внутреннюю свободу и независимость убеждений и не подчинить свое искусство официальным требованиям и догмам¹.

Этот феномен русского искусства XX в. еще предстоит изучить. Имена большинства художников неизвестны, многие работы пропали вместе со смертью авторов или наследников, многие просто были уничтожены. И сейчас, когда все-таки начинают открываться государственные и личные архивы, восстанавливаются имена незаслуженно обвиненных в формализме, реабилитируются расстрелянные или угасшие в сталинских лагерях, вспоминаются имена погибших на войне или просто отлученных от искусства и умерших в полном забвении, от невозможности жить и дышать без творче-

ства, картина развития русского искусства XX в. становится все более ясной.

Ровесником XX в. был Каптерев Валерий Всеволодович (1900–1981). Он происходил из старинного московского рода и о себе говорил, шутя, что род его берёт начало от средиземноморского пирата². Как написано в одной из двух небольших статей о художнике, найденных в Интернете, Каптерев – художник сугубо московский. Об этом свидетельствует не география сюжетов его живописи, а художественная традиция, к которой он принадлежал³. Его творчество совсем неизвестно. Он начал учиться живописи перед революцией в небольшой частной студии М.Е. Харламова (1915–1917). Затем с 1918 г. учился на живописном факультете во Вхутемасе у известного художника А.В. Шевченко. Был участником объединения «Цех живописцев», позже – объединения «Бытие». В 1933 г. вступил в члены МОССХ, затем был исключен за формализм, а в 1958 г. восстановлен. При жизни состоялась всего лишь одна его персональная выставка – в эвакуации в Алма-Ате в 1943 г.

Первые работы Каптерева датируются 1920-ми годами – это работы, созданные в путешествиях и по результатам путешествий. Еще студентом он совершил свою первую поездку в Среднюю Азию, в 1928 г. был участником экспедиции в Джугарское и Заилийское Алатау, в 1930 г. – в высокогорный Казахстан, в 1931 г. – участвовал в изучении Памира и Таджикистана, часто путешествовал по Крыму. От периода с середины 1940-х гг. до 1956 г. практически ничего не дошло. Много работ Каптерев подарил Казахской картинной галерее, но они были уничтожены как не соответствовавшие принципам социалистического реализма и не востребованные⁴.

Тем не менее, то небольшое из художественного творчества Каптерева, что сохранилось, показывает, что соприкосновение с древними цивилизациями Востока в его путешествиях во многом сформировало содержание его искусства. Его произведения пронизаны ощущением древности, размышлениями о времени, о судьбах культур и цивилизаций. Живописные полотна художника воссоздают единую пространственно-временную духовную среду мировой истории, передаваемую с помощью символов культур различных эпох в сочетании с религиозной символикой.

Наиболее известен период живописи Каптерева, совпадающий со временем «оттепели», – это 1960–1970-е гг. Сохранившиеся картины показывают, что в этот период он открыто обратился к религиозным темам. Им были написаны такие картины, как «Мадонна» (1957), «Брак в Кане Галилейской» (1957), «Плакальщицы» (1959), «Березовая мадонна» (1960-е), «Пророк» (1960-е), «Вход Господень в Иерусалим» (1960-е), «Ангел» (1970-е). В 1976 г. появились картины на темы древнееврейской культуры: «Рукописи Мертвого моря», «Семисвечник», «Старое еврейское кладбище», «Древний завет», «Судный день».

К сожалению, практически нет никакой литературы об этом интересном художнике. Самой фундаментальной публикацией о его творчестве яв-

ляется тоненький каталог, выпущенный в 1990 г. стараниями Елены Владимировны Колат – давнего друга семьи Каптеревых⁵. Имя Валерия Всеволодовича Каптерева несколько раз упоминается на страницах изданной в 2008 г. книги Ольги Осиповны Ройтенберг «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...»⁶ – о забытых именах в отечественном искусстве середины XX столетия. В 1993 г. в галерее «Ковчег» состоялась вторая небольшая персональная выставка В.В. Каптерева, позволившая показать москвичам глубокую религиозно-философскую живопись художника.

Более известно, но узкому кругу специалистов, творчество Владислава Петровича Ваганова (род. в 1938 в Завитинске Амурской области). В Москву он попал, поступив в Суворовское училище. Закончив его, он предпочел не военную карьеру, а профессию художника и с 1960 г. занимался в Московском училище памяти 1905 года.

В 1981 г. в Челябинской картинной галерее состоялась первая персональная выставка Ваганова, которую официальные власти восприняли как религиозную пропаганду и немедленно закрыли: основными темами его картин были евангельские сюжеты. Как вспоминал художник, он всегда любил древнерусскую живопись, был потрясен фресками Ферапонтова монастыря, владимирскими росписями преп. Андрея Рублева. В годы советского атеистического воспитания к теме христианства его обратило стремление к духовному идеалу: «Ко мне, как человеку молодому и жаждущему красоты, все это доходило именно через красоту»⁷.

Сначала Ваганов работал в технике рисунка, но с конца 1970-х гг. все чаще обращался к акварели. Специфические особенности этой техники: прозрачность колорита, размытость очертаний изображения, тонкость цветовых переходов, ее особенная воздушность – наиболее соответствовали стремлению художника передать красоту и духовность. Излюбленными сюжетами художника были «Оплакивание», «Сретение», «Тайная вечеря».

Изображая земные события Евангелия, художник создает идеальное пространство, не заполненное ничем, лишь золотистым или голубоватым светом, который символизирует божественный, небесный мир. Этому идеальному миру соответствуют действующие в нем персонажи: пропорции фигур вытянуты, черты лиц чуть намечены, рисунок создает ощущение бесплотности. Введенные в пространство детали – цветы и растения – сияют как драгоценные камни.

Ваганов свободно владеет рисунком, умело выстраивает композицию, реалистично изображает окружающий мир. Об этом свидетельствуют его пейзажи – также любимая тема художника. Но обращаясь к евангельским темам, он создает условное пространство, вольно обращается с формой, придает символическое значение цвету, подчиняя живописные средства передаче ощущения красоты божественного чуда. «Основа мировосприятия – духовное созерцание, способность слышать музыку природы и духа. Это темы Евангелия», – говорил художник о своих картинах⁸.

В немногочисленных работах, посвященных творчеству Ваганова, отмечалось, что его евангельские работы – уникальное явление художественной жизни России. Только в 1990 г. работы Ваганова были впервые выставлены в Москве и закуплены Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Сложный жизненный и творческий путь привел художника Бориса Георгиевича Биргера (1923–2001) к религиозной теме. Внешне все складывалось благополучно. Он родился в московской интеллигентной семье, его детство прошло в счастливой домашней атмосфере. Под наблюдением мамы он занимался живописью, копированием работ мастеров. В 1933–1936 гг. учился в детской художественной школе при Центральном Доме пионеров. Был настолько хорошо подготовлен, что в 1939 г. поступил сразу на 3-й курс Московского художественного училища памяти 1905 года, а в 1941 г. – в МГАХИ им. В.И. Сурикова. Когда началась Великая Отечественная война, пошел на фронт, был награжден. Вернувшись, восстановился в институте и закончил его.

Творческая жизнь складывалась очень удачно. В начале 1960-х гг. в художественных кругах его едва ли не первым называли в числе тех, кто не просто «подавал надежды», но уже имел имя, кого надо было смотреть, за чьей работой стоило следить⁹.

Перелом произошел в 1963 г. после скандала на выставке в Манеже, посвященной «30-летию МОСХа». Вместе с остальными художниками, участниками экспозиции, его подвергли критике, а когда он с ней не согласился, перестали выставлять на выставках. В середине 1960-х гг. Биргер вместе со многими представителями интеллигенции выступал в защиту «диссидентов». Его исключили из Союза художников, потом из партии, закрыв таким образом возможность официального признания.

Но творческие поиски художника на этом не остановились. Особую известность приобрели написанные им портреты деятелей духовной оппозиции, писателей: В. Войновича, О. Чухонцева, Ф. Искандера, Л. Копелева, Б. Окуджавы, В. Непомнящего, Ю. Даниэля, Э. Денисова, Б. Сарнова, Н.Я. Мандельштам. Среди этих работ одним из самых замечательных и глубоких является портрет Варлаама Шаламова (1967). «После многих лет живописных поисков, когда я писал в основном натюрморты, изредка интерьеры и пейзажи, это была, пожалуй, первая работа, где движение цвета и формы начало, наконец, соединяться и открыло мне возможность подойти к психологическому портрету. Искусству, забытому в конце двадцатого века. Да, возможно, и ненужному нашему времени?» – писал в своих воспоминаниях художник¹⁰. В работе над психологическими портретами, в неизменном стремлении выразить духовное начало в живописи стала складываться совершенно особенная живописная манера Биргера. «Смотришь на портреты, написанные Борисом, и кажется, свет – их материальная основа, и лица вытканы едва ли не из него», – признается друг художника¹¹. Особенность его живописи – светоносность цвета, «самосветящаяся» манера – так называ-

ли этот прием критики. «Мне всегда хотелось писать свет: свет настольной лампы, свечи, солнечный свет из окна...», – писал Биргер¹².

Напряженная духовная жизнь, размышления о проблемах своего времени привели Биргера в 1980-е гг. к религиозной теме в творчестве, сопоставленной с нравственными поисками XX в.: 1981 – «Шествие на Голгофу», 1984 – «Выход с тайной вечери», 1987–1988 – «Воскресение», 1997 – «Тайная вечеря». Сложившийся к этому времени особенный стиль мастера, позволил с помощью живописных средств выразить глубину и многозначность содержания евангельских событий. Гармония колорита, символика цвета, продуманность композиции и пластическая выразительность фактуры – все группируется в единое целое пронизывающим картину светом.

Не признанный на родине, в России, Биргер был широко известен за рубежом. Его персональные выставки с успехом прошли в ФРГ и Великобритании, альбомы с репродукциями картин были изданы в ФРГ. Ему часто предлагали уехать, но он согласился на переезд только в 1990 г., обосновавшись в Германии. И, несмотря на свой отъезд, он писал: «Моя родина – здесь, в Москве. Здесь корни той культуры, которая не просто образовала меня, нет – спасла. В моих картинах не просто – воздух, а "московский воздух"»¹³.

Интерес к поколению художников – ровесников XX в., чье творчество приходится на середину – вторую половину XX в., сейчас усиливается. Это обусловлено не только тем, что их произведения уже стали антиквариатом. Сейчас становится все более очевидным, какой могучий гуманистический заряд содержало их творчество, оставшееся нам в наследство, отмечал С. Сафонов¹⁴.

Говоря о задачах, стоящих перед русской культурой и искусством в начале века XXI, ныне покойный, патриарх Алексей II писал: «Сегодня Россия встает на путь возрождения. Прежде всего, ей нужно преодолеть тяжкое достояние, оставленное ей XX в. Нетерпимость, агрессивность, унижение человеческого достоинства, образа Божия в душе человеческой, приверженность к упрощенным идеологическим схемам, превознесение материальных ценностей, пренебрежительное отношение к духовным и нравственным основам жизни. Можно ли избавиться от всего этого без возрождения подлинной культуры, без очищающего, возрождающего обращения к своим духовным первоисточкам?»¹⁵.

Примечания

¹ Киселев М.Ф. Религиозная тема в творчестве русских художников в эпоху тоталитаризма // Искусство. Приложение к газете «Первое сентября». 1998. №16(88), апрель. С.8–9.

² Сто лет Валерию Каптееву. http://krotov.70mb.ru/VK06_4-5.htm Материалы-1.09.2010.

³ <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7523.php>- 1.09.2010.

⁴ Ройтенберг О.О. Указ. соч. М., 2008.

⁵ Колат Е.В. В.В. Каптерев. Каталог. М.,1990.

⁶ Ройтенберг О.О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были... М., 2008.

⁷ <http://chelyabinsk.rfn.ru/news.html?id=15937>. Материалы сайта - 5.09.2010.

⁸ Цит. по ст.: Киселев М.Ф. Евангельские образы Владислава Ваганова // Искусство. Приложение к газете «Первое сентября». 1998. № 23(95), июнь. С. 8–9.

⁹ http://www.krugozor.org/boris_birger_p2.html. Материалы сайта - 5.09.2010.

¹⁰ http://www.krugozor.org/boris_birger_p2.html. Материалы сайта - 5.09.2010.

¹¹ Борис Цукерман. Памяти друга. О Борисе Биргере, большом художнике и человеке. / <http://www.port-folio.org/2005/part60.htm>. Материалы сайта - 5.09.2010.

¹² http://www.krugozor.org/boris_birger_p2.html. Материалы сайта - 5.09.2010.

¹³ http://www.krugozor.org/boris_birger_p2.html. Материалы сайта - 5.09.2010.

¹⁴ Сергей Сафонов. Живописная формула времени/<http://www.nasledie.rus.ru/podshivka/7523.php>-1.03.2011

¹⁵ Цит.по: Архимандрит Иоанн (Экономцев). XI Международные Рождественские образовательные чтения // Православное образование. 2003. Декабрь. С. 6.

Язык как отражение цивилизационных процессов

Abstract:

Strakhovskaya I.G. *Language as a reflection of civilization processes*

The author makes an attempt to conceive the impact of civilization processes on the language being and underlines the metaphoric nature of modern knowledge.

Ключевые слова: цивилизационные процессы, язык, дискретность, метафора, метафорика, «кольцевой маршрут», вектор технического прогресса.

Язык чутко реагирует на изменения социокультурных ситуаций. Методология системной динамики (Д. Форрестер¹), учитывая взаимовлияние всех элементов, структуру системы, влияние петель обратных связей, внешней среды и др., как считают исследователи, способна выявить чрезвычайно сложное воздействие цивилизационных процессов на состояние языка. Во взаимодействии языка и техники важно понять, существует ли общее направление их дрейфа. Происходит ли их движение параллельно, активизируя друг друга, или язык противостоит напору новой техники, или живет своей собственной жизнью?

Одна из траекторий цивилизационных сдвигов как бы наметила вехи преодоления скоростных барьеров природы. В век самолетостроения преодолен звуковой барьер, освоение космоса показало возможность выхода за пределы первой и второй космических скоростей. Уже в XIX в. В.Ф. Одоевский в романе-утопии «4338 год» сравнил человечество с падающим камнем, который неистанно ускоряет свое движение. В начале XX в. О.Э. Мандельштам в размышлении о природе слова также затронул вопрос ускорения исторического развития: «Правда, должно быть, преувеличение считать каждый год нынешней истории за век, но нечто вроде геометрической прогрессии, правильного и закономерного ускорения, замечается в бурной реализации накопленных и растущих потенций исторической силы и энергии»². Как считал Мандельштам, скорость развития языка несоизмерима с развитием самой исторической жизни, и всякое «насильственное, механистическое приспособление, недоверие к языку, который одновременно – и скоростной, и черепаха»³, всякая попытка прагматически приспособить язык к текущим потребностям общества заранее обречена на неудачу. Со временем становится все очевиднее, что язык живет своей собственной, не всегда логически объяснимой, понятной, но чрезвычайно чуткой к внешним обстоятельствам и событиям жизнью. Увы, его полисемантический, многоплановый, амбивалентный характер все более ослабевает, оскудевает, редуцируется. «Зато каждое слово словаря Даля (всего-то сто пятьдесят лет назад появившегося на свет! – И. С.) есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на

неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»⁴.

Сокращение временных интервалов между сменами цивилизационных и культурных парадигм⁵ стало на протяжении последних пятнадцати лет предметом многих фундаментальных исследований, которые подтвердили отмеченные точки зрения Одоевского и Мандельштама на ускорение хода истории. Но, может быть, именно образы, созданные Одоевским и Мандельштамом, дали толчок к разработке научных теорий, выводы из которых как бы коррелируют со вторым законом Ньютона, в современной трактовке гласящим, что в инерциальной системе отсчёта ускорение, которое получает материальная точка, прямо пропорционально равнодействующей всех приложенных к ней сил и обратно пропорционально её массе, что невольно обращает к мыслям о силах, действующих на историю, цивилизацию, человечество.

Э. Сепир в гипотезе лингвистической относительности сопряг структуру языка со структурой мышления и способом познания внешнего мира. А представления о мироустройстве со временем становятся все более сложными и приобретают герменевтический характер. К. Поппер эпистемологическую проблему попытался разрешить путем сравнения рассуждений Канта и Гегеля: «Кант...хотел ответить на вопрос “как возможна наука?”, или “почему человеческое сознание (mind) способно познавать мир?”, или “как наше сознание может понимать мир?”. Кант рассуждал примерно следующим образом. Сознание способно постигать мир или, вернее, мир, как он представляется нам, потому что...он подобен сознанию..., что он есть материал, *организованный нашим сознанием*»⁶.

Гегеля тоже мучил эпистемологический вопрос «почему наше сознание может постигать мир?» и он тоже, как Кант, считал, что «мир подобен нашему сознанию». Но Поппер указывает, что Гегель пошел дальше Канта, его теория была более радикальной. «Он [Гегель - И. С.] не говорил, как Кант: “потому что сознание *систематизирует* или *организовывает* мир”, а говорил, что “сознание *есть* мир” или еще: “разумное есть действительное; действительность и разум тождественны”»⁷. Отсюда, скорее всего, и возникают современные идеи: «законы мира аналогичны законам грамматики», «текстуализации мира», «интертекстуального сознания», «мира как текста».

Феномен неизбежного исторического изменения языка пристально изучался Сепиром. Он сформулировал понятие языкового дрейфа (drift) и показал, что «дрейфу присуще некое постоянное направление»⁸. Обращаясь к проблеме «человек – текст – семиосфера – история», Ю. Лотман в книге «Среди мыслящих миров» первую ее часть назвал: «Текст как смыслопорождающее устройство». Смыслопорождающие слова, тексты фокусируются в какой-то виртуальный пучок, вследствие чего в структуре мышления, как бы само собой, происходит что-то типа «лазерной накачки», и в критической точке образуется новая структура, или, как у У. Эко, «отсутствующая

структура». Это все происходит на уровне прояснения, усвоения смысла слова, текста, на уровне его понимания.

История техники письма также указывает на наращивание ее скорости. Каллиграфия как искусство красивого и четкого письма, когда перо или кисть плавно двигались под управлением руки, забыта. «Ого! – вскричал генерал, смотря на образчик каллиграфии, представленный князем, – да ведь это пропись! Да и пропись-то редкая! Посмотри-ка, Ганя, каков талант! На толстом веленевом листе князь написал средневековым русским шрифтом фразу: “Смиренный игумен Пафнутий руку приложил”. – Вот это, – разъяснял князь с чрезвычайным удовольствием и одушевлением, – это собственная подпись игумена Пафнутия со снимка четырнадцатого столетия. Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты, и с каким иногда вкусом, с каким старанием!.. Росчерк требует необыкновенного вкуса; но если только он удался, если только найдена пропорция, то эдакой шрифтом ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него»⁹. Шло время, на смену каллиграфии пришла пишущая машинка с громкими, резкими ударами по клавиатуре, а затем персональный компьютер, еще более ускоривший процесс письма. Пластичность форм медленного каллиграфического письма, вытеснилась быстрым, отрывистым, дискретным производством букв, слов, текстов. В этот процесс свою лепту внесли и первый типограф Европы Иоганн Гуттенберг и русский первопечатник Иван Фёдоров.

В 1913 г. А. Крученых и В. Хлебников изложили теоретические положения русских футуристов. В Москве в издательстве «ЕУЫ» вышла пятнадцатистраничная брошюра «Слово как таковое» с иллюстрациями Малевича и Розановой. Там есть такие строки: «Живописцы будетляне любят пользоваться частями тел, разрезами, а будетляне-речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (заумный язык). Этим достигается наибольшая выразительность, и этим именно отличается язык стремительной современности, уничтоживший прежний застывший язык». В статье «Новые пути слова» (1913) Крученых пишет: «Переживание не укладывается в слова (застывшие понятия) – муки слова – гносеологическое одиночество. Отсюда стремление к заумному свободному языку». В этот период творческая интеллигенция, поэты, художники напряженно искали пути и формы выражения ускоренного межреволюционного темпа русской жизни посредством языка. Но с языком происходило что-то непонятное. Как образно выразился Маяковский (1915) о состоянии языка: «умерших слов разлагаются трупики». И он же: «Пока выкипчивают, рифмами пиликают, / из любвей и соловьев какое-то варево, / улица корчится безъязыкая – / ей нечем кричать и разговаривать»¹⁰.

Двумя годами позже Борис Пастернак напишет: «Я и непечатным / Словом не побрезговал бы, / Да на ком искать нам? / Не на ком и не с кого нам»¹¹.

Драма невозможности выразить переживания лавинообразных событий посредством слов-«застывших понятий», непонимания поэтов, невосприимчивости словотворчества мучила Маяковского, не давала ему покоя, о чем говорят цитаты из его статей. «Умер Виктор Владимирович Хлебников. Поэтическая слава Хлебникова неизмеримо меньше его значения. Всего из сотни читавших – пятьдесят называли его просто графоманом, сорок читали его для удовольствия и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только десять (поэты-футуристы и филологи «ОПОЯЗа») знали и любили этого Колумба новых поэтических материков, ныне заселенных и возделываемых нами. Хлебников не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителя. Хлебников создал целую “периодическую систему слова”. Для Хлебникова слово – самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей»¹². Этот материал чувств и мыслей переплавлялся поэтами сначала в художественные образы, многие из которых дали импульс ученым на их основе строить научные теории. Приведенные выше строки написаны Маяковским в 1922 г., а в 1923 г. в статье «С неба на землю» он с сожалением отмечает: «Еще в восемнадцатом году т. Ленин указывал в “Правде” на необходимость выработки для статей краткого “телеграфного” языка. В речи т. Калинина на четвертом съезде работников печати – тоже призыв – упрощать “стиль” – внешность, форму наших статей»¹³. А Хлебников: хотел «найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова»¹⁴. Хлебников занялся алхимией слова, пытаясь формой преодолеть содержание.

К данной Мандельштамом характеристике языка «скороход–черепаша» можно добавить оппозиционную пару «синхрония–диахрония», введенную в широкий обиход Ф. де Соссюром и безусловно зависимую от цивилизационных изменений. Он рассматривал понятия «синхрония» и «диахрония» как дополняющие друг друга категории. Пренебречь, упустить одну из них «значило бы видеть лишь половину действительности». Однако попытку объединить в рамках одной методологии синхронию и диахронию Соссюр не считал возможным. По мнению К. Леви-Строса, даже самая элементарная языковая структура существует одновременно как в синхроническом, так и в диахроническом измерении. Понятия «синхрония» и «диахрония», активно воспринятые филологами, лингвистами, философами, культурологами, заняли ключевые позиции в методологии современных исследований.

Множащиеся научные теории в корне не устраивали Мандельштама и подталкивали его к поиску нового пути исследования слова, текста. Ему казалось, что их можно рассматривать не только как данность сознания, но и подобно естественным наукам, как органы человека, совершенно точно так же, как например, печень, сердце. «В применении к слову, такое понимание словесных представлений открывает широкие новые перспективы и позволяет мечтать о создании органической поэтики не законодательного, а биологического характера, уничтожающей канон во имя внутреннего дви-

жения организма, обладающей всеми чертами биологической науки»¹⁵. Эти широкие новые перспективы исследований виделись Мандельштаму в переносе представлений естественных наук о жизни на живое слово, в активном использовании аналогий. (Приведем в пример «Толковый словарь живого великорусского языка»). Парадокс надежности живого, в отличие от технического, заключается в том, что элементы, входящие в живое, должны погибать, а на их месте должны появляться новые элементы.

В последние четверть века принцип аналогий, ассоциативные переносы из одних областей культуры в другие, даже далекие области, стали использоваться гораздо чаще. Происходит «повальная» метафоризация культуры¹⁶. Метафоры активно используются для иллюстрации подобия между живыми и неживыми формами, так что можно говорить о продолжении и расширении начинаний О. Мандельштама в поисках исследования слова. В разрабатываемых областях знаний всегда необходимо включение новых терминов, понятий. Тут возникают трудности в связи с тем, что все слова-термины уже задействованы, найти новое слово, отражающее вводимое понятие, крайне трудно. И здесь на помощь приходят метафоры¹⁷, используется метафорическое терминообразование – «взмах крыла бабочки» в синергетике, «эгоистичный ген» в генетике и др.

Метафора обладает не только вспомогательными – иллюстративной, терминообразующей, но и основной, по сути дела, главной смыслообразующей функцией, в связи с чем к ней проявляют повышенный интерес со стороны теории познания, логики, когнитивной психологии и междисциплинарности¹⁸. Воспринимая метафоры, по сути дела мы пользуемся плодами чужого воображения. Психологи, показавшие роль метафор в активации правополушарного мышления, утверждают, что они могут быть использованы для непосредственного введения информации в подсознание, для переформулировки проблемы и демонстрации новых возможностей выхода из сложных ситуаций. Неожиданное, как бы игровое, удачное включение метафор в речь или текст способно не только украсить, но и значительно повысить их информационную емкость. Метафорика различных научных дискурсов, текстов гармонизирует работу мозга, сопрягая в единое целое два типа – левополушарного и правополушарного мышлений, старательно разводимых на протяжении долгого времени. Сопряжённое и одновременное их функционирование можно проиллюстрировать структурной формулой культурного архетипа $W=M$, предложенной Чучиным-Русовым, где в рамках единой концепции с помощью гендерных универсалий W и M удалось структурировать базовые законы культургенетики и универсальные правила культурной синхронии-диахронии¹⁹. Им же в работе²⁰ показано, что при системном рассмотрении актуальных базовых концептов современного знания – бинарных ключевых терминов, принятых в разных областях естественнонаучного и гуманитарного знания их общим инвариантом, как и в случае «левого-правого» полушарного мышления, является амбивалентная формула культурного архетипа $W=M$. Это дает основание полагать, неслу-

чайное недавнее появление термина «неоархаика» и сделать предположение, что восходящий вектор технического прогресса линейен, а духовная составляющая культуры и язык как ее отражение находятся на «кольцевом маршруте».

Примечания

- ¹ Форрестер Д. Мировая динамика. М., 2003.
- ² Мандельштам О.Э. Слово и Культура: Статьи. М., 1987. С. 55.
- ³ Там же. С. 60.
- ⁴ Там же. С. 63.
- ⁵ Чучин-Русов А.Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. Кн. 1–2. М., 2002; Панов А.Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1; Чучин-Русов А.Е. Черная дыра истории: 2015 год // Полигнозис. 2007. № 1–4. 2008. № 1.
- ⁶ Поплер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 157.
- ⁹ Достоевский Ф.М. Идиот. М., 1955.
- ¹⁰ Маяковский В.В. Облако в штанах // Маяковский В.В. Собр. соч.: в 4-х т. / под ред. Л.Ю. Брик. Т. 1. М., 1936. С. 103.
- ¹¹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Т. 1. Л., 1990. С. 151.
- ¹² Маяковский В.В. Собр. соч.: в 8-и т. Т. III. М., 196. С. 415, 416.
- ¹³ Там же. С. 426.
- ¹⁴ Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. М., 1913.
- ¹⁵ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁶ Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
- ¹⁷ Седов А.Е. Задачи и принципы анализа метафорических высказываний в проблемных монографиях // Функциональные исследования по лингвистике. Вып. 6. М., 1998. С. 20–26.
- ¹⁸ Меньшиков А.А. Методологическая эффективность метафор постнеклассической науки // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 4. С. 124–127.
- ¹⁹ Чучин-Русов А.Е. Единое поле мировой культуры... С. 141–146, 413–420.
- ²⁰ Чучин-Русов А.Е. Концепты современного знания // Вестник славянских культур. 2012. № 2. С. 5–12.

В.С. Глаголев
(Государственная академия славянской культуры, Москва)

Славянские транзитивы и мировой кризис этнокультурной идентичности

Abstract:

Vladimir Glagolev V.S. *Slavic transitivity and world crisis of ethnic and cultural identity*

Is there any possibility of sustaining interactions between Russia and Slavic countries today? An invaluable asset for this interaction is the knowledge about each other collected by our nations in the past. First and foremost, it concerns the symbolic capital of historical memory in its mosaic combination of positive and negative components. Expanding the cultural space of the Russian language on the basis of Russia's philanthropic endeavours is more than a symbol of our interest in cooperation, this is a possibility to give ground to new cultural initiatives and revitalisation of historical experience.

Ключевые слова: транзитив, экономический кризис, этническая идентичность, культурная идентичность, славянские культуры, исторический анализ, культурологический анализ

Алармистские подходы и суждения о судьбе славянства в третьем тысячелетии заполняют страницы научных и популярных изданий. Тональность публикаций имеет разные эмоциональные и аналитико-содержательные векторы, – от «похоронных», включающих в себя злорадно-ликующие ноты, до ностальгических рецептов возвращения в «золотой век» славянства. Но был ли он, славянский «золотой век»? Или же его образ сложился в тех статьях и монографиях, авторы которых проявили зачарованность магическим кристаллом, сквозь который вглядывались в историческое прошлое? Свойства этого кристалла коварны. Он позволяет конструировать. Реконструировать и интерпретировать события прошлого, освобождаясь от противоречий, угрожающих целостности выдвигаемых концепций. Либо – по соображениям политико-идеологической ангажированности. Либо – в силу того, что ожидание лучшего настоящего и будущего неприметно проецируется на прошлое, снижая значение одних его компонентов, ослабляя смысл других и превеличивая значение третьих.

Складывающимся абберациям способствует и труднодоступность (а нередко – отсутствие) документальных данных: архивы «чистились» в прошлом и неохотно отдают свои тайны ответственным современным исследователям.

Историческая память испытывает давление более поздних идеолого-психологических конструктов, искажающих реальное соотношение событий прошлого и их смысл в настоящее время. Достаточно вспомнить, как в советское время замалчивались оценки К.Н. Леонтьевым, занимавшим пост русского консула в Османской империи, реального положения славянских общин в составе этого государства. Вспомнить, как долго балканская и отечественная историография после 1945 г. до распада социалистического бло-

ка обходила молчанием многочисленные случаи негативного отношения славянского населения, адаптировавшегося к турецким порядкам, к русским солдатам-освободителям и т.д. Вне поля зрения оставалось и длительное влияние турецкой культуры на ряд славянских общин, принявших ислам, освоивших тюркские обычаи, бытовую и музыкальную культуру и т.д. Образ «турецкого ига» представлялся в форме военно-государственной политико-идеологической настройки, которая встречала устойчивое сопротивление всех якобы слоев славянского общества. В действительности же тотальное неприятие этой культуры существовало в православных монастырях, воспроизводивших базовые установки православного мировосприятия и мироощущения в море бесчисленных взаимодополняющих воздействий иного социокультурного порядка. Этот порядок принимался конвенционально: беспощадность действий турецкой администрации в случае открытого сопротивления вошла в славянские поговорки.

Но маски медленно прирастали к лицу. Факт «отуреченности» населения Южной Болгарии признало правительство Тодора Живкова в конце 1970–1980-х гг., проводя систему акций по изменению имен и вызвав тем самым волны устойчивого сопротивления значительной части болгарского населения, проявившиеся и в активизации его миграции в соседнюю Турцию.

Католическое славянство – не новость для Балкан, как и для стран Центральной Европы. Здесь, опять-таки, реалии истории сказывались на трансформации системы базовых аксиологических ценностей, смысложизненных ориентиров и векторов культурного сотрудничества. Правда, в чешских регионах под влиянием событий европейских революций 1848 г. еще в середине XIX в. произошел «взрыв» симпатии к России как к возможному гаранту славянской языковой, культурной и государственной независимости. Поведение австрийских солдат славянского происхождения во время Первой мировой войны продемонстрировало их явно выраженное нежелание сражаться за интересы Австро-Венгерской империи. Потоки сдававшихся в плен русским войскам в ходе их победоносных наступлений были, как известно, весьма ощутимыми, создавая большие трудности российской тыловой администрации, вынужденной обеспечивать австрийским военнопленным более или менее сносные условия жизни.

Однако эти потоки резко сокращались в ситуациях, когда военное счастье определяло успех австро-венгерских армий. Последующая деятельность чехословацких легионеров в условиях Гражданской войны в России показала приоритеты озабоченности их руководства возвращением на Родину ценой уступок своим недавним злейшим врагам. Это, в частности, определило и трагическую судьбу Верховного правителя Белого движения адмирала А.В. Колчака, сданного «красным» Иркутска на условиях пропуска чехословацких эшелонов к Владивостоку. С этими эшелонами отправилась в том же направлении и часть российского золотого запаса.

Славянство в Польше в своей основной массе ориентировалось на воссоздание польской национальной государственности путем открытой вооруженной борьбы с царской администрацией. Это был путь национальных восстаний от Т. Костюшко до активного участия в революционных событиях 1905 г. на территории России. Движение за советизацию Польши, несмотря на последовательные усилия Коминтерна, не дало ощутимых результатов, – что предопределило статус Ю. Пилсудского как «начальника» польского государства. Советские войска в 1944–1945 гг. обеспечили контроль над польской территорией, сопровождавшийся множеством трагических столкновений с формированиями «Армии Крайовой», ведшими борьбу в подполье до начала 1950-х гг. Эта борьба принесла многочисленные жертвы той и другой стороне. Ее трагическая безысходность стала лейтмотивом фильма А. Вайды «Пепел и алмаз».

Движение «Солидарность» 1970–1980-х гг. имело четкую позицию дистанцирования от России, – не исключавшую, разумеется, признательное отношение к российским диссидентам, сочувствовавшим ее национальным устремлениям. Аналогичную оценку со стороны постсоветского чешского президента В. Гавела получило и выступление группы диссидентов, протестовавших на Красной площади против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.

Приведенные исторически факты демонстрируют бесплодность усилий идеализации российских отношений со славянами на основании таких конструктов, как «голос крови», «общая религия» и «общая историческая судьба». В российско-украинских отношениях последнего времени эти конструкты также не работают. Сходным образом отнюдь не они, а прагматические экономические расчеты определяют негативные оценки белорусских властных структур российскими СМИ в последнее время. Идеализация инерции общности исторической судьбы в военной трагедии 1941–1945 гг. не в состоянии нейтрализовать систему претензий, предъявляемых, как правило, каждой из сторон наметившегося политического противостояния.

За исключением Белоруссии, отличающейся как особым геополитическим положением, так и стратегической привязанностью к России, другие славянские страны апробируют в настоящее время сочетание векторов экономического, военно-политического и культурного сотрудничества, с далеко не во всем совпадающих со среднесрочными и долгосрочными интересами России. Разность интересов касается, в первую очередь, участия ряда славянских стран в НАТО и ЕС. Первое требует от России изменения военно-политической конфигурации оборонительных структур, включающей меры по нейтрализации неожиданностей, связанных с укреплением натовских позиций на ближайших подступах к центрам российского государства. Участие в Европейском Союзе резко сужает для России возможности экономического и научно-технического маневрирования, ориентированного на своеобразие исторических связей и опыт сотрудничества славянских элементов в постсоветском пространстве. Как следствие, возрастает и влияние

бюрократических процедур, обеспечивающих координацию стран ЕС в научно-техническом, экономическом и культурном пространстве.

Одним из последствий этих тенденций становится возрастание роли английского и немецкого языков в коммуникационном взаимодействии членов ЕС и, соответственно, снижение популярности русского языка в кругах славянского населения новых членов ЕС. Инерция культурной значимости сохраняется, но она не подкрепляется экономической, политической, научно-технической и технологической значимостью, – что создает предпосылки для потребностей в русском языке сужающегося круга специалистов по сотрудничеству с Россией и слоя гуманитариев, посвятивших себя углубленному изучению российских реалий. При усиливающейся ориентации славян на сотрудничество с Западом русофильские круги в этих странах рискуют получить статус изолированных и специализированных структур, оказывающих минимальное влияние на характер принимаемых политических решений в сфере взаимодействия с Россией. Это повлечет за собой снижение компетентности в подготовке и принятии сценариев сотрудничества этих стран с Россией и усиление значения «натовско-эзовских» схем и алгоритмов, установившихся и отработанных на основе опыта «холодной войны». Дальнейшее использование подобных моделей повлечет за собой утрату понимания своеобразия российских реалий, готовности и способности реагировать на них своевременно и адекватно. Последнее неминуемо приведет к дальнейшей дистанцированности этих стран от России.

Существует ли возможность сохранения взаимодействия со славянскими странами как с партнерами России особого типа? Здесь бесценным представляется основательное многовековое и многоплановое знание друг друга нашими народами. На первый план выступает бесценный капитал исторической памяти и исторического опыта в его мозаичных сочетаниях негативных и позитивных компонентов. При всех поворотах исторической судьбы мы были членами одной семьи – семьи, в которой распри и полосы взаимного неприятия друг друга сочетаются с периодами взаимного признания, необходимости друг в друге тех, кто может рассчитывать, наряду с прагматическими преимуществами, на благородство безвозмездной помощи и поддержки в трудных испытаниях исторических судеб.

Есть смысл выделять в отношениях с этими странами в настоящее время позитивные моменты, подчеркивать их значение как совместного вклада в общий ресурс взаимопонимания и сотрудничества. Нецелесообразно отдавать с нашей, российской, стороны, образ народов, входящих в славянскую семью, в орбиту спекулятивных усилий конъюнктурных СМИ и амбиций недобросовестных политиков. В информации о славянских странах (начиная с Украины) следует четко отделять все то лучшее, что выработала наша совместная история; уважать его и транслировать как составную часть обязательного знания нашего совместного исторического пути. Нецелесообразно вместе с тем широко транслировать негативные моменты политической конфронтации, конфликтов, отсутствия взаимопонимания. Демон-

стративная сдержанность российских СМИ по отношению к этим сюжетам, осознание аморальности спекуляции на них могут стать «мостиком», ведущим к расширению зоны взаимного уважения и признания лучшего в ментальности, психологии и культуре каждого из славянских народов.

Расширение культурного пространства русского языка на основе безвозмездного усилия России – не просто символ нашего интереса к сотрудничеству, но и возможность расширения тех его площадок, на которых можно созидать события культуры и придавать историческому опыту актуальное звучание.

Мудрость российской дипломатии предполагает также гуманитарную политику в направлении достижения взаимопонимания между теми славянскими народами, которые в последнее десятилетие испытали трагедию межнационального противоборства, в том числе, и военными средствами. Славянские школы, славянские культурные центры, систематически поддерживаемые Российской Федерацией и культурной общественностью страны являются теми структурами, где ныне разобщенные и испытывающие недоверие друг к другу люди разных славянских общин смогут активизировать и возродить дух братского взаимопонимания и надежду на сотрудничество на основе принципов братской любви и уважения неотъемлемых прав друг друга на мир и счастливую жизнь.

IX. Рецензии

А.Л. Шемякин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Сербы о русских – «от России до России»

Abstract:

Shemyakin A.L. *Serbs about Russians: «from Russia to Russia»*

This is a review-article of the anthology published by Miroslav Jovanović in 2011 in Belgrade under the title «Serbs about Russia and Russians. From Elisabeth Petrovna to Vladimir Putin, 1750–2010». This volume includes a wide range of Serbs' recollections about Russia and Russians, which chronologically embraces more than two centuries and the historical space «from Russia to Russia».

Ключевые слова: имагология, Россия, Сербия, историческое пространство, мемуары, антология.

В 2011 г. в Белграде увидела в свет объемистая (на 857 стр.) антология, представить которую (и именно в данном сборнике, учитывая его тематику) сам Бог велел. Речь идет о проекте Мирослава Йовановича: «*Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина. 1750–2010*»¹. Это тем более оправданно, что имагологический подход не чужд и пишущему эти строки.

Проект являет собой обширный свод свидетельств сербских очевидцев о России и русских², охватывающий хронологически более двух с половиной столетий и обнимающий *историческое* пространство: «от России до России». Взятое в отдельности такое свидетельство, – отложившееся в виде отрывка из мемуаров, путевых заметок или письма, газетной (журнальной) публикации или главы из популярной брошюры, – имеет значение всего лишь локальной иллюстрации (хотя и в них встречаются попытки синтетического осмысления увиденного), однако рассмотренные в совокупности, за два с половиной века, они приобретают характер репрезентативного корпуса, анализ коего создает возможность для широких обобщений в контексте данного *пространства*. В этом мощном и консолидированном информационном потенциале настоящей антологии (а он может использоваться и как самостоятельный фактор в русле имагологического подхода – вкупе с противоположным взглядом: «Русские о Сербии и сербах», – и как серьезное подспорье при исследовании социальной и культурной истории собственно России и опосредованно – Сербии) состоит ее очевидная научная ценность. Составленная М. Йовановичем антология является *первой* публикацией такого рода в сербской историографии.

Сам составитель, профессор, д-р Мирослав Йованович, – известный эксперт по истории России (СССР); русско-сербским (советско-югославским, и снова российско-сербским) отношениям и их методологии³; исследователь феномена русской эмиграции на Балканах во всех его «измерениях», в том числе – через призму встречи и знакомства носителей двух родственных, но различающихся культур⁴. Постоянное присутствие коллеги М. Йовановича в российском научном поле⁵ свидетельствует о признании⁶ и, как следствие, – устойчивой востребованности таких его штудий в России. Помимо оных, он знакомил нашу общественность с *реальным* состоянием собственной страны (и причинами его породившими)⁷, причем, что важно, в *рациональной* манере профессионала⁸, чего при описаниях Сербии довольно часто не хватает.

Весь этот приобретенный опыт и позволил ему во всеоружии подойти к подготовке масштабного проекта «Сербы о России и русских» (фактически и методологически тщательно подготовленным⁹), что наглядно проявилось уже в первых печатных апробациях отдельных материалов *антологии*¹⁰...

И здесь особо должно подчеркнуть, что она органично вписывается в совместный российско-сербский научный проект «Русские и сербы (сербы и русские): особенности взаимного восприятия», который успешно реализуется Институтом славяноведения РАН и Институтом новейшей истории Сербии. Важно, что работа Мирослава Йовановича идет параллельно с деятельностью российских ученых, готовящих «зеркально отраженный» корпус источников. Напомним, что первый том предложенной нами серии: «Русские о Сербии и сербах» напечатан в 2006 г.¹¹. Сейчас на выходе – второй¹². Уже осмыслена и сформулирована концепция третьего. Серия эта охватывает период второй половины XIX – начала XX в. А по первой половине XIX в. активно работает наш авторитетный коллега, профессор М.В. Белов, уже отметившийся рядом заметных публикаций¹³.

Такие совместные и *одновременные* исследования имеют серьезную научную перспективу: комплексное изучение привлеченных «двусторонних» свидетельств очевидцев позволит значительно уточнить наши представления об особенностях перцепции России и русских в сербском обществе (Сербии и сербов в русском) в рамках длительного исторического процесса; вскрыть ее «долгоиграющие» аспекты, не зависящие от смены эпох; показать (опять же в динамике) ее эволюцию: как в моменты «совмещения» былых абстрактных представлений на расстоянии и впечатлений от конкретных встреч с русской (сербской) реальностью, так и в ходе *массовых* контактов русских с сербами, связанных, как правило, с «минутами роковыми» – Восточный кризис 1875–1878 гг., Русская революция 1917 г., освобождение Югославии в 1944 г. ... Все это поможет освободиться от целого ряда стереотипов, до сих пор бытующих в массовом и научном сознании сербов и

россиян. Антология М. Йовановича (а также вторая – аналитическая – часть его проекта) призвана сыграть в этом важном научном «предприятии» немаловажную роль. Мы не сомневаемся и в том, что исследовательское осмысление этого беспрецедентного по богатству материала и хронологическому охвату источникового корпуса (ожидаемое во 2-й части) позволит пересмотреть ряд «шаблонных» представлений и оценок, присутствующих кое-где и ныне в сербских исторических «трудах», ведущих происхождение либо от категорического незнания России и русских, либо от инерционного воздействия былых идеологических схем.

* * *

Совокупность привлеченных М. Йовановичем авторов (более сотни) и вышедших из-под их пера наблюдений о России нагляднейше демонстрирует «сквозную» амбивалентность ее восприятия сербами. Причем, – что очевидно из источников, вошедших в антологию, – она является основной *константой* сербской рецепции России и русских на протяжении двух с половиной веков. Начиная с представлений знаменитого деятеля Первого Сербского восстания начала XIX в. протоиерея Матии Ненадовича (а здесь возможно говорить и о более раннем восприятии – с 30-х гг. XVIII в.) в глубоко позитивном, хотя и *мистическом*, смысле¹⁴; и до вроде бы *рациональной* (и негативной) позиции начальника сербского Главного штаба в войну 1877–1878 гг., генерала Косты Протича¹⁵. Казалось бы, это касается конкретных условий Нового времени.

Ан нет! Показательно, что и нынешние взгляды сербов отличаются тем же: от «Путине – Србине!»¹⁶ (что собственными глазами лицезрел автор этих строк в Белграде 23 марта прошлого года¹⁷) и стихов, ему посвященных¹⁸, до некоей «Путинской джамахирии» и «мрачньачкој Русији»¹⁹... Перед нами – амплитуда восприятий, где крайние точки – всегда необъективны! Почему? Тому еще в 1912 г. поставил весьма точный «диагноз» Радован Казимирович: «Мы, сербы, к сожалению, очень мало знакомы с культурными условиями и обстоятельствами (а мы бы еще добавили – и политическими. – *А.Ш.*) жизни наших братьев – русских»²⁰, с чем был согласен Матия Ненадович, и что (за редким исключением) присутствует и в нынешних представлениях сербов о России. Как «безгранично» русофильских, так и откровенно русофобских.

Пролить свет на реальную (объективную) *природу* восприятия России в сербском обществе на протяжении двух с половиной столетий и призвана антология (а равно и дальнейший анализ ее материалов), подготовленная М. Йовановичем.

Примечания

- ¹ Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија. Приредио М. Јовановић. Београд, 2011.
- ² В антологию составитель включил фрагменты 148 произведений, вышедших из-под пера 106 авторов.
- ³ См., например, его недавнюю работу: *Јовановић М.* Србија и Русија. 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва–Србија. Белград–Россија. Сб. документов и материалов. Т. II. Обществено-политическе вези 1804–1878. Београд–М. / М.–Београд, 2011. С. 14–38.
- ⁴ См.: *Јовановић М.* Русскаја емиграција на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 193–220; *Он же.* «Русској песне тесно под јужним небом, ей нужно пространство, высокое небо...». Образ Балкан в восприятии русских беженцев. 1920–1940 // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 246–276.
- ⁵ См. его новейшую публикацию: *Јовановић М.* «Србија, Србија, жаль мне тебя, проклятая Германия идет на тебя...» Русская помощь Сербии в 1914–1915 гг.: историографическая зарисовка // Величие и злыя Российской империи. Международный исторический сборник. М., 2012. С. 367–376.
- ⁶ М. Јовановић входит и в состав международной редколлекции российского периодического издания «Русский сборник».
- ⁷ Србија о себе / Редактор-составитель М. Јовановић. М., 2005.
- ⁸ См. *Јовановић М.* Что с нами произошло? // Србија о себе. С. 17–36.
- ⁹ Корпусу источников составитель предпослал теоретико-методологическую статью о «двух Россиях» в сербском массовом сознании; о возможности сугубо внутренних манипуляций именем России и ее «образом»: *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима... С. 11–42.
- ¹⁰ См.: *Јовановић М.* Сима Милутиновић-Сарајлија у (о) Русији 1846–1847 године // Руски алманах. Бр. 15. Београд, 2010. С. 108–137; *Исто.* Једно заборављено сећање на Санкт-Петербург / Милан Савић. У Русији 1871. // Руски алманах. Бр. 16. Београд, 2011. С. 211–226.
- ¹¹ Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
- ¹² В качестве «рекламного» шага мы уже опубликовали один из вошедших в него документов (см.: *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 397–439).
- ¹³ См.: *Белов М.В.* Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розеллион-Сашальский описывает Сербию // *Studia Balkanica.* К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 58–68; *Он же.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX в.: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских. М., 2011. С. 38–65, и др.
- ¹⁴ *Прота Матеја Ненадовић.* Депутација у Русију 1804. // Срби о Русији и Русима. С. 97–106.
- ¹⁵ *Станић М.* Коста Протић о Русима // Мешовита грађа. Књ. XXI. Београд, 2003. С. 95–101.
- ¹⁶ «Путин – серб!» в звателном падеже.
- ¹⁷ 23 марта 2011 г. Путин прибыл с однодневным визитом в Белград. И все улицы в центре города были буквально обклеены плакатами с его портретом и вышеприведенной надписью.
- ¹⁸ *Радоман Радовић Доки.* Православном братском руском народу и његовом президенту Владимиру Путину // Срби о Русији и Русима. С. 845; *Исто.* Председнику Владимиру Путину, Владици Алексеју, браћи Русима // Срби о Русији и Русима. С. 846.
- ¹⁹ *Михајло Михајлов.* Србија призива «мрачњачку Русију» // Срби о Русији и Русима. С. 847–853.
- ²⁰ *Казимировић Р.* Русија: културна писма // Исто. С. 294.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Отторгнутые по Рижскому миру¹

Abstract:

Labyntsev Ju.A., Shchavinskaja L.L. *Torn away in line with the Treaty of Riga*

In 2010, the Byelorussian historian A. Zagidulin from Grodno published the monograph «Byelorussian question in the Polish national and confessional politics in Western Byelorussia, 1921–1939» (in Byelorussian). It deals with the dramatic events in Byelorussian history, which took place after the signing of the peace-treaty of Riga in 1921. The author, using as a basis a large amount of archival and literary sources, discloses the essence of the policy of the Polish authorities towards the Byelorussians in the «Second Rzeczpospolita».

Ключевые слова: история Беларуси, история Польши, Рижский мирный договор, национальная политика, конфессии.

История II Речи Посполитой, межвоенной Польши, с ее острейшими национальными проблемами по сей день привлекает пристальное внимание специалистов из многих стран. Это государство, возникшее в 1918 г., оказалось в самом центре серии драматических событий, закончившихся Второй мировой войной. Обстоятельства сложились так, что в результате заключенного в 1921 г. Рижского мирного договора к этой новой Польше на востоке были присоединены огромные территории, которые после распада Российской империи уже стали частью других государственных образований, созданных белорусским, литовским и украинским народами. В подобных условиях по отношению к самоопределению этих народов с польской стороны это была тогда самая настоящая агрессия, чреватая будущими трагическими последствиями, в том числе и для самих поляков. Очень точный ответ на то, почему так случилось, мы можем найти в словах, пожалуй, самой известной во II Речи Посполитой и практически забытой ныне песни-гимна «Pierwsza Brygada» («Первая бригада»): «Dzisiaj już my jednością silni. Tworzymy Polskę – przodków mit» («Сегодня мы сильны единством. Творим мы Польшу – предков миф»).

Последствиям подобного созидания в национальной и конфессиональной сферах на части восточных воеводств межвоенной Польши, преимущественно белорусской, и посвящена рассматриваемая книга. Ее автор, А.Н. Загидулин, провел большую поисковую работу в ряде архивов Беларуси и Польши, проанализировал значительный литературный материал. Один из основных выводов исследования А.Н. Загидулина состоит в том, что «на протяжении всего межвоенного периода польским правительством не была выработана однородная программа национальной политики. Большинство планов, созданных представителями власти, сводились к концепции государственной ассимиляции белорусского населения II Речи Посполитой. Целью такой ассимиляции было превращение белорусов в полноценных граждан Польши с помощью разных комплексных мероприятий по прививанию им идеалов польской госу-

дарственности. Программы отличаются только степенью жесткости предложенных методов. Поворот к национальной ассимиляции наблюдается в конце 30-х годов, когда изменяется общественно-политическая ситуация в Польше и власти приходят к выводу, что прежняя политика никаких изменений в национальном вопросе фактически не принесла» (С. 61).

Общий вывод автора книги: «В целом национальную и конфессиональную политику польского государства в Западной Беларуси можно охарактеризовать как неудачную, вредную для белорусского населения. Она не принесла ожидаемых результатов польским властям, так как не реализовала своей основной цели – ассимилировать белорусов, а только породила с их стороны негативное отношение к польской государственности. Ошибочными были формы и методы реализации этой политики, направленные на принуждение и ликвидацию, которые использовала государственная администрация. Слабо выраженное чувство национального самосознания белорусов пробуждало в польских правящих кругах надежду на легкую и быструю колонизацию белорусов. В реальности же в межвоенный период произошел рост национального самосознания последних, который был результатом в том числе и негативных отношений к государственному аппарату и польским общественным и культурным институтам» (С. 150).

Учитывая необычайную сложность и неоднозначность многих современных трактовок событий тех лет представителями разных стран, можно сказать, что монография А.Н. Загидулина, являющаяся одним из новейших историко-аналитических путеводителей по национальным проблемам восточноевропейского межвоенного двадцатилетия, несомненно должна быть оценена положительно. Конечно, далеко не все важные вопросы рассмотрены в ней, даже о самом понятии «Западная Беларусь», весьма ныне дискуссионном, говорится всего лишь в двух абзацах, при этом собственное мнение автора монографии на сей счет вообще не приводится (С. 7). Не подлежит сомнению, что оно, это понятие («Западная Беларусь»), остается в числе самых востребованных в белорусской исторической науке и одновременно пока научно малообоснованных. Ощущается насущная необходимость не только проводить в данном направлении какие-то индивидуальные исследования, но и организовывать специальные научные симпозиумы, прежде всего международные. Для специалистов по межвоенному двадцатилетию это особое поле деятельности, где необходимо участие не только белорусских ученых, но и зарубежных, в первую очередь литовских, российских, польских, украинских.

Видимым достоинством рассматриваемой монографии А.Н. Загидулина является прием раскрытия польской политики, опираясь на обзор и цитирование большого числа архивных документов, в том числе практически впервые вводимых в научный оборот. Вместе с тем, ряд получивших в последние годы распространение важнейших документальных источников, в том числе и изданных, им почему-то не используется. Например, «Krótki zarys zagadnienia białoruskiego» («Краткий очерк белорусского вопроса»)², хотя по

меньшей мере половина этого более чем четырехсотстраничного документа напрямую касается темы книги А.Н. Загидулина. Примечательно, что составители данного документа в ряде случаев вынуждены были также употреблять понятие «*Białorus Zachodnia*» («Западная Беларусь»), особенно часто в именовании Коммунистической партии Западной Белоруссии³.

Не попали в список использованных А.Н. Загидулиным литературных источников такие значительные для понимания польской национальной и конфессиональной политики работы как «*Wyprawa w Dwudziestolecie*» («Путешествие в Двадцатилетие») (Kraków, 2000) нобелевского лауреата Чеслава Милоша, участника тех событий, мнение которого о той давней Польше вызывает сейчас в польском обществе очень разную реакцию. Нет в этом списке и таких важнейших публикаций как «*Sprawa białoruska*» («Белорусская проблема») (Warszawa, 1931) С. Ельского, сборника статей «*Mniejszości narodowe i wyznaniowe w siłach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939*» («Национальные и религиозные меньшинства в вооруженных силах Второй Речи Посполитой в 1918–1939»), опубликованного в Варшаве в 2001 г., и целого ряда других, например, серии работ митрофорного протоиерея Григория Сосны, в том числе его сборника документов «*Kościół Prawosławny na Białostoczczyźnie w ocenie władz II Rzeczypospolitej*» («Православная Церковь на Белостотчине в оценке властей II Речи Посполитой») ⁵.

Конфессиональная политика польских властей рассматривается А.Н. Загидулиным почти исключительно на примере православной церкви (С. 96–126), белорусам-католикам посвящено всего лишь четыре неполные страницы (С. 141–145). А ведь это по сей день весьма запутанная и чрезвычайно злободневная проблема, суть которой прекрасно выразил в 1940-е гг. знаменитый белорусский ксендз Адам Станкевич в своих рукописных заметках: «Преимущественно из Польши проникал в Белоруссию католицизм, и поляки здесь его насаждали. Отсюда совершенно естественно, что уже в своей у нас колыбели он принимал польскую окраску, польскую форму. Оформившись канонически, после учреждения в Вильне католической епархии в конце XIV в., католическая здешняя церковь была поставлена в зависимость от польской католической провинции с центром в Гнезне. Влияние польское усилилось. Когда же была создана в конце XVIII в. католическая провинция в Российской империи с центром в белорусском Могилеве, Католическая церковь у нас уже была почти целиком полонизирована. Начиная с XIV–XV вв., польское общество сознательно поддерживало польские влияния в Католической церкви в Белоруссии и Литве, ясно отдавая себе отчет в том, какую пользу кроют в себе для Польши эти страны. Недаром поляки в XIX в., восставая против царской России и стремясь отреставрировать Польшу, повторяли, что без Белоруссии и Литвы нет Польши!» ⁶.

Своеобразным отрицательным апогеем воплощения польской национальной и конфессиональной политики стало создание в 1934 г. на территории Брестчины специального концлагеря в Березе Картузской, просуществовавшего вплоть до последних дней II Речи Посполитой (осень 1939 г.).

Сюда попадали даже священнослужители, а православные узники составляли 13 %⁷. Наше знакомство с архивом этого концлагеря, хранящимся в Бресте⁸, позволяет утверждать, что его материалы – ценнейший источник для глубинного анализа сущности самых крайних мер, использовавшихся польскими властями для искоренения национального инакомыслия. Думается, что в дальнейшем, при продолжении своих исследований, А.Н. Загидулину обязательно нужно использовать этот архив и обратить внимание на саму проблему, связанную с историей концлагеря, о котором в его книге упоминания нет.

В заключение хочется подчеркнуть, что монография молодого гродненского историка А.Н. Загидулина, оцениваемая положительно, рассматривается нами как залог дальнейшей успешно начатой им работы, несомненно нуждающейся в продолжении. Хочется, чтобы и его исследования со временем получили такую же внутригосударственную и международную поддержку как это имеет место в случае с близкими по тематике трудами соркалетнего польского историка В. Слешинского⁹, живущего совсем рядом с ним, в Белостоке, на книги которого А.Н. Загидулин ссылается.

Примечания

¹ *Загидулін А.М.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): Манаграфія. Гродна, 2010. 183 с.

² Этот документ был подготовлен и даже размножен в ограниченном числе экземпляров в 1928 г. в Варшаве Вторым отделом Генерального штаба Польши, польской военной разведкой, носившей обиходное название Экспозитура (Ekspozitura). Любопытно, что в 1980-е – начале 1990-х гг. он был издан белорусами Польши в переводе на белорусский язык, но это почему-то осталось неизвестным современным публикаторам данного объемного документа А. Пашкевичу, А. Вашкевичу и А. Чернекевичу. См.: *Arche*. 2007. № 11. С. 93–421; *Кароткі нарыс беларускага пытання*. Мінск, 2009.

³ *Krótki zarys zagadnienia białoruskiego*. Warszawa, 1928. S. 264 и многие другие. – Мы пользуемся копией этого документа, находящейся в нашем архиве.

⁴ Перечень некоторых таких его работ см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная церковь на Белосточчине в работах протоиерея Григория Сосны. Минск, 1994.

⁵ *Ks. Grzegorz Sosna.* Kościół Prawosławny na Białostocczyźnie w ocenie władz II Rzeczypospolitej: Wybór dokumentów. Sytuacyjne sprawozdania Urzędu Wojewódzkiego w Białymstoku z lat 1928–1939. Ryboły, 1991.

⁶ Цит. по: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусская культура и литература накануне XX столетия // *Белорусско-российский диалог*. М., 2006. С. 20–21.

⁷ *Śleszyński W.* Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej 1934–1939. Białystok, 2003. S. 98.

⁸ Государственный архив Брестской области. Ф. 98.

⁹ *Śleszyński W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2007.

Содержание

От редколлегии	3
I. Образ России в славянских странах	
<i>И.Ф. Макарова.</i> Идея болгаро-русского братства в «Надгробном слове митрополиту Киприану» Григория Цамблака	5
<i>Л.И. Ивонина.</i> Шляхтянки и горожанки Смоленской земли в составе Речи Посполитой	11
<i>Ласло В. Мольнар.</i> Медик и педагог Янош Орлай в России	21
<i>И.И. Калиганов.</i> Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгарях ее русских участников	32
<i>М.С. Ващенко.</i> Образ России в публицистике Анте Старчевича	50
<i>М.М. Фролова.</i> «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.)	61
<i>П.А. Искендеров.</i> Сербы и Россия: противоречивость взаимных ожиданий	74
<i>А.В. Ганин.</i> Трудоустройство и профессиональная реализация русских генштабистов-эмигрантов в 1920–1930-е гг.	91
<i>В.И. Косик.</i> Младороссы между двумя войнами (из идейно-теоретического наследия)	96
<i>В.В. Марьина.</i> Визит Эдварда Бенеша в Москву: славянский вопрос (декабрь 1943 г.)	106
II. Славянские народы в эпоху образования современных наций	
<i>И.И. Лециловская.</i> Культурные учреждения и общества в Хорватии и Славонии в годы хорватского национального Возрождения	119
<i>С.М. Фалькович.</i> Джузеппе Мадзини, славянство и польская поэзия	129
<i>И.В. Чуркина.</i> Варианты создания национальной церкви у южных славян католического вероисповедания и русские славянофилы	132
<i>А. Рего.</i> Развитие общественного движения за воспитание детей дошкольного возраста в Закарпатье	139
III. Из истории славяноведения	
<i>Л.П. Лаптева.</i> И.И. Срезневский и его научные контакты с чешским славистом В. Ганкой (К 200-летию со дня рождения русского ученого)	151
<i>Е.П. Аксенова.</i> К вопросу о попытке создания центра славянской библиографии	167
<i>Л.Н. Будагова.</i> Праздник науки: к юбилею С.В. Никольского	174
<i>Л.Н. Будагова.</i> Юбилей замечательного ученого: Иво Поспишил	181
IV. Славянские народы во второй половине XX в.	
<i>А.Б. Едемский.</i> Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам)	188
<i>А.С. Стыкалин.</i> Международный кризис 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии и ситуация на советско-румынской границе после 21 августа (по донесениям партийного руководства Советской Молдавии в ЦК КПСС)	202
<i>Э.Г. Задорожнюк.</i> Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля	212
<i>О.Н. Майорова.</i> Курс на реформы, «улучшающие» социализм, и деятельность польской оппозиции (1982–1987)	226

<i>В.В. Волобуев.</i> «Русский фактор» во взглядах политической оппозиции ПНР и правящей элиты современной Польши	237
<i>Е.Л. Валева.</i> Зарождение и развитие диссидентского движения в Болгарии	246
<i>Н.В. Коровицына.</i> Десятилетняя динамика современного общественного мнения: Польша, ЧР, Словакия, Венгрия	258
V. Взаимовлияния и параллели в славянских литературах	
<i>Л.Ф. Широкова.</i> Трансформация образа русского в словацкой прозе второй половины XX в.	271
<i>О.В. Цыбенко.</i> Символика и гротеск в прозе Ю. Кавальца («Украсть брата», «Большой праздник на стройке»)	280
<i>Милутин Мичович.</i> Негош и современная сербская поэзия	285
<i>Н.Д. Блудилина.</i> Реалистический символизм и мифотворчество поэзии Милутина Мичовича	293
VI. Современные исследования в славянском языкознании	
<i>Аница Влашич-Анич.</i> «От бытия» капуцинского новооткрытые памятники хорватскоглаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности	308
<i>Убавка Гайдова.</i> Функциональные зоны дека в тексте Конниковского Евангелия	327
<i>Т.И. Вендина.</i> О смысловой структуре языка традиционной духовной культуры	334
<i>М.М. Валенцова.</i> Из карпато-балканских схождения в области мифологической лексики	345
VII. Традиционная духовная культура славян	
<i>Т.А. Агапкина.</i> Изофункциональность и синонимия в фольклоре, верованиях и обрядах, связанных с деревьями	363
<i>С.А. Иникова.</i> К вопросу о липованских иконах	373
<i>П.А. Серин.</i> Трансформация традиции: пояс в культуре русских старообрядцев-липован Добруджи в XX–XXI веках	398
<i>Д.С. Ермолин.</i> Танцы и борьба в контексте свадебной обрядности славян-мусульман области Голо Бордо (Албания). Полевые материалы 2009 г.	408
VIII. Славянские культуры: диалектика глобального и национального	
<i>М.В. Силантьева.</i> Философия языка Григория Сковороды и Досифея Обрадовича	420
<i>О.Ю. Робинов.</i> Храм как сакральный и художественный центр некрополя в контексте градостроительных принципов ампира	432
<i>А.К. Коненкова.</i> Духовные традиции изобразительного искусства в русской культуре второй половины XX в.	437
<i>И.Г. Страховская.</i> Язык как отражение цивилизационных процессов	444
<i>В.С. Глаголев.</i> Славянские транзитивы и мировой кризис этнокультурной идентичности	450
IX. Рецензии	
<i>А.Л. Шемякин.</i> Сербы о русских – «от России до России»	455
<i>Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская.</i> Отторгнутые по Рижскому миру	459

